досье III рейха

Петр КРИКУНОВ

КАЗАКИ
Между Гитлером и Сталиным

Крестовый поход против большевизма

досье рейха

Петр КРИКУНОВ

КАЗАКИ
Между Гитлером и Сталиным

Крестовый поход против большевизма

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКСМО»
2005

ББК 63.3(0)62
К 62

Сканирование: vmakhankov
Обработка: Vitautus

Оформление художника *П. Волкова*

Крикунов П.
К 62 Казаки. Между Гитлером и Сталиным. — М.: Яуза, Эксмо, 2005. — 608 с., ил.
ISBN 5-699-09841-0

В книге Петра Крикунова впервые в отечественной историографии предпринята попытка на конкретном историческом материале воссоздать полномасштабную картину участия казаков во Второй мировой войне на стороне Германии.

В книге рассказывается о тех казаках, кто по тем или иным причинам оказался по другую сторону от защищавшего свою Родину и весь мир советского народа. Всем им пришлось расплатиться за свое вольное или невольное, но все же предательство. Многие из них умерли в советских лагерях, часть погибла от лишений и унижений в послевоенной эмиграции, некоторые продолжили свой «крестный поход против большевизма», став членами новых казачьих партий и группировок, которые создавались под покровительством западных разведок. Почти все они понесли одинаковое и самое страшное для любого казака наказание — на многие десятки лет, а некоторые и навсегда потеряли возможность увидеть свой любимый «тихий Дон, светлую Кубань и бурный Терек».

ББК 63.3(0)62

ISBN 5-699-09841-0

© П. Крикунов, 2005
© ООО «Издательство «Яуза», 2005
© ООО «Издательство «Эксмо», 2005

Памяти мего деда Ивана Антоновича Федосова, профессора Московского государственного университета, ветерана Великой Отечественной войны, благодаря которому я занялся историей.

Введение

Воссоздание полной и объективной истории Второй мировой войны по-прежнему остается важнейшей задачей российской исторической науки. Только недавно, с открытием архивов, ранее недоступных для исследователей, появилась возможность обсуждать многие «закрытые» прежде исторические проблемы. Одной из них, несомненно, является тема «советского коллаборационизма» в годы Второй мировой войны. Раньше все эти проблемы попросту замалчивались, а если где-то и упоминался генерал А.А. Власов, «Русская освободительная армия» или казаки в рядах вермахта, то они назывались исключительно предателями, продавшимися нацизму. Сегодня мы наблюдаем прямо противоположную картину. Многие исследователи, на волне столь популярной в последние годы ненависти к советскому государству, крайне односторонне подходят к этой сложнейшей проблеме, называя коллаборационистов или случайными жертвами обстоятельств, вынужденными неизбежной смерти предпочесть предательство, или даже героями, выступившими либо против «античеловеческого сталинского режима», либо против «Сталина и Гитлера» одновременно. Сегодня дошло даже до того, что Великую Отечественную войну называют «Великой гражданской войной 1941—1945-го», когда брат шел на брата, а сын на отца. Между тем само по себе явление «коллаборационизма», особенно «советского коллаборационизма», очень слож-

но и многогранно и требует к себе более пристального и объективного внимания исследователей.

Термин «коллаборационизм» (от collaborate — сотрудничество) начал приобретать политическое звучание только в годы Первой мировой войны, когда впервые начал употребляться отдельно от термина «сотрудничество», обозначая предательство и измену некоторых граждан по отношению к своему государству. В период Второй мировой войны он окончательно отделился от понятия «сотрудничество» и приобрел самостоятельное значение, обозначающее осознанное предательство и измену Родине.

История войн подтверждает, что ни одна армия, действующая на территории оккупированной страны, не может обойтись без сотрудничества с властями и населением этой страны. Более того, оккупационная система без подобного сотрудничества просто недееспособна. Профессор М.И. Семиряга подсчитал, что число граждан, которые в оккупированных странах Европы сотрудничали с врагом, было примерно равно количеству участников движения Сопротивления, с этим врагом сражавшихся.

Однако если для Западной Европы подобное сотрудничество не было чем-то из ряда вон выходящим (достаточно вспомнить, что полиция и местные органы самоуправления продолжали исправно функционировать и во время оккупации), то для истории Великой Отечественной войны тема «коллаборационизма» не только чрезвычайно актуальна, но и особенно болезненна.

Переосмыслить события минувшей войны, отнять у нас эту войну как войну Отечественную, Освободительную, по моему мнению, не удастся. Нет сомнений в том, что именно народы СССР внесли решающий вклад в победу над фашизмом, именно благодаря их беспримерному подвигу мы сегодня просто существуем. Хорошо известно, какая участь ожидала нашу стра-

ну в случае победы Гитлера, — голод, унижение, рабство и страдания в ближайшей перспективе и физическое уничтожение основной массы населения в будущем. Лишь немногие, кто в немецких планах более или менее походил на арийцев, должны были остаться в живых, но при условии полного их онемечивания и отказа от национальной самобытности. Причем это не советская пропаганда, а вполне реальные планы, неоднократно подтвержденные не только немецкими документами, но и действиями оккупантов.

Однако факт остается фактом — ни в одной стране, подвергнувшейся германскому нападению, не нашлось такого количества людей, которые надели форму вражеской армии и приняли участие в войне против собственного государства и его союзников. По оценкам разных исследователей эта цифра колеблется от 800 тысяч до полутора миллионов советских граждан, воевавших на стороне немцев. Причем в нашей стране коллаборационизм существовал во всех своих проявлениях: как на бытовом уровне, так и на более серьезных, — то есть носил административный, экономический и военно-политический характер.

Почему это стало возможным? Здесь наложились друг на друга сразу несколько факторов. Во-первых, сыграли свою роль политические, социальные и национальные противоречия, которые раздирали молодой СССР и которые немцы успешно использовали в своей национальной политике, проводимой на оккупированных территориях. Во-вторых, для некоторой части населения, особенно сильно пострадавшей в годы Гражданской войны и последующих процессов коллективизации, раскулачивания, расказачивания, индустриализации и т. д., нападение Германии стало своеобразным шансом поквитаться за нанесенные Советской властью обиды. В-третьих, большую роль в развитии коллаборационизма сыграло наличие крупной политически активной антисоветской эмиграции, которая

в общей своей массе восприняла нападение Германии на Советский Союз как счастливую возможность реванша за поражение в Гражданской войне. В-четвертых, многие немецкие командиры не были заражены идеей о «расовой неполноценности славян» и были готовы привлекать на службу местных жителей и военнопленных, хотя подобная инициатива порой и пресекалась распоряжениями из Берлина. В-пятых, условия, в которых оказались советские военнопленные и гражданское население, были исключительно тяжелыми. Зачастую согласие служить в коллаборационистских формированиях, стать старостой или пойти в полицаи было единственным шансом выжить, спасти себя и свою семью. При этом многие рассчитывали получить оружие и сразу же перейти к партизанам.

Судьба казачества в период Второй мировой войны сложилась особенно драматично. Этому военно-служилому сословию принадлежит совершенно особое место в нашей истории. В ней было все — и борьба за свободу, и губительные внешние войны, и кровавый террор, и великие победы. Со времен Куликовской битвы казаки верой и правдой служили своему Отечеству. Казачество активно участвовало в расширении территории Российского государства, в освоении новых районов, особенно на востоке России, в защите восточных и юго-восточных границ государства, проявляло исключительную храбрость и героизм во многих войнах, которые вела Российская империя, прежде всего в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах Русской армии в 1813—1814 годах, а также в годы Первой мировой войны, когда оно составляло 2/3 всей конницы Русской армии, представляя в ней иррегулярные войска.

Казачество на протяжении всей своей истории обладало самобытными культурными и историческими особенностями, которые позволяли ему всегда сохранять (или по крайней мере пытаться сохранять) свою

исконную независимость от властей. Все правители нашего государства были вынуждены, так или иначе, считаться с этим удивительным явлением российской истории. К сожалению, любовь к вольнице и независимости не раз заканчивалась для казачества трагически. Естественно, этой «слабостью» казаков старались воспользоваться враги нашего отечества, которые всегда пытались привлечь их на свою сторону. Так, например, в 1812 году Наполеон планировал создать «королевство Казацкое», а прославленный французский генерал Мюрат разрабатывал планы по созданию независимого казачьего государства, чем хотел прельстить и заставить перейти на свою сторону казачьих атаманов. В 30—40-х годах XX века казачья эмиграция и вовсе оказалась на время в центре внимания разведок чуть ли не всех европейских государств, которые планировали воспользоваться услугами казаков в деле свержения большевистского режима в СССР или для установления порядка в собственных владениях. Поляки предлагали начать формирование Донского корпуса в Галиции, французы выделяли казакам автономные территории в Алжире или на границе с Италией, англичане обещали сформировать все тот же Донской корпус, после чего намеревались отправить его в одну из своих многочисленных колоний. Правда, за все эти услуги казакам предстояло бы расплачиваться после скорого, как они были уверены, возвращения на родину: полезные ископаемые, подряды на строительство или некоторые территориальные уступки — все это очень сильно интересовало новых западных «союзников».

Особенности самосознания казаков, приверженность их к своей истории, традициям, ностальгические воспоминания о былой вольнице и боевой славе были четко оценены и советским руководством, и лидерами нацистской Германии. Использовать этот мощный «национальный» фактор попыталась как та, так и другая сторона. Так, например, 20 апреля 1936 года

вышло постановление ЦИК Союза ССР «О снятии с казачества ограничений по службе в РККА». В нем, в частности, указывалось: «Учитывая преданность казачества Советской власти, а также стремление широких масс советского казачества, наравне со всеми трудящимися Советского Союза, активным образом включиться в дело обороны страны — ЦИК Союза ССР постановляет: отменить для казачества все ранее существовавшие ограничения в отношении их службы в рядах Рабоче-Крестьянской Армии, кроме лишенных прав по суду»[1]. Три дня спустя появился приказ наркома обороны СССР К. Ворошилова: с 15 мая 1936 года 10-я территориальная Северо-Кавказская дивизия переименовывалась в 10-ю Терско-Ставропольскую территориальную казачью дивизию. Переименовывалась и 12-я территориальная кавалерийская дивизия, дислоцировавшаяся на Кубани, — в 12-ю Кубанскую казачью дивизию. Аналогичные меры были приняты к 13-й Донской дивизии, к 4-й кавалерийской Ленинградской Краснознаменной дивизии (переименовывалась в Кубанско-Терскую). Указ вызвал большое воодушевление среди всего казачьего населения Советского Союза. Этот опыт формирования отдельных казачьих частей, возрождающий дореволюционные традиции, был продолжен в годы Великой Отечественной войны. За этот период было сформировано более семидесяти казачьих частей, многие из которых удостоились высокого звания «гвардейских». Неудивительно, что вновь образованные казачьи части внесли огромный вклад в дело разгрома фашистской Германии.

Однако огромное количество казаков сумела привлечь на свою сторону и нацистская Германия. Идея реванша за проигранную Гражданскую войну, создания независимого казачьего государства («Казакии») с

---

[1] Цит. по: *Бугай Н. Ф.* Казачество России: отторжение, признание, возрождение. М., 2000. С. 62.

помощью фашистской Германии именно в годы Великой Отечественной войны обрела новое дыхание, а традиции государственной службы и исключительной военной дисциплины превратили казачьи части вермахта в грозное орудие борьбы против советской власти[1].

Именно казачьи части благодаря своему высокому моральному духу, надежности и боеспособности пользовались практически безграничным доверием немецкого командования и занимали не последнее место в системе Германских вооруженных сил. Недаром упоминания о казаках можно встретить во многих мемуарах самых высоких немецких военачальников. Так, например, знаменитый фельдмаршал Э. Манштейн, вспоминая события осени 1942 года, предшествовавшие созданию группы армий «Дон», которая под его командованием готовилась деблокировать окруженную под Сталинградом армию Паулюса, писал: «26 ноября мы прибыли к месту расквартирования своего штаба, в Новочеркасск. В качестве единственной караульной команды в нашем распоряжении был добровольный казачий отряд, который явно рассматривал караульную службу перед нашим служебным зданием как особую честь»[2]. Не менее знаменитый «диверсант № 1» Второй мировой войны — легендарный Отто Скорцени — в своих мемуарах также упоминал о казачьих частях: «Один раз нам (это произошло в феврале 1945 года при обороне Кенигсберга. — *П.К.*) дали в подкреп-

---

[1] В годы войны среди казаков-коллаборационистов даже ходила такая притча: «Узнав, — писал неизвестный казак атаману Е.И. Балабину, — об успешных боевых действиях добровольческих казачьих частей на фронте, Сталин издал приказ о награждении орденом каждого красноармейца, которому удастся взять в плен живым «изменника родины» казака-добровольца». (ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 10. Л. 65.)

[2] *Манштейн Э.* Утерянные победы. М., СПб, 1999. С. 370.

ление роту казаков из состава войск СС, которые предприняли несколько отчаянных ночных вылазок»[1].

К концу апреля 1945 года, когда части Красной армии уже вели бои в пригородах Берлина, а до конца войны оставались считаные дни, на территории, оставшейся под контролем Германии, действовали следующие казачьи формирования:

- 15-й казачий кавалерийский корпус генерала Гельмута фон Паннвица (Хорватия) — от 25 до 30 тысяч человек;
- 1-й казачий полк генерала Зборовского в составе Русского охранного корпуса (Хорватия) — около полутора тысяч офицеров и казаков;
- Казачий резерв генерала Шкуро (Австрия) — до 2 тысяч человек;
- Казачий Стан Походного атамана Тимофея Доманова (Северная Италия) — около 10 тысяч строевых казаков;
- Отдельные казачьи части вермахта.

Всего же, по различным оценкам, к концу войны на территории Германии и подконтрольных ей стран оказалось от 70 до 110 тысяч казаков, включая женщин, стариков и детей. Многие из них были беженцами из Советского Союза, отступившими с казачьих земель вместе с германской армией зимой 1943 года.

Цель данного исследования состоит прежде всего в воссоздании на конкретном историческом материале полномасштабной картины участия казаков во Второй мировой войне на стороне нацистской Германии.

В работе поставлены следующие задачи:

- выявить истоки и проследить развитие идеологии казачьего коллаборационизма в эмиграции;
- сравнить различные политические организации и течения в среде казачьей эмиграции;
- раскрыть политические взаимоотношения казачества и германской администрации в годы войны;
- проанализировать национальную политику Германии по отношению к казачеству в эмиграции и на оккупированных территориях;

---

[1] *Скорцени О.* Диверсия — мое ремесло. Смоленск, 2001. С. 226.

- оценить степень участия казаков-коллаборационистов в организации управления на оккупированных Германией территориях Дона, Кубани и Терека;
- полностью воссоздать историю возникновения и деятельности боевых казачьих формирований в системе Германских вооруженных сил.

Основу данного исследования составили материалы архивов Российской Федерации — Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского Государственного архива социально-политических исследований (РГАСПИ), Российского Военно-исторического архива (РВИА), Государственного архива Ростовской области (ГАРО), Таганрогского и Шахтинского филиалов ГАРО, Центра государственной документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО), Архива Управления Федеральной службы безопасности Ростовской области (УФСБ РО).

Наибольшей исторической ценностью обладают фонды отдела «Российское зарубежье» Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), сформированные на основе богатой коллекции документальных материалов Русского зарубежного исторического архива, основанного в Праге в 1923 году. Особый интерес представляют документы следующих фондов: ф. 5761 — Общеказачье объединение в Германской империи 1939—1945; ф. 5762 — Канцелярия Казачьего национально-освободительного движения в Праге 1941—1944. Здесь хранятся отчеты о заседании казачьих станиц, входящих в эти объединения, переписка казачьих лидеров, в частности Е.И. Балабина с П.Н. Красновым и В.Г. Науменко, письма рядовых казаков, приказы, воззвания, распоряжения, проекты устройства казачьей жизни на территории Дона, Кубани и Терека после возвращения и редакционные материалы казачьей эмигрантской прессы. Все эти документы позволяют практически в полном объеме воссоздать жизнь казачьей эмиграции в Европе в 30—40-е годы. Также в данном исследовании использовались материалы сле-

дующих фондов ГАРФ: ф. 6461 — Канцелярия Донского атамана М.Н. Граббе (1934—1944); ф. 6532 — Маракуев Сергей Владимирович, представитель белоэмигрантского Донского атамана в Чехословакии (1920—1942); ф. 9101 — Донская казачья имени войскового атамана графа М.Н. Граббе станица в Праге (1936 — апрель 1945 года); ф. 5853 — А.А. фон Лампе (1919—1945); ф. 6473 — Т.М. Старикова; ф. 6079 — Союз возрождения казачества; ф. 6464.

Большую ценность представляют материалы, хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политических исследований (РГАСПИ). Документы фонда ф. 69 — Центральный штаб партизанского движения 1942—1944 (разведдонесения с оккупированных территорий, приказы, циркуляры и инструкции для партизанских отрядов) позволяют полностью воссоздать картину жизни на оккупированных территориях. Также эти документы дают представление о численности, составе, вооружении, униформе казачьих боевых и вспомогательных частей вермахта, сформированных на территориях Дона, Кубани и Терека, а также в специальных лагерях на Украине. Интересные документы, затрагивающие проблему коллаборационизма на территории СССР в целом и казаков-коллаборационистов в частности, содержатся в личном архиве одного из организаторов партизанского движения, руководителя Центрального штаба партизанского движения П.К. Пономаренко.

Также при написании данной работы были использованы документы, хранящиеся в Государственном архиве Ростовской области (ГАРО) и его филиалах — Шахтинском и Таганрогском. Так, в фондах ГАРО хранятся отчеты о заседаниях всевозможных комиссий и комитетов за 1943—1945 годы, оценивавших ущерб различных районов, городов и станиц Ростовской области, нанесенный в результате фашистской оккупации, а также проводивших учет семей тех казаков, кто в той

или иной форме сотрудничал с немцами. Материалы, позволяющие увидеть не только официальную оккупационную политику немцев на казачьих землях, но и реальную, проводимую на местах, содержатся в региональных филиалах ГАРО — Таганрогском и Шахтинском. В фондах Таганрогского филиала ГАРО (ТФ ГАРО) хранятся немецкие приказы, воззвания, касающиеся возврата частной собственности казакам, пострадавшим в годы коллективизации, регистрации казаков, оказания материальной помощи семьям казаков, сотрудничавших с оккупационными властями, а также редакционные материалы газеты «Новое слово», издававшейся в 1942—1943 годах.

В Шахтинском филиале ГАРО (ШФ ГАРО) содержатся материалы, позволяющие проследить процесс вербовки в казачьи формирования по некоторым станицам, процентное соотношение казаков и неказаков в органах власти на местах. Большой интерес представляют характеристики, данные немцами некоторым чинам вспомогательной полиции из числа казачества.

В Центре государственной документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) хранятся также очень важные с точки зрения данной темы материалы. Это протоколы заседаний пленумов обкома ВКП(б), касающиеся положения населения области до и после оккупации, в которых анализируются настроения в обществе, подсчитывается количество лиц, как коммунистов, так и беспартийных, сотрудничавших с немцами.

Огромной ценностью обладают документы Архива Управления Федеральной службы безопасности РО (УФСБ РО). В первую очередь это архивно-следственные дела, заведенные на активных участников казачьего движения в годы Второй мировой войны. На основе имеющихся материалов можно воссоздать полную панораму жизни на оккупированных территориях, систему контактов отдельных участников казачьего «осво-

бодительного» движения с немецкими и советскими спецслужбами и результаты этого взаимодействия, понять, какова роль и место советских партизан и разведчиков в том, что немцам так и не удалось объединить казаков-коллаборационистов в единое целое.

В Российском Военно-историческом архиве (РВИА) находится на хранении подшивка послевоенного казачьего эмигрантского журнала «Родимый край», в котором были опубликованы воспоминания активных деятелей казачьей администрации на оккупированных территориях Кубани (*Иваница П.П.* Родимый край. № 48. Сентябрь—октябрь 1963 — № 59. Июль—август 1965), и Ростовской области (*Миллер М.А.* Родимый край. № 34. Май—июнь 1961).

Данные архивов и фондов дополняются уже опубликованными документами и материалами. Здесь в первую очередь необходимо отметить сборник «Материалы по истории Русского освободительного движения (статьи, документы, воспоминания)» (вып. 1—4), под редакцией А.В. Окорокова, Москва, 1997—1999. В этом солидном издании содержится большое количество документов по вопросам казачьего коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны: письма генерала П.Н. Краснова, небольшая часть переписки атамана «Общеказачьего объединения в Германской империи» Е.И. Балабина, различные меморандумы, приказы, декларации, пропагандистские материалы, отрывки из воспоминаний участников казачьего движения на стороне Германии. Большой интерес представляют такие документы из архивов КГБ (материалы допросов некоторых казачьих лидеров, приказы по оккупированным казачьим территориям и переписка), опубликованные историком Л. Решиным (*Решин Л.* «Казаки» со свастикой. Документы из архивов КГБ // Родина. 1993. № 2; *Решин Л.* Публикация материалов допросов барона фон Риттберга // Щит и Меч. 1991. 4 января; *Решин Л.* Воинствующая некомпетентность // Военно-

исторический журнал. 1992. № 2; *Решин Л.* Wlassow-aktion // Военно-исторический журнал. 1992. № 3). Подлинные документы, касающиеся боевой деятельности 15-го казачьего кавалерийского корпуса, опубликованы в приложении к документальной повести Б. Алферьева и В. Крука «Походный атаман батька фон Паннвиц» (М., 1997). В них приводится много конкретных сведений о быте казаков, их службе, воинских обязанностях, системе довольствия, о вооружении и численности казачьих формирований.

В конце 1927 года, в связи с 10-летием Советской власти, донской, кубанский и терский атаманы и правление Казачьего союза договорились о широкой рассылке специальной анкеты с целью выяснить мнение представителей эмиграции о прошлом, настоящем и будущем казачества. Около 90 человек, наиболее видные ее представители (как казаки, так и неказаки) прислали свои ответы: краткие и более подробные, даже целые статьи. Частично эти важнейшие для понимания сущности казачьей эмиграции 20—30-х годов и для анализа всей палитры их политических взглядов материалы опубликованы в сборнике: «Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества» (Ростов н/Д, 1992).

Большое значение для анализа сущности немецкой оккупационной политики, германских планов по будущему переустройству России и взаимоотношений между немецкими и казачьими боевыми частями имеют стенограммы выступления А. Гитлера и других нацистских руководителей, приказы различных немецких ведомств, в первую очередь Министерства по делам оккупированных восточных территорий, и боевые приказы вермахта. Эти документы опубликованы в следующих сборниках: «Преступные цели — преступные средства (документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР 1941—1944)», М., 1985; «Совершенно секретно! Только для командования!»

Стратегия фашистской Германии в войне против СССР (документы и материалы), М., 1967; «Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне Третьего рейха против СССР», Смоленск, 2000; «Мировые войны XX века. Вторая мировая война (в 4 т.), книга 4 (документы и материалы), М., 2002; «Нюрнбергский процесс: сборник материалов» (в 8 т.), М., 1990; *Пикер Генри.* «Застольные разговоры Гитлера», Смоленск, 1998; «Вторая мировая война: два взгляда (хроника и документы)», М., 1995. Некоторые документы, имеющие непосредственное отношение к послевоенной судьбе казачества, опубликованы в сборнике «Тегеран—Ялта—Потсдам» (сборник документов), М., 1967.

Важна для раскрытия данной темы и казачья периодическая печать, которую условно можно поделить на три части — довоенная эмигрантская казачья периодика, периодика военного времени 1939—1945 гг. и послевоенная эмигрантская казачья периодика. Эти источники содержат, без преувеличения, колоссальный фактический материал, к которому, однако, ввиду некоторой его тенденциозности, необходимо относиться критически.

Материалы, опубликованные в газетах и журналах, издававшихся в Париже, Берлине, Праге, Брюсселе и Софии, содержат обширную информацию о жизни казачьей эмиграции, деятельности различных организаций. В первой группе можно выделить следующие издания: «Вестник Казачьего Союза» (издание правления Казачьего Союза в Париже), 1925—1928 годы; «Вольное казачество»; «Ковыльные волны»; «Казачий голос» (орган независимой казачьей мысли, издание самостийников), Париж, 1937—1939 годы.

В годы войны казачья эмиграция продолжила выпуск журналов и газет разной политической направленности: «На Казачьем посту» (журнал-официоз Главного Управления Казачьих войск, Берлин, 1943—1945); «Казачьи ведомости» (журнал, официальный орган Ка-

зачьего управления (Козакен-Ляйтештелле) Дона, Кубани и Терека), Берлин, 1943—1945; «Казачий вестник» (журнал Казачьего национально-освободительного движения), Прага, 1941—1944; «Казачья лава» (центральная общеказачья еженедельная газета, печатный орган Главного Управления Казачьих Войск), Берлин, 1943—1945. В этих изданиях помещались аналитические обзоры политических и военных событий в мире, велись дискуссии о путях развития казачества, печатались различные художественные произведения казачьих авторов, публиковались приказы и воззвания, отчеты о важных событиях и мероприятиях, о деятельности тех или иных казачьих атаманов, а также пространные отчеты о жизни оставшихся в СССР казаков. Материалы о казачьей истории и о жизни казаков в эмиграции публиковались во многих европейских газетах (например, болгарская газета «Слово»; венгерская газета «Esti Hisag»; словацкие газеты «Словак» и «Гардиста»).

Кроме этого, специальные печатные издания (небольшие газеты и боевые листки) издавались во всех крупных казачьих формированиях на Восточном фронте: «Казак» (еженедельная газета при штабе Походного атамана С.В. Павлова), июль 1943 — октябрь 1944; «Казачья земля» (газета Штаба Походного атамана Казачьих войск Т. Доманова), Толмеццо (Северная Италия), 1944—1945; «Казачий клич» (еженедельная газета при штабе 1-й казачьей дивизии), 1943—1945; «Казачий листок» (печатный орган атамана П.Н. Краснова), Северная Италия, 1944; «Казачий клинок» (еженедельная газета для казаков Дона, Кубани, Терека и горцев Кавказа), Краснодар, Симферополь, Украина, 1943—1944; «Казачье дело», 1942, № 1—4. Использовались также материалы немецких оккупационных газет («Голос Ростова» (орган управления бургомистра г. Ростов-на-Дону), Ростов-на-Дону, 1942—1943; «Пятигорское эхо» 1942—1944) и некоторых советских газет, издаваемых

на местах («Донской коммунар» (орган Базковского райкома ВКП(б)) 1943).

После войны избежавшие выдачи советским властям казаки возобновили издание казачьей периодики за рубежом. Кроме того, публикации о казаках и казачьем коллаборационистском движении имелись во многих послевоенных эмигрантских газетах и журналах. Среди них стоит выделить уже упоминавшийся журнал «Родимый край», журнал «Наши вести», где часто печатались материалы о казаках, служивших в Русском охранном корпусе на Балканах, а также журнал «Часовой», где в начале 50-х годов в статьях В. Никонова «О казачьих делах» развернулась оживленная дискуссия, посвященная проблемам внутриказачьего эмигрантского движения в конце войны.

Важнейшими источниками при написании данной работы стали воспоминания и мемуары деятелей русской эмиграции 20—30-х годов, непосредственных участников «русского освободительного движения» и казаков-коллаборационистов. Среди первых стоит выделить: *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. М., 1991; *Мейснер Д.И.* Миражи и действительность: Записки эмигранта. М., 1966; *Шостаковский П.П.* Путь к правде. Минск, 1960; *Александров В.* На чужих берегах. М., 1987; *Ильина Н.И.* Дороги и судьбы: автобиографическая проза. М., 1985; *Краснов П.Н.* Всевеликое Войско Донское // Архив русской революции. М., 1991.

Ко второй группе относятся: *Кромиади К.* За землю, за волю. Сан-Франциско, 1980; *Казанцев А.* Третья сила. М., 1994; *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Против Сталина и Гитлера. М., 1993; *Фрелих С.* Генерал Власов. Кельн, 1990.

Третья группа мемуаров, рассказывающих непосредственно о судьбе казаков, вставших на сторону Германии, представлена следующими изданиями: *Польская Е.Б.* Это мы, Господи, пред Тобой... Невинномысск, 1995; *Донсков П.Н.* Дон, Кубань и Терек во Второй ми-

ровой войне // В сб. «Трагедия казачества». М., 1993; *Краснов Н.* Незабываемое. М., 2002; *Васильев Н.* Записки юного казака // В сб. «Война и судьбы» под ред. Н.С. Тимофеева. Невинномысск, 2002; *Федоров Н.В.* От берегов Дона до берегов Гудзона. Ростов н/Д, 1994; *Дудников В.С.* Воспоминания старого казака о пережитом и размышления о настоящем // В сб. «Материалы по истории русского освободительного движения 1941—1945», под общей редакцией А.В. Окорокова. Вып. 1. М., 1997; «Казачья Голгофа. Предательство в Тирольских Альпах» (сборник воспоминаний), сост. К.Н. Хозульников; сборник воспоминаний «Русский корпус на Балканах во время II Великой войны 1941—1945» (исторический очерк и сборник воспоминаний соратников) под ред. Д.П. Вертепова, Нью-Йорк, 1963. Уникальные материалы собраны в 19 выпусках «Сборника материалов о выдаче казаков в Лиенце и других местах в 1945 году», под редакцией В.Г. Науменко, Orangeburg USA, 1953—1960 (недавно часть этих материалов была переиздана в России: *Науменко В.Г.* Великое предательство. СПб, 2003). Здесь и воспоминания непосредственных участников тех событий — о жизни казаков в оккупации, о формировании боевых казачьих частей, о быте казаков в поселениях в Северной Италии и многое другое.

Еще одной любопытной группой источников являются так называемые документальные мемуары, в которых авторы (все они воевали на стороне немцев) не только описывают события, но и делают попытку проанализировать казачье коллаборационистское движение на основе полученных уже после войны документов. К ним относятся: *Ленивов А.К.* Под казачьим знаменем. Эпопея Казачьего Стана под водительством Походных атаманов Казачьих войск С.В. Павлова и Т.И. Доманова в 1943—1945 гг. Мюнхен, 1970 // также журнал «Кубанец». № 1—5. 1992—1993; *Беляевский В.А.* Вторая мировая война. Роль казачества в этой войне и

трагедия такового. 1939—1945 гг. Сан-Пауло, 1963; *Черкассов К.* Генерал Кононов: ответ перед историей за одну попытку. Т. 1—2. Мельбурн, 1963; *Поляков И.А.* Краснов — Власов. Нью-Йорк, 1959. Несмотря на то что этой группе источников свойственна крайняя тенденциозность и предвзятость в оценке многих событий, они тем не менее при определенном критическом подходе помогают более глубоко понять всю сущность движения казаков-коллаборационистов.

Выражаю искреннюю благодарность историческому факультету МГУ им. М.В. Ломоносова, в особенности коллективам кафедр этнологии и общественных движений и политических партий, на заседаниях которых обсуждалась эта работа. Хочу также выразить благодарность за помощь в подготовке книги моим коллегам к. и. н. А. Щербине, к. и. н. Л. Табунщиковой, к. и. н. П. Крайнюченко и, конечно же, моей любимой маме, без помощи которой появление этого труда не было бы возможным. Нельзя также не отметить исключительно доброжелательную атмосферу библиотек и архивов Москвы и Ростова-на-Дону.

ЧАСТЬ 1

Казачья эмиграция 1941–1945 гг.

Глава 1

ИСТОКИ И РАЗВИТИЕ ИДЕОЛОГИИ КАЗАЧЬЕГО КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА В ЭМИГРАЦИИ

История казачества в российской эмиграции имеет свою специфику, обусловленную той ролью, которую оно играло на протяжении всей своей многовековой истории и которая особенно ярко проявилась в годы Гражданской войны в России.

Позиция казаков в период противостояния 1917—1920-х годов, в свою очередь, уходит корнями в историю их взаимоотношений с центральной властью в России, которые складывались постепенно в течение нескольких веков и носили очень непростой характер.

Власть поощряла развитие казачьей колонизации на границах Русского государства и мирилась с особенностями казачьего военно-земледельческого быта, допуская при этом большую или меньшую независимость казаков и не стремясь к абсолютной регламентации их действий. Однако действия казаков не раз обращались и против Москвы. Это обстоятельство вызвало затяжную и кровопролитную внутреннюю борьбу, которая длилась с перерывами вплоть до конца XVIII века, когда после подавления пугачевского бунта вольному юго-восточному казачеству был нанесен окончательный удар. Оно постепенно начало утрачивать (по крайней мере внешне) свой оппозиционный характер и со временем даже приобрело репутацию одного из самых консервативных государственных элементов, став опорой престолу. Власть, в свою очередь, демонстрировала свое расположение к казачеству, всячески под-

черкивая его исторические заслуги и обещая сохранить «казачьи вольности» и неприкосновенность казачьих угодий и владений. Одновременно она старалась принимать меры, чтобы «вольность» не развивалась чрезмерно в ущерб централизованному устройству российской государственности, чтобы никогда не повторились восстания Пугачева и Разина, так сильно встряхнувшие Россию. К числу таких мер стоит отнести ограничение казачьего самоуправления, назначение атаманами казачьих войск лиц не казачьего сословия, зачастую совершенно чуждых казачьему быту, традициям и обычаям.

Несмотря на тяжесть поголовной военной службы, казачество, в особенности южное, обладало известным благосостоянием, практически полностью исключавшим тот важный материальный стимул, который поднимал против царской власти рабочий класс и крестьянство России. В силу узко-территориальной системы комплектования в армии казачьи части имели однородный состав, обладали отличной боевой спайкой и дисциплиной. По свидетельству генерала А.И. Деникина, казачество даже после знаменитого «Приказа № 1»[1], в отличие от многих других частей армии, практически не знало дезертирства[2].

Благодаря многовековой «вольной» истории, врожденному чувству «казачьей вольности и самостоятель-

---

[1] «Приказ № 1» был издан Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов 1 марта 1917 года. Документ предписывал создать в армии и на флоте комитеты из выборных представителей от нижних чинов. Воинские части отныне должны были подчиняться Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам. Приказы военной комиссии Государственной думы следовало исполнять только в тех случаях, когда они не противоречили приказам и постановлениям Совета. Оружие поступало в распоряжение комитетов и не должно было выдаваться офицерам. «Приказ № 1» повлек за собой дезорганизацию армии и привел к потере боеспособности, вызвал массовое дезертирство солдат с фронта.

[2] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 1. Крушение власти и армии, февраль—сентябрь 1917. М., 1991. С. 372.

ности» события 1917 года были восприняты большинством представителей казачества прежде всего как банкротство российской государственности. И вот здесь-то свою роль сыграли с молоком матери впитанные особенности восприятия мира и государства. После известия об отречении Николая II от престола среди казаков проявилось и все более усиливалось стремление к созданию обособленных от центральной власти казачьих организаций. В течение 1917 года повсеместно возникали казачьи правительства, проходили выборы станичных и окружных атаманов и даже самосоздавались представительные учреждения: Круги и Рады. Причем их влияние и компетенция увеличивались пропорционально ослаблению авторитета и власти Временного правительства. Даже те казаки, которые тяготели к революционной демократии, не стали в полной мере составной частью общероссийского революционного движения, а остались замкнутыми в своих сословно-корпоративных рамках. Именно с этого момента стала более отчетливо проявляться эволюция идеи казачьей независимости — от создания областного самоуправления к созданию автономии, федерации, конфедерации и даже независимого государства, которая так бурно развивалась в 20—30-е годы и особенно в годы Второй мировой войны. Все чаще и чаще казачьи лидеры стали высказывать намерение сформировать самостоятельную, подчинявшуюся только им казачью армию. Все эти тенденции значительно усилились после захвата власти большевиками в Петрограде и Москве, после разгона Учредительного собрания и подписания сепаратного мира с немцами.

Эти настроения в среде казачества наиболее четко сформулировал генерал-лейтенант П.Н. Краснов в самом конце Второй мировой войны: *«1). В свое время была Великая Русь, которой следовало служить. Она пала в 1917-м, заразившись неизлечимым или почти*

неизлечимым недугом. 2). Но это верно только в отношении собственно русских областей. На юге (в частности, в казачьих областях) народ оказался почти невосприимчивым к коммунистической заразе. 3). Нужно спасать здоровое, жертвуя неизлечимо больным. Есть опасность, что более многочисленный «больной элемент» задавит здоровый (русские — казаков. — ***П.К.***)»[1]. П.Н. Краснов стал самым авторитетным вождем казачества, который к середине Второй мировой войны постепенно пришел к идее «самостийности» казачества. Однако важно помнить, что подобные настроения в той или иной форме он высказывал еще задолго до начала своей эмигрантской деятельности.

В ходе Гражданской войны, когда большевики брали под свой контроль все больше и больше территорий, генерал Краснов, до тех пор делавший все, что было в его силах для «спасения» России, в конце концов утратил надежду на скорое освобождение всей страны. Будучи прагматиком, он пришел к мысли, что, если не удается спасти целое, надо спасать хотя бы часть. С этой идеей Краснов прибыл в Новочеркасск, где 3 мая 1918 года Круг спасения Дона избрал его атаманом. П.Н. Краснов считал, что для восстановления законной власти в России на территории Всевеликого Войска Донского должно быть образовано самостоятельное государство со всеми необходимыми институтами власти. В качестве естественного союзника в сложившейся в то время исторической и геополитической ситуации он рассматривал Германию. Генерал даже говорил: «Без немцев Дону не освободиться от большевиков»[2]. Краснов

---

[1] Цит. по: *Ленивов А.К.* Под казачьим знаменем 1943—1945. Эпопея Казачьего Стана под водительством Походных атаманов Казачьих войск С.В. Павлова и Т.И. Доманова в 1943—1945 гг. // Кубанец. 1993. № 3. С. 60.

[2] *Краснов П.Н.* Всевеликое Войско Донское // Архив русской революции. Т. 5—6. М., 1991. С. 206.

выступал против единого командования Белыми армиями на Юге России, так как не верил в повсеместную победу Белого движения, но был уверен, что она возможна в отдельно взятых казачьих областях. Он согласился подчиниться Деникину лишь после капитуляции Германии в ноябре 1918 года, когда на Дон прибыли представители держав Антанты, поддерживавших концепцию единого белого командования, но и тогда продолжал настаивать на сохранении автономии Донской армии. В конечном итоге П.Н. Краснов был вынужден сложить с себя полномочия Донского атамана, и Большой Войсковой круг передал атаманскую власть генерал-лейтенанту А.П. Богаевскому. Однако идея генерала П.Н. Краснова о том, что спасение России надо начинать, прежде всего, с казачьих земель, которые, ко всему прочему, было бы желательно сделать в той или иной степени независимыми от центральной власти, звучали в программных заявлениях многих казачьих организаций, созданных в эмиграции после окончания Гражданской войны.

К концу 1917 года казачество как военно-служилое сословие было представлено 12 казачьими войсками: Донским, Кубанским, Терским, Астраханским, Уральским, Оренбургским, Семиреченским, Сибирским, Забайкальским, Амурским, Уссурийским. Существовало также небольшое количество красноярских и иркутских казаков, образовавших в 1917 году Енисейское казачье войско и Якутский казачий полк Министерства внутренних дел[1].

Казачье население насчитывало к этому времени около 4,5 млн. человек (2,4% от всего населения стра-

[1] В 1919 году по инициативе офицера-алтайца штабс-капитана А.П. Кайгородова было учреждено Алтайское казачье войско, войсковым атаманом которого был избран капитан Д.В. Сатунин, еще в 1918 году основавший антибольшевистский партизанский отряд.

ны). В боевом строю к 1917 году находилось около 300 тысяч казаков[1]. В 1918—1922 годах казачество принимало активное участие в кровопролитной братоубийственной Гражданской войне, в ходе которой в основной своей массе выступило на стороне Белого движения. Во многих казачьих областях возникали независимые казачьи правительства, действовали белые казачьи атаманы и организовывались никому не подчиняющиеся казачьи армии. По различным данным, в рядах Красной армии оказалось от 20 до 40% казаков, а в рядах белых — не менее 60—80%. Все это привело к тому, что, выступив силой, альтернативной Советам в дни Октябрьской революции и в годы Гражданской войны, казачество вызвало негативное отношение к себе не только со стороны большевиков и их лидеров, но и со стороны основной массы простого населения, по тем или иным причинам поддержавшего Советскую власть.

Повсеместно отношения между казачеством и местными жителями (Северный Кавказ, Урал, Сибирь, Дальний Восток) ухудшались. *«Казачий комитет при ВЦИК, — читаем мы в одном из обращений того времени, — известивший о крайне обостренном отношении в пределах Уральской области между казаками и войсками, руководимыми Советской властью, настойчиво просит о прекращении напрасного кровопролития и разрешении вопроса мирным путем»*[2].

Несомненно, в первую очередь большевистское руководство обращало особое внимание на юг России, где проживала значительная часть казаков Кубанского, Терского и Донского казачьих войск. Именно в этих районах процесс интеграции казачества в новый со-

---

[1] См.: Гражданская война и интервенция в СССР. Энциклопедия. Изд. 2. М., 1987. С. 252.

[2] Цит. по: *Бугай Н.Ф.* Казачество России: отторжение, признание, возрождение. М., 2000. С. 14.

циальный строй оказался наиболее трудным, и именно эти районы стали главными центрами ожесточенного, нередко — открытого вооруженного противостояния казаков и Советской власти. При этом большевистское правительство сумело воспользоваться многовековыми трениями во взаимоотношениях между казаками и другими коренными народами Северного Кавказа, заняв ярко выраженную антиказачью позицию. Когда местные жители, получив негласное одобрение «сверху», начали принудительно выселять казаков из своих станиц, вырезать их семьи, разрушать дома, кладбища и святыни, большевики не только не попытались их остановить, но придали подобному казачьему геноциду политическую обоснованность. Печально известное Циркулярное письмо ЦК РКП(б) к местным партийным организациям от 24 января 1919 года признавало «единственно правильной самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления». *«Никакие компромиссы,* — говорилось также в этом документе, — *никакая половинчатость недопустимы»*[1].

Общее управление делами казачества было сосредоточено в Казачьем отделе ВЦИК, и со временем большевистское руководство, устав от постоянных восстаний в казачьих землях, начало понимать, что исключительно репрессивными методами сломить дух казаков, изменить их менталитет невозможно. Однако раскрученный маховик «расказачивания» было уже не остановить, и все попытки хоть как-то наладить взаимоотношения между казачеством и другим местным населением с одной стороны и казачеством и советской властью с другой проваливались. Ярчайшим примером является неудача декрета от 1 июля 1918 года, в котором казакам давались заверения в том, что никто их «расказачивать» насильно не будет. Несмотря на указа-

[1] Известия ЦК КПСС. 1988. № 6. С. 117—118.

ния из центра, казачье население на местах продолжали уничтожать и выселять.

После разгрома армии Деникина в марте 20-го года положение казачества еще более ухудшилось. Уже в апреле этого года командир Кавказской трудовой армии И. Косиор докладывал в ЦК РКП(б): «Выселению подлежат около 9000 семей (казаков-сунженцев), из которых 1500 семей контрреволюционные»[1]. Неоднократные обращения казаков к новым властям с просьбой о возвращении на прежние места проживания не приносили никаких результатов, поскольку все очищенные от «нежелательных элементов» земли официально закреплялись за чеченским и ингушским округами. Естественно, в подобных условиях в среде казачества не могли не проявиться с новой силой националистические настроения по отношению к горцам, имеющие многовековые корни и сохранившиеся до сегодняшнего дня. Все это только усугубляло разрыв казачества с советской властью, способствуя тому, что довольно существенная его часть была вынуждена бежать из страны, а оставшиеся либо ушли в подполье, либо заняли ярко выраженную выжидательно-враждебную позицию.

20—30-е годы также очень сильно ударили по казакам как некой социальной общности. Однако уже с середины 30-х годов советское правительство вновь обратило внимание на казачество как на особую национально-сословную общность: казакам было вновь разрешено служить в армии, начали создавать небольшие казачьи части, казаки принимали участие в парадах (в своей традиционной униформе) и т. д. Хочется поспорить с исследователем данной проблемы Н.Ф. Бугаем, который безосновательно делает вывод, будто *«огромные потери в Гражданской войне, затем в ходе коллективизации и в результате других предпринимае-*

---

[1] *Бугай Н.Ф.* Казачество России: отторжение, признание, возрождение. С. 31.

мых мер со стороны Советов и большевистской партии, привели в конечном результате к значительной нивелировке между казаками и другими группами населения»[1]. История Великой Отечественной войны не подтвердила выводы исследователя. Огромное количество казаков, воюющих в рядах Советской армии против захватчиков, ощущали себя не безликими воинами, а наследниками славы своих прославленных предков и шли на смерть с осознанием того, что продолжают дело своих отцов и дедов. Важно отметить, что произошло это не благодаря, а скорее вопреки всем действиям советской власти в 20—30-е годы. Казаки, воевавшие в рядах германской армии, также ощущали себя особым сословием или даже национальностью, ведущей «справедливую» борьбу за освобождение своих земель от поработителей.

Как уже было сказано, в рядах Белого движения именно казачество было наиболее непримиримым врагом советской власти. Неудивительно, что довольно значительная его часть после поражения в Гражданской войне предпочла тяготы и лишения эмиграции компромиссу и сотрудничеству с большевиками.

Среди двухмиллионной российской эмиграции казаки занимали особое место. В общей своей массе они были частью так называемой военной эмиграции, многие входили в состав врангелевских воинских частей за границей, например, в Донской корпус под командованием Ф.Ф. Абрамова, а позднее — в Русский Общевоинский союз (РОВС), некоторые служили в Югославской пограничной страже и югославских строительных войсках (примерно 7 тысяч кубанцев и донцов), во Французском иностранном легионе, наемниками в Китайской армии. В 30—40-х годах XX века казачья эмиграция на время попала в центр внимания многих европейских разведок. Европейские государст-

[1] *Бугай Н.Ф.* Казачество России: отторжение, признание, возрождение. С. 56.

ва планировали воспользоваться их услугами в деле свержения большевистского режима в СССР или для наведения порядка на собственных территориях.

На фоне интенсивного процесса расказачивания в Советском государстве казаки-эмигранты стремились к сохранению своей культуры, обычаев и традиций и делали для этого очень многое. Особенно это было характерно для донцов и кубанцев, которые на чужбине бережно хранили реликвии и регалии своих предков; всемирную известность получили хоры донских и кубанских казаков, которые знакомили русскую диаспору и многих иностранцев со старинными казачьими песнями и духовным пением. Наиболее показательным примером казачьей жизни за рубежом стали казачьи станицы в Болгарии, правительство которой разрешило въезд в страну 14 тысячам казаков. Столица этой страны город София превратилась в своеобразную европейскую столицу казаков.

Казачье командование в Болгарии активно пыталось решить вопросы организации и обучения войск, укрепления дисциплины и поднятия боевого духа. Был даже заключен договор с начальником штаба болгарской армии, по которому предусматривалось сохранение русской армии в Болгарии и право ношения формы. Частям предоставлялись помещения, паек и обмундирование. Предусматривалось участие казаков во всевозможных государственных и общественных работах (строительные, дорожные и т. д.), открывались казачьи школы и училища, в которых подрастающим казачатам рассказывали о славной истории их предков.

В условиях эмиграции в наибольшей степени проявились такие качества казаков, как взаимная поддержка, чувство локтя, способность выстоять в экстремальных условиях. Во Франции, Чехословакии, Китае и других центрах казачьего расселения создавались и действовали казачьи станицы и союзы, благотворительные и студенческие организации и объединения. Неслучайно бывший член Государственной думы князь

П.П. Долгоруков писал в 1928 году: *«В эмиграции мы оценили солидарность и спаянность казаков, выгодно отличающую их от общерусской «людской пыли»*[1].

В исторической науке до сих пор нет единой точки зрения о численности российской эмиграции в начале 20-х годов, крайне противоречивы и данные источников, посвященные этой проблеме. По сведениям Лиги Наций, всего Россию после Октябрьской революции и Гражданской войны покинули 1 млн 160 тысяч беженцев[2]. Американский Красный Крест отмечал, что на 1 ноября 1920 года численность русских эмигрантов составляла 1 млн. 966 тысяч 500 человек[3]. В дальнейшем в исторической литературе закрепилась цифра — 2 миллиона эмигрантов.

Еще более сложным является вопрос о численности казаков-эмигрантов. Максимальным их число было в первые годы эмиграции. Вместе с семьями казаков Дона, Кубани и Терека в изгнании к концу 1921 года оно достигало, по данным исследований О.В. Ратушняка, около 65 тысяч человек[4]. Однако в 1925—1926 годах численность казаков на чужбине значительно сократилась, так как часть их возвратилась в Россию, а часть приняла гражданство страны пребывания. Общее число строевых казаков (без членов семей) к середине 20-х годов составляло более 40 тысяч человек[5], этой цифры на сегодняшний день придерживается большинство исследователей.

В европейских странах правовое положение русских эмигрантов, в том числе и казаков, было довольно сложным и неопределенным. В 1921 году они получи-

---

[1] Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Ростов н/Д, 1992. С. 39.

[2] *Назаров М.В.* Миссия русской эмиграции. Т. 1. Ставрополь, 1992. С. 21.

[3] *Раев М.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919—1939. М., 1994. С. 38.

[4] Проблемы истории казачества. Волгоград, 1995. С. 147.

[5] См.: Казаки России (Проблемы истории казачества). С. 147.

ли статус беженцев, бесподданных, так как советское руководство указом от 15 декабря 1921 года лишило российского гражданства всех эмигрантов, которые не получат советские паспорта к 1 июня 1922 года. Позднее, в 1924 году, Лигой Наций были введены для эмигрантов особые удостоверения, так называемые «нансеновские паспорта». Они выдавались тем государством, в котором находился конкретный беженец. Паспорт Нансена[1] служил удостоверением личности владельца и подтверждал его статус лица без гражданства. Его можно было предъявить при обращении за визой и разрешением на выезд за рубеж. В течение всего срока своего действия паспорт Нансена давал владельцу право обращаться к властям за получением вида на жительство. На основании Декларации Лиги Наций, подписанной в 1928 году и возобновленной в 1933 году, страна, признавшая паспорт Нансена действительным, принимала его владельца под свою защиту и должна была предоставить ему право на жительство и трудоустройство, причем на более выгодных условиях, чем для прочих иностранцев. В то же время нансеновские паспорта не устраняли огромных трудностей при получении виз и разрешений на работу, не давали прав на пособие по инвалидности, болезни, безработице, то есть социальное положение эмигрантов оставалось тяжелым и зависело от воли местных властей. Нужно учесть также, что ряд европейских стран (Англия, Голландия, Дания, Швеция, Норвегия, Италия, Испания, Португалия) так и не признали нансеновские паспорта действительными на своей территории. Признавали такие паспорта, как правило, те государства, которые были заинтересова-

[1] Удостоверение личности русских эмигрантов получило название «Паспорт Нансена», по фамилии норвежского полярного исследователя и политического деятеля Фритьофа Нансена, который в 1921 году был Верховным комиссаром Лиги Наций по помощи русским эмигрантам. С каждого обладателя подобного документа взимались немалые суммы на нужды эмиграции и беженских организаций Лиги Наций.

ны в дешевой рабочей силе для восстановления своей экономики после Первой мировой войны (Франция, Бельгия, Люксембург, Германия) или руководствовались соображениями славянской солидарности (Болгария, Югославия, Чехословакия).

Консолидация казаков за границей началась с образования казачьих станиц и хуторов. Вторым этапом консолидации было создание специальных казачьих организаций, улучшающих условия быта и жизни казаков. Нередко такие организации носили благотворительный характер. Уже в начале 20-х годов во многих европейских странах возникли самые разнообразные комитеты или кассы казачьей взаимопомощи. Однако подобные организации были разрозненными, мало связанными друг с другом и часто строились по земляческому принципу. Поэтому третьим этапом консолидации казаков стало создание Казачьих союзов, обладающих следующими характерными особенностями: во-первых, это были достаточно крупные союзы, включавшие основную массу казаков-эмигрантов данного региона, страны пребывания, а иногда и соседних стран; во-вторых, эти союзы объединяли казаков всех казачьих войск, то есть создавались не по земляческому или национальному принципу; в-третьих, Казачьи союзы подчеркивали свой неполитический характер и объединяли казаков независимо от их политических симпатий и пристрастий; в-четвертых, руководителями союзов были, как правило, достаточно авторитетные лидеры казачьей эмиграции, имевшие поддержку или правительства страны пребывания, или провинциальных органов власти. Самыми крупными и влиятельными союзами стали Общеказачий сельскохозяйственный союз в Чехословацкой республике и Казачий союз во Франции[1] (*его структуру см. на рис. 1*).

---

[1] *Худобородов А.Л.* Российское казачество в эмиграции (1920—1945 гг.): социальные, военно-политические и культурные проблемы. М., 1997. С. 161

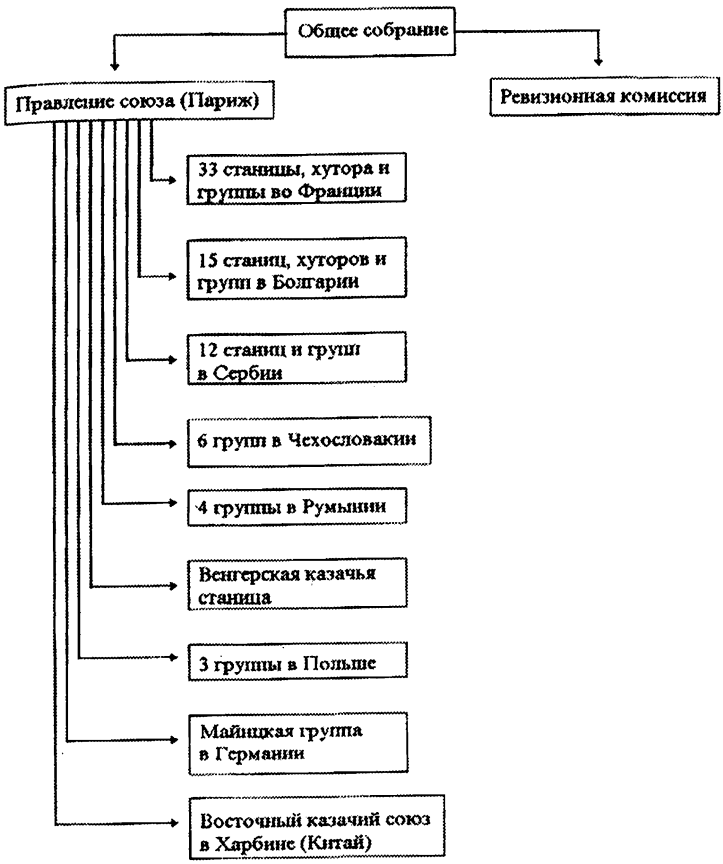

Схема 1. Структура Казачьего союза в Париже. 1926 год.

Отличительной особенностью основной массы русских эмигрантов 20—30-х годов был не только горячий патриотизм, неподдельный и глубокий интерес ко всему, что происходит в России и за ее пределами, но также чрезвычайная политическая пестрота и накал политических страстей. А если учесть личные амбиции, честолюбие и тщеславие лидеров многих организаций, постоянные склоки и дрязги, характерные

для эмигрантской жизни, станет понятно, почему белой эмиграции в общем и казачьей в частности так и не удалось достичь политического единства, несмотря на общее негативное отношение к советской власти и к политическому режиму в СССР.

Основные политические объединения и организации российской эмиграции 20—30-х годов можно условно разделить на 4 группы. Первая группа — левая эмиграция (республиканцы социалистического и демократического лагеря), в которую входили меньшевистская РСДРП, партия социалистов-революционеров и близкие к ним организации. Вторая группа — умеренные и правые республиканцы. Это Народный союз защиты Родины и Свободы (савинковцы), Республиканско-демократическое объединение (РДО) во главе с П.Н. Милюковым и «Крестьянская Россия». К третьей группе относились широкие слои эмиграции, так называемые непредрешенцы, то есть призывавшие не предрешать заранее, до свержения советской власти, форму государственного устройства в России. Форму должен был выбрать сам народ России через Учредительное собрание или другим способом. Среди непредрешенцев немало было скрытых монархистов и сторонников военной диктатуры. К ним относилась значительная часть политически активного казачества в эмиграции. Четвертая группа политических объединений в эмиграции — монархисты. Среди них выделялись врангелевцы, правые кадеты, конституционные монархисты, легитимисты. К типично монархическим относились Русский Общевоинский союз (РОВС), Национальный комитет, Высший монархический союз, Братство русской правды, Союз младороссов и др.

Для политических настроений казачьей эмиграции были характерны следующие черты. Во-первых, практически все казаки были приверженцами идеологии Белого движения и категорического неприятия политического режима в СССР. Вторая особенность состоя-

ла в том, что казачья эмиграция была расколота на различные политические течения, организации, группы и союзы, хотя заявлений о необходимости казачьего объединения на чужбине и попыток в этом направлении было сделано немало. Однако единства достичь так и не удалось. Полковник Терского казачьего войска Н.А. Бигаев отмечал в 1928 году: «Увы! — эмигрантское казачество разлилось на множество громко и на разные лады журчащих ручейков, не желающих слиться в единый «атаманский» поток»[1]. Третья особенность политических настроений казаков в эмиграции состояла в том, что значительная часть рядовой казачьей массы была очень далека от активной политической жизни, занята больше своими хозяйственными и бытовыми проблемами и до поры до времени не проявляла особой активности в борьбе с большевиками.

Несмотря на пестроту взглядов, в казачьей европейской эмиграции можно выделить три политических направления. Критерием для их выделения является отношение к проблемам государственного устройства, в том числе к месту и роли казачьих земель в составе Российского государства. В первое входили монархисты, сторонники П.Н. Врангеля, П.Н. Краснова, Общевоинского союза. Это наиболее правое крыло эмиграции преобладало в Югославии, Болгарии, было достаточно сильным среди казаков во Франции и Германии. Второе направление — умеренное — было представлено Объединенным советом Дона, Кубани и Терека, войсковыми атаманами этих казачьих войск[2]. Наибольшее число сторонников этого течения прожи-

---

[1] Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Ростов н/Д, 1992. С. 76.

[2] Объединенный совет Дона, Кубани и Терека был создан в Константинополе в 1921 году (Белград 1922—1923, Париж 1924—1934) и просуществовал до 1934 года. Войсковыми атаманами Донского, Кубанского и Терского казачьих войск были соответственно: А.П. Богаевский, В.Г. Науменко, Г.А. Вдовенко.

вало во Франции. По многим вопросам они были согласны с казаками-монархистами. Третье направление — демократическое, антимонархическое, республиканское, которое впоследствии трансформировалось в крайне националистически-сепаратистское движение казаков-националистов, или самостийников (также их называли сепаратистами и пораженцами). Они выступали за создание «Великой Казакии», простирающейся от Центральной Украины до реки Самары или даже до реки Эмбы, которая протекает в Актюбинской и Гурьевской областях современного Казахстана. Центром этого течения была казачья эмиграция в Чехословакии. Именно здесь активно действовали Союз возрождения казачества, Общеказачий сельскохозяйственный союз, Союз вольного казачества, Общество изучения казачества, «Литературная семья» (*см. схему 2*).

Монархически настроенное казачество в эмиграции объединилось вокруг своего признанного вождя — великого князя Николая Николаевича, двоюродного дяди Николая II, бывшего Верховного главнокомандующего русской армией в годы Первой мировой войны, а затем назначенного наместником на Кавказе и командующим кавказской армией. Для казаков-монархистов он был законным наследником российского престола. Все лидеры казачьего монархического движения стремились подорвать доверие казаков к избранным войсковым атаманам, к Объединенному совету Дона, Кубани и Терека. Наиболее отчетливо это проявилось в открытых письмах бывшего донского атамана П.Н. Краснова. Явно идеализируя политику царей династии Романовых по отношению к казачеству, П.Н. Краснов в одном из своих писем в 1924 году писал следующее: *«Не надо забывать, что «деспоты» сберегли казаков, как одну из лучших жемчужин Российской короны, в течение трех веков, а народоправцы* (войсковые атаманы и правительства Дона, Кубани и Терека в 1919—1924 гг. — ***П.К.***) *размотали казаков*

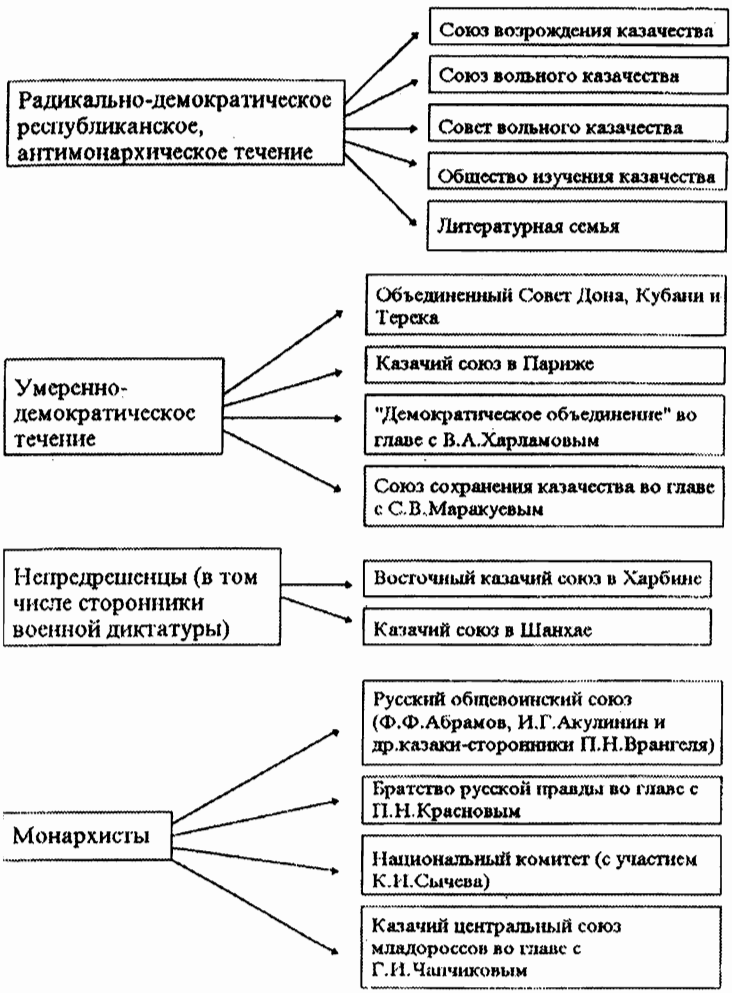

Схема. 2. Политические течения в казачьей эмиграции в 1920– начале 1930-х годов

ровно в три года так, что от них не осталось и самого звания»[1]. *В этом же письме он также заявил: «Если в России будет императорская власть, если в первые дни после свержения ига коммунистов мы увидим во главе Русского освободительного движения Его Императорское Высочество Великого Князя Николая Николаевича, мы, казаки, можем быть спокойны: полная самостоятельность решать свои дела по своим желаниям, и земли, и недра земельные, и войсковые угодия за нами, казаками, и останутся. Только не расточили бы их наши выборные народоправцы, как прогуляли они войско и проиграли войну с красными. Но если появится в России опять народоправство, встанут черные тени Керенских, Савинковых, Черновых, Авксентьевых, Милюковых и им подобных, они во имя партийной программы, во имя общей справедливости так сравняют казаков с иногородним населением, что будет им не лучше, чем при коммунистах»*[2]. При этом у П.Н. Краснова и его сторонников явный монархизм сочетался с идеей защиты интересов казачества и даже создания казачьей автономии в рамках России.

Генерал П.Н. Краснов неоднократно выступал со своими проектами решения казачьего вопроса в России (особенно на Дону), и, хотя эти предложения были заведомо невыполнимыми, они только усиливали его популярность среди простых казаков-эмигрантов, измученных лишениями и страданиями на чужбине. *«Если казаки,* — рассказывает об одном из таких предложений, изложенных П.Н. Красновым в очередном открытом письме от 17 октября 1921 года, умеренный казак И. Лунченков, — *всецело доверятся ему и «низложат» Богаевского, передав власть ему, Краснову, то он обещает в течение двух месяцев со дня вступления*

---

[1] Цит. по: *Худобородов А.Л.* Российское казачество в эмиграции (1920—1945 гг.): социальные, военно-политические и культурные проблемы. М., 1997. С. 161.

[2] Там же. Ук. соч. С. 162.

в атаманство возвратить всю казачью массу к родным станицам. И, раззадоривая истосковавшихся людей, приподнимает чуть-чуть завесу своей тайны — у него, Краснова, уже заключен договор с Северо-Американскими Соединенными Штатами, по каковому Америка немедленно вступает в переговоры с Советской Россией об оставлении советской властью территории Дона. Советская власть для прекрасных американских глаз, конечно, принимает предложение Америки и покидает Дон, а последний образует нечто вроде самостоятельного государства во главе с Красновым. Опытный шулер Краснов, понимая казачий практицизм, предусматривает в своем обращении даже мелочи: так, освободители — янки вместе с беглыми донцами и атаманом привезут Дону многие тысячи земледельческих орудий, самые лучшие отсортированные семена, породистый племенной американский скот и даже... настоящих американских наседок с настоящими американскими яйцами»[1].

Вот еще одно очень характерное свидетельство о деятельности П.Н. Краснова в эмиграции в начале 20-х годов: *«Огромным влиянием на казаков продолжал пользоваться инициатор создания станиц генерал Краснов. Он посылал циркулярные письма в станицы, намечая планы борьбы с большевиками, по преимуществу, фантастического характера, абсолютно невыполнимого. Но истерзанные последними испытаниями казаки верили в них. Краснов становился кумиром и в то время мог повести за собой казачью массу. Было желание у многих казаков избрать его Походным атаманом и поставить таким образом во главе зарубежного казачества»*[2]. Однако, несмотря на такую поддержку простого казачества, ему так и не удалось стать Походным

---

[1] *Лунченков И.* За чужие грехи. (Казаки в эмиграции). М. — Л., 1925. С. 162—163.

[2] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6473. ОП. 1. Д. 40. Л. 3.

атаманом Войска Донского, хотя и было несколько моментов, например в конце 1922-го — начале 1923-го гг. на Пловдивском съезде, когда П.Н. Краснов был очень к этому близок. Многие опасались, что П.Н. Краснов может ввергнуть казаков в авантюру, к которой призывал в своих многочисленных открытых письмах и статьях.

Кроме сторонников П.Н. Краснова, среди казаков-монархистов за границей существовало течение врангелевцев во главе с командующим Донским корпусом, генерал-лейтенантом Донского казачьего войска Ф.Ф. Абрамовым. Монархизм этой группы был прикрыт лозунгом великой неделимой России, основные законы для которой должно было дать Учредительное собрание. У врангелевцев не было разработанной программы по казачьему вопросу, казаков они рассматривали лишь как слуг России, как свою военную силу, и будущее казачества как отдельного сословия с множеством привилегий их мало интересовало.

Умеренным политическим течением среди казачьей эмиграции, противостоящей как монархистам, так и демократическому крылу, являлись сторонники Донского атамана А.П. Богаевского, Кубанского и Терского Войсковых атаманов (В.Г. Науменко и Г.А. Вдовенко), Казачьего союза во Франции и Объединенного совета Дона, Кубани и Терека, созданного 19 января 1921 года в Константинополе. Их политическая платформа строилась на началах народоправия, то есть в соответствии с волеизъявлением казачества и конституцией (по типу конституции Всевеликого Войска Донского 1918 года). Казачьи края должны были сохранять определенную автономию, самостоятельность, но в рамках единого Российского государства. Многие сторонники этого политического течения были федералистами.

Данное течение среди казачества за границей формировалось в обстановке нарастающего противостояния выборных атаманов Дона, Кубани и Терека с врангелевцами и монархистами. Суть противостояния за-

ключалась в следующем. В 1920 году все атаманы признали П.Н. Врангеля Главнокомандующим русской армией, которому на время борьбы с советской властью добровольно подчинялись все казачьи части. Естественно, что Врангель крайне негативно воспринял создание Объединенного совета Дона, Кубани и Терека, расценивая это как шаг к сепаратизму. Эти разногласия в дальнейшем только усиливались, исключая всякий шанс на консолидацию и объединение.

Политическую линию умеренного крыла казачьей эмиграции наиболее полно и четко выражали в своих взглядах и выступлениях А.П. Богаевский, В.А. Харламов и И.Н. Ефремов. Самый авторитетный член Объединенного совета Дона, Кубани и Терека А.П. Богаевский писал в одном из своих писем из Франции в Болгарию в мае 1924 года: *«Живется мне здесь не очень весело. Все портят политика и недоброжелательное отношение людей, думающих, что можно повернуть судьбу на свой лад и возвратить все, что было потеряно в дни революции. Люди не желают слышать голоса здравого смысла»*[1].

В.А. Харламов во время эмиграции работал в парижской газете П.Н. Милюкова «Последние новости» и редактировал орган Общеказачьего сельскохозяйственного союза в Чехословакии «Казачий путь», был одним из руководителей этого союза, членом Ученого совета при Русском историческом архиве Министерства иностранных дел в Русском народном университете (Прага), возглавлял студенческое «Демократическое объединение», близкое по идеологии к кадетской партии. Свою политическую позицию В.А. Харламов точно определил на заседаниях Константинопольской группы кадетской партии. 27 апреля 1921 года он заявил: *«Врангель оказался роковым человеком для десятков*

---

[1] Цит. по: *Худобородов А. Л.* Российское казачество в эмиграции (1920—1945 гг.): социальные, военно-политические и культурные проблемы. М., 1997. С. 170.

тысяч людей, вверивших ему свою судьбу. Не одна сотня казаков расстреляна в Советской России в результате интриг...

Мы никогда не возражали против вооруженной борьбы, сознавая, что против большевиков можно бороться лишь оружием, но мы себе даем также отчет, что решающее для свержения большевиков — происходит в России, в Красной армии, в широких массах населения, и что освободить народ против его желания немыслимо...»[1] *А 26 мая 1921 года он подчеркнул: «Ни Богаевский, ни Харламов, ни Объединенный совет вообще не собираются строить самостоятельного государства, по образцу Грузии, Эстонии или Петлюры. Мы добиваемся лишь самостоятельности в отношении Советской России; мы хотим создать наше государство в нашем районе»*[2].

Донской казак-эмигрант И.Н. Ефремов был членом кадетской партии, бывшим членом Государственной думы, министром Временного правительства и Российским посланником в Швейцарии. В 1928 году, в ответах на анкету Казачьего союза в Париже, он писал: *«При сколько-нибудь нормальном развитии России мне представляется единственно возможным республиканско-федеративный строй, в котором казачество должно найти простор для автономного развития своих краев на началах былого народоправства. Но сами эти начала, в особенности в современном углубленном понимании, требуют равенства не только гражданского, но и политического, не только как управляемых, но и как участвующих в управлении. Перед законом казаки и иногородние должны быть равны.*

---

[1] Цит. по: Худобородов *А. Л.* Российское казачество в эмиграции (1920—1945 гг.): социальные, военно-политические и культурные проблемы. М., 1997. С. 171.

[2] Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. Т. 4—5. Май 1920 — декабрь 1921. М., 1996—1997. С. 380.

Нельзя отстоять свои права, лишая прав других. Но большее развитие казаков, как общее, так в особенности политическое, их сплоченность, их традиции надолго сохраняют за казаками преобладающее значение в управлении казачьими краями»[1]. Далее Ефремов подчеркивал, что *«казаки имеют несомненное право, если пожелают, предоставить иногородним полное равенство перед законом, остаться обособленными в частной жизни, иметь свои обособленные сословные собрания, учреждать по подписке свои казачьи стипендии, избирать станичными атаманами только казаков, выдвигать из своей среды наилучших кандидатов на все должности по местному самоуправлению, суду, народному образованию и т. д.»*[2]

Предшественником организаций казаков-самостийников стал так называемый «Союз возрождения казачества», который был создан еще в июне 1921 года в Константинополе под руководством казаков Б.Н. Уланова и В.Т. Васильева. Вот какую оценку только что созданной организации дал агент Разведуправления РККА в середине 1921 года: *«Союз возрождения казачества» полагает, что в случае падения нашей власти в России, имея уже прецедент самостоятельного управления, до образования, в конечном счете, какой-либо общероссийской власти, может у себя анархии не допустить, призвав к жизни Круг, раду, и тех людей, которые знакомы с этой работой и находятся за границей. Отмечая вообще малое количество «государственных» людей среди казаков и малочисленной казачьей интеллигенции, Союз предлагает объединить эти элементы вокруг себя»*[3].

В начале 20-х годов правление Союза переехало в

---

[1] Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. С. 155—156.

[2] Там же. С. 156.

[3] Российский государственный военный архив (РГВА) Ф. 33988. ОП. 1. Д. 362. Л. 193 // Цит. по: *Худобородов А.Л.* Ук. соч. С. 259.

Прагу, и именно Чехословакия на долгие годы стала центром демократического, а впоследствии и самостийного направления казачьего движения в эмиграции. Программа «Союза возрождения казачества» предусматривала следующие задачи: *«Казачьи земли должны быть независимыми демократическими республиками со своими законодательными (Войсковые круги, рады) и прочими государственно-административными и хозяйственными организациями...*

Форма будущего государственного строя России, когда волей и усилиями всего Русского Народа будет свергнута советская власть, определяется как Российская Демократическая Федеративная Республика. Республики казачьих земель войдут в состав Российской Демократической Федеративной Республики как отдельные штаты со своими законодательными и государственно-административными органами»[1]. В состав правления «Союза возрождения казачества» вошли такие видные деятели казачьей эмиграции, как П.А. Орлушин, Г.Ф. Фальчиков, В.Т. Аспидов, генералы В.И. Сидорин и И.Ф. Быкадоров. По своим взглядам этот Союз был скорее близок к партии эсеров и находился на ярко выраженных антимонархических позициях. Всю ответственность за поражение Белого движения в борьбе с большевиками в 1918—1920 годах он возлагал на монархистов, а также на Деникина, Врангеля и партию кадетов. В объяснительной записке к программе «Союза возрождения казачества» ее авторы прямо заявляли: *«Казачеству совершенно не по пути с теми, кто на протяжении трехлетней борьбы с большевиками был оплотом реакции, кто был чужд и враждебен демократическому духу его. Среди друзей и сотрудников казачества не найдут места те, кто не перестает носиться с идеей единоличной военной диктатуры и вдохновлять и защищать очередное*

[1] ГАРФ. Ф. 6079. ОП. 1. Д. 2. Л. 1.

Главное Командование с его своеобразной государственностью»[1].

Течение так называемых казаков-самостийников начало выделяться среди казачьей эмиграции демократического толка в Чехословакии в начале 20-х годов. Первой их акцией стала резолюция об отсоединении Кубани от России, изданная в Праге в октябре 1921 года и подписанная 16 казаками. В 1926 году из-за личных амбиций руководителей «Союз возрождения казачества» распался на несколько конкурирующих организаций. Самой крупной из них стал «Союз вольного казачества», образованный осенью 1925 года частью казаков-студентов в Чехословакии при поддержке генералов И.Ф. Быкадорова и Т.М. Старикова, популярных в казачьих массах. Они выступили с программными требованиями создания на территории Дона, Кубани и Терека единого казачьего государства, которое должно быть самостоятельным вплоть до образования в России Федеративной республики, после чего на особых договорных началах войти в нее как единый штат. Наконец, в 1927 году был создан Совет вольного казачества, в который вошли И.Ф. Быкадоров, Т.М. Стариков, И.А. Билый, М.Ф. Фролов, Федоров, И.И. Колесов, И.П. Вифлянцев. Именно эта инициативная группа и основала «вольноказачье» движение, популярность которого заметно выросла в конце 20—30-х годов среди казачьей эмиграции в Европе. Вольные казаки стояли за решительное и окончательное отделение казачества от России и создание независимого казачьего государства «Казакии» в пределах Дона, Кубани, Терека, территорий астраханских, яицких (уральских) и оренбургских казаков. *«Мы уже обязаны не служить кому бы то ни было, — писал донской казак генерал-лейтенант Т.М. Стариков, — не искать себе господина, а защищаться, добывать себе право на жизнь.*

[1] ГАРФ. Ф. 6079. ОП. 1. Д. 2. Л. 9—10.

Единственным для этого средством служит создание самостоятельного казачьего государства в пределах европейского казачества. К этому должны быть направлены все силы и средства, весь казачий разум. Мы не должны допустить уничтожения казачества. Защита его есть наш долг, наша святая обязанность... Будущее казачье государство по своему географическому положению и по природным богатствам находится в исключительно благоприятных условиях. Не пройдет и десяти лет, как оно превратится в одно из самых цветущих государств в Европе»[1]. Росту популярности этого движения способствовали не только политические идеи независимости казаков от центральной российской власти, но и личность самого генерала И.Ф. Быкадорова, который был основным идеологом «вольноказачьего» движения. Простые казаки отзывались о нем как о человеке исключительной честности, храбрости и порядочности.

Подробное разъяснение программных положений вольноказачьего движения содержится в ответах И.Ф. Быкадорова на вопросы анкеты Казачьего союза в Париже, которые он дал в конце 20-х годов. В том, что большевики смогли захватить и удержать власть в России, казачий генерал обвиняет русский народ: «Большевистскую власть без сопротивления, без какой-либо борьбы, добровольно принял единственный народ бывшей России — великорусский; он принял, как программу, как свою идеологию и большевизм. Борьба против большевистской власти и большевизма, борьба вооруженная, начиналась там, где кончалась великорусская или начиналась этнографическая граница других народов».

Рассуждая о том, какая власть после поражения большевизма будет наиболее приемлемой для казаче-

---

[1] Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. С. 240—241.

ства, Быкадоров писал: *«Никакая власть российская (центральная) не сможет быть благой для казачества, какая бы она ни была: монархическая, кадетская (Милюковская), эсеровская (Керенского или Чернова), или евразийская (есть и такая претензия, обещающая создать Сверх-Россию) — отношение к казачеству будет сводиться к закреплению расхищения и обращению казачьих краев «в общий котел» так, что казачество оттуда не получит и объедков. Странно надеяться на осуществление блага (или справедливости) от какого-нибудь Учредительного Всероссийского Собрания, ведь решающее большинство (количественно) там будет принадлежать великорусскому народу, а казачьи представители будут в роли только присутствующих при решении своей судьбы».*

Будучи убежден в том, что «судьбы советской власти разрешатся вооруженным столкновением СССР с Западной Европой», и, касаясь перспективы развития казачества после неизбежного, как он был убежден, поражения советской власти, Быкадоров писал: *«Исход борьбы должен дать для казачества полное освобождение, восстановление суверенного государственного существования его. Это необходимо для интересов казачьих краев; целесообразно, возможно в совершающемся историческом процессе и наиболее отвечает интересам коренного населения края. Для этого требуется прежде всего изживание рабской психологии, создавшейся в двухвековой кабале, о какой-то служебной роли казачества в отношении русского (великорусского) народа или России, о великодержавности, богоносительстве, мессианской роли этого народа и т. п. блуд московской, а затем и русской интеллигентской мысли; необходимо снятие духовных оков казачьей интеллигенции, возвращение к своим истокам, своему казачьему народу. Для казачества прежде всего необходимо обрести свободу своего духа. Что за попечитель о судьбе казачества великорусский народ?*

Почему не другой какой-либо бывшей российской империи? Только само казачество сможет быть кузнецом своего счастья. Только в самостоятельном государственном бытие (суверенного государства или государств) казачество может осуществить высшее благо — развитие, духовное и культурное, равноправное сожительство населения своих краев, как самостоятельного государства или государств, а отсюда и воля к тому — первый и главный этап к осуществлению»[1].

Правда, уже в начале 30-х годов генерал И.Ф. Быкадоров отмежевался от движения самостийников. В марте 1932 года в «Открытом письме казакам» он писал: *«Создание казачьего государства (Казакии) совершенно неосуществимо... Если бы оно было осуществлено (для тех, кто верит в это), то это были бы новые Балканы с разделением казачьих земель между Россией, Украиной и Кавказом и бутафорской Казакией. Обращение казачьего населения в каждой части в положение пограничной стражи. Это было бы равносильно возвращению казачества в своем развитии на сотню лет назад. Казачья самостийность ведет к изоляции (пребыванию в одиночестве), так как никаких добрых союзных отношений у самостийников-казаков с самостийниками-украинцами и горцами Кавказа нет и быть не может, вследствие претензии (и осуществления соответствующего договора относительно этого с покровителями) первых на казачьи земли до р. Донца и р. Маныча, на Кубань и Ставрополье, а последних на всю Терскую область»*[2].

Совет вольного казачества издавал журнал «Вольное казачество» («Вильне Казацтво»), который выходил в Праге, а потом в Париже с 1927 по 1939 год. Всего

[1] Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Ростов н/Д, 1992. С. 94—104.

[2] Казаки за границей. Март 1932 — март 1933. София, 1933. С. 24.

вышло около 270 номеров — рекордное число для казачьих эмигрантских изданий. По мнению многих современников, этот журнал за время своего существования не испытывал никаких материальных трудностей, поскольку тайно финансировался польскими правящими кругами, заинтересованными в развитии сепаратистских тенденций в СССР. Подобное сотрудничество позволяло это издание рассылать по местам расселения казаков бесплатно, что способствовало привлечению на свою сторону большого числа простых казаков.

В 1928 году «вольные казаки» в Праге также издавали журнал «Казачья земля» под редакцией В. Глазкова и И.И. Колесова (вышло всего 2 номера).

В 1933 году вольноказачье движение раскололось. Небольшая группа сотрудников журнала «Вольное казачество» (И. Безуглов, В. Глазков, Г. Еременко) вышла из редакции из-за серьезных разногласий с главным редактором И. Билым. Они создали в Братиславе Временное центральное правление вольного казачества (вскоре эта группа переехала в Прагу, где было создано Центральное правление Союза казаков-националистов) и стали издавать литературно-исторический и информационный журнал «Казакия» (печатался в 1934—1939 годах последовательно в Братиславе, Праге и Софии, всего вышло 33 номера). Той же линии придерживалась газета «Единство и Независимость», выражавшая взгляды Общества ревнителей казачества (ОРК), находившегося в Париже. Идею казачьей государственной независимости отстаивали и представители калмыцкой диаспоры, которые видели будущее своего народа в качестве автономной области государства «Казакия». Калмыцкая национальная организация «Хальмак Тангаин тук» работала в контакте с Союзом казаков-националистов. Калмыцко-казачий журнал «Ковыльные волны» издавался во Франции.

Все эти издания от лица организаций, которые они представляли, вели полемику со сторонниками воссо-

здания единой России после падения большевизма. Наиболее показательным в этом отношении является доклад одного из лидеров казаков-сепаратистов, калмыка по национальности Шамбы Балинова, прочитанный на собрании Общества ревнителей казачества в Париже. Журнал «Ковыльные волны» опубликовал доклад отдельной брошюрой, снабдив его предисловием: *«Они* (умеренные эмигранты. — ***П.К.***) *пытаются доказать наличие политической эволюции большевиков, говорят о национальном перерождении Сталина. Для усиления своей пропаганды, везде и всюду пишут и говорят о 16-миллионном русском народе, стараясь выставить его как единый монолит, «забывая» то, что добрую половину этих 16 миллионов составляют нерусские народы, охваченные идеей независимости и не желающие иметь никакого дела не только с русскими большевиками, но и вообще с Москвою...»*[1] Весь смысл доклада Балинова, этого «руководства к действию» для всех казаков-националистов, сводился к тому, что казачество называется особым народом, главной задачей которого является обретение в ходе справедливой освободительной войны национальной и государственной независимости. Причем, по мнению Балинова, бороться нужно не только с Советами, но и с гегемонией «Московии», так как в СССР под красным флагом «осуществляется старый русский империализм». Стремление умеренной эмиграции отстаивать целостность страны он рассматривал исключительно как «борьбу с освободительным движением угнетенных народов»[2].

В этом же докладе Балинов недвусмысленно ответил и на вопрос о том, чью сторону примут казаки-самостийники в случае, тогда еще гипотетической, войны Германии с Советским Союзом: «Казаки-националисты давно на эти вопросы имеют свой ответ: всег-

[1] К казакам // *Балинов Ш.* Русское «оборончество» и казачье «пораженчество». Париж: Ковыльные волны, 1936. С. 3.

[2] Там же. С. 11, 24—25.

да и при всех случаях быть с теми, кто против Коминтерна, против большевиков, против марксизма, идти единым фронтом с угнетенными народами, в братском союзе с ними добиваться освобождения и возрождения казачества...»[1] Основными союзниками, помимо будущего агрессора, самостийники объявили украинцев и кавказских горцев, поскольку Украину и Северный Кавказ предполагалось целиком включить в состав будущей «Казакии».

Большая часть казачьей, да и русской эмиграции критически относилась к политическим взглядам самостийников. Известный русский эмигрант Д.И. Мейснер вспоминал (применительно к казачьей эмиграции 30-х годов в Чехословакии): *«Среди богатых и зажиточных в прошлом казаков, а таких в эмиграции было особенно много, распространялось представление о том, что будь они подальше от Москвы, посвободнее от нее как русского центра, они обошлись бы без большевизма, а следовательно, не должны были бы стать эмигрантами. Некоторые из них, надо прямо сказать, не без лукавого участия иностранцев отрицали даже самую принадлежность казачества, в том числе и донского, к русскому народу и извергали на Россию ушаты грязи. Некоторые «поповы», «стариковы», «быкадоровы», «колесовы» и носители других подобных фамилий вдруг, к всеобщему недоумению и изумлению, оказывались совсем не русскими. На многочисленных публичных выступлениях они на чистейшем русском языке, да другого они отродясь и не знали, объясняли, что Дон и Кубань совсем не Россия, и что только «большевистское насилие» держит эти области в ее составе. Впрочем, эти крайние самостийники были среди казачества меньшинством»*[2].

---

[1] *Балинов Ш.* Русское «оборончество» и казачье «пораженчество». Париж: Ковыльные волны, 1936. С. 26.

[2] *Мейснер Д.И.* Миражи и действительность: Записки эмигранта. М., 1966. С. 236—237.

Укрепление советской власти, принятие новой экономической политики (НЭПа) стали причинами, которые способствовали тому, что многие казаки приняли решение вернуться на родину. Так, из 30 тысяч донских казаков, оказавшихся в эмиграции, на Дон вернулась почти половина. Многие из оставшихся покинули Болгарию и расселились по странам Европы и Америки. После переезда во Францию Донского атамана Богаевского, а затем Кубанского и Терского Войсковых атаманов В.Г. Науменко и Г.А. Вдовенко в Париже возобновились заседания «Объединенного совета Дона, Кубани и Терека». Однако жизнь распорядилась так, что казаки все больше рассеивались по континентам в поисках лучшей жизни, и сохранять связь атаманам со своими казачьими объединениями становилось все труднее. Таким образом, мы видим, что судьба казачества, оказавшегося в эмиграции, оказалась довольно трагичной. Многие умерли в эмиграции, не выдержав разлуки с родиной, тягот и лишений жизни на чужбине. Не менее трети казаков, преимущественно рядовых, в конце двадцатых годов вернулись в СССР, где их, как правило, ждали коллективизация и окончательное расказачивание. Оставшееся же в эмиграции казачество, раскиданное по всей Европе, пыталось сохранить верность своим традициям и лелеяло надежду на то, что рано или поздно ненавистный коммунистический режим в России падет и они смогут вернуться в родные края.

30-е годы XX века стали переломными в истории Европы и мира в целом. Нараставший экспансионизм и агрессивные планы германского фашизма и японского милитаризма неизбежно вели к международному политическому кризису и к угрозе мировой войны. Несомненно, все это очень сильно повлияло на уклад жизни и политические настроения русской эмиграции в целом и казачьей в частности. Во-первых, эмигрантам нужно было определить свое отношение к

идеологии и политике итальянского и германского фашизма, а во-вторых, свое отношение к возможной будущей войне Германии и Японии против СССР, то есть либо занять оборонческую, патриотическую позицию, либо встать на сторону агрессора, быть пораженцем (желать поражения СССР в войне).

Первыми свои симпатии к фашизму высказали самостийники. Еще в 1929 году журнал «Вольное казачество» в двух номерах опубликовал большую статью «О фашизме», в которой говорилось: *«Поучиться фашистским методам спасения государства мы считаем необходимым, ибо они оказались блестящими. Тактика фашизма оказалась правильной и быстро привела к осуществлению поставленной цели. Из состояния разложения и распада фашизм, и именно фашизм, превратил Италию в цветущую страну». Далее в статье делался вывод, что больное итальянское общество вылечил доктор, а «фамилия этого доктора — фашизм»*[1].

В середине 30-х годов казаки-самостийники в Чехословакии создали «Казачий национальный центр» (КНЦ) во главе с В.Г. Глазковым, который открыто ориентировался на гитлеровскую Германию, считая, что с помощью ее агрессивной политики можно уничтожить СССР, Россию, ненавистную «Московию», а затем создать независимую «Казакию». Именно эта организация проявила наибольшую активность в отстаивании идей казачьего сепаратизма и вела чрезвычайно активную антисоветскую деятельность. Так, например, еще 7 апреля 1939 года был издан специальный циркуляр «О сборе агентурных сведений об СССР»: *«Необходимо немедленно,* — говорилось в этом документе, — *принять самые решительные меры, чтобы ничто, касающееся нашего противника СССР, не оставалось не использованным, чтобы все сведения о нем систематизировались и незамедлительно передавались в Пра-*

[1] Вольное казачество. Прага, 1929. № 46. С. 10.

гу для дальнейшей обработки». Причем особенное внимание казачьи шпионы должны были уделять сбору и анализу следующей информации: «Настроения населения, отношение к власти... 5. Как живут казаки, сколько их и каких? Как к ним относится власть и они к ней? 6. Какие повинности казаков и населения казачьих областей? 10. Военные фабрики и заводы? 11. Какие пути сообщения, шоссе, железная дорога, пароходы?»[1] Неудивительно, что к этой небольшой (например, в Болгарии к 8 августа 1941 года насчитывался только 71 казак-националист[2]), но чрезвычайно активной организации проявили повышенный интерес немецкие спецслужбы, чьи представители после захвата немцами Праги имели с Глазковым несколько бесед, во время которых пообещали ему определенную, хотя и негласную, поддержку.

Не сразу заняли прогерманскую, профашистскую позицию эмигрантские казачьи организации, стоявшие за возрождение национальной России. Тем более что государства, принявшие их на своей территории, — Югославия, Чехословакия, Франция — были в напряженных отношениях с Германией, а впоследствии и сами стали жертвами фашистской агрессии. Однако по мере усиления нацистского государства большинство казаков-эмигрантов посчитало, что из двух зол — сталинский СССР и гитлеровская Германия — меньшим злом все же является Германия. Казачья эмиграция, как и большинство белой эмиграции, оценивала СССР в духе Российского зарубежного съезда в Париже, который прошел в апреле 1926 года: СССР — не Россия и вообще не национальное государство, а русская территория, завоеванная III Интернационалом. Отсюда легко сделать вывод, что возможен (а иногда и необходим) союз с иностранными силами, в частнос-

[1] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 110. Л. 1.

[2] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 2. Л. 24.

ти с Антикоминтерновским пактом, для спасения России от власти коммунистов. Непонятно только одно: почему эта часть казачества не боялась, что Россия будет расчленена союзниками, а ее население планируется практически полностью уничтожить (что и озвучил Гитлер еще в 20-х годах в библии нацизма «Майн Кампф»)? Логика рассуждений этой части казаков-эмигрантов была примерно следующей: *«Съесть Россию и превратить ее в колонию... не будет по силам и 80-миллионной Германии. Россия — не Чехия. Ведь подобное положение сделало бы из России нового непримиримого врага Германии, в последних же у нее и так недостатка нет... Если бы Германия... пошла бы по линии расчленения и удушения Национальной России, это было бы «против здравого смысла»*[1].

Большинство казачьих организаций на чужбине не прислушались к предостережениям генерала А.И. Деникина о недопустимости для русских эмигрантов сотрудничества с Германией и участия в иностранном вторжении в Россию. Эту мысль он развил в декабре 1938 года в докладе на тему «Мировые события и русский вопрос». В частности, о задачах русской эмиграции в случае войны между Германией и СССР он сказал: *«Наш долг, кроме противобольшевистской борьбы и пропаганды, проповедовать идею национальной России и защищать интересы России вообще. Всегда и везде, во всех странах рассеяния, где существует свобода слова и благоприятные политические условия, — явно, где их нет — прикровенно. В крайнем случае, молчать, но не славословить. Не наниматься и не продаваться. Мне хотелось бы сказать — не продавшимся, с ними говорить не о чем, — а тем, которые в добросовестном заблуждении собираются идти в поход на Украину вместе с Гитлером: если Гитлер решил*

---

[1] Цит. по: *Назаров М.В.* Миссия русской эмиграции. Т. 1. С. 279—280.

идти, то он, вероятно, обойдется и без вашей помощи. Зачем же давать моральное прикрытие предприятию, если, по вашему мнению, не захватному, то, во всяком случае, чрезвычайно подозрительному? В сделках с совестью в таких вопросах двигателем служат большей частью властолюбие и корыстолюбие, иногда, впрочем, отчаяние. Отчаяние — о судьбах России. При этом для оправдания своей противонациональной работы и связей чаще всего выдвигается объяснение: это только для раскачки, а потом можно будет повернуть штыки... Такого рода заявления сделали открыто два органа, претендующие на водительство русской эмиграцией... Простите меня, но это уже слишком наивно. Наивно, войдя в деловые сношения с партнером, предупреждать, что вы его обманете, и наивно рассчитывать на его безусловное доверие. Не повернете вы ваших штыков, ибо, использовав вас в качестве агитаторов, переводчиков, тюремщиков, быть может, даже в качестве боевой силы — заключенной в клещи своих пулеметов, — этот партнер в свое время обезвредит вас, обезоружит, если не сгноит в концентрационных лагерях. И прольете вы не «чекистскую», а просто русскую кровь — свою и своих напрасно, не для освобождения России, а для вящего ее закабаления»[1].

Политика гитлеровского руководства в отношении русской эмиграции, даже ориентировавшейся на нацизм, была двойственной. В первые годы после прихода Гитлера к власти лидеры национал-социализма нередко заявляли, что политика Германии не идет вразрез с интересами национальной России, а в 1936-м Гитлер даже провел прямое различие между Россией и большевизмом[2]. Однако в дальнейшем руководители

[1] Цит. по: *Лехович Д.В.* Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М., 1992. С. 320—321.

[2] См.: Известия. 1936. 8 марта; Возрождение. Париж, 1936. 8, 12 марта.

Третьего рейха проводили все более жесткую политику в отношении русской эмиграции, ограничивая ее деятельность. Такая позиция нацистского руководства легко объяснима: Гитлеру не нужна была в будущем самостоятельная Россия, даже без коммунистов, и цели русской белой эмиграции ему были абсолютно чужды. Неслучайно в 1938—1939 годах в Германии были распущены многие политические, в том числе и профашистские, организации русских эмигрантов, а контроль за деятельностью эмигрантов полностью перешел к Управлению делами русской эмиграции во главе с генералом В.В. Бискупским, которому подчинялись практически все организации. Во всех крупных городах были созданы так называемые опорные пункты, через начальников которых осуществлялось руководство действиями тех или иных, в том числе и казачьих, эмигрантских групп.

Конечно, и среди казаков-эмигрантов были патриоты России, осуждающие германский фашизм, но они явно оказались в меньшинстве. Что касается основной массы казаков-эмигрантов, то они, как правило, занимали выжидательную позицию, лишь словесно поддерживая германскую политику (в условиях германской оккупации). Впрочем, германские власти от них большего и не требовали.

Положение в рядах зарубежного казачества осложнилось во второй половине 1930-х годов, в результате усиления раскола среди донских казаков, произошедшего в связи с борьбой за атаманскую власть после смерти А.П. Богаевского в конце 1934 года. В 1935 году специальный избирательный комитет провел выборы нового атамана. Основными претендентами были граф М.Н. Граббе и противостоящие ему генералы П.Х. Попов и А.В. Черячукин. Против М.Н. Граббе уже тогда выступали самостийники, а также группа В.А. Харламова, который собрал вокруг себя казаков-милюковцев. В голосовании участвовало 5200 донских казаков из разных

стран рассеяния, и генерал-лейтенант граф М.Н. Граббе получил большинство.

В 1938 году истекли три года — срок, на который он был избран Донским атаманом, и граф предложил создать комиссию для новых выборов атамана. Вскоре эта комиссия действительно была создана — во главе с председателем Союза Донских артиллеристов Шульгиным. Вот как описал в июле 1940 года дальнейшие события представитель Донского атамана в Чехословакии С.В. Маракуев: *«В то же время стали поступать приговоры станиц о том, что казаки не желают производить выборы и просят графа Граббе остаться на следующее трехлетие. Таких приговоров было подано около 200 из разных стран с 3500 подписями. Так как в голосовании 1935 года приняло участие 5200 казаков, то Комиссия сочла излишним и даже невозможным производить выборы и объявила гр. Граббе Атаманом на следующее трехлетие. Но самостийники, казакийцы и Харламовцы образовали свою избирательную комиссию, назначили кандидатом одного Попова, собрали за него, по их утверждениям, никем не проверенным, — 2400 голосов, и объявили его Атаманом. В этом действии все было противозаконно и произвольно, и ген. Попов отнюдь Донским атаманом признан быть не может. Приехав в Европу, он занял сразу положение «казакийца» и украинофила, вследствие чего группа Харламова от него отреклась, так что он остался атаманом одних самостийников»*[1]. Так начал углубляться раскол среди донского казачества за границей. Часть казачьих групп, станиц и хуторов, ориентирующихся на вольно-казачье движение, признала П.Х. Попова законным Войсковым атаманом, остальные продолжали считать атаманом М.Н. Граббе.

В такой обстановке разброда, ругани и взаимных упреков встретила казачья эмиграция в Европе Вторую

---

[1] ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 2. Л. 176.

мировую войну и немецкую оккупацию Чехословакии, Франции, Югославии, а также установление профашистских режимов в Румынии, Венгрии и Болгарии.

С первых же месяцев оккупации резко ухудшилось материальное положение большинства казаков. Новые немецкие власти, как правило, прекращали выплату эмигрантам различных пособий и увольняли с государственной службы. Люди просто-напросто оставались без средств к существованию. *«От бывшего Югославского правительства,* — пишет Е.И. Балабину донской казак П.М. Ручкин, — *получал пенсию в размере в 800 динаров в месяц и кое-как существовал, но с апреля сего года никакой помощи не получаю и впал в сильную материальную нужду. Идет зима, а с нею и большие заботы о насущном куске хлеба»*[1]. Важно отметить, что германские власти зачастую специально мешали казачьим организациям зарабатывать деньги. Об этом прямо писал В.В. Бискупскому Е.И. Балабин 27 июня 1940 года из Праги. Объясняя, почему концерт для сбора денег на устройство детей в летние лагеря дал мало средств, он отметил: *«Инстанция* (германские власти в Праге. — ***П.К.***) *запретила публиковать о вечере, вывесить плакаты даже на русском ресторане, запретила где-либо предварительную продажу билетов — только при входе и только тем, у кого будет в руках письменное от нас приглашение. Несмотря на все принятые меры, о вечере многие не знали. Кроме того, это был день Троицы, и литургия окончилась в 2 часа дня, а концерт от трех. Буфет, ввиду страшной дороговизны и невозможности покупать продукты без карточек, не дал такой прибыли»*[2].

Усугубляла бедственное положение казачьей эмиграции и та ее отрицательная черта, о которой еще в июне 1921 года говорили члены Константинополь-

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 4. Л. 187 (об).

[2] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 2. Л. 167 (об).

ской партии кадетов: *«К сожалению, наша сварливость, несплоченность, обливание помоями с апелляцией друг на друга к иностранцам очень вредят симпатиям к русским»*[1]. Почти через 20 лет, в 1940 году, об этой черте русской и казачьей эмиграции писал в одном из своих писем атаман Е.И. Балабин: *«К сожалению, во Франции сейчас идет то же, что было здесь по приходе немцев. Многочисленные русские организации засыпали немцев жалобами друг на друга, и каждая из них настаивает, чтобы немцы слушались только их и никого больше»*[2]. Все это привело к тому, что в конечном итоге германское руководство полностью разочаровалось в эмиграции. Это, например, наиболее отчетливо проявилось в том, что немцы не приветствовали участие казаков-эмигрантов, в отличие от так называемых «подсоветских» казаков, в боевых действиях на стороне Германии[3]. *«Пришлось мне беседовать с немцами, — грустно написал в ноябре 1942 года генерал П.Н. Краснов, — по Казачьим делам. И вот что доверительно мне было сказано: мы предпочитаем и будем сотрудничать только с теми казаками, которые придут к нам на местах, то есть на Дону, Кубани и на Тереке. Там мы находим и организации, и жертвенную готовность бороться с большевизмом, и всячески, отдавая свое последнее, нам помогают уничтожать большевиков. В эмиграции мы не видим ни людей, ни организаций, ни казаков»*[4].

Политика германских властей по отношению к ка-

---

[1] *Худобородов А.Л.* Российское казачество в эмиграции (1920—1945 гг.): социальные, военно-политические и культурные проблемы. М., 1997. С. 307.

[2] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 2. Л. 256 (об).

[3] На протяжении всей войны только одна боевая часть полностью состояла из казаков-эмигрантов — полк Русского охранного корпуса на Балканах. Немцы старались препятствовать проникновению эмигрантов в боевые части вермахта, предпочитая сотрудничать с «подсоветским» населением.

[4] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 17. Л. 14.

зачьей, впрочем, как и ко всей русской эмиграции сводилась к резкому ограничению деятельности эмигрантов, сокращению числа их организаций, роспуску большинства из них, унификации их структуры, ко взятию всех эмигрантских организаций, как в Германии, так и в оккупированных ею странах, под жесткий контроль Берлина и Управления делами русской эмиграции во главе с В.В. Бискупским. Все это непосредственно повлияло на деятельность организаций, в которые входили казаки. В конце 1939-го — начале 1940 г. началась реорганизация казачьих союзов, объединений и станиц на территории Третьего рейха. В результате к 1941 году было создано Общеказачье объединение в Германской империи во главе с генерал-лейтенантом Донского казачьего войска Е.И. Балабиным.

Первоначально была создана единая Казачья группа на территории Чехословакии и Моравии, получившая название Общеказачье объединение в протекторате Чехии и Моравии. В январе—феврале 1940 года в Чехии и Моравии были ликвидированы такие самостоятельные казачьи организации, как Общеказачий сельскохозяйственный союз, Общество казаков, Общество казаков-инвалидов в Праге, Калмыцкая культурно-просветительная комиссия в Праге, Терское общество в Праге, а также расформированы Кубанская и Донская имени графа Граббе станицы в Праге, станицы в Брно, Моравской Остраве, хутора в Пльзене и Младо-Болеславе. Вскоре казачьи станицы начали создаваться заново, но уже не на самостоятельной основе, а в составе Общеказачьего объединения в Германской империи, подчиненные атаману Е.И. Балабину. К 1941 году были сформированы Донская, Кубанская и Терская станицы в Праге, а также станицы в городах Брно, Пльзене, Моравской Остраве и Младо-Болеславе (*см. схему 3*).

Статут этого объединения, составленный весной 1940 года, предусматривал, что в него входят «казачьи

Схема 3. Структура Общеказачьего объединения в Германской империи 1941 года

общественные организации, существующие в протекторате, и кои политически стоят на антикоммунистической основе, на основе казачьих конституций 1918—1919 гг. и Декларации Объединенного совета Дона, Кубани и Терека от 1921 года». Целью объединения являлось «единое представительство и защита правовых, экономических, культурных, духовных и прочих интересов казаков, пребывающих на территории протектората»[1].

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 1. Л. 79.

Органами управления объединения были Совет объединения, его президиум и Ревизионная комиссия.

Помощник атамана Общеказачьего объединения С.В. Маракуев в письме от 3 июля 1940 года так объяснил характер новой казачьей структуры: «*Мое тесное сотрудничество с генералом Е.И. Балабиным свидетельствует о том, что объединительная работа, генералом Балабиным предпринятая, не есть какая-то изолированная акция, отделяющая казаков Германии от казаков, живущих в других странах, а акция общая, ведущаяся со всем эмигрантским казачеством, которое не желает самостийных или украинских авантюр, а хранит верность Родине и заветам предков, которые несколько столетий жили в России и с Россией, служили ей и на этой службе прославили себя и многими подвигами, и пролитой кровью. Объединение, которое здесь предпринято, имеет в виду не тех несколько сотен человек, которые живут на территории Великогермании, а все Казачество. С нами идут и Кубанцы, и Терцы, и Войсковые Атаманы*»[1].

К августу 1940 года Общеказачье объединение только в протекторате Чехии и Моравии насчитывало, по подсчетам Е.И. Балабина, 450 человек[2]. К лету 1941 года эта организация включала, кроме станиц и хуторов Чехии и Моравии, также Берлинскую станицу, Калединскую станицу в Братиславе, Беломонастырскую станицу в Венгрии, представители атамана имелись в Словакии, Восточной Пруссии, Польском генерал-губернаторстве.

Любопытно, что еще задолго до 22 июня 1941 года казаки-балабинцы начали подготовку к будущей войне. 14 апреля 1941 года атаман Е.И. Балабин опубликовал специальный приказ по станицам, хуторам и от-

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 2. Л. 176—176 (об).

[2] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 2. Л. 201 (об).

дельно живущим казакам на территории Третьего рейха в Словакии: *«Уже близок тот час, — говорится в этом документе, — когда от нас, казаков, потребуется сложная и серьезная работа по освобождению нашего Отечества от жидовского ига и восстановлению на нем лучших жемчужин Короны Российской — Казачьих Войск»*[1].

Общеказачье объединение в Германской империи непосредственно подчинялось В.В. Бискупскому, а его указания получало через начальника опорного пункта Управления делами русской эмиграции в протекторате Чехии и Моравии К. Ефремова.

Однако создание Общеказачьего объединения отнюдь не ликвидировало раскол в казачьем эмигрантском движении. За пределами остались и действовали самостийники. Довольно прочные позиции они имели в Общеказачьей станице в Праге, а в хуторах Брненской станицы активно действовал, призывая казаков не подчиняться Е.И. Балабину и В.В. Бискупскому, самостийник А.А. Гусельщиков. О ситуации, сложившейся в связи с этими противоречиями в Праге, Е.И. Балабин сообщал В.В. Бискупскому в письме от 26 февраля 1940 года: *«Общеказачья станица в Праге, находящаяся в сфере влияния генерала П.Х. Попова, до настоящего времени не приступила к ликвидации, хотя лично руководители ее были осведомлены о предстоящей реформе казачьих объединений в Протекторате. В этом, несомненно, сказывается воздействие генерала П.Х. Попова и лиц, составляющих его ближайшее окружение. Генерал Попов уведомляет казаков, что его организация пользуется поддержкой властей, что он получит из Берлина Устав, которым будет руководствоваться его группа, и часть казаков ему верит. Пока деятельности генерала Попова не будет положен конец, объединение всех казаков в Протекторате достигнуто не будет. За ним пойдет, правда,*

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 5. Л. 106.

ничтожное меньшинство, но оно все же будет, и казачество останется раздробленным на две группы»[1].

Уговоры и увещевания Балабина и Бискупского вскоре возымели действие. В апреле часть самостийников (так называемая Инициативная группа) выступила с протестом против действий своих лидеров и, образовав Общеказачий хутор в Праге, вошла в подчинение генерала Е.И. Балабина.

В апреле все того же 1940 года Е.И. Балабин отмечал, что самостийники очень активно налаживают сотрудничество с Пражским гестапо. В частности, в письме П.Н. Краснову он писал: *«Поповцы не унимаются. Вновь выбранный атаманом Попов хлопочет у Гестапо о снятии ареста с кассы и инвентаря прежней станицы, говоря, что у них осталось 75 казаков, а с Болгарией, Югославией и Польшей будто бы 1118 человек. Конечно, цифры ложные, а что за границей и проверить нельзя, но понимают ли это наши хозяева? А ведь ложными цифрами они оперируют в Гестапо и производят впечатление»*[2].

Несомненный интерес представляет рукопись Е.И. Балабина «О самостийниках», написанная им в марте 1940 года. В ней он дает довольно точную общеполитическую оценку этого движения и его пагубную роль для казачьей эмиграции: *«В среде казачьей эмиграции в Европе, — в частности, писал атаман, — народилось уже давно уродливое и скорее даже позорное явление — самостийность. В происхождении его несомненно повинна не казачья масса, а претенденты в «вожди», честолюбцы, желающие играть политическую роль, и еще больше — те иностранные политические круги, которые строят своекорыстные расчеты на разделение России и приобретение исключительного влияния в отделившихся от государствен-*

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 2. Л. 41—41 (об).

[2] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 1. Л. 88.

ного единства областях. Самостийники составляют несколько враждующих между собой групп, но в общем их можно разделить на две различные части. К первой принадлежат политические фантазеры, мечтающие о создании самостоятельного казачьего государства — Казакии, независимого от России и от других европейских государств; им, создателям этого государства, должна принадлежать руководящая роль в будущей его жизни. Это политические честолюбцы, невежды, не знающие ни истории, ни основ политического равновесия Европы. Послевоенный европейский режим внушил им надежду на реализацию их мечтаний: если на обломках бывшей Австрийской монархии возник ряд новых государств, то почему же из развалин Российской державы не выкроить для их удовлетворения казачью самостоятельную республику. Другая часть самостийников более практична: они просто ищут иностранных нанимателей, которые за проповедь дробления нашей Родины готовы заплатить деньги, пусть небольшие, но все же достаточные, чтобы им вести праздную жизнь и играть роль политических деятелей»[1].

Важно отметить, что без поддержки германских властей самостийники просто не смогли бы существовать. И действительно, немцы в отношении казачьей эмиграции проводили двойную политику. С одной стороны, они через Управление делами русской эмиграции официально поддерживали Общеказачье объединение в Германской империи, а с другой, прежде всего через гестапо, как бы перестраховываясь, оказывали всяческую помощь казакийцам-самостийникам.

Именно с их помощью весной 1940 года на территории Германии и протектората Чехии и Моравии был создан Всеказачий союз (самостийники) во главе с П.Х. Поповым. Отношение германских властей к казачьим организациям в целом и самостийникам в част-

---

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 2. Л. 59.

ности очень точно характеризуется в письме Е.И. Балабина П.Н. Краснову от 30 мая 1940 года: *«Сейчас меня вызывает Гестапо. Разрешили издавать «Вестник» с запрещением писать в нем не только о Попове и его сотрудниках, но и не упоминать о самостийниках. Мою просьбу написать возражения, где Поповцы ошибаются, отклонили. Кроме того, взяли с меня письменное обязательство, что ни я, ни станицы, ни отдельные казаки моей группы не будут ни устно, ни письменно возбуждать вопросы о Попове, его сотрудниках, о самостийности»*[1]. Немецкие оккупационные власти даже материально лучше снабжали все тех же самостийников. Так, например, все пожилые казаки, состоявшие в организации Попова, получали по 700 крон в месяц, а всем остальным казакам в подобном пособии было отказано.

Подводя итог, можно сказать, что казаки в эмиграции в основной своей массе приветствовали нападение Германии на Советский Союз. Именно в Гитлере они видели человека, способного не только уничтожить ненавистный коммунистический режим, но и вернуть их на родину. *«Может быть*, — писал еще в начале Второй мировой войны генерал П.Н. Краснов, — *мы накануне новой вековой дружбы двух великих народов...»*[2]

Глава 2

«ДА ПОМОЖЕТ ГОСПОДЬ НЕМЕЦКОМУ ОРУЖИЮ И ХИТЛЕРУ»

Нападение фашистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года всколыхнуло всю российскую эмиграцию. Для эмигрантов наступил момент решаю-

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 2. Л. 139.

[2] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 2. Л. 214.

щего выбора. Для некоторых начало войны ускорило переход на патриотические позиции, к поддержке Советского Союза. Для других 22 июня 1941 года оживило надежды на скорое свержение советской власти и на реставрацию старых порядков в России, пусть и с помощью германского оружия. Однако по-настоящему активно ту или иную позицию заняли далеко не все эмигранты. Довольно значительная часть их вела себя пассивно, стараясь не высовываться и не рисковать жизнью, небольшим, но стабильным достатком, служебным положением и едва начавшей появляться уверенностью в завтрашнем дне.

Подобный раскол был характерен и для казачьей эмиграции[1], но здесь были свои особенности. Во-первых, лишь небольшая часть казаков-эмигрантов открыто встала на сторону СССР, вступив в борьбу с гитлеровским режимом. Во-вторых, у казаков-эмигрантов, выступивших открыто на стороне Германии в войне против Советского Союза, не было согласия в вопросе о дальнейшей судьбе России, и зачастую они не только не сотрудничали, а враждовали друг с другом, считая своих оппонентов чуть ли не предателями казачьих интересов. При этом одни стояли за возрождение единой национальной России, другие за ее расчленение, уничтожение Московии и создание независимой Казакии. В-третьих, именно среди простого, никак не связанного с теми или иными партиями и группировками казачества был довольно велик процент «пассивных», не желавших принимать никакого участия в новой войне казаков. Как это часто бывает, именно, в общем-то, ни в чем не заинтересованные люди испытывали на себе основные тяготы и лишения военного времени.

---

[1] На момент начала войны большинство казачества было расселено по станичному принципу. Станицы создавались по войсковой принадлежности (Донские, Кубанские, Терские) или были общеказачьими.

Это они голодали, замерзали, умирали в нищете и регулярно мобилизовались немецкими властями на те или иные работы. *«Положение ухудшается,* — пишет в мае 1942 года руководитель организации казаков-самостийников в Сербии П.С. Поляков, — *казаки теряют веру. Что особенно ухудшает положение — это вопрос с питанием. По новым порядкам свободной продажи муки, масла, смальца, мяса и т. д. — нет. В теории всеми этими продуктами должны мы снабжаться государством. Но сербы, почему не знаю, вопроса этого не решили. Мясо выдается раз в месяц по 100—150 граммов, смальц вообще не выдается, а муки дают кукурузной раз-два в неделю по 265 граммов. Короче говоря, мы или должны голодать, или идти покупать на черной бирже. На черной же бирже цены, при среднем заработке семейного казака 100—120 динар в день, следующие: смальц 600 динар кило, мясо 120—130, мука 75 динар кило и т. д. Эту зиму казаки голодали, перебивались с хлеба на квас, да и того хуже. Вопрос с отъездом в Германию на заработки не меняет дела, так как можно посылать лишь 2000 динар в месяц, а на эти деньги при теперешней дороговизне здесь семье не прожить. А тут еще, как назло, большинство наших казаков ужасно плодовитый народ — то двое, то трое, а то и сам-семь»*[1].

В разных странах Европы были группы и отдельные казаки, вступившие на путь антифашистской борьбы. Формы этой борьбы и симпатий к Родине — России были различными. Бывший эмигрант, протоиерей Г.Б. Старк писал, в частности, о таких проявлениях среди казаков-эмигрантов во Франции: *«В годы войны эмигранты помогали русским пленным, прятали их. Вспоминаю, как в Леможе я однажды попал на выступление русских казаков, которые зарабатывали на жизнь джигитовкой. После выступления мы встретились за*

[1] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 9. Л. 3.

чаем в домашней обстановке. Конечно, много говорили о России, пели песни, и вдруг один из казаков, молоденький мальчик, упал лицом на стол и зарыдал. Оказалось, что он бежал из плена, и казаки спрятали его в своей труппе под видом артиста»[1].

Сербы, хорваты и словенцы до сих пор чтят память оренбургского казака Ф.Е. Махина. Еще в 30-е годы он в своих статьях в белградском журнале «Русский архив» дал анализ военно-политической обстановке в Европе и точный прогноз будущих направлений гитлеровской агрессии. В 1939 годы бывший полковник Оренбургского войска вступил в ряды компартии Югославии, находившейся в то время в глубоком подполье, а с 1941 года — в состав Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ). Во время войны Ф.Е. Махин был одним из руководителей отдела пропаганды Верховного штаба НОАЮ и начальником его исторического отдела. Умер прославленный казак в 1945 году, в звании генерал-лейтенанта, его именем названа одна из улиц Белграда.

О казаках — участниках антифашистской борьбы в Чехословакии писал в своих воспоминаниях и эмигрант Д.И. Мейснер: *«В Словакии русские эмигранты приняли участие в восстании 1944 года, носившем подлинно героический характер... В городе Банска-Бистрица — центре восстания — местный врач, по происхождению донской казак, В.П. Каклюгин ушел вместе с партизанами в горы, а когда они были в городе, предоставил свою квартиру в распоряжение борцов Сопротивления. Его задачей было содействие партизанам прежде всего врачебной помощью. В борьбу включилась также вся его семья. Дочь Ирина, ныне живущая в Болгарии, стала радисткой партизанского отряда, а 16-летний сын Владимир — связным сло-*

[1] Переписка на исторические темы: Диалог ведет читатель. М., 1989. С. 315.

вацкого Национального совета... Бывали и более сложные случаи: инженер Поляков, тоже донской казак, не принадлежал к тем, кто радовался приходу русских. Партизаны после занятия Банска-Бистрица его даже арестовали. Он просидел 2 месяца, пока партизаны были в городе, потом они взяли его в горы как арестованного. В ноябре горный район, где скрывались партизаны, был окружен бендеровцами и гитлеровскими оккупантами. Они прорвали оборону партизан и принялись за расстрелы. В эти тяжелые минуты Поляков сразу определил свое место. Он добился, чтобы ему дали оружие, и героически дрался с немцами и бендеровцами. После окончательного освобождения страны он стал одним из первых советским гражданином и уехал на родину»[1].

Однако большинство вождей и атаманов казачьей эмиграции встретили события 22 июня восторженно, надеясь на скорый реванш. *«Я прошу передать всем казакам,* — писал П.Н. Краснов, — *что эта война не против России, но против коммунистов, жидов и их приспешников, торгующих Русской кровью. Да поможет Господь немецкому оружию и Хитлеру (дословно. — **П.К.**)! Пусть совершат они то, что сделали для Пруссии Русские и Император Александр I в 1813 году»*[2]. Через день, 23 июня, в письме атаману Е.И. Балабину он дал подробные разъяснения по поводу проводимых исторических аналогий: *«Итак... Свершилось! Германский меч занесен над головой коммунизма, начинается новая эра жизни России, и теперь никак не следует искать и ожидать повторения 1918 года, но скорее мы накануне событий, подобных 1813 году. Только роли переменились. Россия — (не Советы) — является в роли порабощенной Пруссии, а*

[1] *Мейснер Д.И.* Миражи и действительность: Записки эмигранта. М., 1966. С. 260.

[2] ГАРФ. Ф. 6461. ОП. 2. Д. 34. Л. 73.

Адольф Гитлер в роли благородного Императора Александра I. Германия готовится отдать старый долг России. Быть может, мы на пороге новой вековой дружбы двух великих народов»[1].

По случаю нападения Германии на Советский Союз донской атаман граф М.Н. Граббе 28 июня издал специальный приказ-воззвание, в котором обратился с призывом к донским казакам поддержать агрессию Гитлера и готовиться к возможному возвращению домой. «*Донцы!* — говорилось в этом приказе. — *Неоднократно за последние годы в моих к вам обращениях предсказывал я великие потрясения, которые должны всколыхнуть мир; говорил неоднократно, что из потрясений этих засияет для нас заря освобождения, возвращения нашего в родные края.*

22 сего июня Вождь Великогерманского рейха Адольф Гитлер объявил войну Союзу Советских Социалистических Республик. От Ледовитого океана до Черного моря грозною стеною надвинулась и перешла красные границы мощная германская армия, поражая полки Коминтерна. Великая началась борьба. Донское казачество! Эта борьба — наша борьба.

...От имени Всевеликого Войска Донского я, Донской Атаман, единственный носитель Донской власти, заявляю, что Войско Донское, коего я являюсь Главою, продолжает свой двадцатилетний поход, что оружие оно не сложило; мира с Советской властью не заключало; что оно продолжает считать себя с нею в состоянии войны; а цель этой войны — свержение Советской власти и возвращение в чести и достоинстве домой для возобновления и возрождения Родных Краев при помощи дружественной нам Германии. Бог браней да ниспошлет победу знаменам, ныне поднятым против богоборческой красной власти!

Атаманам всех Донских казачьих и Общеказачьих

---

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 16. Л. 21.

станиц по всем странам в эмиграции приказываю произвести полный учет всех казаков. Всем казакам, в станицах и организациях казачьих не состоящим, приказываю в них записаться. Связь со мною держать всемерно»[1].

С приветственной речью к казакам и всем эмигрантам обратился и генерал-лейтенант Е.И. Балабин — атаман Общеказачьего объединения в Германской империи (*полную речь Е.И. Балабина и приказ-воззвание М.Н. Граббе см. в Приложении 1.1*). *«Долгожданный момент освобождения России,* — отметил атаман, — *наконец наступил: 22 июня Вождь Германского народа, предупреждая нападение красных войск на свою территорию, приказал доблестной своей армии начать наступление... Ныне освободительная задача возлагается Всеблагим Промыслом на Вождя Великой Германии Адольфа Гитлера. Под его мудрым и благословенным водительством началось освобождение России, шестой части света, и не одной только России, но всего человечества, на священные права и свободу которого кремлевские злодеи замышляли и упорно подготовляли изменническое нападение»*[2].

К моменту начала Великой Отечественной войны в рядах эмигрантского казачества не было единства. Большая часть казаков группировалась вокруг своих официальных лидеров — атаманов Донского, Кубанского, Терского и Астраханского войск за границей — генералов М.Н. Граббе, В.Г. Науменко, Г.А. Вдовенко и Н.В. Лях ова, а также духовного лидера казачьей эмиграции П.Н. Краснова и руководителя Общеказачьего объединения в Германской империи атамана Е.И. Балабина[3],

---

[1] ГАРФ. Ф. 6532. ОП. 1. Д. 88. Л. 68—68 (об).

[2] ГАРФ. Ф. 5853. ОП. 1. Д. 69. Л. 384—385.

[3] К февралю 1943 года численность казаков в Общеказачьем объединении в Германской империи, самой многочисленной казачьей организации Третьего рейха, составляла 997 человек.

которые традиционно связывали свое будущее с освобожденной от власти большевиков Россией.

С началом войны резко активизировалась количественно меньшая, но политически гораздо более активная, находившаяся под влиянием ярко выраженной национально-сепаратистской идеи группа казаков-националистов, отстаивающая мысль о создании независимого казачьего государства — Казакии, которое включило бы в себя территории всех казачьих областей — «от Сана и до океана». Политическая активность самостийников достигла наивысшего размаха именно летом—осенью 1941 года, после нападения фашистской Германии на Советский Союз.

22 июня 1941 года, в день начала войны, руководитель Казачьего национального центра Василий Глазков направил на имя Гитлера, Геринга, Риббентропа и Нейрата восторженную телеграмму, в которой выразил свою полную поддержку и одобрение всем действиям немцев: *«Казачий Национальный Центр,* — говорилось в этом документе, — *в исторический момент решения Вождя приносит ему именем всего Казачества в Зарубежье и в порабощенной казачьей Родине выражение радостного чувства верности и преданности... Мы, казаки, отдаем себя и все наши силы в распоряжение Фюрера для борьбы против нашего общего врага. Мы твердо верим, что победоносная германская армия обеспечит нам восстановление казачьей государственности, которая будет верным сочленом держав Пакта Трех»*[1]. Одновременно КНЦ был преобразован в «Казачье национально-освободительное движение» (КНОД). Его представитель в Берлине передал специальный меморандум послам Италии и Японии. Приветствия в связи со вступлением в войну с Советским Союзом были направлены правительствам Финляндии, Венгрии и Румынии. Во многих европейских

---

[1] Казачий вестник. 1941. № 1. 22 августа. С. 1.

странах в крупных городах проводились шумные митинги в поддержку действий Германии. Специально для Гитлера в конце августа — начале сентября казаки подготовили подробное письмо, в котором говорилось о казаках как об особом народе, «находившемся под рабством России в течение 180 лет до революции», и подарок. *«В величину половины квадратного метра,* — описывает это творение управляющий иностранным отделом КНОД П. Харламов, — *вышивается карта КАЗАКИИ; на казачью землю с запада входит немецкий солдат и поднимает руку для приветствия, его встречает казак с хлебом и солью. Получается прекрасный подарок-символ. Мы понимаем, что Вождь не нуждается в нашем подарке, но в нем нуждаемся мы»*[1] (*Торжественные выступления и воззвания казаков-националистов по случаю начала войны см. в Приложении 1.2*).

28 июня в Праге казаки-националисты устроили торжественный митинг-собрание, где с поздравительной речью по случаю начала войны выступил руководитель КНОД В.Г. Глазков: «Час освобождения наступает! — заявил он. — В этот исторический час все казаки должны проникнуться сознанием всей важности наступивших событий и сознанием ответственности, которая легла сейчас на плечи нашей эмиграции. Казаки, перед лицом великих событий станем выше житейских и мелочных недоразумений... Станичники, над нашей прекрасной ковыльной степью встает солнце Свободы. В эти решающие для нашей Казачьей Родины дни напряжем все наши духовные и физические силы... Казаки, вперед по пути славы и чести!»[2] По окончании митинга была принята официальная резолюция, приветствовавшая германское вторжение. На следующий день эта резолюция, в которой от имени всего казаче-

[1] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 2. Л. 30.

[2] Казачий вестник. 1941. № 1. 22 августа. С. 2.

ства было принято решение «стать в ряды против Советов за освобождение своей Казачьей Родины»[1], была принята и одобрена собранием, организованным активистами КНОД в Берлине. Причем председательствующий на этом собрании Глазков настолько вошел в раж и вообразил себя «лидером всех казаков в эмиграции», что совсем утратил чувство реальности и заявил, будто из протектората Чехия и Моравия, Силезии, Болгарии и генерал-губернаторства (Польша) уже вышли и влились в немецкую армию заранее сформированные казачьи боевые группы, которые вот-вот вступят в схватку с большевиками, а впоследствии составят костяк армии «независимой Казакии». Самостийники также призвали всех казаков вступать в свои ряды, так как якобы только они могут рассчитывать на возвращение в родные края. Еще через несколько дней эта резолюция была одобрена представительствами КНОД в вестмарке (Эльзас и Лотарингия), генерал-губернаторстве (Польша), Румынии, Словакии, Венгрии, Болгарии и Франции.

Кроме этих пропагандистских акций, в первые дни руководство КНОД издало несколько официальных распоряжений и приказов, касающихся всех казаков-эмигрантов, вне зависимости от их членства в данной организации. *«В наступивший 22 июня с. г.,* — говорилось в одном из таких официальных документов, — *исторический момент борьбы за освобождение нашей Казачьей Родины каждый казак и казачка должны быть готовы принять активное участие в этой борьбе. Для того, чтобы Казачество могло быть вполне подготовленным к ней* (к борьбе против большевиков. — ***П.К.***), *необходимы его организованность, дисциплина и точный учет сил. Для этого вменяется в обязанность всем казакам и казачкам:*

---

[1] Казачий вестник. 1941. № 1. № 4. 22 августа, 15 ноября.

1) состоять в одной из казачьих национальных организаций;

2) войти в связь с оторванными от казачьей жизни станичниками и привлечь их к участию в организованной жизни Казачества;

3) главам казачьих организаций вести точный учет своих членов, их семейств, перемены адресов;

4) иметь постоянную связь с Руководителями по странам, представителями Казачьего Национального Центра в различных странах и с самим КНЦ — в порядке первостепенной подчиненности;

5) в местах, где есть казаки, но нет еще организованных групп, создать таковые, избрать доверенных и связаться с высшими организациями;

6) отдельно вести учет неказакам, коренным жителям Казачьих Земель и оторванных ранее у Кавказского Линейного Войска — Ставропольской губернии и от Кубанского Войска — Черноморской губернии; они тоже будут призваны к участию в борьбе за освобождение нашей общей казачьей Родины;

7) вести учет неказакам, принимавшим участие в вооруженной борьбе 1918—1920 годов в составе казачьих частей;

8) вести учет мужьям и семьям казачек — неказакам, желающим принять участие вместе с казаками в наступившей вооруженной борьбе с СССР.

Каждый казак и казачка и каждый из неказаков, кровно связанный с Казачьими Землями, обязан принять участие в этом освободительном бое, вне зависимости от теперешнего гражданства и подданства.

Всем казакам, способным владеть оружием, предлагается дать КНЦ через своих Руководителей по странам или в исключительном случае непосредственно следующие о себе сведения: 1) имя, отчество, фамилия, станица, Войско; 2) год, месяц, день и место рождения; 3) чин или звание и род оружия; 4) образование; 5) фирму или место службы; 6) зарабо-

ток; 7) чин или звание; 8) состав семьи и адрес проживания; 9) состояние здоровья. Всем специалистам казакам, казачкам и коренным иногородним — докторам, врачам, инженерам, духовенству, педагогам, коммерсантам, экономистам, ветеринарам, медицинскому и санитарному персоналу, мастерам и ремесленникам — дать о себе в кратчайший срок сведения... без различия своей принадлежности к той или иной организации»[1].

Помимо официальных резолюций и документов, на одном из официальных собраний казаков-самостийников были упорядочены «приветствия и обращения казаков-националистов». *«Для однообразия приветствия казаками-националистами,* — говорилось в распоряжении В. Глазкова, — *и выявления единства с иными национальными народами устанавливается приветствование друг друга давно принятым в КНО Движении способом — поднятием правой руки на высоту плеча и словами «Слава Казачеству», ответ — «Слава». Приветствием «Слава Казачеству» пользоваться и в переписке. В обращении к казакам пользоваться словом «Станичник»*[2].

Самостийники спекулировали на искреннем желании многих тысяч казаков-эмигрантов взять в руки оружие и идти воевать против ненавистного «жидо-большевизма». Штаб-квартира КНОД в Праге (впрочем, как и все остальные казачьи организации) была буквально завалена письмами, заявлениями и постановлениями вроде: «*...Выражаем готовность активно участвовать в борьбе с коммунизмом, отдавая свои силы и даже жизнь за святое дело борьбы против жидо-масонства. Подписали 19 человек*»[3]. Лидеры ка-

[1] Казачий вестник. 1941. № 1. 22 августа. С. 8.

[2] Казачий вестник. 1941. № 2. 15 октября. С. 8.

[3] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 2. Постановление казаков Перншиской общеказачьей станицы в Болгарии от 12 июля 1941 г.

заков-националистов начали издавать персональные обращения к казакам, в которых призывали вступать в несуществующие боевые отряды и даже армии, внося тем самым еще большую сумятицу в ряды казачества. В какой-то момент самостийники совсем зарвались и начали насильно мобилизовать всех казаков. «*Хватают молодежь на улице,* — пишет 2 июля 1941 года в одном из своих писем атаман Е.И. Балабин, — *записывая их в формируемые ими казачьи полки. Г-н Гусельщиков, заговорив у пансиона русской гимназии с абитуриентом Ф. Корольковым и узнав, что он казак, силой мобилизовал его. Вручив Королькову 60 крон на дорогу, он сказал: «Сейчас поедешь в Пардубице — там я формирую казачий полк»*[1].

Весь трагизм ситуации заключался в том, что немецкие власти не были заинтересованы в казаках-воинах, но нуждались в бесплатной рабочей силе. В результате многие из тех, кто поверил самостийникам, дал свое согласие на «добровольную» мобилизацию и вступление в несуществующие казачьи отряды, были просто-напросто обмануты. Вместо оружия и «освободительной» борьбы на Востоке они получили лопаты и кирки на немецких заводах в Германии и Европе.

Во всех коллективных и персональных документах казаков-самостийников весьма отчетливо проявлялось их стремление к окончательному размежеванию с наиболее видными представителями русской казачьей эмиграции. Поливая их грязью и обвиняя во всех смертных грехах, самостийники тем самым надеялись переманить на свою сторону по возможности максимальное количество рядовых казаков-эмигрантов. 9 августа 1941 года в Праге состоялось собрание, на котором, помимо казаков-националистов, присутствовали представители украинской и белорусской диаспор. Зал, в котором проходила встреча, был украшен не-

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 30. Л. 2—2 (об).

мецкими и казачьими флагами, портретами Гитлера и атаманов Кондратия Булавина и Игнатия Некрасова[1]. В своей речи Василий Глазков сообщил о ходатайстве перед Гитлером о разрешении официального формирования Казачьего Походного Войска. Лидер самостийников заявил также о «лжепатриотизме великих князей, царских послов Саблиных и других дряхлых превосходительств, вопиющих из далекого Лондона о поддержке «объединителя» земель русских «батюшки» Сталина». Для таких деятелей, к числу которых был отнесен и А.И. Деникин, Глазков выдумал новый термин — «бело-большевики». *«Не забывайте, станичники,* — отметил также в своем выступлении руководитель КНОД, — *что русские люди ушли в эмиграцию из-за своего прошлого. Казаки же ушли в эмиграцию из-за своего будущего. А посему мы, казаки, не можем и не должны связывать свое будущее с русским прошлым!.. Мы, казаки, приветствуем каждую бомбу и каждую гранату, которые летят на головы московских тиранов!.. Слава Богу, Москва горит! Хайль Гитлер! Слава Казачеству!»*[2]

После этого собрания с сентября 1941 года в журнале казаков-националистов «Казачий вестник» началась откровенная травля всех казачьих организаций, которые не поддерживали идей Глазкова и их лидеров — атаманов Е.И. Балабина, В.Г. Науменко, П.Н. Краснова, М.Н. Граббе. Одновременно в этом же издании регулярно начали появляться статьи-панегирики в честь

---

[1] *Кондратий Булавин* — руководитель казачьего восстания на Дону в 1707—1708 гг., которое было вызвано приказом Петра I о переписи и высылке в Россию беглых, что нарушало традиционные отношения между Москвой и Доном. *Игнатий Некрасов* — один из участвовавших в восстании атаманов. Этих атаманов лидеры казаков-националистов планировали провозгласить святыми, также к лику святых должны были быть причислены Пугачев и Разин.

[2] Казачий вестник. 1941. № 1. 22 августа. С. 3.

«нового освободителя всех казаков Адольфа Гитлера» и его «победоносной Германской армии», а также пространные материалы расистско-биологического свойства про ненавистных «русских оккупантов», их характер и умственные способности. Вот лишь некоторые примеры подобного «творчества»: «Мы говорим вам ясно, — обращается к своим оппонентом из умеренной эмиграции самостийник А. Морозов, — если вы в действительности русские холопы-воры и разбойники и «явление исключительно русского характера», то возвратитесь к тому народу, который по вашему мнению вас породил, но перестаньте «ни к селу, ни к городу» называться казаками и не путайтесь в наши казачьи дела»[1]. А вот пример казачьего самоопределения и отношения к германскому народу, ведущему войну против большевизма, звучащий в статье видного деятеля казаков-националистов М. Карпова «Довольно безгласности»: *«Мы, казаки — «не сословие», не «нагаечники», а народ вполне особый и вполне национально самобытный... На Казачестве не было и нет страшного каинова клейма раболепства и кнутобоязни... Наш вольный станичный быт, сохранившийся, несмотря ни на что, до самых большевицких времен, тоже ничего общего не имеет с «ломанием шапок» и земными поклонами русского крестьянина. Об этих поклонах и «добрых баринах» мы знаем только по литературе. Сословной слоености, доведшей Россию до пропасти, мы не знаем... Адольф Гитлер освобождает наши земли от кровожадного поработителя. У нас, у казаков, нет двух мнений о величии германского похода против большевизма. Нас не нужно убеждать в том, что жид есть жид, а не довольно симпатичное, но оклеветанное существо. Цену жидовской симпатичности мы определили давно и точно. Мы запретили*

[1] Казачий вестник. 1941. № 4. 15 ноября. С. 3.

жиду вход в наши станицы и хутора. Мы жида узнаем чутьем без специальных желтых ярлыков»[1].

Что касается отношения к Гитлеру и его роли в будущем величии казачества, то его наиболее художественно отобразил в статье «Победа Национализма» казак-калмык Басан Бембетов: *«...Вовремя пришел «Господин будущего», «двигатель мира», ведущий его к «разумной цели», как скажет иной философ. Сейчас этот «Посол божий»,[1] «Пятый всадник», «разит» всех остальных «всадников образа звериного и печать его». «Тяжкий млат» кует такой булат, что чувствует его весь мир. «Колесо» истории в самом деле движется с такой силой и стремительностью, что дрожит вся земля... Против Адольфа Гитлера, строителя новой жизни, объединились в паническом страхе все тайные и явные враги и душители человека и, несмотря на это, все они «развеваются, как дым от ветра» и «тают, как воск от огня». Потому-то от него бегут, как чорт от Бога, или зарываются вглубь, как крот от света, и наши «бывшие». По свойственной им природе они не пристали к нему, как не пристают пыль и ржа к золоту. Но подобно тому, как все живое, ярко-зеленое и пышно цветущее, клонится к Солнцу, так и казачьи националисты пошли с Адольфом Гитлером. Этим только и объясняется инициативность и динамизм казачьих сепаратистов — этих «Господ» казачьего будущего, «двигателей» казачьего мира и «ведущих» Казачество к иной, разумной цели; этих казачьих «Всадников», одинаково владеющих оружием божьим и человеческим; этих казачьих душ и сердец, в такт и унисон бьющихся с пульсом здоровой мировой жизни и гармонически сочетающихся с целебным духом современности»*[2].

«Темна, разбойна, страшна, — говорится о рус-

[1] Казачий вестник. 1941. № 5. 1 декабря. С. 4.

[2] Казачий вестник. 1941. № 4. 15 ноября. С. 2.

ских в одной из статей «Казачьего вестника», — *душа русского человека, ухитрившегося, стоя тысячу лет на рубеже Европы и Азии, не принять ни от одной, ни от другой ни малейшей положительной черты. Русский характер, душа русского, остаются неизменными в своей кровожадности, в зверстве, в стремлении попрать все, чему поклонялся сам до вчерашнего дня, в стремлении уничтожить святыни других и всех заставить поклониться чему-то бесформенному, рожденному в кале и грязи, сложившемуся в воспаленном мозгу... Казаки — прежде всего — люди. Это не хор, не оперетта, это народ; народ, не убивавший своих братьев, не осквернивший ни своих, ни чужих святынь* (по всей видимости, в отличие от русских. — ***П.К.***)»[1]. *«Казаки националисты, — дается определение казакам-самостийникам и всему остальному казачеству в статье Я. Лопуха «Кто такие казаки националисты», — это те казаки, которые на основании исторических данных считают себя отдельным народом от великороссов, особой нацией, так как они образовались от смешения антов и готов, живших на Таманском полуострове и в низовьях Дона, с казахами, чигами и другими народами черкасского племени... Казаки «русские», а их незначительная часть, — это потомки холопов и преступников, бежавших когда-то к казакам, и потому без указки барина они жить не могут»*[2].

Однако простыми оскорблениями и пропагандистскими статьями самостийники не ограничились, и 1 мая 1942 года они опубликовали специальное воззвание-угрозу ко всем казакам, не желающим вступать в КНОД: *«Казакам же, не вошедшим по каким-либо причинам в наше КНОД, и казакам, находящимся в службах чужих интересов, Правление Отдела в Протекторате Чехия и Моравия напоминает о том, что кто себя считает*

[1] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 108. Л. 275—277.

[2] Казачий вестник. 1941. № 10 (16). 15 мая. С. 2—3.

Казаком, тот должен работать только в казачьих организациях, на благо Казачества, ибо работая в чужих организациях, или прикрываясь казачьим плащом и работая под руководством чужих, теряют не только облик казачий, но и их работа не идет на пользу Родной Земли, а на пользу врагов ее»[1].

Еще одной стороной деятельности казаков-националистов в первые месяцы после нападения Германии на Советский Союз была пропаганда идеи независимой Казакии. Причем лидеры самостийников старались убедить в необходимости создания Казакии не столько своих соратников, сколько людей, от которых в будущем в той или иной степени могло зависеть, быть или не быть независимому казачьему государству. Именно для того, чтобы иметь весомые документальные подтверждения ее существования, в самом начале 1942 года эмиссар казаков-националистов в Италии получил задание сфотографировать карту Казакии во Дворце Дожей в Венеции. *«Желательно было бы сделать фотографию карты Казакии,* — наставлял своего подчиненного В. Глазков, — *как ее нанесли по сведениям древних путешественников и торговцев на стену одного из залов Дворца Дожей в Венеции... Наличие такой фотографии было бы хорошим средством для пропаганды существования Казакии уже в древнее время»*[2].

Также с подачи В. Глазкова всем консулам стран союзников Германии в Праге были направлены специальные письменные послания, в которых разъяснялись плюсы существования Казакии именно для их государства. *«Его Превосходительству,* — говорилось в одном из таких посланий, — *Господину Генеральному Консулу Королевства Венгерского в Праге. Правильное разрешение казачьей проблемы есть также и в инте-*

[1] Казачий вестник. 1942. № 9(15). 1 мая. С. 4.

[2] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 44. Л. 52.

ресах Венгрии, так как Казачество, занимая только в Европе 870 000 кв. км при 15 миллионах населения, при выгодном стратегическом положении его Земель может служить противовесом для Венгрии на случай возможных экспансий с Севера, одинаково угрожающих и казачьему народу. Просим принять уверения в совершенном почтении и глубокой преданности. Инженер Василий Глазков»[1].

Естественно, подобная активность не могла понравиться представителям законной казачьей власти. Однако в ответ умеренная казачья эмиграция не стала заниматься написанием и распространением обвинительных статей. Признавая, что «работа самостийников взволновала всех казаков и наделала много хлопот», они ограничились обращениями к своим станичникам, призывая к спокойствию и выдержке. *«Прошу станичных атаманов,* — обратился 2 июля 1941 года ко всем казакам, входящим в Общеказачье объединение в Германской империи, атаман Е.И. Балабин, — *объявить всем казакам, чтобы спокойно ждали распоряжений от меня и не поддавались на агитацию неуравновешенных или заблуждающихся лиц. Надо спокойно выжидать события, которые должны разыграться в ближайшие МЕСЯЦЫ /июль, август, сентябрь/. И уповать на Бога, предавши и себя и Родину на волю Божию. Ибо мы щепки, забитые в заводь, подле бурно несущегося потока»*[2]. *«Некоторые группы казаков эмигрантов,* — говорилось в обращении атамана Кубанской казачьей станицы в Праге полковника Шелеста ко всем казакам-кубанцам от 17 июля 1941 года, — *представители ничтожного меньшинства из нас, до настоящего времени продолжают стремиться стать руководителями и спасителями казачества... Снова они объявляют о собрании всех казаков...*

---

[1] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 43. Л. 43.

[2] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 5 Л. 189.

Категорически запрещаю членам станицы посещать без моего личного разрешения эти собрания, при этом нарушение настоящего моего приказания будет считаться нарушением дисциплины с соответствующими из сего выводами... По освобождении наших Казачьих Земель, в том числе и Кубани, в административной и хозяйственной жизни настанет полный хаос... Посему нам дорог каждый кубанец, который может в той или иной области жизни Края приложить свои руки... Мы же, казаки-кубанцы, считаем свою интеллигенцию «по пальцам». Посему святая обязанность кубанской интеллигенции быть прежде всего на Кубани, где работа для нее будет в общероссийских интересах продуктивнее»[1].

Несмотря на то что в публичных выступлениях и обращениях лидеры умеренных казаков называли самостийников ничтожно малой группой неуравновешенных и заблуждающихся отщепенцев, в частной переписке они характеризовали их куда более уважительно. И связано это было с тем, что, по мнению некоторых атаманов, казаки-националисты были тесно связаны с гестапо и даже с СС. *«Вообще это движение,* — написал атаман Е.И. Балабин 12 июля 1941 года в письме генералу П.Н. Краснову, — *гораздо серьезнее, чем кажется с первого взгляда. Надо хозяевам* (немцам. — ***П.К.***) *взять какую-либо определенную линию. Ведь сейчас идет какое-то натравливание друг на друга. Ненависть и непримиримость между сепаратистами и казаками Российского направления настолько велика, что дело легко может дойти до убийства... Невольно напрашивается вывод, что мы им совсем не нужны, а нужны такие, как Глазков... Надо же прекратить это безобразие. Ведь они не мне приносят зло, а казакам и всему Русскому делу»*[2]. Одно-

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 4. Л. 65.

[2] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 5. Л. 203.

временно тот же Е.И. Балабин пытался выставить Василия Глазкова и как пособника большевиков, работающего на «жидовские деньги». *«Эти самостийники,* — сообщал он в своем письме начальнику Управления делами российской эмиграции в Германии В.В. Бискупскому, — *обладают большими средствами и оплачивают приезд самостийников из провинции... Во главе движения стоит Глазков. Раньше для разложения эмиграции он получал деньги от Пилсудского из Польши, а теперь, вероятно, работает на жидовские деньги, так как женат на жидовке Латти, а может быть, и на большевистские»*[1].

Наиболее остро конфликт между самостийниками и сторонниками «Единой и неделимой России» проявился в казачьих станицах Болгарии и в Праге.

12 июля 1941 года Василий Глазков сообщил представителю Центрального Правления КНОД в Болгарии И.М. Евсикову о своем признании правительством Рейха в качестве руководителя КНОД. По неизвестной причине Евсиков воспринял это известие как свидетельство того, что Германское руководство предоставило казакам-националистам возможность участвовать в борьбе против коммунистов, и в этот же день специальным распоряжением обязал все станицы, хутора, группы казаков и отдельных представителей казачьей эмиграции, проживающих в Болгарии, немедленно прислать ему *«свои постановления или отдельные заявления, скрепленные собственноручными подписями, где должно быть ясно и определенно указано о готовности принять активное участие в общеказачьем национальном освободительном деле»*[2]. До получения новых предписаний и назначений все казаки должны были оставаться на своих местах и «спокойно заниматься своим делом, но быть готовыми по первому же приказу явиться

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 5. Л. 182.

[2] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 2. Л. 8.

на указанное место». Все заботы о семьях казаков руководство КНОД обязалось взять на себя. Евсиков даже был готов простить казаков, которые состояли в организациях, выражавших «антигерманские настроения», соглашаясь считать их «введенными в заблуждение своими руководителями».

Несмотря на резкий и не терпящий возражений тон заявления Евсикова, самостийники сразу же столкнулись с определенными сложностями. Казачьи руководители, подчиняющиеся законной атаманской власти, просто-напросто отказывались с ними сотрудничать. «*П.К. Харламов* (представитель КНОД. — ***П.К.***), — сообщает Евсиков в своем отчетном письме в Прагу, — *ходил даже к граббовскому окружному атаману дьякону Я. Никитину, уговаривал этого сукиного сына, в присутствии 6 казаков 4 часа уговаривал, но... дьякон пошел на другой день к Абрамову* (генерал Ф.Ф. Абрамов — представитель Войскового Донского атамана в Болгарии. — ***П.К.***), *и тот дело развалил, дьякон от объединения окончательно отказался. Уговаривал П.К. Харламов и Д.Д. Нежевого — «представителя Донского атамана», уговаривал эту сволочь три битых часа в присутствии 5 казаков, призывал к объединению, он также сукин сын отказался, говоря, что будет ждать инструкций от «атамана», ждет до сих пор. Вы понимаете, станичники, хотелось все устроить по-хорошему, но что с такой сволочью делать!*»[1]

18 июля 1941 года наконец последовала реакция на выступление самостийников со стороны одной из самых популярных среди простых казаков, а следовательно, и многочисленной организации — Центрального правления Союза казаков в Болгарии, председателем которой был уже упомянутый дьякон Я. Никитин. За его подписью в Болгарии был распространен специальный информационный бюллетень, полностью

[1] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 2. Л. 11.

посвященный проблеме «казаков-националистов, а также издаваемых ими всякого рода прокламаций». *«В последнее время,* — говорилось в этом любопытнейшем документе, — *в связи с поражением и разгромом большевиков и появившейся надеждой освобождения России от интернационального жидо-масонского ига, разорившего нашу Родину и наши Святыни, как ядовитые грибы после дождя, появились и повылезали из темных щелей всякого рода «вожди» и «руководители» казачества, стремящиеся в мутной воде ловить рыбу, о которых до сих пор никто не слыхал, а если и слыхал, то только как о лицах, состоящих в организации, работавшей на польские, чешские и советские деньги по разложению эмиграции». Далее следовал небольшой экскурс в историю жизни руководителя КНОД Василия Глазкова и местного руководителя этой организации Евсикова. «Василий Глазков, — утверждал Я. Никитин, — являясь представителем непризнанной в Болгарии организации, а потому и нелегальной, назначил г-на Евсикова, члена Союза казаков националистов в Болгарии, основателем и председателем которого был высланный из Софии полицией за связь с большевиками Павел Кудинов, как платный агент советской разведывательной службы в Болгарии с задачей не только информационной, но и агитационной, с целью коммунизации русских организаций»*[1].

На следующий день, 19 июля, был издан и распространен документ, адресованный начальникам казачьих частей и групп, атаманам казачьих станиц и хуторов в Болгарии. Документ был подписан представителями Войсковых атаманов: Дона — генерал-лейтенантом Ф.Ф. Абрамовым, Кубани — полковником Милашевичем, Терека — Цыгулиевым и Болгарии — Никитиным. В тексте говорилось о том, что Правление КНОД и самого Глазкова никто не выбирал. Правление и Пред-

[1] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 2. Л. 14.

ставительство в Болгарии были созданы без ведома Войсковых атаманов и, следовательно, являются самозваными, а их распоряжения — обыкновенными фальшивками, не подлежащими исполнению. Далее сообщалось, что Евсиков является чуть ли не платным агентом советских спецслужб[1]. На это самостийники ответили новым распоряжением, в котором вновь заявили, что Василий Глазков *«официально признан Германским правительством» и что «все остальные возглавители или руководители казачества официального признания не имеют, а поэтому и руководящей роли в национальном казачьем деле играть не могут»*[2].

Спустя два месяца после начала войны Представительство Донского атамана М.Н. Граббе в Болгарии в лице своего председателя Д.Д. Нежевого и секретаря М.Я. Горбачева сделало шаг к примирению с самостийниками. 22 августа был составлен так называемый «проект информации», в котором говорилось, что в Третьем рейхе сформировалось три течения среди эмигрантов бывшей Российской империи: Русское национальное движение, стремящееся к созданию «единой и неделимой России»; Украинское национальное движение, защищающее идею самостоятельного Украинского государства; Казачье национальное движение, защищающее идею самоопределения казачества. В проекте говорилось: *«Веря, что эмигрантам будет дана возможность вернуться в Родные Края, они должны открыто заявить о своей преданности антикоммунистическим идеям Великого рейха, а также о их готовности, по возвращении домой, работать на восстановление там здоровой национальной государственности и экономики. Для этой цели каждый эмигрант должен ДОБРОВОЛЬНО и ПРЕДВАРИТЕЛЬНО зарегистрироваться в организации того Движения, которое всего*

[1] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 2. Л. 15.

[2] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 2. Л. 17.

ближе ему по уму и по сердцу... Каждый казак, зарегистрировавшийся в своей казачьей организации, этим самым не превращается: в «русского», «самостийника» или «единонеделимца»; его запись означает, что он хочет вернуться к себе на Родину, что он антикоммунист и что он готов к будущей восстановительной работе. Что касается того: КТО будет записавшимися командовать, то ими будет командовать ТОТ, кому это будет поручено Вождем Германского рейха»[1]. Однако все попытки умеренных казаков в Болгарии найти хоть какой-то компромисс и начать совместные действия по сплочению казачьих рядов провалились. Самостийники продолжали забрасывать простых казаков всевозможными приказами и распоряжениями, в которых наставали на том, что они, и только они являются легитимной и признанной в Берлине казачьей властью.

Вплоть до конца войны самостийники и сторонники «Единой и Неделимой России» оставались врагами. В Праге это противостояние закончилось даже показательным судебным разбирательством. 2 июля 1941 года атаман Общеказачьего объединения в Германской империи Е.И. Балабин обратился к немецким властям со специальным циркуляром, в котором обвинил одного из руководителей КНОД — Федорова в преступной и незаконной деятельности. Самостийники на это обвинение ответили просто: подали иск в суд. *«В понедельник, 20-го сего октября,* — писал Е.И. Балабин в одном из писем генералу П.Н. Краснову, — *было первое заседание суда. Началось с оскорбительного для меня предложения Федорова. Федоров требовал от меня извинений, немедленной уплаты судебных издержек и, в случае неимения у меня денег, в трехдневный срок экзекуции квартиры»*[2]. Генерал Краснов попытался было прекратить судебное разбирательство между казаками,

[1] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 2. Л. 31.

[2] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 5. Л. 312.

которое, по его мнению, только дискредитировало казачье движение в глазах не только всего казачества, но и немецких властей, но Е.И. Балабин был непреклонен и решил довести дело до конца. На предложение П.Н. Краснова о полюбовном прекращении процесса он категорично заявил: *«Раз дело попало в суд, то прекратить его невозможно. Разве только заставить Федорова взять дело обратно, но мне, пожалуй, это и невыгодно — будут говорить, что испугался суда и значит не прав»*[1]. В конце 1941-го — начале 1942 г. в Праге состоялось еще несколько безрезультатных судебных заседаний, и в конечном итоге из-за различных формальностей судебное разбирательство заглохло.

Еще одной немаловажной причиной, по которой лидеры самостийников и атаманы «единонеделимцев» так и не смогли найти общий язык, была серьезная сословная, послужная и возрастная разница между ними. «Единонеделимцев» возглавляли старые царские, а потом и белые генералы (Краснов, Балабин, Науменко, Граббе, Вдовенко, Ляхов), по достоинству оцененные, награжденные многими орденами и медалями. Они обладали в эмигрантском обществе политическим весом и потому были уверены, что повести за собой казачество в эти смутные и тяжелые годы должны именно они. Лидерами же самостийников были молодые, никому не известные казаки нижних чинов, многие из которых славились вдобавок очень темным прошлым. Более того, некоторые из них знали о своей казачьей родине только понаслышке. Василий Глазков, например, был вывезен с Дона еще младенцем.

Казаки-националисты, понимая, что соперничать в популярности со старыми, умудренными опытом казачьими атаманами им не под силу, выбрали очень простую тактику: обвинять старых атаманов во всех бедах казачества, поскольку они всегда были с Россией, а не

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 5. Л. 312.

с «простым казачьим народом». И эта тактика сработала, многие казаки под напором постоянной обличительной информации, почерпнутой из журнала и многочисленных распоряжений самостийников, разочаровались мнимым бездействием старых атаманов и вступили в «активную и признанную Гитлером» КНОД. Вот лишь несколько примеров отношения к представителям законной казачьей власти в письмах простых казаков. *«Глазкова нам нельзя обходить,* — пишет 10 октября 1943 года простой казак во Франции своему станичному руководителю, — *не потому, что он Глазков, а потому, что он что-то делает... и делает все, что в его силах, во имя чисто Казачьих интересов, и если эти интересы кому-то не милы, то не Глазкова в этом вина... Станичник Семенкин заявил, что генерал Краснов дезертир, а кроме того, в течение всего пребывания за границей не скрывал своего русофильства; а мы знаем, что русофильство казака (да еще «большого») или группы казаков — только вред для казачества. Краснову мы не можем верить, он слишком устарел и закоснел в своих убеждениях, чтобы повернуться на 180 градусов»*[1]. *«Я думаю,* — пишет простой казак из Венгрии, — *что нашим национальным силам необходимо пробиваться туда, где уже засели подобные П.Н.К.* (генерал Краснов. — ***П.К.***) *и Н.* (генерал Науменко. — ***П.К.***). *Прискорбно, что Казачество и до сих пор не освобождено от тех, которые своей работой на родных землях и здесь в эмиграции принесли много горя, а у некоторых еще не засохла казачья кровь на руках»*[2]. *«Ясно, что всей Наумовской* (сторонникам генерала Науменко. — ***П.К.***) *шпане,* — утверждает казак-эмигрант, живущий в Италии, — *остается только бить поклоны и ставить свечки за здравие Сталина, который хотя и истребил миллионы непокорных, но*

[1] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 7. Л. 143—144.

[2] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 3. Л. 21.

является возглавителем основной их политической платформы»[1]. *«Дело касается генерала Краснова, без мыла пробирающегося, посредством своих обращений к казачеству, помещенных в разных изданиях, — на верхи казачьей общественности»*[2], — характеризует в феврале 1944 года деятельность П.Н. Краснова рядовой казак-самостийник.

В пользу самостийников был еще и тот факт, что, благодаря националистическим идеям, им покровительствовали в определенных немецких кругах. Немецкие покровители просто-напросто запрещали старым атаманам вступать в споры с самостийниками, разрешая последним поливать своих оппонентов грязью.

В первые недели и даже месяцы войны практически для всех казачьих эмигрантских организаций был характерен небывалый эмоциональный подъем, связанный с надеждами на уничтожение большевизма и скорое возвращение в родные края. Большинство казачьих лидеров, вне зависимости от взглядов и политических предпочтений, надеялись, что немецкие войска в течение нескольких недель дойдут до казачьих земель и позовут казаков налаживать жизнь в «Новой Европе». Именно поэтому уже с конца июня 1941 года в среде казачьей эмиграции резко активизировалась работа по разработке проектов воссоздания казачьих войск и организации жизни после возвращения на родину.

В июне 1941 года атаман Е.И. Балабин направил в адрес германского правительства специальный Меморандум (*см. Приложение 1.3*), в котором рассматривал различные вопросы, связанные с обустройством будущей мирной жизни на казачьих землях, а также разъяснял немцам роль казачества и войсковых атаманов в трагических событиях русской революции. Уже 7 июля

[1] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 4. Л. 48.

[2] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 40. Л. 11.

помощник атамана Общеказачьего объединения в Германской империи И. Горбушин, не дождавшись никакого ответа от немцев, направил Балабину подробную записку с обоснованием финансовых, организационных и других мер, обеспечивающих возвращение мужчин-казаков на родину и материальное обеспечение их семей, пока остающихся в эмиграции. Этот план предусматривал, в частности, персональные ссуды для отъезжающих, ежемесячные пособия семьям и лицам, состоящим на иждивении отъезжающих[1].

Но этими приготовлениями Е.И. Балабин не ограничился, и в конце июля — начале августа в Праге по его распоряжению начала работу специальная «Комиссия по обустройству будущего на Кубани». *«В Кубанской станице,* — говорится в отчете о работе этой комиссии, — *работа в образованных комиссиях идет довольно успешно. Вчера была образована новая комиссия — школьная. Член станицы инженер Трошин прочитал короткий доклад по реформе низшей, средней и высшей школы на Кубани... Но для этого нужны идеальные учителя, а где теперь их взять. В комиссии «хозяйственной» работа идет очень успешно, но мы становимся перед такими вопросами, в которых, как говорится, сам черт ноги поломает. В тупик нас ставит сатанинское изобретение товарищей — колхозы. Как Вам ни покажется странным, но мы пришли к определенному и ясному заключению: в первое время мы не только не можем ликвидировать их, но, наоборот, всеми мерами стараться о полном их сохранении и, во всяком случае, самочинное ликвидирование колхозов самим населением приведет нас к неисчислимым хозяйственным бедствиям... При работах в комиссиях выяснилась необходимость так или иначе приступить к разрешению основных вопросов нашего дальнейшего существования... Этих основных вопро-*

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 4. Л. 22—26.

сов два: 1. Принятие всех без исключения мер к тому, чтобы заранее убедить германские высшие власти, а если это будет признано необходимым, то и самого Вождя А. Гитлера, в том, что в общих интересах необходима передача власти в наших Землях нашим Войсковым Атаманам. 2. Всеми способами и средствами и у кого угодно найти материальные средства, ибо без денег мы ничего не можем сделать... Вообще же здесь настроение не особенно веселое, ибо война затягивается»[1].

Казаки-самостийники также не остались в стороне от подготовки к «скорой отправке в родные края». 1 ноября 1941 года руководитель КНОД Глазков издал специальное распоряжение, согласно которому каждый из казаков-эмигрантов должен был указать ту специальность, работая по которой он «смог бы принести наибольшую пользу по возрождению казачьих земель». *«Членам КНОД и всем казакам,* — говорится в этом документе, — *предлагается в кратчайший срок заявить, в каком из нижеуказанных отделов желают в соответствии со специальностью, способностями и пригодностью работать по возрождению в Казачьих землях. Отдел 1 — внутренний, административный, 2 — военный, 3 — национального попечения — просвещение, здравоохранение, социальное обеспечение, церковь, 4 — народное хозяйство — земледелие, торговля, промышленность, пути сообщения, благоустройство, статистика, 5 — финансовый, 6 — юстиция, 7 — внешний, 9 — Казачье Национальное Движение»*[2]. *Это распоряжение было претворено в жизнь, и вплоть до конца войны вся работа в КНОД была разделена непосредственно по вышеуказанным отделам. Однако этим казаки-националисты не ограничились и осе-*

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 4. Л. 120.

[2] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 106. Л. 1; Казачий вестник. 1941. № 3. 1 ноября. С. 8.

нью 1941 года начали подготовку к отправке первой группы казаков из Болгарии в казачьи земли. Сам вопрос прорабатывался настолько тщательно, что руководители казаков-самостийников на местах уже начали решать «важнейшие» вопросы, как-то: брать ли с собой болгар (этот вопрос волновал представителей КНОД в Болгарии), женившихся на казачках, и какими документами необходимо снабдить всех казаков-переселенцев, чтобы они не имели никаких проблем в дороге»[1].

Одним из наиболее значимых трудов по восстановлению Войска Донского стала программа, подготовленная в штабе Донского атамана Граббе в Париже[2]. *«Казачество надеется,* — говорилось в небольшом введении к этому документу, — *что германская государственная власть даст возможность Донскому Атаману теперь же приступить к подготовительным действиям для исполнения той великой миссии, которую возлагают на него события»*[3]. Составители этого проекта исходили из предпосылки, что исторические и духовные «свойства казачества не могли исчезнуть за какие-нибудь двадцать лет» и что нынешнее советское поколение «донской молодежи не потеряно для созидательной конструктивной работы в новых условиях». Однако осуществление всех мер по переустройству Донского края после освобождения должно было принадлежать «устойчивым и патриотическим элементам казачества», ушедшим в эмиграцию и благодаря этому сохранившим воинские части и административный аппарат Войска Донского. Высшая власть в Донской области, согласно проекту, должна была принадлежать Войсковому атаману. Все управление должно было быть организовано по двум принципам: област-

[1] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 2. Л. 53.

[2] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 5. Л. 323—326.

[3] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 5. Л. 323.

ное — войсковая власть по назначению и местное — выборная власть на местах. Для выборов в местные органы власти устанавливался возрастной ценз: не менее 50 лет для избираемых и не ниже 40 лет для выборщиков. Другим непременным условием избирательного права должна была стать «связанность выборщиков и избираемых с местными интересами». Все эти условия должны были обеспечить преимущество эмигрантам и стать гарантией от проникновения в местные органы власти просоветски настроенных элементов.

Далее следовал целый ряд мер, направленных на отмену всех установлений советской власти, и создание на Дону системы новых социальных и экономических отношений. В обязательном порядке подлежали регистрации все коммунисты и комсомольцы, с последующей передачей их дел казачьим атаманским военным судам. К тем же, кто непосредственно принимал участие в расстрелах мирных граждан, должна была применяться высшая мера наказания. Провозглашалась свобода всех вероисповеданий (кроме иудаизма). Другой наиважнейшей для казаков задачей должна была стать ликвидация колхозов и совхозов, «временно, однако, сохраняемых в настоящем их положении», но переименованных в «сельскохозяйственные трудовые артели», с переизбранием председателей на основе нового возрастного ценза и с предоставлением членам артелей права свободного выхода. Планировалось сразу же по возвращении на родину приступить к открытию учреждений сельскохозяйственного кредита, а также к снабжению земледельцев машинами и орудиями труда и, по возможности, всем необходимым.

Отменялась государственная монополия торговли, поощрялись частная предпринимательская деятельность и занятие ремеслами. Вместе с тем крупные запасы товаров и продуктов должны были немедленно браться на учет и служить фондом обеспечения продовольственной политики войсковой власти. Далее пред-

полагалось принять все меры для скорейшего возобновления работы фабрик и заводов, поступающих до соответствующих распоряжений в ведение войсковой власти, а также восстановления путей и средств сообщения и организации общественных работ. Восстанавливалось право собственности на городские, а также мелкие и средние земельные внегородские владения, причем прежний собственник мог вступить во владение внегородским имуществом лишь в том случае, если таковое не имело находящегося на месте «добросовестного владельца». Из поступающих в распоряжение войска крупных земельных участков прежние владельцы могли получать участки с находящимися на них постройками в размере, не превышающем установленной для данной местности нормы среднего владения. Весь процесс возвращения собственности должен был определяться соответствующим земельным законом. Провозглашалось право частной собственности на недра, причем закон должен был определять права прежних владельцев.

На всей территории войска предполагалось объявление военного положения и учреждение казачьих атаманских военных судов. Гражданские суды низшей инстанции должны были продолжать деятельность при условии замены прежних членов-коммунистов выборными судьями.

Для организации культурно-просветительской деятельности предполагалось использовать уже существующие школы, но только после увольнения учителей-коммунистов и привлечения к педагогической работе «благонадежных лиц». Вместо отменяемых дисциплин, таких как политграмота и марксизм-ленинизм, во всех школах планировалось ввести Закон Божий. Одной из важнейших задач новой власти должно было стать проведение переписи населения и установление соотношения коренного населения и переселившихся на

территорию за последние 20 лет. Одновременно с переписью должно было проводиться отграничение территории Войска Донского от остальных территорий России и установление его границ по состоянию на 1914 год.

Для проведения всех запланированных мероприятий, а также для поддержания порядка и безопасности в области предполагалось незамедлительно приступить к формированию охранных полков и сотен с привлечением в их ряды казаков лишь старших сроков службы. Командный состав должен был состоять из лиц особо надежных, в число которых могли быть назначены и казаки из числа бывших советских граждан, тщательно проверенных и не вызывающих никаких опасений. Однако в большинстве своем командный состав охранных полков и сотен должен был формироваться из казаков, вернувшихся из эмиграции. На таких же условиях предполагалось создать отряды местной полиции.

Основными задачами на первом этапе подготовки к планомерной отправке на родину были признаны: подготовка кадров войсковой администрации и командного состава охранных полков, тщательная проработка планов всех мероприятий. Для этого считалось необходимым выяснить качественный и количественный состав эмигрантского казачества и установить контакт с крупными группами казаков на Балканах.

«Все изложенные меры, — говорилось в конце документа, — *могут в равной степени быть применены к землям Войск Кубанского и Терского, условия существования коих более или менее общи с областью Войска Донского»*[1]. К этой декларации была также приложена подробная «Смета», носящая, однако, скорее идеологический, нежели финансовый характер. Она

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 5. Л. 326.

не столько дополняла, сколько обосновывала предшествующий текст: *«Неминуемое занятие в ближайшее время Донской Области армиями Великогерманского рейха выдвигает на первый план необходимость организации донской казачьей власти на месте»*[1].

Такая подробная разработка и проработка практически всех аспектов будущей жизни на Дону была связана еще и с тем, что большая часть казаков-граббовцев даже теоретически не рассматривали вариант, что «Войсковая власть» немцами вообще не будет создана. В этой связи очень показательно письмо казачьего офицера И.Г. Акулинина, которое он написал 20 июля 1941 года атаману М.Н. Граббе: *«Если до нашего прихода на Дону, на Кубани и в других Казачьих краях... будет организована Войсковая власть — немецким Командованием или самими Казаками — наш долг явиться в распоряжение этой власти и дать ей отчет о наших действиях»*[2].

В конце сентября Общеказачье объединение в Германской империи также решило обратиться к своим немецким покровителям со специальной программой возрождения казачьих земель. Е.И. Балабиным были сформулированы «Тезисы к меморандуму Германскому правительству и Германскому военному Командованию» с просьбой, чтобы: *«1) отдельные члены Общеказачьего Объединения в Германии не были бы мобилизованы для какой бы то ни было работы в освобожденных частях России, а все без исключения были посланы для работы в своих родных Землях... 2) было разрешено Общеказачьему Объединению принять соответствующие предварительные меры к скорейшей по освобождению наших Земель переброске необходимых сил из нашей среды для установления порядка и руководства всеми сторонами жизни наших Краев...*

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 5. Л. 327.

[2] ГАРФ. Ф. 6464. ОП. 1. Д. 34. Л. 89.

3) было бы весьма желательно, а для нас, казаков, это было бы Божьим благословением, если бы организация власти и порядка на наших Землях были переданы нашим Войсковым атаманам в тех пределах, в коих найдут возможным представители Германии»[1]. Помимо этих «смиренных» просьб, в меморандуме были и откровенные руководства к действию для немецких властей. Казаки буквально требовали как можно быстрее после освобождения казачьих земель перевезти все «живые силы» казачества на родину и ни в коем случае не посылать «культурных казаков» на работы в другие части Европы и России, так как они «были необходимы для установления порядка во всех казачьих областях».

Как обычно, наиболее радикальные программы по восстановлению и налаживанию казачьей жизни в будущей независимой Казакии были разработаны казаками-самостийниками. Причем, по мнению разработчиков этих проектов, казаки могли быть полезны немцам не только в казачьих землях, но и везде, где есть что и от кого охранять, ведь главной опасностью для организации будущей жизни в освобожденной от большевизма России, по их мнению, были русские мужики, способные «на всякие пакости». *«Думаю,* — писал 15 сентября 1942 года руководитель КНОД в Словакии сотник Г.Л. Еременко, — *что мы были бы полезными сотрудниками и союзниками Германской империи при восстановлении хозяйственного и административного порядка не только в казачьих краях, но и вообще на территории, занятой германскими войсками. Если бы нам предоставили возможность жить так, как живут словаки, то наша благодарность немцам не знала бы границ, более верных помощников у них бы не было, в этом нет никаких сомнений. Казаки были всегда верными тем, кто оказывал им услугу... Рус-*

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 4. Л. 186.

ские — особенный народ, у них все возможно, и ожидать можно всяких неожиданностей... Ведь у нас (на казачьих землях. — ***П.К.***) *там половина населения русские, за которыми нужно смотреть в оба, дабы не саботажничали и не делали пакости»*[1].

Основной упор при разработке трудов по будущему устройству «Казакии» казачьи теоретики-самостийники делали на то, что *«казачьи области, где щедрая природа, как из рога изобилия, разбросала по всем уголкам нашей земли самые разнообразные и богатые плоды земные, должны остаться земледельческими»*[2]. И именно благодаря этому *«Новый порядок в Европе, о котором говорит почти весь мир... несомненно будет простираться и на Казачьи земли, которые в будущем будут играть большую роль в международном хозяйстве»*[3]. По мнению основного разработчика «Проекта будущего земледелия и землевладений в Свободной Казакии»[4], руководителя Болгарского отделения КНОД, бывшего агронома И.М. Евсикова сразу же после освобождения на казачьих землях необходимо было создать независимое от правительства Министерство земледелия. Оно должно было делиться на 3 самостоятельных отделения: животноводческое, земледельческое и лесоводческое, которые бы, в свою очередь, делились на более мелкие подразделения — инспектораты (например, инспекторат рыболовства или орошения и укрепления гор и насаждений). На местах представителями этого министерства должны были стать агрономы, которые делились на областных, окружных и станичных (участковых). Также планировалось организовать разветвленную сеть земледельческих и животноводческих станций и государственных хозяйств,

[1] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 14. Л. 28.

[2] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 2. Л. 1.

[3] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 2. Л. 44.

[4] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 2. Л. 44—51.

задачей которых было бы изучение почвенных, климатических и экономических условий данного региона, изучение приспособляемости различных видов и сортов культурных растений и животных, производство и сохранение семенного фонда. Во всех школах планировалось ввести общеобразовательные сельскохозяйственные науки. Наиболее способных учеников и уже зрелых специалистов предполагалось посылать на стажировки в Германию перенимать опыт. Что касается частной собственности на землю, то здесь, по мнению И.М. Евсикова, должно было быть сохранено бывшее казачье землепользование, то есть общинное и паевое владение землей.

Огромное значение при разработке будущего государственного устройства «Казакии» уделялось проектам, которые касались создания независимых казачьих вооруженных сил. По мнению разработчика «Проекта создания вооруженных сил Казакии»[1], некоего В.П. Сердюка, на службу в армию должны были поступать все казаки и иногородние граждане, достигшие 20-летнего возраста. Служба должна была продолжаться шесть лет. Вооруженные силы делились на сухопутные войска и флот («плавающая и береговая Армии»). Сухопутная армия, в зависимости от «богатства и внутреннего порядка государства, соседних государств и величины границ», подразделялась на гвардию, полевые войска, воздухоплавательные, местные войска, артиллерийские части и народное ополчение. Элитой вооруженных сил Казакии должна была стать гвардия, которую планировалась комплектовать только из *«сынов Казакии, здоровых, хорошо развитых отборных граждан, грамотных (не ниже 2—3 классов средних учебных заведений)»*. Полевая пехота, в зависимости от вида вооружения и места дислокации, делилась на тяжелую, легкую, стрелковую, гренадерскую, ударную, крепост-

[1] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 39. Л. 115—117.

ную и горную. Артиллерия разделялась на тяжелую, гаубичную, горную, зенитную, полевую, крепостную и береговую. Также должны были быть созданы «части специального назначения» — парашютные бригады и дивизии. Народное ополчение, куда казаки зачислялись сразу же по окончании строевой службы, делилось на три очереди запаса (по 6 лет каждая) и запас (8 лет). Каждые несколько лет планировалось проводить военные сборы, на которых должны были присутствовать все граждане, находящиеся в запасе. По достижении 50-летнего возраста мужское население Казакии освобождалось от службы и могло быть призвано в армию только в случае форсмажорных обстоятельств.

Однако все эти прожекты и планы мало интересовали простых казаков. Изрядно хлебнув горя и помотавшись по Европе, простые мужики задавали казачьим атаманам вполне конкретные вопросы о будущей жизни на родине. *«Приезжаю я из заграницы в родные края, в свою станицу. Вхожу в свой дом. А там сидит крестьянин Тамбовской губернии, вселившийся в мой дом уже много лет назад по распоряжению советской власти. Что мне с ним делать?»* — спрашивает у атамана Е.И. Балабина простой казак[1].

После начала войны с СССР политика германских властей по отношению к русской и казачьей эмиграции была ужесточена. Во всех центрах русской эмиграции в странах, оккупированных немцами, за несколько дней до начала агрессии против Советского Союза были проведены превентивные аресты среди эмигрантов, подозреваемых в симпатиях к СССР. В отношении остальной массы эмигрантов политика фашистского руководства была сформулирована в распоряжении Управления делами русской эмиграции в Германии от 3 июля 1941 года: *«1. Все эмигранты должны сохранять полное спокойствие, так как по отно-*

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 4. Л. 45.

шению к ним со стороны властей не произойдет никаких изменений. 2. Все должны оставаться на местах своей службы. 3. Не следует обращаться к учреждениям ни с какими проектами или предложениями. 4. Эмигранты должны воздерживаться от всякой критики и комментариев по поводу настоящих и будущих событий. 5. В случае, если германским властям понадобится сотрудничество эмигрантов или отдельных эмигрантских групп, эти власти обратятся по этому поводу к Начальнику Управления делами российской эмиграции в Германии»[1]. Немецким командованием привлечение эмигрантов к войне против СССР было признано нецелесообразным, всякие отдельные выступления, декларации, заявления было приказано прекратить.

Такое отношение со стороны немецкого руководства быстро погасило воинственный дух казачьей эмиграции, лидеры которой поняли, что их роль в этой войне будет предельно простой: сидеть и ждать, когда их позовут. С каждым днем бездействия и ожидания тон высказываний становился все более и более разочарованным. 4 октября 1941 года в письме к М.Н. Граббе Е.И. Балабин писал: *«Никакие казаки эмигранты казачьих войск не спасут, вместо станиц «Общественные хозяйства», и в них вместо жидов — немцы»*[2]. В том же письме Е.И. Балабин сообщал, что некоторые казаки настаивают на скорейшей подаче самым высшим немецким властям меморандума о съезде войсковых атаманов в Берлине для решения совместно с немецким правительством всех насущных казачьих вопросов. Немецкими же властями в циркулярном распоряжении подача меморандумов запрещена, и все казачьи меморандумы складываются в архиве без предварительного прочтения. *«Боюсь, что такой меморан-*

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 4. Л. 8.

[2] ГАРФ. Ф. 6461. ОП. 2. Д. 34. Л. 113.

дум, — заканчивал свое письмо Е.И. Балабин, — *только повредит казакам, показав нашу недисциплинированность и грубое нарушение их распоряжений. На благоприятный же результат надежды мало»*[1].

Генерал Краснов, еще недавно выражавший восторги по поводу начала войны и скорого долгожданного возвращения на родину, был вынужден заняться разъяснением позиции немецкого руководства менее искушенным в политике атаманам.

Уже 11 июля 1941 года, менее чем через месяц после начала войны, он писал Е.И. Балабину: *«Мне кажется, что казакам все кажется их победное возвращение, массами, организованно в родные края. Круги, рады, встречи, приветствия, речи, банкеты... на деле совсем иная, необычно тяжелая и суровая действительность их ожидает. В данное время немецкому командованию нежелательна никакая лишняя болтовня. Войну с Советами ведут немцы, и в целях пропаганды среди Советских войск и населения — они тщательно избегают какого бы то ни было участия белой эмиграции. Все, кто угодно — финны, словаки, шведы, датчане, испанцы, венгры, румыны, но не Русские эмигранты. Это ведь даст возможность Советам повести пропаганду о том, что с немцами идут «помещики» отнимать землю, что идет «офицерье» загонять под офицерскую палку и т. д. и т. п. — а это усилит сопротивление Красной Армии, а с нею надо кончать...»*[2]

Из создавшейся ситуации генерал П.Н. Краснов видел три возможных выхода. Первый — успешное антикоммунистическое восстание в СССР и образование нового правительства, которое вступит в мирные переговоры с немцами. Второй — немцы оттеснят большевиков примерно до Волги и укрепятся. Будет оккупирован-

---

[1] ГАРФ. Ф. 6461. ОП. 2. Д. 34. Л. 113.

[2] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 16. Л. 28—29.

ная немцами часть России и большевистская Россия, война в этом случае затянется. Третий выход — комбинированный: немцы оккупируют часть России, а в остальной части образуется новое правительство, которое заключит мир с немцами, приняв все их условия. Краснов считал, что в первом случае эмигрантский вопрос, равно как и вопрос о дальнейшей судьбе казачьих областей, будет решаться новым российским правительством, пришедшим на смену сталинскому. Во втором случае этот вопрос будет решаться немецким Главным командованием на оккупированной части страны. В третьем — немецким Главным командованием — на оккупированной части страны, и новым правительством России — в восточной части. «Во всех трех случаях, — подчеркивал П.Н. Краснов, — до окончания войны эмигрантского вопроса нет, и обсуждать его — это толочь воду в ступе».

Из всего вышесказанного атаман делал следующие выводы.

Во-первых — *«до окончания войны на Востоке Русскую эмиграцию не трогать (переводчики, заведующие читательными пунктами, полицейско-карательные отряды не в счет)»*. Во-вторых — *«при воссоздании России в России будет привлечена лишь небольшая часть эмиграции, вполне проверенная, вне английских и большевистских влияний»*. В-третьих — *«привлечение всей эмиграции с ее раздорами, склонностью к безудержной болтовне, заседаниями, философствованиями, подсиживаниями друг друга почитается величайшим несчастьем для России»*. *«Если будут восстановлены,* — заканчивает свое послание П.Н. Краснов, — *казачьи войска /об этом я хлопочу/, то на началах старого станичного быта и самой суровой дисциплины. Кругам и Раде не дадут говорить и разрушать работу атаманов, как это делалось в 1918—1920 годах. Итак — все темно и неизвестно. Нужно ждать конца войны, предоставить себя воле Божьей*

и поменьше болтать и побольше копить деньги, ибо никто ни на проезд в Россию, ни на обеспечение семей за границей, ни немцы, ни чехи, ни одного пфеннига не даст»[1].

Через три дня, 14 июля, генерал П.Н. Краснов написал атаману Е.И. Балабину еще одно разъяснительное письмо, в котором рассматривал перспективы участия и истинную роль казачества во Второй мировой войне. *«Какая будет Россия,* — писал генерал, — *после окончания войны с большевиками, единая или разделенная на части — знают только два человека — Гитлер и Геринг, и они никому не скажут. Можно только из некоторых поступков и слов Фюрера и из сознания, что этот гениальный человек, подобного которому еще не было в мировой истории, никогда не ошибался, догадываться, что Германия не собирается создавать слабое лоскутное государство, которое сейчас же станет объектом купли-продажи у Англии и Америки... Вождь, который спасет Россию, может появиться только в самой России, а не в эмиграции... Нам нужно терпеливо ждать, чем война закончится, и лишь тогда мы увидим, будем ли мы призваны немцами или тем новым правительством, которое образуется в России и заключит мир с немцами и, если будем призваны, то на какую работу»*[2].

К концу 1941 года 72-летний атаман почти утратил надежду на какой бы то ни было положительный поворот в судьбе казачества. *«Донскому войску,* — писал он Е.И. Балабину 19 декабря, — *если таковое будет, придется пережить еще много унизительного и тяжелого, прежде чем там наладится «казачья» жизнь. Думаю, что она и не наладится. Для того, чтобы казачьи войска появились снова, нужно именно теперь восстание против большевиков на Дону и на Кубани*

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 16. Л. 28—29.

[2] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 16. Л. 31—32.

так, как это было в 1918 году, но вот его-то и нет, и идет 1941 год, а не 1918 год»[1]. Особенно гнетущее впечатление на престарелого генерала произвел репортаж военного корреспондента финской газеты «Helsinkin sanomat» о гибели советской кавалерийской дивизии под Харьковом. 7 июля 1942 года он написал атаману Е.И. Балабину: *«Были это только «ряженые» казаки или были это казаки, у которых не прошел большевистский дурман — это все равно. Факт остается фактом. Донские казаки не восстали против жидовской власти, они кинулись в безумную атаку на немецкие пулеметы, они погибли за «батюшку Сталина» и за «свою», народную, Советскую власть, возглавляемую жидами. Если это будет продолжаться и дальше так... — Тихому Дону грозит участь Украины — он войдет в Украину как нераздельная ее часть, а Украина уже включается в Германию и становится ее частью как Чехия, Моравия и т. д. В историческом аспекте все это, по существу, не так уж страшно — изменился лишь масштаб времени, увы, для человеческого существования столь важный. То, что могло случиться уже этой осенью, произойдет через 10—20 лет, после медленного и систематического воспитания казачьей молодежи под немцами и несмотря на немцев. Но когда вся Россия кончает самоубийством в угоду американским жидам — наш родной, милый Тихий Дон — это уже частность»*[2].

Однако, несмотря на свой пессимизм по отношению к перспективам казачества, генерал П.Н. Краснов все-таки не терял надежды на положительное разрешение казачьего вопроса в будущем. Но для этого, по его мнению, должно было быть соблюдено одно важнейшее условие. *«Чем больше,* — продолжал генерал в письме Е.И. Балабину от 7 июля 1942 года, — *хороших,*

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 16. Л. 43.

[2] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 17. Л. 3—4 (об).

толковых, честных, знающих историю Дона и других казачьих полков... пойдут теперь служить у немцев и с немцами выкорчевывать коммунизм — казаков спокойных, не зараженных истерикой, не кликуш от казачества, машущих картонными мечами донкихотов, но казаков понимающих, что и в Новой Европе, Европе национал-социалистической, казаки могут иметь почетное место, как наиболее культурная и способная часть народа Русского — тем скорее и безболезненнее пройдет этот процесс восстановления казачьих войск в Новой России. И пока нельзя сказать «здравствуй, царь, в кременной Москве, а мы, казаки, на Тихом Дону», пока Москва корежится в судорогах большевизма и ее нужно покорять железной рукой немецкого солдата — примем с сознанием всей важности величия подвига самоотречения иную формулу, единственно жизненную в настоящее время: «Здравствуй, фюрер, в Великой Германии, а мы, казаки, на Тихом Дону»[1]. (*Подборку писем генерала П.Н. Краснова атаману Е.И. Балабину см. в Приложении 1.4.*)

Весной—летом 1942 года, в связи с начавшимся новым крупномасштабным наступлением немецкой армии на Восточном фронте и реальной перспективой «освобождения» казачьих земель Дона, Кубани и Терека, в среде казачьей эмиграции вновь начался некоторый эмоциональный подъем. Казачьи лидеры всех рангов и мастей активизировали свою политическую деятельность, а простые казаки, находясь под постоянным влиянием приказов, распоряжений и наставлений, выходивших из-под пера своих атаманов, начали уже в который раз готовиться к отъезду на родину. 5 апреля Кубанский войсковой атаман генерал-майор В.Г. Науменко в своем приказе обратился ко всем казакам кубанцам: «*Мировая военная и политическая обстановка*

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 17. Л. 3—4 (об).

говорит нам о том, что время нашего возвращения домой приближается, что пора нам из бесправных беженцев вновь обратиться в воинов, стряхнуть с себя беженскую пыль и тесно сомкнуть свои казачьи ряды с готовностью, если понадобится, пожертвовать всем для возрождения родного казачества...»[1] 13 мая 1942 за его же подписью (правда, на этот раз атаман представился как Общеказачий представитель Дона, Кубани, Терека и Астрахани) вышло распоряжение об организации «Финансово-экономического отдела». Согласно этому приказу, вновь образованный отдел должен был стать совещательным органом и заниматься специальными вопросами, связанными с настоящей жизнью казаков-эмигрантов и будущим устройством жизни на освобожденных казачьих землях. Непосредственно в его компетенции находились следующие проблемы: а) рассмотрение финансово-экономических вопросов, связанных с пребыванием казаков в эмиграции; б) разработка и подготовка финансовых и хозяйственно-экономических вопросов на случай возвращения казаков в Родные Края; в) разработка вопросов, относящихся к финансовому и хозяйственно-экономическому возрождению Юго-Востока России и особенно казачьих областей после освобождения их от большевистской власти; г) правильное ознакомление иностранных и русских кругов с казачьими Краями, их огромными природными и хозяйственными ресурсами и возможными перспективами путем непосредственного общения и соответствующих печатных изданий[2].

Казаки-самостийники также не остались в стороне от очередного приступа всеобщего поклонения немецким освободителям. Руководители КНОД распро-

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 6. Л. 254.

[2] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 7. Л. 4.

страняли среди своих станичников официальные приказы и пропагандистские прокламации, в которых возносили до небес героическую германскую армию и предсказывали скорое возвращение в родные края. После долгой работы был, наконец, закончен и утвержден официальный статут Казачьего национально-освободительного движения, который, по мысли создателей, должен был помочь простым казакам окончательно убедиться в том, что именно казачье национальное движение — это тот путь, который ведет их на родину. Основными положениями этого чрезвычайно любопытного документа были 4 пункта: 1. Непримиримая борьба с советской властью, коммунизмом, еврейством и масонством. 2. Освобождение Казачьих Земель из-под власти СССР и его возможных наследников. 3. Образование на землях Европейского казачества единого самостоятельного государства — Казакии. 4. Объединение казаков, калмыков, горцев и других коренных жителей Казачьих Земель на основах верности своей казачьей родине и здоровых начал казачьего национализма[1] (*полностью текст статута см. в Приложении 1.5*).

В журнале «Казачий вестник» была развернута оживленная дискуссия о том, кто же должен возглавить казачество по возвращении в родные края (она, правда, больше походила на очередную кампанию по дискредитации старых атаманов). *«Чем ближе родина,* — писал казак-националист М. Карпов в статье «Вооруженные и наготове», — *тем острее напряженность, тем труднее и мучительнее ожидание. А добывание нашего государства и устроение его равноправным и свободным сочленом в семье народов новой, очищенной от московского богоискательства и дьяволонаходительства, Европы зависит только от выдержки и*

[1] Казачий вестник. 1942. № 14(20). 15 июля. С. 4.

здорового, не проржавевшего от большевистской пропаганды или эмигрантской грызни, мышления и мироощущения, зависит от того инстинкта, который вывел подсоветских казаков из липких жидовских тенет, а казачью эмиграцию из душных и затхлых прихожих русских политических организаций — и привел их к КНД. То есть вывел к работе и стройке из ужаса советской обезлички и духовной разрухи, а эмигрантов — из небытия мечтаний, неумеренных честолюбий, раскольничьих споров и безудержной болтовни»[1]. *Придя в очередной раз к выводу, что «русские эмигранты на 90% стали красными... и видят в Сталине объединителя земель русских и их защитника»*[2], самостийники заклеймили старых атаманов как предателей и призвали всех казаков верить только «здоровой части казачества», то есть лидерам КНОД.

Помимо этого, в прессе ряда европейских стран с подачи Василия Глазкова началась целая кампания по «продвижению» казачьего народа и восхвалению «великого благодетеля Адольфа Гитлера». Так, например, 27 июля 1942 года в одной из центральных болгарских газет появилась довольно обширная статья, посвященная освобождению немецкой армией донской столицы — города Новочеркасска. *«Большевики сняли,* — писал руководитель КНОД, — *золотой купол казацкой святыни, который по своей красоте третий в Российской империи после Исаакиевского собора и храма Христа Спасителя, а сам храм превратили в склад. До большевистского нашествия в городе жило 135 тысяч жителей и ни одного еврея... За освобождение города Новочеркасска казачество навсегда признательно Гитлеру!»*[3] Однако на этот раз самостийники не ограничились критикой, как всегда громкой и

[1] Казачий вестник. 1942. № 15 (21). 1 августа. С. 1.

[2] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 45. Л. 51.

[3] Слово. 1942. № 6005. 27 июля С. 4.

скандальной, но абсолютно не имеющей никакого отношения к реальности. На Северный Кавказ был послан специальный военный корреспондент — казак Ростислав Павлович Алидзаев. На протяжении долгого времени он писал большие отчеты о жизни на оккупированных территориях, которые публиковались в журнале «Казачий вестник». Ему удалось наладить довольно разветвленную корреспондентскую сеть, а также организовать доставку в ряд крупных городов журнала казаков-националистов. *«Из Новочеркасска и Ростова,* — написал он в одном из писем Василию Глазкову, — *сообщают наши корреспонденты, что там «Казачий вестник» расклеивается на главных площадях для более широкого ознакомления с ним казачьего населения, которое в тысячах толпится около «Казачьего вестника» и с жадностью читает его строки»*[1].

Даже генерал П.Н. Краснов, казалось бы, совсем утративший надежду на счастливое разрешение казачьих судеб, попав под влияние «победных» газетных репортажей о налаживании мирной жизни на оккупированных казачьих землях, писал 20 июля 1942 года атаману Е.И. Балабину: *«...нужно уже думать о крупной переброске знающих и любящих Дон и Россию людей туда для службы с немцами и под немцами, а людей этих-то и нет».* Также в эти дни его чрезвычайно заботила судьба казачьего эмигрантского музея, который, по его мнению, должен был как можно скорее *«возвратиться на свое место в Новочеркасск»*[2].

Однако время шло, на Дону, Кубани и Тереке понемногу начало налаживаться какое-то подобие «мирной» жизни, прошли выборы станичных и кое-где окружных атаманов, начали активно формироваться ка-

[1] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 49. Л. 91.

[2] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 17. Л. 5.

зачьи части из населения оккупированных казачьих территорий, а отношение немецкого руководства к казачьей эмиграции оставалось по-прежнему презрительно холодным. Немцы предпочитали сотрудничать с «подсоветскими» казачьими лидерами, разбивая тем самым все мечты эмигрантских атаманов о том, что именно им будет поручено заново строить казачью жизнь на родине. *«Пока так же, как и повсюду,* — писал П.Н. Краснов Е.И. Балабину 7 августа 1942 года, — *немцы в занятых областях России стараются обходиться местными силами без эмиграции, питая к последней, и может быть основательно, недоверие. Эмиграция раскололась на толки и ориентации, а немцам, конечно, нужна только одна ориентация — немецкая»*[1]. 12 декабря 1942 года генерал еще раз грустно подтвердил полное отсутствие у эмигрантов каких-либо перспектив. *«В каждой станице для борьбы с большевиками,* — сообщал он Е.И. Балабину, — *организованы отдельные казачьи сотни, по всему фронту казаки военнопленные и казаки, добровольно перешедшие к немцам, организованы в полки и сотни, прекрасно вооружены и работают с немцами, вызывая их восхищение и удивление. При таких условиях естественно, что казакам эмигрантам, ничем, кроме сплетен, жалоб и кляуз, не проявившим себя, места там не будет... Эмиграция теперь или должна идти туда, или примириться с тем, что она так и останется эмиграцией или, в лучшем случае, приедет «домой», когда ей разрешат, чтобы тихо и мирно жить на «пенсии»... Вы понимаете, что при таких обстоятельствах мне в 73 года просто смешно было бы куда-то соваться, кого-то возглавлять и путаться в дела, которые хорошо ли, худо ли, но уже идут»*[2].

---

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 17. Л. 10—10 (об).

[2] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 17. Л. 17.

Глава 3

ГУКВ: КАЗАЧЬЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО РУХНУВШИХ НАДЕЖД

С 1943 года отношение немецкого руководства к казачьей эмиграции начало постепенно меняться. Связано это было с тяжелейшим положением на Восточном фронте, Сталинградской катастрофой и последовавшим отступлением немецкой армии с территории Северного Кавказа. Перед германским руководством встала проблема изыскания дополнительных резервов для продолжения борьбы. Немаловажная роль в этих планах отводилась населению оккупированных территорий и советским гражданам, оказавшимся в Германии в качестве военнопленных и «восточных рабочих» — все это требовало изменения традиционных методов нацистской политики по отношению к народам СССР. Чтобы заставить всех этих людей верой и правдой служить нацистской Германии, требовалось обозначить ощутимые политические цели, заинтересовать, дать веру в то, что они воюют ради своего будущего и будущего своих детей, а не ради сохранения жизни и лишней миски супа.

В то время все восточные народы, представители которых сражались в составе германской армии, уже имели свои национальные комитеты, претендовавшие в будущем на роль правительств «независимых государств», — ничего подобного не было только у казаков. Однако в декабре 1942 года при Министерстве по делам оккупированных восточных территорий такой комитет, получивший название «Казачье управление Дона, Кубани и Терека», во главе с Н.А. Гимпелем был создан. Для того чтобы сразу зарекомендовать себя серьезной, претендующей на «объединение всего казачества» организацией, Гимпель вступил в тесный контакт

с генералом П.Н. Красновым. Зная о популярности старого атамана в казачьих кругах, немцы прочили его на роль идейного вдохновителя всего казачества. Уже 25 января 1943 года генерал подписал обращение, в котором призвал все казачество встать на борьбу с большевистским режимом. В обращении отмечались особые казачьи черты, казачья самобытность, право казаков на самостоятельное государственное существование, но, что любопытно, не было ни слова о России. Видимо, к этому времени Краснов окончательно понял, что идея о казачестве в единой неделимой России осталась в прошлом. Как позже признавался сам П.Н. Краснов, именно с этого момента он стал только казаком, стал служить только казачьему делу, поставив *«крест на своей предыдущей жизни и деятельности»*[1].

Другим важным фактом направленной идеологической работы в среде казачества следует признать выход в свет 25 апреля 1943 года в Берлине первого номера журнала «На казачьем посту», который просуществовал до конца войны и стал главным печатным органом несепаратистского направления казаков-эмигрантов. Первый номер открывался воззванием генерала П.Н. Краснова, в котором последний призывал все казачество вступать в германскую армию и воевать до победного конца: *«Идите в Германские войска,* — обращался атаман к простым казакам, — *идите с ними и помните, что в Новой Европе Адольфа Гитлера будет место только тем, кто в грозный и решительный час последней битвы нелицемерно был с ним и Германским народом»*[2].

Немецкое руководство продолжало благоволить к казачеству, и в июне 1943 года на встрече в Белграде с атаманами донских, кубанских, терских и астраханских казаков Гимпель заявил, что *«германским прави-*

[1] *Никонов В.О.* О казачьих делах // Часовой. 1950. № 10. С. 17—18.

[2] На казачьем посту. 1943. № 1. 25 апреля. С. 4.

тельством вопрос бытия казачества... разрешен в положительном свете»[1]. Наконец 10 ноября 1943 г. Гимпель при активном участии генерала П.Н. Краснова подготовил «окончательно разрешившую проблему казачества в положительном свете» «Декларацию германского правительства к казакам», подписанную начальником Штаба Верховного командования вермахта Кейтелем и руководителем Восточного министерства А. Розенбергом. Однако одновременно с этими исключительно пропагандистско-показательными акциями, направленными на привлечение на свою сторону не столько основной массы казачьего населения Европы, сколько «подсоветских» казаков, отступавших с Северного Кавказа вместе с немецкими войсками, германское руководство продолжало проводить непоследовательную политику по отношению к казакам-эмигрантам.

Вскоре после декларации Кейтеля—Розенберга в Восточном министерстве был разработан проект по созданию Казачьих опорных пунктов в Германии, Франции, Сербии и протекторате Чехия и Моравия, в которые должны были войти все казаки вне зависимости от их политических взглядов. Немцы планировали упразднить Общеказачье объединение генерал-лейтенанта Е.И. Балабина, распустить все станицы и хутора и впредь управлять всеми казаками через начальников Опорных пунктов. Приказ об этой реформе должны были подписать П.Н. Краснов, лидер самостийников В.Г. Глазков и сам Е.И. Балабин. Разработчики документа даже не подумали о том, в какое унизительное положение ставят атамана Общеказачьего объединения, сводя на нет результаты его четырехлетней работы по сплочению казаков, их моральному и идеологическому объединению в борьбе с самостийниками. О готовящемся решении по созданию объединенной казачьей организации В.Г. Глазкову и Е.И. Балаби-

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 10. Л. 78.

ну сообщили в... гестапо. *«В четверг,* — писал в апреле 1944 года Е.И. Балабин П.Н. Краснову, — *20 апреля, меня и инженера Глазкова вызывали в Гестапо и, «по секрету», сообщили, что Казаки будут иметь свой отдельный самостоятельный Опорный Пункт, что я и Глазков должны выбрать Начальника этого пункта, казака, не состоящего ни в той, ни в другой организации и одинаково приемлемого всеми казаками и знающего, хотя бы немного, немецкий язык»*[1].

Как и следовало ожидать, объединительные переговоры двух казачьих лидеров никаких результатов не дали. Е.И. Балабин отвергал все кандидатуры, представленные самостийниками, а своих предложить не мог, так как по негласному распоряжению Восточного министерства на должности начальников Опорных пунктов должны были подбираться только казаки-националисты, а самому старому атаману отводилась исключительно роль советника при будущем начальнике Опорного пункта в Праге. Причем вторым советником должен был стать помощник Василия Глазкова — некто Донецкий. Естественно, принять этот пост Е.И. Балабин наотрез отказался. *«Не сомневаюсь,* — писал он П.Н. Краснову, — *что все происходящее есть лишь результат происков самостийников, которые видят, как распадается их на бумаге существующая организация, и как растет и крепнет наше Объединение, и они воспользовались своими связями, чтобы разложить все организации и под шумок сделать свои делишки»*[2].

Самостийники довольно долго пытались уговорить атамана Общеказачьего объединения поступиться своими принципами и все-таки пойти на сотрудничество. *«Настоящим имеем честь,* — обращались они 17 мая 1944 года к Е.И. Балабину, — *предложить казакам вве-*

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 14. Л. 162.

[2] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 14. Л. 189.

ренной Вам организации сотрудничество в казачьем органе «Казачий вестник», о чем просим не отказать в любезности довести до сведения Ваших членов. Указанное предложение является и пожеланием надлежащих немецких органов. В ожидании тесного казачьего сотрудничества просим принять выражения глубокого к Вам уважения»[1]. Однако ни увещевания, ни угрозы, ни вызовы в гестапо, ни даже приезд в Прагу знаменитого генерала Шкуро, который должен был стать посредником на «мирных переговорах», ни к чему не привели. 9 октября 1944 г. Е.И. Балабин написал атаману Общеказачьей станицы в Вене есаулу М.А. Голубову: *«Генерал Шкуро считает, что мы должны слиться с самостийниками, думая, что по взмаху его кулака или по щучьему велению самостийники изменят свои взгляды и свою программу. Главари самостийников, как и большевики, никогда не изменятся, и после взмаха кулаком Генерала Шкуро здесь, в Праге, они продолжают свою работу — лгать, клеветать, забрасывать противный лагерь, главным образом меня, грязью... Среди самостийников есть хорошие казаки, одураченные вожаками, но вожаки их хуже большевиков и сближения с ними быть не может»*[2].

Постоянная грызня между различными казачьими эмигрантскими организациями, подкрепленная невнятной и непоследовательной политикой немецких властей, а также неудачи немцев на Восточном фронте в конечном итоге привели к тому, что уже к середине 1943 года в основной своей массе казаки-эмигранты потеряли всякий интерес к происходящему. Более того, в адрес казачьих атаманов и руководителей посыпались письма с обвинениями в некомпетентности и политических просчетах. *«Был у меня один человечек с Востока,* — писал в мае 1943 года руководитель каза-

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 12. Л. 354.

[2] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 14. Л. 313.

ков-националистов в Сербии П.С. Поляков, — *не казак, парень толковый и дельный, он говорит, что на Восток пустят лишь тех, кто поймет желание немцев, их новые идеи и их направление. Я после этого целую ночь юлой на койке вертелся и к утру пришел к выводу, что я вообще ни черта не понимаю. Мне казалось, что наша готовность жертвовать всем для борьбы на Востоке, наше поголовное желание принять в ней участие и наша прошлая антикоммунистическая и националистическая работа — достаточный залог всему. Ан нет — или чего-то мы не поняли, или чего-то у нас не хватает, или мы не нужны совершенно и лишний балласт...»*[1] Звучали и более резкие заявления в адрес казачьих лидеров и атаманов. *«Вы прекрасно знаете,* — написал 29 февраля 1944 года Василию Глазкову простой казак, член КНОД, — *какая бы сторона ни победила, а это уже окончательно выяснилось, если у Вас есть политическое чутье, Вы сознаете это — казачество никогда как нация существовать не будет, а тем более как самостоятельное государство. А если так, то к чему город городить и для чего капусту садить?»*[2] (О ситуации, сложившейся в казачьей эмиграции во Франции, см. в Приложении 1.6.)

В среде казачества (после того как стало окончательно ясно, что немцы в нем не очень-то заинтересованы) наступил своеобразный паралич самосознания — стали проявляться полнейшая апатия к происходящему и нежелание продолжать какую-либо борьбу. Так, в марте 1943 года атаман Берлинской станицы Общеказачьего объединения в Германской империи сообщал Е.И. Балабину, что в январе—феврале этого года докладов, лекций и театральных представлений не было из-за существующих запретов. Примечательны и ха-

[1] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 9. Л. 19.

[2] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 40. Л. 29.

рактерны следующие фразы из письма: «жизнь станицы замерла», «ждем возвращения на Родину», «все наши пожелания, самые скромные, неосуществимы, потому что мы гости»[1].

Благодаря вынужденному бездействию многие простые казаки погрязли во взаимной вражде, мелочных спорах, обидах, пьянстве и даже воровстве. *«Офицеры и казаки абсолютно ничем не интересуются,* — писал 16 марта 1943 года руководитель одной из станиц Общеказачьего объединения в Германской империи, — *кроме своих частных дел, и заставить их принять какое-либо участие в делах невозможно. Такое безразличие объясняется, главным образом, полной неопределенностью положения. Информация станичников совершенно не интересует»*[2]. Вот еще два свидетельства, наглядно показывающие сложившиеся в казачьей среде бытовые взаимоотношения. *«У нас никаких изменений в смысле организационном нет,* — пишет о казаках Венгрии в самом конце 1942 года один из активистов КНОД, — *все пахнет мертвечиной, каждый живет сам для себя и занят больше материализмом, чем понятием о Родине...»*[3] *«Среди казаков,* — пишет 29 января 1944 года руководитель станицы КНОД в Августове, — *развиваются дрязги и взаимная мелочная вражда. От умственного и идейного бездействия в организованном кружке негде приложить свои силы и способности»*[4].

Казачьи лидеры и атаманы, видя, что простые казаки больше думают о бытовых проблемах и «несколько распустились», попытались было напомнить им, что они находятся в «ожидании скорого возвращения домой», а следовательно, должны не пить и сквернословить, а готовиться к «налаживанию мирной жизни на

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 4. Л. 125.

[2] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 9. Л. 105.

[3] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 3. Л. 5.

[4] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 10. Л. 126.

Дону, Кубани и Тереке». В этой связи чрезвычайно интересны приказы Кубанского Войскового атамана генерал-майора В.Г. Науменко о вреде «пьянства», «сквернословия» и «болтливости». *«В нашей казачьей жизни,* — говорилось в приказе от 28 апреля 1943 года, — *имеют место 2 явления, наличие которых не только вызывает ряд нехороших последствий, но и роняет достоинство человека. Я имею в виду пьянство и сквернословие /матерщину/... Надлежит более внимательно следить за теми, кто не знает меры в питие, и стараться не допускать склонных к этому до состояния, когда он вследствие опьянения теряет здравый смысл и облик человеческий... Наши, оставшиеся дома и страдавшие под игом большевизма, ждут нас, ждут с нетерпением, ждут нашей помощи, и стыдно нам будет, если мы привезем туда пьяниц, безбожных ругателей и сквернословов. К возвращению нашему домой мы должны готовиться, как к Святому Причастию, и отрешиться от недостойных человека пороков»*[1]. 2 декабря того же года атаман попытался более наглядно показать всем казакам-кубанцам весь ужас пьянства и особенно казачьего пьянства, описав в своем очередном распоряжении встречу прибывшего с Восточного фронта казака. *«Старые казаки-эмигранты,* — отмечал в очередном приказе В.Г. Науменко, — *обрадовавшиеся встречей с молодым, чествовали его и напоили до беспамятства. Выпить в меру грех небольшой, но спаивать человека до потери им сознания — это со стороны старых казаков в отношении молодого нехорошо. Еще хуже, что, напоив его, эти казаки, несмотря на то что дом одного из них находился в нескольких шагах, не уложили его у себя спать, а дали ему возможность влезть в чужую квартиру и затем своим криком на улице привлечь внимание патруля. А уже то, что эти казаки бросили*

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 9. Л. 233.

своего пьяного товарища на улице и сами разбежались, трудно назвать настоящим именем. Так казак делать не должен... Гостеприимство и радость встречи не должны выливаться в такую форму, а уж коли грех случился, то не надо выставлять его на посмешище толпы, когда прохожие указывали пальцем и называли имя казака»[1].

Еще одной страшной бедой всего казачества Кубанский Войсковой атаман считал болтливость, о чем и оповестил казаков-кубанцев в приказе от 10 июля 1943 года: «*Болтливость, независимо от того, несет ли она под собою почву или нет, кроме вреда, принести ничего не может... В настоящее ответственное время я призываю всех Кубанцев, от рядового казака до старшего Генерала, быть особенно осторожными в своих разговорах и пресекать лишние разговоры тех, кто любит говорить больше, чем надо*»[2].

Лидеры казаков-националистов, с одержимостью сумасшедших продолжавшие верить в скорое возвращение на родину и летом 1943 года даже утвердившие при КНОД отделы Донской, Кубанский, Терский (с подотделом для остальных европейских казаков) и Запорожский[3], которые должны были готовить казаков к отъезду домой, были вынуждены проводить среди своих соратников постоянную воспитательную работу, направленную на повышение порядка и внутренней дисциплины. Так, например, 3 июня 1943 года в распорядке дня казачьего собрания в Августове в числе первых обсуждались следующие вопросы: «повышение внутренней дисциплины и жертвенности на благо Казачества, а также готовность принять участие в активной борьбе против большевизма»[4]. Через три недели на очередном заседании станичников было принято

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 10. Л. 296.

[2] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 10. Л. 94.

[3] Казачий вестник. 1943. № 12 (43). 15 июня. С. 1.

[4] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 10. Л. 54.

официальное постановление, согласно которому каждый казак должен был: «1. Охранять честь названия казака, оставаться во всех своих помыслах и начинаниях благородным и честным народом. 2. Укреплять свою мысль в духе возрождения казачьего государства, которое должно войти в семью Народов Европы и стать равноправным членом»[1]. Но все эти воспитательные меры помогали мало, и вот уже руководитель КНОД в Болгарии Евсиков с тревогой писал Василию Глазкову: *«Иван Павлович Козмин, живущий в Бургасе, исключен из рядов нашего движения по причине, что он находится под судом и следствием за спекуляцию»*[2].

Однако, несмотря на все эти малоприятные для казаков-эмигрантов симптомы, налаженная за долгие годы казачья жизнь в эмиграции продолжалась. Казаки служили молебны, организовывали детские новогодние елки и всевозможные праздники и застолья по случаю самых разных событий. Вот один из характерных примеров того, как казаки (в данном случае казаки-националисты в Берлине) отмечали праздник Покрова. *«В час дня*, — написал 13 октября атаман Берлинской станицы В. Бабич руководителю КНОД В. Глазкову, — *было отслужено молебствие в церкви. Присутствовало до 40 человек казаков приблизительно. Торжественно было отслужено молебствие с полным церковным хором. Затем все свободные зашли в немецкий ресторан выпить по стакану пива, скромно по военному времени, и поделиться мыслями между казаками... Доктор П.К. Харламов сделал доклад о положении Казачьего Национального Движения с самого его основания и до последнего дня. В 4 часа стали расходиться по домам, обедать. В ресторане было 23 казака и 4 дамы. В общем, отметили праздники и этим подчеркнули и напомнили о нашем существовании»*[3].

---

[1] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 10. Л. 57.

[2] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 2. Л. 82.

[3] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 12. Л. 47.

После оглашения «Декларации германского правительства к казакам» генералу П.Н. Краснову было сделано предложение возглавить Временное казачье правительство в Германии. Более того, немецкие власти даже начали проводить соответствующую подготовительную работу. С подачи Гимпеля 1 января 1944 года журнал «На казачьем посту», с явным намеком на генерала П.Н. Краснова, опубликовал призыв воздержаться от любой критики в адрес будущего *«Верховного Атамана Казачества, кто бы ни был утвержден немецкими властями»*[1]. Однако сам атаман категорически отказался становиться «верховным возглавителем казачества», сославшись на то, что все войсковые атаманы, и тем более Верховный атаман всех казачьих войск, должны выбираться, и притом непременно, на территории казачьих земель Войсковыми кругами и Войсковой радой. Во избежание очередного всплеска противоречий в среде противоборствующих между собой казачьих организаций функции временного правительства решено было передать Главному управлению казачьих войск (ГУКВ), сформированному в феврале—марте 1944 года и официально утвержденному 31 марта, после согласия генерала добровольческих частей вермахта Кестринга и командования вооруженных сил. В состав ГУКВ вошли: начальник — генерал от кавалерии П.Н. Краснов; члены — Походный атаман Войска Донского полковник С.В. Павлов, Кубанский войсковой атаман за границей генерал-майор В.Г. Науменко, Походный атаман Терского Войска полковник Н.Л. Кулаков. Рабочим органом этого учреждения стал штаб, который возглавил племянник П.Н. Краснова — полковник, а впоследствии генерал-майор С.Н. Краснов.

Несмотря на то что ГУКВ было призвано создать лишь иллюзию казачьей независимости и не один выданный им документ не имел силы без подписи на-

[1] На казачьем посту. 1944. № 17. 1 января. С. 12.

чальника Казачьего управления Дона, Кубани и Терека Гимпеля, сам П.Н. Краснов и его помощники рассматривали ГУКВ как «представительство перед германским командованием для защиты казачьих прав»[1]. После назначения атаман развил необычайно активную деятельность, он выступал с докладами и лекциями, участвовал во всевозможных мероприятиях, писал статьи и очерки, принимал казачьих и германских представителей, отдавал приказы и распоряжения. П.Н. Краснов и другие атаманы посещали казачьи части, сражавшиеся в составе германской армии. Так, в феврале—марте 1944 года атаманы Татаркин (сменивший умершего в 1942 году Граббе), Вдовенко и Ляхов побывали в дивизии фон Паннвица, действовавшей на территории Хорватии, и беседовали с молодыми казаками, а 27 мая в организованные в Белоруссии казачьи поселения выехал генерал В.Г. Науменко — для выяснения вопросов устройства жизни поселенцев и проведения лекции.

ГУКВ занималось преимущественно подсоветскими казаками, главными его функциями были: вербовка в немецкую армию[2] бывших подсоветских казаков, устройство казачьих семейств, стариков и инвалидов, отбор казаков из лагерей военнопленных и из «остарбайтеров», а также из частей вермахта и СС. Проще говоря, ГУКВ должно было переводить всех казаков, находящихся на службе в частях вермахта, СС или работающих в Германии на положении «остарбайтеров», в казачьи подразделения вермахта.

Всех казаков, подходящих для службы в строевых частях, в возрасте от 18 до 35 лет, предписывалось на-

[1] На казачьем посту. 1944. № 23. 1 апреля. С. 3.

[2] К этому времени в немецкой армии уже были созданы и воевали 1-я казачья кавалерийская дивизия, Казачий Стан Походного атамана С.В. Павлова, казачий полк в Русском охранном корпусе и некоторые разрозненные части на Восточном фронте.

правлять в Берлин, в распоряжение Главного управления Дона, Кубани и Терека при Восточном министерстве, откуда они направлялись в запасной полк 1-й казачьей кавалерийской дивизии, где получали назначения вне зависимости от прежних чинов и служебного положения. Для получения унтер-офицерских и офицерских должностей требовалось знание немецкого языка и немецких уставов. Казаки в возрасте от 35 до 50 лет, годные к военной службе, должны были также направляться в управление Восточного министерства для последующего перевода в Казачий Стан. Казаки старше 50 лет, равно как и негодные к строевой службе в войсковых частях или полиции, направлялись в Главное управление Дона, Кубани и Терека, а через него — в соответствующие войсковые правления Казачьего Стана[1]. «*Почти во всех*, — определял основную задачу ГУКВ Е.И. Балабин в письме генерал-майору В.А. Дьякову от 24 марта 1944 года, — *немецких ротах находятся русские... Из своих рот немцы, конечно, никогда казаков на отдадут... Не отдаст казаков и СС. Но если Управление выудит казаков из плена, из ОСТа и устроит семьи — и то будет грандиозная работа и колоссальная помощь казачеству*»[2].

Хотя в своей деятельности ГУКВ официально не касалось эмигрантов, сильная нехватка в казачьих частях квалифицированного командного состава заставляла негласно привлекать на военную службу и казаков-эмигрантов. «*Думаю*, — писал Е.И. Балабин в том же письме, — *что многие пойдут* (воевать против большевиков. — ***П.К.***), *так как казаки понимают, что погибнут немцы — погибнут и казаки. Победят немцы — как-то устроятся и казаки*»[3]. По его оценке, общее количество казаков, находящихся на немецкой службе,

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 13. Л. 54.

[2] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 14. Л. 101.

[3] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 14. Л. 101.

к концу марта 1944 года составляло примерно 65 тысяч человек. Около 20 тысяч служили в казачьей дивизии генерала фон Паннвица, которая пользовалась у казаков огромной популярностью. В эту часть было зачислено несколько десятков офицеров-эмигрантов, а впоследствии ее ряды пополнялись казаками, перешедшими из Русского охранного корпуса.

Казачьи части отлично зарекомендовали себя в глазах германского командования, о них много писали в газетах и журналах, и именно поэтому туда стремились попасть не только казаки, но и представители других народов. Канцелярия атамана «Общеказачьего объединения в Германской империи» Е.И. Балабина была буквально завалена прошениями от русских офицеров, по происхождению не казаков, о принятии их в ряды казачества и зачислении в казачьи части. На вопрос, почему они не идут в Русскую освободительную армию к Власову, обычно отвечали, «что РОА ненадежна, *что РОА может перейти и к большевикам, и к партизанам... ну, а казаки никогда не перейдут и никогда не предадут, казакам некуда деваться*»[1]. Однако, несмотря на лояльное отношение к казачьим частям со стороны немецких властей и усилия ГУКВ по организации и упорядочению набора казаков в боевые формирования, сам процесс вербовки был далек от совершенства. Связано это было прежде всего с тем, что немецкие начальники на разных уровнях постоянно чинили казачьему правительству препятствия, усугубляющиеся неразберихой военного времени. «*А с набором казаков в армию*, — написал 20 октября 1944 года Е.И. Балабин П.Н. Краснову, — *до сих пор дело не налажено. В Мюнхенском районе было 187 подсоветских казаков, которые просили станичного атамана о поступлении в казачьи полки. Атаман сообщил в казачий центр. Приехал Л.Н. Попов и где-то ездил и что-*

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 14. Л. 101 (об).

то делал, но прошло четыре месяца, а казаков не брали. Конечно, казаки разбрелись по работам, и в полки попало очень мало. Казак Мину Хрущ (Кубанец) получил приказание явиться в Берлин. Поехал, но вскоре вернулся. В лагере почему-то у него отобрали все документы и сказали, что никуда не пустят. Хрущ наговорил дерзостей Лагерфюреру и посажен в концлагерь. В лагере осталась жена с детьми. Сегодня ко мне явился молодой подсоветский казак Василий Попов из Венгрии с винтовкой, патронами: «Всех нас разбили, а я к Вам приехал». Накормил его, направил к властям. Две недели он скитается, не может найти казачью часть, а немцы его к себе не берут... Два года воюет, научился говорить по-немецки, дышит ненавистью к жидам. Был он в Вене. Вена послала его в Прагу, а из Праги посылают в Вену»[1].

Тем не менее, несмотря на все сложности и организационные неурядицы, создание Главного управления казачьих войск явилось важным политическим событием для казачества. Теперь руководство всеми казаками было сосредоточено в руках одного П.Н. Краснова, который пользовался достаточной популярностью в казачьих кругах, а не десятков атаманов и атаманчиков разных политических толков и воззрений.

Помимо задач, связанных с вербовкой казаков, ГУКВ постепенно брало на себя и другие: продолжалась подготовка офицерских кадров, воспитание молодежи, проверка офицерского и рядового состава на лояльность к фашистскому режиму. Всевозможные споры, журнальные «баталии» и партийные разногласия, характерные для казачьей эмиграции в первые годы войны, постепенно отходили на второй план. «*Главное Управление Казачьих Войск*, — писал журнал «Казачьи ведомости», — *утверждено Германской Властью и,*

---

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 14. Л. 432.

стало быть, по нашей казачьей морали, установлениям и традиции, является для каждого казака незыблемым авторитетом и законом, поставленным начальством. И, конечно, всякий казак понимает, что языкоблудие по отношению к своему законному руководству — не только оскорбление для всего казачества, но и измена воинской присяге»[1].

20 июля 1944 года, в связи с покушением на Адольфа Гитлера, казачье правительство получило возможность еще раз продемонстрировать свою верность и лояльность к нацистскому режиму. За подписью генерала П.Н. Краснова в ставку фюрера была направлена телеграмма со словами поддержки и решимостью продолжать борьбу против «ненавистного большевизма и предателей Рейха» до победного конца. «*Наш вождь! Казачьи войска*, — читаем мы в этом небезынтересном послании-соболезновании, — *перешедшие на сторону Германии и вместе с нею сражающиеся против мирового еврейства и большевизма, с глубоким негодованием и возмущением узнали о гнусном и подлом покушении на Вашу жизнь. В чудесном спасении Вашем они видят великую милость Всемогущего Бога к Германии и казакам, Вам присягнувшим, и залог полной победы Вашей над злобным, жестоким и не стесняющимся в средствах борьбы врагом. Казаки усугубят рвение своего служения для спасения Германии и Европы от большевистской заразы. Живите многие годы, наш Вождь Адольф Гитлер*»[2]. 12 августа в ГУКВ пришел ответ: «*Начальнику Главного Управления Казачьих Войск Генералу Краснову. Фюрер и Главнокомандующий Армией поручили мне передать Вам Его сердечную бла-*

[1] Казачьи Ведомости. 1945. № 15—16. 15 января. С. 8.

[2] Казачья лава. 1944. № 16. 27 июля. С. 1 // На казачьем посту. 1944. № 31. 1 августа. С. 2.

годарность за Ваши пожелания счастья по поводу неудавшегося покушения»[1].

Одновременно с этими внешними, на первый взгляд исключительно объединительными для среды казачества, процессами, внутри ГУКВ происходили серьезные внутренние изменения, которые вносили еще большую неразбериху в эмигрантское казачье движение, и связаны они были с личностью Василия Глазкова и его Казачьим национально-освободительным движением. Как это ни парадоксально, но такие известные казачьи атаманы, как П.Н. Краснов, В.Г. Науменко и А.Г. Шкуро, на протяжении всей войны боровшиеся против самостийников, начали к концу войны понемногу менять свои политические взгляды и переходить на позиции казачьей независимости, казачьего национализма и в идеале создания самостоятельного, а пока — в составе «Великой Германской Империи Казачьего государства». Сложно сказать, с чем было связано такое резкое изменение политических взглядов атаманов, стоящих много лет на позиции Единой и Неделимой России. Тут могло сыграть роль и разочарование в идеях казачьего единонеделимства, и конъюнктурное желание получить больше свободы от немецких покровителей, явно симпатизирующих идеям казаков-националистов, и действительное осознание того, что в это сложное время только националисты способны спасти будущее всего казачества.

Переход на новые для себя политические позиции происходил у атаманов по-разному. Кубанский Войсковой атаман за границей генерал-майор В.Г. Науменко и генерал А.Г. Шкуро активно принимали приглашения Василия Глазкова и часто бывали в Праге, участвовали в митингах и собраниях казаков-националистов, где выступали с пространными речами, в которых

[1] На казачьем посту. 1944. № 33. 1 сентября. С. 2.

убеждали простых казаков встать на путь казачьей независимости. «*16 сентября в Праге*, — читаем мы отчет об одном из таких мероприятий, — *состоялось собрание казаков. На собрание прибыло свыше 400 человек, многие явились даже из провинции. Интерес к собранию усилился прибытием из Берлина Кубанского Атамана генерала В.Г. Науменко и Начальника Казачьего Резерва генерала А.Г. Шкуро... Первым из гостей выступил В.Г. Науменко. Он особенно подчеркнул необходимость строить казакам свое благополучие в тесном единении с Германским народом... Руководитель КНД инженер В.Г. Глазков в своем выступлении заявил: «Сейчас для нас настал давно желанный момент. Или мы проявим себя сознательными казаками, или же будем ожидать милости заклятого врага... Казаки, способные владеть оружием, должны все поголовно встать в ряды своей казачьей армии»*[1]. «*Теперь, во время страшной опасности*, — обратился в июле 1944 года генерал В.Г. Науменко к простым казакам, — *грозящей человечеству и прежде всего нам, казакам, нашим стремлением должно быть построение ЕДИНОГО КАЗАЧЬЕГО ФРОНТА... Только традиционная казачья государственность на наших исторических землях, под защитой Германии, обеспечит нам право на свободное развитие и даст возможность ВНОВЬ СТАТЬ на исторический путь казачьей жизни... МЫ заявляем, что ЕДИНСТВЕННЫМ ПУТЕМ НАШИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ ПУТЬ КАЗАЧИЙ. Поэтому я теперь требую от всех Кубанцев забыть прошлые недоразумения, прекратить партийные разногласия и крепко сплотиться вокруг МЕНЯ и наших ВОЙСКОВЫХ ЗНАМЕН, покрытых вековой славою, для дружной работы во имя родной Кубани и в целях ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА КАЗАЧЕСТВА*»[2].

---

[1] Казачья лава. 1944. № 27. 12 октября. С. 2.

[2] Казачья лава. 1944. № 16. 27 июля. С. 1.

Генерал П.Н. Краснов несколько по-другому, более осторожно поддерживал казаков-националистов. В своих публичных выступлениях и обращениях он старался открыто не подчеркивать свою связь с самостийниками, а по-прежнему продолжал стоять на присущих ему еще с Гражданской войны ярко выраженных прогерманских позициях. «*Казачьи войска*, — заявил генерал в августе 1944 года, — *возродятся для свободной жизни при помощи Германии и процветут под ее покровительством. Так будет! В этой вере в Вождя Адольфа Гитлера, в окончательную победу Германии, в возрождение наших казачьих войск, станем ныне, казаки, заедино! Забудем, откинув навсегда, старые счеты, обиды и разговоры о старшинстве и о своих заслугах... Станем все просто казаками, борющимися за общее дело... В страшный час общего напряжения перед грядущей победой мы все, казаки, и идущие с нами и готовящиеся стать казаками «иногородние» исполним до конца, с полною верой в успех, свой долг с достоинством!*»[1] Пожалуй, наиболее ярко свои «самостийные» настроения генерал П.Н. Краснов выразил в одной из журнальных статей, опубликованной 12 декабря 1944 года: «*Слышны голоса: Россию хотят завоевать, Россию хотят делить на части, русский народ хотят обратить в рабов... Где Россия? Ее давно уже нет, не будем говорить напыщенных слов о разделе давно поделенной России, о рабстве давно обращенных в рабов... но обратим все свои силы прежде всего и только на свое собственное казачье дело, дело свободы и независимости своего Края — Казачьей Земли*»[2].

---

[1] Казачья лава. 1944. № 18. 10 августа. С. 1.

[2] Цит. по: *Окороков А.В.* Казаки и Русское освободительное движение. В сб.: Материалы по истории русского освободительного движения 1914—1945 / Под общей редакцией А.В. Окорокова. Вып. 1. М., 1997. С. 240.

Одновременно Краснов вел с лидером казаков-националистов Василием Глазковым тайные переговоры. В конце июля 1944 года в Берлине, при участии немецких чинов из Восточного министерства, состоялась одна из таких встреч. На ней П.Н. Краснов якобы пообещал В. Глазкову, что Главное управление казачьих войск вскоре будет переформировано в казачье правительство, в котором самостийники получат целых три «министерства» — пропаганды, внешних и внутренних дел. 2 августа 1944 года П.Н. Краснов даже издал приказ № 8 о начале реорганизации Главного казачьего управления и вызове в Берлин министров-самостийников (П. Полякова из Белграда, В. Карпушкина из Чехии, Д. Еременко из Словакии), однако по неизвестным причинам приказ не был опубликован, а вскоре его аннулировал новый, также нигде не публиковавшийся приказ № 9 от 19 августа 1944 года. «*Это было время*, — тонко подметил в одной из послевоенных статей непосредственный участник тех событий казак В. Никонов, — *увлечения самостийными течениями, перед которыми не устояли даже такие лица, как генерал В.Г. Науменко, генерал А.Г. Шкуро и многие другие... Повторяю, что это было время, когда мало кто устоял от соблазнов самостийничества, призрачных республик, бумажных суверенов и прочих прелестей*»[1].

Несмотря на то что генералы П.Н. Краснов, В.Г. Науменко и А.Г. Шкуро начали понемногу отходить на «националистические» позиции, между собой они никак не могли найти общий язык и открыто враждовали. В связи с этим очень любопытна характеристика отношений между тремя атаманами, данная казаком С.В. Маракуевым в ноябре 1944 года и лишний раз доказывающая, что даже среди самых авторитетных и

[1] *Никонов В.* О казачьих делах // Часовой. 1950. № 302 (10). Ноябрь. С. 17—18.

уважаемых казачьих лидеров нередко шла обыкновенная грызня и борьба за власть, а не работа по «построению будущего объединенного казачества»: *«Шкуро отозван в Берлин ввиду недостойного поведения в Вене... Он прикомандировывается к Главному Управлению, вероятно, по происках Науменки и вопреки желанию Краснова, который этим назначением очень недоволен. Недоволен он также Ген. Науменко, который успел втереть в Гл. Упр. 9 кубанцев. В разговоре с Балабиным П.Н. высказал это недовольство, сказав о кубанцах, что «они казачьи жиды» по своим ухищрениям и пролазничеству... Шкуро в Вене пьянствовал, брал взятки за выдачу удостоверений о прикомандировании «к его штабу»*[1].

Глава 4

КАЗАЧЬЯ ЭМИГРАЦИЯ И РУССКОЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

В конце войны военное и политическое руководство Третьего рейха хваталось за любую возможность, чтобы предотвратить свой крах. В целях максимально полного использования людских ресурсов оно решилось на создание русского политического центра, олицетворяющего собой правительство в изгнании, и на объединение всех восточных «добровольческих» частей в единую армию с номинальным статусом союзной державы. Эти меры, по мнению Гиммлера и некоторых других нацистских вождей, должны были сплотить всех русских, а также представителей других народов России для борьбы против большевизма и превратить германо-советскую войну в войну граж-

[1] ГАРФ. Ф. 6532. ОП. 1. Д. 89 (б). Л. 4.

данскую. 16 сентября 1944 года состоялась официальная встреча генерала А.А. Власова и рейхсфюрера СС Гиммлера, результатом которой стали создание в ноябре того же года печально известного Комитета освобождения народов России (КОНР), который должен был объединить под своим началом все антисоветские силы, и начало формирования двух русских дивизий из 10 намеченных в перспективе. Также в перспективе под начало А.А. Власова должны были перейти все созданные к этому моменту коллаборационистские части из числа жителей СССР, включая казачьи.

Естественно, казаки не могли остаться в стороне от этого события. Многие авторитетные в казачьей среде генералы приветствовали набирающее силу власовское движение. Е.И. Балабин писал 6 декабря 1944 года полковнику С.В. Маракуеву: *«Движение генерала Власова — это единственная надежда на спасение нашей измученной Родины, и все верные сыны ее должны отдать все свои силы для поддержания этого движения. Надо включиться в борьбу с большевизмом и не ждать того часа, когда придет жид-комиссар и грубо поставит к стенке...»*[1] *«Казачество пойдет с Вами,* — написал Балабин Власову 25 октября 1944 года, — *на освобождение России не для создания своей особой государственности. Эта мечта утопистов и авантюристов не имеет корней в сознании казачьего народа и культивируется численно ничтожной группой безответственных»*[2]. В том же послании Е.И. Балабин выразил надежду, что Власов привлечет к сотрудничеству как можно больше казаков, и даже порекомендовал в качестве представителя донского казачества при создаваемом Комитете генерал-лейтенанта Ф.Ф. Абрамова. 6 ноября 1944 года он подал рапорт в Штаб Вооруженных сил КОНР с просьбой о приеме на службу.

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 14. Л. 363.

[2] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 14. Л. 329.

В конечном итоге генералы Ф.Ф. Абрамов и Е.И. Балабин вошли в президиум созданного А.А. Власовым «Комитета освобождения народов России» (КОНР) и приняли участие в его учредительном съезде, состоявшемся 14 ноября 1944 года в Праге.

Многие влиятельные представители казачьей эмиграции также склонялись к поддержке власовского движения. 14 ноября 1944 года в Праге был обнародован знаменитый Манифест Комитета освобождения народов России, который провозглашал либерально-демократические принципы строительства новой государственности в России после войны. Этот документ от лица казаков-эмигрантов подписали генерал-лейтенанты Е.И. Балабин и Ф.Ф. Абрамов, а также Шамба Балинов. Позднее и другие казачьи руководители вступили в КОНР и выступили в поддержку А.А. Власова, среди них были атаман Донского войска генерал Г.В. Татаркин, генерал-лейтенант А.Г. Шкуро, генералы И.А. Поляков, В.И. Морозов и атаман Кубанского войска В.Г. Науменко.

Однако против КОНР и генерала А.А. Власова выступило Главное управление казачьих войск и лично генерал П.Н. Краснов. Атаман увидел во власовском комитете прежде всего не «спасителя России», а опасного конкурента в борьбе за симпатии нацистского руководства и развернул против него бурную агитацию в казачьих массах. Основным лейтмотивом его выступлений был тезис о том, что «Россия погибла безвозвратно» и казачество может существовать на территории Европы только в виде самостоятельного территориального образования, только под покровительством Германии и под именем «Среднеевропейского казачества». П.Н. Краснов также крайне отрицательно отнесся к созданию КОНР и его вооруженных сил, ибо усмотрел в этом угрозу казачьим вольностям, обещанным декларацией германского правительств от 10 но-

ября 1943 года. Он объяснял несостоятельность идеи объединения казачьих войск с РОА тем, что казаки уже принесли присягу на верность фюреру и Германии, и критиковал манифест КОНР за то, что *«там мало говорится о православной вере и нет ни слова о жидах». «Неужели,* — вопрошал генерал в одном из публичных выступлений, — *жидам оставят и дальше право распоряжаться Россией?»*[1]

Вражда генералов Власова и Краснова уходит своими корнями еще в 1943 год, когда при посредничестве С.Н. Краснова и К.Г. Кромиади должна была состояться, но так и не состоялась их первая встреча. Основная суть разногласий заключалась в том, что казачий генерал выступал за полное уничтожение всего, что было создано в России в годы советской власти, за продолжение тесного сотрудничества с немцами, за протекторат Германии над казачьими территориями и требовал признания РОА частью немецкой армии. Он считал, что германское руководство является гарантом предоставления казакам прав, привилегий и неприкосновенности их земель. П.Н. Краснов также полагал, что для освобождения России от власти коммунистов нужно сначала твердо обосноваться на казачьих землях и только потом общими силами двинуться на север (он был уверен, что центр и север России гораздо больше коммунизированы, чем казачьи земли). Генерал А.А. Власов в свою очередь выступал не за протекторат Германии, а за равноправные союзнические отношения и за сохранение многих порядков, установившихся в СССР. Кроме того, он расценивал казачество как важный фактор стабильности на юге России, но не как национальность с претензией на автономию и собственное государство. Соратник А.А. Власова К.Г. Кромиади в своих мемуарах привел следующие слова руководите-

[1] *Решин Л.* «Казаки» со свастикой. Документы из архивов КГБ // Родина. 1993. № 2. С. 73.

ля РОА по поводу взглядов П.Н. Краснова: «*Во-первых, трудно сказать, какая часть населения России больше и какая меньше коммунистическая при настоящем смешении населения, во-вторых, коммунизм надоел всему населению, но есть и люди, устроившие свое благополучие на порядках коммунистов, и те будут бороться за него. Что касается наступления с юга на север, — это битая карта Белых армий времен Гражданской войны. Казаки бесспорно прекрасное войско, но ими и центр и север России не покоришь! Иначе говоря, голой силой коммунистическую власть в России не уничтожим. Для этого нужно, чтобы население центра и севера, как и южане, было бы уверено, что в борьбе против коммунистов творится его воля. Немцы во время этой войны своим обманом многому нас научили*»[1].

После учредительного съезда Комитета освобождения народов России П.Н. Краснов и его окружение в категоричной форме потребовали, чтобы вступившие в эту организацию генералы Ф.Ф. Абрамов и Е.И. Балабин сделали заявление в прессе о том, что представляют лишь собственное мнение, а не являются представителями каких-либо казачьих групп. Потрясенные таким напором старого атамана, оба генерала согласились с его требованиями, так как действительно не были избраны в комитет казачьими кругами, а вступили в него исключительно по личному приглашению А.А. Власова. П.Н. Краснов тем временем передал в президиум КОНР и лично А.А. Власову записку, в которой еще раз обозначил свои крайне прогерманские позиции: «*Все казаки собираются в свой Казачий Корпус под казачьим и немецким командованием. Они идут, как и шли, сражаться против большевизма, лютыми врагами которого являются. Если будет тот счас-*

[1] *Кромиади К.* За землю, за волю... Сан-Франциско, 1980. С. 180—181.

тливый час, когда Русская Освободительная Армия пойдет на Восток, чтобы сломить большевизм, они будут счастливы идти на ее правом фланге, но пойдут под немецким командованием, ибо они присягали Германии и ее фюреру и освобождение родных краев видят только при помощи Германии»[1].

Несмотря на то что Е.И. Балабин на словах «признал свою вину» перед Красновым и «его казачеством», он тем не менее продолжал тесно сотрудничать с А.А. Власовым. Пытаясь выяснить отношение простых казаков к Русскому освободительному движению и своему вступлению в КОНР, он запросил об этом атаманов всех эмигрантских станиц, входящих в «Общеказачье объединение в Германской империи». Результаты опросов были неутешительными для П.Н. Краснова и его соратников. Квартира Е.И. Балабина была буквально завалена примерно одинаковыми по своему содержанию письмами: «*Общеказачья станица в Пльзене, приветствуя Вас, Ваше Превосходительство, как члена Президиума Комитета Освобождения Народов России от большевистского режима, присоединяется к национальному народному движению, возглавляемому генерал-лейтенантом Власовым для свержения большевизма, и считает своею обязанностью примкнуть к этому движению и поддерживать его всеми зависящими способами*»[2]. Но самым большим разочарованием для П.Н. Краснова было то, что он начал понемногу терять популярность среди простых казаков, еще недавно буквально боготворивших старого залуженного генерала. «*Суждения генерала Краснова*, — писал рядовой казак атаману Е.И. Балабину, — *очень далеки от казачьих настроений, которые он извращает на свой аршин, и принимает за действительность то, что*

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 14. Л. 371 (об).

[2] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 13. Л. 212 (об).

дает ему его письменная фантазия и его пристрастие»[1].

25 ноября 1944 года в Праге состоялось организованное Е.И. Балабиным собрание станичных атаманов «Общеказачьего объединения в Германской империи» и многих влиятельных представителей казачества, посвященное учреждению КОНР и провозглашению его манифеста. В числе присутствующих были: генерал-лейтенант Ф.Ф. Абрамов; представители Войсковых атаманов: Донского — С.В. Маракуев, Кубанского — генерал-майор В.Н. Шелест, Терского — полковник В.Д. Белый; атаманы станиц: Донской имени атамана графа Платова — сотник А.А. Прокудин, Донской имени атамана графа Граббе — полковник Н.В. Пухляков, Младо-Болеславской — войсковой старшина И.В. Гаврилов, Кубанской в Праге — подъесаул Г.Ф. Фенев; начальник группы казаков Донского корпуса полковник М.А. Ковалев. Были оглашены письменные заявления атаманов Пльзеньской станицы генерал-майора Т.А. Семерникова и Моравско-Остравской — С.Н. Попова, не имевших возможности лично прибыть в Прагу, а также протокол заседания «Пражской имени графа Граббе станицы», приславшей свое постановление.

Собравшиеся атаманы сообщили, что на заседаниях в подконтрольных им станицах были приняты постановления, в которых приветствовалось создание КОНР под председательством А.А. Власова, а также вступление в эту организацию генералов Е.И. Балабина и Ф.Ф. Абрамова. Станицы осудили сепаратистские настроения в среде казачества и высказались за единение со всем русским народом и за единую Россию, а также попросили генералов Балабина и Абрамова стать их официальными представителями при КОНР. Никто из присутствующих на собрании атаманов не поддержал претензий генерала П.Н. Краснова к Власову. «Ге-

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 4. Л. 45.

нерал Власов, — заявил один из выступающих, — обойдется без нас — казаков; но мы без Власова не обойдемся»[1]. В конце заседания была принята специальная резолюция и «Записка о казачестве», которую по предложению секретаря собрания С.В. Маракуева было решено отправить генералу Власову. В резолюции были официально закреплены все 5 основных решений, принятых в Праге:

1. Приветствовать генерал-лейтенанта А.А. Власова как создателя и руководителя Комитета освобождения народов России и как Возглавителя Русской Армии.

2. Приветствовать Президиум Комитета освобождения народов России.

3. Приветствовать вхождение генерал-лейтенанта Е.И. Балабина в Президиум Комитета освобождения народов России и генерал-лейтенанта Ф.Ф. Абрамова в Комитет.

4. Просить генералов Е.И. Балабина и Ф.Ф. Абрамова оставаться в комитете не по признаку персональному, а по признаку представительства от всех казаков, входящих в Объединение.

5. Просить генерала Балабина поставить в Президиуме Комитета освобождения народов России вопрос о создании при Комитете Управления казачьих войск с обязательным вхождением в него экс-официальных Войсковых Атаманов всех казачьих войск.

В «Записке о казачестве», помимо небольшого экскурса в историю, оговаривались также некоторые условия, которые должны были способствовать вступлению всего казачества в КОНР. «*Комитет освобождения народов России*, — говорится в этом документе, — *во имя справедливости, во имя правильно понятого государственного интереса должен включить в борьбу с коммунистическим режимом свободно и не принудительно идущее к нему казачество и гарантиро-*

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 14. Л. 352—355.

вать ему именем освобожденной России то, на что оно имеет неоспоримое, веками освященное, жертвенной службой Родине подкрепленное право, право на:

1) свободное общественное устройство в составе будущей России по древним своим традициям;

2) свободное избрание Войсковых и станичных атаманов, войскового круга как органа местного самоуправления;

3) пользование естественными богатствами края, землею, водами и недрами в согласии с общими, для всего государства установленными законами;

4) привлечение Войсковых атаманов к тесному и созидательному сотрудничеству с Комитетом освобождения»[1] *(см. также Приложение 1.7).*

30 ноября 1944 года Е.И. Балабин направил начальнику штаба вооруженных сил КОНР генералу Ф.И. Трухину постановление съезда станичных атаманов с сопроводительным письмом, в котором указывал на то, что, по его сведениям, «подсоветские казаки, на которых опирается Главное управление казачьих войск, также безоговорочно идут за генералом Власовым и спасение своих краев видят только при помощи его Освободительного движения», что «все казаки рвутся домой, на Родину, и фантазию о каком-то «Среднеевропейском казачестве» отвергают с негодованием». Он призывал руководство КОНР немедленно «взять казачество в свои руки и прекратить невероятные страдания казаков — стариков, женщин и детей»[2].

Обо всех принятых решениях Е.И. Балабин проинформировал также и самого генерала П.Н. Краснова. Вообще, атаман Общеказачьего объединения в Германской империи до самого конца войны с большим уважением и почтением относился к руководителю ГУКВ и до последнего надеялся привлечь его на сторону

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 14. Л. 352—353.

[2] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 14. Л. 357 (об).

«власовского» движения. «*Моя мечта*, — писал Е.И. Балабин 23 декабря 1944 года, — *и надо это провести и уговорить Петра Николаевича со всем своим Управлением перейти к Власову и работать, как он до сих пор работал... Власов будет рад этому и мечтает об этом. Если Петр Николаевич откажется от черновой работы по Управлению* (в это время как раз начал прорабатываться вопрос о создании Управления казачьих войск при КОНР. — ***П.К.***) — *он, может быть, согласится быть Почетным возглавителем этого Управления и стоять во главе всех казаков*»[1].

Однако все эти надежды Е.И. Балабина и А.А. Власова так и остались лишь надеждами. Уже спустя неделю, 30 декабря 1944 года, атаман разочарованно писал полковнику В.Н. Дронову, что уговоры не принесли никакого результата, так как П.Н. Краснов и возглавляемое им ГУКВ резко отмежевались от А.А. Власова. В случае же, если П.Н. Краснов так и не откажется от своей позиции, утверждал Е.И. Балабин, будет принято решение о создании при КОНР Управления казачьих войск, а также Совета казачьих войск из атаманов Донского, Кубанского, Терского, представителей оренбургских, астраханских, уральских, сибирских, семиреченских, амурских и уссурийских казаков[2].

Когда эмиграция уже окончательно потеряла всякую надежду на сближение двух наиболее одиозных лидеров эмиграции конца войны, близкому приятелю П.Н. Краснова генералу И.А. Полякову удалось все-таки убедить старого атамана согласиться на встречу с А.А. Власовым. Это произошло в начале января 1945 года. «Судьбоносные» для всего «освободительного движения» переговоры состоялись 7 и 9 января 1945 года в пригороде Берлина Дальвице, в доме русского эмигранта Ф.В. фон Шлиппе. На встречу прибыли: вместе с

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 14. Л. 391.

[2] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 14. Л. 400—401.

А.А. Власовым начальник штаба вооруженных сил КОНР генерал Трухин и племянник фон Шлиппе — И.Л. Новосильцев, с П.Н. Красновым — его племянник и по совместительству начальник штаба ГУКВ С.Н. Краснов и генерал И.А. Поляков. «*Краснов*, — рассказывал впоследствии об этой встрече С.Н. Краснов генералу В.Г. Науменко, — *виделся на первый день с Власовым. Сначала они говорили с полчаса наедине, потом позвали Полякова и Трухина, потом его, Семена Краснова. Власов говорил о своей единоличной власти, но его сдерживал Трухин. После, за завтраком, или легкой закуской, опять продолжали разговор. Как будто было достигнуто соглашение о совместной работе и посылке Зимовой станицы* (казачьего представительства при штабе КОНР. — ***П.К.***). *Даже поцеловались Краснов и Власов, а Семену он сказал, называя его на «ты», что дальше пусть они говорят с Трухиным. Краснова он проводил до автомобиля*»[1]. Несколько по-другому, гораздо менее благодушно, описывает царившую на встрече двух генералов атмосферу И.А. Поляков[2]. П.Н. Краснов сразу же предложил своему оппоненту вести совместную борьбу против коммунистов на том условии, что казаки, отношения которых с Германией определяются в соответствии с декларацией от 10 ноября 1943 года, останутся независимыми от КОНР, а он учредит при штабе РОА казачье представительство, так называемую «зимовую станицу». А.А Власов, в свою очередь, признавая за казаками право на культурную автономию, требовал безусловного подчинения ему как главнокомандующему вооруженными силами КОНР всех казачьих формирований, на что атаман со своей стороны утверждал, что казаки могут потеряться в массе РОА, чего допустить он никак не может, и отказывался от принесения присяги Власову, мотивируя это

[1] *Науменко В.Г.* Великое предательство. СПб, 2003. С. 338.

[2] *Поляков И.А.* Краснов — Власов. Нью-Йорк, 1959. С. 48—53.

тем, что они уже присягнули Гитлеру. В конце концов решение этого вопроса, по настоянию П.Н. Краснова, откладывалось до окончательного формирования «освободительной» армии и официального признания А.А.Власова главнокомандующим вооруженными силами КОНР германскими властями.

«*Вернувшись домой*, — воспроизводит все последующие события В.Г. Науменко, — *Краснов набросал проект соглашения, в котором прежде всего обосновал, почему казаки должны быть самостоятельны (история казачества, декларация германского правительства о правах казачьих, приказ об организации Главного управления, борьба казаков на фронте и прочее), дальше сказал о совместной борьбе с большевиками под общим германским командованием и о посылке Зимовой станицы. Девятого января он в сопровождении Семена (С.Н. Краснова) поехал на квартиру к Власову. Тот встретил его очень радушно и после короткого разговора пригласил к столу. Сам не пил, Краснов тоже. За столом он прочел проект Краснова. Все время говорил, что согласен, но когда дошел до места, где говорится о совместной борьбе под германским командованием, то сказал, что с этим решительно не согласен, что казаки, Главное управление и сам Краснов должны быть подчинены ему. Дальше он развивал эту тему и стучал по столу кулаком. Краснов с ним не соглашался и сказал, что пока о подчинении говорить рано, что он еще не Главнокомандующий. На это Власов ответил, что скоро будет таковым. На этом разговор закончили, решив, что продолжение будет после объявления Власова Главнокомандующим. Дальше говорили еще с полчаса, собственно не говорили, а слушали Власова, который больше говорил о себе. Таким образом, никакого соглашения пока не достигли, и, как мне кажется, не достигнут*»[1].

---

[1] *Науменко В.Г.* Великое предательство. СПб, 2003. С. 338.

Видя бессмысленность всех дальнейших переговоров, А.А. Власов уже в феврале 1945 года отдал приказ о формировании Управления казачьих войск при штабе вооруженных сил КОНР и создании Совета казачьих войск, который должен был взять в свои руки всю полноту власти над казачьими формированиями. Председателем Совета казачьих войск, все члены которого подчинялись непосредственно А.А. Власову, 23 марта был выбран генерал Г.В. Татаркин, а начальником штаба — полковник Е.В. Карпов. В руководство Управления казачьих войск вошли известные казачьи офицеры и генералы: Походный атаман Кубанского Войска генерал-майор Науменко; представитель Походного атамана Терского Войска полковник Вертепов; генерал-майор Полозов, занявший должность инспектора по военной подготовке и обучению войск; активное участие принимали генералы Е.И. Балабин и А.Г. Шкуро; с просьбой о вступлении в КОНР лично к А.А. Власову обратился даже лидер казаков-националистов В. Глазков.

Вскоре после создания Управления казачьих войск при КОНР было составлено «Положение об управлении казачьими войсками». В документе говорилось, что «казачество, являясь одной из составных частей России... входит в подчинение Главнокомандующему вооруженными силами и Председателю Комитета освобождения народов России генерал-лейтенанту Власову»[1] (П.Н. Краснов назвал этот документ «купчей крепостью о продаже казачьих войск»).

Таким образом, к концу войны генерал П.Н. Краснов остался единственным из крупных и влиятельных казачьих атаманов, не поддержавшим власовское дви-

---

[1] *Ленивов А.К.* Под казачьим знаменем. Эпопея Казачьего Стана под водительством Походных атаманов казачьих войск С.В. Павлова и Т.И. Доманова в 1943—1945 гг. Мюнхен, 1970 // Кубанец. 1992. № 3. С. 56.

жение и отказавшимся сотрудничать с КОНР. Несмотря на то что Советская армия была уже на подступах к Берлину и дни «Великой Германии» были сочтены, старый атаман с одержимостью сумасшедшего продолжал вести с генералом А.А. Власовым уже мало кому интересную и, главное, абсолютно бессмысленную идеологическую борьбу. Одной из предпринятых им контрмер против Управления казачьих войск и создания Совета казачьих войск была организация школы пропаганды в местах расселения Казачьего Стана[1] в Северной Италии, куда атаман перебрался в феврале 1945 года. Программа занятий была составлена близкими П.Н. Краснову людьми и согласована с начальником ГУКВ. На торжественном открытии школы старый атаман в пространной речи изложил основные положения своей политической концепции, которая сводилась к следующему:

«1). *В свое время была Великая Русь, которой следовало служить. Она пала в 1917 году, заразившись неизлечимым или почти неизлечимым недугом.*

2). Но это верно только в отношении собственно русских областей. На юге (в частности, в казачьих областях) народ оказался почти невосприимчивым к коммунистической заразе.

3). Нужно спасать здоровое, жертвуя неизлечимо больным. Есть опасность, что более многочисленный «больной элемент» задавит здоровый (т. е. русские-северяне казаков).

4). Чтобы избежать этого, надо найти союзника-покровителя, и таким покровителем может быть только Германия, ибо немцы — единственная «здоровая нация», выработавшая в себе иммунитет против большевизма и масонства.

---

[1] Руководитель Казачьего Стана Тимофей Доманов был одним из наиболее последовательных сторонников П.Н. Краснова и именно в Северной Италии, в местах расселения Стана, было наибольшее количество казаков, поддерживавших старого атамана.

5). Во власовское движение не следует вливаться; если окажется, что власовцы — абсолютно преданные Германии союзники, тогда можно говорить о союзе с ними. А пока расчет только на вооруженные силы немцев»[1].

16 марта 1945 года, менее чем за два месяца до капитуляции Германии, в газете «Казачья Земля» было напечатано открытое письмо П.Н. Краснова А.А. Власову, в котором атаман под предлогом поиска компромисса еще раз высказал свою политическую позицию, проанализировал перспективы сотрудничества ГУКВ с КОНР, прошелся по своим бывшим соратникам, а также задал руководителю «освободительного движения» несколько вопросов. «*Для успокоения умов, русских и казачьих*, — писал П.Н. Краснов, — *мне бы хотелось, чтобы Вы, Андрей Андреевич, таким же открытым письмом ответили бы казакам на следующие вопросы:*

1). Вооруженные Силы Комитета Освобождения Народов России являются частью Германской армии, Германией содержимой и вооружаемой, как это в казачьих частях, или это — самостоятельная, независимая от Германии армия, как о том болтают безответственные люди, противопоставляя ее казакам, «продавшимся немцам»?

2). Признаете ли Вы за казаками те права, которые уже признала Германия?

3). Можете ли Вы и Комитет, Вами возглавляемый, оказать казакам на родной земле помощь, защиту и покровительство без помощи Германии?

4). Не считаете ли Вы ошибочным и вредным в теперешнее смутное время раскалывать казаков созданием параллельного Управления Казачьих Войск,

---

[1] Цит. по: *Ленивов А.К.* Под казачьим знаменем, 1943—1945. Эпопея Казачьего Стана под водительством Походных атаманов Казачьих войск С.В. Павлова и Т.И. Доманова в 1943—1945 гг. // Кубанец. 1993. № 3. С. 60.

независимого от Главного Управления Казачьих Войск (во главе с ген. от кавалерии П.Н. Красновым)?»[1]. Ответного открытого письма со стороны Власова не последовало, да и что мог ответить руководитель КОНР, например, на просьбу предоставить защиту и оказать помощь казакам на родной земле, в то время как кольцо советских войск неумолимо сужалось вокруг Берлина, а сам генерал больше думал о том, каким образом сдаться союзникам и не попасть в руки ищущих его отрядов Советской армии.

Ответ на свое послание П.Н. Краснов получил от казачьего управления при КОНР. Документ, датированный 28 марта 1945 года, был подписан Г.В. Татаркиным, В.Г. Науменко и другими авторитетными атаманами. Авторы ссылались на Манифест КОНР как на основной документ, в котором содержатся *«совершенно точные, не допускающие кривотолков, официальные разъяснения»*, в том числе и по вопросам, затронутым Красновым[2]. В письме подчеркивалось, что союз КОНР с Германией является равноправным и что именно к такой форме взаимоотношений организаторы Комитета стремились всегда: *«...Мы боремся за независимую Родину, которая не может быть ни под чьим протекторатом или покровительством, в то время как Вы берете на себя смелость от лица казачьей массы утверждать, что после победы над большевизмом Россия «останется под покровительством и наблюдением Германии»*. Авторы послания упрекнули Краснова в том, что он открыто не признает очевидный факт существования размолвок в антибольшевистском лагере, и заявили, что казачество уже давно не едино, несмот-

---

[1] Цит. по: *Ленивов А.К.* Под казачьим знаменем, 1943—1945. Эпопея Казачьего Стана под водительством походных атаманов Казачьих войск С.В. Павлова и Т.И. Доманова в 1943—1945 гг. // Кубанец. 1993. № 3. С. 56—57.

[2] Там же. С. 57—59.

ря на общность целей борьбы и общность союзнических отношений с Германией. Резко отрицательную оценку в этой связи получила деятельность крайних самостийников: «Эти люди считают казаков не выходцами из среды русского и украинского народов, приобретших в силу некоторых особенностей жизни специфические черты и потому образовавших особую бытовую группу в нашем народе, а самостоятельным Казачьим народом! Эти люди с серьезной миной говорят о некоей самостоятельной Казакии. Казачья же масса всегда считала себя плотью русского народа, всегда героически отстаивала национальные русские интересы, понимая, что разъединение с русскими может быть только интересно врагам казачества» (*полный текст Открытого письма П.Н. Краснова и ответ на него от Управления казачьих войск при КОНР см. в Приложении 1.8*).

Получив это письмо от своих бывших соратников-казаков, П.Н. Краснов, по свидетельству современников, пришел в бешенство. Он окончательно потерял чувство меры и ощущение реальности. Сложно сказать, с чем это было связано, но генерал никак не мог понять, что уже не 1941 год и даже не 1942-й и что всякая политическая борьба осталась далеко в прошлом. В тот же день он издал приказ № 12 казачьим войскам, в котором обвинил своего бывшего коллегу и друга В.Г. Науменко, занявшего очень активную про-КОНРскую позицию, в... самозванстве и недействительности его производства в Войсковые атаманы кубанского казачества в 1920 году. «*За 25 лет своего заграничного сидения*, — обличал Краснов бывшего единомышленника, — *генерал Науменко настрочил много приказов. Теперь он призывает вас на другой, также «единственно правильный путь». Завтра он снова вас будет призывать и отдавать вам приказы иные и для иных. Весь опыт его заграничного сидения показал его полную политическую бесхребетность. Казаки, проходи-*

те мимо всех самозваных «атаманов» и их преступных приказов, но стойте твердо и неизменно на своем казачьем пути!»[1]

Однако, несмотря на все свое красноречие, опыт, авторитет и вес в казачьей среде, П.Н. Краснов проиграл эту пропагандистскую схватку. 24 марта 1945 года в небольшом хорватском городе Вировитице состоялся съезд казаков 15-го казачьего кавалерийского корпуса, на котором единогласно было принято решение об объединении всех казачьих войск с вооруженными силами КОНР. Походным атаманом впервые в казачьей истории был выбран иностранец, генерал-лейтенант Гельмут фон Паннвиц. Решение съезда повлияло также и на позицию атамана Казачьего Стана Тимофея Доманова, который после долгих колебаний направил А.А. Власову письмо, где объявил о передаче стана в его подчинение и о готовности выполнять любые его указания.

20 апреля приказ о включении казачьих войск в состав войск КОНР был подписан А.А. Власовым, а 28 апреля санкционирован рейхсфюрером СС Гиммлером. Однако все эти организационные изменения были бессмысленной и мало что решающей формальностью. До конца войны оставались считаные дни. Совсем обезумевший под конец войны «казачий светоч» Гитлер вскоре покончит жизнь самоубийством, а обещавшие казакам покровительство и независимость германские чиновники будут искать возможности сдаться западным союзникам, а не сражаться на улицах Берлина.

По данным ГУКВ, на конец войны на территории Германии, Австрии, Франции, Италии, Чехословакии и некоторых других государств Западной Европы находилось до 110 тысяч казаков[2]. Из них от 25 до 30 тысяч

---

[1] Цит. по: *Окороков А.В.* Великое предательство. С. 248.

[2] *Науменко В.Г.* Казаки и Русское освободительное движение. С. 3.

человек числились в 15-м казачьем кавалерийском корпусе генерала Гельмута фон Паннвица, около 30—35 тысяч в Казачьем Стане Походного атамана Тимофея Доманова, до 2 тысяч человек — в Казачьем резерве генерала А.Г. Шкуро, около полутора тысяч — в 1-м казачьем полку генерала Зборовского в составе Русского охранного корпуса. Довольно большое количество казаков, в виде отдельных сотен, эскадронов, рот, взводов и команд, а также мелких групп и одиночек, находились как в различных немецких частях, так и в РОА. Тысячи казаков были разбросаны по территории Австрии и Германии, где работали в различных немецких учреждениях, на фабриках, в строительной организации Тодта и на сельскохозяйственных работах.

Всем этим людям, по тем или иным причинам оказавшимся по другую сторону от советского народа, защищавшего Родину и весь мир, совсем скоро предстояло расплатиться за свое вольное или невольное, но все же предательство. Многие из них умерли в советских лагерях, часть погибла от лишений и унижений в послевоенной эмиграции, некоторые продолжили свой «крестный поход против большевизма», став членами новых казачьих партий и группировок, которые создавались под покровительством западных разведок. Но почти все они понесли одинаковое и самое страшное для любого казака наказание — на многие десятки лет, а некоторые и навсегда потеряли возможность увидеть «тихий Дон, светлую Кубань и бурный Терек».

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.1

ОБРАЩЕНИЕ к казакам и всем эмигрантам из России генерал-лейтенанта Е.И. Балабина по случаю нападения Германии на СССР

В 1917 году русский народ, обольщенный лживыми обещаниями международной банды вождей Коммунистического Интернационала, восстал против законной, вековой и возвеличившей Россию власти и вступил на путь пагубной марксистской революции, которая привела его к потере всего того, что создавалось в течение тысячелетия трудами и кровью наших предков.

Крепкие духом и разумом казаки не поддались разлагающей пропаганде врагов нашего отечества евреев и интернационалистов и оказывали им сопротивление в течение трех лет.

Изнемогшие в неравной борьбе, потерявшие на поле брани более миллиона своих сынов, лишенные необходимого вооружения, истощенные экономически, казаки не пошли на мир со злодейской властью и ушли со своими вождями, Войсковыми Атаманами, в изгнание.

В течение 20 лет, в невероятно тяжелых условиях жизни хранило казачество идею национального возрождения Родины и ожидало благоприятной обстановки для возобновления борьбы за честь и счастье своей Матери-России.

Двадцатилетнее тираническое правление международно-еврейской банды, засевшей в кременной Москве и насильственно проводящей в жизнь безумные бредни лжеученого еврея Маркса, довело нашу Родину до неслыханного унижения и разорения: Россия утратила свое международное положение, лишилась того уважения, которым она пользовалась среди цивилизованных народов Европы, и обратилась в анонимный союз советских республик, не пользующийся у культурного мира ни уважением, ни авторитетом, ни доверием. Ее неисчислимые естественные богатства бессмысленно расточались на нелепые затеи индустриализации и пропаганды всемирного мятежа. Россия, житница Старого Света, могущая прокормить своими урожаями тройное коли-

чество всей Европы, существует в постоянном состоянии голода, и миллионы людей буквально умирают от недостатка питания. И в то же время кремлевская банда продает хлеб и продукты питания за границу, чтобы получить средства на подготовку всемирной марксистской революции и установление кровавой диктатуры во всей вселенной.

Долгожданный момент освобождения России, наконец, наступил: 22 июня Вождь Германского народа, предупреждая нападение красных войск на свою территорию, приказал доблестной своей армии начать наступление.

Началась новая эра жизни России.

В первые две недели силам Коминтерна нанесен ряд тяжких поражений.

Добровольную помощь победоносной Германской Армии оказывают все нации Европы, снаряжая отряды для борьбы против моральной заразы, распространяемой из древней столицы Святой Руси, для борьбы за веру Христову, поруганную богоборцами-иудомасонами, за гражданскую свободу, за право хозяйственной инициативы, которая одна только дает твердый стимул для всякой разумной экономической деятельности.

В этих условиях все казачество, как ушедшее в изгнание, так и оставшееся в России и 22 года мучившееся под гнетом злодейской власти, одушевлено одной мыслью, одним желанием: получить возможность участвовать в освобождении родины от погубивших ее насильников и в устроении ее внутренней гражданской и экономической жизни на началах разума, права и социальной справедливости.

Ныне освободительная задача возлагается Всеблагим Промыслом на Вождя Великой Германии Адольфа Гитлера. Под его мудрым и благословенным водительством началось освобождение России, шестой части света, и не одной только России, но всего человечества, на священные права и свободу которого кремлевские злодеи замышляли и упорно подготовляли изменническое нападение.

Мы верим, что над нашей Родиной уже восходит заря свободы и счастья и что Великая Россия, в достойном союзе с великой Германией и всеми соединенными с нею народами Европы, вступит на путь истинного прогресса и новой жизни на началах общественной справедливости, права и материального благоденствия.

ГАРФ. Ф. 5853. ОП. 1. Д. 69. Л. 384—385.

ПРИКАЗ донского атамана М.Н. Граббе

28 июня 1941 г., г. Париж

Донцы! Неоднократно за последние годы в моих к вам обращениях предсказывал я великие потрясения, которые должны всколыхнуть мир; говорил неоднократно, что из потрясений этих засияет для нас заря освобождения, возвращения нашего в родные края.

22 сего июня Вождь Великогерманского рейха Адольф Гитлер объявил войну Союзу Советских Социалистических Республик. От Ледовитого океана до Черного моря грозною стеною надвинулась и перешла красные границы мощная германская армия, поражая полки Коминтерна. Великая началась борьба.

Донское казачество! Эта борьба — наша борьба.

Мы начали ее в 1919 году, в тот момент, когда, пользуясь преходящими затруднениями Империи, интернациональная клика революционеров-марксистов своей лживой демократичностью обманула русский народ и захватила власть в Петербурге — не Донская ли Область первою отринула власть захватчиков? Не Донские ли казаки объявили власти этой войну не на живот, а на смерть, провозгласив для сего независимость Всевеликого Войска Донского?

И можем ли мы забыть ту дружескую помощь, которую оказала нам в борьбе, ведшейся нами рука об руку с не принявшими большевизм национальными русскими силами, находившаяся в то время на юге России Германская Армия?

В героических, неравных боях за родные очаги, за Тихий Дон, за Мать нашу Святую Русь мы не сложили оружия перед красными полчищами, не свернули старых своих знамен. Все казаки, принимавшие участие в борьбе, предпочли покинуть в 1920 г. Родину, уйти на чужбину, где ждало их неизвестное будущее, тяготы и тяжелые испытания. Войско Донское не подчинилось захватчикам, оно сохранило свою независимость, казачью честь, свое право на родную землю.

В условиях тягчайших, отстаивая право на жизнь, Донское казачество в эмиграции осталось верным казачьим традициям, Дону, исторической России. Самим существованием каждого казака на чужбине оно утверждало идейную борьбу против коммунизма и большевиков, ожидая той заветной минуты, когда дрогнут и покачнутся красные флаги над занятым врагами Кремлем.

Двадцать лет надо было ждать, двадцать долгих лет!

Сложили иные из нас свои кости вдали от дедовских могил;

но так же, как и прежде, грозит врагу Донское Войско. Есть еще порох в пороховницах, не гнется казачья пика!

И вот, наконец, пробил час, столь долгожданный. Поднято знамя вооруженной борьбы с коммунизмом, с большевиками, с советчиной. Поднял это знамя мощный народ, силе которого ныне удивляется мир.

Мы не имеем пока возможности стать на поле битвы рядом с теми, кто очищает нашу землю от скверны коминтерна; но все наши помыслы, все наши надежды летят к тем, кто помогает порабощенной нашей Родине освободиться от Красного ярма, обрести свои исторические пути.

От имени Всевеликого Войска Донского я, Донской Атаман, единственный носитель Донской власти, заявляю, что Войско Донское, коего я являюсь Главою, продолжает свой двадцатилетний поход, что оружие оно не сложило; мира с Советской властью не заключало; что оно продолжает считать себя с нею в состоянии войны; а цель этой войны — свержение Советской власти и возвращение в чести и достоинстве домой для возобновления и возрождения Родных Краев при помощи дружественной нам Германии.

Бог браней да ниспошлет победу знаменам, ныне поднятым против богоборческой красной власти!

Атаманам всех Донских казачьих и Общеказачьих Станиц по всем странам в эмиграции приказываю произвести полный учет всех казаков.

Всем казакам, в станицах и организациях казачьих не состоящим, приказываю в них записаться.

Связь со мною держать всемерно.

Донской Атаман, генерал-лейтенант Граф Граббе

ГАРФ. Ф. 6532. ОП. 1. Д. 89 (б). Л. 31 (об).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.2

ВОЗЗВАНИЕ полномочного представителя КНОД в Словакии Д. Еременко по случаю начала войны

Станичники! Браты-казаки! Советская власть больше двадцати лет измывалась над Казачьим Народом, больше двадцати лет расстреливала, выселяла и всячески преследовала казаков. В то время, когда на территории быв. Российской Империи Советская власть создавала народные республики и автономные области

народов, населяющих Советский Союз, выискивала в трущобах тундр и гор вымирающие племена и хоть номинально, но все же представляла им возможность жить своей народной жизнью. В то же самое время Казачий Народ Советская власть преследовала со звериной жестокостью, казаки расстреливались без суда и следствия, выселялись в Соловки и Сибирь..., а на Казачьи Земли вселяла всякий сброд с советских территорий, забирая во имя грабежа и насилия казачьи хозяйства... И даже имя народа — казак долгое время было для казаков запретным... Тот факт, что Советская власть не создала даже формально Союзную Казачью Республику в составе СССР, где бы казаки, хоть и в жестких условиях советской жизни, могли бы жить в границах своей территории, ясно доказывает, что главная задача Советской власти — физически уничтожить, растворить и ассимилировать наш народ, а его территорию, земли и недра отдать сброду, выселенцам из Великорусских и иных губерний... Теперь, когда на Советской территории гремят орудия, нас окрыляет надежда, что недалек тот час, и мы из эмиграции будем дома и вместе с казаками, живущими сейчас под большевистским гнетом, создадим свое КАЗАЧЬЕ ГОСУДАРСТВО в пределах: Дона, Кубани, Терека, Астрахани, Урала, Оренбурга и территории Ставрополья и Черноземья, где будем жить на своей земле, по своим казачьим законам и под своей казачьей властью!

ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 14. Л. 3.

ОБРАЩЕНИЕ к казакам генерал-майора И. Коноводова, представителя КНОД во Франции

Господа офицеры, славная казачья интеллигенция, доблестное и жертвенное всегда казачество. В эти судьбоносные дни, когда цвет германского народа идет и умирает в борьбе с жидобольшевизмом, время нам положить конец унынию... и скорее стать в свои казачьи национальные ряды и под руководство Вождя Европы идти вперед на бой кровавый за свой Казачий Угол и Порог, как составную равнозначную единицу в сонме доблестных народов Европы. Генерал-майор Коноводов.

ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 7. Л. 12.

ВОЗЗВАНИЕ руководителя КНОД В. Глазкова от 15 октября 1941 года, посвященное вступлению «Победоносной Германской и союзных с ней Армий на казачьи земли»

Доблестная Германская Армия переходит казачьи границы и вступает на территорию наших Казачьих земель. Сейчас мы не только верим, но и знаем, что наше казачье население с искренней радостью будет встречать Немецкого солдата, как освободителя от многолетнего московского жидо-большевистского ига. Московско-жидовская пропаганда может лгать русскому мужику о «немецких зверствах и насилиях», но наше казачье население знает немцев как благородных рыцарей, которые уже раз помогли /в 1918 году/ казакам в борьбе за казачью Волю и Долю с красной нечистью. Казаки не забывают об этой помощи Германии. И теперь после кошмарных ужасов большевистского террора и насилия они с особенными симпатиями и невыразимой признательностью будут встречать своих освободителей. На этих днях преподносится Вождю Адольфу Гитлеру символический подарок... ручной работы гобелен, изображающий территорию Казачьих Земель. На Казачью Землю с запада вступает немецкий солдат с поднятой для приветствия рукой, его встречает приветствуя казак. И вот сейчас эта прекрасная символика претворяется в жизнь... Мы глубоко верим, что Великий Вождь определит должное место в Новой Европе и нашему казачьему народу, первому борцу против жидо-большевистской заразы. И осуществит вековые чаяния казачьего народа — его свободу и независимость... Теперь каждый казак должен знать, чем и как он может быть полезен в грандиозной работе национального, культурного и экономического возрождения своих Казачьих Земель... Казачья Земля — родина каждого казака эмигранта, но она, измученная и исстрадавшаяся, примет в свое лоно с искренней радостью лишь тех, кто с честью несли знамя борьбы против ее угнетателей, отдавая за нее радость жизни, годы юности, личное счастье и, осознав вину и заблуждение прошлого, не изменял своему казачьему имени... Если Советский Союз называют тюрьмой народов, то наш казачий народ был в этой тюрьме народов самым угнетаемым и самым истязаемым узником... И мы твердо верим в то, что на этом новом поле не померкнет наша Казачья Слава!

ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 40. Л. 308.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.3

МЕМОРАНДУМ Германскому правительству и командованию вермахта от имени Общеказачьего объединения в Германской империи

I

В 1917 году с установлением в России III Интернационала казачьи области — Донская, Кубанская и Терская — не приняли коммунистическую идеологию и не подчинились международно-еврейской власти. Началась Гражданская война, которая в конце 1919 года кончилась поражением казачьих армий и эвакуацией их за границу. Казачество не было поддержано русским народом, обольщенным несбыточными обещаниями, и уступило превосходящей силе. Казаки ушли за границу со своими вождями — Войсковыми Атаманами и всем государственным административным и военным аппаратом, созданным в процессе борьбы с Интернационалом. За границей в течение двадцати с лишком лет казаки сохраняют свое бытовое устройство, дисциплину и послушание своим вождям и поставленным от них местным, в разных странах расселения, начальникам. Войсковые Атаманы являются не только носителями действительной власти над эмигрантским казачеством, но все время поддерживают тайную связь с казачьим населением оставленных территорий, и можно с полной несомненностью утверждать, что при возвращении на родину Атаманы вступят в управление при полной поддержке всего оставшегося казачьего населения. Сохраненный и обновленный ими за границей административный аппарат немедленно начнет отправлять свои обязанности и быстро восстановит порядок и нормальное течение гражданской и экономической жизни.

II

Исходя из предположения, что установление Германией нового порядка и взаимного хозяйственного сотрудничества народов Европы повлечет за собою необходимость создания условий нормальной жизни на востоке Европы, мы предвидим возможность образования на нашей родине ряда самостоятельных государственных единений, которые искренне признают целесообразность и справедливость нового порядка, и со своей стороны будут сотрудничать с Германией в целях его утверждения и поддержания.

III

В числе таких образований должны оказаться и территории казачьих войск Дона, Кубани и Терека, которые обладают необходимыми для государственного самостоятельного бытия условиями. Германия заинтересована в том, чтобы установление нового порядка проходило без трений и сопротивления населения. Это может быть достигнуто лишь при условии, что государственная власть на названных территориях окажется соответствующей навыкам населения и веками сложившимся его идеалам и притом она будет естественной преемницей той власти, которая существовала перед эвакуацией, пользовалась всеобщим признанием казаков, готовых подчиниться всем ее реформационным распоряжениям. Другими словами, только при восстановлении в казачьих областях власти Войсковых Атаманов, ныне пребывающих в Европе, можно рассчитывать, что новый порядок установится без трений.

IV

Среди казаков-эмигрантов имеются политические группы, руководители которых обещают свое сотрудничество по установлению на юго-востоке России желаемого порядка. Они высказывают свою приверженность этому порядку, вследствие чего их сотрудничество может казаться приемлемым и желаемым. Но надо иметь в виду, что, во 1-х, группы эти не имеют никаких корней в населении, во 2-х, некоторые особенности их политической идеологии неприемлемы и новы для казачества, в 3-х, они, несомненно, преувеличивают и переоценивают свое значение и силу даже в эмиграции. В действительности они малочисленны, по личному составу слабы и неавторитетны, и не обладают ни аппаратом, ни административной опытностью. Их попытка управления будет попыткою дилетантов и, как таковая, будет исполнена ошибок, которые повлекут ненужные жертвы и не приведут к быстрому установлению порядка и нормальной хозяйственной деятельности.

V

Исходя из сказанного, мы полагаем, что при возникновении обстоятельств, при которых Германии потребуется сотрудничество эмигрантских сил и внутренних сил населения казачьих областей, наиболее целесообразным было бы привлечение Войсковых Атаманов, как естественных и признаваемых населением Глав казачества, пользующихся непререкаемым авторитетом, как в эмиграции, так и на родине. Мы, как представители Войсковых

Атаманов, предлагаем свои услуги для установления связи с ними и употребим все зависящее для достижения удовлетворяющего стороны соглашения.

ГАРФ. Ф. 6532. ОП. 1. Д. 88. Л. 68—68 (об).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.4

ПЕРЕПИСКА генерала П.Н. Краснова с атаманом Общеказачьего объединения в Германской империи Е.И. Балабиным

ПИСЬМО ОТ 11 ИЮЛЯ 1941 ГОДА

Вы пишете, что некоторые казаки просят Вас о выписке войсковых атаманов в Прагу для согласования действия с немецкими властями. Почему именно в Прагу? — город по духу своему наименее нравящийся немецкому командованию. Какие теперь, когда все еще так темно и неясно, можно вырабатывать согласованные действия? Мне кажется, что казакам все кажется их победное возвращение, массами, организованно в родные края. Круги, рады, встречи, приветствия, речи, банкеты... на самом деле совсем иная, необычно тяжелая и суровая действительность их ожидает.

В данное время немецкому командованию нежелательна никакая лишняя болтовня. Войну с Советами ведут немцы и в целях пропаганды среди Советских войск и населения — они тщательно избегают какого бы то ни было участия белой эмиграции. Все, кто угодно — финны, словаки, шведы, датчане, испанцы, венгры, румыны, но не Русские эмигранты. Это ведь даст возможность Советам повести пропаганду о том, что с немцами идут «помещики» отнимать землю, что идет «офицерье» загонять под офицерскую палку и т. д. и т. п. — а это усилит сопротивление Красной Армии, а с нею надо кончать.

Вы пишете, что Гусельщиков (один из деятелей КНОД. — *П.К.*) формирует в Пардубицах казачий полк. Какой? — Конный? Стрелковый? Механизированный? Панцирный? Или «Головинской организации», т. е. 4 сабельных сотни, 1 пулеметная, 1 конно-саперная, танковый отряд, полковая батарея, эскадрилья самолетов и т. д.? Кто даст на это средства? Казармы и плацы для обучения, офицеров и урядников и т. д. и т. д.? Если в те времена, в 1918 году, когда на Дону все это имелось и в ряды полков поступала неиспорченная молодежь из станиц, — потребовалось 4 месяца, чтобы кое-как сколотить конные полки, то из теперешней мо-

лодежи, при отсутствии хороших офицеров, и в год не управишься. Только негодяй или дурак может морочить головы этим несчастным, истосковавшимся по дому казакам.

Как представляют себе казаки возрождение России? Мне рисуются три вида:

1. В СССР поднимется восстание против большевиков, все коммунисты частью удерут, частью будут уничтожены. Образуется ТАМ, в России, правительство «Петен — Лаваль — адмирал Дарлан», которое вступит в мирные переговоры с немцами, и война на Востоке Европы замрет.

2. Немцы оттеснят большевиков примерно до Волги и укрепятся. Будет оккупирована часть России, и война затянется.

3. Среднее — немцы оккупируют часть России примерно до Волги, а в остальной части создастся какое-то иное правительство, которое заключит мир с немцами, приняв все их условия.

В первом случае Эмигрантский, Русский и вопрос о том, быть или не быть казачьим областям и в них казакам, будет решаться тем НОВЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ.

Во втором случае — немецким главным командованием для оккупированной части и в восточной части новым правительством.

Во всех трех случаях ДО ОКОНЧАНИЯ ВОЙНЫ эмигрантского вопроса нет, и обсуждать его — это толочь воду в ступе.

Я имею указания, что решено:

— до окончания войны на Востоке Русскую эмиграцию не трогать (переводчики, заведующие читательными пунктами, полицейско-карательные отряды не в счет).

— при воссоздании России в России будет привлечена лишь небольшая часть эмиграции, вполне проверенная, вне английских и большевистских влияний.

— привлечение всей эмиграции с ее раздорами, склонностью к безудержной болтовне, заседаниями, философствованиями, подсиживаниями друг друга почитается величайшим несчастьем для России.

Если будут восстановлены казачьи войска /об этом я хлопочу/, то на началах старого станичного быта и самой суровой дисциплины. Кругам и Раде не дадут говорить и разрушать работу атаманов, как это делалось в 1918—1920 годах. Итак — все темно и неизвестно. Нужно ждать конца войны, предоставить себя воле Божьей и поменьше болтать и побольше копить деньги, ибо никто ни на проезд в Россию, ни на обеспечение семей за границей, ни немцы, ни чехи, ни одного пфеннига не даст.

ПИСЬМО ОТ 7 ИЮЛЯ 1942 ГОДА

Ехать на Восток? Теперь фронт после Харьковского огромно-

го сражения подходит и, возможно, на днях вольется в Донское войско.

Управление делами русской эмиграции во Франции приглашает ехать на Восток офицеров и переводчиков, врачей, инженеров, юристов, землемеров, техников, шоферов и сестер милосердия. Известно ли это в Праге? Как я Вам постоянно и раньше писал — на организационную отправку в свои родные края, да еще через атаманов, рассчитывать не приходится. Из Парижа приехало очень много офицеров — лейб-казаков и атаманцев в состав формируемого в Польше из пленных красноармейцев Ostlegion-а. Дошли ли сведения об этом до Вас?

Атаман гр. Граббе по состоянию своего здоровья вряд ли будет дальше атаманствовать. Имею сведения, что он передает свои атаманские полномочия генералу Александру Митрофановичу Грекову, Вашему однополчанину. О выборных атаманах, круге, восстановлении войска пока мечтать не приходится. Корреспондент финской газеты «Helsinkin Sanomat», посетив поле сражения под Харьковом, пишет, между прочим: «Советская кавалерия, донские казаки, бросились на немецкие пулеметы с обнаженными шашками. Безумие! Лошади, едва прошли 10 метров вперед, как повалились со своими всадниками на землю. Так пали сотни, тысячи! Они лежат частью собранные, частью в ужасных, почти натуральных позах на необозримой степи. Многие тысячи лошадей были взяты в плен...»

Были это только «ряженые» казаки или были это казаки, у которых не прошел большевистский дурман, — это все равно. Факт остается фактом. Донские казаки не восстали против жидовской власти, они кинулись в безумную атаку на немецкие пулеметы, они погибли за «батюшку Сталина» и за «свою», народную, Советскую власть, возглавляемую жидами. Если это будет продолжаться и дальше так... — Тихому Дону грозит участь Украины — он войдет в Украину как нераздельная ее часть, а Украина уже включается в Германию и становится ее частью, как Чехия, Моравия и т. д. В историческом аспекте все это, по существу, не так уж страшно — изменился лишь масштаб времени, увы, для человеческого существования столь важный. То, что могло случиться уже этой осенью, произойдет через 10—20 лет, после медленного и систематического воспитания казачьей молодежи под немцами и несмотря на немцев. Но когда вся Россия кончает самоубийством в угоду американским жидам — наш родной, милый Тихий Дон — это уже частность.

Но... Страшен сон, да милостив Бог. Чем больше хороших, толковых, честных, знающих историю Дона и других казачьих полков, знающих, какую роль играли казаки в России, дислокацию

казачьих полков (Польша — 90% донских и оренбургских полков, Кавказ — почти 100% кубанских и терских полков, Туркестан, Дальний Восток), пойдут теперь служить у немцев и с немцами выкорчевывать коммунизм — казаков спокойных, не зараженных истерикой, не кликуш от казачества, машущих картонными мечами донкихотов, но казаков понимающих, что в Новой Европе, Европе национал-социалистической, казаки могут иметь почетное место, как наиболее культурная и способная часть народа Русского, — тем скорее и безболезненнее пройдет этот процесс восстановления казачьих войск в Новой России. И пока нельзя сказать «здравствуй, царь, в кременной Москве, а мы, казаки, на Тихом Дону», пока Москва корежится в судорогах большевизма и ее нужно покорять железной рукой немецкого солдата — примем с сознанием всей важности величия подвига самоотречения иную формулу, единственно жизненную в настоящее время: «Здравствуй, фюрер, в Великой Германии, а мы, казаки, на Тихом Дону». Это, конечно, не для печати, но для дружеского обсуждения среди надежных казаков, тех, кто пойдет служить с немцами и у немцев на Востоке и на кого ляжет священный долг восстановления Тихого Дона...

Бьет двенадцатый час. Мы на пороге великих событий и огромных решений. Помните завет Суворова: «Победи себя сам — и ты будешь непобедим!» Победите боль сердца, самолюбия, отрешитесь от прошлого, чтобы вернуть его в будущем.

ПИСЬМО ОТ 14 ИЮЛЯ 1941 ГОДА

Оба Ваши письма получил со всеми приложениями. «Казаки волнуются», — это и так понятно, но вот зачем они бегают к Вам и мешают Вам работать и жить?

Ведь дело так просто и ясно. Германия, а не кто-нибудь другой ведет страшную кровопролитную войну с большевизмом и большевиками. Она призвала все народы Европы к этой войне, но она умышленно и, вполне понятно почему, не призвала к этой войне Русских белых: во-первых, такое призвание усилило бы и укрепило бы большевицкую пропаганду в красной армии, мол с немцами идут «помещики и капиталисты» отнимать от Вас землю и все имущество, а немцы наоборот наделяют крестьян землею, во-вторых, все другие народы — финны, датчане, испанцы, румыны, словаки и пр. выставляют вполне готовые части, организованные, одетые и более или менее обученные, тогда как «белых» Русских пришлось бы одевать от фуражки до подметок на сапогах и обучать, на что у немцев нет ни охоты ни средств... Таким образом миф о том, что создаются какие-то отряды, какая-то «белая армия», как ни сладок он нашей эмиграции, является всего лишь сладким бредом...

Какая будет Россия после окончания войны с большевиками, единая или разделенная на части — знают только два человека — Гитлер и Геринг, и они никому не скажут. Можно только из некоторых поступков и слов Фюрера и из сознания, что этот гениальный человек, подобного которому еще не было в мировой истории, никогда не ошибался, догадываться, что Германия не собирается создавать слабое лоскутное государство, которое сейчас же станет объектом купли-продажи у Англии и Америки. Во всяком случае планов и решения его... ни на йоту изменить не можем. Вождь, который спасет Россию, может появиться только в самой России, а не в эмиграции.

В канцелярии фюрера теперь получается очень много всяческих резолюций беженцев, на них никогда никакого ответа не бывает, повторяю: Германия, но не русские беженцы, не «украинцы», не казаки ведут кровопролитную войну. Нам нужно терпеливо ждать, чем война закончится, и лишь тогда мы увидим, будем ли мы призваны немцами или тем новым правительством, которое образуется в России и заключит мир с немцами и, если будем призваны, то на какую работу.

ПИСЬМО ОТ 13 НОЯБРЯ 1944 ГОДА

Ваше превосходительство, Глубокоуважаемый Евгений Иванович, Вас и все станицы казачьи, вверенные Вам, сердечно поздравляю с Войсковым общеказачьим праздником. Мои пожелания и подробное мое поздравление выражены на страницах «Казачьего пути» от 1 октября. За перегруженностью эти дни крайне сложною и ответственною работою не буду повторять того, что сказал казакам на страницах их органа.

На Ваши письма от 25 сентября и 9 октября отвечаю по пунктам коротко:

1. Генерал-лейтенант Шкуро назначен от Ваффен «СС» для вербовки казаков для создания казачьего корпуса и не подчинен Главному Управлению Казачьих Войск, но работает самостоятельно, получая указания от Ваффен «СС». Главное Управление ему только помогает, не вмешиваясь в его действия.

2. Положение дел в 1-й казачьей дивизии мне очень точно известно. Ввиду сложности и трудности теперешних поездок, нежелательности некоторых огласок, приезд А.А. Сюсюкина считаю не столь важным. Есть теперь дела много труднее и сложнее.

3. Сколько мне известно, прямого приказа для освобождения казаков с заводов для поступления в строй у генерала Шкуро нет, но у него есть распоряжение частей «СС», чтобы таких рабочих увольняли с заводов. К сожалению, заводы часто игнорируют это распоряжение, опираясь на приказы Арбейтс-фронта. Дело это

идет довольно туго. Главному Управлению удается освобождать казаков, но всегда с некоторыми трениями и большой перепиской.

4. Комплектование новых дивизий офицерами-казаками будет зависеть от самих казаков. Если в первую дивизию попало много офицеров немцев и русских, то это потому, что присланные офицеры-казаки по своей подготовке не оказались на высоте ни по своим военным знаниям, ни по дисциплине, ни по работоспособности. Много было присланных старых, не годных для строевой службы. Если поступающие в новые части казачьи офицеры окажутся годными для службы — они и останутся, окажутся не годными — их заменят немцами.

5. Знание немецкого языка не обязательно, но без некоторого знания немецкого языка положение офицера будет очень трудным, и мало надежды, чтобы такой офицер смог остаться в части. Команды будут по возможности русские, уставы немецкие, уже переведенные на русский язык.

6. Вы пишете о записи добровольцев; по существу речь идет уже не о добровольном поступлении, но о мобилизации. Лучше теперь же поступить добровольно, чем потом быть призванными насильно, что казаку и неприлично, так как при таком призыве он попадет в Русскую часть наряду с военнопленными красноармейцами, где ему будет чуждо и жутко...

Вот кажется и все.

Благодарю Вас за присылку мне моего портрета на Девиль-Медь, я не посылал Вам просимой Вами фотографии потому, что не имею сам таковой, а в Берлине невозможно заказать фотографию. Почти все фотографии уничтожены бомбардировками Берлина.

Лидия Федоровна шлет Вам привет.

Остаюсь искренно уважающий Вас П. Краснов.

ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 16. Л. 28—29.
ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 16. Л. 31—31 (об).
ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 16. Л. 31—32.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.5

СТАТУТ Казачьего Национального Движения

§ 1. Движение носит название «Казачье Национальное Движение» или сокращенно КНД. Центр Движения имеет своим местопребыванием город Прагу. В зависимости от обстановки центр Движения может быть перенесен в другое место.

§ 2. Цели и деятельность Движения.

1. Непримиримая борьба с Советской властью, коммунизмом, еврейством и масонством.

2. Освобождение Казачьих Земель из-под власти СССР и его возможных наследников.

3. Образование на землях Европейского Казачества единого самостоятельного государства — Казакии.

4. Объединение казаков, калмыков, горцев и других коренных жителей Казачьих Земель на основах верности своей казачьей родине и здоровых начал казачьего национализма.

5. Руководство казачьим народом.

6. Пропаганда казачьих национальных идей и целей Движения всеми доступными способами.

7. Поддержка связи с Родиной и с казачеством в рассеянии сущем.

8. Защита чести казачьего имени и охрана древних казачьих обыкновений.

§ 3. Внешние эмблемы Движения.

1. Флаг Движения — синий (васильковый), считаемый издревле казачьим цветом, посередине золотая булава в белом (седом) круге.

2. Отличительный бортовой значок, носимый членами Движения, — синий (васильковый) круг с белой каймой, на синем кругу накладная золотая булава.

3. Печать Движения — подобна отличительному знаку, на белой кайме надпись — «Казачье Национальное Движение».

4. Обращение членов Движения друг к другу — станичник.

5. Приветствие членов между собой — поднятие правой руки со словами — «Слава Казачеству!»

§ 4. Члены Движения.

1. Членами Движения могут быть лица обоего пола не моложе 17 лет — казаки и казачки и другие коренные жители Казачьих Земель, а также иногородние, доказавшие как на Родине, так и за границей свою преданность национальному казачьему делу.

2. Почетными членами Движения могут быть лица, оказавшие особые услуги Движению.

3. Членами Движения не могут быть лица еврейского происхождения, а также коммунисты, масоны, опороченные по суду или с низкой моралью.

4. Желающий вступить в Движение подает об этом письменное заявление, где он указывает, что вполне разделяет цели и стремления Движения и готов беспрекословно исполнять распоряжения Руководителя Движения и ему подчиненных органов и лиц.

5. Прием производится после тщательной проверки происхождения и мировоззрения желающего вступить в Движение лица.

6. Выбытие из членов Движения может быть добровольным и по исключению.

а) Добровольный выход производится после предварительного письменного заявления выходящего из состава членов Движения.

б) Исключение производится, если член Движения более не разделяет цели и стремления Движения, если он не подчиняется распоряжениям Руководителя и его подчиненным органам и должностным лицам, а также по особо важным причинам.

§ 5. Права и обязанности членов Движения.

1. Все члены Движения пользуются одинаковыми правами, вне исполнения своего служебного долга, равны между собой.

2. Члены Движения обязаны:

а) беспрекословно исполнять распоряжения Руководителя и ему подчиненных органов и должностных лиц;

б) принимать участие в работе Движения, помня, что благо и национальные интересы казачьего народа стоят выше всего;

в) проявлять наибольшую жертвенность.

§ 6. Руководитель Движения.

Во главе Движения стоит его Руководитель, который сосредоточивает в своих руках все управление Движением. За свою деятельность он ответственен только перед казачьим народом. Он учреждает соответствующие органы и назначает должностных лиц. В случае смерти Руководителя руководство Движения переходит в руки его заместителя, который является его ближайшим помощником.

§ 7. Органы Движения.

1. Центральное бюро.
2. Отделы и подотделы.
3. Представительства.
4. Верховный совет.
5. Местные организации.
6. Суд чести.

§ 8. Должностные лица Движения.

1. Заместитель руководителя.
2. Управляющие отделами.
3. Заведующие подотделами.
4. Представители.
5. Возглавители местных организаций.
6. Председатель суда чести.

§ 9. Центральное бюро Движения.

Центральное бюро Движения является центральным рабочим аппаратом Движения и личной канцелярией Руководителя.

§ 10. Отделы и подотделы Движения.

Вся работа Движения разделяется на отделы и подотделы, во главе каждого из них стоят, во-первых, управляющие, во-вторых — заведующие. Управляющие отделами и заведующие подотделами являются ближайшими помощниками Руководителя и ответственны перед ним за вверенную работу.

§ 11. Представительство Движения.

В каждой стране казачьего расселения существует Представительство Движения, во главе которого стоит представитель Движения для данной страны. Он является высшим должностным лицом Движения в данной стране и сосредотачивает в своих руках управление проживающими там членами Движения. За свою работу он ответственен перед Руководителем.

§ 12. Верховный совет Движения.

Верховный совет Движения является совещательным органом при Руководителе и состоит — из заместителя Руководителя, управляющих отделами, заведующих подотделами, представителей Движения по странам и председателя суда чести. Совет собирается по распоряжению Руководителя и ведет свою работу под его или им установленным председательством. Постановления верховного совета подлежат утверждению Руководителя.

§ 13. Местные организации Движения.

В каждой стране члены Движения объединяются по месту жительства в организации, построенные на началах древних казачьих обыкновений. Во главе каждой организации стоит возглавитель. За свою работу он ответственен перед представителем Движения в данной стране.

§ 14. Суд чести Движения.

Суд чести Движения рассматривает внутренние дела членов Движения и действует по принятым обычаям и правилам судопроизводства суда чести. Председатель суда чести выбирается членами верховного совета Движения и утверждается Руководителем. Председатель не может быть избран из числа членов верховного совета. Приговоры суда чести не подлежат утверждению и являются окончательными, они доводятся до сведения Руководителя Движения.

Казачий вестник. 1942. № 14 (20). 15 июля. С. 4.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.6

ИНФОРМАЦИЯ об эмиграции во Франции

ПИСЬМО Е. ГЕТЬМАНА РУКОВОДИТЕЛЮ КНОД В. ГЛАЗКОВУ (КОНЕЦ 1943 ГОДА)

*(Стиль полностью сохранен. — **П.К**.)*

Русские, или Великороссы и их сторонники других народностей бывшей Русской империи — за последнее время настолько распропагандированы «демократией», что в большинстве, приблизительно на 80% стоят за поражение Германии. В победу ее абсолютно не верят или не желают верить в таковую.

20% русских за сотрудничество с Германией, но только, для свержения большевиков, после же в услугах Германии не нуждаются. Они предполагают взять власть в свои руки над Россией, преградить всякие попытки своего соседа с запада использовать богатства России и не допустить раздела СССР.

Возвращающиеся рабочие в отпуск распространяют всякие небылицы о военнопленных, о привезенных на работу с восточных оккупированных областей и т. д.

Украинская эмиграция. В большинстве с начала войны стояла, за сотрудничество с Германией. Но по мере того, как надежды ее некоторых политических вождей на объявление самостоятельности Украины как бы не оправдались или не сбылись, настроение эмиграции, не устойчиво колеблется и меняется, теряется вера в искренность сотрудничества. Но в многих страх большевизма проясняет мозги — лучше победа национал-социалистической Германии, чем жидо-большевизм и отказ от соборничества — это замечается.

Казачья эмиграция. На 80% стоит за сотрудничество с немецким народом и только 20% против — так называемые русские казаки всех оттенков. Казачья эмиграция делится на следующие группы: 1) Незначительная, которая ранее сотрудничала с младоросами — Казем-бека и возглавлялась генералом Алпатовым, помощником Дружакиным (Цемлянский) и секретарем Фомичевым. Без всякого ущерба для казачества может быть причислена к русским, то есть к великороссам.

2) Лига возрождения казачества с Кареевым и А. Бояриновым во главе. Ранее они стояли за федерацию с Россией, но в последнее время склонны за отделение от нее на основании объявленной в свое время Донской конституции. Типичные «демократы» с присущими особенностями: полумер, подсиживаний, выжиданий «чья возьмет», с критическим отношением ко всему инакомыслящему, до политической спекуляции включительно. Перешли в сепаратистский лагерь без особенного желания, так как авторитар-

ный строй им не по душе. За их спиной ничего не осталось, все казаки примкнули к Казачьему Национальному движению.

3) Была маленькая группа «Кубанское объединение»: полковник Кирий, полковник Жуков, полковник Макеев и другие, казначей Гетьманов. Она возникла в 1937—1938 годах как германофильская и симпатизировала национал-социалистической партии. Вынуждена была прекратить свое существование и впоследствии влиться целиком в Казачье Национальное движение.

4) Группа «русофилов», ранее возглавляемая графом Граббе (умер), передав самозваную власть атамана генералу Татаркину (в Болгарии) (два слова неразборчивы. — ***П.К.***) был избран на 3 года и должен уйти или переизбран, но он не подчинился казачьим законам и традициям, не передал булаву (два слова неразборчивы. — ***П.К.***) избранного заместителя генерала Попова. Сюда входят: бывшие дворяне, помещики и часть купечества. Идеология их: единая и неделимая Россия. Пока они живы и командуют казаками, все хорошо. Так как за доблесть казаков они легко заслужили чины, ордена и всякие привилегии. К этой группе еще нужно прибавить и самозваного Кубанского атамана в Белграде генерала Науменко, которому булава вручалась на 4 года. Он же вмудрился держать ее 24 года. С этой только точки зрения чисто эгоистической и следует рассматривать эту группу.

Ее духовный вождь генерал П. Краснов, когда он был Донским атаманом, играл роль сепаратиста, когда же он оставил Донскую армию и уехал во Францию в 1918 году, стал русским единонеделимцем. Сейчас он заговорил о самостоятельной Казакии, потому что живет в Германии. В последнее время, однако, эта группа гвардейских помещичьих настроений под влиянием ли событий, а также и пропаганды казаков-националистов начала сдавать свои позиции.

5) Группа казаков-националистов, возглавляемая инженером В.Г. Глазковым (КНД) и И. Билым, впоследствии раскололась, и отошедших от Билого возглавил генерал И. Коноводов. В начале войны Билый был арестован французами, а его группа постепенно вошла в Казачье Национальное Движение. КНД стоит на точке зрения безусловного, обязательного и безоговорочного сотрудничества казаков с немецким народом и в горе и в радости, так как путем долгого исторического опыта убедились, что при всякой России белой, красной или черной — казачество будет не только политически, но и физически уничтожено. Пример: эпоха Петра I и Сталина.

Казаки-националисты без всяких задних мыслей в вожде немецкого народа Адольфа Гитлера не только видят освободителя казачьего народа от жидо-коммунистической изуверской Мос-

квы, но и возрождение и для будущего братского сотрудничества в общих интересах Новой Европы, где будет указано место под солнцем и для казаков, боровшихся 25 лет с жидо-большевизмом.

В итоге есть две группы казаков.

1) Казаки-националисты, то есть (Казачье Национальное Движение) КНД с определенной целью и германофильством, что свидетельствует параграф 4-й статута КНД, то есть — постоянный союз с Германской Империей и признание ее покровительства над Казакией, а также и в заявлении, подаваемом о приеме в члены КНД говорится: признаю вождя Адольфа Гитлера верховным покровителем казачьего народа.

2) Единонеделимцы. Здесь есть всякий элемент: демократы, масоны, признающие себя просто русским, с большевиками включительно, и люди неопределенного шаткого толку.

Имей казаки свое общее объединяющее учреждение, вроде казачьего офиса, все бы грани стерлись, и казачество не оплакивало бы тех, кто ушел не по казачьему пути. Политикой мы не занимаемся, для этого мы имеем общего Вождя Адольфа Гитлера. Ну а то, что нам позволено писать в нашем «Казачьем вестнике», дает нам оружие бороться с нашими и немецкого народа врагами, как с оружием в руках, так и словом. Если имея на то возможность, то и другими способами для достижения цели.

Казаки жаждут с нетерпением, когда им будет разрешено вступить в их сотни и полки вместо случаев французской реквизиции на работу в некоторых местах.

Порыв к жертвенности не угасим!

Heil Hitler!

Слава казачеству!

ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 7. Л. 106—107.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.7

РЕЗОЛЮЦИЯ И СПЕЦИАЛЬНАЯ «ЗАПИСКА О КАЗАЧЕСТВЕ О ВХОДЕ В КОНР», принятая на собрании станичных атаманов Объединения казаков в Германии и представителей казачества от 25 ноября 1944 года

1. Приветствовать генерал-лейтенанта А.А. Власова как создателя и руководителя Комитета освобождения народов России и как Возглавителя Русской Армии.

2. Приветствовать Президиум Комитета освобождения народов России.

3. Приветствовать вхождение генерал-лейтенанта Е.И. Балабина в Президиум Комитета освобождения народов России и генерал-лейтенанта Ф.Ф. Абрамова в Комитет.

4. Просить генералов Е.И. Балабина и Ф.Ф. Абрамова оставаться в комитете не по признаку персональному, а по признаку представительства от всех казаков, входящих в Объединение.

5. Просить генерала Балабина поставить в Президиуме Комитета освобождения народов России вопрос о создании при Комитете Управления казачьих войск с обязательным вхождением в него экс-официальных Войсковых Атаманов всех казачьих войск.

ЗАПИСКА О КАЗАЧЕСТВЕ

1. Казаки всегда считали себя частью русского народа и за все время своего исторического существования служили России, главным образом, на поле бранном.

Услуги, оказанные ими государству, запечатлены на страницах русской истории, начиная от времен московского князя Дмитрия Иоанновича, когда они бились с татарами на поле Куликовом, кончая последней великой войной 1914—1917 года.

Всем известна героическая эпопея завоевания и защиты гор Азова, покорение Сибири, пятидесятилетняя борьба за присоединение Кавказа, подвиги казачьих полков в Отечественную войну 1812 года. Они оказали многие услуги государству, участвуя в исследовательских экспедициях ученых в Средней Азии; и отдельные казаки по собственной инициативе исследовали, открыли и присоединили к России новые земли на далеком Востоке, вплоть до берегов Ледовитого океана, приобщив к русской культуре азиатских полудиких инородцев. Они служили русским царям и императорам, признавая в них верховных вождей русского народа, и, следовательно, служили не лицам, а государству, всему народу.

2. В XVI—XVII веках донское казачество пользовалось почти полной государственной самостоятельностью; во всяком случае, отделенные от метрополии непроходимым «диким полем», они находились вне прямого воздействия московского правительства и могли не считаться с его распоряжениями. Такое сознание политической независимости выражалось в известной приветственной формуле, в которой они обращались к московскому царю: «Здравствуй, царь, в кременной Москве, а мы, казаки, на Тихом Дону». И, несмотря на это, они считали себя русскими людьми, не отделяли себя от России и служили ей не только защитою ее южных пределов от нападения степных кочевников, крымцев и турок, но как раз в эту самую эпоху они поднесли Москве сибирское царство и город Азов. Они ни разу не изменили родине, не

шли против нее ни с крымским ханом, ни с турецким султаном, ни с поляками.

Пользуясь в течение почти трех веков политической независимостью, донские казаки усвоили принципы свободы и равенства, ставшие основой их общественного устройства. Принципы эти вошли в сознание казака, в самую кровь его; он не знал ни рабства, ни крепостной зависимости и ненавидел эти институты. Бежавшим из России крестьянам и холопам всегда оказывался на Дону приют, оказывался не по каким-либо корыстолюбивым расчетам, а потому что беглецы эти пользовались у казаков равноправием, и из-за них между казаками и московским правительством возникали многие осложнения, благодаря твердо проводимому правилу: «с Дона выдачи нет». Известно, чем кончилась эта защита беженцев при Петре I.

Свобода и равенство были законами общежитья у казаков до самого последнего времени: на станичном сборе казак-генерал и казак-рядовой пользовались одинаковыми правами и одним голосом.

3. Профессор Ключевский в лекциях по истории сословий рассматривает социальный слой нашей Родины в предудельный период и утверждает, что в основу деления общества было положено отношение к землепользованию: владельцем всей земли являлся князь по праву завоевания; он давал землю тем, кто служил в его дружине, вначале в потомственную собственность, потом в пожизненное пользование; те, кто не нес воинской службы, занимался промыслами и торговлей, но не пользовался землею. Таким образом, собственником всей земли являлось государство, олицетворенное в князе, и оно могло распоряжаться ею по своему усмотрению в общенародном интересе. Ту же идею проводит в курсе гражданского права профессор Победоносцев.

Иначе обстояло дело с землями казачьими. Они получили их не от московского государя, а приобрели своею кровью в борьбе с кочевниками или заняли и культивировали земли, никому не принадлежащие. На свою землю они имеют такие же права, как государи русские на земли российские: в обоих случаях основанием владения является завоевание или право первого занятья — «Ius prima occupant». В терской казачьей песне царь Иван Грозный говорит: «подарю я вас, гребенские казаченьки, рекой Тереком, рекой быстрою... все Горынычем со притоками, от самого гребня до синя моря, до синя моря, до Хвалынского». Эта песня свидетельствует о связи между гребенскими казаками и московским царем, но ясно, что царь не мог дарить им землю, которой не владел сам — земли Терского войска приобретены самими казаками в длительной и кровавой войне с местными народами.

Итак, казачьи земли приобретены ими самими, не дарованы

им государством, и поэтому им сохранить право на них и предать своим потомкам до наших даже дней.

4. Общественное устройство казаков последнего времени сохраняло в себе следы прежней свободы и относительной независимости: казаки объединялись в станицы, избирали атаманов, управлялись дедовскими обычаями, сообща владели землею, переделяя ее по мере роста населения, на собственное иждивение снаряжались на службу государству. Все войско в целом управлялось Войсковыми атаманами, которые до Петра I избирались войсковым кругом, потом стали назначаться верховной властью сначала из донских казаков, потом из неказачьих генералов. Войсковой круг, как всенародное собрание, решал важнейшие дела, касающиеся общественного благоустройства.

5. Как в древнейшие времена, так и теперь казачество мыслит себя органической частью русского народа, не отделяется от России, желает жить в ее составе и с нею вместе идти к культурному, социальному и экономическому прогрессу. Только в последний эмигрантский период казачьей жизни появились идеологи, начавшие проповедь сепаратизма и самостийничества. Они пытаются уверить казаков, что те не имеют с Россией ничего общего, что казаки — не русские, не группа нашего народа, отличающаяся только бытовыми чертами от великорусского племени, а потомки каких-то мифических бродников, или черных клобуков, тюркского происхождения, когда-то кочевавших в южных причерноморских и приазовских степях. Они утверждают, что у казаков и язык совсем особый, не русский, и вера иная; что Россия всегда угнетала, порабощала казачество, и потому настало время сбросить вековое ярмо и зажить самостоятельной свободной жизнью. Всю эту измышленную, пустую болтовню стараются внушить казакам безответственные честолюбцы, дабы увлечь их в безнадежную и пустую авантюру, в которой надеются извлечь личные выгоды. Проповедники самостийничества, подкрепляемые темными деньгами, успели увлечь за собой только ничтожную кучку казаков, неспособных разобраться в том, что им внушается; но подавляющее большинство казаков остается верно России, не допускает мысли о разрыве с нею; храня заветы отцов и дедов, хочет служить ей, как служили в течение своего четырехвекового бытия.

И теперь, когда в эпоху великих потрясений русский народ опять выдвинул группу патриотов, стремящихся возвратить отечество свое на путь естественного культурного и социального развития, освободить его от мертвящей системы коммунизма и возвратить каждому свободу и человеческое достоинство, казачество готово встать в ряды поднявших знамя освободительного движения и понести жертвы, которые от них потребуют обстоя-

тельства, условия борьбы и вожди, которым они привыкли повиноваться.

6. Комитет освобождения народов России во имя справедливости, во имя правильно понятого государственного интереса должен включить в борьбу с коммунистическим режимом свободно и не принудительно идущее к нему казачество и гарантировать ему именем освобождаемой России то, на что оно имеет право, неоспоримое, веками освященное, жертвенной службою Родине подкрепляемое, право на:

1. свободное общественное устройство в составе будущей России по древним своим традициям;

2. свободное избрание Войсковых и станичных атаманов, Войскового круга, как органа местного самоуправления;

3. пользование естественными богатствами края, землею, водами и недрами в согласии с общими, для всего государства установленными законами;

4. привлечение Войсковых атаманов к тесному и созидательному сотрудничеству с Комитетом освобождения.

Соответствующая декларация Комитета поднимет дух казачества и пробудит его жертвенность в предстоящей борьбе.

Прага. 25 ноября 1944 года. Атаман Объединения генерал-лейтенант Балабин.

ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 14. Л. 352—353.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.8

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО атамана П.Н. Краснова генералу А.А. Власову от 16 марта 1945 года

Глубокоуважаемый Андрей Андреевич! 7 и 9 января 1945 года я имел с Вами серьезные беседы о взаимном отношении в общей работе против большевизма возглавляемых Вами русских вооруженных сил и Казачьих войск.

Военные обстоятельства и необходимость как Вам, так и мне уехать в инспекционные поездки помешали нам закончить переговоры. Вы поняли, что освободить Россию от большевистской власти можно только при помощи иностранной державы и именно Германии. Казаки, как только немецкие войска подошли к их Землям, всем народом перешли на сторону Германии и, вооружаясь чем попало, создали казачьи полки и сотни, сражались плечо к плечу с немцами, как при наступлении Германской армии, так и при отходе ее из пределов СССР. Германское правительство оценило это добровольное сотрудничество с войсками: оно призна-

ло казаков своими союзниками, а 10 ноября 1943 года объявило, что оно признает права казаков на их земли, кровью и трудами предков завоеванные, и их права на самобытность существования, то есть создание своих полков со своими казачьими начальниками и управление своими Атаманами.

И цели — уничтожение большевизма в России, и средства — тесное сотрудничество для того с Германией, у Вас и у казаков — одни и те же. Какая же тут может быть размолвка?

Если бы военные обстоятельства не прервали наших переговоров, мы бы с Вами договорились и пошли бы, как и надлежит идти, как всегда шли русский солдат и казак.

Нашей кажущейся размолвкой воспользовались большевики. Через своих агентов и заблудших казаков, авантюристов, личное самолюбие и выгоды ставящих выше блага Родины, они сеют смуту, говоря, что казакам следует отойти от своих вождей и начальников, идущих с немцами, и перейти к Вам, делающему Русское дело без немцев.

Они возбуждают ненависть к немцам, подрывают доверие к Германской армии.

Они говорят, что в Штабе Казачьих Войск и в станицах засели заскорузлые старики, которые только и думают подвести Казачество под протекторат Германии, и одновременно распространяют волнующие казаков слухи об успехах Вашей армии, подошедшей к самой Москве?!

Все это ни Вам, ни казакам не на пользу. Это нужно только большевикам.

Хорошо зная чаяния казаков, свидетельствую Вам: у казаков одна мечта — вернуться в родные Края, зажить там своей жизнью, какой они жили до прихода к власти большевиков. Казаки хотят иметь свое самоуправление: Круг (Рада) и выборных атаманов. Казаки ничего не имеют против того, чтобы те, кто жили и живут теперь на их землях, там и оставались жить равноправно с казаками.

Казаки сознают, что после победы Россия останется под наблюдением и покровительством Германии. Казачьи Войска, самостоятельно развиваясь, будут пользоваться помощью немцев как союзники Германии.

Для успокоения умов, русских и казачьих, мне бы хотелось, чтобы Вы, Андрей Андреевич, таким же открытым письмом ответили бы казакам на следующие вопросы:

1) Вооруженные Силы Комитета Освобождения Народов России являются частью Германской армии, Германией содержимой и вооружаемой, как это в казачьих частях, или это — самостоятельная, независимая от Германии армия, как о том болтают безответственные люди, противопоставляя ее казакам, «продавшимся немцам»?

2) Признаете ли Вы за казаками те права, которые уже признала Германия?

3) Можете ли Вы и Комитет, Вами возглавляемый, оказать казакам на родной земле помощь, защиту и покровительство без помощи Германии?

4) Не считаете ли Вы ошибочным и вредным в теперешнее смутное время раскалывать казаков созданием параллельного Управления Казачьих Войск, независимого от Главного Управления Казачьих Войск (во главе с ген. от кавалерии П.Н. Красновым)?

Я не хочу верить этому и думаю, что это только непроверенные слухи и печальное недоразумение, которое Вы прекратите, приступив к общей работе с казаками и их законными начальниками для спасения Родины, при полном уважении старых прав и особенностей казачьего быта.

Остаюсь искренне уважающий Вас,
Начальник Главного Управления Казачьих Войск
Генерал от кавалерии П.Н. Краснов

Цит. по: Ленивов А.К. Под казачьим знаменем 1943—1945. Эпопея Казачьего Стана под водительством Походных атаманов Казачьих войск С.В. Павлова и Т.И. Доманова в 1943—1945 гг. // Кубанец. 1993. № 3. С. 60.

ОТВЕТ на открытое письмо П.Н. Краснова от Казачьего Управления при КОНР 28 марта 1945 года

По целому ряду затронутых Вами, господин генерал, вопросов, имеются уже совершенно точные, не допускающие кривотолков, официальные разъяснения, закрепленные в основном документе Освободительного движения — в Манифесте. В Манифесте КОНР сказано, что в настоящий момент единственной реальной силой, могущей поддержать антибольшевистское движение народов России, является Германия. Исходя из этого, Комитет ОНР идет на союз с Германией, но на союз равноправный, не затрагивающий ни чести, ни независимости нашей многострадальной Родины... Ваш вопрос в том, идем ли мы с Германией или без нее, самостоятельно? Мы никогда не скрывали, что находимся в союзе с Германией, но мы всегда не уставали подчеркивать, что мы равноправные союзники, что мы боремся за независимую Родину, которая не может быть ни под чьим протекторатом или покровительством, в то время как Вы берете на себя смелость от лица казачьей массы утверждать, что после победы над большевизмом Россия «останется под покровительством и наблюдением Германии». Вы пишете, что внутри антибольшевистского лагеря не мо-

жет быть почвы для размолвок, тем не менее, зная, что такие размолвки имеются, говорите о них неуверенно, точно сомневаетесь в них и боитесь открыто признать их существование. Не проще ли сразу вскрыть их, чтобы покончить с ними? Мы считаем, что казачество уже давно не едино! Не едино, несмотря на общность целей нашей борьбы, на общность союзнических отношений с Германией. Здесь прежде всего следует упомянуть деятельность крайних «самостийных» элементов. Эти люди считают казаков не выходцами из среды русского и украинских народов, приобретших в силу некоторых особенностей жизни специфические черты и потому образовавших особую бытовую группу в нашем народе, а самостоятельным Казачьим народом! Эти люди с серьезной миной говорят о некоей самостоятельной Казакии. Казачья же масса всегда считала себя плотью русского народа, всегда героически отстаивала национальные русские интересы, понимая, что разъединение с русскими может быть только интересно врагам казачества.

Казачество хочет получить в собственность свои земли, хочет свободно трудиться на своей земле, хочет иметь самоуправление, отвечающее казачьим традициям в быту. Это вполне законные требования, но казаки, трезво разбираясь в современной ситуации, сознают, что в России сегодня не может быть восстановлено самодержавие и какие-то сословные привилегии. Россия уже не та, и казаки уже не те. Вы, господин генерал, очевидно, неясно представляете себе, что говорят сейчас казаки, пришедшие из Советской России, если до сего часа мечтаете о восстановлении старых порядков, от имени казачьей массы утверждая, что казаки мечтают зажить «той жизнью, какой они жили до прихода к власти большевиков». Не порождает ли эта точка зрения лишних разногласий в среде казаков?

Таковы причины наших разногласий. В настоящий момент вокруг КОНР собираются те казаки, которые, зная действительное настроение казачьей массы, объединяют ее для борьбы за те идеи, которые изложены в Манифесте КОНР. Мы считаем организацию при КОНР Казачьего управления своевременным, полезным, собирающим казачьи силы организационным мероприятием.

Остаемся искренне уважающие Вас:

Атаман Войска Донского Генерал-лейтенант Татаркин

Атаман Кубанского войска Генерал-майор Науменко и др.

28 марта 1945 г. Ставка Главнокомандующего ВСКОНР.

Цит. по: *Ленивов А.К.* Под казачьим знаменем 1943—1945. Эпопея Казачьего Стана под водительством Походных атаманов Казачьих войск С.В. Павлова и Т.И. Доманова в 1943—1945 гг. // Кубанец. 1993. № 3. С. 57—59.

ЧАСТЬ 2

Политика нацистской Германии по отношению к казачеству 1941–1945 гг.

Глава 1

КАЗАЧЕСТВО В ПЛАНАХ НАЦИСТСКОГО РУКОВОДСТВА

История формирования казачьих организационных структур и казачьих антисоветских воинских формирований неразрывно связана с общей нацистской политикой в отношении Советского Союза и населявших его народов.

Центральной линией этой политики стала концепция так называемых «славянских недочеловеков», нашедшая отражение в главной книге Третьего рейха, фундаментальном труде Гитлера «Майн Кампф». Практическое применение положения «Майн Кампф» получили в 1940—1941 гг. при разработке планов войны против Советского Союза, а также программ экономического и политического порабощения народов СССР, которые сводились к уничтожению и изгнанию славянского населения с «восточных территорий» и постепенной замене его переселенцами-колонистами из Германии и Европы. По сути, речь шла не только о разгроме государства, но и об уничтожении славян как народа.

Начиная войну против Советского Союза, военно-политическое руководство Германского рейха в качестве одной из главных стратегических задач ставило перед собой разрушение многонационального государства и привлечение на свою сторону в борьбе с большевизмом представителей национальных меньшинств нашей страны. На развалинах СССР предполагалось создать ряд национально-государственных марионеточных образований, которые бы стали проводниками

германской политики и способствовали дальнейшему распространению влияния Германии. Вот что по этому поводу сказал Альфред Розенберг (один из главных идеологов нацизма, заместитель Гитлера по вопросам «духовной и идеологической подготовки» членов нацистской партии, министр по делам оккупированных восточных территорий) в своей директивной речи 20 июня 1941 года: «*Задачи нашей политики, как мне кажется, должны поэтому идти в том направлении, чтобы подхватить в умной и целеустремленной форме стремление к свободе всех этих народов и придать им определенные государственные формы, то есть органически выкроить из огромной территории Советского Союза государственные образования и восстановить их против Москвы...*»[1]

Особая ставка при этом делалась на народы республик Северного Кавказа и Средней Азии, которые должны были стать окраиной будущей германской колониальной империи на востоке Европы, — в противоположность Украине, Белоруссии и прибалтийским республикам, территории которых должны были быть подвергнуты тотальной германизации (так, например, по замыслу Гиммлера намечалось выселение 75% белорусов с занимаемой ими территории, а остальные 25% подлежали онемечиванию[2]).

Надо признать, почва для подобных расчетов немецких идеологов восточной политики оказалась весьма благоприятной, поскольку в эмиграции как грибы после дождя росли самые разнообразные комитеты, партии и движения. Не прекращали политической деятельности и главы независимых республик, существо-

---

[1] Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1944). М., 1985. С. 41.

[2] *Мельников Д., Черная Л.* Преступник номер 1. Нацистский режим и его фюрер. М., 1991. С. 374.

вавших в период с 1918 по 1921 год. Это Расулзаде Эмир Бей — президент Азербайджана, Ной Жордания — президент Грузии, Джабаги Васан-Гирей — президент Северокавказской республики. С ведома Гитлера в Германии были созданы всевозможные национальные комитеты: северокавказский, туркестанский, татарский, калмыцкий, карачаевский, кабардино-балкарский, азербайджанский, армянский, грузинский и многие другие. Руководители украинского комитета называли себя Центральной радой, а в Белоруссии роль комитета сначала играла созданная немцами «Самопомощь», а впоследствии — Центральная рада. Некоторым народам немцы разрешили даже сформировать национальные правительства, которые, разумеется, комплектовались исключительно с одобрения немецких властей. Достаточно значительную роль в этой борьбе «независимостей» за благосклонное отношение немецкой политической и военной элиты играли и многочисленные казачьи эмигрантские организации самого разного толка.

В начале войны с СССР, согласно директиве начальника Штаба Верховного главнокомандования Вооруженных сил Германии по вопросам пропаганды, немецким войскам всячески рекомендовалось подчеркивать, что «противником Германии являются не народы Советского Союза, а исключительно еврейско-большевистское советское правительство со всеми подчиненными ему сотрудниками и коммунистическая партия... необходимо подчеркивать, что германские вооруженные силы пришли в страну не как враг, что они, напротив, стремятся избавить людей от советской тирании»[1]. «*Мы*, — заявил 16 июля 1941 года на совещании с руководителями Рейха Адольф Гитлер, — *однако, отнюдь не желаем превращать преж-*

[1] Мировые войны XX века. Вторая мировая война. Книга 4. Документы и материалы. М., 2002. С. 136.

девременно кого-либо в своих врагов. Поэтому мы пока будем действовать так, как если бы мы намеревались осуществлять мандат. Но нам самим при этом должно быть совершенно ясно, что мы из этих областей никогда уже не уйдем. Исходя из этого, речь идет о следующем: 1. Ничего не строить для окончательного урегулирования, но все подготовить для этого. 2. Мы подчеркиваем, что приносим свободу»[1]. Подобная пропаганда должна была способствовать быстрейшему распаду Советского Союза на отдельные марионеточные государства и в то же время скрыть истинные намерения немцев относительно будущего страны.

Несмотря на такую пропагандистскую установку, немцы на первых порах не прилагали никаких особых усилий для того, чтобы привлечь народы СССР к активной борьбе на стороне Германии. Это казалось немецкому руководству излишним, ведь оно было уверено в том, что война будет скоротечной и помощь «туземных» легионов не потребуется. Участие в войне представителей советских народов (в особенности славян) под какими-либо политическими лозунгами, будь то борьба за уничтожение большевизма или восстановление национальной независимости, выглядело в свете объявленных Гитлером целей просто немыслимым. Неслучайно на том же июльском совещании фюрер недвусмысленно заявил: «*Ни о каком возникновении вооруженной силы западнее Урала больше никогда не может быть и речи, даже если за это нам придется воевать целых сто лет... Жизненным принципом должно быть и оставаться на веки веков: никому, кроме немца, не дозволено носить оружие! Это особенно важно, даже если на первый взгляд кажется более легким привлечь к военной помощи какой-либо чужой,*

---

[1] «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967. С. 104.

побежденный народ. Это ошибка! Однажды он, безусловно, нанесет нам удар в спину. Только немец может владеть оружием, а не славянин, не чех, не казак, не украинец!»[1]

Однако уже с первых дней войны, вне зависимости от политических установок гитлеровского руководства, германские вооруженные силы столкнулись с проблемой необходимости привлечения в свои ряды советских граждан.

Несмотря на то что Гитлер в целом крайне отрицательно относился к возможности использования славян в войне на стороне Германии, он не возражал против предложения представителей вермахта и Министерства по делам оккупированных восточных территорий о создании боевых частей из представителей тюркских и кавказских народов (так называемых Ostlegionen). Более того, фюрер серьезно надеялся на поддержку этих народностей, да и всего исламского мира, в дальнейшей борьбе за мировое господство. Уже 17 декабря 1941 года в специальной директиве вермахта было разрешено формирование: «Туркестанского легиона», состоящего из туркестанцев[2], узбеков, казахов, киргизов, каракалпаков и таджиков; «Кавказского мусульманского легиона», состоящего из азербайджанцев, дагестанцев, ингушей, чеченцев и лезгин; «Грузинского легиона»; «Армянского легиона»[3].

Наряду с тюркскими и кавказскими народами особым расположением определенной части гитлеровского окружения пользовались казаки. Будучи уникаль-

---

[1] «Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне Третьего рейха против СССР». Смоленск, 2000. С. 277.

[2] Идеологи Великого Туркестана включали в это понятие территории среднеазиатских республик, северные области Афганистана и китайский Синьцзян и планировали объединение всех народов Средней Азии в единую нацию — тюрков.

[3] *Newland S.* Cossacks in the German army 1941—1945. London, 1991. P. 56.

ной в своем роде социальной и культурной общностью с вновь проявившимися в период революции и Гражданской войны тенденциями к национально-государственному обособлению, довольно значительная часть казачества зарекомендовала себя непримиримым врагом большевизма и поэтому с самого начала войны привлекла внимание офицеров вермахта и чиновников из восточного министерства. Не последнюю роль в возникновении этого интереса сыграли и постоянные контакты лидеров казачьей эмиграции (в первую очередь Краснова, Шкуро, Науменко, Глазкова) с влиятельными германскими кругами. Во многом именно благодаря этим противоречивым фигурам казакам и удалось занять в глазах нацистских лидеров особое место. Тем не менее в начальный период войны отношение к ним часто менялось. Это было связано прежде всего с тем, что в нацистском руководстве долго не было полной ясности, станут ли нужны казаки как союзники или нет.

С июня 1941 года до апреля 1942 года разброс характеристик казаков колебался от «равноправных союзников» до «славянских недочеловеков». Так, например, первоначально ведомство А. Розенберга — Министерство по делам оккупированных восточных территорий — планировало даже выделить населенную донскими казаками территорию между Доном и Волгой (от Ростова до Саратова) в качестве особого полуавтономного района. Этот казачий (будущее территориальное образование получило бы название «Дон и Волга») район должен был, по их замыслу, играть роль своеобразного моста между Украиной и Кавказом, а также уменьшать «роль и территорию Московии»[1]. Это была идефикс Розенберга, который считал необходимым изолировать русских в пределах Московии путем

[1] *Dallin A.* German rule in Russia 1941—1945: A study of occupation policies. London — New York, 1957. P. 298.

создания своеобразного пояса из народов Прибалтики, Украины и Кавказа, разрешив последним иметь некоторое подобие государственных структур, находящихся под жестким контролем Германии. Наряду с «казачьим государством» немцами были намечены следующие области раздельного управления: *«а) Великороссия с Москвой в качестве центра, б) Белоруссия с главным городом Минском или Смоленском, в) Эстония, Латвия, Литва, г) Украина и Крым; центр — Киев, д) Донская область со столицей в Ростове* (тот самый полуавтономный регион «Дон и Волга». — ***П.К.***), *е) Кавказская область, ж) Русская Средняя Азия, или Русский Туркестан»*[1]. Вскоре, однако, восточное министерство отказалось от идеи создания подобных искусственных территориальных образований. Причина была в следующем — краеугольным камнем «восточной политики» Германии было размежевание населения СССР по национальному признаку, а германская администрация отказывалась признавать тех же казаков особой национальной группой. В соответствии с окончательным решением гитлеровского руководства земли донских казаков включались в состав рейхскомиссариата «Украина», а кубанских и терских — в состав будущего рейхскомиссариата «Кавказ»[2].

Тут необходимо сделать небольшое отступление и пояснить, какое в конечном итоге административно-политическое деление СССР было запланировано немецким руководством. Учрежденное летом 1941 года Министерство по делам оккупированных восточных территорий начало на практике реализовать три формы административной организации. Первая — присоединение захваченных регионов к другим государст-

[1] Цит. по: *Уткин. А. Россия над бездной 1918 — декабрь 1941. Смоленск, 2000. С. 290.*

[2] *Dallin A.* German rule in Russia 1941—1945: A study of occupation policies. P. 299.

вам: район Белостока (Западная Белоруссия) — к Восточной Пруссии; Западная Украина — к Польскому генерал-губернаторству; Трансистрия (земли между Днестром и Бугом) — к Румынскому генерал-губернаторству, к которому затем были добавлены Северная Буковина и Бессарабия; значительная часть советской Карелии была оккупирована Финляндией. Остальную оккупированную территорию разделили на две зоны. Одна включала район военных действий — пространство от линии фронта до тыловых границ групп армий. Вся власть здесь была сосредоточена в руках военных командных инстанций (*см. схему 4*). Территории, находившиеся за пределами театра военных действий, были отданы немецкой военной администрации и подчинялись непосредственно восточному министерству.

Прибалтийский немец Альфред Розенберг, возглавивший восточное министерство с июля 1941 года, один из главных теоретиков Третьего рейха, разработал свою программу раздела СССР. Он предлагал использовать национальные и культурные различия между народами, их недовольство проводимой большевиками политикой интеграции народов в единое унитарное государство. В конечном итоге план расчленения СССР предусматривал создание на его оккупированных территориях четырех рейхскомиссариатов: Остланд (Балтенланд), Украина, Кавказ, Россия (Московия)[1]. Рейхскомиссариат Россия (или Московия) и рейхскомиссариат Кавказ так и не были созданы.

Рейхскомиссариат Украина со столицей в городе Ровно был учрежден указом Гитлера от 1 сентября 1941 года под началом гауляйтера Э. Коха. В это обра-

---

[1] Адольф Гитлер хотел, чтобы исчезли сами понятия «Россия» и «русское», и именно поэтому старался заменять эти термины на «Московию» и «московское». Более того, для того чтобы «Московия» занимала как можно меньше территорий, планировалось ряд областей с русским населением присоединить к соседним комиссариатам.

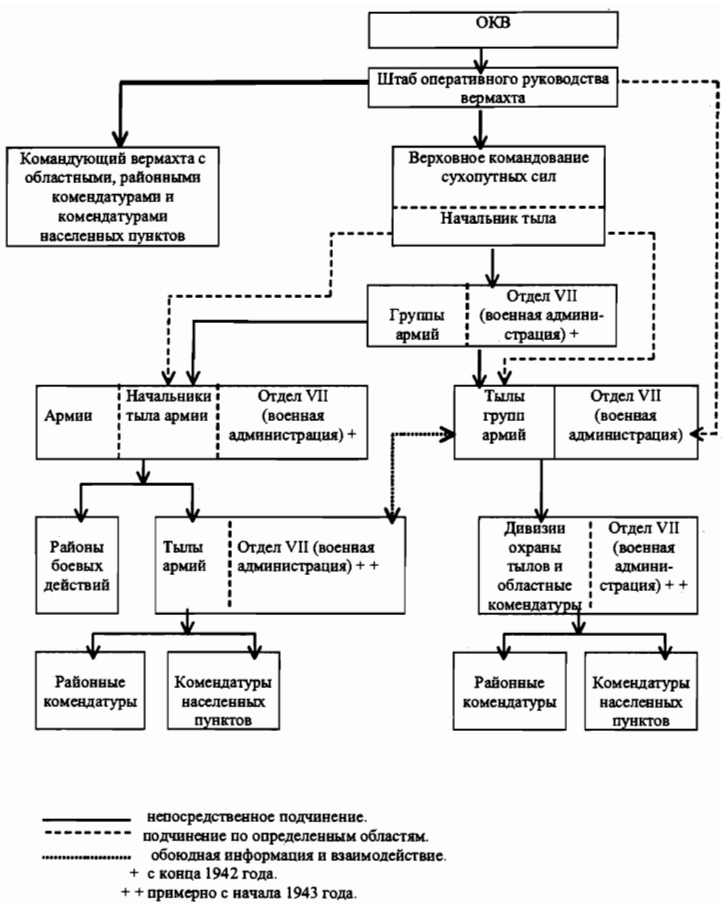

Схема 4. Порядок подчиненности и организации военной власти в оккупированных советских областях[1].

[1] *Миллер Н.* Вермахт и оккупация. М. 1974. С. 104.

зование вошли территории Украинской ССР, южные районы Белорусской ССР и Крым. Рейхскомиссариат делился на шесть генеральных комиссариатов: Волынско-Польский, Николаевский, Житомирский, Киевский, Днепропетровский и Таврию (Крым).

Рейхскомиссариат Остланд со столицей в городе Рига возглавил Г. Лозе. Остланд включал в себя генеральные комиссариаты Эстония, Латвия, Литва и северную часть Белорусской ССР, а также часть Ленинградской и Псковской областей.

Низшим звеном немецкой оккупационной администрации являлись областные комиссариаты, которым в свою очередь подчинялись нижестоящие административные органы. Для всех областей административное деление было типичным. Каждая область делилась на округа, возглавляемые обербургомистрами, округа объединяли 7—8 районов. В район, имевший районную управу, входило 6—7 волостей с волостными старшинами во главе. Прежние структуры управления сохранились только в сельской местности. Низовыми административными единицами так и остались села, поселки, деревни и хутора. Только теперь представителями власти в них были объявлены сельские бургомистры или сельские старосты. Обычно такие люди отвечали за бывшие колхозные земли. Крупные города непосредственно подчинялись властям генерального комиссариата. Созданные там управы действовали под руководством городского головы — обербургомистра. В административном отношении крупные города делились на районы (как правило, в старых границах), в каждом из которых функционировали районные управы со старшинами во главе.

После окончания эпопеи с образованием казачьего района «Дон и Волга» официальное отношение Берлина к казакам резко изменилось. Посетившему Берлин П.К. Харламову, управляющему иностранным отделом КНОД («Казачье национально-освободительное дви-

жение»), удалось выяснить истинное отношение нацистов к казачьей проблеме. В строго конфиденциальном письме от 10 апреля 1942 года руководителю КНОД Василию Глазкову он сообщает, что для германских властей: «*а) казачьего народа нет и быть не может, б) казачьего вопроса нет и поставлен к разрешению он не будет, в) казаками совершенно не интересуются и принципиально не хотят интересоваться те, от кого зависит будущая судьба Востока, г) наконец, отношение к казакам скверное, т. е. совершенно такое же, как к остальной части русской эмиграции. Ни в одном правительственном учреждении отдельного особого референта по казачьим делам не существует... Являясь не фантазером, — подводит неутешительный итог эмиссар казаков-националистов, — а реальным политиком, я с очевидностью понял, что наше национальное дело стоит на мели и с нее сдвинуть дело нет никакой возможности*»[1].

Важно отметить, что подобное пренебрежительное отношение к казакам было характерно исключительно для нацистских политических руководителей. В вермахте же к этим опытным солдатам с многовековым боевым прошлым отношение начало постепенно меняться уже с осени 1941 года. Огромные потери на Востоке, первые чувствительные поражения, а самое главное, необходимость организации антипартизанской борьбы в тылу — все это заставило командование вермахта обратить внимание на казаков как на убежденных борцов против большевизма и приступить к созданию в германской армии боевых казачьих частей из военнопленных. Но, несмотря на достаточно определенную позицию армейских руководителей по отношению к казачеству, в германском руководстве еще довольно долго не было единства по этому вопросу. Большинство партийных бонз, включая Альфреда Ро-

[1] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 39. Л. 15; Д. 45. Л. 51.

зенберга, утверждали, что «казаки не являются национальностью»[1], а следовательно, не заслуживают никакого специального внимания. Армейские же руководители, понимая, что восполнять боевые потери за счет собственных ресурсов с каждым днем будет все труднее и труднее, активно выступали за скорейшее исключение казаков из рядов «недочеловеков» и за создание специальных боевых частей из казаков, которые оказали бы неоценимую помощь на Востоке. Именно командование германской армии, а точнее — ее тяжелое положение на фронтах, по сути, и оказалось главным катализатором принятия официального решения о начале использования казаков в рядах вермахта, а значит — изменения отношения к казачеству в целом.

Любопытно, что из мемуаров многих непосредственных участников тех событий реальные причины привлечения казаков на службу в германскую армию узнать невозможно, зато можно прочесть следующие, далекие от истинного понимания ситуации, утверждения: «*Немецкий генералитет и офицеры вермахта*, — пишет П.Н. Донсков, бывший офицер штаба войск атамана Павлова, — *понимали всю важность воссоздания казачества как исторического фактора, положившего начало борьбе всего мира с коммунизмом*»[2]. Сейчас уже не приходится сомневаться в том, что германских офицеров волновали исключительно проблемы сохранности своего личного состава и восполнения потерь, но никак не историческое возрождение казачества.

Как бы то ни было, 15 апреля 1942 года Гитлер лично разрешил использовать казаков в борьбе против партизан и на фронте[3]. Чуть позднее, в директиве Верховного командования вермахта № 46 от 18 августа

---

[1] *Dallin A.* German rule in Russia 1941—1945: A study of occupation policies. P. 301.

[2] *Донсков П.Н.* Дон, Кубань и Терек во Второй мировой войне. В сб.: Трагедия казачества. М., 1993. С. 482.

[3] *Dallin A.* Op. cit. P. 299.

1942 года («Руководящие указания по усилению борьбы с бандитизмом на Востоке»), такой их статус был закреплен официально. Кроме того, эта директива обязывала Генеральный штаб ОКХ (объединенное командование сухопутных войск) разработать основные положения по организации этих частей, и вскоре в войска было разослано так называемое «Положение об использовании местных вспомогательных формирований на Востоке», регулирующее основные положения по «организации и использованию этих частей». В этом документе представители тюркских народностей и казаки выделялись в отдельную категорию «равноправных союзников, сражающихся плечом к плечу с германскими солдатами против большевизма в составе особых боевых частей»[1], таких как туркестанские батальоны, казачьи части и крымско-татарские формирования. Эти народы были как бы выделены среди всех остальных, ведь в начальный период войны представители славянских, балтийских народов и даже фольксдойче (наиболее «арие подобные» из всех жителей оккупированных территорий) могли использоваться лишь в составе антипартизанских, охранных, транспортных и хозяйственных частей вермахта. Однако даже после принятия подобных директив немецкие политические руководители по-прежнему продолжали относиться к своим новым союзникам весьма настороженно.

Многие исследователи истории коллаборационизма до сих пор спорят о том, когда же было принято окончательное официальное решение об использовании казаков на фронте в качестве полноправных «боевых товарищей». Некоторые историки настаивают на дате 17 декабря 1941 года, кто-то — на 22 октября 1941 года. Но конкретных документов, подтверждающих или опровергающих эти предположения, на сегодняш-

[1] *Newland S.* German rule in Russia 1941—1945: A study of occupation policies. P. 58.

ний день нет. Подобная неразбериха в этом вопросе связана прежде всего с тем, что большая часть документации, посвященной восточным частям, была утеряна или уничтожена самими немцами в конце войны. Тем не менее представляется, что именно эти даты — 15 апреля и 18 августа 1942 года — и стали ключевыми в дальнейшей истории казачества во Второй мировой войне.

Глава 2

ТЕОРИЯ О «КАЗАКАХ-АРИЙЦАХ», ИЛИ КАК КАЗАКИ СТАЛИ «ОСОБЫМ НАРОДОМ»

Для того чтобы идеологически обосновать использование казаков как военной силы, в «Институте фон Континенталь Форшунг» (государственное учреждение, занимавшееся изучением истории народов Европейского континента) была разработана специальная расовая теория, согласно которой казаки являлись потомками остготов, владевших Причерноморским краем во II—IV вв. н. э. и, следовательно, не славянами, а народом германского корня, *«сохраняющим прочные кровные связи со своей германской прародиной»*[1].

Огромную роль в разработке и продвижении этой нелепой, фантастической теории сыграли казаки-националисты и лично управляющий иностранным отделом КНОД Петр Харламов. 1 апреля 1942 года ему удалось встретиться с достаточно влиятельным в нацистской Германии профессором Курселлем (о тогдашнем положении Курселля говорит хотя бы тот факт, что на прощание он подарил Харламову отпечаток мас-

[1] *Dallin A.* German rule in Russia 1941—1945: A study of occupation policies. P. 301.

ляного портрета Гитлера собственной кисти, написанный с натуры)[1]. По всей видимости, именно во время этой, длившейся более двух часов беседы немецкий ученый намекнул одному из лидеров казаков-националистов о том, что в ближайшее время возможен некий поворот в политике по отношению к казачеству и что настало время придумать нечто такое, что могло бы заинтересовать немецкое руководство. Не исключено, что Курселль сам и предложил своему гостю первые наброски будущей теории о «казаках-арийцах».

Как бы то ни было, но к мнению этого человека Петр Харламов прислушался. Уже 10 апреля в письме к руководителю КНОД он изложил первые мысли по этому поводу: «*1. На землях между Доном и Волгой с одной стороны и Кавказскими горами с другой стороны живет с незапамятных времен смешанный славяно-тюркский народ — казаки /черкассы/. С течением времени часть черкассов, являясь народом воинственным и предприимчивым, начинает из своей метрополии расселяться во все стороны. Каракалпаки — черкассы /черные клобуки/ доходят до реки Буга и образуют в районе Днепра Запорожское войско, другие казаки /черкассы/, двинувшись на север, образуют Уральское, Оренбургское и прочие казачьи войска, часть казаков /черкассов/, смешавшись в теперешнем Туркестане с киргизами, образуют киргис-казацкую орду* (так в документе. — ***П.К.***) *и пр. и пр. Все вышеупомянутые земли являются колониями метрополии Казакии и вместе с метрополией носят общее имя «Черкассии». 2. В настоящий момент в границы Черкассии входит: метрополия Казакия и ее колония — земли бывших каракалпаков /земли потомков запорожского войска/, а также ее колонии Астрахань, Урал, Оренбург, Терек и Туркестан. Вся Черкассия вступает добровольно в протекторат Великого Рейха и разделя-*

[1] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 12. Л. 5.

ется на две автономных КАЗАЧЬИХ страны: а/ Казакия, такая, какою мы хотим ее видеть и б/ Запорожское казачество, в границах между рекой Миусом и Бугом. Примечание: земли с запада до реки Буга остаются свободными для «дранг нах Остен Германии». Украинский вопрос сходит с исторической сцены! 3. Мощная Черкассия явится впоследствии заслоном Новой Европы против Азии, то есть возможной желтой опасностью. Вот канва, на которой надо создавать будущее казачества — ДРУГОГО ПУТИ НЕТ, а значит наше дело в таком виде, как сейчас, обречено на погибель, еще не успев начаться... Приведенная политическая программа Черкассии выработана нами для Вождя... Мы, КНД, выступим со своей, Вами одобренной программой и статутом перед Вождем, подчеркнем только, что братский и РАВНОПРАВНЫЙ СОЮЗ с Запорожским Войском под общим протекторатом Вождя и Рейха нам вполне подходит. Цель, как видите, моя в том, чтобы вместо соборной Украины от Берлина до океана /со включением Казакии/ добиться создания равноправного казачьего союза Черкассии от Буга до Эмбы... Это последний шанс для спасения казачества!!!»[1]

В апреле 1942 года, находясь в командировке в Берлине, Харламов вошел в контакт с личным докладчиком Розенберга инженером Хербертом Думпффом. *«Последний,* — как писал Харламов в письме Василию Глазкову, *— меня очень любезно принял, взял весь принесенный мной материал /программу Движения, статут, докладную записку о проведении программы, докладную записку о составлении отдельных казачьих частей, докладную записку о «Казачьем вестнике» и, наконец, докладную записку с просьбой об образовании особого казачьего реферата при министерстве Востока/»*[2].

---

[1] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 39. Л. 15—16.

[2] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 39. Л. 21.

Но самым важным среди всех этих документов была подготовленная специально для Розенберга докладная записка о казаках, которая начиналась следующими словами: «*Имеем честь предложить Вашему высокому вниманию настоящую Докладную Записку и просим не отказать занять определенное отношение к чаяниям Казачьего народа и уведомить о них высокие руководящие круги Великогермании, решающие в сей исторический момент судьбы Казачества, его исконных Земель и их положения в Новой Европе, под руководством Великого Вождя и Рейхсканцлера Адольфа Гитлера*»[1]. В этой записке и излагались некоторые мысли о возможной теории происхождения «казаков-арийцев».

В течение апреля—мая 1942 года Харламову удалось встретиться с доктором Марквартом — личным адъютантом Розенберга и с ближайшим помощником — сподвижником Розенберга — Шикаданцем. Вскоре ему также посчастливилось установить контакты с руководителем остотдела Министерства пропаганды доктором Таубертом и его ближайшим помощником Штаном. Но самым, пожалуй, важным достижением Петра Харламова было то, что ему удалось встретиться с начальником штаба шефа СС Гиммлера — генералом Вольфом, который «*настолько заинтересовался нашим вопросом, что взял с собою весь материал при отъезде в ставку к Вождю*»[2], и с рейхсляйтером Борманом. Важную роль сыграло и знакомство с бароном фон Клейстом — офицером немецкой контрразведки. Барон, знавший не понаслышке о том, как умеют воевать казаки (по его предложению уже были созданы казачьи части на Восточном фронте), считал, что нужно как можно быстрее разрешить казачий вопрос, и даже пообещал, что «если казаки себя хорошо зарекомендуют,

[1] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 43. Л. 1.

[2] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 39. Л. 23.

то он гарантирует, что казачий вопрос поставлен будет непосредственно перед ВОЖДЕМ»[1]. Все это, а также то, что немцам было просто необходимо идеологически обосновать факт использования казаков на фронте в качестве союзников, и послужило поводом к разработке новой теории о казачьем происхождении.

11 мая в очередном письме-отчете о проделанной работе Харламов торжествует: «*После того как Розенберг подробно ознакомился с положением казачьего вопроса, с его программой и целями, он дал предписание директору вышеуказанного научного института* («Институте фон Континенталь Форшунг». — ***П.К.***) *доказать происхождение черкасского /казачьего / народа от ГОТТО-ЧЕРКАССОВ, ни в коем случае не упоминая присутствия славянского или тюркского элемента в образовании этого народа. Одновременно доказав присутствие готского элемента в образовании казачьего народа, что дает основание утверждать родственность черкассов и германцев! Черкасский народ населяет территорию между Южным Бугом, Кавказским хребтом /со включением Азербайджана и Дагестана/ с одной стороны, и за Волгу на восток с другой стороны. Создание монолитного целого из мужицкого украинского элемента считается нецелесообразным! Есть данные предполагать, что считается жизненным образование единого государства под протекторатом Германии на территории, населяемой Черкассами. Таким образом, не нам придется доказывать, что мы особый народ, а этим теперь занялся научный немецкий институт по указанию самого министра... Вовремя правильно взятое нами направление на черкассов признается ПРАВИЛЬНЫМ... Наш казачий вопрос из области второстепенного зна-*

[1] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 39. Л. 16.

чения для Германии в теперешнем его виде приобретает значение ЕВРОПЕЙСКОЙ ПРОБЛЕМЫ»[1].

Казачий резидент в Берлине, конечно, несколько поторопился. До конца войны казачий вопрос так и не стал для покровителей-немцев по-настоящему европейской проблемой. О казаках, как правило, вспоминали либо чиновники из восточного министерства, которым это было положено по долгу службы, либо армейские или эсэсовские руководители, которым надо было любыми средствами переломить ход неудачно складывающейся для них войны. Что же касается упомянутого в письме некоего единого государства на территории, населяемой черкассами, то тут Петр Харламов выдал желаемое (создание Великой Казакии) за действительное.

Позднее в эту пресловутую теорию был добавлен еще один весьма немаловажный фактор. Оказывается, в противоположность другим народам казачьи предки не только никогда не уходили со своих земель, но еще и защищали их от завоевательных стремлений Москвы и других враждебных соседей, являясь крепким оплотом арийской культуры на востоке Европы[2]. В июне 1942 года из-под пера давнего приятеля Розенберга, известного в эмиграции профессора Никурадзе, вышло объемное исследование, посвященное историческому прошлому, настоящему и будущему этого странного народа. А вскоре в казачьей прессе появилась целая серия материалов аналитического характера, в которых читателям рассказывалось о том, почему «гордый народ, живущий в Великой Казакии, должен занять достойное место в составе Новой Европы» (*см. Приложение 2.1*).

---

[1] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 12. Л. 13.

[2] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 106. Л. 28.

Глава 3

ОККУПАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ НА ТЕРРИТОРИИ ДОНА, КУБАНИ И ТЕРЕКА

Удачное летнее наступление 1942 года позволило дивизиям вермахта выйти к Волге и прорваться на исторические территории расселения донских, кубанских и терских казаков. Ростов-на-Дону советские войска оставили 23 июля, а Краснодар 12 августа. У германского политического руководства, чиновников из восточного министерства и военного командования появилась наконец-то реальная возможность определиться и показать на практике, кто же такие для них казаки и какая политика по отношению к ним будет проводиться.

Как уже было сказано, все оккупированные территории СССР делились на области с военным и гражданским управлением, но и в том, и в другом случае вся полнота власти принадлежала исключительно немецкой военной или гражданской администрации. Так как весь Северный Кавказ находился в прифронтовой зоне, управлялся он военными властями, и верховная власть принадлежала здесь главному командованию сухопутных войск вермахта. Непосредственно в районе боевых действий функции исполнительной власти возлагались на командиров дивизий, корпусов и подчиненные им войска. В находившемся за ним на глубине от 20 до 50 км армейском тылу назначался специальный комендант, которому подчинялись охранные части. В рамках каждой группы армий создавался тыловой район, начальником которого обычно являлся командир одного из армейских корпусов.

На захваченных территориях Дона, Кубани и Терека в течение всего времени оккупации сохранялось

военное управление. Вся власть принадлежала здесь немецким военным комендатурам: полевым (фельдкомендатурам) и местным (ортскомендатурам) (*см. схемы 5 и 6*). Оккупационные органы власти возглавлял военный комендант, обладающий неограниченными полномочиями, распространяющимися не только на военно-полицейскую, но также на хозяйственную и культурную сферы жизнедеятельности. Комендант отвечали за расквартирование и снабжение немецких войск, соблюдение порядка на подконтрольных территориях и выполнение приказов вышестоящего командования, формировали вспомогательную полицию из числа местного населения и гражданские административные учреждения, следили за выпуском газет и отвечали за охрану важных военных и гражданских объектов. Местные комендатуры в населенных пунктах создавались штабами действующих частей вермахта. Они поддерживали тесную связь с гестапо и имели в своем составе следующие отделы: военный, полиции и карательных отрядов, сельскохозяйственный, транспортный, регистрации и прописки населения, по делам военнопленных, финансовый и другие. При комендатуре действовала команда охраны, группа связных-мотоциклистов, писари, переводчики, а также агентурная сеть. Районные и городские комендатуры возглавляли офицеры вермахта.

Специальные полномочия на всей оккупированной советской территории имели ведомства Гиммлера, выполнявшие полицейские и репрессивные функции, и Геринга, обеспечивавшие снабжение армий за счет местных ресурсов. Среди первых выделялась тайная политическая полиция Германии — гестапо, которое выявляло противников режима, контролировало деятельность других полицейских формирований, проводило карательные акции и выполняло прочие функции. На оккупированной территории также действовали дивизии охраны тыла, полицейские полки и бата-

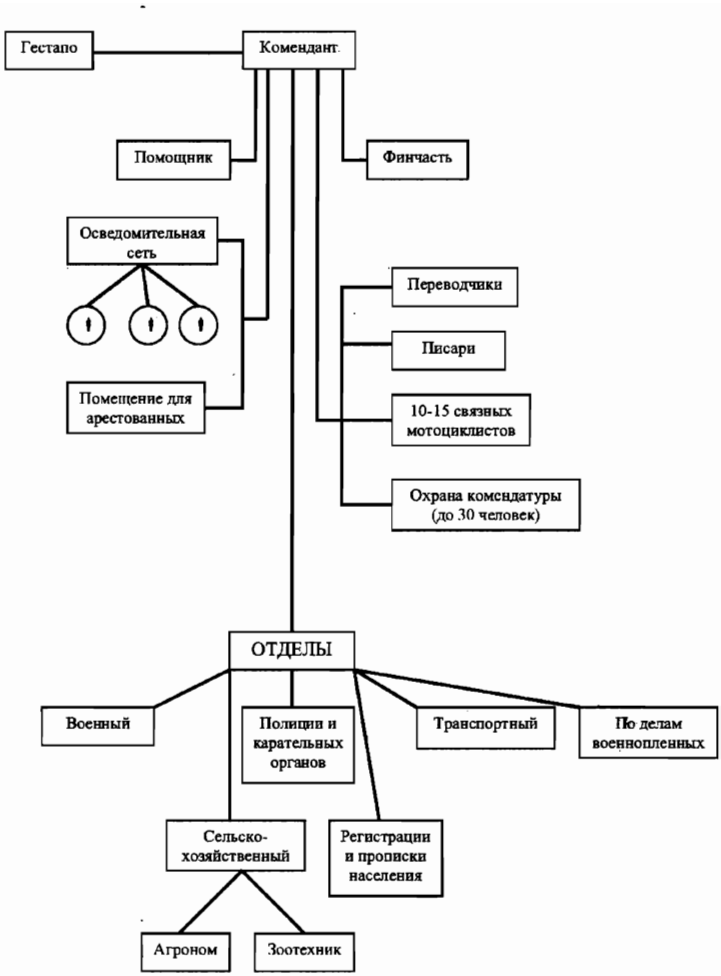

Схема 5. Организация германской местной военной комендатуры на Кубани в период оккупации[1]

[1]РГАСПИ. Ф. 625, ОП.1. Д.7. Л. 144.

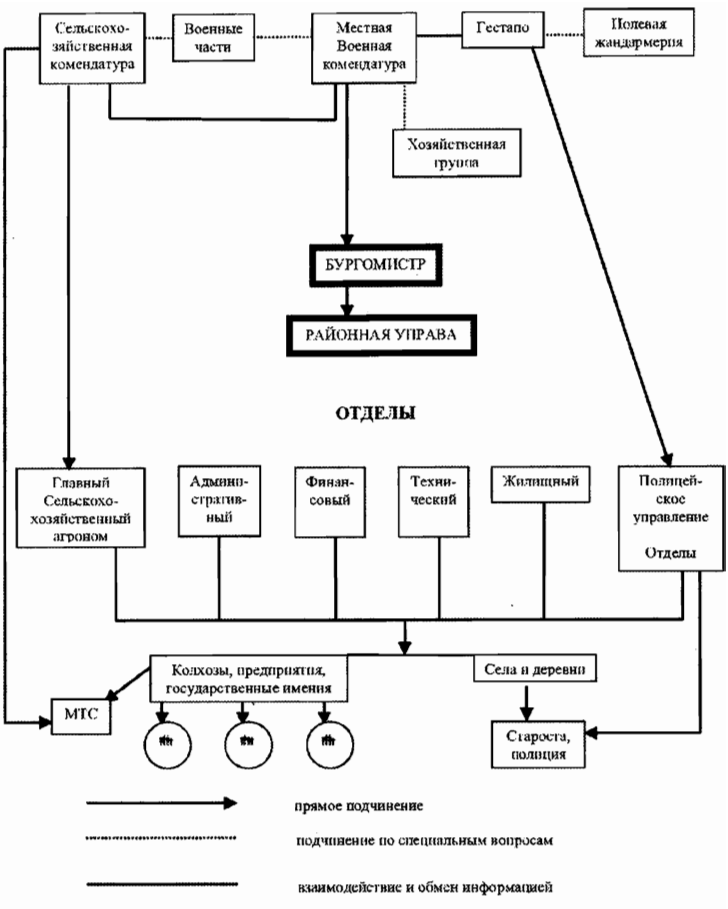

Схема 6. Организация управления оккупированными сельскими районами Кубани[1]

[1]РГАСПИ. Ф. 625. ОП.1. Д. 7. *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. М., 2000.

льоны, полевая жандармерия, полицейские и карательные части.

Немецкому коменданту напрямую подчинялись органы власти на местах — районные и городские управы, возглавляемые бургомистрами, которые, как правило, выбирались из местных жителей. Немецкие оккупационные власти отводили органам местного управления исключительно вспомогательную роль. В их обязанности входило: выполнение приказов и распоряжений немецких властей, поддержание порядка, организация полиции, сбор оружия, арест лиц, подозреваемых в связях с партизанами, регистрация населения, восстановление работы учреждений и предприятий, ремонт ветхого жилья, поврежденных сельскохозяйственных орудий и машин. Бургомистры были обязаны следить за затемнением окон и дверей. В то же время им запрещалось проведение любых самостоятельных мероприятий по преобразованию существующего порядка, управления и по переделу земли, скота и запасов. Районные бургомистры также были обязаны следить за выполнением старостами деревень сельскохозяйственных поставок, проведением необходимых агротехнических мероприятий, благонадежностью крестьян. Бургомистр имел право накладывать штрафы (до 5 тысяч рублей), но при этом не мог наказывать германских подданных, которые подлежали дисциплинарному взысканию только со стороны немецкой комендатуры. Управы состояли из отделов: административного, финансового, промышленного, торгового, транспортного, земельного, жилищного, дорожного, строительного, коммунального и т. д. Различия в структуре и количестве отделов зависели от численности населения, специфики хозяйственного района или города. В крупных городах, делившихся на районы, также вводились должности районных старост. Городские бургомистры назначали в каждом квартале специальных уполномоченных — квартальных, а в каждом доме — ответст-

венных (комендантов), в чьи обязанности входило соблюдение порядка и правил общежития, санитарных и противопожарных инструкций. Их деятельность контролировал начальник полиции.

На низших ступенях власти находились старосты населенных пунктов и колхозов, которых впоследствии стали заменять на станичных и хуторских атаманов. Весьма красноречивый пример подобной смены власти приводит в своих воспоминаниях казак, скрывающийся под псевдонимом И. В.: *«Прошло две или три недели* (после прихода немцев. — ***П.К.***), *стали собираться казаки, со всех сторон пошли разговоры — староста был для казаков «не по пути»... Ознакомившись с настоящим положением жизни, среди казаков образовалась инициативная группа... Пошли в район к немецкому коменданту... Все подробно рассказали. Он выдал нам документ. По возвращении в станицу передали этот документ старосте, чтобы эта власть нам все сдала. После того как мы все приняли, мы должны были донести коменданту, затем приступили к выборам атамана»*[1]. Замена старост на атаманов осуществлялась исключительно на территории Дона, Кубани и Терека и по инициативе самих казаков, которая, правда, нашла поддержку у немецких властей. С 1 января 1943 года все атаманы — хуторские, станичные, районные (окружные) — на казачьих землях стали официально называться не старостами, а атаманами хуторов, станиц и т. д.

Военно-экономический аппарат на оккупированных территориях находился под командованием вермахта. В тыловых прифронтовых районах структура военно-экономического аппарата включала в себя хозяйственные инспекции, закрепленные при командую-

---

[1] *И.В.* Приход немцев на Кубань. В кн.: Сборник материалов о выдаче казаков в Лиенце и других местах в 1945 году / Под редакцией В. Науменко. Выпуск 18. Нью-Йорк, 1959. С. 27.

щих тылом армейских групп, хозяйственные команды при охранных дивизиях, хозяйственные группы при полевых комендатурах. В состав хозяйственной команды входили начальник — офицер и специалисты самых разных экономических отраслей. В ее подчинении находились подразделения по охране орудий производства и сырья, инженеры для руководства сельскохозяйственными предприятиями и МТС. Хозяйственная группа состояла из начальника — офицера, подчиненного военному коменданту, и консультантов по вопросам промышленности, сельского хозяйства и экономики в целом. В армейском тылу и в районе боевых действий решение экономических вопросов возлагалось непосредственно на военное руководство — 4-й экономический отдел штаба армии (административно-хозяйственный отдел управления военного хозяйства и вооружения). Ему подчинялись технические батальоны, части экономической разведки и хозяйственные группы при полевых комендатурах.

Важное место в структуре аппарата оккупационной власти занимали органы управления сельским хозяйством. Ключевая роль в данной сфере также отводилась исключительно немецким учреждениям и инициативам — никакая «самодеятельность» не допускалась. Начальник специальной сельскохозяйственной команды (немец) контролировал работу краевого сельскохозяйственного управления, которое, в свою очередь, было проводником германской аграрной политики. Так, например, Краснодарский край делился на 10 областей, каждую из которых возглавлял специальный сельскохозяйственный комендант — обязательно немец. Главный агроном как руководитель сельского хозяйства района и начальник МТС назначались немецким сельскохозяйственным комендантом. На районного руководителя сельского хозяйства возлагалась ответственность за работу колхозов и МТС, сельскохозяйственных предприятий и учреждений по заготовке

и сбыту сельхозпродукции. Его штат включал агронома, зоотехника, ветеринара, землеустроителя и статистика. Агрономы совхозов и колхозов отвечали за уборку, обмолот и сдачу хлебов, сохранность скота и семенного фонда, подготовку складских помещений, инвентаря, сельскохозяйственной техники, а при отсутствии таковой — за организацию ручного труда. Они несли ответственность перед бургомистром или старостой за бесперебойную работу и беспрекословное выполнение всех поручений и предписаний германских сельскохозяйственных руководителей.

Жизнь в оккупации — вот через что предстояло пройти казачеству. Несмотря на то что прошло уже много лет, до сих пор еще очень сложно оценивать многие события, которые имели место в то страшное время. Немецкая оккупация и жизнь простых советских людей на оккупированных территориях — еще крайне мало изученная и неисследованная тема Великой Отечественной войны. Как бы ни пытались некоторые исследователи утверждать, что для многих народов СССР, в том числе и для казаков, немецкая оккупация была сродни глотку свежего воздуха после сталинских репрессий, это было далеко не так.

Привычная и размеренная жизнь казачества, которая только начала понемногу восстанавливаться на Дону, Кубани и Тереке после тяжелых лет становления советской власти, снова была нарушена, ведь пришли новые хозяева. Для многих сотен тысяч людей жизнь в оккупации закончилась трагически. Кто-то был убит немцами за сотрудничество с партизанами, с кем-то расправились партизаны за сотрудничество (иногда — во спасение своей жизни и жизни своих близких) с немцами. Многие, очень многие умерли от голода, холода и постоянных унижений.

Безусловно, на оккупированных территориях были граждане, обиженные советской властью. Такие восторженно встречали приход оккупантов, мечтая, что

вот теперь наконец-то смогут поквитаться со своими обидчиками. Ближайшими помощниками немцев становились именно эти люди. Это они занимали важные посты в новой администрации, это они свирепствовали в полицаях, это они доносили на соседей, обвиняя их в действительной или мнимой связи с коммунистическим подпольем и партизанами. Для большинства же мирных жителей жизнь на оккупированных территориях сводилась к тому, чтобы не попасть под пули, добыть хоть немного хлеба, картофеля или других продуктов для себя и своей семьи, раздобыть теплые вещи — чтобы выжить.

Важно помнить, что возможность выживания в немецкой оккупации в огромной степени зависела от этнической принадлежности человека. Тщательно разработанная расовая доктрина германского национал-социализма не оставляла места на земле народам, лишенным родины, — евреям и цыганам. Далее по этой страшной шкале шли поляки, численность которых должна была быть резко уменьшена, а государственность уничтожена. Русских и белорусов немцы, так же как и поляков, считали «недочеловеками», но они пользовались преимуществом перед поляками при назначении в органы управления на оккупированных территориях. При этом жители Западной Белоруссии почему-то казались немцам более благонадежными. Более высокую ступень расовой пирамиды занимали литовцы и украинцы, но и они не считались «арийскими народами». Этой чести в СССР удостоились только эстонцы, латыши, татары Крыма и Поволжья, калмыки, ингуши, чеченцы и некоторые другие народы Северного Кавказа и Закавказья. Были среди них и казаки. Еще выше должны были располагаться переселенцы из Европы, которыми планировал заселить советские территории Адольф Гитлер, и, наконец, на самой вершине находились фольксдойче. Именно их немцы предпочитали назначать на высокие административ-

ные и хозяйственные посты в германской оккупационной администрации.

Осенью 1942 года, когда немецкие части уже полностью оккупировали территорию Кубани и Дона, Советское правительство через газету «Правда» обратилось к «казакам тихого Дона, быстрой Кубани и бурного Терека» с призывом *«вступить в беспощадную борьбу с немецкими захватчиками»*[1]. Советское правительство имело справедливые опасения, что большая часть некоторых кавказских народов и татары встанут на сторону германского агрессора (это в принципе и произошло), но в казаках оно было полностью уверено. Более того, на них рассчитывали как на основной резерв для партизанских отрядов. Как писал один из западных казачьих обозревателей: *«Конечно, у них были свои обиды* (на советскую власть. — ***П.К.***), *но они русские. Конечно, найдутся некоторые крысы из нас, но не много»*[2]. Советское правительство и этот неизвестный журналист, в общем, не ошиблись, — подавляющая часть казаков не сотрудничала с немцами. Лишним доказательством служит тот факт, что только в районе Краснодара действовало 87 партизанских отрядов[3], многие из которых состояли из казаков.

Тем не менее из местного казачьего населения все-таки выделилась довольно большая группа людей, встретившая немцев восторженно в надежде на то, что с ненавистными коммунистами наконец-то будет навсегда покончено. Как правило, это были казаки, а иногда и целые казачьи станицы, наиболее сильно пострадавшие от коллективизации, сталинских репрессий или политики расказачивания в годы Гражданской войны.

Сегодня практически невозможно произвести точ-

---

[1] *Longworth P.* The Cossacks. Constable, 1969. C. 330—331.

[2] *Longworth P.* Op. cit. C. 331.

[3] *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация 1941—1944. М., 1974. С. 259—260.

ный подсчет тех, кто так или иначе сотрудничал с врагом на оккупированных территориях Дона, Кубани и Терека, а кто находился в подполье и вел героическую освободительную борьбу. Данные на этот счет весьма противоречивы, и даже тщательное изучение архивных документов не всегда может помочь в восстановлении истины. Некоторые документальные материалы есть только по членам коммунистической партии. По официальным данным, всего на оккупированной территории Ростовской области без ведома партийных организаций (то есть без специального задания) осталось около 10 тысяч коммунистов. Установлено, что примерно 40% из них уничтожили во время оккупации свои партбилеты или сдали их в гестапо. В результате после освобождения в 1943—1944 годах из партии были исключены 5 тысяч 19 человек. Это 55% всех рассмотренных дел, из них: 231 человек «продались немцам», 258 — имели связи с изменниками Родины, 2990 — самовольно остались на оккупированных территориях и не выполнили директивы партии[1]. Разумеется, из партии исключали не только тех, кто так или иначе сотрудничал с немцами, но даже и тех, кого немцы арестовали, а потом по каким-либо причинам выпустили. При этом в 1943—1944 годах советскими правоохранительными органами арестованы и осуждены были всего-навсего 243 бывших комсомольца и 338 бывших коммунистов[2].

В Шовгеновском районе Краснодарского края из 185 членов и кандидатов партии на оккупированной территории остались 97 человек, 49 впоследствии исключили «за активную работу на оккупантов, измену Родине и предательство»[3]. Можно привести еще один

---

[1] Центр государственной документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 9. ОП. 1. Д. 545. Л. 38.

[2] ЦДНИРО. Ф. 9. ОП. 1. Д. 323. Л. 71.

[3] *Кринко Е. Ф.* Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942—1943). Майкоп, 2000. С. 140.

пример, который говорит сам за себя. В Батайском городском Совете депутатов трудящихся на учете до оккупации состояло 129 человек. Вскоре после освобождения 20 марта 1943 года регистрация была проведена вновь, и выяснилось, что из них с немцами уехал только 1 человек, еще 3 были арестованы и осуждены советской властью, а 14 человек погибли в застенках гестапо[1]. Проанализировав эти цифры, можно предположить, что большая часть партийцев, да и простого населения, с немцами все-таки не сотрудничала. Даже те, кто впоследствии был изгнан из партии или подвергся каким-либо административным взысканиям, чаще были не предателями, а просто не решались вести партизанскую борьбу, проще говоря, испугались, за что и были наказаны. И лишь незначительная часть коммунистов и комсомольцев были арестованы и впоследствии осуждены.

Во время германского летнего наступления 1942 года антисоветски настроенные группы казаков лишний раз доказали, что не зря немцы так высоко их поставили в своих расовых разработках. При больших и малых штабах действующей армии находились так называемые казачьи добровольные советники, которые оказали немцам неоценимую помощь. *«Ничего подобного немцы нигде не встречали,* — вспоминает непосредственный участник событий П.Н. Донсков, — *такой сноровкой и широтой военных познаний не обладал в своей массе ни один народ»*[2]. Почти из каждой станицы навстречу немецким частям выходили казаки и старались помочь: кто вброд переведет, кто партизанский склад оружия покажет, кто дорогу, а кто и хлеб-соль поднесет. Немцы не забыли своих неожиданных союзни-

[1] ГАРО. Ф. 3737. ОП. 3. Д. 85. Л. 487.

[2] *Донсков П.Н.* Дон, Кубань и Терек во Второй мировой войне. С. 494.

ков и сразу же после занятия большей части казачьих территорий обратились к их жителям со специальным, весьма многообещающим воззванием: «*Казаки Дона, Кубани, Терека, Урала! Где Ваши отцы и старшие братья? Кто овладел вашими станицами? Кто отнял у вас ваши Земли, хутора, коней, шашки и вместе с тем вашу казачью честь? Все это сделали жиды и коммунисты! Славная, непобедимая Германская Армия вернет вам ваши казачьи земли, ваш быт и ваши лихие казачьи песни. Германское правительство гарантирует всем принявшим участие в освобождении с оружием в руках, что будут уничтожены колхозы. Казаки Дона, Кубани, Терека, Урала, пробил великий час освобождения! Кто находится в тылу, организуйте партизанские отряды, чтобы бить врага сзади, кто находится на фронте, поворачивай коня и бей вместе с нами смертельных врагов Казачества — жидов и коммунистов*»![1]

Пожалуй, одной из главных причин такого восторженного приема со стороны определенной части казачьего населения было то, что немцы сразу же по пришествии на казачьи земли начали проводить, по крайней мере внешне, довольно лояльную политику по отношению к ним. «*Военные комендатуры*, — отмечает в своих воспоминаниях казак В.С. Дудников, — *предложили казачьему населению избрать атаманов и возродить атаманское правление, открыть церкви. Это был гром среди ясного неба и радость среди раздавленного большевистским геноцидом казачества*»[2]. На местах повсюду прошли выборы станичных, а кое-где — окружных атаманов, которые, правда, в боль-

---

[1] Казачий вестник. 1942. № 16 (22). 15 августа. С. 1.

[2] *Дудников В.С.* Воспоминания старого казака о пережитом и размышления о настоящем // В сб.: Материалы по истории русского освободительного движения 1941—1945. Под общей редакцией А.В. Окорокова. Вып. 1. М., 1997. С. 329.

шинстве случаев не обладали реальной властью и полностью контролировались офицерами немецкой разведки. Так, на Дону первый официальный станичный атаман был выбран в станице Елизаветинской. По результатам общего собрания им стал репрессированный при советской власти — некто Куролимов. Во многих местах проводилась регистрация казачьего населения.

Необходимо отметить, что выборы мнимых атаманов так и остались, пожалуй, единственной из вновь обретенных казаками привилегий. Эти праздничные дни обставлялись очень торжественно, ведь именно во время выборной церемонии простые казаки должны были снова почувствовать себя сильными и независимыми «детьми свободы». До нас дошло описание одного из таких торжественных дней — выборы атамана в станице Синявской Ростовской области: «*Хутор Синявка, Ростовского округа, в торжественной обстановке был переименован в станицу Синявскую. Его населению присвоены все вытекающие отсюда права и привилегии... Выборы станичного атамана производились по старинным казачьим традициям закрытой баллотировкой, в которой участвовали выборные от десятидворок казаки-станичники. Из шести кандидатов в станичные атаманы избран большинством голосов казак Потапов Ефим Иванович, бывший до этого станичным старостой... После сбора все присутствовавшие были приглашены отведать казачьего хлеба-соли. За столом провозглашались тосты и приветствия. Первый тост был предложен за освободительницу Дона — Германскую Армию и ее гениального вождя Адольфа Гитлера, за Тихий Дон и его бывшего войскового атамана П.Н. Краснова, за генерал-майора Кителя* (комендант Ростова-на-Дону. — ***П.К.***), *за Штаб Войска Донского и его начальника полковника С.В. Павлова*»[1].

---

[1] Голос Ростова. 1943. № 6 (65). 16 января. С. 4.

В крупных городах и станицах действовали некоторые подобия казачьих правительств (об их деятельности речь пойдет дальше). Во многих городах начали издавать и расклеивать на улицах газеты: в Таганроге — «Новое слово», в Ростове — «Голос Ростова», в Каменске — «Казачьи думы», в Миллерове — «Освобождение», в Морозовске — «Морозовские известия», в Пятигорске — «Пятигорское эхо», в Краснодаре — «Кубань». Большинство из них выходили довольно большими тиражами — по 5—10 тысяч экземпляров, а таганрогское «Новое слово» печаталось общим тиражом в 66 тысяч экземпляров, и тираж планировалось еще увеличить. Ко всему прочему, во многие города и населенные пункты доставлялись казачьи газеты из Европы. *«Из Новочеркасска и Ростова сообщают наши корреспонденты, что там «Казачий вестник»* (он издавался в Праге. — ***П.К.***) *расклеивается на главных площадях для более широкого ознакомления с ним Казачьего населения, которое в тысячах толпится около «Казачьего вестника» и с жадностью читает его строки»*[1].

Естественно, подобные пропагандистские действия привлекли многих казаков, которым в какой-то момент даже стало казаться, что пришел, наконец, «счастливый» момент восстановления «казачьей вольности». Благодаря такой, исключительно внешне лояльной, оккупационной политике немцев на Дону, Кубани и Тереке казаки чувствовали себя с каждым днем все более вольготно, и у них даже начали появляться иллюзии о том, что они постепенно становятся независимыми от новых властей, роль которых заключается лишь в том, чтобы освободить казаков от большевистского ига и помочь им снова встать на ноги. Для этого времени были характерны такие взаимоотношения между лидерами казачьего движения и представителями гер-

[1] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 49. Л. 91, свидетельство очевидцев.

манских оккупационных властей: «*Извольте объяснить вашим служащим, что они находятся на земле войска Донского... Вы должны все, начиная с вас, г-н Тикерпу, усвоить, что на нашей земле вы явление случайное, обусловленное только пребыванием иностранцев, временно оккупировавших Дон*»[1], — из разговора между П.Н. Донсковым и бургомистром Ростова-на-Дону господином Тикерпу. Вполне возможно, что Донсков немного преувеличивает степень жесткости и ультимативности разговора, но то, что казаки (особенно это касается тех, кто сразу же включился в активную «политическую» жизнь) в начале оккупации чувствовали себя почти хозяевами своей земли, сомневаться не приходится.

К сожалению, практически невозможно точно воспроизвести картину жизни простых казаков на оккупированных казачьих территориях. Все сведения, относящиеся к этому периоду, крайне недостоверны и противоречивы. В воспоминаниях казаков, пострадавших от советской власти и ждавших прихода немецких «освободителей», почти всегда можно найти положительные свидетельства: «*Первое впечатление от немцев*, — пишет в своих пространных воспоминаниях об оккупационном режиме на Кубани казак А. Сукало, после войны обосновавшийся в Кливленде, — *осталось прекрасное: подтянутость солдат, добротность обмундирования, безукоризненная дисциплина, уважение к чужой собственности и вежливое отношение офицерского состава к населению... Более чем шестимесячное пребывание в нашей станице оккупантов не ознаменовалось ни одним фактом грабежа или насилия. Наоборот, когда проходившая через станицу одна румынская часть ограбила нашу колхозную пасеку, то немцами была организована погоня за гра-*

[1] *Донсков П.Н.* Дон, Кубань и Терек во Второй мировой войне. С. 525.

бителями. Воры были пойманы, мед отобран и возвращен колхозу, а виновные были достойным образом наказаны»[1]. Можно привести еще несколько похожих свидетельств: «*В станице было тихо*, — вспоминает упоминавшийся выше кубанский казак И.В., — *спокойно. Немцы не делали никаких злоупотреблений вплоть до эвакуации»*[2]; «*На занятой территории немцы*, — утверждает еще один казак, после войны оказавшийся на Западе, — *образовали местную власть и полицию, стараясь сразу нормализовать жизнь»*[3]. Подобными панегириками пестрят воспоминания практически всех казаков, уцелевших после войны и оказавшихся за границей.

Естественно, советские пропагандистские статьи и официальные документы свидетельствуют об обратном. 18 января 1943 года на первом после освобождения заседании исполкома Миллеровского горсовета депутатов трудящихся были подведены некоторые неутешительные итоги пребывания немцев в городе: «*За 6-месячное пребывание в городе фашистские людоеды оставили страшные кровавые следы... Более 2 тысяч человек, главным образом молодежь, фашистские изверги угнали в рабство в Германию... Немецкие оккупанты завершили свои злодеяния почти полным разрушением города. Сожжена и взорвана городская больница и все лечебные учреждения, все школы города и библиотеки, предприятия, железнодорожный узел и сотни жилых домов»*[4]. Еще более страшную картину после освобождения можно было наблюдать в Рос-

---

[1] *Сукало А.* Немцы на Кубани // В кн.: «Сборник материалов о выдаче казаков в Лиенце и других местах в 1945 году. Под редакцией В. Науменко. Вып. 18. США, 1959. С. 19—20.

[2] *И.В.* Приход немцев на Кубань // Там же. С. 28.

[3] *Алексеевич М.* Немцы на Северном Кавказе и отход на Запад // Там же. С. 28.

[4] Государственный архив Ростовской области (ГАРО.) Ф. 3737. ОП. 3. Д. 37. Л. 3.

тове-на-Дону: «*...Немецкие захватчики оставили наш город с нанесенными ему значительными повреждениями. Груды обломков разрушенных и сгоревших зданий, воронки на мостовых и тротуарах, разбитые и поврежденные жилища, бездействие водопровода, канализации, освещения, наличие громадного количества мусора во дворах и т. д., такова картина района на момент изгнания фашистов*»[1]. Летом 1943 года, через полгода после изгнания немцев, в нескольких номерах газеты «Донской коммунар» была напечатана большая статья некоего Александра Рассказова, повествующая о «прелестях» фашистского оккупационного режима и об отношении немцев к казачеству: «*В Меркуловском пятнадцать немцев изнасиловали шестидесятилетнюю старуху... Зимой в Лиховидовском фашисты привязывали к тополям шесть колхозниц...*»[2]

После изучения подобных противоречивых свидетельств невольно возникает вопрос, кому же верить? Казакам-эмигрантам, которые всячески пытались оправдать свой выбор, или советским официальным документам и свидетельствам?

По всей видимости, истина лежит где-то посередине. Надо признать, что многим действительно удалось неплохо устроиться при немцах. Те, кто ждал прихода своих «освободителей», получили то, что хотели, — мнимую политическую свободу, возможность заняться собственным делом и перспективу участвовать в «восстановлении» жизни на казачьих территориях после освобождения от «большевистского ига». Действительно, почти во всех освобожденных городах и больших станицах на территории Дона, Кубани и Терека очень скоро стали открываться частные кафе, кондитерские, столовые, рестораны, пивные. Со временем начали

---

[1] ГАРО. Ф. 3955. ОП. 1. Д. 4. Л. 25.

[2] Донской коммунар (орган Базковского райкома ВКП(б)). 18 июля 1943. № 46. 18 июля. С. 2.

Подразделение 360-го полка фон Рентельна. Франция, март 1944 г.

Подразделение Бондаренко. Варшава, август 1944 г.

Построение одной из казачьих частей

Донская казачка

Ефрейтор
(приказный)
4-го Кубанского
полка
1-й казачьей
дивизии

Ефрейтор
конвоя генерала
Г. фон Паннвица

Казаки

Ефрейтор полка фон Рентельна. Март 1944 г.

Казак 2-го Сибирского полка 1-й казачьей дивизии, 1943 г.

Казак 6-го полка
1-й казачьей
дивизии
Г. фон Паннвица,
1943 г.

Казак одной из танковых частей вермахта на танцах

Казак-пулеметчик 6-го Терского полка
1-й казачьей дивизии

Капитан 3-го Кубанского
полка 1-й казачьей
дивизии

Кубанский казак

Подхорунжий
Добровольческого донского
казачьего полка,
1942–1943 гг.

Эту карточку казак
послал своей семье
в 1945 году
из Югославии

Казаки на Восточном фронте, 1943 г.

Казаки на отдыхе. Восточный фронт, 1943 г.

Полковник Вагнер

Похороны казака. *Справа* – генерал фон Панвиц. Хорватия, 1944 г.

Траурная процессия из казаков 1-й казачьей дивизии. Хорватия, 1944 г.

Священник благословляет восточных добровольцев.
Май 1943 г.

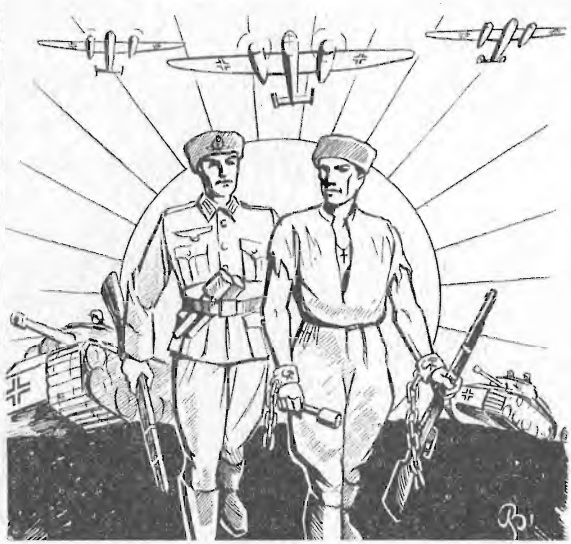

Отступление казаков с Северного Кавказа.
Январь 1943 г.

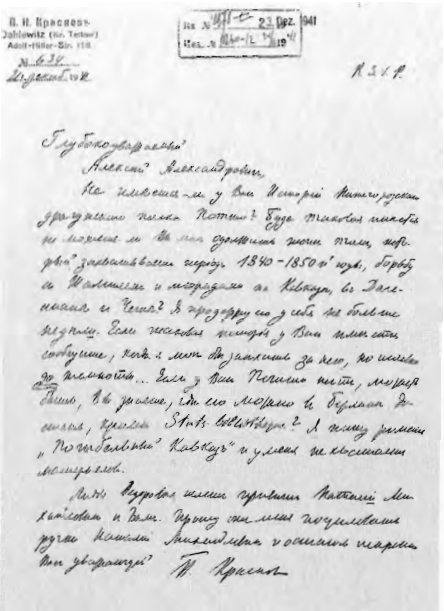
Нет таких цепей, которые бы могли сковать свободолюбивого казака!
Archiv „Der Kosakenhof".

Пропагандистские плакаты из казачьей прессы времен Второй мировой войны

Казаки знают теперь за что они борются. Знают также, кто друг им, а кто враг.
Archiv „Der Kosakenhof".

Письмо П.Н. Краснова

П. Н. Краснов
Jüterbog (Kr. Teltow)
Adolf-Hitler-Str. 118

Ins № 23 DEZ. 1941
Kto. № 19

№ 634
Ц. Краснов

Глубокоуважаемый
Алексей Александрович
На имеющемся у Вас Историческом Императорском
Дружинном полку Петра I будет только имелась
не полное и не все сражения моих Земляков, моих
дедов, замечательных периода 1840-1850 гг. годов, борьбу
на Кавказе, на Кубани, на Дагестане и Чечне. В предыдущем я себя не
буду. Если только интересно у Вас имеется
сообщение, когда и кто защищал за него, то имейте
до времени... Если у Вас только есть, материал
Ваш, в умении, что его можно и Германии до-
ставить, пришлите Stab Ost Berlin. Я живу далеко
„Почтовый Кавказ" и умею не пользоваться
материалом.
Мать Вторая имела прозвище Петрова Ми-
хайловна и Вам. Прошу не меня получить
друзей Николаевых и оставить старик
Ваш уважающий

П. Краснов

Приказ о назначении Хельмиха и Кестринга

приказом начальника Генерального штаба должность генерала Восточных войск переименована в должность генерала Добровольческих Войск. Генерал-лейтенант Хельмих принял командование одним из немецких соединений на фронте. Генералом Добровольческих Войск назначен генерал от кавалерии Кестринг.

Генерал Кестринг родился и воспитывался в России. В 1895 году генерал Кестринг вступил в пехотную армию и служил в 5 кирасирском полку. Во время мировой войны он работал в крупных штабах на Восточном фронте. После окончания войны он принимал участие в создании немецкой 100 000-й армии. В 1931-1933 гг. и с 1935 г. до начала войны с Советским Союзом он был военным и авиационным атташе в Москве. Через месяц после начала войны с Советским Союзом генерал Кестринг вернулся в Германию. Генерал Кестринг считается одним из лучших знатоков Советского Союза и населяющих его народов.

ДОБРОВОЛЬЦЫ И ЛЕГИОНЕРЫ!

Вступив в командование всеми Добровольческими частями, желаю т. е. офицерам и солдатам в новом году счастья, военного успеха и возвращения на освобожденную Родину.

Ваши цели и задачи остаются прежними.

Вам сегодня еще приходится бороться вдали от Родины. Пусть ваша часть на время военных действий заменит вам Родину. Чем больше вы будете любить свою часть, чем сплоченнее будут ваши ряды, тем ближе мы будем к нашей общей цели, тем скорее наступит момент нашего возвращения и своим семьям на родную землю.

Генерал Добровольческих Войск
Кестринг
Генерал от кавалерии

Ставка, 15. 1. 1944

ПРИКАЗ

СОЛДАТЫ!

Вы пришли добровольно в наши ряды и я рад был способствовать вашему объединению. Мы преследуем общую цель — борьбу против большевизма и плутократии. Нашу борьбу мы начали в тяжелое, но великое время. Будущие поколения оценят вашу неоценимую работу.

Принимая новое командование, я благодарю вас за вашу службу, борьбу, ваши жертвы и преклоняюсь перед героями, павшими во имя общего дела.

В союзе с Великогерманией вы победите!

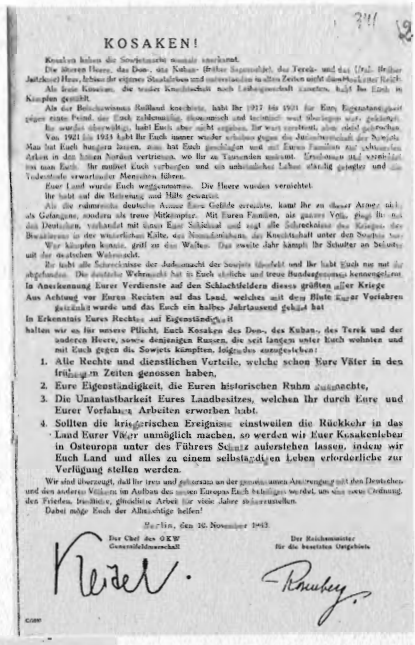
Оставайтесь твердыми, оставайтесь верными!

Желаю вам счастья в ваших успехах!

Генерал Восточных Войск
Хельмих
Генерал-лейтенант

Ставка, 15. 1. 1944

Подлинник казачьей декларации от 10 ноября 1943 г. (немецкий вариант)

KOSAKEN!

Kosaken haben die Sowjetmacht niemals anerkannt.

Die Steppen Heere, das Don-, die Kuban- (früher Saporoshier), das Terek- und das Ural- Heer Jahrhunderte lang, haben ihr eigenes Staatsleben und unterstanden in alten Zeiten nicht dem Moskauer Reich.

Als freie Kosaken, die weder Knechtschaft noch Leibeigenschaft kannten, half Ihr Euch in Kämpfen gewinnt.

Als der Bolschewismus Russland knechtete, kahl Ihr 1917 bis 1921 für Euer Eigentumsrecht gegen einen Feind, der Euch zahlenmäßig, ökonomisch und technisch weit überlegen war, gekämpft.

Ihr zwangt überwältigt, habt Euch aber nicht ergeben. Ihr wart verstreut, aber nicht gebrochen.

Von 1921 bis 1933 habt Ihr Euch immer wieder erhoben gegen die Unterdrückung der Sowjets. Man hat Euch hungern lassen, man hat Euch geschlagen und mit Euren Familien zu Zehntausenden Arbeit in den kalten Norden verbannt, wo für an Tausenden umkamt. Ermordungen und Verschleppungen von Euch. Ihr mußtet Euch verbergen und ein unheimliches Leben ständig gejagter und als Todeskandidat erwartender Menschen führen.

Euer Land wurde Euch weggenommen. Die Heere wurden vernichtet.

Ihr habt auf die Befreiung und Hilfe gewartet.

Als die ruhmreiche deutsche Armee Eure Gefilde erreichte, kam Ihr an dieser Armee nicht als Gefangene, sondern als treue Mitkämpfer. Mit Eueren Familien, mit ganzem Volk, flogt Ihr mit den Deutschen, verbandet mit ihnen Euer Schicksal und sagt alle Schrecknisse des Krieges, des Bewährens in der winterlichen Kälte, des Nomadenlebens, des Kameradschaft unter den Soldaten Vor- Wir kämpften konnte, griff er den Waffen. Das zweite Jahr kämpft Ihr Schulter an Schulter mit der deutschen Wehrmacht.

Ihr habt alle Schrecknisse der Judenmacht der Sowjets überlebt und Ihr habt Euch nie mit ihr abgefunden. Die deutsche Wehrmacht hat in Euch ehrliche und treue Bundesgenossen kennengelernt.

In Anerkennung Eurer Verdienste auf den Schlachtfeldern dieses größten aller Kriege

Aus Achtung vor Eueren Rechten auf das Land, welches mit dem Blute Eurer Vorfahren getränkt wurde und das Euch ein halbes Jahrtausend gehört hat

In Erkenntnis Eures Rechtes auf Eigenständigkeit

halten wir es für unsere Pflicht, Euch Kosaken des Don-, des Kuban-, des Terek und der anderen Heere, sowie denjenigen Kosaken, die seit langen unter Euch wohnten und mit Euch gegen die Sowjets kämpften, folgendes zuzusichern:

1. Alle Rechte und dienstlichen Vorteile, welche schon Eure Väter in den früheren Zeiten genossen haben,
2. Eure Eigenständigkeit, die Euren historischen Ruhm ausmachte,
3. Die Unantastbarkeit Eures Landbesitzes, welchen Ihr durch Eure und Eurer Vorfahren Arbeiten erworben habt.
4. Sollten die kriegerischen Ereignisse einstweilen die Rückkehr in das Land Eurer Väter unmöglich machen, so werden wir Euer Kosakenleben in Osteuropa unter des Führers Schutz aufrechten lassen, indem wir Euch Land und alles zu einem selbständigen Leben erforderliche zur Verfügung stellen werden.

Wir sind überzeugt, daß Ihr treu und zuverlässig an der gemeinsamen Anstrengung mit den Deutschen und den anderen Völkern im Aufbau des neuen Europa Euch beteiligen werdet, um eine neue Ordnung, den Frieden, friedliche, gliedliche Arbeit für viele Jahre sicherzustellen.

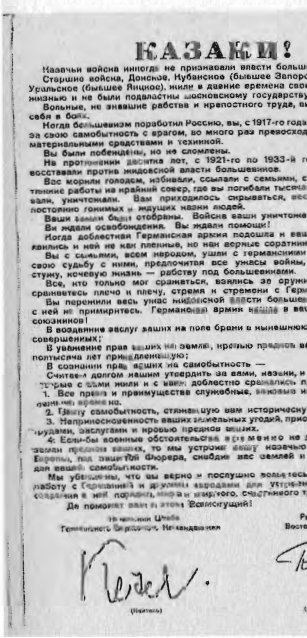
Dabei möge Euch der Allmächtige helfen!

Berlin, den 10. November 1943

Der Chef des OKW
Generalfeldmarschall

Der Reichsminister
für die besetzten Ostgebiete

Kopie

КАЗАКИ!

Казачьи войска никогда не признавали власти большевиков.

Старшие войска, Донское, Кубанское (бывшее Запорожское), Терское и Уральское (бывшее Яицкое), жили в давние времена своей государственной жизнью и не были подвластны московскому государству.

Вольные, не знавшие рабства и крепостного труда, вы, казаки, завоевали себя в боях.

Когда большевизм поработил Россию, вы, с 1917-го года по 1921-й, боролись за свою самобытность с врагом, во много раз превосходившим вас числом, материальными средствами и техникой.

Вы были побеждены, но не сломлены.

На протяжении десятка лет, с 1921-го по 1933-й годы, вы постоянно восставали против жидовской власти большевиков.

Вас морили голодом, избивали, ссылали с семьями, с малыми детьми на тяжкие работы на крайний север, где вы погибли тысячами. Вас расстреливали, уничтожали. Вам приходилось скрываться, вести жуткую жизнь постоянно гонимых и мучимых нами людей.

Ваши замки были отобраны. Войска ваши уничтожены.

Вы ждали освобождения. Вы ждали помощи!

Когда доблестная Германская армия подошла к вашим рубежам — вы явились к ней не как пленные, но как верные соратники.

Вы с сыновьями, всем народом, ушли с германскими войсками, связали свою судьбу с ними, предпочитая все ужасы войны, бивачи в зимнюю стужу, кочевую жизнь — рабству под большевиками.

Все, кто только мог сражаться, взялись за оружие. Второй год вы сражаетесь плечо к плечу, стремя к стремени с Германскими войсками.

Вы переняли весь умысел жидовской власти большевиков и вы никогда с ней не примиритесь. Германская армия нашла в вас честных и верных союзников!

В воздание вашего заслуг вашего на поле брани в нынешнюю величайшую войну совершенных;

В уважение прав ваших на землю, кровью предков ваших политую и вам полтысячи лет принадлежащую;

В сознании прав ваших на самобытность —

Считаем долгом нашим утвердить за вами, казаки, и ваши многодетные [illegible] с вами жили и с ними доблестно сражались права большевиков:

1. Все права и преимущества служебные, законом имели власть прежде в оном-то время на.
2. Вашу самобытность, стяжавшую вам историческую славу.
3. Неприкосновенность ваших земельных угодий, приобретенных потомками [illegible] заслугами и кровью предков ваших.
4. Если бы военные обстоятельства [illegible] мешало на допустили бы вас на земли предков ваших, то мы устроим вашу казачью жизнь на востоке Европы, под защитой Фюрера, снабдим вас землей и всем необходимым для вашей самобытности.

Мы убеждены, что вы верно и послушно [illegible] к общую дружную работу с Германией и другими народами для устройства Новой Европы и создания в ней порядка, мира и мирного, счастливого труда на многие годы.

Да поможет вам в этом Всемогущий!

10 ноября 1943

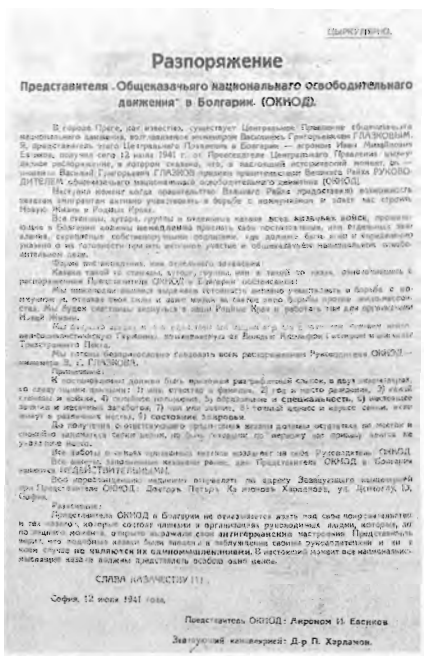
Начальник Штаба
Германского Верховного Главнокомандования

Райхсминистр
Восточных областей

(Кейтель)

(А. Розенберг)

Подлинник казачьей декларации от 10 ноября 1943 г. (русский вариант)

СЕКРЕТНО.

Разпоряжение

Представителя „Общеказачьего национальнаго освободительнаго движения" в Болгарии (ОКНОД).

В городе Праге, как известно, существует Центральное Правление общеказачьего национального движения, возглавляемое инженером Василием Григорьевичем ГЛАЗКОВЫМ. Я, представитель этого Центрального Правления в Болгарии — вторник Иван Алексеевич Есаков, получив сего 12 июня 1941 г. от Председателя Центрального Правления вышеуказанное распоряжение, в котором сказано, что, в настоящий исторический момент, вышеназванный Василий Григорьевич ГЛАЗКОВ признан правительством Великого Рейха РУКОВОДИТЕЛЕМ общеказачьего национально-освободительного движения (ОКНОД).

Настоящим имеем честь сообщить Великого Рейха предоставлена) возможность сделать эмигрантам активное участие в борьбе с коммунизмом и опять нас строить Новую Жизнь в Родном Крае.

Все станицы, хутора, группы и отдельные казаки всех казачьих войск, проживающие в Болгарии должны немедленно прислать свои представления, или отдельных своих членов, сохранивших собственную инициативу, где должно быть ясно и определенно указано о их готовности принять активное участие в общеказачьем национальном освободительном деле.

Форма представления, или отдельного заявления:

Каждая такая из станиц, хуторов, группы, или в такой по счету, присоединить к распоряжению Представителя ОКНОД в Болгарии составляется:

Мы нижеподписавшиеся заявляем готовность активно участвовать в борьбе с коммунизмом и, отдавая свои силы и жизнь нашу за святое дело борьбы против интернационала, мы будем счастливы вернуться в свой Родной Край и работать там для процветания Новой Жизни.

Мы, [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible]

развиваться и кустарные ремесла: сапожные, швейные, столярные, механические, парикмахерские и др. В крупных городах открывались даже небольшие галантерейные магазины, а вскоре появились и стали быстро набирать обороты и мелкие предприятия: мыловаренные, кожевенные, свечные, бытовой химии, горшечно-кирпичные и прочие. «*В последнее время в Екатеринодаре*, — отмечается в газетном репортаже с оккупированной Кубани, — *открылось кондитерское производство по выработке пирожных, кексов, пряников, тортов и других изделий. В Ейске, по инициативе директора консервного завода Фомина, был оборудован цех по выработке водки из арбузных отходов... Управление городского хозяйства в Екатеринодаре приступило к переименованию улиц города. В большинстве случаев улицы получают прежние названия. Целый ряд артистических бригад казачьих городов обслуживает на фронте солдат и офицеров Германской армии. Некоторые группы уже дали свыше 50 концертов*»[1].

Даже генерал П.Н. Краснов начал питать иллюзии, будто немецкий оккупационный режим вовсе не так страшен, что у казаков большое будущее в «Новой Европе». «*Имею сведения*, — пишет он 26 сентября 1942 года атаману Балабину, — *что на Дону: Новочеркасск совсем не разрушен и в нем нормальная идет жизнь, под управлением атамана Округа и городского головы, что собор, кроме куполов, с которых снята покрышка, цел, и в нем идут торжественные Богослужения, что Ростов разрушен только на 16%, что станицы восстанавливают свою жизнь и прежде всего восстанавливают свои храмы, а там, где они вовсе разрушены, приступили к постройке новых храмов, что примерно 2/3 казаков остались живы. Они скрывались в других губерниях, как рабочие и шахте-*

[1] Казачий вестник. 1943. № 4 (35). 15 февраля. С. 2—4; Казачий вестник. 1943. № 3 (34). 1 февраля. С. 1.

ры, и теперь возвращаются в родные станицы. В станицах избраны Атаманы, в округах Окружные атаманы, работающие с Германской Комендатурой в полном согласии, что более семи тысяч пеших и конных казаков сражаются вместе с немцами за свободу Тихого Дона, что по всем станицам учреждены станичные дружины, пешие и конные, которые борются с местными коммунистами... Да будет и дальше так! Да встанет Тихий Дон, и светлая Кубань, и бурный Терек, и станут жить так, как жили много сотен лет тому назад верные заветам предков»[1].

Те же, кто не мог жить с сознанием своей второсортности, с ежеминутным ожиданием смерти или надругательства, шли в партизаны и приближали в меру своих сил и возможностей день освобождения от немецких захватчиков. Но, как это часто бывает, тяжелее всех приходилось простым, мирным людям, которые хотели только одного — чтобы им не мешали спокойно жить и работать. Именно эта часть казачества, порой не зная о том, что в соседней станице действует новое «казачье» правительство, и уж подавно не зная, что они «истинные арийцы», голодала и была вынуждена отдавать последнее проходящим немецким частям, казачьим формированиям или партизанским отрядам. Именно на их плечи ложились все тяготы немецкого оккупационного режима. А о том, что он не был таким уже легким, как его иногда пытаются представить, свидетельствуют даже немецкие документы. Например, в письме-рекомендации Мартина Бормана Альфреду Розенбергу от 23 июля 1942 года относительно политики на оккупированных территориях, которое было написано по поручению Гитлера, говорится буквально следующее: «*...Опасность, что население оккупированных восточных территорий будет размножаться сильнее, чем раньше, очень велика... поэ-*

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 17. Л. 11.

тому мы должны принять необходимые меры против размножения не немецкого населения... Например, ни при каких условиях не должны проводиться прививки и другие оздоровительные мероприятия... По мнению фюрера, вполне достаточно обучать местное население... только чтению и письму. Ни в коем случае мы не должны какими бы то ни было мероприятиями развивать у местного населения чувство превосходства! Необходимо делать как раз обратное! Вместо нынешнего алфавита в будущем в школах надо ввести для обучения латинский алфавит»[1]. В качестве еще одного примера, очень точно характеризующего все тяготы немецкого оккупационного режима, можно привести таблицу «Суточных продовольственных норм для местного населения на 1942/ 1943 хозяйственный год»[2].

Согласно этим цифрам получалось, что рабочий, занятый на тяжелых работах, получал в день чуть больше калорий, чем сидящая на диете современная женщина (1000—1200 калорий в день необходимо представительницам прекрасного пола, желающим похудеть). Если учесть, что многие из перечисленных продуктов распределялись среди рабочих лишь на бумаге, получалось, что большая часть населения, не имеющая возможности заниматься самоснабжением, постоянно голодала.

Даже в крайне предвзятой и ангажированной газете казаков-националистов «Казачий вестник» время от времени наряду с победными репортажами с оккупированных территорий публиковались статьи, в которых показывалась и негативная сторона «новой» жизни: «*В первые дни торговля на Тереке начала только организовываться. Никто не знал ни цен, ни торговой политики, ни денег, ни товарных возможностей рын-*

[1] Совершенно секретно! Только для командования! С. 122—123.

[2] *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация 1941—1944. С. 211.

	Дети до 14 лет		Члены семей работающих, частично не работающие		Работающие		Рабочие, занятые на тяжелых работах		Рабочие, занятые на очень тяжелых работах (в шахтах, на разработке копей и т.д.)	
	1*	2**	1*	2**	1*	2**	1*	2**	1*	2**
Хлеб или зерно	Отдельно не учитывались	79	158	210	186	285	200	500	255	570
Жиры		—	—	7	—	10	8,5	18	8,5	35
Мясо		—	—	14	—	21	10,7	35	14	50
Картофель		180	350	350	425	500	425	640	570	640
Прочие продукты (в граммах)		12,5	25	—	28	35	32	57	35	71
Среднее количество калорий	ок. 400		800—850		1000—1250		1500—1900		1700—2100	

Основание:
1*. Распоряжение начальника оперативного тыла группы армий «Центр» от 3 октября 1942 г.
2**. Совместное распоряжение главного командования сухопутных войск, штаба экономического руководства «Восток» и имперского Министерства (оккупированных) восточных районов от 16 марта 1943 г.

ка. Люди приходили торговать поутру, приносили товар и вначале делали прогулку по базару для определения «курса торгового дня». Однако так продолжалось недолго. Германскими властями было установлено соотношение стоимости между рейхсмарками и советскими деньгами (1 марка = 10 рублей). Узаконено было обращение советских денежных знаков, и население призывалось к нормальной деятельности, к развертыванию свободной торговли. В последующие за этим дни и наличие продуктов и цены на базарах держались в приемлемых и благоприятных рамках... На Божий свет появились лица — юркие, алчные дельцы, для которых мутная вода — весь идеал, весь смысл их

человеческой деятельности. Эти «рыцари наживы» на горе других потащили с рынка по домам запасы муки, соли, подсолнечного масла, жиров и т. п. Начались какие-то закупки, переброски этих товаров с одного района в другой. Целое «мешочное паломничество». Вошла в моду скупка подвоза у врат города и последующая затем перепродажа (скупленного оптом) на рынке со 100—150% надбавкой... все это привело к немедленному вздутию цен и исчезновению ряда продуктов с базаров. С каждым днем в цифровую номенклатуру рыночных разговоров прибавлялись новые сотни рублей и дело доходило до 1000-ых цифр стоимости»[1].

Немецкая оккупационная политика на казачьих территориях постоянно менялась. С одной стороны, казакам разрешалось выбирать старост и атаманов, создавать небольшие отряды самообороны, а с другой — запретили распускать колхозы, строго наказали всех, кто сделал это самовольно, устанавливали малопригодные для нормального существования нормы снабжения продовольствием. В конечном итоге невнятная и нестабильная германская политика надоела даже тем, кто с радостью и надеждами на возвращение старого, еще дореволюционного уклада, встречал немецких «освободителей» летом 1942 года. Уже упоминавшийся А. Сукало так объясняет изменение отношения казачьего населения к немцам: «*Основной причиной разочарования явился, главным образом, отказ немцев в ликвидации колхозов... частые реквизиции у населения предметов первой необходимости... подрывавшие жизненный стандарт населения, усиливали недовольство. Наряду с этим забота о нуждах населения осуществлялась в крайне незначительном размере... Средние и высшие учебные заведения, под предлогом отсутст-*

[1] Казачий вестник. 1942. № 24 (30). 15 декабря. С. 2.

вия свободных помещений, не функционировали. Незначительное количество арестов, произведенное по инициативе казачьей полиции, среди лиц, подозреваемых в сочувствии коммунизму, систематически, по тем или иным причинам, отменялись распоряжением немецкой комендатуры»[1].

Немецкая администрация ввела огромное количество самых разных налогов, которые буквально разоряли и без того нищие казачьи хозяйства. Сразу же после Нового года, 7 января 1943 г., для всех оккупированных казачьих территорий были установлены строго регламентированные нормы сдачи молока, выполнить которые было практически невозможно. *«На основании указания Командования Областного сельскохозяйственного управления,* — говорилось в приказе, — *настоящим доводим до сведения всех держателей коров о нижеследующем: 1. Норма сдачи молока на 1-й квартал 1943 года (январь, февраль, март) Молочному комбинату устанавливается в количестве 100 литров в течение квартала. 2. При наличии второй коровы и больше — с каждой второй и последующей в 1-м квартале устанавливается норма сдачи по 150 литров»*[2].

Крестьяне, не выполнявшие поставок, подвергались наказаниям в виде штрафов и конфискаций. Так, например, за невыполнение нормы сдачи молока полиция конфисковала коров как «немолочных». Чтобы не допустить сокращения поголовья скота, всем владельцам запрещался самостоятельный убой, специальными распоряжениями было запрещено продавать птицу, позже последовали запреты на продажу рогатого скота, свиней, муки и зерна. Таким образом, оккупационные власти стремились контролировать продовольственные ресурсы не только колхозов, но и лич-

[1] *Сукало А.* Немцы на Кубани. С. 21—22.

[2] Голос Ростова. 1943. № 2 (61). 7 января. С. 4.

ных хозяйств, лишая их владельцев права распоряжаться личным имуществом. Помимо обязательных поставок, оккупанты нередко прибегали к дополнительным реквизициям продовольствия и имущества крестьян.

Если бы дело касалось исключительно молока и прочих продуктов, это еще можно было стерпеть, но немцы заставляли платить за все, — даже счастливые обладатели «четвероногих друзей» вынуждены были раскошеливаться. К сентябрю 1942 года дворняжка стоила 50 рублей в месяц (примерно 5 рейхсмарок), а породистая собака в два раза дороже[1]. Кроме того, казаков сильно раздражали различного рода приказы и постановления, которые ущемляли их человеческое достоинство и природную гордость. В некоторых городах, например в Майкопе, для передвижения по городу было необходимо иметь на правом рукаве белую повязку с черной полосой посередине, при этом в город без особого разрешения можно было попасть исключительно до 19.00[2]. На всей территории Краснодарского края местные власти без оформления соответствующих документов запрещали ловить рыбу и рубить плодовые деревья. Населению строжайшим образом воспрещалась охота, а за самогоноварение налагался штраф в размере от 3 до 5 тысяч рублей. Но все же особое недовольство у казаков вызвал запрет немецких властей на роспуск колхозов. Тем более что многие из тех, кто проявил инициативу и самовольно распустил ненавистные образования, были строго наказаны: вплоть до порки, арестов и даже расстрелов.

Политика восточного министерства в аграрной области на оккупированных территориях была сложной и во многом непоследовательной. Так, в 1941 году в целях захвата богатого колхозного урожая немецкие

[1] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 1045. Л. 38.

[2] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 1045. Л. 1—4.

оккупационные власти, несмотря на все свои обещания, полностью сохранили принцип коллективного труда и не предпринимали даже малейших попыток изменить существующий строй. Военные комендатуры повсеместно издавали приказы: «Уборку и обмолот хлебов производить существующим до сего времени порядком, т. е. коллективно»[1].

15 февраля 1942 года Альфред Розенберг подписал документ под названием «Новый аграрный порядок», в котором предусматривалось преобразование всех колхозов в общинные хозяйства, подчиняющиеся немецкой администрации, совхозы переименовывались в государственные имения, а МТС — в сельскохозяйственные опорные пункты. Суть этого закона сводилась к следующему: отменялись все законы и декреты советского правительства, касающиеся коллективных хозяйств; земля переходила в ведение германского сельскохозяйственного ведомства и должна была обрабатываться крестьянскими общинами под руководством управляющих. То есть даже те отдельные «правильные» крестьяне, которые уже получили для индивидуального пользования бывшую колхозную землю (в некоторых местах особо отличившихся поощряли небольшими земельными наделами), разделенную на полосы, обязаны были объединяться в товарищества по обработке земли, а по сути — в те же коллективные хозяйства. Единственным (и весьма сомнительным) преимуществом этой системы землепользования перед советской было то, что крестьянин мог иметь небольшой приусадебный участок, официально не облагаемый налогами (военные реквизиции не в счет), и держать некоторое количество скота. И лишь в далекой перспективе планировалось создание сельскохозяйственных кооперативов, представляющих собой объединения индивидуальных хозяйств, из которых впоследст-

[1] Цит. по: *Соколов Б.В.* Оккупация. М., 2002. С. 314.

вии должны были естественным путем выделиться частные единоличные хозяйства. Все это, однако, было весьма далекой перспективой.

В различных оккупированных регионах немцы пытались провести аграрную реформу по-разному. На Украине они осторожничали, так как очень боялись резкими переменами дезорганизовать производство в этом богатейшем сельскохозяйственном регионе; в Белоруссии действовали более решительно и в большинстве районов даже произвели раздел земли, однако единый принцип при этом не соблюдался. В некоторых районах крестьяне получали лишь по две десятины, а остальная земля оставалась в общинном фонде, из которого жаловали всех, кто отличился перед оккупантами. В большинстве же районов России нововведения чаще всего ограничивались тем, что немного увеличивались приусадебные участки, но сохранялись колхозные структуры. Администрация неслучайно стремилась сохранить колхозы, изменив лишь название. Ведь она оставляла за собой право устанавливать объемы поставок сельхозпродукции, за выполнение которых община несла коллективную ответственность — это было гораздо удобнее, чем иметь дело с отдельными хозяевами.

Естественно, казаки были крайне недовольны тем, что время идет, а ничего из обещанного оккупационными властями в отношении отмены колхозного строя не происходит. А ведь сразу же после прихода немцев среди населения Ростовской области начали распространяться весьма многообещающие листовки, фотоальбомы и брошюры. 17 августа 1942 года недавно созданный отдел земледелия города Ростова опубликовал воззвание к крестьянам, произведшее фурор. «*У вас не было самого главного — собственности*, — говорилось в этом послании. — *Ваш двор и Ваши приусадебные участки уже являются Вашей собственностью. Размеры приусадебных участков будут увеличены. Уже после окончания уборки урожая начнется выде-*

ление и закрепление приусадебных участков, и постепенно будет охвачено все крестьянское население. Главное — колхозы будут уничтожены. Постепенно в одной деревне за другой будет общинная земля предоставляться для пользования отдельным семьям»[1].

Естественно, после таких обещаний казаки со дня на день ждали окончательного упразднения колхозной системы. Но они ошибались, на большей части казачьих территорий колхозная система была полностью сохранена. Более того, на некоторых территориях она была еще и ужесточена: «*Все колхозы*, — описывается в партизанской разведсводке с оккупированной территории Кубани, — *по приказу коменданта функционируют по прежней колхозной структуре. Для всех колхозников, рабочих и служащих обязательный выход на полевые работы, причем установлены часы работы с 6.00 до 19.00, с 19.00 до 20.00 время прихода домой. С 20.00 по всякому появившемуся в населенном пункте открывается стрельба без предупреждения. По приказу коменданта колхозники, рабочие и служащие на полевые работы обязаны являться со своими продуктами питания. В колхозе разрешено питаться за счет колхозных фондов только кукурузой, и то в минимальной норме. Каждый колхозник, рабочий и служащий, имеющие коров, обязан ежедневно сдавать на сборный пункт 2 литра молока с коровы и 5 штук яиц в неделю с каждой курицы. За несвоевременную сдачу расстрел»*[2].

И лишь в некоторых местах (единичные случаи) колхозы начали ликвидироваться. В этих случаях каждый колхозник получал в личное пользование 1 гектар земли. Иногда немцы разрешали раздавать общественный скот и имущество, отобранное при коллективизации, но это делалось очень редко. Порой землю выда-

[1] ЦДНИРО. Ф. 9. ОП. 1. Д. 356. Л. 17.

[2] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 1045. Л. 10—11.

вали и в качестве вознаграждения за активное участие в антипартизанской борьбе. Но в целом меры, предпринимаемые немецким оккупационным режимом в отношении ликвидации колхозного хозяйства, казаки признавали недостаточными. А тут еще оккупационные газеты под рубриками с «полей страны» начали публиковать ничем не отличающиеся от советских бравурные репортажи о сельскохозяйственных победах новых старых колхозов: *«Колхоз «Казак» под руководством старосты Петрова из убранных 854 га зерновых обмолотил 785 га... Уборка подсолнуха произведена машинами на 163 га и вручную на 27 га. Выкопка картофеля закончена... Идет заготовка, отбор и засыпка семян к яровому севу»*[1].

Как следствие подобной политики германских оккупационных властей, среди казаков начало резко расти недовольство новым режимом. Даже те, кто с «хлебом и солью» встречали немецких оккупантов, начали поговаривать: «лучше уж свои поработители, чем чужие». Немцы попытались было исправить положение с помощью воззвания генерала Краснова, в котором он, в частности, призывал не сопротивляться немецкой хозяйственной структуре, утверждая, что это всего лишь временное явление. Но эффект оказался обратным — обращение вызвало большое недоумение среди казачьего населения, а незыблемый прежде авторитет генерала Краснова был сильно подорван: *«Я удивлен содержанию письма-воззвания ген. Краснова*, — вспоминает свою реакцию П.Н. Донсков. — *Ген. Краснов предлагает беспрекословно подчиняться немцам и не оказывать противодействие их хозяйственной структуре, т. е. той же колхозно-коммунальной системе, в которой на место коммунистических руководителей сели гитлеровские партийцы. Как же может восстать казачество, почти уничтоженное Совет-*

[1] Пятигорское эхо. 1942. № 61. 6 ноября. С. 2.

ской властью и вновь закабаленное национально и хозяйственно немцами?»[1] Не с этим ли связан существенный рост партизанского движения в это время?

Глава 4

СОВЕТСКАЯ РАЗВЕДКА И КАЗАЧЬИ АНТИСОВЕТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Советские органы госбезопасности, понимая, что на оккупированных немцами территориях Дона, Кубани и Терека существует достаточно плодородная почва для появления так называемой «пятой колонны», решили опередить немцев и будущих лидеров казаков-коллаборационистов и навязать им свою «разведывательную игру». Еще во время первой кратковременной оккупации территории Дона осенью—зимой 1941 года для действия в тылу немецких войск были подготовлены и заброшены несколько групп: «*В Таганрог была послана группа в 5 человек... в Ростове создано 4 группы — 13 человек. Три группы районных и одна городская, объединяющая их. В Батайске одна группа — 4 человека, и один посажен там одиночкой. В Новочеркасске одна группа — 3 человека. В Шахтах и Каменске также по одной группе по 3 человека*»[2]. И это только группы, созданные и подготовленные Ростовским обкомом ВКП(б), а ведь были еще и заброшенные в тыл врага профессиональные разведчики!

В середине лета 1942 года на территорию Дона, Кубани и Терека были тайно переправлены тщательно законспирированные советские агенты, которым предстояло сыграть особую роль в срыве немецких планов по организации и созданию мощного казачьего анти-

[1] *Донсков П.Н.* Дон, Кубань и Терек во Второй мировой войне. С. 522.

[2] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 617. Л. 9.

советского анклава. Перед ними было поставлено несколько очень важных задач, от решения которых зависела судьба не только самих разведчиков, но и всего Северного Кавказа, а быть может, и Советского Союза. Первое — войти в доверие к немецкому командованию и заинтересовать его рассказами о существовании неких тайных подпольных казачьих организаций, которые находятся в полной готовности и ждут только сигнала немцев к началу антибольшевистской борьбы. Таким образом, мифические подпольные образования должны были оттянуть внимание немцев от действительных казачьих подпольщиков, многие годы скрывавшихся от органов госбезопасности и действительно в любой момент готовых выступить против Советов. Второе — сеять смуту и раздор среди простого казачьего населения, которое должно было составить костяк всех казачьих антибольшевистских организаций. И, наконец, третье — создать казачьи боевые части, добиться их отправки на фронт, где они должны были в условленный момент пропустить советские войска через линию обороны. За исключением последней, все поставленные перед ними задачи советские разведчики решили довольно успешно. Именно благодаря им на Дону, Кубани и Тереке среди всех этих появившихся ниоткуда и в большом количестве подпольных казачьих организаций и комитетов царила страшная неразбериха, и немцы просто-напросто не знали, на кого сделать ставку. Даже казаки, яростно ненавидевшие большевиков, зачастую сами не очень отчетливо понимали, кому верить из своих «соратников», а кому нет. А уж о простых казаках и говорить нечего: постоянные склоки, обиды, противоречащие друг другу заявления и распоряжения комитетов и комитетиков не внушали им доверия и отталкивали от «освободительной» борьбы даже тех, кто был к ней готов.

Впоследствии судьба этих, без преувеличения — героических, разведчиков-нелегалов сложилась траги-

чески. Как правило, это были люди, которым абсолютно нечего было терять, ведь многие из них имели весьма темное прошлое, и подобное сотрудничество с органами госбезопасности было им необходимо, чтобы просто-напросто не оказаться за решеткой. Именно поэтому некоторые из агентов во время своего пребывания у немцев жили по принципу «раньше смерти не умрешь». Они настолько сильно вошли в роль непримиримых борцов с коммунизмом и запятнали себя кровью, что после окончания войны решили не возвращаться в СССР, а скрыться на Западе. Те же, кто вернулся добровольно или был выдан союзниками, иногда получали высокие правительственные награды, но чаще оказывались в исправительно-трудовых колониях по стандартному в то время обвинению «за измену Родине и антисоветскую пропаганду». Тем не менее, несмотря на всю неоднозначность личностных оценок поведения этих людей, нельзя отрицать их весьма значительной роли в том, что на оккупированных казачьих территориях удалось предотвратить появление полноценной «пятой колонны».

На Дону противостояние между советской разведкой, с одной стороны, и немецкой разведкой и казаками-коллаборационистами — с другой проявилось особенно ярко. 5 июля 1942 года, сразу же после занятия немцами Новочеркасска, к представителям германского командования (комендант города — капитан Эллинг, позже его заменил полковник Левениг) явилась группа казачьих офицеров и изъявила готовность помогать всеми силами и средствами, которые им доступны. А уже в сентябре в Новочеркасске с санкции оккупационных властей собрался казачий сход, на котором был избран Штаб Войска Донского (с ноября 1942 года именовался Штабом Походного атамана). Начальником штаба стал полковник С.В. Павлов, начальником военного отделения был назначен войсковой старшина П. Духопельников, а начальником политического отдела — есаул А. Сюсюкин.

На этом казачьем сходе произошло первое серьезное столкновение между немецким командованием и собственно казаками по вопросу о том, кто должен возглавить Штаб Походного атамана. Немцы высказывались за своего протеже А. Сюсюкина, с которым еще летом начали ездить по станицам и агитировать казаков. Эта фигура чрезвычайно интересна, и долго не было окончательной ясности, кем же он был на самом деле — казачьим патриотом или советским агентом. В своих послевоенных мемуарах бывшие казачьи лидеры на Дону часто обращались к этой фигуре. Какие только предположения они не выдвигали и кем только его не представляли. По одной из версий Сюсюкин являлся сотрудником НКВД и был специально переброшен через линию фронта для организации подрывной деятельности среди казаков, по другой — самым настоящим казачьим патриотом, пытавшимся организовать борьбу против Советов. Нашлись и такие, кто считал его обыкновенным аферистом, попытавшимся получше устроиться в смутное время. Немногочисленные современные исследователи уделяли крайне мало внимания этой таинственной и неоднозначной личности.

Опираясь на архивные материалы, сегодня можно предположить, что Сюсюкин[1] был агентом советской

[1] Вот его краткая биография: Сюсюкин А.А. родился в 1890 году в поселке Глубокое, работал до 1919 года конторщиком, с 1913-го по май 1918-го работал в городской управе города Новочеркасска заведующим делопроизводством. С мая по февраль 1919-го находился под арестом за оказание содействия в расквартировании проходящих частей Красной армии. До 1941 года сменил ряд работ (от снабженца до ассенизатора), в ноябре 1940 года был осужден народным судом на 4 месяца ИТР (исправительно-трудовые работы) за систематические опоздания на работу. По его собственному признанию, с 1922 года состоял на нелегальной работе в органах: ЧК, ГПУ, НКВД и НКГБ. После войны в 1947 году «за измену Родине и антисоветскую пропаганду» был заключен в ИТЛ сроком на 25 лет. Досрочно освобожден по амнистии в 1956 году. (Архив УФСБ РО. Д.П. —30446. Т. 1. С. 13.)

разведки, специально переброшенным через линию фронта.

Задача этого советского разведчика состояла в следующем. Он должен был явиться к немецкому командованию и заявить о наличии в Ростовской области большой казачьей организации, которая просит снабдить ее оружием для подъема вооруженного восстания в тылу Красной армии, дабы ускорить оккупацию. В легенде указывалось, что разветвленное казачье подполье (всего Сюсюкин назвал 11 человек) существует с 1918 года и на протяжении всего периода проводит активную борьбу с советской властью путем вредительства и саботажа. В качестве главной цели операции Сюсюкину предписывалось получить оружие, сформировать боевые казачьи части и добиться их переброски, желательно — под командованием белоэмигрантских офицеров, в тыл Красной армии в районе Шахт путем десанта[1]. Там эти подразделения должны были быть обезоружены и захвачены в плен.

В июне 1942 года, в ночь с 5-го на 6-е, Сюсюкин был переброшен через линию фронта, которая в то время проходила в 40—50 километрах от Ростова, в районе Таганрога, находившегося в то время уже в руках немцев. Обладавший неплохим литературным слогом, Сюсюкин подробно описал все перипетии своего «чудесного спасения» из «советского концлагеря»: «*Ночь с 5 на 6 июня была ветреная и дождливая, но это только способствовало выполнению моих планов... Ночь подошла незаметно, я спустился в придорожный кювет и пополз на животе. Кругом меня свистели пули, темноту ночи прорезали лучи прожекторов и изредка стреляли орудия. Это место было пристреляно немецкими и советскими пулеметчиками... Так я полз 7 часов... Уже светало. Меня заметили и обстреляли градом трассирующих пуль, ослепив-*

[1] Архив УФСБ РО. Д.П. —30446. Т. 1. С. 14.

ших меня, как лучи прожекторов. Я приподнял руки и с криком «сдаюсь» побежал к окопам»[1]. Что тут добавить? Поведение, достойное настоящего «казачьего патриота».

Попав к немцам и рассказав им фантастическую историю о казачьем подполье, Сюсюкин попросил для более достоверного установления своей личности отправить его в Берлин к генералу П.Н. Краснову, которому и обещал подробно рассказать о возможностях организации широкомасштабного восстания казачества. Удивительно, но просьба эта была немцами исполнена, и Сюсюкина в сопровождении офицера немецкой разведки Кубоша доставили в предместье Берлина, Далевиц, где представили прославленному казачьему генералу. «*24 июля*, — как впоследствии вспоминал Сюсюкин, — *был для меня радостным днем. Я был представлен Петру Николаевичу Краснову... Все в квартире у него напоминает Дон. Висят картины с казачьими видами, старинное оружие и много литературы. Сам Петр Николаевич очень расстроился при встрече. Он очень подробно расспрашивал о Новочеркасске, о коллективизации, о тягостных условиях жизни, входил в каждую мелочь и молчаливо выслушивал печальные и унылые вести, которые я ему передавал. Петр Николаевич просил меня передать донцам, что они всегда останутся для него самыми близкими дорогими братьями, и что сейчас спасение казачества зависит от немецкого народа и его вождя Гитлера*»[2]. Встреча с непререкаемым казачьим авторитетом, обходительное обращение немецких сопровождающих и виды Берлина произвели на гостя столь сильное впечатление, что вскоре свет услышал «песню, написанную донским казаком Сюсюкиным»:

---

[1] Казачьи ведомости. 1943. № 6. 15 декабря. С. 8

[2] Казачьи ведомости. 1943. № 6. 15 декабря. С. 9.

Слава богу на небе и Гитлеру на земле,
А нам, донским казакам, да на Тихом Доне.
Гитлера донцы восславят, атаманов изберут,
Атаманов изберут, жизнь казачью поведут...[1]

Совсем по-другому описывает эту судьбоносную встречу упоминавшийся уже П.Н. Донсков, который, как и многие другие подлинные борцы против советской власти, с самого начала заподозрил Сюсюкина в связях с чекистами. «*Внешность его теперь имела благопристойный вид на взгляд европейца, так как немцы его приодели, но опытный взгляд подсоветского человека сразу определил бы, что его бородка подстрижена на манер главы ЧК Дзержинского, служившая опознавательным знаком для сотрудников НКВД. Много и красноречиво рассказывал он генералу всяких былей и небылиц о подсоветском казачестве, но очень мало говорил о своей подпольной организации*»[2]. Это несколько ироничное высказывание (одно только утверждение про бородку чего стоит!) интересно прежде всего тем, что П.Н. Донсков озвучил отношение к Сюсюкину довольно большой группы казачества, которая стояла за атаманом Павловым (об этом атамане и о его роли речь пойдет ниже). В конечном итоге генерал Краснов никаких заверений Сюсюкину не дал и поддержки не оказал, но и не высказался против его предложения поднять антисоветскую борьбу на казачьих землях, считая, что все само собою выяснится, как только немцы полностью займут территорию Дона. На прощание 31 июля Краснов передал своим гостям для «размножения и распространения» на Дону специальное воззвание к казакам, в котором призывал к сотрудничеству с немцами и терпению, в случае если после введения германского самоуправления будут возникать какие-либо «недоразумения».

---

[1] Казачий вестник. 1942. 14 сентября. № 54.

[2] *Донсков П.Н.* Дон, Кубань и Терек во Второй мировой войне. С. 547.

Так как Сюсюкин пользовался протекцией военных властей, он не имел никаких препятствий для того, чтобы начать агитационно-пропагандистскую кампанию на Дону. Едва только немцы заняли Ростов и Новочеркасск, Сюсюкин, в сопровождении все того же Кубоша, начал разъезжать по станицам и агитировать за вступление в будущую казачью организацию.

Советский разведчик очень старался понравиться своим новым покровителям. Он проводил митинги, рассказывал о многолетней борьбе против большевизма, разъяснял простым казакам преимущества его подпольной группы. Одновременно Сюсюкин вступал в контакт с оставленными на оккупированных территориях агентами советской разведки, которые и должны были составить костяк будущей казачьей организации. Вскоре он познакомил своих немецких покровителей с «представителями» пресловутого казачьего подполья: по Ростову — В.М. Однораловым[1], по Новочеркасску — Платоном Духопельниковым[2]. На встрече с Сюсюкиным Духопельников сообщил, что оставлен на оккупированных территориях по заданию органов для наблюдения за сложившейся после прихода немцев обстановкой. После непродолжительных уговоров он согласился представить дело так, будто оба являются активными участниками старой подпольной казачьей организации[3]. Таким образом, таинственная организация обрела тройку руководителей. Весьма любопыт-

---

[1] Одноралов — полковник, ставленник Сюсюкина. (Более подробной информации на сегодняшний день обнаружить не удалось. — *П.К.)*

[2] П.А. Духопельников, 1884 года рождения, казак станицы Старочеркасской. Образование получил в Новочеркасском окружном училище и в 1-й Ораниенбаумской школе прапорщиков. В 1918 году вступил в ряды белых войск Восточного фронта. С весны 1943 года состоял на полицейской службе при генерал-фельдмаршале фон Клейсте. Участник подавления Варшавского восстания. В 1945 году вступил в РОА. Депортации в СССР избежал.

[3] Архив УФСБ РО. Д.П. —30446. Т. 1. С. 30—35.

ную характеристику этим «казачьим» лидерам дал все тот же сотник П.Н. Донсков: *«О Платоне Духопельникове я имею точные сведения от человека мне близкого, сидевшего в Новочеркасской тюрьме и видевшего там Духопельникова в форме НКВД... Этот негодяй большой пьяница, в одной из попоек проболтался своим собутыльникам, что он имеет чекистскую кличку «Диск». Сведения о Сюсюкине утверждают десятки людей, бывших у него на допросе как следователя НКВД, но боятся доносить немцам, видя, что он и подобные ему опять стоят у власти. А что Ораловалов благоволит армянам — это неудивительно: у него жена армянка»*[1].

9 сентября 1942 года в Новочеркасске был созван Казачий собор, на котором и должно было произойти окончательное становление Штаба Войска Донского, а также распределение всех должностей. Не обошлось и без неприятных для немецкого командования сюрпризов. Простые казаки, несмотря на все старания Сюсюкина, несмотря на всестороннюю поддержку немецкого командования, не оказали ему доверия. Они так и не приняли его за своего. Именно поэтому атаманом был выбран чрезвычайно популярный на Дону С.В. Павлов, который еще с Гражданской войны слыл ярым противником большевизма. *«Полковник Павлов,* — восторженно вспоминает непосредственный участник тех событий В.С. Дудников, — *много повидал на своем веку. Воздушные бои Первой мировой войны. Гражданская война в воздухе и на земле. Он был активным участником воздушного моста между Донской армией и территорией восстания верхнедонцев. Гражданская война в Крыму. Там Павлов заболел тифом и в эмиграцию не попал. По выздоровлении пешком пришел в Новочеркасск. Много лет был репрессирован... Был он урожденным казаком, образованным человеком, спо-*

[1] *Донсков П.Н.* Дон, Кубань и Терек во Второй мировой войне. С. 534.

собным организатором и бесстрашным воином»[1]. Такой поворот дела оказался совершенно неожиданным для немцев, но отменить решение собора они не могли. Поэтому майор Кубош обратился с просьбой к присутствующим казакам все же принять в штаб Сюсюкина и Духопельникова, как лично им рекомендованных, что и было сделано.

Фигура нового Донского атамана Сергея Васильевича Павлова чрезвычайно таинственна. Он родился в Новочеркасске в семье Войскового старшины В.И. Павлова, который был арестован в начале 1921 года и умер в заключении. Окончил Донской кадетский корпус и Винницкую Военно-авиационную школу. Во время Первой мировой войны принимал участие в боях на Юго-Западном фронте, с 1918 по 1920 год воевал против советской власти в рядах Донской армии. В 1920 году Павлов был назначен Войсковым старшиной. С 1920 по 1939 год жил под чужими документами и скрывался от преследований ОГПУ, а потом вдруг объявился в Новочеркасске, где окончил инженерно-строительный институт и поступил на работу на завод «Локомотив»[2]. Но самое любопытное, что, согласно своей легенде, Сюсюкин указал немцам в качестве центра подпольной организации Новочеркасск, где по адресу улица Бакунина, 11 проживает ее главный руководитель С.В. Павлов. Да и представил Павлова немцам все тот же Сюсюкин в компании с Духопельниковым[3]. По всей видимости, Павлов действительно был вынужден стать агентом советской разведки. Оказавшись же у немцев и получив некоторое подобие власти, он вспомнил и умершего в лагерях отца, и свою борьбу против ненавистной советской власти в 1918—1920 годах. Все это

---

[1] *Дудников В.С.* Дон, Кубань и Терек во Второй мировой войне. С. 330—331.

[2] *Беляевский В.А.* Вторая мировая война. Роль казачества в этой войне и трагедия такового. 1939—1945 гг. Сан-Пауло, 1963.

[3] Архив УФСБ РО. Д.П. —30446. Т. 1. С. 35.

привело к тому, что Павлов возглавил движение казачества на Дону уже не как агент советской разведки, а как истинный казачий патриот. До сих пор много темных страниц в судьбе этого неординарного человека, и даже гибель его 17 июня 1944 года у белорусской деревни Омневичи по-прежнему покрыта завесой тайны, но об этом речь пойдет в следующей главе.

9 сентября был официально создан и узаконен немцами Штаб Войска Донского (с ноября 1942 года — Штаб Походного атамана), который исполнял все функции казачьего правительства и имел своего выборного атамана. Но и после этого долго еще не было «политического» спокойствия на Донской земле. То тут, то там с согласия местных немецких властей появлялись различные Походные и Войсковые атаманы. В одной из самых больших станиц — Аксайской объявился Войсковой атаман Евстратов, давший о себе знать через многочисленные листовки. Еще один самозванец объявился в Азове. Некий подъесаул Пятницкий, используя этот город как свою атаманскую ставку, стал распространять листовки, агитирующие казаков вступать в борьбу против большевиков исключительно под его командованием. Кем были эти люди — советскими агентами, казачьими патриотами или проходимцами, захотевшими поживиться, так и останется тайной. Ясно одно — такое количество претендующих на абсолютную власть атаманов, действительным делам предпочитающих склоки, дрязги и дележ несуществующей власти, в конечном итоге оттолкнули от себя простых казаков, которые должны были бы стать новой опорой казачьей власти.

Идейное оформление будущей государственности (Донская республика) и боевой силы казачества (Донская армия), его духовное приобщение к национальным и религиозным заветам казачьей старины, как и в былые годы, было проведено в Новочеркасске в день Покрова Божьей Матери, 14 октября 1942 года. Вот как этот торжественный день вспоминает офицер Штаба

Войска Донского П.Н. Донсков: «*С незапамятных времен чтит все казачество праздник Покрова Пресвятой Богородицы и считает этот великий день Войсковым праздником казачества... Стала во единый круг многотысячная масса и замерла при звуках речи Походного атамана Павлова. По старому казачьему обыкновению, атаман читал перед панихидой грамоту царя и великого князя Михаила Федоровича от 2 декабря 1641 года. Чеканные слова царской грамоты, свидетельствующие о непревзойденной славе казачества при защите Азова, уходят в далекую степь...*»[1] Кстати говоря, совсем неудивительно, что именно Новочеркасск стал центром казачьего освободительного движения. Помимо того, что этот город являлся исконной казачьей столицей, в нем были очень сильны антисоветские настроения, и здесь осели после Гражданской войны многие ее активные участники. Именно в Новочеркасске процент коммунистов, поспешивших после прихода немцев избавиться от партбилетов, был самым высоким — почти 62,7%, в то время как по остальным районам Ростовской области — 40%.[2]

Главным историческим документом в муках рожденной организации стала так называемая Декларация Войска Донского от 15 ноября 1942 года, которая немедленно была направлена немцам. В ней, помимо экскурса в историю казачества, давалось довольно много конкретных рекомендаций оккупационным властям, многие из которых выглядели почти приказами, например: «*Немедленно освободить из всех лагерей военнопленных казаков всех Войск и направить их в штаб Походного атамана... Не производить на территориях Казачьих Земель принудительный набор молодежи для отправки в Германию. Отозвать хо-*

[1] *Донсков П.Н.* Дон, Кубань и Терек во Второй мировой войне. С. 518—519.

[2] ЦДНИРО. Ф. 9. ОП. 1. Д. 356. Л. 66.

зяйственных комиссаров с территории Казачьих Земель и производить снабжение германской армии за счет продовольственных ресурсов казачества только на договорных началах»[1] *(полный текст этого уникального документа — см. Приложение 2.2).*

«Ультиматум» был вручен генералу Фридеричу «для передачи германскому правительству». Если внимательно проанализировать этот документ, сразу становится ясно, что казаки в массе своей так и не осознали, а может, и не хотели осознавать, кем же на самом деле являются для немцев. Видимо, игра в дружбу с казаками, которую затеяли захватчики на оккупированном Северном Кавказе, настолько понравилась казачьим лидерам, что они оказались в плену иллюзий. Им уже грезилось: вот она, свобода, вот она, «казачья вольница». Отсюда в этом программном заявлении и слова о *«союзных отношениях с Донской республикой»*, о *«равноправном партнерстве»*, о *«выражении интересов всех Казачьих Войск»*, о том, что законами на Дону будут *«Основные Законы Всевеликого войска Донского, принятые в 1918 году»*[2].

К сожалению, дальнейшая судьба документа неизвестна. Никаких ответных заявлений или действий со стороны германского правительства не последовало. Тем не менее не приходится сомневаться в том, что он был доставлен по адресу, рассмотрен и тщательно проанализирован чиновниками из восточного министерства. Скорее всего, этот документ сыграл достаточно серьезную роль в дальнейшей судьбе казачества в годы Второй мировой войны. Есть основания считать, что именно он послужил толчком к созданию немцами так

---

[1] *Донсков П.Н.* Дон, Кубань и Терек во Второй мировой войне. С. 557.

[2] Первыми положениями этой своеобразной Донской конституции были слова о том, что «Всевеликое войско Донское есть самостоятельное государство, основанное на началах народовластия».

называемого Казачьего Управления (Козакен-Ляйте-Штелле), а впоследствии был принят за основу декларации от 10 ноября 1943 года.

По всей территории оккупированной немцами Ростовской области функционировали самые разнообразные комитеты по возрождению казачества, которые со временем входили в состав или становились официальными представительствами Штаба Войска Донского. Наибольшую активность развила группа ростовской интеллигенции, официально именовавшаяся «Комиссией по казачьим делам при Представительстве Штаба Войска Донского в Ростове»[1].

Поздней осенью 1942 года на квартире местного художника Королькова состоялась встреча казачьей интеллигенции с немецким майором Кубошем, который во время этих переговоров попросил составить ему краткую записку о Донских казаках и их особенностях. С этого момента и можно говорить об официальном образовании комиссии. Возглавил ее краевед профессор М.А. Миллер (немец по национальности, он пользовался у германских властей определенным авторитетом), а членами стали профессора Богачев, Иванов и краевед Краснянский. Первое задание немецких властей было выполнено успешно, и Миллер в соавторстве с Богачевым составил требуемую записку на 20 машинописных листах, после чего передал ее по назначению своему немецкому руководству. Общую координацию этого своеобразного правительства осуществлял ставленник Сюсюкина полковник Одноралов, имевший постоянную связь с комендантом города майором Кителем. Немаловажную роль играл и про-

[1] Материалы о деятельности этой организации взяты из следующих источников: *Миллер М.* По поводу «Казачьей трагедии» // Родимый край. 1961. № 34. Май—июнь. С. 19—21; Архив УФСБ РО. Д.П. —48771. С. 7—8. Конверт № 2.

фессор Богачев, который, помимо работы в комитете, выполнял для немцев секретную работу, связанную с освоением геологических богатств Дона.

Впоследствии члены комиссии принимали активное участие в проводимой Штабом Войска Донского переписи казачьего населения города Ростова, которая дала прямо-таки ошеломляющие результаты.

Эта вполне мирная процедура была проведена казачьим руководством не случайно. Еще в самом начале оккупации, едва вступив в город, немцы провели регистрацию гражданского населения, разбив его при этом на три категории: коммунисты и их семьи, эвакуированные и иногородние. В регистрации обязаны были участвовать все мужчины от 14 до 60 лет и все женщины от 15 до 50 лет. Эти списки, во-первых, должны были выявить всех, кто так или иначе не устраивал новую власть, а во-вторых, впоследствии облегчить немцам процесс принудительного вывоза населения на работу в Германию (все попытки заставить мирных жителей добровольно поехать за границу окончились полным провалом). За время оккупации с территории Ростовской области было вывезено 50 тысяч человек[1].

Во время этой регистрации казачество как бы осталось в стороне, оно не было выделено в отдельную строку, но в то же время не подпадало ни под одну из указанных категорий. А ведь казаки, как полноправные союзники, освобождались от принудительной отправки на работы. Вот в Штабе Войска Донского и решили, с целью установления точного числа казаков в Ростове, а также пресечения возможных недоразумений с немецкими властями по поводу отправки в Германию, с разрешения соответствующих инстанций провести специальную казачью перепись. По всему городу были организованы переписные пункты, была проведена специальная акция по популяризации данной проце-

[1] ЦДНИРО. Ф. 9. ОП. 1. Д. 356. Л. 20.

дуры. Несмотря на это, в Ростове зарегистрировалось только 6 тысяч человек (при приблизительной общей численности населения в 400 тысяч), то есть 1,5—2% по отношению ко всем остальным. При этом весьма сомнительно, что все зарегистрировавшиеся действительно были казаками. Очень многие, чтобы избежать вывоза в Германию, были готовы назвать себя кем угодно. Конечно, можно сослаться на то, что Ростов, дескать, не казачий город, но это будет не совсем верно. После Гражданской войны многие казаки из Новочеркасска и станиц устремились именно в Ростов-на-Дону, так как в большом городе было легче скрыться от возмездия со стороны новой власти. Полученные данные дали казачьим лидерам ясно понять, что на мало-мальски значимую поддержку они могут рассчитывать лишь в Новочеркасске, где процент казачьего населения традиционно был очень высок, да в нескольких казачьих станицах и хуторах.

В задачи «комиссии по казачьим делам» входила также проработка идеи о созыве (после согласования с немецким командованием) в феврале—марте 1943 года «Малого войскового круга» с целью избрания войскового атамана. Уже с февраля 1943 года планировалось два раза в месяц выпускать печатный орган Войска Донского: литературно-художественно-историческо-экономический журнал «Донская волна», который был рассчитан не только на старшее поколение, но и на молодежь. Именно этот рупор казачьей интеллигенции, по замыслу издателей, должен был проповедовать идеи комитета в массах.

В конце концов немцы предложили казачьим интеллектуалам разработать специальный документ, в котором была бы представлена программа национального и государственного возрождения казачества. При этом каждый член комиссии должен был бы заниматься определенным кругом вопросов: Краснянский курировал историческую часть программы, разрабатывал

проект знамени и герба, профессор Иванов занимался ролью церкви в будущем государстве, профессор Богачев — аграрной проблемой. Всего было проведено 3 заседания. На последнем, состоявшемся 23 января 1943 года, уже под грохот советских орудий был очерчен круг вопросов, после обсуждения которых должны были быть выработаны основные положения программы будущего возрождения донского казачества и организации Донского края (*см. Приложение 2.3*).

Как и следовало ожидать, казачьи ученые-интеллектуалы пришли к выводу, что возрождение возможно исключительно на базе немецкого национал-социализма и под чутким руководством нацистской Германии. В программных документах выдвигалось даже предложение избрать Гитлера «почетным атаманом Войска Донского».

На Малом Войсковом круге в качестве кандидата на место Войскового атамана планировалось выдвинуть кандидатуру генерала П.Н. Краснова, который якобы уже дал на это свое предварительное согласие. В то время среди донских казаков ходила легенда, связанная с этим прославленным казачьим деятелем. В станицах рассказывали, что, дескать, генерал уже побывал на Дону инкогнито и готов в любой момент вернуться из Берлина на родину в качестве атамана. Скорее всего, Петр Николаевич на Дону так и не появился, а все слухи были связаны с тем, что в Новочеркасске проездом был его племянник — С.Н. Краснов.

На этом деятельность «Комиссии по казачьим делам при Представительстве Штаба Войска Донского в Ростове» закончилась, а ее члены были вынуждены бежать вместе с отступающими немецкими частями. «*Конечно*, — подводит неутешительный итог деятельности этого комитета его глава — профессор М.А. Миллер, — *если бы обстановка сложилась иначе, план получил бы свое дальнейшее развитие, разработку и через Войсковой круг проведение в жизнь. Но теперь, через 17 лет*

после всех событий того времени, от всех наших стремлений, трудов, заседаний, обсуждений и дискуссий остался лишь измятый, пожелтевший лист советской бумаги с написанным на ней полувыцветшими чернилами планом»[1].

Помимо Ростова и Новочеркасска, попытка самоорганизоваться была предпринята и в самом неказачьем городе Дона — Таганроге. Несмотря на то что этот город был оккупирован еще в октябре 1941-го, лишь в конце 1942 года к немецкому командованию с просьбой об образовании Штаба освободительной борьбы явились бывшие белогвардейцы-казаки. Эта организация интересна прежде всего тем, что в ней основной костяк составляли не потомственные казаки, как это было в Штабе Войска Донского, а бывшие белые офицеры и солдаты, сражавшиеся против большевизма в годы Гражданской войны. «*Мы, офицеры*, — говорилось в их обращении к немецкому командованию, — *и военнослужащие, казаки и солдаты царской армии и антибольшевистской армии 1917—1921, которые боролись против большевиков и в этой борьбе были много раз ранены и контужены, которые потеряли всю свою собственность и были всячески преследуемы большевиками, не можем стоять в стороне, как равнодушные зрители, так как кровь, которую мы пролили, и сотни тысяч расстрелянных и замученных до смерти органами ЧК, ГПУ и НКВД офицеров, военнослужащих казаков и солдат, миллионы честных людей не позволяют нам никогда примириться с большевиками... Мы заверяем от всего сердца, что всю нашу силу, энергию, нашу жизнь посвящаем мы Вам. Наше обещание подтвердим клятвой и ручаемся за то, что среди нас не будет ни одного предателя, изменника. Тем более, что некоторые из нас после прибытия не-*

---

[1] *Миллер М.* По поводу «Казачьей трагедии» // Родимый край. 1961. № 34. Май—июнь. С. 21.

мецких вооруженных сил в Таганрог с согласия и распоряжения штаба Sud под начальством оберлейтенанта Айхеле и капитана Кукавка боремся против большевиков не одной сотней добровольцев казаков. Мы, офицеры, военнообязанные и казаки, просим господина местного коменданта по примеру Новочеркасска и Ростова... так же дать согласие основать в Таганроге под Вашим личным руководством организацию союза казаков, антибольшевистской армии немецкой ориентации»[1].

Согласно программным документам будущего комитета, задачи провозглашались следующие: объединение всех антибольшевистских элементов; борьба с партизанами, вредителями и саботажниками вне зависимости от партийной принадлежности; подготовка к формированию добровольческих войск для службы на фронте и в тылу; рекомендация членов союза для административной деятельности; усовершенствование военных знаний; помощь семьям убитых, инвалидов Гражданской войны, а также всем пострадавшим в войне против «большевистско-еврейской» армии. При этом было официально заявлено, что «*все члены союза или присоединившиеся должны рассматриваться как добровольно мобилизованные (по своему желанию) на помощь немецкой армии, и по первому призыву немецкого командования будут использованы в зависимости от их состояния здоровья на соответствующих постах на фронте или в тылу*»[2]. В конечном итоге казачий штаб под руководством атамана Стефанова официально был создан в Таганроге только 1 февраля 1943 года, и его главной обязанностью, ввиду стремительного наступления Советской армии, стали подготовка и проведение эвакуации всех желающих казаков.

[1] Таганрогский филиал (ТО) ГАРО. Ф. Р. 619 с. ОП. 1. Д. 448. Л. 2—3.

[2] (ТО) ГАРО. Ф. Р. 619 с. ОП. 1. Д. 448. Л. 3.

Подобные организации создавались и на оккупированной территории Кубани. В результате стремительного немецкого наступления 12 августа 1942 года советские войска были вынуждены оставить Краснодар. В городе начал устанавливаться оккупационный режим. Бургомистром был назначен Алексей Алексеевич Аносов (которого впоследствии сменил адвокат Воронцов). Это имя было достаточно известно в то время среди геологов, а также среди людей, в той или иной степени связанных с горной и нефтяной промышленностью. На черноморских и кавказских нефтяных промыслах Аносов был одним из самых крупных специалистов в области разведки нефтяных и газовых месторождений и оценки их запасов. В соавторстве с известным академиком Губкиным он работал над составлением карты нефтяных месторождений Советского Союза, которая известна в научном мире как карта академика Губкина. В 30-е годы получил 10 лет тюрьмы, так что на советскую власть у него была вполне естественная обида. После отсидки вернулся домой и Азово-Черноморским геологическим трестом был назначен главным консультантом в Краснодарское геологическое бюро.

Постепенно в городе начала складываться инициативная группа по возрождению Войска Кубанского из бывших казачьих чинов, которые стали предпринимать первые, пока еще робкие шаги по своей легализации и завоеванию доверия германского руководства. Главными действующими лицами в этой группе были полковник Георгий Петрович Тарасенко и полковник Иосиф Иванович Белый.

В судьбе этих людей очень много темных страниц. Так что неслучайно некоторые активные участники «казачьей освободительной борьбы» считали их агентами НКВД. Упоминавшийся уже П.Н. Донсков прямо называет полковников Белого и Тарасенко «казачьей» диверсионной группой на Кубани», главная задача ко-

торой состояла в «разложении, дискриминации и дезориентации казачества»[1]. Действительно, в их жизни было немало странных совпадений. По воспоминаниям одного из активных членов вышеупомянутой инициативной казачьей группы П.П. Иваницы (начальника Кубанской казачьей канцелярии), тот же полковник Белый был вывезен из Краснодара в первых числах августа в последнем эшелоне НКВД с политическими заключенными. «*Под Арзамасом*, — утверждал Иваница, — *этот эшелон подвергся налету немецких бомбардировщиков и был ими подожжен... После второго разворота «юнкерсов» охрана разбежалась... В этом эшелоне был и полковник И.И. Белый, вернувшийся вскоре в Краснодар и занявший пост начальника городской полиции*»[2]. Довольно туманная история, правдивость которой вряд ли кто в то смутное время мог подтвердить или опровергнуть. К тому же она подозрительно напоминает обыкновенную легенду разведчика, заброшенного в тыл врага. И предположения о том, что многие из инициаторов возрождения казачества, в частности полковник Белый, — глубоко законспирированные советские разведчики, были отнюдь не беспочвенными. Это подтверждает и тот факт, что впоследствии Белый работал в тесном контакте с одним из лидеров казачьего движения на Дону Платоном Духопельниковым, также предположительно советским агентом.

Как бы то ни было, в октябре 1942 года состоялось заседание инициативной группы Возрождения Кубанского Войска, на котором были распределены все должности, расписаны права и обязанности всех членов этой казачьей организации. Временным руководителем (ата-

---

[1] *Донсков П.Н.* Дон, Кубань и Терек во Второй мировой войне. С. 551, 586.

[2] *Иваница П.П.* Кубань в 1942—1943 годах // Родимый Край. 1963. № 48. Сентябрь—октябрь. С. 17.

маном) назначался полковник Белый, начальником штаба — полковник Тарасенко[1].

Немцы в Краснодаре, впрочем, как и везде, относились к казакам и их организациям более чем благосклонно. Вскоре немецкая полевая комендатура попросила полковника Белого разработать и представить на рассмотрение проект управления Кубанской областью, который вскоре и был передан немецкому командованию (основой при разработке послужила известная книга профессора Щербины «История Кубанского казачьего Войска»).

Члены инициативной группы принимали активное участие в жизни города. Кто-то работал в газете «Кубань», кто-то, как Белый и Тарасенко, служил в полиции, кто-то работал в системе здравоохранения. Именно с подачи этой казачьей организации был создан «Ансамбль кубанской песни и пляски», пользовавшийся огромной популярностью. Несмотря на всю симпатию со стороны немецкой администрации и командования, группа по Возрождению Кубанского Казачьего Войска по неизвестной причине формально так и не была признана немцами. Именно поэтому ее штаб объявил о создании так называемой Кубанской канцелярии, которая и должна была стать своеобразным исполнительным органом инициативной группы по возрождению Войска Кубанского. В задачи канцелярии входили: 1) регистрация всех казаков, офицеров Белых армий и Первопроходников. Учет казаков-специалистов; 2) ходатайство перед немецким командованием об освобождении из плена всех казаков и жителей казачьих областей; 3) связь со станицами. Образование на местах станичных отрядов и обеспечение станиц информационными и руководящими материала-

[1] *Иваница П.П.* Кубань в 1942—1943 годах. С. 18.

ми; 4) установление связи с командующим немецким фронтом[1].

Сразу после вышеописанных организационных преобразований с согласия немецкого командования во все сельскохозяйственные области Кубани (всего их было 7) были отправлены представители Кубанской канцелярии со специальными воззваниями. Вот как описывает подобный визит в небольшой город Тихорецк один из активнейших членов казачьей организации в Краснодаре, глава Кубанской канцелярии П.П. Иваница: «*На следующий день я посетил полевую комендатуру Тихорецка... От коменданта я хотел получить: 1. Санкцию на организацию станичных гарнизонов по станицам Тихорецкой области. 2. Цензурное разрешение на обращение к населению Кубани, написанное мною для Тихорецкой газеты. Старик комендант ссылался на то, что решение первого вопроса не входит в его компетенцию. В конце концов, он все же согласился, но чтобы численный состав отряда для станицы не превышал 25 человек. Станичный гарнизон должен быть зачислен на местное обеспечение с согласия местного коменданта. Цензор, без добавлений и изменений, подписал для печати обращение... В Тихорецке в день моего приезда находился взвод казачьей «жандармерии», этим взводом командовал офицер красной армии, отпущенный немцами из лагеря военнопленных. Я отдал распоряжение, чтобы впредь взвод именовали казачьим гарнизоном, а не казачьей жандармерией*»[2].

Воззвание, единое для всех областей, было довольно любопытным документом. В нем, в частности, говорилось о том, что в скором времени будет сформирована Кубанская армия, о том, что дисциплина и труд помогут в борьбе с большевизмом, о том, что шови-

[1] Родимый Край. 1964. № 51. Март—апрель. С. 16.

[2] Родимый Край. 1964. № 51. Март—апрель. С. 17—18.

низм (!) и анархия на Кубани будут караться судом. В воззвании выражалась также благодарность немцам за отмену колхозного землепользования, чего в то время не было и в помине (*полный текст воззвания см. Приложение 2.4*).

В ноябре 1943 года представители Кубанского штаба были даже приглашены в Ставрополь на торжественную конференцию, устроенную немецким командованием. В Ставрополе представителю казаков удалось познакомиться с нужными людьми и рассказать им о деятельности своей организации. Более того, он удостоился аудиенции довольно влиятельного в армии и в восточном министерстве генерала Бройтигама, который чрезвычайно заинтересовался казаками и пообещал довести всю полученную информацию до фюрера. Все заинтересованные лица из высокопоставленных немецких офицеров и чиновников получили записку следующего содержания: «*Ваше Высокопревосходительство! Кубанская делегация станичных атаманов и старшин Адыгее-черкесских аулов просит Вас довести до сведения Главной Квартиры Верховного Командования вооруженными силами Германии: 1. Кубанское Казачество на сегодня располагает десятью тысячами добровольцев, готовых вступить в вооруженную борьбу с коммунизмом. К сожалению, мы не имеем вооружения, ни даже разрешения на формирование крупных войсковых соединений. 2. В Краснодаре существует штаб для формирования Кубанских добровольческих войск. 3. Просьба отпустить из лагерей военнопленных всех казаков и жителей казачьих областей. Краснодар, 18.11.1942*»[1].

Активность казачьих представителей не осталась незамеченной, и в начале декабря в Краснодар прибыли два офицера из ставки фюрера, которым было подробно доложено о положении на оккупированной

[1] Родимый Край. 1964. № 51. Март—апрель. С. 20.

территории и о перспективах возрождения Кубанского казачьего войска. Однако всем этим многообещающим прожектам сбыться было не суждено, поскольку в то время немецкая армия на Северном Кавказе уже начинала готовиться к отступлению.

Глава 5

«НЕЗАВИСИМАЯ КАЗАКИЯ» НА КУБАНИ И ИТОГИ ОККУПАЦИИ

Именно на Кубани немецким военным командованием был проведен, пожалуй, самый интересный эксперимент с казачьей независимостью.

Еще со времен розенберговской «Казакии» идея о создании казачьей автономии не давала покоя ни лидерам казачьей эмиграции, ни многим военным и административным руководителям Третьего рейха. После оккупации территории Дона, Кубани и Терека появилась самая реальная возможность претворить желание в жизнь. И такая попытка была предпринята, несмотря на то что мнения о ее целесообразности разделились. Как только немецкая группа армий «А» оккупировала Кубань, «просвещенная» часть ее командования начала добиваться от Берлина разрешения на организацию экспериментальной зоны, так называемого «Казачьего округа», главными особенностями которой должны были стать полное отсутствие германской администрации и разрешение местному населению на установление полного самоуправления[1]. Казаки должны были получить культурную, образовательную и религиозные свободы, вводилось выборное атаманское самоупра́в-

[1] *Dallin A.* German rule in Russia 1941—1945: A study of occupation policies. C. 299.

Карта 1. Немецкая карта оккупированного Северного Кавказа. Заштрихован район казачьего самоуправления на Кубани.

ление, также казаки обещали скорое уничтожение коллективных хозяйств, пожалуй, самого ненавистного для них нововведения советской власти.

По получении одобрения от генерала Вагнера (генерал-квартирмейстер Генерального штаба) 1 октября 1942 года округ начал функционировать (*см. карту 1*). Первоначально он включал шесть районов севернее нижней Кубани, с населением примерно 160 тысяч человек[1]. Приказ о начале эксперимента был составлен и подписан без ведома восточного министерства и СС.

[1] *Dallin A.* German rule in Russia 1941—1945: A study of occupation policies. . C. 300; *Newland S.* Cossacks in the German army 1941—1945. P. 129.

Поэтому, как только Шикаданц (ближайший соратник Розенберга) узнал о «первом автономном штате с собственным суверенитетом» на Востоке, он немедленно потребовал разъяснений. Это было связано с тем, что восточное министерство было против любых автономных образований на территории Советского Союза, и казаки не являлись исключением. Поэтому уже на первом совещании в ОКХ (Штаб объединенного командования сухопутных войск) Шикаданц сообщил, что все слухи о Казачьей республике «крайне непроверенные». По всей видимости, он просто не поверил в произошедшее. Когда же все опасения восточного министерства подтвердились, Шикаданц попробовал опротестовать принятое решение, аргументируя это тем, что вопрос был решен армией без консультаций с другими заинтересованными инстанциями, имея в виду прежде всего свое министерство и СС, которые также протестовали против создания автономного округа на оккупированных территориях. Тем не менее, несмотря на все споры и разногласия, 5 ноября генерал-квартирмейстр Вагнер окончательно одобрил создание «Казачьего автономного округа».

Структура «государственного» управления в «Казачьем округе» была тщательно продумана и отвечала всем вековым требованиям казачьих институтов власти. Низшим уровнем административного деления была станица, во главе которой стоял выборный атаман. Станицы объединялись в районы (всего 6), каждый из которых также возглавлялся выборным атаманом. Венчал пирамиду власти так называемый «верховный атаман», который назначался на эту должность немецким полевым командованием. Ко всему прочему, каждый атаман, независимо от своей значимости, имел некое подобие кабинета министров — совет старейшин, в свою очередь избиравшихся на станичном или районном Круге. В соответствии с немецкой концепцией автономного округа все атаманы подчинялись в пер-

вую очередь своему верховному атаману, а не Германскому командованию. Верховный атаман имел двух помощников (первых заместителей), которые держали в своих руках все нити управления. К сожалению, не совсем понятно, кем были эти люди — немцами или представителями казачьего населения. В их компетенции находились следующие вопросы: организация полиции из местных жителей (ее главной задачей было поддержание внутреннего порядка), финансы, сельское хозяйство и животноводство, здравоохранение, образование, культура, строительство дорог и поддержание их в нормальном состоянии. Главной же задачей назначенного немцами атамана было формирование из местного населения небольших отрядов самообороны. Эти боевые части, как говорилось в официальном немецком приказе, должны были служить делу *«защиты и освобождения своей родины от Большевизма»*[1]. К концу 1942 года под командованием верховного атамана уже находились три казачьи сотни. Еще 3 тысячи казаков в любой момент были готовы выступить против большевиков с оружием в руках. Всего же, по подсчетам немецких кураторов, «Казачий округ» вполне мог создать и содержать армию в 75 тысяч штыков[2]. На зиму 1942/1943 гг. была запланирована подготовка первых 25 тысяч казачьих добровольцев для немецкой армии.

Уже к январю 1943-го немецкое руководство планировало расширить границы округа и назначить командиров казачьих отрядов, сформированных на этой территории. Среди казачьих лидеров Кубани началась оживленная дискуссия о проблемах довольно отдаленного будущего, например, о перспективе об-

---

[1] *Newland S.* Cossacks in the German army 1941—1945. P. 131.

[2] *Siefers K.* Das Versuchgebiet in Kuban-Kosaken-Raum, als Ausgangpunkt zur Klarlegung des gesamten Kosakenproblems. Цит. по: *Newland S.* Cossacks in the German army 1941—1945. P. 131.

разования более широкой казачьей автономии, включающей территорию Украины, России и Кавказа. Строились также далеко идущие планы в области сельского хозяйства, военной реформы и образования. Но на практике было сделано очень мало. На проведение многообещающих реформ просто-напросто не хватило времени. В январе 1943 года немецкая группа армий «А», под ударами советских войск, оставила казачьи территории, и эксперимент закончился, так толком и не начавшись. Можно с уверенностью констатировать тот факт, что на своей автономной территории казаки практически ничего из задуманного сделать не успели и все их планы остались, в основном, на бумаге. Исключение составило разве что появление огромного количества новых песен и частушек, в которых либо воспевались произошедшие перемены, либо сыпались проклятия в адрес большевиков. Вот одно из характерных творений кубанских казаков того времени:

Из колодца вода льется,
Вода — чистый леденец.
Все казачество довольно,
Что жидам пришел конец.

Жиды будут пусть спокойны,
Мы их всех не обойдем,
Земли целых три аршины
На Кубани отведем[1].

Реальные причины, по которым немецкое командование решилось, в обход многих своих противников из восточного министерства, организовать независимый казачий округ, были весьма прозаичны. Естественно, меньше всего фашисты пеклись о казаках и об их желаниях. Как недвусмысленно отмечалось в официальном докладе — отчете о первых итогах эксперимента: *«Где сражается казак или погибает иногородний, немецкий солдат не сражается и не умира-*

[1] На казачьем посту. 1943. № 2. С. 11.

ем»[1]. Кроме того, «Казачий автономный округ» и его казачьи части, преданные немцам, должны были сыграть роль лояльной немцам территориальной прослойки между Украиной, которую планировалось использовать как главную житницу Европы, и Кавказом, в немецких планах — главного нефтяного резервуара будущего великого Рейха. Эпопея с казачьей автономией лишний раз показала, что по вопросу о казаках в немецком руководстве не было единого мнения. Армия, видевшая в них необходимых помощников на фронте и в тылу, пыталась всячески содействовать казачьим устремлениям и была даже готова санкционировать создание автономных казачьих образований, а СС и восточное министерство считали, что раз они русские (так к ним относилось большинство руководителей, несмотря на теории о казаках-арийцах), то, следовательно, недочеловеки (Untermenschen), подлежащие уничтожению или онемечиванию.

Подводя итоги оккупационной политики немцев на территории Дона, Кубани и Терека, можно прийти к выводу, что, несмотря на предоставленные казакам некоторые свободы, она не оправдала себя в глазах той части населения, которая с нетерпением ждала прихода немцев. Немецкая политика в земельном вопросе вызывала наибольшее недовольство среди простых казаков: ненавистные сталинские колхозы не были упразднены.

Другим камнем преткновения в отношениях между казаками и немцами был вопрос о руководстве на местах. Власть всех выборных казачьих атаманов слишком сильно ограничивалась германской оккупационной администрацией. В результате интересы жаждущих самостоятельности казачьих атаманов постоянно сталкивались с действиями немецких военных чиновников, опирающихся на директивы из Берлина, что

---

[1] *Newland S.* Cossacks in the German army 1941—1945. P. 131.

выливалось в постоянные конфликты. К тому же многие лидеры казачьего движения были личностями весьма сомнительными, что также вносило определенный разлад в казачье движение на оккупированных территориях Дона, Кубани и Терека. Среди казаков не было единства. Одни прославляли Белого с Духопельниковым и клеймили Павлова, другие были готовы отдать жизнь за Павлова и советского агента Сюсюкина, но при этом ненавидели П.Н. Краснова и утверждали, что все беды — от эмигрантов. Сами эмигранты и их лидеры в большинстве своем считали, что выборные атаманы на оккупированных территориях — сплошная фикция. Вот какую характеристику выбранным казачьим лидерам дает лидер Общеказачьего объединения в Германской империи Е.И. Балабин в письме генералу П.Н. Краснову от 26 февраля 1944 года: «*У меня несколько писем от разных лиц, рисующих безотрадную картину: Атаман Духопельников, Белый, Павлов и «Казачий комитет», делая приблизительно одно и то же дело, враждуют друг с другом и всеми силами стараются мешать один другому, забывая главную цель — уничтожение большевизма. Все вербуют людей на фронт и в полицию, но вербовку «противной» группы преследуют вплоть до ареста, до отобрания оружия, выданного немецкими властями (Белый). Беспробудное пьянство и окружение себя уголовным элементом (Духопельников), мошенничество и обирание казаков. Все это ведет к подрыву власти и к позору казачества... Духопельников, в прошлом агент-провокатор НКВД, под кличкой Диск, и у меня есть официальное «заявление» о нем Полковника Часовникова, бывшего заместителя Начальника Городской полиции Новочеркасска. По словам Начальника Политического Отдела Новочеркасской полиции Урумянца и его помощника Николенко, только отход Германских Войск из Новочеркасска дал возможность Полковнику Духопельникову избежать справедливой кары по закону... Атаман Белый, получивший сейчас большие пол-*

номочия, уже раз был арестован, и у него отобрали 36 000 марок, но, к сожалению, его освободили. Не сомневаюсь, что он опять накануне скандала»[1]. Что касается атамана С.В. Павлова, этого чуть ли не канонизированного казаками-коллаборационистами лидера казаков на Дону, то ему Е.И. Балабин дает и вовсе уничижительную характеристику: «*Павлов серенький, ничего не представляющий есаул, и в Полковники его произвели немцы. И взгляды у него, как и у его окружения, советские, чтобы было так, как при Ленине, во время НЭПА*»[2].

Был и еще один негативный момент, который в конечном счете существенно помешал становлению казачьей освободительной борьбы на оккупированных территориях Дона, Кубани и Терека. Каждый маломальски значимый немецкий комендант или его помощник имел своего протеже, собственного претендента на место казачьего лидера. Немецкая разведка также предлагала своих кандидатов. Такое обилие разномастных лидеров, не желающих или не умеющих договориться между собой, приводило к тому, что силы казачества распылялись и оттягивались на мало значащие бессмысленные споры, обиды и взаимные упреки.

В целом же можно согласиться с утверждением немецкого историка Ханса Умбрайта, который, характеризуя немецкую оккупационную политику на территории Дона, Кубани и Терека, очень точно подметил: «*Жители оккупированных областей* (в том числе и казачьих. — ***П.К.***), *если даже они и связывали, может быть, с новыми порядками какие-то политические или экономические ожидания, остались в своей массе разочарованными*»[3].

---

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 14. Л. 72.

[2] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 14. Л. 46.

[3] *Умбрайт Х.* Непреодолимая проблема. Партизанская борьба в тылу Восточного фронта. В сб.: Сталинград: Событие. Воздействие. Символ. М., 1994. С. 143.

Глава 6

ИЗМЕНЕНИЕ НЕМЕЦКОЙ «ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ» И ДЕКЛАРАЦИЯ О КАЗАЧЬЕЙ НЕЗАВИСИМОСТИ

Вторая половина 1942 года принесла немцам много новых проблем. Начатое летом наступление выдохлось, так и не достигнув ни одной из намеченных целей. В сложившейся обстановке перед германским военным и политическим руководством как никогда остро встал вопрос поиска дополнительных военных резервов и в связи с этим изменения традиционных методов восточной политики. Интересно, что среди германского руководства были люди, которые понимали это еще в самом начале войны. Первые мысли такого рода высказал начальник тыла сухопутных войск, который еще 13 декабря 1941 года писал Розенбергу о том, что военное положение требует привлечения населения оккупированных территорий на немецкую сторону. Подобные же соображения высказывал командующий частями обеспечения тыла группы армий «Центр» Шенкендорф в своем докладе в марте 1942 года.

25 октября 1942 года этот вопрос был поднят в заметках руководителя политического отдела восточного министерства д-ра Отто Бройтигама (бывший генконсул Германии в Тбилиси), адресованных Розенбергу. Наряду с изменениями формы управления на оккупированных территориях и мероприятиями экономического характера, по мнению Бройтигама, требовалось, чтобы «авторитетные германские круги дали славянским восточным народам успокаивающие обещания относительно их дальнейшей судьбы»[1]. Вопросы изме-

[1] Нюрнбергский процесс. М., 1996. Т. 2. С. 234. Цит. по: *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 44.

нения оккупационной политики он считал первостепенными, утверждая, что речь в данном случае идет о будущем германского народа, «даже о проблеме быть или не быть». «*Если мы не изменим в последние минуты курса нашей политики*, — писал он, — *то можно с уверенностью сказать, что сопротивление Красной Армии и всего русского народа еще больше возрастет, и Германия должна будет и впредь жертвовать своей кровью... Если же мы сумеем переменить курс политики, то... этим самым нам удастся разложить Красную Армию. Сопротивление красноармейцев будет сломлено в тот момент, когда они поверят, что Германия принесет им лучшую жизнь, чем Советы...*»[1]

Поднятую д-ром Бройтигамом проблему Розенберг решил обсудить на созванной 18 декабря 1942 года конференции с участием начальников оперативных тыловых районов Восточного фронта и представителей центральных военных управлений, ответственных за проведение политики и осуществление хозяйственной деятельности на оккупированной территории. Как и следовало ожидать, обсуждая возможности привлечения советского населения к активному сотрудничеству с немцами, военные представители недвусмысленно заявляли, что вермахт нуждается в непосредственном использовании населения оккупированных районов для ведения боевых действий и восполнения потерь личного состава. Без привлечения сил местного населения, по их мнению, не могла быть успешно решена одна из важнейших проблем — борьба с партизанами. Подытоживая свои соображения, они объявили о необходимости пойти на определенные уступки в обращении с местным населением, такие как ускоренное восстановление частной собственности, в особенности на землю, улучшение продовольственного снабже-

---

[1] Нюрнбергский процесс. М., 1996. Т. 2. С. 234. Цит. по: *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 44—45.

ния, свертывание принудительной депортации, хотя бы ограниченное участие местных жителей в решении управленческо-административных вопросов. Правда, все участники совещания, включая и представителей вермахта, недвусмысленно высказывались о том, что речь идет лишь о мероприятиях временного характера, которые сразу же после войны могут быть подвержены любой ревизии[1]. Приведенные на конференции аргументы в пользу изменения восточной политики произвели на Розенберга столь сильное впечатление, что он обещал довести некоторые соображения до фюрера. С этой целью в январе 1943 года он подготовил специально для Гитлера проект так называемой «Восточной декларации». Все ее положения сводились к трем мерам, осуществлять которые следовало незамедлительно: *«1. Создание национальных представительств отдельных народов. 2. Формирование народных армий в качестве союзников в войне против СССР. 3. Отмена всей большевистской экономической системы и переход к восстановлению частной собственности»*[2]. Однако, несмотря на согласие с некоторыми предложениями Розенберга, фюрер отклонил эту идею и отказался до окончания войны вносить в проводимую политику какие-либо изменения. Более того, 1 июля 1943 года на заключительном совещании по подготовке операции «Цитадель» перед представителями генералитета Гитлер подтвердил целесообразность исключительно пропагандистских обманных маневров и решительно предупредил о недопустимости любых практических шагов, которые могли бы привести к ослаблению немецких господствующих позиций в оккупированных районах.

Тем не менее попытки изменить восточную политику все же предпринимались. И хотя «Восточная декларация» не получила одобрения Гитлера, некоторые

[1] *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация. С. 260—261.

[2] *Умбрайт Х.* Непреодолимая проблема. Партизанская борьба в тылу Восточного фронта. С. 150.

положения этой программы были воплощены в жизнь. Это коснулось и казаков.

Еще в декабре 1942 года при Министерстве по делам оккупированных восточных территорий было организовано Казачье управление (Казакен Лейтештелле) Дона, Кубани и Терека во главе с референтом Н.А. Гимпелем, которое стало своеобразной предтечей будущего казачьего «национального представительства». К тому времени все восточные народы, чьи представители сражались в составе германской армии, уже имели свои национальные комитеты, претендовавшие в будущем на роль правительств «независимых государств». Нечто подобное было необходимо и казакам, руководящие организации которых к тому времени были сильно разобщены и занимались в основном тем, что принимали и издавали противоречащие друг другу приказы, распоряжения и декларации.

Николай Александрович Гимпель родился в 1885 году в Петербурге. Его отец был довольно известным городским архитектором. После окончания юридического факультета Петербургского университета, в 1921 году, Гимпель получил диплом доктора юриспруденции в Гейдельбергском университете. Будучи сотрудником Министерства по делам восточных территорий, Гимпель находился в непосредственном подчинении доктора Менде — одного из видных деятелей политического отдела (Мендель был руководителем отдела, занимающегося проблемами Кавказа). Гимпель считался специалистом по «народам и племенам», населяющим Россию. Созданное Казачье управление Дона, Кубани и Терека ставило перед собой следующие вполне конкретные задачи:

«1. Освобождение казаков из лагерей военнопленных.

2. Исключение вывезенных в Германию на принудительные работы казаков из положения остарбайтеров и легализация их положения.

3. Материальное обеспечение казачьих беженских семей, находившихся в Германии и зависимых от нее странах.

4. Установление связей между казачьими беженцами и их родственниками, нашедшими приют в странах Западной Европы в 20—30-е годы.

5. Организация приемных беженских пунктов с обеспечением временного проживания и питания для прибывавших с востока казаков.

6. Выдача продовольственных карточек казакам и членам их семейств в Берлине.

7. Оказание юридической помощи казакам.

8. Координация и направление казачьих беженцев с территории казачьих земель в западном направлении.

9. Издание журнала «Козакен Нахрихтен» («Казачьи ведомости») тиражом в 10 000 экземпляров ежемесячно.

10. Наблюдение за казачьей общественно-политической жизнью.

11. Подготовка организации временного правительства за границей»[1].

Казачье управление под руководством Гимпеля развило достаточно активную деятельность. В помещении Управления в Берлине имелась богатая библиотека, откуда посылались на фронт книги. Также собирались и отправлялись в многочисленные казачьи части подарки. Это были самые разные предметы обихода — гребенки, нитки, иголки, мыло и многое другое. С середины 1943 года организация начала оказывать помощь всем казакам в поиске пропавших родственников. Во всех казачьих газетах были опубликованы такие вот объявления: «*Ввиду того, что условия войны и эвакуации разъединили многие семьи казаков, чтобы дать*

---

[1] *Ленивов А.К.* Под казачьим знаменем. Эпопея Казачьего Стана под водительством Походных атаманов Казачьих войск С.В. Павлова и Т.И. Доманова в 1943—1945 гг. Мюнхен, 1970 // Кубанец. 1992. № 2. С. 41—42.

им возможность вновь связаться, Управление просит всех казаков, особенно Донского, Кубанского и Терского Войск, в самое кратчайшее время прислать сведения о себе: 1. Где и когда родился (область, станица, родители)? 2. Адрес в настоящее время? Желательна краткая биография»[1]. К середине 1943 года Управлению удалось освободить до 7 тысяч казаков, находившихся на положении остарбайтеров, и добиться выдачи им германских иммиграционных паспортов, закрепивших их новый статус. Уже 24 июня на встрече в Белграде с атаманами донских, кубанских и астраханских казаков Гимпель объявил им, что *«германским правительством вопрос бытия казачества... разрешен в положительном смысле»*[2].

Казалось бы, дело действительно сдвинулось с мертвой точки: 21 апреля 1943 года был получен приказ за подписью начальника штаба сухопутных войск генерала Цайтцлера о формировании 1-й казачьей кавалерийской дивизии, которую вполне можно расценивать наряду с Казачьим Станом как «народную армию» казаков. В феврале—марте 1944 года в Берлине было организовано и что-то вроде временного казачьего правительства за границей (официально утверждено 31 марта), получившего название Главного управления казачьих войск (ГУКВ) во главе с П.Н. Красновым. Правда, задачи, поставленные перед этим Управлением, были исключительно формальными, и ни о каком действительном руководстве не могло быть и речи. Ни одно распоряжение, ни один документ, выданный Главным управлением казачьих войск, не считался действительным без подписи доктора Гимпеля, который все инструкции получал непосредственно у Розенберга. И лишь экономическую оккупационную политику немцам не удалось привести в соответствие с требованиями дек-

[1] Казачьи ведомости. 1943. № 3. 5 октября. С. 15.

[2] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 10. Л. 78.

ларации. Но тут уже виноваты не они, а стремительное наступление Советской армии.

После Сталинградской битвы, когда окончательно стало ясно, что немцам придется оставить Северный Кавказ, перед германским руководством встала неожиданная проблема — обеспечение не только своего отхода, но и отступления довольно большого количества беженцев. В конце концов, часть казачьих частей и просто отступивших вместе с немецкой армией казаков были направлены в небольшой польский городок Млаву (Милау) для формирования 1-й казачьей дивизии под командованием немецкого генерала фон Паннвица, а оставшиеся (как правило, это были целые казачьи семьи с детьми, женщинами и стариками) с середины 1943-го начали собираться под командованием атамана С.В. Павлова и образовали так называемый «Казачий Стан». Одним из сборных пунктов стал украинский город Кировоград, где к июлю 1943 года собралось до 3 тысяч человек, а другим — Проскурово, где к этому времени было уже около семи тысяч казаков и членов их семей. Собранные здесь казаки никак не могли понять, кем же они на самом деле являются для своих союзников: равноправными партнерами или случайными попутчиками? Естественно, что и перед германским руководством остро встала проблема определения статуса этих беженцев, да и всех казаков. Ко всему прочему, 25 сентября 1943 года было принято решение о замене немецких батальонов на Западе восточными частями, а 10 октября вышел приказ фюрера о переброске восточных частей во Францию, Италию и на Балканы.

Этот приказ был чрезвычайно непопулярен среди простых казаков, не желавших уезжать далеко от казачьих земель, ведь, уезжая, они теряли возможность воевать непосредственно с армией своего главного врага — «жидо-большевизма». Германское руководство, понимая, что необходимо хоть как-то утрясти пробле-

му казачьих беженцев и успокоить отправляющихся на Запад казаков, начало всячески с ними заигрывать. Отсюда и разрешение использовать казачью униформу, и показная отправка группы молодых казаков в кавалерийскую школу в Германии, и обещания помощи в построении будущей казачьей жизни в Восточной Европе под защитой фюрера. Венцом же «уступок» стала специальная Декларация германского правительства по казачьему вопросу, которая была подготовлена д-ром Гимпелем при участии генерала П.Н. Краснова и торжественно обнародована 10 ноября 1943 года (*полный текст декларации и заявления П.Н. Краснова и В. Глазкова по этому поводу см. в Приложении 2.5*). Германское руководство, прекрасно понимая, что казакам необходимо дать цель, за которую они стали бы воевать вдали от родины, пошло на беспрецедентные шаги. В декларации (за подписями начальника штаба Главного командования вермахта и рейхсминистра по делам оккупированных восточных областей Розенберга) признавались неприкосновенность казачьих земель и права казаков на государственную самостоятельность. До тех пор, пока возвращение казаков на родину не станет возможным, германское правительство гарантировало им свое покровительство и даже обязывалось предоставить территорию для временного расселения. Документ совершенно уникальный в немецкой восточной политике. Неизвестно, правда, остались бы положения декларации в силе, если бы казакам удалось вернуться на родину, но свою главную задачу она выполнила — казаки получили документальное подтверждение своих прав в качестве союзников нацистской Германии.

Реакция на этот документ среди казачества была в целом восторженной. Особенно обрадовались те казаки-беженцы, которые отступали вместе с германской армией с территории Дона, Кубани и Терека, ведь им были обещаны новые земли для *«построения казачьей*

жизни». Однако встречались и довольно комичные оценки этого исторического документа: *«Наши предки,* — пишет в конце 1943 года неизвестный казак-националист в гневном послании к руководителю КНОД Василию Глазкову, — *гордились именем казак, а нам приходится быть довольными, что нас поставят во фронт после грузин, армян, туркестанцев и татар, какая мерзость!.. Неужели мы этого заслуживаем? И даже довольны этим. Если б наши предки стали из своих гробов, то взяли бы хворостину, да колом таких казаков, которые не смогли поставить имя казак на должное место, а унизили его даже после татар и армян... Я не знаю, что Вы там думаете и потом говорите, что нужно быть довольными и гордиться именем казака. Мы в таком случае не можем быть потомками наших предков!»*[1]

Глава 7

ОРГАНИЗАЦИЯ КАЗАЧЬЕЙ ЖИЗНИ НА УКРАИНЕ, В БЕЛОРУССИИ И В СЕВЕРНОЙ ИТАЛИИ

Вскоре казаки получили то, что было обещано им в декларации. Как уже было сказано, к этому времени основная масса казаков-беженцев с территории Дона, Кубани и Терека была разделена на две части. Одни находились в расположении 1-й казачьей кавалерийской дивизии, а другие — в так называемом Казачьем Стане полковника С.В. Павлова. Осенью 1943 года казакам из Казачьего Стана были предоставлены обширные территории на Западной Украине, в окрестностях села Балино и городка Каменец-Подольского. Только казаки обустроились и начали понемногу обживаться, как

[1] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 2. Л. 131.

поступил новый приказ немецкого командования, и весной и в начале лета 1944 года Казачий Стан был вынужден передислоцироваться в Белоруссию, где казакам предоставили 180 тысяч гектаров земли в районе городов Барановичи, Слоним, Новогрудок, Ельня и Столицы. Этот район считался настоящим «партизанским раем», и здесь уже действовало несколько добровольческих частей из бывших советских граждан: казачий дивизион под командованием сотника Холодного, белорусский отряд Рагули и бригада Каминского (Русская освободительная народная армия — РОНА).

Штаб формирования казачьих полков расположился в городе Новогрудок. Все казачьи беженцы были сгруппированы по отдельным Казачьим войскам (Донское, Кубанское и Терское), а внутри их уже делились по округам и отделам. Были назначены окружные атаманы, то есть, по сути, воспроизведена структура казачьих поселений на Дону, Кубани и Тереке.

Понемногу жизнь казаков в Белоруссии начала входить в привычное русло. Были открыты церкви и даже казачья епархия, мастерские, типографии, издавалась своя газета, функционировали школы, в том числе начальные. Казачьи строевые части прикрывали казачьи поселения от партизан. Вот небольшой отчет о жизни казачьих станиц в Белоруссии: «*Во II-м казачьем полку организована станица Крюковская... Станичное правление, во главе с атаманом Игнатовым, первым делом взялось за ремонт церкви и организацию службы в ней... Созданы также кузнечная, сапожная и пошивочная мастерские. Приводятся в порядок улицы, дворы и квартиры. Открыты бани и прачечные. Для казаков выделена земля... под руководством агронома станичного правления казаки приступили к полевым работам на своих участках... Казачье духовенство по прибытии на место нового поселения временно открыло три молитвенных дома... В селе К. открыта казачья амбулатория... В селе, где расположена тре-*

тья донская сотня, по инициативе сотника Обухова организованы мастерские для обслуживания казаков-поселенцев и местных жителей... В Донской и Кубанской станицах состоялись собрания старейших казаков, на которых обсуждались кандидаты на должность станичных атаманов. На должность станичного атамана выдвинуты: в первой Донской станице казак войска Донского, Семикаракоровской станицы сотник М.К. Мартынов, в первой Кубанской станице казак Кубанской области полковник И.М. Будаков... В районе нового казачьего поселения 1 мая состоялся первый съезд духовенства и церковных старост казачьих церквей»[1].

На некоторое время жизнь настолько успокоилась, что в конце мая 1944 года казаков посетил один из самых уважаемых казаков-эмигрантов — В.Г. Науменко. Немецкое командование тоже было довольно, ведь партизаны теперь переключились на казаков. В конце концов между казаками и руководителем СС в Белоруссии группенфюрером фон Готтбергом было даже заключено специальное соглашение, согласно которому «казаки-поселенцы составляются в войска из имеющихся военнослужащих на том же основании, как и остальные союзники Германии. Казаки находятся под собственным командованием и воюют, соблюдая свои прежние традиции. Вооружение, обмундирование и снаряжение казаков, а также их питание и обеспечение проходят по тем же правилам, что и для германской полиции, причем не делается разницы между теми казаками, которые воюют в боевых соединениях, и теми, которые остаются на одиночной службе для защиты деревень. В отношении обеспечения членов казачьих семей, а также общей опеки, действуют те же

[1] Казачья лава. 1944. № 9. 8 июня. С. 4.

постановления, что и для членов семей германской полиции»[1].

17 июня во время одной из операций погиб атаман С.В. Павлов, и на его место приказом П.Н. Краснова был назначен Тимофей Иванович Доманов, по этому случаю произведенный в полковники. Личность Тимофея Доманова также до сих пор вызывает много споров среди исследователей. Кто-то считает его серенькой, ничего не представляющей собой личностью, получившей известность только в результате счастливого стечения обстоятельств, кто-то называет казачьим героем, положившим жизнь на алтарь победы казачества над большевизмом. Сам же он на послевоенных допросах недвусмысленно заявлял, что «был секретным сотрудником НКВД и перед уходом Красной Армии из города получил задание от заместителя начальника горотдела НКВД — остаться в тылу немецких войск, выявлять предателей и уничтожать наиболее видных оккупантов». На том же допросе он показал, что еще в 1937 году сдал органам НКВД своего брата, который *«выпивал со странными людьми и вел с ними антисоветские беседы»*[2]. Как бы то ни было, но именно Доманов в дальнейшем исполнял, и довольно успешно, роль Походного атамана. Наиболее точно охарактеризовал его место в трагической истории казачества во Второй мировой войне внук генерала П.Н. Краснова Николай Краснов, который был единственным из этой прославленной казачьей семьи, кто смог пройти послевоенный ГУЛАГ и выжить: *«В Москве, в тюрьме, где мои встречи с людьми были случайными и короткими, до меня доходили о Доманове очень нехорошие слухи. Повторять их не буду, ибо не уверен в их точности. Во*

---

[1] Казачья лава. 1944. № 9. 8 июня. С. 4.

[2] *Решин Л.* «Казаки» со свастикой. Документы из архивов КГБ. Родина. 1993. № 2. С. 73—74.

всяком случае, Доманов был казнен в тот же день, когда мученической смертью пали и белые генералы»[1].

К июлю 1944 года стало ясно, что и в Белоруссии казакам удержаться надолго не удастся — немцы продолжали отступать на запад. И в начале второй декады июля был получен приказ о перемещении Казачьего Стана в Польшу — в район Здунская Воля-Ширас-Серадзь, где казаки вновь попытались наладить привычную жизнь. «*Выяснилось*, — вспоминает жизнь в Польше доверенное лицо П.Н. Краснова М.М. Ротов, — *наличие довольно большой культурной силы: было много духовенства, учителей разных ступеней школ, врачей, фельдшеров, хористов и т. д... При Донском окружном управлении, где было сносное помещение, был устроен съезд духовенства под председательством протопресвитера Г. Образовали благочиние Дона, Кубани и Терека и постановили начать богослужения... В станицах под наблюдением вахмистров и урядников занялись казачатами. Им рассказывали о былой жизни казачества, учили петь казачьи песни. Заработали швейные мастерские... Казачьи поселения меняли вид цыганских таборов на организованные станицы и хутора*»[2]. Однако и здесь казакам задержаться было не суждено.

Через месяц было получено согласие немецкого начальника итальянской области Триест обергруппенфюрера Глобочника на поселение казаков в Северной Италии. И в сентябре 1944 года казаков направили в район небольшого городка Джемоны. В этом городе разместился штаб Походного атамана, а станицы разбили лагерь в окрестностях большого села Озопо. В начале октября казаков перебросили немного севернее в район города Толмеццо, где им были предоставлены

[1] *Краснов Н. (младший).* Незабываемое. 1945—1956. Москва, 2002. С. 56.

[2] *Науменко В.Г.* Великое предательство. С. 31.

территория площадью 180 тысяч гектаров и полная свобода в деле построения казачьей жизни на чужбине. В ноябре 1944 года атаманов Тимофея Доманова и П.Н. Краснова принял Альфред Розенберг, которому они доложили об окончании переброски Казачьего Стана в Италию. «*Поблагодарив министра за его заботу и попечение о казачестве, генерал П.Н. Краснов заявил, что большевизм, являющийся смертельным врагом германского народа, в равной степени враг и свободных казаков... Для казаков, как для истинных воинов, существует только лишь одна задача: сообща с Германией, верными ее Фюреру, бороться против врага европейских народов. Походный атаман полковник Доманов сделал министру доклад о трехтысячекилометровом походе одной боевой группы казаков вместе с семьями, конями и скотом. Он упомянул также о благоприятном ходе расселения и устройства казачьих станиц на отведенных недавно землях, где казаки нашли свою новую родину и успешно решают поставленные перед ними новые великие задачи*»[1].

Система подчинения Походного атамана Доманова в Италии выглядела следующим образом: 1) по германской военной линии — генералу Глобочнику; 2) по германской административно-гражданской линии — доктору Гимпелю, начальнику Казачьего управления Дона, Кубани и Терека, через уполномоченного представителя Э. Радтке; 3) по казачьей линии — генералу от кавалерии П.Н. Краснову. В феврале 1945 года как раз недалеко от Толмеццо обосновался главный мозговой центр казачьего движения — Главное управление казачьих войск во главе с П.Н. Красновым, а вскоре туда же переехало и Казачье управление Дона, Кубани и Терека.

Перед самым приездом казаков несколько итальянских селений были полностью освобождены от мест-

---

[1] Казачья лава. 1944. № 32. 19 ноября. С. 1.

ных жителей. Естественно, выселяемые из своих домов итальянцы брались за оружие и уходили к партизанам, а те, кто остался, старались не иметь с казаками никаких дел. Также не способствовали установлению хороших взаимоотношений имевшие место воровство, грабежи и пьяные выходки. К концу войны дисциплина в Казачьем Стане расшаталась, многие казаки стали неуправляемыми: пьянство, жажда наживы, самозванщина — все эти пороки были весьма распространены среди казаков в Италии.

В официальной еженедельной газете Казачьего Стана «Казачья земля» было даже опубликовано несколько статей, чьи названия говорили сами за себя: *«Порядок — родной брат дисциплины», «Враг внутренний». Вот наиболее интересные выдержки из них: «Как обстоят дела с дисциплиной в наших полках и станицах? Не вполне благополучно... Очень часто причиною нарушения требований дисциплины является увлечение приобретательством, различными коммерческими комбинациями, которые, между прочим, ведут и к добыче денег. Появление же денег у казака часто сопровождается выпивкой, порою весьма обильной. Ну а «Пьяному и море по колено». Начинается многословие, переходящее иногда в сквернословие, грубость, панибратство начальника с подчиненными, нарушение интересов мирного населения, невыполнение своих служебных обязанностей. Далее, наблюдаются также случаи нарушения требований дисциплины в отношении точного и беспрекословного выполнения приказаний начальника, когда получивший его медлит с выполнением или вступает с начальником в ненужные рассуждения... Необходимо все недостатки в отношении требований дисциплины изжить и воспитать высокодисциплинированных казаков. Для этого имеется ряд средств: 1. Хороший пример начальника. 2. Систематическая воспитательная работа командного состава и пропагандистов. Для воспитательной работы можно использовать также газеты, журна-*

лы, книги, житейский опыт из прошлого и настоящего. На лучших образцах нужно выковывать сознание и дух казаков. 3. Эмоциональное воздействие на казака (музыка, пение, пьеса, поэзия) путем устройства вечеров самодеятельности. Необходимо безотлагательно открыть «Казачьи курени», взять на учет культурные силы полка, станицы и использовать их для оборудования «Куреней» и развертывания в них воспитательной работы. 4. Меры поощрения для выполняющих дисциплину и наказания ее нарушителей... Первым таким врагом, разъедающим организм нашего дела — строительства казачества, несомненно являются непомерные аппетиты в смысле занятия должностей и создания себе высоких положений очень многих из нас... На законном основании стали производить в следующие чины через 4—6 месяцев. Значение чина уменьшилось, аппетиты разгорелись, головы закружились... Второе зло еще горше первого, и весьма ему родственно. Это самозванщина. Под предлогом потери документов, а иногда и с документами, подписанными никому не ведомыми свидетелями, объявляют себя в чинах лица, которые, даже при поверхностном исследовании их прошлого, явно не могут в них находиться... Третий наш враг. Это ужасное бедствие, которое мы допустили обрушиться на наши измученные головы. Сами допустили! Никто другой! Я говорю о пьянстве. Чего греха таить! И в старое время любили мы и выпить, и посидеть за чаркой, а когда и «черта за хвост дернуть»... Но напиваться? Нет!.. А теперь? Напиться считается нормальным явлением»[1].

Как бы то ни было, но в последние месяцы войны Северная Италия стала родиной для тех казаков, кто покинул свои исконные земли и связал дальнейшую судьбу с немцами. По данным походного штаба Поход-

---

[1] Казачья Земля. 1944. № 7. 26 октября. С. 1; Казачья Земля. № 8. 1944. 29 октября. С. 1.

ного атамана Доманова, к концу сентября в Северную Италию прибыли 15 тысяч 590 казаков, казачек и казачьих детей, чуть позднее — еще 5 тысяч 492 казака[1] (по другим данным — 19 тысяч казаков, 6 тысяч пожилых казаков и 7 тысяч членов их семей[2]). А уже спустя 7 месяцев, согласно «Строевому рапорту по казачьим частям Походного атамана генерал-майора Доманова по состоянию на 27 апреля 1945 года», численность Казачьего Стана превышала 31 тысячу человек (16 485 рядовых и унтер-офицеров, 1576 офицеров, 592 чиновника, 6304 нестроевых, 4222 женщины, 2094 ребенка в возрасте до 14 лет и 358 подростков до 17 лет)[3]. Но и эту цифру нельзя назвать на 100% точной, так как, например, по данным Кубанского Войскового атамана В.Г. Науменко, часто бывавшего в Италии с ревизиями, численный состав Казачьего Стана к 6 января 1945 года составлял: боевой состав — 9411 человек, нестроевых — 3733 человека, женщин — 2848 человек, детей — 1712 человек; всего — 17 713 человек[4], а согласно данным архива военного министерства Великобритании, в мае 1945 года его численность составила 23 800 человек[5]. Таким образом, можно предположить, что к концу войны численный состав этого военно-гражданского формирования в результате большой текучки колебался от 25 до 35 тысяч человек.

Сами очевидцы тех событий весьма красочно описывают появление казаков на новой родине. «*При появлении в Северной Италии*, — пишет А.К. Ленивов, — *казаки представляли собой кочевой народ — женщины и дети, посаженные на повозки и арбы, влекомые*

---

[1] *Ленивов А.К.* Под казачьим знаменем. Эпопея Казачьего Стана под водительством Походных атаманов Казачьих войск С.В. Павлова и Т.И. Доманова в 1943—1945 гг. Кубанец. 1993. № 3. С. 49.

[2] *Newland S.* Cossacks in the German army 1941—1945. P. 134.

[3] *Науменко В.Г.* Сборник материалов о выдаче казаков в Лиенце и других местах в 1945 году. USA. 1953—1960. С. 29.

[4] *Науменко В.Г.* Великое предательство. Спб, 2003. С. 330.

[5] *Толстой Н.Д.* Жертвы Ялты. М., 1996. С. 191.

лошадьми и верблюдами, в сопровождении табунов лошадей и гуртов скота, охранявшихся многочисленными собаками»[1]. Казачий Стан был введен в подчинение командующему войсками СС и полиции прибрежной зоны Адриатического моря обер-группенфюреру СС Одило Глобочнику. С первого же дня пребывания в Италии все казаки и их семейства стали получать улучшенный продовольственный паек и ежемесячное жалованье в итальянской валюте. Несмотря на это, положение казаков было настолько тяжелым, а сами они были настолько измучены постоянными походами, что 16 октября 1944 года генерал П.Н. Краснов был вынужден издать специальный приказ о помощи казакам деньгами и одеждой: «*Нужда огромная. Наши семьи разуты и раздеты. Надвигается зима. Надо одеть детей, женщин, стариков и инвалидов... Нужна* ***широкая самопомощь****. Не только деньгами, но, кто может, и вещами — бельем (особенно бельем), обувью —* ***18 месяцев похода!*** *— одеждой, теплыми вещами, домашней утварью. Казаки, шлите деньги и вещи через курьеров или почтою в адрес Главного Управления Казачьих Войск»*[2].

Со временем казаки совсем освоились на предоставленной им территории и, небезосновательно рассчитывая на поддержку немцев, попытались наладить в Альпах настоящую казачью жизнь. 14 декабря в Толмеццо была открыта первая казачья школа, а по состоянию на 26 апреля 1945 года в Казачьем Стане имелись: казачье юнкерское училище с 2-летним курсом обучения; казачья военно-ремесленная школа с 2-летним курсом обучения (имела мастерские: сапожную, портняжную, слесарную, жестяную, кузнечную, шапочную, кожевенную, красильную, шорно-седельную, мы-

[1] *Ленивов А.К.* Под казачьим знаменем. Эпопея Казачьего Стана под водительством Походных атаманов Казачьих войск // Кубанец. 1993. № 3. С. 49—50.

[2] Казачья Земля. 1944. № 8. 29 октября. С. 4.

ловаренную и часовую); войсковая гимназия смешанного типа, рассчитанная на 7-летнее обучение; женская школа (2-летнее обучение); шесть начальных и церковно-приходских школ; восемь детских садов. В будущем планировалось даже открыть некоторое подобие «Института благородных девиц». Программы занятий для всех учебных заведений разрабатывались специально для этого созданным Отделом просвещения при Штабе Казачьих войск. В Толмеццо был открыт казачий музей, в котором, по свидетельству очевидцев, имелись довольно редкие экспонаты. Был в этом городке и свой казачий театр, где театральные представления давала труппа профессиональных артистов. В окрестностях Толмеццо, в крохотном итальянском селе работала казачья типография, где печатались учебники, церковные книги, молитвенники и казачья литература. Практически в каждом населенном пункте были организованы небольшие библиотеки и избы-читальни. В Казачьем Стане имелся даже «Совет казачьих ученых» под председательством профессора Свидерского. Был составлен казачий уголовный кодекс и открыт казачий банк. В день его открытия по всем станицам и в газете «Казачья земля» было распространено такое вот объявление: «*Организован и приступил к работе казачий банк. Банк производит прием от всех казачьих учреждений наличных денег и по поручениям и по их распоряжениям совершает соответствующие операции. Принимает от гг. офицеров и казаков на хранение на срочные и бессрочные вклады с завещаниями, с выдачей вкладчикам вкладных книжек. По срочным вкладам выплачиваются вкладчикам проценты. Принимает от учреждений деньги: германские, польские, советские и других государств на возможный их обмен на итальянские деньги. Принятые деньги вплоть до обмена хранятся на вкладах вкладчиков с выдачей вкладчикам вкладных книжек, а от учреждений на их особых счетах. За сохранность вкладов банк несет материальную от-*

ветственность, а за тайну вкладов ответственность по законам Казачьего суда. Управляющий казачьим банком ЛЕВШИН»[1]. Был открыт комиссионный магазин, работали самые разные мастерские. В Толмеццо находился главный автогараж Казачьего Стана и авторемонтные мастерские, оборудованные по последнему слову техники. Имелась казачья больница на 350 коек, военный госпиталь на 150 коек, 14 зубоврачебных пунктов, аптеки, 2 родильных дома и детские ясли. В Казачьем Стане существовало и Епархиальное управление во главе с протопресвитером казачьего духовенства протоиереем Василием Григорьевым. Под его началом находилось 46 священников и дьяконов. Здесь же находился и Войсковой Собор.

Казаки начали даже переименовать села, в которых жили, не говоря уже об улицах. При въезде в деревушку Алессо бросался в глаза громадный плакат с надписью «Новочеркасск». А на всех улицах красовались таблички с новыми-старыми названиями: Платовский, Ермаковский, Баклановский проспекты, Почтовая, Комитетская улицы, которые существовали в досоветском Новочеркасске. Центром кубанских беженских станиц было большое село Каваццо-Карнико, расположенное в 6 километрах от Толмеццо. Здесь было сосредоточено до 5 тысяч кубанцев. Это село было знаменито своим казачьим рынком, куда по воскресным дням съезжались сотни казаков со всех станиц. Здесь можно было купить все, что раньше продавалось на станичных базах Кубани: кислое молоко в глиняной махотке; «казачью присягу» (запеченное в духовке кислое молоко); «сюзьму» (казачий сыр), семечки подсолнечника, атаманские горячие бублики, кныши, оладьи, маковки, сальнички, пирожки с ливером, тарелку настоящего казачьего борща, заправленного старым салом, с красной горчицей и сметаной, квас, самогон и многое другое. С приближе-

[1] Казачья Земля. 1944. № 8. 29 октября. С. 4.

нием весны 1945 года было решено организовать посевную кампанию, но окончившаяся война помешала казакам создать окончательную иллюзию казачьей родины.

На фоне подобного изобилия стали частым явлением казачьи свадьбы и... расправы итальянских партизан над своими девушками! Итальянцы настолько ненавидели казаков, что всякую, замеченную в интимной связи с казаком, обстригали налысо! В этом-то и заключалась главная трагедия последних месяцев казачьей жизни в Европе. Бежав от «коммунистических захватчиков», казаки сами стали ненавистными оккупантами, захватившими чужие земли. Много лет спустя сами казаки уже совсем по-другому оценивали свою жизнь в Италии. «*Казаки-оккупанты*, — вспоминает непосредственный участник тех событий Е.Б. Польская (ее муж был главным редактором газеты «Казачья лава»), — *занявшие итальянские селения вокруг северо-итальянских альпийских городков Толмеццо и Удино, где располагался штаб атамана Доманова, назвали эти чужие селения «станицами». Селенья Северной Италии были европейского типа, с каменными двухэтажными домами. Казаки перестраивали их по-своему, будь избыток навоза, построили бы себе и саманные хаты. Убогие участочки земли, которую итальянцы гористого этого края вручную наносили с долин, подобно нашим горцам, были присвоены. Итальянцы ненавидели казаков-грабителей больше, чем немцев. Новые хозяева оккупированной местности жили казачьим бытом... Для молодежи в селении Вилла Сантина было открыто юнкерское училище. Проектировался «Институт благородных девиц»... Играли свадьбы в отнятых у итальянцев храмах. Устраивали базары, на которых можно было купить и картошку, и сало — местного уже производства. Вся эта «опереточная жизнь» принималась всерьез как образчик будущего устройства, либо снова на Родине, либо, в случае поражения, «где-нибудь», «куда победители нас направят». Отношения с итальянцами не*

были мирными не только в силу грабежа целой местности, но и потому, что «станицы» были для немцев плацдармом для борьбы с местными партизанами. Итальянцы строго отличали казаков в форме от «русских» — так они называли массу интеллигентов и штатских, откатывавшихся в Италию к концу войны. Мы, «русские», — не грабили, не обижали, знали культуру народа... Казаки же — «прислужники тедесков» — охотились за партизанами. Мы сами тоже не отождествляли себя с такими казаками, возмущаясь их традиционным поведением в войнах»[1].

* * *

Подводя итог, можно сказать, что политика немецкого руководства по отношению к казакам на протяжении всей войны была очень неоднозначной. До ноября 1943 года большинство политических руководителей Третьего рейха считали, что казаки не являются национальностью, а следовательно, не заслуживают никакого специального обращения, однако армейские начальники, понимая, что восполнять растущие в геометрической прогрессии потери невозможно, наоборот, выступали за активное использование казаков в рядах германской армии. Неудивительно, что все эксперименты, связанные с казачьей автономией, правом выбирать атаманов и т. п., были проведены именно с санкций армейских руководителей и зачастую — без согласования с Берлином. В конце концов, точка зрения руководителей вермахта победила, и 10 ноября 1943 года была оглашена декларация германского правительства, которая должна была бы способствовать военной и политической консолидации казачества, а также уверить казаков в том, что им обеспечено теплое местечко в «Новой Европе», которая будет создана

[1] *Польская Е.Б.* Это мы, Господи, пред Тобой... Невинномысск, 1995. С. 18—19.

под главенством великой германской расы. После этого казаки действительно почувствовали себя равноправными союзниками немцев. Им были предоставлены обширные территории в «исконно казачьих» Западной Украине, Белоруссии и Северной Италии, они получили различные привилегии и покровительство немецкого руководства на местах, казаки-солдаты были во многом уравнены в правах с немецкими военнослужащими. Но за это они платили своими жизнями, сражаясь зачастую не только против ненавистной советской власти, но и против итальянских и югославских партизан. Они обрекали на смерть своих родных и близких, ушедших вместе с ними со своей родной земли. Они были вынуждены прогонять с нажитых мест несчастных итальянских жителей и белорусских крестьян. Они, в конце концов, в общей своей массе превратились в обыкновенных головорезов, занимающихся грабежами и насилием.

В последний раз в ставке Гитлера о казаках вспомнили на военном совете 27 января 1945 года. Уже окончательно выживший из ума фашистский лидер совершенно неожиданно с критикой обрушился на тех, кто все-таки разрешил использовать казаков на фронте, и, более того, одел их в немецкую военную форму, а потом вдруг начал рассуждать о казачьей униформе: *«Я был всегда против того, чтобы разрешить казакам носить немецкую форму. Было бы прекрасно, если бы им выдали казачью униформу и казачьи знаки отличия, чтобы все видели, что они сражаются за нас... Тем же англичанам никогда не приходило в голову одевать индийцев как англичан». Когда же генералы Йодль, Гудериан и Баргдорфа общими усилиями объяснили Гитлеру, что большинство казаков носит традиционную форму, он очень обрадовался и неожиданно заявил: «Как же прекрасно, что казаки воюют с нами»*[1].

---

[1] *Newland S.* Cossacks in the German army 1941—1945. P. 63.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.1

ЛЕНИВОВ А.К.

Казакия — «перекресток истории народов»

*(синтаксис и орфография полностью сохранены. — **П.К.**)*

В осознании реальности совершающихся событий, особенно в данный период времени, когда пожар войны охватил весь земной шар, казак обязан помнить о том, что Казачество является весьма существенным фактором истории на юго-востоке Европы.

Еще задолго до наступления нашей эры территория современных Казачьих Земель служила постоянным проходным местом в эпоху совершавшегося великого переселения народов, на протяжении нескольких тысяч лет. В силу означенных обстоятельств Казачьи Земли увековечили в истории за собою наименование «перекрестка истории народов».

Не где-нибудь, а именно на пространствах современных Дона и Кубани, определявших собой географическую границу между Европой и Азией (в представлении древних историков и географов — Геродота, Страбона, Фукидора и др.), столкнулись древнейшие цивилизации мира, как-то: финикийская, греческая, римская и степная. Аборигены великой арийской или индоевропейской расы, смешавшиеся с некоторыми иранскими племенами, положили начало многославному казачьему народу, свидетельством чего служат в первую очередь раскопки, веденные в 19—20 столетиях известным Куль-Обком (около города Керчи (Хохлачевском) в городе Новочеркасске) курганах. Помимо того, древнейшие церковные памятники (т. н. римский «Мученикослов») свидетельствует о том, что апостол Андрей Первозванный проповедовал слово Божие в среде населения, обитавшего на территории современных Дона и Кубани.

Канули целые эпохи в Лету, рушились империи киммерийцев, скифов, сарматов, аланов, готов, гуннов, болгар, аваров и др., но на территории Казачьих Земель неизменно сохранялся Казачий Народ, ибо только боевой народ, как казаки, мог здесь твердо

осесть, как правильно отмечает современный мадьярский публицист (*см. статью д-ра Иозефа в газете «Esti Hisay»*).

Казаки были первыми, которые видели проповедническую деятельность св. братьев Кирилла и Мефодия. В дальнейшем «перекресток истории народов» был ареной деятельности монгольских полчищ в период 9—15 ст. ст. от момента появления печенегов и включительно до крушения царства Тамерлана. В последующий период времени территория современных Казачьих Земель служила местом постоянной борьбы, где на протяжении нескольких столетий казачьи привольные степи обильно поливались казачьей, татарской, турецкой и московской кровью...

Говорить о каких-либо парадоксах истории много не приходится, если ставить серьезным образом вопрос, почему именно территория современных Казачьих Земель является на протяжении многих тысячелетий «перекрестком истории народов».

Мы, казаки, хорошо помним о так называемом «самоопределении народов», согласно декларации пресловутого Вудро Вильсона, причем следует особым образом подчеркнуть, что в дни так называемой Версальской Мирной Конференции 1919 года тогдашние вершители судеб мира отказали в самоопределении одним только казакам!.. И это в то время, когда казаки являлись первым народом в мире, начавшим тяжелую кровавую борьбу с жидо-большевизмом в лице Советской Москвы, отстаивая границы независимых казачьих государств. Напрасно полномочные делегации этих казачьих государств добивались признания государственной независимости последних со стороны так называемых держав-победительниц, а именно, так называемой «Большой Антанты» и Северной Америки.

Но казаки знают, чем объяснялось такое поведение Антанты, они знают, что даже на переломе 19 и 20 столетия территория Казачьих Земель служила «перекрестком истории народов», потому что русские, английские, французские, бельгийские и американские капиталы держали в своих руках всю казачью промышленность, причем все доходы шли исключительно в карманы иностранных предпринимателей. Вина в этом отношении ложится и на плечи казачьих ренегатов, которые этому способствовали.

В силу принуждения со стороны бюрократического Петербурга и пособничества своих московских доброхотов, казаки обязаны были выполнять роль усмирителей и носителей границы Московского государства «на арчаке казачьего седла», пребывая неизменным образом на «задворках» русской кавалерии.

Постепенно обращая казаков в своих «казачков», русская власть тем не менее не смогла вытравить знание казачьей исто-

рии из казачьих голов. Казаки помнили, что территория Казачьих Земель являлась неизменным образом во все времена «перекрестком истории народов» и хорошо знали, что это значит!

В чем дело и о чем, собственно, идет речь, если помнить, что сейчас стоит во весь рост и уже разрешается и Казачий Вопрос? Если на протяжении нескольких столетий своей насильственной приобщенности к Московскому государству казаки восставали и воевали против Москвы, то основанием для подобного начинания со стороны казаков служила именно неудовлетворенность их постановкой Казачьего Вопроса в Московском государстве. По мнению широких народных масс коренным разрешением казачьего вопроса может служить лишь восстановление полной государственной независимости, отнятой Петром I.

Петр I явился по времени первым великороссом, который осознал военно-политическое значение «перекрестка истории народов», т. е. территории современных Казачьих Земель. Совсем недавно на страницах европейский прессы было опубликовано обнаруженное завещание Петра I, свидетельствующее не только об агрессивности намерений автора завещания, но еще и доказывающее в полной мере, что, спустя два столетия, после смерти Петра I Сталин явился продолжателем великодержавной Московской агрессивной политики.

Учитывая приведенное, можно констатировать тот факт, что наличие «перекрестка истории народов» в составе Московского государства (каких угодно режимов), обусловливает в полной мере физическую и экономическую мощь последнего. С другой стороны установление независимости казачьего народа на «перекрестке истории народов», т. е. на территории Казачьих Земель, означает если не погибель, то полное экономическое обнищание России и низведение ее до ранга третьестепенного государства.

Формулируя сделанные предпосылки, усматриваем, что нахождение Казачьих Земель в составе Московского государства представляет для последнего следующие выгоды:

1. морское господство в Черном море;
2. морское господство в Каспийском море;
3. обладание естественной преградой в виде Кавказского хребта.

Определяя политическое значение и выгоды для Москвы удержания Казачьих Земель в своих границах, можно усмотреть:

1. наличие отправной базы для атаки через Турцию на Ирак (Моссульская нефть);
2. обладание стратегической позицией с целью прохода через Иран (Персия) к берегам Персидского залива (Бассорская

нефть и возможность создания русского флота в Индийском океане);

3. создание постоянной военной угрозы в отношении Турции, в частности образование отправной базы для атаки на Босфор, в целях прорыва к Дарданеллам, имея конечной целью обеспечение выхода к Средиземному морю;

4. оказание давления на соседние мусульманские государства;

5. невозможность сохранения государственной независимости для небольших государств, граничащих с Московским государством.

Экономические выгоды, которые вытекают из включения в ее состав Казачьих Земель, вообще не поддаются учету. Однако наиболее важными факторами в означенном отношении являются: казачий уголь (Грушевский антрацит), нефть (Грозненская, Майкопская, Эмбинская), хлеб, рыба, скот, железо (Урал), драгоценные металлы и камни (Оренбуржье, Кубань), фрукты, овощи, табак, вино и т. д. Более того, благодаря удержанию Казачьих Земель в своем составе, Москва всегда может располагать Азербайджанской нефтью (Баку), Туркестанским хлопком (в Голодной степи), марганцевыми залежами в Грузии и т. д.

Географическое положение территории современных Казачьих Земель как нельзя более определяет значение их как «перекрестка истории народов». Выгоды, которые уже имеет и которые могла бы иметь Москва от обладания территорией Казачьих Земель, следующие:

1. водный путь из Черного и Каспийского морей через реки Дон и Волгу (далее соединительные речные системы) в Белое и Каспийское моря;

2. водный путь из Каспийского в Черное море, благодаря наличию так называемой Марыческой водной системы;

3. обладание Кавказом, как соединительным рубежом между Европой, Азией и Африкой (через Аравийский полуостров).

Уяснив вполне значение территории Казачьих Земель как «перекрестка истории народов», казаки националисты, проводя в жизнь восстановление независимости казачьего народа, знают, что при новом переустройстве обновляемой Европы многославный и многострадальный казачий народ не будет забыт. Существенным основанием для подобного воззрения служит разносторонняя значимость территории Казачьих Земель, как «перекрестка истории народов».

Коротко говоря, подлинная сущность казачьего вопроса, поставленного ныне на повестку дня, заключается именно в разнице между существованием Казачьих Земель в составе Московского государства и утверждением в жизни независимости казачьего

самостоятельного государства — Казакии. В настоящий период времени казачий вопрос, предложенный казаками националистами к разрешению еще 14 лет тому назад, стал актуальным вопросом в политической ситуации сегодняшнего дня. Казакия — «перекресток истории народов» — будет принадлежать не Москве, а казачьему народу.

ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 108. Л. 310—313.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.2

ДЕКЛАРАЦИЯ Войска Донского

г. Новочеркасск
15 ноября 1942 г.

Всевеликое войско Донское в 1918 году восстановило свой исторический суверенитет, нарушенный царем Петром Первым в 1709 году, выразило свою государственность в Донской конституции и три года защищало свою исконную территорию от нашествия Советской армии (1918—1920 гг.).

Германия признала де-факто существование Донской республики, имевшей территорию, избранный всем народом Законодательный орган — Войсковой Круг, Войсковое правительство, армию и финансы.

Германская армия, во взаимодействии с Донской армией, сражалась с большевиками на границах Дона, тем самым утверждая его суверенитет.

Ныне войско Донское объявляет о восстановлении своей самостоятельности и воссоздает свою государственность, руководствуясь Основными Законами Всевеликого войска Донского.

Донское войско просит германское правительство признать суверенитет Дона и вступить в союзные отношения с Донской республикой для борьбы с большевиками.

Настоящая Декларация, исходящая от Дона, несомненно будет поддержана всеми Казачьими Войсками и утверждена в будущем Войсковыми Кругами и Радой.

Первыми и неотложными мероприятиями германского правительства, способствующими установлению союзных отношений, должны быть:

1. Немедленно освободить из всех лагерей военнопленных казаков всех Войск и направить их в штаб Походного атамана.

2. Отпустить в распоряжение Походного атамана всех казаков, находящихся в германской армии.

3. Не производить на территории Казачьих Земель принудительный набор молодежи для отправки в Германию.

4. Отозвать хозяйственных комиссаров с территории Казачьих Земель и производить снабжение германской армии за счет продовольственных ресурсов казачества только на договорных началах.

5. Отозвать комендантов из Управления донскими конными табунами, являющимися неприкосновенной собственностью войска Донского.

Донской Походный атаман ставит германское правительство в известность:

1. Воссоздаваемая Казачья Армия имеет свою историческую форму, прежние знаки различия.

2. Донское войско имеет свой национальный флаг: синяя, желтая и красная продольные полосы.

3. Донской герб — олень, пронзенный стрелой.

До времени созыва Войскового круга и создания Войскового правительства возглавителем Донского войска является Походный атаман.

При сем прилагается карта территории Дона, изданная Донским правительством в 1918 году, и копия Основных Законов Всевеликого войска Донского, принятых Большим Войсковым Кругом Всевеликого войска Донского 15 сентября 1918 года.

Донсков П.Н. Дон, Кубань и Терек во Второй мировой войне. В сб.: Трагедия казачества. М., 1993. С. 557—558.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.3

ВОПРОСЫ, подлежащие обсуждению «Комиссии по казачьим делам при Представительстве Штаба Войска Донского в Ростове» 23 января 1943 года

1. Границы земли Войска Донского. Округа, исторические, природные, экономические обоснования границ и районирования. Карта распространения казачьего и неказачьего населения. Главный город, города области, окружные города и станицы, ху-

тора, села, юрты, волости. Присоединение к Области городов Царицына, Бахмута и Юзовки (Сталино).

2. Права гражданства в земле Войска Донского. **Порядок принятия в казаки. Исключение из гражданства и из казачества.**

3. Самоуправление Войска Донского. Войсковой Круг, станичные сборы, сельские и хуторские сходы.

4. Организация управления. Атаманы Войсковой, Походный, Окружные, станичные, хуторские. Станичное правление. Волостные старшины. Волостное правление. Сельские старосты. Полиция и полицмейстеры, приставы, заседатели, урядники.

5. Войсковое областное Управление. Комитеты, Управления и Отделы. Атаманская канцелярия. Народное образование. Сельское хозяйство. Горный комитет, Лесной, Здравоохранения, Промышленности, Торговый, Межевой, Статистический, Картографический, Путей сообщения, Связи (Почта, телеграф, телефон, радио).

6. Судебные установления. Судебная Палата, Окружные суды, Съезд Мировых судей, Станичные и Волостные суды. Прокуратура, адвокатура. Тюремное ведомство.

7. Народное образование. Высшие учебные заведения, средние и низшие. Научно-исследовательские учреждения, музеи и библиотеки. Театры и зрелища. Правительственные издания (печать).

8. Церковь, ее организация и управление. Инославные и иноверческие исповедания и секты.

9. Общественное призрение. Дома для инвалидов и престарелых и другие формы социального обеспечения.

10. Землевладение и землепользование. Земли войсковые, юртовые, общественные (городские и сельские). Частное землевладение. Домовладение и усадьбы. Донской казачий земельный банк.

11. Сельское хозяйство. Колосовые культуры. Интенсивные культуры (табак, кенаф[1], подсолнух, лекарственные растения).

12. Садоводство и огородничество.

13. Виноградарство и виноделие.

14. Скотоводство крупное и мелкое.

15. Коневодство.

16. Рыболовство и охота.

17. Пчеловодство.

---

[1] К е н а ф — вид однолетних лубоволокнистых растений семейства мальвовых.

18. Сельскохозяйственная промышленность: кожевенная, консервная, спиртовая.

19. Горные промыслы и промышленность добывающая.

20. Промышленность обрабатывающая, тяжелая и машиностроение.

21. Промышленность легкая и кустарная.

22. Торговля импортная, экспортная, транзитная и внутренняя. Донской казачий коммерческий банк.

23. Донская армия, флот и авиация. Воинская повинность.

24. Герб, печать, знамя и форма Войска Донского.

Председатель М. Миллер

Миллер М. По поводу «Казачьей трагедии» // Родимый край. № 34. Май—июнь 1961. С. 19—21.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.4

ОБРАЩЕНИЕ к населению Кубани инициативной Группы Возрождения Кубанского Казачьего Войска

«Инициативная Группа Возрождения Кубанского Казачьего Войска благодарит Германские вооруженные силы за освобождение Кубани от коммунизма и за уничтожение системы колхозов.

Население Кубани должно быть подготовлено для активной добровольческой борьбы с коммунизмом в рядах возрождающегося Кубанского Казачьего Войска. Сейчас разрешено организовать станичные гарнизоны, но недалеко то время, когда они будут сведены в полки и дивизии.

Казаки, взявшиеся за оружие, не ставят своей целью сведение счетов с иногородними или насильно вселенными на Кубань. Народ ни в коем случае не может нести ответственность за злодеяния коммунистической власти.

Антагонизм и шовинизм, направленные на нарушение нормальной жизни, будут караться военными немецкими судами. Наше желание направлено в первую очередь на окончательное уничтожение коммунизма. Только при этом условии мы можем заняться мирным трудом на нашей земле, обильно политой кровью наших предков, отцов и братьев. Только при уничтожении системы рабского труда мы сможем восстановить храмы Господни и озеленить наши кладбища, большевиками превращенные в пустыри и выгоны.

Самосуды и сведения личных счетов военным командовани-

ем запрещаются. Разбор гражданских неурядиц может разрешиться только местными властями. Анархия будет пресекаться силой оружия.

В формирующееся Кубанское Войско могут вступать все желающие, независимо от того, что они раньше не были причислены к казачьему сословию. Все, взявшиеся за оружие, первые будут иметь право считаться приписными казаками. Земли хватит всем.

Казаки — военное сословие, всегда было кровным врагом интернационального коммунизма, и это уже одно дает надежду, что мы будем признаны союзниками Германии».

Родимый Край. 1964. № 51. Март—апрель. С. 17.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.5

Декларация Германского правительства

10 ноября 1943 г.

КАЗАКИ!

Казачьи войска никогда не признавали власти большевиков. Старшие войска — Донское, Кубанское (бывшее Запорожское), Терское и Уральское (бывшее Яицкое) — жили в давние времена своей государственной жизнью и не были подвластны московскому государству. Вольные, не знавшие рабства и крепостного труда, — вы, казаки, закалили себя в боях.

Когда большевики поработили Россию, вы с 1917-го по 1921-й боролись за свою самобытность с врагом, во много раз превосходившим вас числом, материальными средствами и техникой.

Вы были побеждены, но не сломлены.

На протяжении десятка лет, с 1921-го по 1933-й годы, вы постоянно восставали против жидовской власти большевиков. Вас расстреливали, уничтожали. Вас морили голодом, избивали, ссылали с семьями на крайний север, где вы погибали тысячами. Вам приходилось скрываться, вести жуткую жизнь гонимых и ждущих казни людей.

Ваши земли были отобраны. Войска ваши уничтожены. Вы ждали освобождения. Вы ждали помощи! Когда доблестная Германская армия подошла к вашим рубежам, вы явились к ней не как пленные, но как верные соратники. С семьями, вы всем народом ушли с германскими войсками, связали свою судьбу с ними, предпочитая все ужасы войны, биваки в зимнюю стужу, кочевую

жизнь — рабству под большевиками. Все, кто только мог сражаться, взялись за оружие. Второй год вы сражались плечом к плечу, стремя к стремени с германскими войсками.

Вы пережили весь ужас жидовской власти большевиков, и вы никогда с ней не примиритесь. Германская армия нашла в вас честных и верных союзников!

В воздание заслуг ваших на поле брани, в нынешнюю величайшую войну совершенных; в уважение прав ваших на землю, кровью предков ваших политую и вам полтысячи лет принадлежащую; в сознании прав ваших на самобытность — считаем долгом утвердить за вами, казаки, и теми иногородними, которые с вами жили и доблестно сражались против большевиков:

1. Все права и преимущества служебные, каковые имели ваши предки в прежние времена.

2. Вашу самобытность, стяжавшую вам историческую славу.

3. Неприкосновенность ваших земельных угодий, приобретенных военными трудами, заслугами и кровью ваших предков.

4. Если бы военные обстоятельства временно не допустили бы вас на землю предков ваших, то мы устроим вашу казачью жизнь на востоке Европы, под защитой Фюрера, снабдив вас землей и всем необходимым для вашей самобытности.

Мы убеждены, что вы верно и послушно вольетесь в общую дружную работу с Германией и другими народами для устроения Новой Европы и создания в ней порядка, мира и мирного, счастливого труда на многие годы.

Да поможет вам в этом Всемогущий!

Начальник Штаба Германского Верховного Командования ***КЕЙТЕЛЬ***

Рейхсминистр Восточных Областей ***РОЗЕНБЕРГ***

ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 10. Л. 340; На казачьем посту. 1943. № 14. С. 2.

ОБРАЩЕНИЕ П.Н. Краснова к казакам

С каким волнением прочитает казак помещенное в этом номере Объявление Германского Правительства, подписанное высокими его представителями, Начальником штаба Германских вооруженных сил Генерал-фельдмаршалом Кейтелем и министром Восточных областей доктором Розенбергом.

Загорелая, мозолистая, зачугунелая в боях и походах, в схватках с врагами и работах рука старого казака поднимется ко лбу и сотворит крестное знамение.

Услышал Господь молитвы наши!.. Пришло, чего ждали казаки! Пришло удостоверение Германской власти признания каза-

чьих заслуг перед миром; обещание защиты и покровительства Вождя Германского народа Адольфа Хитлера!

Пришло утверждение за казаками:

Прав и преимуществ служебных — возможности постоять за честь отчизны — родных казачьих войск.

Самобытности, стяжавшей казакам историческую славу — славу дедов и отцов.

Неприкосновенности земельных угодий — своего «порога и угла».

СТАРЫЕ КАЗАКИ! В этот великий день признания ваших прав на свободное существование, предками вашими и вами, великою кровью и многими муками заслуженное, забудьте ваши недавние страдания по тюрьмам и ссылкам, ваше унижение, потери близких; голод и болезни.

Выше головы!

Вы казаки!

Научите молодежь, не помнящую воли свободных войск, что такое казак. Пусть станут они горды казачьим именем, ныне признанным Великой Германией Адольфа Хитлера. Пусть станут они грозным карающим мечом для большевиков и их приспешников, и защитой большевиками угнетенных мирных жителей.

Казачья молодежь! Чутким ухом прислушивайся к своим старикам. Скинь наигранное в советской школе комсомольское ухарство и замени его подлинной казачьей лихостью и исполнительностью. Дружеским сердечным отношением к обывателям, которые кормят и поят, внеси в их жизнь не дикое насилие, кровь и грубость, но честную казачью, «рыцарскую» защиту страдающих от коммунизма людей. Следи за своими односумами, не допускай их до насилия и грабежа, недостойных казака.

Война с коммунизмом не кончена. Нужно уничтожить коммунизм везде, где он может помешать вам получить то, что вам дается теперь.

Где будет окончательная победа Германии над Коммунизмом и его уничтожение, нам не дано знать. Будет оно на берегах Атлантического океана во Франции? В Италии, на Апеннинских горах у Средиземного моря? Завершится все это разгромом коммунистических банд на Балканах и освобождением Сербии и Хорватии от коммунистов? Или сдаст коммунизм на дальнем Севере, или на реке Днестре, или в родных степях Придонья? Где бы это ни было, мы, казаки, должны везде, где нам укажут, не щадя своей жизни, способствовать этой победе.

После нее будут свободные Дон, Кубань и Терек, свободное казачество под защитой Германии Адольфа Хитлера.

Тогда — на своей ли, исконной, или на временно нам предо-

ставленной земле, соберутся Войсковые Круги и Рада, будет выбор атаманов, устройство войск, могучая, захватывающая творческая работа всех казаков и казачек — для создания казачьих образований — образца христианской веры, казачьего трудолюбия и необычной казачьей способности на голом «диком поле», в горах, лесах и дебрях устраивать благодатный, богатый край, ставить церкви и школы, создавать всю красоту старинного казачьего быта.

Бог в помощь, казаки! В добрый час!

ПЕТР КРАСНОВ
Казак Каргинской станицы
Всевеликого Войска Донского

ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 10. Л. 287 (об), 288.

ОБРАЩЕНИЕ лидеров КНОД (Казачье национально-освободительное движение) к казакам

С чувством радости и глубокого удовлетворения прочтет каждый казак историческое объявление Германского Правительства. Гордостью и казачьим самосознанием наполняются сердца казаков, получивших перед лицом всего мира оценку своей освободительной войны, войны за право жить на своей Казачьей Земле, оценку роли и значения казачьего народа в борьбе против большевизма.

Германское Правительство признает вековое славное прошлое целого нашего Казачьего Народа, имевшего свою собственную государственность, ни от кого не зависимую. Оно с особой подчеркнутостью говорит о свободной вольной казачьей жизни, не знавшей ни рабства, ни унизительного крепостного труда, жизни, которая протекала в независимости от московского государства.

Германское Правительство, отмечая героическую борьбу нашего казачьего народа в период 1917—1921 гг., отмечая борьбу Казачества против во много раз превосходившего противника, высоко ценит жертвенную, полную высокого национального подъема борьбу за свою казачью самобытность, за свою возрожденную свободную народную жизнь. Это признание Правительства доблестного и героического Германского народа наполняет нас гордостью и высоким народным казачьим самосознанием.

С глубокими чувствами симпатии и сочувствия отмечаются ужасные нечеловеческие муки и страдания нашего побежденного, но не сломленного Казачьего Народа под московским больше-

вицким игом, постоянные восстания казаков, выселение и уничтожение, ограбление и преследование славного Казачества, с нетерпением ждавшего своего освобождения.

Это освобождение принесла доблестная Германская Армия, встреченная нашим народом, как действительная освободительница.

Высоко и трогательно ценится и очередной Великий Исход шестой казачьей эмиграции от того же московского насилия и угнетения, как и прежние времена нашей казачьей истории, массовый уход Казачьего НАРОДА, предпочитающего скитания по чужбине, ужасы войны «братской» власти советов.

Казачество в этом историческом документе официально признается не только народом, но и высоким и почетным именем СОЮЗНИКА Великой Германии, и честным и верным союзником, доказавшим свою верность и преданность в жертвенном и непоколебимом своем почти двухлетнем участии в общей борьбе против жидо-большевизма.

Германским Правительством признается неприкосновенность казачьей территории, нашей исконной Казачьей Земли, обильно политой кровью и потом наших славных казачьих предков и издревле принадлежавшей нашему казачьему народу.

В полном согласии с решениями казачьих законодательных органов /Кругов и Рады/ и со стремлениями казаков-националистов признаются одинаковые права и обязанности не только за казаками, но и за иногородними, жившими на наших казачьих просторах и несущими наравне с казаками одинаковые обязанности и жертвенность в общей борьбе, за благо и счастье общей Казачьей Родины.

Правительство Германского Народа признает все права, какие наши предки имели в прежние времена своего независимого от Москвы существования, во время возрождения свободной казачьей жизни после российской революции, признается самобытное устройство казачьей жизни, стяжавшей историческую славу казачьему народу.

Германское Правительство всецело признает все тяжести и лишения, какие выпали на долю нашего страждущего народа, и, в случае, если бы военные обстоятельства не позволили бы казакам возвратиться в ближайшее время в свои Казачьи Земли, проявляет свою рыцарскую готовность временного обеспечения казачьей самобытной жизни в Европе под высокой защитой Фюрера, снабдив всем необходимым для самобытной казачьей жизни.

В заключение говорится о равноценности Казачьего Народа с остальными народами, активно принимающими участие в современной борьбе по созданию новой Европы — Европы поряд-

ка, мира и сотрудничества народов, призывается к этой работе и славное Казачество.

Казаки могут быть горды тем, что в них не застыла кровь казачья, не увядает старая слава их предков, но что и теперь, после долгих годов кошмарных мучений и мытарств, после расселения и всяческого уничтожения Казачества и самого имени КАЗАК, они своими жертвенностью, подвигами и неутомимой работой в полном блеске возродили и воскресили славное имя нашего Казачьего Народа, ему же честь и слава пусть будет на многие и многие лета. СЛАВА КАЗАЧЕСТВУ!

ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 10. Л. 345; Казачий Вестник. 1943. № 24 (55). 1 декабря.

ЧАСТЬ 3

Казачьи боевые формирования в составе вермахта, полиции и СС 1941–1945 гг.

Глава 1

ПРИЧИНЫ И ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ ИЗМЕННИЧЕСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Классификация казачьих частей в составе германской армии

Первоначально жесткая позиция Гитлера относительно привлечения к военному сотрудничеству советских граждан и эмигрантов исключала всякое их участие в вооруженной борьбе на стороне вермахта. Однако уже осенью 1941 года германское командование, столкнувшись с ожесточенным сопротивлением Красной армии и ростом партизанского движения в тылу, было вынуждено решиться на создание вспомогательных частей из военнопленных и населения оккупированных территорий (к эмигрантам на протяжении всей войны немцы относились с недоверием и официально запрещали им, за небольшим исключением, служить в боевых частях вермахта), с тем чтобы усилить охранные войска в тыловых районах групп армий, а освободившиеся немецкие части использовать на фронте. В ряду обстоятельств, непосредственно повлиявших на создание в составе вермахта национальных частей, следует выделить три основных причины.

В первую очередь это было обусловлено большими людскими потерями вермахта. Несмотря на относительно крупные успехи, достигнутые в ходе приграничных сражений, и оккупацию значительных терри-

торий за первые месяцы боев, война против Советского Союза не стала для немцев легкой прогулкой, а потери в живой силе и технике превысили все ожидания. Уже за первые четыре недели войны полевые запасные батальоны дивизий передали весь свой личный состав действующим частям. «*Крупные успехи*, — пишет генерал-майор вермахта Мюллер-Гиллебранд, — *достигнутые в ходе кампании (до ноября 1941 года), стоили потери около 230 тысяч человек убитыми и 14 тысяч пропавшими без вести. Если еще учесть, что число раненых втрое превышало суммарные потери убитыми и пропавшими без вести... то до конца ноября 1941 года из строя вышло примерно 740 тысяч человек, а оказалось возможным возместить эту убыль лишь на 400 тысяч человек*»[1]. Немецкая армия во всех предыдущих кампаниях потеряла убитыми и пропавшими без вести в общей сложности менее 100 тысяч человек. Но в случае с СССР такие потери были понесены уже через 8 недель после начала операции «Барбаросса». В итоге некомплект личного состава вермахта на Восточном фронте на конец августа 1941 года достиг: в 14 дивизиях — свыше 4 тысяч человек, в 40 — свыше 3 тысяч человек, в 30 — свыше 2 тысяч человек и в 58 — несколько менее 2 тысяч человек[2]. В сложившихся условиях восточные легионы и казачьи части, наряду с другими национальными формированиями, были призваны хотя бы отчасти возместить понесенные вермахтом потери и покрыть дефицит живой силы, начавший ощутимо сказываться на фронте.

Вторым важнейшим фактором, повлиявшим на привлечение в ряды немецкой армии граждан Советского Союза, в том числе и казаков, и создание из их числа особых вооруженных формирований, стала пар-

---

[1] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933—1945. М., 2002. С. 284.

[2] Там же.

тизанская война, разгоревшаяся в германском тылу. В результате провала планов блицкрига осенью 1941 года перед нацистской Германией замаячила реальная перспектива затяжной войны, к которой страна была явно не готова. К тому же, исходя из предпосылки победного и, главное, быстрого окончания Восточной кампании, немецкие армии и командование тыловых районов имели в распоряжении весьма ограниченные охранные и полицейские силы. И когда «колосс на глиняных ногах» устоял, всем этим немногочисленным формированиям, часть которых к тому же была использована для восполнения боевых потерь на фронте, помимо охраны сильно растянутых армейских коммуникаций приходилось бороться еще и с нарастающим партизанским движением. Естественно, сил для борьбы с «бандитами» не хватало, и формирования из местных добровольцев пришлись немцам как нельзя кстати.

И, наконец, третьим обстоятельством, повлиявшим на пересмотр прежних жестких установок германского руководства по отношению к формированиям из числа советских граждан, стало стремление завоевать симпатии определенных этнических и социальных групп, совпавшее с добровольным желанием представителей некоторых народов служить в немецкой армии. На территории Западной Украины, Прибалтики, в некоторых районах Северного Кавказа навстречу немцам выходили люди, так или иначе пострадавшие от советской власти. Зачастую без какого-либо давления со стороны немцев они формировали отряды самообороны и выражали желание вступить в германскую армию, чтобы бороться против ненавистного большевизма.

Несмотря на то что к зиме 1941/1942 года уже были отданы приказы о формировании боевых частей из представителей тюркских и кавказских народов (так называемых Ostlegionen), немецкому руководству бы-

ло ясно, что они не смогут решить всех проблем на Восточном фронте. В результате, пытаясь окончательно разрешить проблему недостатка охранных частей (которая особенно обострилась как раз к зиме 1941 года, когда очевидно стало, что блицкриг провалился), первый квартирмейстер Генерального штаба генерал-лейтенант Паулюс приказом от 9 января 1942 года уполномочил командование групп армий Восточного фронта формировать в необходимом количестве вспомогательные охранные части («сотни») из военнопленных и жителей оккупированных областей, враждебно относящихся к советской власти. Причем в эти сотни, которые, по идее, должны были быть казачьими, разрешили набирать всех лиц славянского происхождения (предпочтение отдавалось казакам и украинцам) из числа «надежных военнопленных» и местных жителей[1]. Таким образом, люди, стремившиеся облегчить себе жизнь и поменять невыносимые условия концлагеря на предательство, должны были дождаться вербовщиков, объявить себя «казаками» или «украинцами», успешно пройти небольшое собеседование, получить оружие и обмундирование — и все, можно было начинать «новую жизнь». Любопытно, что в первое время после распоряжения Паулюса термины «казачий» и «сотня» использовались для обозначения всех вспомогательных войск из числа военнопленных славян, основной задачей которых было несение караульной и охранной службы.

Весной 1942 года в тыловых районах немецких армий и групп армий появилось множество вспомогательных частей, не имевших, как правило, ни четкой организационной структуры, ни постоянного штата, ни строгой системы подчинения и контроля со стороны немецкой администрации. Первоначально их функ-

---

[1] *Решин Л.* «Казаки» со свастикой. Документы из архивов КГБ // Родина. 1993. № 2. С. 71.

ции заключались в охране железнодорожных станций, мостов, автомагистралей, лагерей военнопленных и других объектов, где они были призваны заменить немецкие войска, необходимые на фронте, но уже вскоре их начали активно использовать и в проведении антипартизанских карательных акций. В группе армий «Север» они были известны как «местные боевые соединения», в группе армий «Центр» как «служба порядка», а в группе армий «Юг» — как «вспомогательные охранные части»[1].

Никем не контролируемый рост числа «туземных» воинских частей весной 1942 года вызвал крайне негативную реакцию Гитлера, который все еще был уверен, что на Востоке удастся обойтись собственными силами, и 24 марта он запретил дальнейшее их формирование на том основании, что впоследствии с ними могли возникнуть сложности. В то же время было приказано сохранить уже существующие части в необходимом количестве, ограничивая их размеры рамками батальонного звена, и ни в коем случае не использовать на фронте[2]. Несмотря на все эти ограничения, формирование частей, в том числе из казаков или людей, называвших себя «казаками», продолжалось, и в конечном итоге 15 апреля 1942 года Адольф Гитлер лично разрешил использовать казачьи и кавказские части как в борьбе с партизанами, так и на фронте в качестве «равноправных союзников». А уже в августе 1942 года в войска было разослано так называемое «Положение об использовании местных вспомогательных формирований на Востоке», в котором были разработаны основные правила организации этих частей, регулирующие систему воинских званий, форму одежды и знаки различия, размеры жалования, подчиненности и отношения с немецкой администрацией (*см. Приложение*

[1] *Thomas N.* Partisan warfare 1941—1945. London, 1983. P. 14.

[2] *Hoffmann J.* Die Ostlegionen 1941—1943. Freiburg, 1976. P. 24.

3.1). Для организации общего управления всеми восточными формированиями в рядах вермахта 15 декабря 1942 года был создан так называемый штаб Восточных войск, который возглавил генерал Гельмих (официально его должность называлась — «генерал восточных войск»). 1 января 1944 года штаб Восточных войск был переименован в штаб Добровольческих войск, а генерал-лейтенанта Гельмиха, получившего под свое командование одно из фронтовых соединений, заменил генерал от кавалерии Кестринг. Теперь его должность называлась «генерал добровольческих соединений».

К лету 1942 года ситуация с использованием на Восточном фронте отрядов, состоящих из бывших советских граждан, перешедших на сторону немцев (не только казаков), окончательно разрешилась. В соответствии с директивой, подписанной 16 августа 1942 года начальником Генерального штаба сухопутных войск Ф. Гальдером, все сформированные из советских граждан подразделения и части отныне получали название восточных войск, а военнослужащие — добровольцев. В директиве выделялись четыре группы добровольцев: уже упоминавшиеся «добровольные помощники», или «хиви»; полицейские команды, то есть вспомогательная полиция немецкого военного и гражданского управления на оккупированной территории; охранные части для борьбы с партизанами и охраны объектов тыла; боевые части — военные формирования, предназначенные для ведения боевых действий против Красной армии. Однако такое разделение всех восточных формирований не прижилось. Реально в нормативных документах германского военного командования и полицейского руководства по использованию «местных вспомогательных сил на Востоке» все контингенты добровольцев имели четкие различия, прежде всего функциональные, делились на три категории изменнических формирований.

Первый контингент — уже упоминавшиеся добровольцы вспомогательной службы, или «хиви»[1]. Это, как правило, были лица из числа бывших советских военнопленных или гражданского населения, привлеченные командованием немецких частей и соединений для восполнения недостатка в живой силе. Первоначально они использовались исключительно в тыловых службах в качестве обслуживающего персонала, но со временем им стали доверять и более ответственные задания, такие как доставка боеприпасов. А еще позже появились «хиви» связные и саперы. Ближе к концу войны наиболее преданные и хорошо зарекомендовавшие себя перед немецким командованием «добровольные помощники» переводились в состав охранных команд и антипартизанских отрядов. Те же, кто входил в состав немецких боевых частей, получали оружие и принимали участие в боевых операциях наравне с немецкими солдатами. Правда, такие случаи были довольно редки, да и боеспособность этих солдат была крайне невысокой. Тем не менее к концу 1942 года «хиви» стали важным компонентом действовавших на Восточном фронте немецких дивизий. Только в службе снабжения немецкой пехотной дивизии было предусмотрено 700 штатных должностей для «наших Иванов». А со 2 октября 1943 года новые штаты пехотной дивизии вермахта предусматривали для них уже 2005 должностей на 10 708 человек немецкого личного состава[2]. В танковых и моторизированных дивизиях численность «добровольных помощников» должна была составлять соответственно 970 и 776 человек. В 1943 году для «хиви» при войсковых частях действующей армии были изданы инструкции о правах, обязанностях, денежном довольствии, обмундировании, прохожде-

[1] Хиви — сокращение от немецкого Hilfswillige, буквальный перевод — готовые помочь.

[2] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933—1945. С. 419.

нии службы и т. д. Помимо сухопутных войск вермахта, русскими помощниками обзавелись и другие виды вооруженных сил Германии — Люфтваффе, где, наряду с техническими и вспомогательными службами, существовали даже русские экипажи в составе немецких эскадрилий, и Кригсмарине (части берегового обслуживания, зенитная и береговая артиллерия). Весной 1943 года их число превысило 500 тысяч человек, а к концу войны составило примерно 650—670 тысяч человек[1], хотя, по мнению некоторых авторитетных исследователей, их число было несколько меньшим. Так, генерал-майор вермахта Б. Мюллер-Гиллебранд пишет, что «в середине 1944 года (время наибольшей численности) их насчитывалось около 0,5 миллиона»[2]. Как бы то ни было, но именно «хиви» были самой многочисленной группой из числа советских граждан — коллаборационистов.

Второй контингент — это вспомогательная полиция по поддержанию порядка в тыловых районах (Hilfspolizie). В зависимости от того, какой инстанции — военной или гражданской — она подчинялась, ее принято подразделять на: а) вспомогательную полицию (или охранные отряды) в тыловых районах действующей армии или групп армий; б) вспомогательную полицию порядка в районах деятельности гражданской оккупационной администрации («Shuma», от немецкого Schutzmannschaften — полицейские части). Появление этой категории добровольческих формирований было связано с попыткой немецкого командования и оккупационных властей разрешить проблему резкой нехватки охранных частей как в непосредственной

---

[1] См.: Великая Отечественная война 1941—1945. Кн. 4. М., 1999; *Dallin A.* German rule in Russia 1941—1945: A study of occupation policies. London — New York, 1957; *Романько О.В.* Мусульманские легионы во Второй мировой войне. М., 2004.

[2] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933—1945. С. 419.

близи от районов боевых действий, так и на оккупированных территориях, находившихся в глубоком тылу, но имевших сильное партизанское движение. Про подразделения, формируемые в оккупированных районах СССР, находившихся под управлением военной администрации, мы уже упоминали — это «местные боевые соединения» в районе группы армий «Север», «служба порядка» в группе армий «Центр» и «вспомогательные охранные части» в группе армий «Юг». Что касается областей, находящихся в зоне действия гражданской администрации — рейхскомиссариатов «Остланд» и «Украина», то здесь с ноября 1941 года все «местные вспомогательные силы» были объединены и реорганизованы в части «вспомогательной полиции порядка». Цели и задачи их создания и использования, по сути, ничем не отличались от целей и задач предыдущих формирований, за исключением того, что в данном случае они подчинялись не военным, а полицейским властям. В зависимости от их назначения принято выделять следующие категории «вспомогательной полиции порядка»: а) полиция в городах и сельской местности; б) отряды обороны или «самоохраны»; в) батальоны для борьбы с партизанами; г) вспомогательная пожарная полиция; д) резервная полиция для охранных целей. По подсчетам специалистов, в этих двух категориях служили около 300—400 тысяч советских граждан.

И, наконец, последняя категория — боевые добровольческие формирования из числа бывших советских граждан в вермахте (и впоследствии СС), которые, по оценкам разных историков, насчитывали к концу войны около 400—450 тысяч человек. Точнее определить эту цифру не представляется возможным, так как разделение всех изменнических формирований на категории по их функциональному назначению не было чем-то установленным раз и навсегда. Зачастую на практике многие формирования меняли предназначение, полицейские формирования оказывались на фронте, а боевые части, наоборот, принимали под охрану важ-

ные коммуникации в глубоком тылу (вследствие чего и личный состав таких частей в немецких нормативных документах учитывался дважды).

Надо признать, что учет изменнических формирований был чрезвычайно запутан. Помимо постоянных перемещений, переброс и переформирований «восточных частей», немецкие командные инстанции вермахта на местах нередко скрывали от Берлина истинное число лиц, привлеченных к военному сотрудничеству, так как высшее политическое руководство Германии не особенно поощряло подобные начинания. К тому же среди всех этих батальонов, сотен, дивизионов, полков и соединений нередко возникала такая путаница, что немецкие учетные органы просто не могли разграничить отдельные категории добровольцев. Поэтому так трудно определить, когда речь идет о численности всех военных и полицейских формирований, а когда — только о какой-то определенной категории. По мнению наиболее авторитетных западных исследователей в самом вермахте, войсках СС и полиции, созданной оккупационными немецкими властями на территории СССР, служило от 800 тысяч до 1,5 миллиона советских граждан[1]. Данные, опубликованные в последнее время российскими авторами, существенно расходятся не только с западными, но и между собой: они колеблются в пределах от 200 тысяч до тех же 1—1,5 миллиона человек[2].

---

[1] *Dallin A.* German rule in Russia 1941—1945: A study of occupation policies. London — New York, 1957; *Hoffmann J.* Die Kaukasien 1942/1943: Das deutsche Heer und die Ostvolker der Sowjetunion. Freiburg, 1991; *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933—1945. М., 2002; *Munoz A.J.* Hitlers Eastern Legions. N.Y., 1997. V. II. P. 5.

[2] *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М., 2000; *Гареев М.А.* О цифрах старых и новых // Воен.-ист. журн. 1991. № 4; Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993; *Рубан Ю.* Отношение к пленным — признак цивилизованности // Красная звезда. 1995. 31 марта.

Привлечение советских граждан, в том числе и казаков, в создаваемые немцами формирования носило как добровольный, так и принудительный характер. Первыми и самыми идейными коллаборационистами, изъявившими желание вступить в ряды германской армии, стали добровольцы, имеющие личные счеты с советской властью. Как правило, это были люди, потерявшие во времена коллективизации и чисток 30-х годов своих родных и близких. Были среди них и те, кто воевал с Советами еще во времена Гражданской войны, а потом сумел каким-то образом избежать тюрьмы, затаиться и дождаться прихода немцев. Большинство таких добровольцев-казаков влилось в состав вермахта на территории Донской области и Краснодарского края, которые особенно сильно пострадали во времена расказачивания. Здесь бывали случаи, когда навстречу «немцам-освободителям» выходили целыми станицами, а в казачьих сотнях служили семьями. Вот один из примеров уникального семейного коллаборационизма: «*А взвод действительно, как одна большая семья. В нем отец с сыном Краснокутные и свояком отца — Кириенко, два родных брата Горбачевы и с ними двоюродный — Терехов; два Ермоленко и два Афанасьевичи, по столько же Тереховых, Устименко, Авиловых и других. А самому командиру взвода — Михаилу Ивановичу, каждый из его казаков приходится той или иной родней*»[1].

Были идейные противники советской власти, причем самых разных национальностей, и среди военнопленных. Именно они в первую очередь поддавались на уговоры агитаторов и записывались во всевозможные изменнические формирования, где составляли активное инициативное ядро и служили надежной опорой немецкого командования. Из их числа готовили младших командиров для формировавшихся частей, а при-

[1] На казачьем посту. 1943. № 13. С. 13.

знанных особо надежными направляли в формируемые части специального назначения: в распоряжение спецслужб (Абвера и СД) для подготовки к разведывательно-диверсионным акциям в советском тылу. Вот несколько характерных для того времени жизненных историй о казаках, которые в годы войны по тем или иным причинам абсолютно осознанно пошли служить к немцам, надеясь поквитаться с советской властью за нанесенные им обиды: «*Казак Иван Егоров*, — вспоминает Н. Васильев, который в годы войны был подростком, но тем не менее успел принять участие в борьбе против Советов, — *спокойный, открытый, не умеющий лгать. Ему за сорок. По нашим меркам — старик. В Гражданскую войну был мобилизован в Красную Армию. Его полк добровольно перешел на сторону белых, которые красноармейцев разоружили, построили и расстреляли из пулеметов... Иван остался невредим. Упал первым и притворился мертвым в куче трупов. Затем до конца войны воевал на стороне красных. Но в коллективизацию ему вспомнили добровольную сдачу белым, да и хозяйство было крепким. Угодил на Беломорканал, а семья погибла в ссылке. Было за что не любить Советскую власть. В советско-германскую при первой возможности сдался в плен и вступил для борьбы с большевиками в полк Кононова». ... «Капитан Бессмертный был донским казачьим офицером и эмигрировал во Францию после Гражданской войны. В середине 20-х годов, поверив обещаниям Советской власти о прощении, вернулся на Дон, где пришел в ужас от увиденного. Долгое время его не трогали, но с началом коллективизации в конце 20-х годов таких, как он, стали арестовывать, сажать в тюрьму и даже расстреливать. Пришлось бежать из родных мест. На одной из железнодорожных станций Донбасса его задержали. За побег ему грозил расстрел. Но ему повезло! В списках комендатуры значился беглец Бессмертнов без инициалов... Его отпустили! Затем...*

поддельные документы, новое имя, биография и работа на угольных шахтах вплоть до начала войны. Призыв в армию, добровольная сдача в плен, вооруженная борьба с большевиками в восточных формированиях Вермахта». ... «Петр Мельников до войны учился в техникуме. Организовал из студентов воровскую группу, которая работала только на железнодорожных вокзалах. Проводили операции просто: рекогносцировка, затем подход к отдельно стоящему чемодану с отвлечением внимания хозяина, накрытие чемодана своим пустым с прорезанной нижней частью, включение зажимов и спокойный уход. Ни разу не попались. Были всегда при деньгах и жили припеваючи. Но началась война, и их призвали в армию. Окружение. Плен. Чтобы выжить, пошел служить в одну из русских воинских частей, воевавших против партизан. И провоевал на стороне немцев около трех лет. Участвовал в подавлении варшавского восстания»[1].

Вполне естественно, что германское командование в первую очередь стремилось заполучить в свое распоряжение именно такой благонадежный и действительно преданный контингент и не скупилось на щедрые обещания. Во всех оккупированных областях появились объявления о наборе в специальные антипартизанские формирования, в которых обещали всех добровольцев обеспечить новым обмундированием, денежным довольствием и питанием по немецким стандартам, а наиболее отличившимся сулили земельные наделы и высокие административные посты. Однако, несмотря на все уговоры и обещания, количество тех, кто по-настоящему идейно ненавидел советскую власть и был готов добровольно бороться против большевиков, было вовсе не так велико, как это иногда пытаются представить некоторые современные исследовате-

[1] *Васильев Н.* Записки юного казака // Война и судьбы. Сост. Н.С. Тимофеев. Невинномысск, 2002. С. 11, 23, 45.

ли. Значительную часть «добровольцев» в полицейских командах и «восточных» войсках составляли обыкновенные проходимцы, а иногда и откровенные уголовники, стремящиеся в тяжелое и смутное время заполучить в свои руки власть, доверие «сильных» и кое-какие материальные блага.

К концу лета 1942 года, по мере роста потребности в охранных войсках, германское командование, наряду с набором добровольцев, фактически приступило к мобилизации годных к военной службе и по каким-то причинам не призванных в Красную армию мужчин в возрасте от 18 до 50 лет под вывеской «добровольности». Суть такой мобилизации состояла в следующем: жителей оккупированной области ставили перед выбором — быть завербованными на службу в какое-либо «добровольческое формирование» или угнанными на принудительные работы в Германию. К осени 1942 года на смену такой «демократии» пришло открытое принуждение с применением санкций против уклоняющихся — вплоть до привлечения к суду по законам военного времени, взятия членов семьи в заложники, выселения из дома и прочих репрессий[1].

Другую категорию советских граждан, вставших на путь сотрудничества с германской армией, составляли военнопленные. Отношение к пленным красноармейцам со стороны немцев на протяжении всей войны практически не менялось. Условия содержания были крайне тяжелыми — узники умирали от холода, голода, постоянных издевательств и наказаний. Смертность в лагерях для военнопленных была огромной. Однако анализ немецких военных документов показывает, что за первые полтора-два года отношение к пленным как к потенциальным бойцам «восточных формирований» претерпело своеобразную эволюцию и если не изме-

---

[1] *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. С. 40.

нилось в реальности, то начало понемногу меняться на бумаге. В начале войны (8 сентября 1941 года) было выпущено специальное распоряжение Верховного командования вермахта об обращении с советскими военнопленными, которое потрясало своей жестокостью и бесчеловечностью. В нем говорилось о том, что *«большевистский солдат потерял всякое право на обращение как с честным солдатом, в соответствии с Женевским Соглашением... и что в отношении советских военнопленных даже из дисциплинарных соображений следует решительно прибегать к оружию»*[1]. Никаких упоминаний о том, что военнопленные могли бы использоваться в качестве потенциальных союзников, не было. Более того, бывали совсем уж вопиющие случаи обращения с бывшими советскими солдатами и офицерами. Вот небольшая выдержка из приказа от 20 октября 1941 года по 464-му пехотному полку 253-й немецкой пехотной дивизии об использовании советских военнопленных при разминировании местности: *«Необходимо иметь в виду минированную местность. Использование саперов не всегда возможно. Батальоны должны вести бой сами, не ожидая помощи. Я рекомендую использовать, как это с успехом практиковалось в первом батальоне 464-го полка, русских военнопленных (особенно саперов). Любое средство оправданно, когда необходимо быстро преодолеть местность»*.[2] Однако со временем в немецких приказах и распоряжениях, касающихся советских военнопленных, начали выделять в отдельную группу *«всех офицеров и солдат, которые честно бросят борьбу и добровольно перейдут к нам»*. Такие военнопленные *«будут*

[1] Нюрнбергский процесс: Сборник материалов: В 8 т. М., 1990. Т. 4. С. 208.

[2] Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1944). М., 1985. С. 137—136.

рассматриваться как противники Советской власти, и к ним будут соответственно относиться»[1]. *(Полный текст приказов см. в Приложении 3.2.)*

Первоначально наиболее активно поиск добровольцев осуществлялся среди военнопленных — представителей национальных меньшинств Советского Союза. Свидетельством того, какое значение им придавали оккупационные власти, служит, в частности, директива Гейдриха от 10 октября 1941 года об обращении с советскими военнопленными. В ней говорилось, что при использовании советских военнопленных следует учитывать их национальную принадлежность. В частности с *«украинцами, белорусами, азербайджанцами, армянами, представителями тюркских народов строго обращаться в том случае, если среди них обнаружатся фанатичные большевики»*[2].

Уже с первых месяцев Восточной кампании из основной массы военнопленных выделялись этнические немцы, украинцы, белорусы, эстонцы, латыши, молдаване, казаки и финны, которые освобождались из плена и частично привлекались в немецкую армию и полицию. После приказов о формировании национальных легионов из представителей тюркских и кавказских народностей были сделаны соответствующие распоряжения и в отношении указанных групп. Бывали случаи, когда при отборе благонадежных военнопленных обращалось внимание на социальное происхождение вербуемых. В докладе штаба 5-й танковой дивизии об использовании «добровольческой роты» рекомендовалось в первую очередь отбирать крестьян и сельскохозяйственных рабочих, *«поскольку в них таится непримиримая ненависть к коммунизму»*. О промышленных

---

[1] Приказ № Р/5000/43 «Местные вспомогательные силы на Востоке — добровольцы». Цит. по: *Романько О.В.* Мусульманские легионы во Второй мировой войне. С. 294.

[2] Цит. по: *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. С. 387.

рабочих говорилось, что они «*в большей степени заражены коммунизмом*», и «*их вступление и согласие служить чаще всего объясняется желанием на какое-то время получить хорошее содержание, чтобы потом при первой возможности исчезнуть*». Предложения о сотрудничестве со стороны офицеров Красной армии рекомендовалось отклонять в связи с тем, что «*они находятся под коммунистическим влиянием и в большинстве являются шпионами*»[1].

Агитируя военнопленных за вступление в ряды вермахта, немецкие офицеры и пропагандисты из различных национальных комитетов обещали им хорошие условия жизни, питание и денежное довольствие, как для германских солдат. Также вербовщики активно использовали в своих выступлениях выдержки из печально известного приказа Сталина № 270 (об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия). Вообще, на подготовку квалифицированных пропагандистов из числа русскоговорящих жителей СССР (как правило, это были эмигранты) немцы средств не жалели и с самого начала войны старались привлекать талантливых журналистов-эмигрантов в ряды вермахта. Так, например, 15 октября 1942 года в пражской газете «Казачий вестник» появилось объявление следующего содержания: «*Ввиду того, что от соответствующего ведомства Райха поступил запрос о специалистах печатного дела (редакторы газет, наборщики, корректоры, журналисты и прочее) и пропагандистах, предлагается, кроме сведений о себе... прислать на имя представительства в Берлине следующее: каждый журналист или пропагандист, чьи труды не появлялись в печати, должен написать пропагандистскую статью, по возможности на пишущей машинке, величиною в три печатных страницы, не больше, писать на одной стороне лис-*

[1] Щит и меч. 1991. № 1. С. 14.

та, если не на машинке, то очень разборчиво. Статья должна быть написана в духе идей национал-социализма и казачьего Национализма... Журналисты, чьи труды или статьи уже появлялись в печати, должны указать точное время и место их появления»[1].

Учитывая ужасные условия содержания, буквально на грани жизни и смерти, многие не выдерживали психологической обработки и шли на службу к врагу. Таким образом, говоря о том, что эти люди были «добровольцами», важно помнить: многие пошли на предательство только ради того, чтобы выжить. После жизни в лагере они были готовы назвать себя кем угодно — «казаком», «украинцем» или «тюрком», — лишь бы получить, наконец, крышу над головой и кусок хлеба. Но при этом нужно помнить и то, что большинство советских воинов не поддавались на уговоры пропагандистов и не вступали на путь предательства, тем самым обрекая себя на верную смерть. Эти практически забытые ныне герои предпочитали умирать от голода и холода, как подобает настоящим Солдатам, нежели жить, чувствуя себя людьми второго сорта, пусть и с немецким оружием в руках, и с куском мяса в животе. Они не могли предать Родину, ждущих дома жен, матерей, отцов, детей и дедов, они выполняли свой долг защитников Отечества до конца. Красноречивый пример подобного великого человеческого героизма привел на послевоенных допросах Эверт фон Рентельн: *«Военнопленные содержались в чрезвычайно тяжелых условиях. Люди поголовно были завшивлены, свирепствовал сыпной тиф, питание было исключительно плохим. Все пленные в обязательном порядке выводились на работы. Советские военнопленные были обречены на уничтожение. Я приказал начальнику лагеря построить пленных и объявил им перед строем, что если они хотят сохранить себе жизнь, то могут по-*

[1] Казачий вестник. 1942. № 20 (26). 15 октября. С. 4.

ступить на службу в немецкую армию. Я заявил военнопленным, что в случае их согласия их будут хорошо кормить, снабжать обмундированием, а после войны они получат земельные наделы на своей родине. Согласие на добровольную службу в немецкой армии дал 21 человек»[1].

Не ограничиваясь лишь набором «добровольцев», немецкое командование уже с весны 1942 года стало широко практиковать прямой набор в охранные и вспомогательные формирования вермахта всех военнопленных, признанных годными к строевой службе медицинскими комиссиями. Особое внимание уделялось прежде всего представителям тюркских и кавказских народов, а также казаков. При вербовке нередко использовались угроза расстрела, а также прямой обман, когда военнопленные отбирались под предлогом создания из них рабочих команд и зачислялись в воинские формирования безо всякого на то согласия. Группы таких «добровольцев» направлялись в сборные лагеря, где их делили по национальным группам, а затем отправляли в подготовительные лагеря центров формирования национальных легионов, казачьих и других частей. Вполне естественно, что набранный таким образом контингент не отличался ни преданностью, ни благонадежностью, и все «восточные» формирования, укомплектованные по такому принципу, со временем превращались для немцев в бомбу замедленного действия, готовую в любой момент взорваться.

Что касается казачьих частей в составе вермахта и полиции, то они отличались от остальных добровольческих формирований из числа жителей СССР. Прежде всего казаки служили либо в боевых частях, либо в полицейских и охранных формированиях, преимущест-

---

[1] *Решин Л.* Wlassow-Aktion, или Как германское командование пыталось разложить Советскую Армию и ее тыл в 1941—1945 гг. // Воен.-ист. журнал. 1992. № 3. С. 23—24.

венно образованных в тыловых районах, находящихся под военным управлением, или в тыловых порядках наступающей немецкой армии. Связано это было с тем, что казачьи сотни, батальоны и полки были довольно хорошо обучены (причем сами немцы старались отправлять к ним лучших инструкторов) в военном плане и отличались (по сравнению с другими изменническими формированиями) высоким моральным духом. Казаки, за редким исключением, никогда не работали в качестве обслуживающего персонала или сотрудников вспомогательных служб. Их уделом были: охрана коммуникаций, несение гарнизонной службы, наведение порядка в населенных пунктах (преимущественно на территории Дона, Кубани и Терека), борьба с партизанами и участие в боевых операциях. Такое положение дел еще раз доказывает тот факт, что немецкое командование относилось к казачьим частям с гораздо большим уважением и доверием, нежели ко многим другим формированиям из числа народов СССР.

Все казачьи формирования, появившиеся за время войны, можно условно поделить на пять групп, причем каждая из них обладала своими, только ей присущими характеристиками.

Первая группа — это казачьи части, сформированные в 1941—1942 годах в составе охранных дивизий, танковых, пехотных армий и оперативных соединений вермахта, а также в тыловых районах армий и групп армий. Эти подразделения были первыми казачьими частями в составе немецкой армии. При этом многие из них появлялись совершенно неожиданно для самих немцев, и те были буквально вынуждены принять их помощь. Надо признать, что эти формирования были довольно боеспособными, а их личный состав обладал высокой моральной и военной подготовкой.

Вторая группа — это казачьи части, сформированные в 1942—1943 годах так называемым Главным штабом формирования Казачьих войск на Украине. В этих

военных образованиях служили в основном военнопленные, причем самых разных национальностей. Многие из них только называли себя казаками, чтобы вырваться из лагерей. Как следствие, надежность этих частей была весьма сомнительной, и именно в них (среди остальных изменнических казачьих формирований) был наибольшей процент тех, кто пошел служить к немцам только для спасения жизни. В этих частях были зафиксированы несколько массовых переходов к партизанам.

Третья группа — это казачьи части, сформированные на Дону, Кубани и Тереке, то есть на территории исконного проживания казаков (впоследствии они были объединены в так называемый Казачий Стан). Эти формирования отличались от остальных тем, что в них служило очень много добровольцев, которые пошли воевать против Советов не только по личным, но и по идейным соображениям. Именно в этих частях были возрождены традиции казачьих полков еще царской армии. Как следствие, они отличались высокой благонадежностью и были готовы бороться против коммунизма до последней капли крови, что и доказали в сражениях на Северном Кавказе, а впоследствии — в Белоруссии, на Украине и в Италии, где им предоставлялись территории для проживания.

Четвертая группа — это 1-я казачья кавалерийская дивизия и 15-й казачий кавалерийский корпус СС. Эти формирования были самыми крупными и боеспособными казачьими частями за все время войны. 1-я казачья кавалерийская дивизия была сформирована в 1943 году, и в нее вошло большинство частей из 1-й, 2-й и 3-й групп. Большую часть войны бойцы дивизии провели в Югославии, где играли весьма существенную роль в борьбе против партизанского движения. В конце 1945 года дивизия перешла под юрисдикцию СС, и 25 февраля 1945 года на ее основе был образован 15-й казачий кавалерийский корпус общей численностью в 25 тысяч человек.

Пятая группа — казачий полк в составе Русского охранного корпуса на Балканах. Это боевое формирование, практически полностью состоящее из казаков-эмигрантов, к которым немцы относились, в общем-то, с большим недоверием, было сформировано в Белграде осенью 1941 года и на протяжении всей войны несло службу в Югославии, сражаясь против партизан Иосипа Броз Тито.

Глава 2

СОЗДАНИЕ И СУДЬБА ПЕРВЫХ БОЕВЫХ КАЗАЧЬИХ ЧАСТЕЙ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

Пользовавшиеся репутацией прирожденных воинов и непримиримых врагов большевизма, казаки одними из первых привлекли внимание германских военных. Причем с самого начала подразумевалось, что казаки будут нести исключительно боевую службу, в отличие, скажем, от добровольцев вспомогательной службы, так называемых «хиви» (еще их называли «наши Иваны» или «наши русские»), которые использовались в тыловых службах в качестве шоферов, конюхов, разнорабочих и прочего обслуживающего персонала. Такому отношению со стороны вермахта простые казаки были обязаны не только своей прославленной многовековой военной истории, но и активности казачьей эмиграции, среди лидеров которой с первых же дней войны развернулась оживленная дискуссия о возможностях и перспективах создания и использования подобных формирований в составе германской армии. Причем мнения, высказываемые теми или иными казачьими лидерами, часто противоречили друг другу, а настроения, царившие в этой среде, были пря-

мо полярными. «*По всем имеющимся сведениям*, — пишет 7 июля 1941 года в докладной записке И. Горбушин — личный помощник атамана Е.И. Балабина, — *можно более или менее уверенно предполагать, что Командование Германской Армии едва ли до освобождения наших Земель от коммунистов воспользуется нами в каких бы то ни было видах помощи от нас в этой борьбе... Поэтому я предполагаю, что наше возвращение домой возможно ТОЛЬКО в одном виде, а именно: НАМ ПРОСТО РАЗРЕШАТ ВЪЕЗД В НАШИ КРАЯ*»[1]. Самым неприятным для Балабина в сложившейся ситуации было то, что атаман, в отличие от своих «коллег» из КНОД не желающий врать и обещать невозможное, не мог ничего ответить многочисленным простым казакам, которые писали ему в надежде получить информацию о том, когда и в каких частях можно будет начать борьбу с коммунизмом. Подобных писем-заявок на участие в войне было очень много: «*Вам, вероятно, известно*, — пишет уже 21 июля 1941 года казак-эмигрант из Югославии, — *что кадры Лейб-гвардии казачьего, Лейб-гвардии Атаманских полков и Лейб-гвардии Донской казачьей батареи, в которых я состоял делопроизводителем, из Югославии переехали во Францию, а я как семейный человек был определен на службу в финансовую стражу и остался в Югославии... Прошу Вас не отказать в любезности сообщить мне, как бы выйти с ними на связь и в нужный момент присоединиться к ним, если будет предвидеться наш поход на Дон*»[2].

Казаки-националисты во главе со своим лидером инженером Василием Глазковым, не обращая внимания на подобные пессимистические настроения в рядах оппонентов и не понимая или не желая понимать всю противоречивость ситуации, сложившейся на на-

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 4. Л. 21.

[2] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 4. Л. 116.

чало войны вокруг казаков (еще не было до конца ясно, понадобятся ли они немцам вообще), в свойственном им стиле уже начали разрабатывать важнейшую, как им казалось, проблему: привлечения пленных казаков, воюющих на Восточном фронте, в ряды Казачьего национально-освободительного движения и организации из них отрядов, которые станут прообразом будущей армии «Великой Казакии». *«Вы пишете, что имеете нужду в казаках, которые бы работали с пленными. Этот вопрос, по-моему, сейчас представляет особую важность,* — отмечает в своем письме Глазкову от 11 ноября 1941 руководитель КНОД в Болгарии агроном И.М. Евсиков, — *по письму я понял, что германское командование разрешило Вам выделить пленных казаков в особую группу. А это уже очень хорошо. Сейчас нужно эти чисто казачьи группы прибрать к рукам. Необходимо поставить около каждой группы одного или двух наших подходящих казаков, которые бы им вдалбливали в голову идею национального движения и идею о самостоятельной Казакии... Безусловно, большинство пленных казаков будут сочувствовать нам после небольшой обработки, но могут быть и противники. Из сочувствующих потом можно организовать целые части, которые будут являться зародышем армии Казакии. А если можно будет, то даже послать их на фронт в казачьи земли. Воевать они умеют, а оружия, думаю, будет достаточно для них. Военную тактику большевиков они знают, а потому будут являться отличными бойцами против наших угнетателей... Зачем же кормить 50—60 тысяч казаков даром, если эти люди могли бы дело делать; скажем, занять определенный участок фронта или нести гарнизонную службу в оккупированных казачьих землях»*[1].

Как это часто бывает, среди откровенного бреда о

[1] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 2. Л. 60—61.

том, что пора создавать отряды будущей армии «Казакии», и о 50—60 тысячах голодных казаков, агроном Евсиков в целом правильно предсказал будущее казачьих формирований на Востоке — это несение гарнизонной службы и борьба с партизанами, но не только на оккупированных казачьих территориях, как бы этого ни хотелось всем казачьим лидерам, но также в Белоруссии, на Украине и даже в Югославии, во Франции и в Италии.

Сторонники создания независимого казачьего государства, вне зависимости от складывающейся политической ситуации и отношения к казакам со стороны немецких политиков в целом, ни на секунду не сомневались, что немцы обязательно возьмут их в свой «священный и справедливый поход» против ненавистного большевизма, и старались это подчеркивать как можно чаще, причем зачастую в довольно любопытной литературной форме. «*Мы пойдем*, — написано в одной из статей в газете «Казачий вестник», — *со свободными и свободолюбивыми. Мы пойдем с Европой против гаремно-галерной сталиновщины. Мы хотим быть народом, а не мировой простоквашей на жидовской закваске*»[1]. Именно поэтому они, как никто другой, так радовались военным успехам вермахта на Востоке. Ведь каждый успешный день германского наступления, каждый взятый советский город приближал «великий день освобождения от тирании дикой и безжалостной Московии». В архивах сохранилось много свидетельств, прочитав которые трудно поверить, что это мог написать русский человек, казак, много веков служивший великой России. Вот лишь небольшой отрывок из публичного выступления казака-националиста, некоего доктора Вихлянцева: «*Я не имею дара слова, чтобы описать радость, которую мы переживаем сейчас. Как доктор медицины, я привык свои мысли*

[1] Казачий вестник. 1942. № 22 (28). 15 ноября. С. 2.

выражать коротко, диагнозом, и диагноз внеевропейский и казачий сегодняшней радости есть ВИКТОРИЯ — ПОБЕДА, Слава Богу, Москва горит!»[1] Насколько же нужно было уверовать в утопическую идею о независимой «Казакии», чтобы так сильно ненавидеть всю свою великую многовековую историю, свой народ, прошлое, настоящее и будущее своей родины?! Но подобные оценки кажутся детским лепетом по сравнению со следующим восторженным описанием одного из самых трагических дней в русско-советской истории — 22 июня, а точнее, первых часов после нападения Германии на Советский Союз: «*Я был живым свидетелем и очевидцем*, — пишет некий казак П. Ковган в письме атаману Астраханского войска Тимофею Ляху, — *геройского выступления победоносной армии Великогермании против гнилого и омерзительного советского сброда и считаю себя счастливым в том, что выполнил честно и свято возложенные на меня задания и способствовал разгрому и уничтожению паскудного жидо-московского царства. В ночь на 22 июня текущего года мы с Мариной Васильевной не спали, так как знали о том, что в 3 часа 15 минут начнется разгром жидо-московского царства. Не могу всего передать и описать того, как долго тянулась эта последняя ночь. Особенно долго тянулись 10 минут, потом 4 минуты, потом последняя одна минута... и, наконец, раздался оглушительный рев орудийной пальбы... Красная мерзость от неожиданности растерялась настолько, что вместо обороны бросила свои укрепления, которые на протяжении 2 лет они копали и цементировали, и постыдно, в одних кальсонах и даже совершенно голая бежала... Прорыв «Советского Мажино» оказался настолько неожиданным, что даже немцы рассчитывали его прорвать в течение дня, но прорвали в течение получа-*

[1] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 108. Л. 84.

са... Кстати, спрошу и о моих книгах, которые остались при моем отъезде в Софии. Прошу их сохранить и привезти на Кубань, так как теперь уже время нашего возвращения приближается»[1]. Как говорится, комментарии излишни!

Наиболее взвешенную и не оторванную от реальности оценку будущего казачьих боевых частей в рядах германского вермахта (пока еще виртуальных), да и казачества вообще, дал самый авторитетный и уважаемый среди всех эмигрантских атаманов — П.Н. Краснов. *«Сейчас, то есть в эти последние сентябрьские дни,* — пишет он 18 сентября 1941 года атаману Е.И. Балабину, — *решается и судьба Европейских казачьих войск. Она решается, конечно, не в Праге Глазковым и Ленивовым, не в Париже атаманом Грабе, и даже не в Берлине, но решается на Дону, на Кубани и Тереке... Выйдут оставшиеся в живых казаки, с хоругвями и крестами навстречу германским войскам — будут и казаки в Новой России, — не выйдут, будут кончать самоубийством, как Смоленск, Ленинград и другие города советские, — никакие казаки-эмигранты — самостийники или великодержавники — казачьих войск не найдут. Станиц не будет, будут «общинные хозяйства», а в них вместо жидов — немцы»*[2]. Менее чем через месяц, 16 октября, П.Н. Краснов опять возвращается к этой ключевой, по его мнению, проблеме: *«Германские победоносные войска,* — пишет он все тому же атаману Е.И. Балабину, — *переходят границы земли войска Донского. Встретят их там, как освободителей, как встретили в 1918 году казаки с хлебом-солью, с распущенными Русскими бело-сине-красными и своими войсковыми сине-желто-алыми флагами-знаменами ДЛЯ ОБЩЕЙ РАБОТЫ по очищению Войска от жидов и коммунистов, примут казачьи «колхозы» немецкие войс-*

[1] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 2. Л. 12—13.

[2] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 16. Л. 38.

ка как союзников и поднимутся все, сколько их там осталось, за край Родной — есть надежда, что возродятся казачьи войска, — не будет этого, и немцы с боями пройдут Донскую землю — и казаков больше не будет»[1].

Прославленный донской атаман ошибся. Несмотря на то что немцы с боями прошли Донскую землю (впрочем, как и Кубанскую с Терской), и, за редким исключением, никто не встречал их как освободителей и тем более как союзников, казачьи войска все-таки были созданы.

Конечно, оживленная дискуссия в эмигрантской среде обратила на себя внимание немецких властей. Лишний раз убедившись, что на казаков можно в перспективе рассчитывать, они в то же время быстро погасили эмигрантский пыл. Весь энтузиазм тех, кто мечтал как можно скорее с оружием в руках начать борьбу с большевиками, мгновенно улетучился, как только они узнали, что привлечение эмигрантов к участию в войне против СССР признано нежелательным и нецелесообразным. Впоследствии эмигранты-казаки все же приняли активное участие во Второй мировой войне, например, в Русском охранном корпусе на Балканах[2] (но об этом речь пойдет дальше). Но формирование боевых частей из казаков на востоке осуществлялось исключительно по инициативе немецкого командования.

Уже в сентября 1941 года офицер армейской контрразведки барон Х. фон Клейст предложил командованию 18-й немецкой армии сформировать из казаков специальные части для борьбы с советскими партизанами. Подобная инициатива получила поддержку, и 6 октября генерал-квартирмейстер Генерального штаба

---

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 16. Л. 40.

[2] Некоторым эмигрантам все же удалось попасть на Восточный фронт, но такие случаи были единичными.

генерал-лейтенант Э. Вагнер разрешил командующим тыловыми районами групп армий «Север», «Центр» и «Юг» сформировать, с согласия соответствующих начальников СС и полиции, к 1 ноября 1941 года экспериментальные казачьи сотни из военнопленных и местного населения для использования их в борьбе против партизан[1].

Однако первые казачьи части начали появляться не в результате каких-то целенаправленных действий германских вооруженных сил, а в результате инициативных действий антисоветски настроенных казаков, которые по той или иной причине остались на территории Советского Союза еще со времен Гражданской войны. Именно они начали формировать небольшие казачьи отряды сразу после того, как немцы осенью 1941 года подошли к Ростовской области. «*В октябре, ноябре месяцах 1941 года*, — описывает непосредственный участник событий казак В.С. Дудников, — *германские войска подошли к границе территории бывшего Войска Донского и заняли некоторые казачьи хутора и станицы... Атаманы и атаманское правление, разумеется, были избраны и приступили к работе... Сбор оружия, разминирование минных полей, погребение павших воинов — трудная задача. Задача, неразрешимая для колхозных бригад... И вот на казачьих землях стихийно стали возникать добровольческие взводы, сотни, батальоны. Так, в станице Сенявской (станичный атаман — вахмистр Икряков) возникла казачья сотня. В станице Синегорской возникла добровольческая сотня под командованием есаула Журавлева, выросшая затем в казачий полк*»[2]. Одной из таких

---

[1] См.: *Дробязко С.И.* Казачьи части в составе вермахта. В сб.: Материалы по истории русского освободительного движения 1941—1945 // Под общей редакцией А.В. Окорокова. Вып. 1. М., 1997. С. 182.

[2] *Дудников В.С.* Воспоминания старого казака о пережитом и размышления о настоящем. В сб.: Материалы по истории русского освободительного движения 1941—1945 // Под общей редакцией А.В. Окорокова. Вып. 1. М., 1997. С. 329.

частей была казачья сотня под командованием старшего лейтенанта Назаренко. Когда в середине октября 1941 года части 14-го немецкого танкового корпуса подошли к реке Миус, за линией фронта, в тылу Красной армии, уже шло сражение. Будучи уверенными в том, что бой ведут немецкие подразделения воздушных десантников или моторизированные части, каким-то образом попавшие в окружение, танкисты поспешили на помощь. Каково же было их удивление, когда они обнаружили, что «немецкими десантниками», атаковавшими оборонительные порядки Советской армии с тыла, оказалась небольшая, всего около 80 человек, казачья сотня под командованием потомственного донского казака — старшего лейтенанта Николая Назаренко[1].

В конце Гражданской войны Назаренко вместе с родителями бежал в Румынию, где вскоре поступил на службу в румынскую армию. Молодым и способным казаком заинтересовались сотрудники спецслужб, и Назаренко, согласившись на сотрудничество, был направлен в разведшколу. После соответствующей подготовки он был переправлен в Советский Союз со специальным заданием: собирать информацию о частях Красной армии, дислоцированных на советско-румынской границе. Однако по неизвестным причинам его миссия провалилась. Очень скоро диверсант попал под подозрение советских контрразведчиков, за ним была организована слежка. Через некоторое время Назаренко попал в засаду, во время боя был ранен, арестован и приговорен к длительному тюремному сроку. После нескольких лет, проведенных в лагерях, ему удалось бежать. Раздобыв поддельные документы, беглец поселился в Таганроге и устроился работать на завод, где

[1] История формирования этой казачьей части составлена по воспоминаниям самого Назаренко, которые частично опубликованы в исследовании американского историка *Newland S. Cossacks in the German army 1941—1945*. P. 89—92.

создал небольшую, тщательно законспирированную антисоветски настроенную группу, состоящую из казаков. Вскоре после начала войны, в конце лета 1941 года, советскими властями было принято решение о создании на заводе отряда самообороны из 100—150 добровольцев. Назаренко в жуткой суматохе и неразберихе военного времени удалось каким-то образом получить звание старшего лейтенанта и встать во главе этого добровольческого формирования, которое к тому времени уже практически на 100 процентов состояло из членов его подпольной группы. В середине октября эта группа в качестве маршевого батальона была направлена на реку Миус, где заняла позицию в тылу советской 9-й армии. Сам отряд к тому времени представлял собой довольно внушительную силу, в Таганроге все бойцы были полностью экипированы стрелковым оружием и достаточным количеством боеприпасов, а также продовольствием и медикаментами. К тому же по прибытии на место в качестве усиления отряду были приданы 5 артиллерийских орудий. Дождавшись удобного момента, Назаренко принял решение «нанести удар в спину» советским подразделениям и прорваться навстречу наступающим немецким танковым частям. К несчастью для казаков, за несколько часов до атаки была проведена перегруппировка войск, и сразу несколько советских полков оказались в тылу отряда мятежников. Взяв «добровольцев» в кольцо, они принялись методично их уничтожать, но тут-то и подоспела долгожданная помощь с немецкой стороны, спасшая отряд казаков-коллаборационистов.

Немцы, правда, поначалу не слишком обрадовались тому, что их новыми военными союзниками стали какие-то неизвестные им «казаки». Более того, их попробовали разоружить, но натолкнулись на серьезное сопротивление: разгоряченные после боя казаки немедленно заняли круговую оборону. Увидев, как развиваются события, немцы приняли решение оружие ка-

закам сохранить и, во избежание дальнейшей эскалации конфликта и до выяснения всех обстоятельств, отправить Назаренко и 80 его бойцов в тыл. Через несколько дней командующий 14-м немецким танковым корпусом генерал Густав фон Витершейм лично принял бывшего советского старшего лейтенанта и выслушал его историю. Бравый казачий офицер понравился немецкому генералу, и тот принял решение оставить подразделение Назаренко в составе корпуса. Но тут неожиданно возникли серьезные трудности. Согласно германским предвоенным установкам, такое крупное подразделение из советских граждан не могло сражаться в боевых порядках немецких войск, а предлагать казакам роль обслуживающего персонала никто не решился. Первоначально их попросили объявить себя фольксдойче и уже на законных основаниях вступить в германскую армию, но гордые и независимые казаки не захотели идти на такой компромисс. В конечном итоге немцы пошли навстречу своим новым союзникам и объявили их самыми что ни на есть «законопослушными бюргерами» (во всех документах указывалось, что служащие этого формирования — немцы по национальности), а еще через несколько недель, как только было официально разрешено формировать казачьи части, они опять поменяли национальность и стали казаками.

В немецких документах отряд Назаренко значился как «казачий разведывательный батальон». Все казаки получили со склада немецкую униформу и стрелковое оружие. Единственным их отличием от немецких солдат стали большие белые нарукавные повязки с нашитой на них черной буквой «К», а у Назаренко на немецкой офицерской фуражке была сине-красная кокарда донского войска. Впоследствии этот батальон воевал в составе 1-й немецкой танковой армии. История данного казачьего формирования весьма показательна, ведь именно такие «дикие» части и становились первыми добровольными боевыми союзниками немцев,

именно благодаря их успешным и отважным (если можно назвать таковой борьбу против своей собственной страны) действиям на фронте и в тылу многие немецкие солдаты и офицеры прониклись к казакам искренним уважением и еще задолго до официальных приказов и распоряжений начали считать их полноправными боевыми товарищами.

Первая «легальная» казачья часть — казачий эскадрон, в соответствии с приказом командующего тыловым районом группы армий «Центр» генерала фон Шенкендорфа от 28 октября 1941 года, был сформирован в Могилеве под командованием донского казака бывшего майора Красной армии И.Н. Кононова, перешедшего за два месяца до этого на сторону немцев.

Иван Никитич Кононов[1] родился 2 апреля 1900 года в станице Ново-Николаевской Таганрогского округа Области Всевеликого Войска Донского в семье потомственного военного Н.Г. Кононова. Его дед дослужился до полковника и перед Русско-японской войной командовал сводно-казачьей бригадой. Отец — полный георгиевский кавалер, во время Первой мировой войны был очень серьезно ранен. Вернувшись в родную станицу, он не смог принять новую власть, ушел в подполье и в результате был повешен большевиками в 1918 году. Кроме отца, Кононов потерял в 20—30-е годы мать и троих братьев. Оставить территорию Дона вместе с отступающими белыми частями Ивану Никитичу не удалось, и для него началась новая жизнь.

---

[1] Биография И.Н. Кононова составлена по следующим источникам: журнал «На казачьем посту». № 38. 1944; *Черкассов К.* Генерал Кононов: ответ перед историей за одну попытку. Т. 1. Мельбурн, 1963; *Александров К.М.* Казачество России в 1941—1943 гг.: неизвестные страницы истории // Новый часовой. 1995 № 3; *Решин Л.* «Казаки» со свастикой. Документы из архивов КГБ. Родина. 1993. № 2; *Александров К.* Трагедия Донского казака Ивана Кононова // Посев. 2000. № 5—6; *Newland S.* Cossacks in the German army 1941—1945. London, 1991.

В марте 1922 года, изменив год рождения на 1906 (невысокий рост и перенесенная ранее тяжелая болезнь легко позволили Кононову выдать себя за 16-летнего юношу), он объявил о своем пролетарском происхождении и поступил на службу в РККА. В седле Кононов, с детства любивший лошадей, держался хорошо и сразу же был зачислен в 79-й полк 14-й кавалерийской дивизии, где очень скоро обратил на себя внимание ревностным отношением к службе. Осенью 1923 года он успешно окончил дивизионную школу младшего комсостава и в сентябре следующего года был направлен на кавалерийское отделение элитной объединенной военной школы имени ВЦИК, где за успехи в учебе в сентябре 1926 года получил должность командира курсантского отделения.

В сентябре 1927 года молодой командир был направлен в Северо-Кавказский военный округ, где получил под начало взвод в 27-м Быкадоровском полку знаменитой со времен Гражданской войны 5-й Ставропольской им. М.Ф. Блинова кавалерийской дивизии, и в течение 5 лет служил там на разных строевых должностях. В 1929 году он вступил в ВКП(б) и в январе 1932 года был переведен на должность политрука 30-го Саратовского кавалерийского полка, а еще спустя два с половиной года возвратился на строевую должность помощника начальника штаба 28-го Таманского кавалерийского полка. В марте 1936 Кононов стал слушателем заочного отделения Военной академии им.Фрунзе, а вскоре был зачислен слушателем на основное отделение и в 1938 году окончил академию. К тому же периоду относится дошедшая до нас благополучная служебная аттестация: «*Должности вполне соответствует. Может быть назначен на строевую работу на должность командира кавполка, и после получения соответствующей практики может быть неплохим помощником командира кавдивизии. Предан*

делу партии Ленина — Сталина и социалистической Родине. Политически и морально устойчив. Политически грамотен хорошо. В жизни парторганизации принимает активное участие. Партвзысканиям не подвергался»[1]. В 1938 году приказом наркома обороны Ворошилова Кононову было присвоено звание майора, и в сентябре того же года его назначили начальником I (оперативного) отдела штаба 2-го кавкорпуса Киевского особого военного округа. Осенью 1939 года Кононов принимал участие в операции по возвращению аннексированных Польшей в 1920 году территорий Западной Украины и Белоруссии.

Во время советско-финской войны 1939—1940 годов был направлен на фронт и получил под свое, правда временное, командование 436-й полк 155-й дивизии. Во время одной из операций под непосредственным руководством Кононова бойцам полка удалось отбить несколько ожесточенных контратак финских войск, и за это молодой майор был награжден орденом Красной Звезды. После окончания войны 15 августа 1940 года Кононов уже официально вступил в командование 436-м полком 155-й стрелковой дивизии, который к тому времени был передислоцирован в район Барановичей в Западный особый военный округ.

Полк Кононова встретил войну в состоянии полной боеготовности. 155-я стрелковая дивизия генерал-майора П.А. Александрова организационно входила в состав 67-го стрелкового корпуса 10-й армии генерал-майора К.Д. Голубева, которая, в свою очередь, располагалась в печально знаменитом Белостокском «выступе», окруженном немецкими войсками уже в первые дни войны. К 28 июня войска 10-й армии оказались в котле западнее Минска, затем они вышли в район Налибокской пущи, где вторично попали в окружение.

---

[1] Цит. по: *Александров К.* Трагедия Донского казака Ивана Кононова // Посев. 2000. № 5—6.

Здесь в начале июля 1941 года управление армии окончательно перестало существовать, а все части начали выбираться из окружения по отдельности. 22 августа, находясь в 300 километрах от Смоленска, Кононов один или вместе с небольшой частью своего полка встал на путь предательства и перешел на сторону немцев. И по сей день остается много неясного в самом факте сдачи немцам.

Некоторые исследователи[1] пытаются доказать, что решение Кононова о сдаче немцам было обдуманным, что, дескать, он еще в 10-х числах августа отправил к немцам специального посла-парламентера, что проводил агитационную работу среди личного состава полка, а 22 августа произнес антисоветскую речь, во время которой у его подчиненных «волосы вставали дыбом», и в результате большая их часть перешла к немцам вместе с ним. В основе этой версии лежит утверждение о том, что уже в сентябре 1942 года перешедшие вместе с Кононовым военнослужащие стали костяком хорошо вооруженного донского казачьего полка численностью чуть ли не в 2 тысячи человек. Все эти предположения обильно снабжены документальными подтверждениями и воспоминаниями современников. Одно настораживает в исследованиях этих историков — все свои умозаключения они делают, основываясь на крайне претенциозной биографии Ивана Кононова, принадлежащей перу некоего К. Черкассова (издана в 1963 году в Мельбурне), откуда и взяты многочисленные документы и воспоминания. Безусловно, все, что написано в этом труде, является

---

[1] *Newland S.* Cossacks in the German army 1941—1945. London, 1991; *Александров К.М.* Казачество России в 1941—1943 гг.: неизвестные страницы истории // Новый часовой. 1995. № 3; *Александров К.М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944—1945. СПб, 2001.

важным историческим материалом, но относиться к нему следует с определенной долей недоверия.

В реальности никакого донского казачьего полка в сентябре 1941 года не существовало и существовать не могло, немцы просто не решились бы в то время сформировать такую крупную часть из числа советских граждан. Есть и другие вопросы: как немцы могли разрешить сдавшимся в плен красноармейцам меньше чем через месяц взять в руки оружие? А что, если все это было спланированной акцией советской разведки? Да и странно, что все как один перешедшие бойцы вдруг оказались казаками-антисоветчиками, хотя сам полк не был казачьим. Практически все источники и документы свидетельствуют лишь о том, что Кононов сформировал не полк, а эскадрон, в который вошли лишь 26 его бывших подчиненных[1]. Что же касается решения Кононова о сдаче в плен (спланированное или спонтанное) и количества бойцов Красной армии, перешедших на сторону немцев, то тут что-либо точно, не боясь ошибиться, утверждать нельзя. Действительно, во многих источниках (например, в дневнике Кононова, частично опубликованном тем же Черкассовым, или в казачьей прессе времен Второй мировой войны[2]) указывается, что на сторону немцев перешел весь полк, но каких-то конкретных данных на этот счет не приводится. Вполне возможно, что вместе с Кононовым сдались несколько десятков человек, а возможно, что и большая часть потрепанного к тому времени в боях подразделения, но его дальнейшая судьба неизвестна. Не совсем укладывается в версию о сдаче всего полка и тот факт, что полковое знамя ныне находится в бывшем «Музее Вооруженных сил СССР». Согласи-

[1] На казачьем посту. 1944. № 38. С. 12; *Решин Л.* «Казаки» со свастикой. Документы из архивов КГБ // Родина. 1993. № 2. С. 73.

[2] В том же журнале «На казачьем посту» говорится то о том, что вместе с Кононовым перешел целый полк, то о том, что лишь несколько десятков человек.

тесь, если бы весь личный состав перешел на сторону немцев, знамя вряд ли попало бы в этот музей.

Вот что по поводу сдачи «батьки» (так Кононова называли подчиненные) в плен написано в казачьем официозе — журнале «На казачьем посту»: *«22 августа полк* (опять упоминается полк, но куда он делся потом, все-таки непонятно. — ***П.К.***) *перешел на сторону немцев. После сдачи Кононов был направлен в штаб фронта в Смоленск, потом в Борисов в нечто вроде санатория для офицеров. В Борисове Кононов пробыл около месяца. Написал рапорт о желании принять участие в борьбе с большевиками. В октябре 1941 майора Кононова вызвали телеграммой в Могилев. С этого момента началась организация 102-го казачьего эскадрона»*[1].

Подробнее о формировании первой официальной казачьей части и ее структуре можно узнать из послевоенных показаний на допросах НКВД графа Ганса Риттберга, который исполнял при Кононове функции представителя немецкого командования. Граф утверждал: *«Кононовым руководил я, а Кононов командовал эскадроном»*[2]. *«28 октября 1941 года по приказу генерала Шенкендорфа — командующего тыловыми частями группы армий «Центр» — я явился к немцам в штаб, где меня познакомили с бывшим майором Красной Армии Кононовым... Шенкендорф объявил Кононову, что тот назначается командиром казачьего эскадрона, который следует сформировать в городе Могилеве из советских военнопленных. Шенкендорф указал также, что эскадрон предназначен для проведения оперативных действий против партизан и выполнения карательных функций против населения, поддерживающего партизан»*[3]. *Помимо функций посредника между Кононовым и*

---

[1] На казачьем посту. 1944. № 37—38. С. 11—12.

[2] Решин Л. «Казаки» со свастикой. Документы из архивов КГБ // Родина. 1993. № 2. С. 73.

[3] Там же.

немецким командованием, Риттберг исполнял роль своеобразного надсмотрщика над первым казачьим командиром: «Майор Кононов, — рассказал он в 1943 году в интервью корреспонденту журнала «На казачьем посту», — *отправился в сад за яблоками, а я подумал, что он решил убегать. Потом он возвратился... с яблоками»*[1].

Первый эскадрон был сформирован из военнопленных, содержавшихся в лагерях Могилева, Гомеля, Борисова, Невеля, Лепеля, Витебска, Смоленска и Орши. С военнопленными обычно разговаривал Кононов. Для привлечения людей он *«вначале сообщал об успехах германских войск, причем успехи значительно преувеличивались, затем призывал желающих вступить в эскадрон, обещая питание и обмундирование по нормам немецкой армии, а по окончании войны, от имени германского правительства, обещал земельные наделы и денежную субсидию»*[2]. Естественно, при таких заманчивых обещаниях, да еще и в страшных условиях немецких лагерей среди военнопленных нашлось немало малодушных «добровольцев», которые и составили основу первых казачьих эскадронов. После объезда всех этих лагерей к 9 ноября 1941 года из отобранных 200 добровольцев был сформирован 102-й казачий эскадрон[3]. Прибывающие из лагерей в Могилев казаки представляли собой любопытное зрелище: *«В ноябре в Могилеве произошло знакомство первых казаков-бойцов с первым казаком-командиром, майором Кононовым. На следующий день жители Могилева с удивлением смотрели на оборванное бывшее красное воинство, весело шагавшее с песнями в казарму... В конце ноября 1941 года сотня получила коней, если*

---

[1] На казачьем посту. 1943. № 14. С. 14.

[2] *Решин Л.* «Казаки» со свастикой. Документы из архивов КГБ // Родина. 1993. № 2. С. 73.

[3] На казачьем посту. 1944. № 38. С. 12; *Решин Л.* Там же; *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. С. 63.

можно было так в то время назвать изнуренных и измученных животных, с выдающимися костями и ребрами. Не обошлось, конечно, без шуток и острот при виде таких «боевых казачьих друзей»... В декабре произошла большая перемена. Казаки просто друг друга не узнавали. Одетые в немецкую форму, все с оживлением рассматривали чистое белье, богатое суконное обмундирование. Многие казаки никогда в жизни не носили подтяжек и приходили в детское смущение, не зная, куда их применить, к немалому веселью оберлейтенанта Риттберга. В первое же воскресенье жители города Могилева вторично с удивлением глядели на четко идущих немецких солдат, поющих лихие казачьи песни»[1].

После трехмесячного обучения, с февраля 1942 года, эскадрон начал осуществлять боевые операции локального характера против партизан или, как их называли немцы, «банд и их пособников» в радиусе 40—50 километров от Могилева.

После того как в апреле 1942 года Гитлер лично разрешил использовать казачьи формирования, произошла окончательная легализация всех казачьих частей, которая сняла с них всякие ограничения, предусмотренные нацистским руководством для большинства «туземных» формирований (исключение к тому времени составляли тюркские и кавказские формирования), и открывала обширные возможности для дальнейшего увеличения их числа. Так, вслед за первым эскадроном Кононова были сформированы 2-й, 3-й, 4-й и 5-й эскадроны (сотни), на основе которых в сентябре, по другим данным — в августе 1942 года, был развернут 102-й (позднее переименованный в 600-й) казачий дивизион (в немецких документах его иногда называли батальоном, а сами казаки в разговорах между собой именовали его полком). 1-я, 2-я и 3-я сотни

[1] Казачий вестник. 1943. № 4 (35). 15 февраля. С. 2.

дивизиона были конными, а 4-я, 5-я и 6-я пластунскими. В составе дивизиона имелась также пулеметная сотня (16 станковых пулеметов «Максим»), минометная (двенадцать 82-мм минометов) и артиллерийская (шесть 76-мм и шесть 45-мм орудий) батареи, подразделение связи, саперное, хозяйственное подразделения и духовой оркестр. Численность дивизиона составляла 1799 человек, в том числе 77 офицеров, 201 урядник и 1521 казак[1]. Командиром дивизиона был назначен И.Н. Кононов, получивший к тому времени звание подполковника. Ближайшими его помощниками стали немецкий офицер связи оберлейтенант (впоследствии майор) Ганс фон Риттберг и эмигрант майор Пуговничников — бывший офицер югославской армии. Пополнение в дивизион набиралось из Могилевского, Лепельского, Витебского, Смоленского и Оршанского лагерей военнопленных. Несмотря на то что некоторые довольно авторитетные исследователи настаивают, будто настоящими казаками были только 60% от личного состава[2], сами участники событий утверждают обратное: «*При отборе казаков в военнопленных лагерях*, — вспоминает командир одной из сотен Червяков, — *я исходил из нижеследующего: во-первых, отбирал чистокровных казаков, а не иногородних, во-вторых, по социальному положению — у кого есть отец, брат или дядя за границей, в-третьих, кто сам репрессирован Советской властью или кто из близких родственников его, а также казаки, пострадавшие от Советской власти за что-либо другое. Я при отборе казаков подходил очень осторожно... чтобы в нашу казачью семью не могли пробраться чуждые нам элементы: хохлы и мужики-лапотники*»[3]. По всей ви-

[1] *Черкассов К.* Генерал Кононов: ответ перед историей за одну попытку. С. 129.

[2] *Littlejohn D.* The patriotic traitors. A history of collaboration in German occupied Europe. London, 1972. C. 298.

[3] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 39. Л. 175.

димости, этот казак несколько преувеличивает возможности лагерей для военнопленных, которые, согласно его описаниям, были своеобразными конвейерами по «изготовлению» казаков, причем определенных категорий. Сам Кононов никогда не скрывал того факта, что *«в частях и соединениях не только были казаки — были буквально все национальности вплоть до греков, французов и других национальностей»*.

Пополнив состав вермахта, эта довольно внушительная и хорошо подготовленная боевая часть проводила антипартизанские рейды в районах Бобруйска, Смоленска, Невеля и Полоцка, в ходе которых они *«сжигали населенные пункты, расстреливали как партизан, так и обнаруженное в лесах население, арестовывали и частично уничтожали лиц, заподозренных в связях с партизанами»*[1]. О боеспособности полка, пожалуй, лучше всего свидетельствуют выдержки из дневника генерала Шенкендорфа: *«4.09.1942 г. 102-й казачий батальон с боем захватил и разрушил пять партизанских лагерей. Противник понес большие потери в живой силе, захвачено различного рода оружие и боеприпасы, а также снаряжение. В бою разбита партизанская банда, совершившая 22 августа нападение на автоколонну на дороге Витебск — Бешенковичи. 9.09.1942 г. В ходе операции «Рысь» нами занято на восточном участке несколько покинутых партизанских лагерей. 102-й казачий батальон захватил 34 пленных и различное оружие. 22.10.1942 г. Приказ по корпусу № 123 об объявлении благодарности 600-му казачьему батальону по случаю годовщины его создания. 29.10.1942 г. Настроение казаков хорошее. Боеготовность отличная... Поведение казаков по отношению к местному населению беспощадное»*[2].

---

[1] *Решин Л.* «Казаки» со свастикой. Документы из архивов КГБ // Родина. 1993. № 2. С. 73.

[2] Цит. по: *Александров К.* Трагедия Донского казака Ивана Кононова // Посев. 2000. № 5—6.

По словам самого Кононова, на базе дивизиона был даже сформирован 17-й казачий танковый батальон, вошедший в подчинение 3-й танковой армии вермахта под Великими Луками в конце мая 1942 года, где и остался в качестве отдельного подразделения[1], но на сегодняшний день каких-либо документальных подтверждений существования подобного подразделения обнаружить не удалось. Вплоть до июня 1943 года дивизион Кононова играл важную роль не только в антипартизанских операциях в тылу групп армий «Центр» и «Юг» и в охране немецких коммуникаций, но и участвовал в столкновениях с регулярными частями Красной армии: с 15 мая по 20 сентября под Великими Луками и с 22 октября по 4 апреля 1943 года под Смоленском. Это казачье формирование считалось одним из самых боеспособных среди всех «восточных частей», и именно поэтому в январе 1943 года оно было удостоено особой «чести» — во время поездки по тылам группы армий «Центр» его посетил генерал-лейтенант А.А. Власов.

Несмотря на то что дивизион был на очень хорошем счету у немцев, морально-психологическое состояние некоторой части казаков или людей, называвших себя казаками, было подавленным. Опорой Кононову служили 1-й и 2-й эскадроны, считавшиеся элитными: туда попадали только тщательно проверенные бойцы. Во всех же остальных подразделениях были не только те, кто действительно ненавидел советскую власть, но и те, кто просто пытался вырваться из лагерей для военнопленных, где их ждало только одно — голодная смерть. Многие из них, попав в дивизион, начинали вести подрывную работу и склонять своих новых «товарищей по несчастью» к побегу. За многие месяцы войны казаки-коллаборационисты насмотрелись вся-

[1] *Александров К.М.* Казачество России в 1941—1943 гг.: неизвестные страницы истории // Новый часовой. 1995. № 3. С. 81.

кого. Видели они поведение немцев на оккупированных территориях, видели пытки и унижения мирного населения, да и воевать приходилось не против «бандитов и их пособников», а против таких же, как они сами, славян, только защищающих свою землю. Естественно, все это не могло не отразиться на моральном состоянии, и казаки начали переходить на сторону партизан. Так, например, 15 апреля 1943 года бóльшая часть 3-го и 4-го эскадронов, а также артдивизиона, перебив немецких связистов и казачьих офицеров, ушла в лес к партизанам, а 18 июня 1943 года произошел и вовсе уникальный случай. В партизанский отряд Королева, действующий в Осиповическом районе Могилевской области, перешли 16 солдат (все бывшие военнопленные) и заместитель командира одного из эскадронов дивизиона Кононова — князь-эмигрант Н.М. Гагарин. При этом они захватили с собой 5 пулеметов, 16 винтовок, ротный миномет, автомат, 2 пистолета, 8 гранат и 2 тысячи патронов[1]. На первом же допросе Гагарин, приехавший воевать на Восточный фронт из Югославии в мае 1942 года и люто ненавидевший коммунизм и советское государство, объяснил свой переход тем, «что не может переживать и терпеть тех издевательств над русским народом, которые проводят немцы»[2].

4 апреля 1943 года 600-й казачий дивизион был направлен в Могилев, а 7 июня начал по частям перебрасываться в польский городок Млаву (Милау), где формировалась 1-я казачья дивизия полковника Гельмута фон Паннвица. К этому времени дивизион численностью примерно в 2 с половиной тысячи человек представлял собой крупную, отлично вооруженную боеспособную единицу и имел на вооружении «7 артиллерийских орудий, свыше 120 русских пулеметов, много

[1] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 20. Л. 114.

[2] Там же.

немецких пулеметов, 19 грузовых машин, 3 легковых, около тысячи хорошо откормленных лошадей»[1], что позволило ему с легкостью развернуться в 5-й Донской полк 2-й бригады 1-й казачьей дивизии.

Помимо дивизиона Кононова, осенью—зимой 1941—1942 г. в составе вермахта было сформировано также значительное число малых «казачьих» охранных и разведывательных частей. Точный их учет произвести практически невозможно, так как многие из них не упоминались даже в германских документах. Причем во многих немецких частях они начали формироваться задолго до получения каких-либо официальных разрешений на создание подобных частей. Например, в 43-м армейском корпусе, который организационно входил в состав 4-й танковой армии группы армий «Центр», официально в мае 1942 года (а на самом деле — с конца 1941 года) был сформирован 443-й казачий батальон. Согласно показаниям казаков, взятых в плен советскими партизанами летом 1943 года, к этому времени он состоял из 4 эскадронов общей численностью примерно в 500—600 человек русских, украинцев, казаков и оценивался немецким командованием *«как вполне боеспособная часть с квалифицированными офицерами»*[2]. Командиром был немец в чине обер-лейтенанта, начальником штаба старший лейтенант Муравский (он же командир одного из эскадронов), во главе эскадронов стояли советские офицеры из числа бывших военнопленных. На вооружении батальона имелось четыре 45-мм орудия (распределены по эскадронам), 4 станковых пулемета (распределены по эскадронам), 11 ручных, 1 батальонный и 4 ротных миномета (распределены по эскадронам)[3]. Что-либо про боевые «заслуги» этого отряда сказать сложно,

[1] На казачьем посту. 1944. № 38. С. 12.

[2] *Newland S.* Cossacks in the German army 1941—1945. P. 88.

[3] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 709. Л. 8; *Newland S.* Op. cit. P. 88—89.

можно лишь утверждать, что немцы особо не жалели своих «союзников» и старались направлять их в самые «партизаноопасные» места. 17 сентября этого же года партизанам удалось захватить еще несколько пленных из 1-го эскадрона 443-го казачьего батальона, которые на допросах рассказали, что за два месяца батальон побывал в серьезных боях и понес ощутимые потери: численность каждого эскадрона составила всего лишь 60—70 человек[1], то есть уменьшилась почти вдвое. В составе 5-тысячного германского конного соединения под командованием фон Безелагера в тыловом районе групп армий «Центр» был организован казачий эскадрон (5-й эскадрон) численностью в 650 человек[2].

Казачьи дивизионы начали активно формироваться и в составе немецких охранных дивизий, действовавших на южном участке Восточного фронта, в полосе группы армий «ЮГ», и подчинявшихся непосредственно командованию тыловой зоны группы армий «А» и «Б».

Так, 444-я охранная дивизия в мае 1942 года сформировала конный дивизион четырехэскадронного состава в районе Запорожье — Синельниково, а в октябре того же года — еще один дивизион в районе Ставрополя. Указанные подразделения состояли из донских, кубанских, терских и уральских казаков, а также представителей других национальностей — добровольцев из числа военнопленных. К октябрю 1942 года они успели хорошо зарекомендовать себя на охранной и сторожевой службе, в операциях по прочесыванию партизанских районов на побережье Азовского моря и в долине реки Маныч. Впоследствии этот дивизион активно участвовал в битве за Кавказ, и в феврале 1943 года его 1-я сотня была почти полностью разгромлена

[1] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 709. Л. 225.

[2] *Фоулер Дж., Чаппел М.* Кавалерийские части Германии и ее союзников во Второй мировой войне 1939—1945. М., 2003. С. 22.

советскими танкистами недалеко от Таганрога. В составе 454-й охранной дивизии было сформировано два конных дивизиона, моральное состояние, обученность и боеспособность которых оценивались германским командованием в октябре 1942 года как «хорошие и обещающие достичь уровня полевых войск»[1].

Казачий дивизион 403-й охранной дивизии имел в своем составе три эскадрона, один из которых (конный) был укомплектован казаками добровольцами, а два других (пешие) — военнопленными, отобранными в Харьковском лагере. На вооружении эскадронов находились русские и немецкие карабины, автоматы, 22 ручных и 5 станковых пулеметов, 15 ротных и 4 батальонных миномета. Зимой 1943 года дивизион, находясь в составе частей прикрытия, в оперативном подчинении немецкой 79-й пехотной дивизии, обеспечивал отход на запад главных сил немцев и понес при этом очень серьезные потери.

Кроме того, были сформированы: казачий дивизион в составе 213-й охранной дивизии, в 1943 году переподчиненный 57-му охранному полку; небольшой разведывательный отряд в 97-й егерской дивизии; казачья моторизированная рота 3-го танкового корпуса. А в 4-м охранном самокатном полку была сформирована казачья сотня (10-й разведывательный эскадрон).

Появление этой сотни в рядах вермахта было не совсем обычным и чем-то напоминало историю сотни Назаренко. Осенью 1941 года казаки станицы Синявской при подходе немецких войск перебили местную власть, забрали все имеющееся в наличии оружие и ушли в Донские плавни, где и дождались прихода немецких войск. Обратившись к освободителям с речью, они попросили посодействовать им в создании казачьей сотни. Немцы удовлетворили их просьбу и снабдили казаков лошадьми и оружием, но командирами

---

[1] Цит. по: *Дробязко С.И.* Казачьи части в составе вермахта. С. 184.

сотни и всех эскадронов были поставлены немцы. Вскоре советские войска нанесли контрудар и отбросили противника к Таганрогу. Казаки отступали вместе со своими новыми союзниками, причем уже под официальным названием: 10-й казачий разведывательный эскадрон 4-го самокатного полка. В начале лета 1942 года он занял небольшой участок фронта у Таганрогского залива, после чего был передислоцирован в район Красной Поляны, где на протяжении зимы 1942/1943 г. боролся с партизанами. Дальнейшая его судьба была в чем-то похожа на судьбы многих подобных формирований. Отступление, кровопролитные бои, эвакуация и, наконец, прибытие в Млаву, где эскадрон влился в 1-ю казачью кавалерийскую дивизию. Существование подобных эскадронов лишний раз доказывает тот факт, что формирование частей из коллаборационистов, в том числе и из казаков, началось задолго до того, как их существование было регламентировано немецкими нормативными документами.

Небольшие казачьи части формировались и при штабах немецких танковых соединений, где преимущественно занимались разведывательной деятельностью, борьбой с партизанами и выполняли различные специальные поручения, например по снабжению продовольствием лагерей для военнопленных. Так, 17 мая 1942 года в 47-м танковом корпусе группы армий «Центр» из попавших в плен красноармейцев были сформированы два небольших казачьих подразделения, находившиеся в ведении немецких «снабженцев». Каждый из этих отрядиков состоял из 35 человек (1 офицер, 4 унтер-офицера и 30 солдат) и выполнял вполне конкретные задачи: борьба с партизанами, охрана коммуникаций, изъятие продовольствия у населения для нужд дивизии, участие в снабжении войск и лагерей для военнопленных. Как это было принято, вооружение казаков составляло исключительно трофейное оружие. Причем бойцы одного взвода получили в свое рас-

поражение 30 югославских винтовок и один советский пулемет, а второй взвод в полном составе был вынужден добывать оружие на складах, оставленных советскими войсками при отступлении. Что касается обмундирования, то казаки представляли собой достаточно забавное зрелище: ботинки и полевая экипировка советские, штаны, каски и плащи вперемешку советские и немецкие, знаки отличия немецкие. Согласно распоряжению командования дивизии, казаки должны были получать продовольственное довольствие такое же, как немцы, за одним небольшим исключением: табак и особенно алкоголь выдавался им в сильно урезанных объемах[1].

Среди казачьих разведывательных формирований следует отметить прежде всего эскадрон есаула Михаила Загородного, обстоятельства появления которого были не совсем обычными. В июне 1942 года 40-й немецкий танковый корпус генерала Гейера фон Швеппенбурга захватил такое огромное количество пленных, что организовать их отправку в тыл было весьма затруднительно. Командование корпуса не имело в наличии сил для конвоирования этой массы людей, а выделить для подобной цели солдат из боевых подразделений в ходе наступления не представлялось возможным. Наконец, кому-то из посвященных штабных офицеров пришла в голову идея отобрать из числа военнопленных антисоветски настроенных донских и кубанских казаков, снабдить их винтовками и лошадьми и поручить им конвоирование в тыл своих же соотечественников. Так возник конный эскадрон под командованием Михаила Загородного — казака станицы Белореченской, кадрового военнослужащего Красной армии с 1933 года. Естественно, когда отряд Загородного вместе с многотысячной колонной военнопленных выступил в западном направлении, никто из штаба 40-го тан-

[1] *Newland S.* Cossacks in the German army 1941—1945. P. 86—87.

кового корпуса не рассчитывал увидеть его вновь. Однако спустя две недели Загородный неожиданно появился в штабе корпуса, доложил о выполнении задания и вновь предложил свои услуги[1]. Немецкое командование, приятно удивленное такой преданностью, тут же приняло казаков на довольствие и сформировало из них 82-й казачий эскадрон (позже разделен на 1/82 и 2/82-й эскадроны) численностью в 340 человек — главным образом кубанских казаков. Эскадрон получил имя знаменитого героя повести А.С. Пушкина — Владимира Дубровского[2]. Вскоре он был придан в качестве разведывательного отряда немецкой боевой группе и осенью 1942 года участвовал в сражениях с разрозненными группами советской кавалерии в Ногайских степях (часто его разделяли на несколько более мелких и подвижных частей). Немецкое командование, и в частности командир боевой группы полковник Мюнцель, с большой симпатией относилось к Загородному, видя в нем не второсортного союзника из числа военнопленных, но талантливого командира, которому удалось разработать хитроумную тактику взаимодействия казаков в пешем и конном строю с немецкой мотопехотой. Во время немецкого отступления с Кавказа вновь объединенный эскадрон двигался в арьергарде 40-го танкового корпуса, и во время переправы через Дон был окружен советскими войсками. Несмотря на то что связь с корпусом была потеряна и помощи ждать было неоткуда, казакам все-таки удалось прорваться из окружения. Впоследствии 82-й казачий эскадрон Михаила Загородного продолжал нести службу на южном крыле германского Восточного фронта. Поздней осенью 1943 года эскадрон отличился в боях на плацдарме у Никополя, где захватил много пленных

[1] *Littlejohn D.* The patriotic traitors. A history of collaboration in German occupied Europe. C. 318.

[2] На казачьем посту. 1943. № 5. С. 12.

и оружия, которым удалось вооружить целую пулеметную роту. Дальнейший трагический путь казаков лежал через Кировоград, Буг и Днестр в Молдавию, где эскадрон продолжал сражаться против советских партизан. Летом 1944 года эскадрон был переброшен во Францию, где и закончил свой боевой путь, попав в окружение у крошечного городка Сен-Ло в Нормандии. Он был полностью уничтожен американскими войсками[1].

Казаки настолько хорошо зарекомендовали себя, что их старались привлечь на службу не только немцы, но и другие германские союзники. Так, например, казачья сотня (командир майор Кампелло) была сформирована в составе итальянского кавалерийского полка «Савойя», входившего в кавалерийскую мобильную дивизию 8-й итальянской армии. Вскоре она была развернута в дивизион из двух эскадронов, общей численностью в 365 человек. Летом 1943 года дивизион был выведен в Италию и придан уланскому полку «Наварра». После капитуляции Италии подразделение было включено в состав немецкой армии и до окончания войны вело боевые действия против партизан в Северной Италии. Воевали казаки и в составе финской армии: «*Весной 1942 года*, — пишет в одном из писем некто Фисенко Василий Ермолаевич, «по национальности кубанский казак», — *будучи старшим сержантом, я с группой своих бойцов навсегда освободился из Сталинских кровавых лап. Как казак душой и телом, я этим не успокоился, я решил действовать на пользу своего народа, решил встать на открытый путь борьбы с большевизмом. Финское командование, куда я попал, пошло мне навстречу, и я через 10—15 дней после своего перехода уже сменил свою потрепанную красноармейскую форму на финский военный мундир.*

---

[1] Казачья лава. 1944. № 36. 14 декабря. С. 3; *Фоулер Дж., Чаппел М.* Кавалерийские части Германии и ее союзников во Второй мировой войне 1939—1945. С. 60.

И вот я уже полтора года нахожусь на передовой линии по эту сторону красной стены. Доверие финского командования и имя казака я оправдал, чем могу и погордиться. Жизнью и обращением к себе я очень доволен и благодарен»[1].

Одним из наиболее боеспособных, но в то же время и жестоких в обращении с пленными и мирным населением, был казачий полк под командованием бывшего крупного эстонского землевладельца Эверта Вольдемара фон Рентельна, который до войны владел огромным имением в 1010 десятин (недалеко от эстонского городка Пайде), а также торфоразработками и электростанцией. Военные достижения фон Рентельна в некотором роде уникальны — он имел военные звания трех разных стран мира: ротмистр русской армии, майор бело-эстонской и майор немецкой. При этом, несмотря на свои прошлые заслуги и звания, карьеру в немецкой армии он начал рядовым (работал переводчиком). Однако, благодаря своим способностям и приличному знанию русского языка, ему удалось быстро выдвинуться и отлично зарекомендовать себя перед немецким командованием. В мае 1942 года командир 5-й танковой дивизии генерал-майор Фейн приказал ему сформировать роту особого назначения из русских военнопленных. Рота была образована и очень успешно действовала в нескольких операциях (например, при окружении войск генерала Белова и в боях южнее Ржева), уже 5 ноября 1942 года фон Рентельну объявили о присвоении очередного звания гауптмана (капитана) и сообщили, что ему, по приказу генерал-полковника Рейнгардта (командующего 3-й танковой армией), поручается формирование полка специального назначения из казаков. Рентельн свел уже действующие казачьи батальоны, сформированные из военнопленных и местных жителей: 623-й (майор Бреннер) —

[1] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 40. Л. 208.

в окрестностях Дорогобужа, 622-й (обер-лейтенант Древес) — вдоль полотна железной дороги севернее и южнее Вязьмы, 625-й (майор Михвиц) — между Вязьмой и Дорогобужем и 624-й (капитан Микиш) — вдоль полотна железной дороги западнее и восточнее станции Дорогобуж в 360-й казачий полк[1]. Такой подход к формированию полка привел к тому, что довольно внушительную его часть составляли не военнопленные, а местные жители-добровольцы, что лишний раз подтверждает — в «казачьих» частях зачастую служили не только казаки, но люди самых разных национальностей, просто назвавшиеся «казаками».

Вскоре перед полком были поставлены конкретные боевые задачи, *«заключавшиеся в охране железнодорожных коммуникаций, подавлении партизанского движения, уничтожении партийного советского актива, оставшегося на оккупированных территориях...»*[2]

Получив 2 батареи 76,2-мм полевых пушек в качестве усиления, вновь образованное казачье соединение начало свою службу. Вот хроника его боевой жизни, восстановленная подробным рассказом фон Рентельна на допросах после войны: «*В начале декабря 1942 года 624-й батальон принял участие в карательной экспедиции севернее станции Дорогобуж на глубину до 10 километров. Было захвачено 12 партизан, расстрелянных потом в Вязьме. В начале января 1943 года этот же батальон завязал бой с партизанским отрядом в лесу, в 15 километрах юго-западнее станции Дорогобуж. Убито 20 партизан и 7 захвачено в плен. Пленные расстреляны в Вязьме. Руководимый лично мною 623-й батальон вел непрерывные разведки боем или предпринимал карательные акции в окрестностях города Дорогобуж в радиусе 20—25 километров. Таких акций было до 17.*

[1] Щит и меч. 1991. 4 января. С. 14.

[2] Там же.

В начале февраля 1943 года полк в полном составе предпринял карательную акцию против партизан в лесу, в 15 километрах северо-восточнее Витебска. Перед самой операцией произошло небольшое осложнение: стоявший на левом фланге моего полка татарский батальон перестрелял своих офицеров и перешел на сторону партизан. Мы открыли огонь по этому батальону, перестреляв около 80 татар, взяв в плен 23 человека, и по моему приказу расстреляли их на месте. Кроме того, было захвачено в плен 45—50 партизан, также потом расстрелянных. В итоге этой операции было убито около 600 партизан.

Между 10 и 21 марта 1943 года двумя батальонами полка была предпринята карательная акция против партизан в лесу северо-восточнее Полоцка. Захвачено в плен и расстреляно 7 партизан.

С 14 по 27 мая полк в составе 8-й танковой дивизии участвовал в карательной экспедиции в лесу северо-восточнее Витебска. При попытке прорыва партизаны оставили более 200 трупов. Однако вследствие низкой квалификации немцев партизанам удалось прорвать кольцо окружения восточнее моего полка.

17—18 июня 1943 года я во главе двух батальонов полка совершил карательную экспедицию в леса юго-восточнее Полоцка в направлении Лепеля. Нарвавшись на большие силы партизан и потеряв около 100 человек, я был вынужден отступить. После этого до переброски во Францию я не участвовал в карательных операциях против партизан и в боях против Красной Армии. Отправка во Францию произошла в середине июля 1943 года по приказу генерала Рейнгардта. С 18 июня и до этого времени полк нес охрану железной дороги Витебск—Полоцк»[1].

Естественно, во время операций против партизан сами казаки также несли довольно существенные по-

---

[1] Щит и меч. 1991. 4 января. С. 14—15.

тери, которые надо было компенсировать, но вот здесь-то они столкнулись с непредвиденными трудностями. Дополнительное пополнение личного состава полка проводилось путем вербовки военнопленных Вяземского и Полоцкого лагерей, но она не была успешной, и за все время только 21 человек, по утверждению самого фон Рентельна, согласился на добровольную службу в казачьем полку.

После прибытия (летом 1943 года) во Францию полк майора фон Рентельна наряду с другими восточными формированиями был задействован на охране «Атлантического вала»[1] в районе города Руайон, севернее устья реки Жиронда.

В августе 1944 года, во время отступления немецких войск из Франции, полку фон Рентельна удалось с боями пройти несколько сот километров по территории, буквально кишевшей партизанами и парашютистами союзных войск. Под Дордонью фон Рентельн получил письмо от начальника штаба французской Национальной Гвардии с предложением о сдаче полка в плен. Как всегда в таких случаях, в ультиматуме говорилось о бесполезности и бессмысленности любого сопротивления (полк со всех сторон был окружен) и обещалось сохранение жизни всем казакам. Однако после совещания офицеры полка и сам фон Рентельн категорически отвергли предложение французов, и полк двинулся на прорыв. У местечка Перегю после трехдневных кровопролитных боев казаки вырвались из окружения, отбив при этом у противника несколько полевых орудий. Прорвавшись к новой линии немец-

[1] «Атлантический вал» — система долговременных оборонительных укреплений, создававшаяся немцами в 1940—1944 годах после разгрома Франции вдоль атлантического побережья Западной Европы (от Дании до Испании), протяженностью 4 тысячи километров, для предотвращения вторжения англо-американских войск на континент.

кой обороны (так называемому «Западному валу»)[1], полк соединился с учебно-запасным полком 1-й казачьей дивизии. «Этот героический поход майора фон Рентельна через всю Францию в августе 1944 года, — написано в газете «Казачья лава», — затмевает поход советского командарма Ковтюха в августе 1918 года и в свое время будет, несомненно, предметом восхищения казачьих историков»[2]. После небольшого отдыха казаки продолжили «свою войну» и еще в течение нескольких недель (в долине Рейна) сражались с наступающими американскими войсками.

Как уже было сказано, все создаваемые казачьи части в начальный период войны были небольшими по численности и, за редким исключением (дивизион Кононова), не могли использоваться в полноценных боевых операциях на фронте, их основным назначением были охранная и сторожевая служба, выполнение небольших разведывательных заданий, снабжение продовольствием германских войск, а также борьба с партизанами. И только весной 1942 года на Восточном фронте начали появляться более крупные казачьи формирования, предназначенные для непосредственного участия в боях с Красной армией. Так, по приказу начальника штаба 17-й армии генерал-майора В. Мюллера (группа армий «Юг») от 5 мая 1942 года, каждый корпусной штаб армии был обязан сформировать одну, а армейское командование — две казачьи сотни, которые впоследствии должны были объединиться в конный полк, названный именем героя Отечественной войны 1812 года, легендарного атамана донских войск графа М.И. Платова. 13 июня последовал приказ командования 17-й армии о формировании полка «Пла-

[1] «Западный вал» — до конца не завершенная система немецких фортификационных сооружений вдоль западных границ Германии от Люксембурга на севере до Швейцарии на юге.

[2] Казачья лава. 1944. № 29. 12 октября.

тов», имевшего в своем составе полковой штаб с взводами связи и взводами станковых пулеметов, пять кавалерийских эскадронов, артиллерийскую батарею, эскадрон тяжелого оружия и запасной эскадрон.

В ноябре 1942 года на вооружении полка, состоявшего из кубанских, донских, терских и уральских казаков, а также представителей других национальностей (всего 1942 человека без немцев), имелось 4 орудия, 1 миномет, 70 пулеметов, а также разнообразное ручное стрелковое оружие. Командиром полка был назначен майор вермахта д-р Эдгар Томсен, на должностях заместителя командира, офицера по снабжению, доктора и ветеринара также находились немцы, однако должности взводных и отчасти эскадронных командиров были заняты казачьими офицерами, как правило, бывшими военнопленными[1]. Кроме того, в полку служили, в том числе и на командных должностях, люди самых разных национальностей. По состоянию на 2 мая 1943 года среди командного состава были: бывший рядовой Красной армии немец Иоганн Кнорр, бывший лейтенант азербайджанец Юсуф Агаев, бывший лейтенант русский Василий Медянцев, украинец Василий Шомполов и донской казак Михаил Балашов[2]. В сентябре 1942 года полк выступил из Горловки на фронт в район Майкопа, где наряду с 4-м охранным самокатным полком (про казачью сотню этого полка мы уже писали) и другими частями был включен в состав особой бригады, обеспечивающей охрану работ по восстановлению Майкопских нефтепромыслов, имевших большое стратегическое значение для германской армии. Часть казачьего полка (штаб и три эскадрона) была выдвину-

---

[1] *Hoffman J.* Die Kaukasien 1942/1943: Das deutsche Heer und die Ostvolker der Sowjetunion. Freiburg, 1991. P. 358—359; *Newland S.* Cossacks in the German army 1941—1945. P. 87.

[2] *Решин Л.* Wlassow-Aktion, или Как германское командование пыталось разложить Советскую Армию и ее тыл в 1941—1945 гг. С. 24.

та в опасную брешь между немецкими войсками, действовавшими на туапсинском и сухумском направлениях, с задачей охраны шоссе Майкоп — Армавир от возможных нападений со стороны советских войск и партизанских отрядов. В конце января 1943 года весь полк был переброшен в район Новороссийска, где нес охрану морского побережья и одновременно участвовал в операциях немецких и румынских войск против партизан[1].

Весной 1943 год казачий полк «Платов» принял участие в обороне так называемого «Кубанского предмостного укрепления». Эти оборонительные позиции немецких войск занимали особое место на Восточном фронте. Они не только защищали от атак с востока и препятствовали советским кораблям проникать из Черного в Азовское море, но одновременно и блокировали большое количество советских войск, оттягивая их с других фронтов. Особенности ландшафта (на юге до самой Анапы простираются отроги Кавказских гор, по обеим сторонам Кубани тянутся болота и низменности, а все пространство Таманского полуострова к западу от линии Анапа — Темрюк покрыто озерами) делали наступление практически невозможным. Благодаря прекрасному знанию этой болотистой местности и хорошей боевой подготовке казаки быстро завоевали доверие и уважение со стороны немецкого командования, которое оценило, с каким рвением и отвагой казаки отражали советские морские десанты северо-восточнее Темрюка. Когда в конце мая полк был снят с фронта и выведен в Крым, в телефонном сообщении группы Ветцеля (5-й немецкий армейский корпус) командованию 17-й армии указывалось на то, что «румынские войска не в состоянии заменить казачий

[1] *Hoffman J.* Die Kaukasien 1942/1943: Das deutsche Heer und die Ostvolker der Sowjetunion. P. 359—360.

полк в районе действия группы», и поэтому «охрана аэродрома от покушений противника может быть гарантирована лишь подходом немецких резервов»[1]. Впоследствии полк из Крыма был переброшен в Млаву, где влился в ряды казачьей дивизии.

Одновременно с казачьим полком «Платов» в составе 1-й немецкой танковой армии на южном участке Восточного фронта был сформирован еще один полк, состоящий из двух эскадронов. При этом один из них был чисто немецким, а второй состоял из казаков-военнопленных и перебежчиков. Командовал полком подполковник вермахта Иоахим фон Юнгшульц. С сентября 1942 года этот полк находился на фронте в районе Ачикулака (юг Ставропольского края, недалеко от границы с Дагестаном), где в его состав были включены еще 2 казачьи сотни, сформированные из местных жителей, а также казачий эскадрон, сформированный в июле 1942 года в Симферополе. По состоянию на 25 декабря 1942 года в его составе было 1530 человек, в том числе 30 офицеров и 150 унтер-офицеров. Примерно половина всех офицеров полка были немцами. На вооружении находилось 56 ручных и 6 станковых пулеметов, шесть 82-мм минометов, 42 противотанковых ружья, винтовки и автоматы[2].

17 октября 1942 года казачьи эскадроны полка фон Юнгшульца принимали активное участие в наступлении, в ходе которого им пришлось столкнуться с частями прославленного 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса Советской армии, а 30 октября успешно отражали попытки советской кавалерии пробиться в направлении на Ачикулак. Как сообщалось в донесении командованию 1-й танковой

[1] *Hoffman J.* Die Kaukasien 1942/1943: Das deutsche Heer und die Ostvolker der Sowjetunion. P. 361.

[2] См.: *Дробязко С.И.* Казачьи части в составе вермахта. С. 185.

армии от 2 ноября 1942 года, «все подразделения хорошо держались под артиллерийским и минометным огнем противника и показали выправку и воинский дух»[1]. После приказа командующего 1-й танковой армией об общем отступлении, отданного 2 января 1943 года, полк Юнгшульца начал отходить в направлении станицы Егорлыкской, пока не соединился с частями 4-й немецкой танковой армии. В дальнейшем он был переподчинен 454-й охранной дивизии и через Ростов переброшен в тыловой район группы армий «Дон», а затем в район Киева, где в основном занимался проведением антипартизанских карательных акций. Оттуда был направлен в Млаву, где влился, как и большинство других казачьих частей, в 1-ю казачью кавалерийскую дивизию.

Отдельно стоит сказать о казачьих подразделениях немецких спецслужб. Всего на Восточном фронте действовали 6 диверсионных команд Абвера (Абверкомандо), в подчинении каждой из которых находилось от 2 до 6 абвергрупп. Главной задачей этих специальных подразделений были вербовка, подготовка и переброска агентуры со специальными заданиями диверсионного, пропагандистского и разведывательного характера. Кроме того, они создавали специальные истребительные и штурмовые подразделения из числа советских коллаборационистов, в том числе из казаков, которые проводили спецоперации в тылу советских войск, а также использовались для ведения войсковой разведки и проведения антипартизанских операций.

Разведывательная абвергруппа-103, входившая в состав Абверкомандо-101, с 1942 года активно создавала подобные части казаков-диверсантов в Мариуполе и Волновахе. Данные подразделения предназначались для ведения боевых действий в советском тылу при отступлении немецких войск. Часть личного состава ис-

[1] *Hoffman J.* Die Kaukasien 1942/1943: Das deutsche Heer und die Ostvolker der Sowjetunion. P. 366.

пользовалась на хозяйственных работах, охране помещений и сборе теплых вещей у населения. Добровольцы вербовались в лагерях военнопленных в Горловке, Полтаве, Волновахе, Авдеевке, Павлограде, Днепропетровске, Прохладном. Позднее при группе были организованы курсы подготовки разведчиков. 1-я группа курсов (5—10 человек) была казачьей, срок обучения составлял от 5 до 20 дней, после чего слушателей перебрасывали в советский тыл. В Крыму при абверкоманде НБО был сформирован казачий отряд под командованием бывшего полковника Императорской и Белой армии Шалибабаева.

При разведывательно-диверсионной абвергруппе-210, действовавшей на Южном участке фронта, был сформирован Казачий полк особого назначения (командир — полковник Т. Хоруженко), состоящий из 4 сотен. Абвергруппа-204 в конце октября 1943 года в селе Васильевка близ Кировограда создала казачий взвод (80 человек), который использовался для борьбы с партизанами. В абвергруппе-218 в сентябре 1944 года в Чехословакии был сформирован 3-й специальный отряд из 45 казаков, который также использовался для борьбы с партизанами, при контрразведывательной абвергруппе-323 действовал небольшой казачий отряд из 20 человек под командованием унтер-офицера, бывшего лейтенанта РККА Василия Остапенко. В марте 1942 года Главным управлением имперской безопасности (РСХА) был создан разведывательно-диверсионный орган «Унтернемен Цеппелин», основной задачей которого стала работа по дестабилизации советского тыла, причем большое внимание уделялось работе по национальному расслоению и стимуляции сепаратистских тенденций. В составе руководящего штаба «Цеппелина» был создан отдел Ц2, отвечавший за подбор и обучение русской агентуры. В свою очередь в его структуре существовало «казачье отделение» Ц2Б, которым было подготовлено от 40 до 100 казаков-диверсантов.

Подводя итог, можно отметить, что казачьи части, появившиеся в составе охранных дивизий, танковых, пехотных армий и оперативных соединений вермахта в течение 1941—1942 годов в целом представляли собой довольно внушительную и боеспособную силу, сыгравшую значительную роль в борьбе с партизанами в тыловых районах групп армий, а в редких случаях успешно используемую и на фронте. Связано это было, прежде всего, с тем, что личный состав этих подразделений либо практически полностью состоял из людей, ненавидевших советскую власть (как в случае с небольшими частями, самообразовавшимися или образованными на территории Ростовской области, полком «Платов», полком фон Юнгшульца), либо из добровольцев, самостоятельно решивших перейти на сторону немцев (эскадрон Загородного и некоторые другие части). Остальные или проходили тщательную проверку на лояльность нацистскому режиму (дивизион Кононова), или были набраны из казачьих частей, уже успевших хорошо себя зарекомендовать (полк фон Рентельна).

Плюс к этому, немецкое командование тщательнейшим образом следило за своими «союзниками» и контролировало буквально каждый их шаг. Во многих казачьих формированиях все сколько-нибудь важные командные посты занимали офицеры вермахта. А там, где командирами преимущественно были бывшие советские военнослужащие, немцы осуществляли строжайших контроль за всем происходящим и старались направлять в такие части своих наблюдателей.

Но, даже несмотря на все эти меры безопасности, несмотря на то что многим казачьим формированиям действительно удалось завоевать доверие вышестоящего командования, немцы так и не смогли до конца довериться своим «боевым товарищам». Это подтверждает и тот факт, что вплоть до катастрофы под Сталинградом и последовавшего вслед за ней отступления не-

мцев казаков (за редким исключением) старались не использовать на фронте, где они, по мнению большинства солдат и офицеров вермахта, в любой момент могли дрогнуть, предать или нанести удар в спину. Формирование и использование казачьих частей, как, впрочем, и всех других изменнических формирований, осуществлялось лишь для того, чтобы не проливать немецкую кровь там, где можно пролить русскую.

Неудивительно, что при таком отношении практически любому немецкому офицеру было неприятно командовать частями, состоящими из перебежчиков и изменников Родины. Многие считали направление на службу в восточные формирования тяжелым наказанием — прежде всего потому, что не могли в глубине души не презирать своих подчиненных.

Глава 3

ОРГАНИЗАЦИЯ КАЗАЧЬИХ ЧАСТЕЙ ВЕРМАХТА НА УКРАИНЕ

Создание и появление казачьих частей в составе охранных дивизий и оперативных соединений вермахта было во многом неконтролируемым и спонтанным. Несмотря на общие указания из Берлина, оно часто зависело исключительно от личного желания того или иного командира иметь или не иметь подобное подразделение. Такая ситуация ограничивала появление столь необходимых на Востоке «туземных» частей и не могла обеспечить потребностей всего Восточного фронта в формированиях подобного рода. Решить эту проблему был призван созданный немцами на Украине так называемый «Штаб формирования казачьих войск».

В феврале 1942 года несколько военнопленных советских офицеров, содержавшихся в Винницком лаге-

ре, выступили с инициативой создания казачьих частей, и 23 февраля один из них написал заявление на имя начальника лагеря с просьбой разрешить ему сформировать казачью сотню. 2 марта это заявление было передано одному из представителей немецкого командования. К этому времени инициативу о создании казачьего отряда «под впечатлением, которое производил инициатор, разгуливая в казачьей форме»[1], поддержали некоторые другие военнопленные. В конечном итоге предложение военнопленных было поддержано немецкой администрацией и военными представителями, и добро на формирование казачьих частей из числа военнопленных Винницкого лагеря было получено. Уже через месяц, 25 марта, казачья сотня насчитывала несколько сотен рядовых и 38 человек бывших советских офицеров (на службу к немцам перешел даже один майор). Как свидетельствует строевая записка от 2 апреля, добровольцев-казаков на этот момент насчитывалось 508 человек, в том числе 17 человек командного состава.

3 апреля 1942 года в лагерь прибыли немецкие представители и был произведен смотр казаков, в результате которого вынесли окончательное положительное решение о будущем казачьих частей на Украине. После этого события все отобранные казаки (или называвшие себя таковыми) были переведены в отдельные помещения, с ними начали проводить строевую и пропагандистско-воспитательную работу с целью возрождения казачьих традиций. Казакам разрешили по желанию утром и вечером собираться на молитву, а для того, чтобы визуально выделить их из общей массы военнопленных, на гимнастерках были нарисованы погоны. Все эти пропагандистские мероприятия произвели благоприятное впечатление на остальных колеблющихся и сомневающихся военнопленных, мно-

[1] На казачьем посту. 1943. № 3. С. 4.

гие из которых не выдержали искушения мнимой свободой и стали писать заявления о вступлении в казачьи части. Таким образом, к 17 мая 1942 года численность казаков-коллаборационистов достигла 1600 человек[1].

27 мая лагерь посетил представитель штаба командующего лагерями военнопленных на Украине капитан фон Брауде. Перед собравшимися военнопленными он произнес речь, в которой коснулся военной службы казаков на протяжении всей истории Российской империи, их традиций, их жизни при советской власти, а в конце призвал к «всеказачьему объединению» и к совместной с немецкими войсками борьбе за восстановление исконной казачьей жизни и казачьих прав. По свидетельству очевидцев, эта речь произвела на деморализованных пленом советских военнослужащих большое впечатление, ведь они снова почувствовали себя настоящими солдатами, от которых что-то зависит и в которых действительно нуждаются. Капитан фон Брауде также огласил приказ о формировании трех отрядов и об отправке их для несения службы по охране лагерей военнопленных и коммуникаций. Уже 6 июня первые два отряда в составе 400 и 200 человек были погружены в открытые вагоны и отправлены по назначению. 7 июня 1942 года был отправлен и 3-й отряд, численность которого составляла 800 человек[2].

Сразу же после формирования и отправки первых трех отрядов, а именно с 9 по 10 июня, был произведен новый набор казаков из числа военнопленных, находящихся в общем лагере. В результате было получено пополнение в количестве 118 офицеров и 1320 казаков, среди которых начались соответствующая воспитательная работа и проверка на благонадежность. 18 июня 1942 года был получен приказ об отправке

[1] На казачьем посту. 1943. № 3. С. 4.

[2] На казачьем посту. 1943. № 3. С. 5.

вновь набранных казаков в город Славуту и об организации там специального центра по формированию казачьих частей[1]. Этот город, в соответствии с распоряжением штаба командующего лагерями военнопленных на Украине, стал местом концентрации и сбора всех взятых в плен казаков, которые направлялись сюда из шталагов (лагерей) Ковеля, Дарницы, Белой Церкви и других. Таким образом, частная инициатива по формированию казачьей сотни, исходящая от нескольких пленных советских офицеров в Винницком лагере военнопленных, уже через несколько месяцев превратилась в систематическую организованную деятельность, одобренную и всесторонне поддержанную германскими оккупационными и военными властями.

Когда первый транспорт из Винницы прибыл в Славуту, сюда уже были свезены казаки из других лагерей, общее число которых на 28 июня 1942 года составляло 5826 человек[2]. Наличие такого количества людей и ожидаемое увеличение их числа послужили основанием к принятию решения об организации казачьего корпуса и создании Штаба формирования. Казачьи части было решено формировать по войсковому принципу, а именно: Донские, Кубанские, Терские и сводные, куда вошли бы казаки областей, представленных в лагере в небольшом количестве.

Почти сразу после принятия решения о формировании казачьего корпуса возникло одно очень серьезное затруднение, а именно — нехватка в старшем и в среднем командном составе. Для решения этой проблемы немецкое командование разрешило набирать из офицерских лагерей бывших командиров Красной армии, не являвшихся казаками по происхождению, и 29 июня в Славуту прибыла первая группа таких офицеров.

---

[1] На казачьем посту. 1943. № 3. С. 5.

[2] Казачья лава. № 10. 15 июня 1944 года. С. 3.

Из наличного состава казаков в первую очередь начали формировать 1-й Атаманский полк и особую казачью полусотню, причем на комплектование последней и подбор казаков в нее было обращено особое внимание. В эту полусотню отбирались казаки, которые во время Гражданской войны служили в отрядах Маркова, Шкуро и других, а также репрессированные советской властью и имевшие по приговорам не менее 10 лет. Такое внимание к подбору личного состава объяснялось тем, что эта боевая единица предназначалась для выполнения особо важных задач, преимущественно в тылу Красной армии. К 30 июня обе части были сформированы и приступили к занятиям под руководством немецких инструкторов.

1-й Атаманский полк, который возглавил немец подполковник барон фон Вольф, частично был сформирован (2 дивизиона из 3-х) еще в Винницком лагере — до того, как казаков перевели в Славуту. В него старались отбирать казаков, которые к этому времени уже прошли тщательную проверку на благонадежность и подготовку под руководством немецких инструкторов. В конце июня полк, разбитый на 3 дивизиона, для несения воинской службы был направлен в 3 пункта: Днепропетровск, Кременчуг и Хорол. В августе 1942 года казачьи дивизионы 1-го Атаманского полка были собраны под Полтавой, где казаки приняли присягу на верность Адольфу Гитлеру, после чего получили новое обмундирование, вооружение и лошадей, и были направлены для охраны коммуникаций и борьбы с партизанами в район Белой Церкви. В конце апреля — начале мая 1943 года полк, в котором к этому времени насчитывалось около 3 тысяч казаков, влился в формировавшуюся 1-ю казачью кавалерийскую дивизию[1].

Всем прибывающим в Славуту казакам и офицерам

[1] Казачья лава. 1944. № 9. 8 июня. С. 4.

была организована тщательная проверка на лояльность нацистскому режиму, а также налажена среди них воспитательная и пропагандистская работа. По мере получения результатов проверки было начато формирование 2-го Лейб-казачьего полка и 3-го Донского полка, а несколько позднее — формирование 4-го и 5-го Кубанских полков, 6-го и 7-го сводно-казачьих полков. С формируемыми частями проводились строевые занятия под руководством немецких инструкторов. К концу июля 1942 года формирование всех вышеперечисленных подразделений было закончено, а особая полусотня была доукомплектована и преобразована в «особую казачью сотню»[1].

6-го августа все сформированные казачьи части были переведены из Славутинского лагеря военнопленных в город Шепетовку, в специально построенные для них казармы. 9-го сентября из офицерского лагеря военнопленных прибыла вторая группа офицеров, которыми были доукомплектованы свободные командирские вакансии в воинских частях и в штабе формирования.

Особенности организованной работы и взаимоотношений с представителями немецкого командования, а также планы по будущему использованию казачьих полков (их предполагалось дробить на более мелкие формирования и использовать преимущественно на охране коммуникаций и лагерей военнопленных, на полевых работах и для гарнизонной службы) сделали необходимой небольшую административную реорганизацию, и Штаб Формирования казачьего корпуса был переименован в Главный штаб Формирования Казачьих Войск (далее ГшФКВ) на Украине. Одновременно с этими организационными изменениями в штабе командующего военнопленными был организован «казачий отдел» с постоянным представителем при ГшФКВ,

[1] На казачьем посту. 1943. № 3. С. 5.

который параллельно являлся и его непосредственным руководителем. Этим представителем стал оберлейтенант вермахта Рихтер, начальником штаба был назначен бывший полковник Красной армии Саркисян, филиалы ГшФКВ (казаки туда направлялись для более тщательной подготовки и проверки на благонадежность) были открыты в Каменец-Подольске, Николаеве и некоторых других городах на Украине[1].

С этого времени на Украине началась планомерная работа по формированию казачьих частей. Вот ее примерная схема: казаки, попавшие в плен (или люди, выдающие себя за казаков), концентрируются в одном лагере (Славута), из которого, после соответствующей проверки на благонадежность, направляются в резервные казачьи части (Николаев и Каменец-Подольский), а уже оттуда — в формируемые воинские части (в Шепетовку).

В зависимости от конкретных условий и требований немцев штаб формировал полки, дивизионы, отдельные сотни и отряды. К весне 1943 года, к первой годовщине создания ГшФКВ, на территории Украины были сформированы и выполняли различные задания до 30 различных воинских единиц[2], в том числе 15 полков. Во всех частях активно возрождались традиции старой русской армии, начиная с системы воинских чинов и кончая распорядком дня — все здесь было сделано по образцу дореволюционных казачьих полков. Огромное значение придавалось укреплению дисциплины и собственно военному обучению, которое отвечало бы требованиям современной войны. Все казаки, прошедшие через ГшФКВ, должны были принять присягу на верность Адольфу Гитлеру (впоследствии через эту процедуру прошел личный состав

[1] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 1028. Л. 145; Казачья лава. 1944. № 10. 15 июня. С. 3.

[2] На казачьем посту. 1943. № 3. С. 6.

всех казачьих формирований на Востоке). Согласно присяге, они обещали *«верно служить Вождю Новой Европы и Германского народа Адольфу Гитлеру и бороться с большевизмом, не щадя своей жизни, до последней капли крови»*[1] *(полный текст см. в Приложении 3.3).*

Первоначально формируемые на Украине казачьи части использовались преимущественно как вспомогательные войсковые подразделения по охране лагерей военнопленных и, крайне редко, коммуникаций. Были также нередки случаи, когда казаков разоружали и либо направляли на полевые работы, либо использовали как бесплатную рабочую силу. Например, рядовой состав 10-го Донского казачьего полка в сентябре 1942 года был направлен немцами в город Николаев, в лагерь для военнопленных, где использовался на погрузке угля. При этом условия содержания были настолько плохими, что за время работы с сентября по декабрь свыше 300 человек умерли от голода и различных заболеваний[2]. Видимо, паек «равноправных союзников» ненамного отличался от «довольствия» советских военнопленных.

Однако по мере того как сформированные части доказывали свою пригодность к несению военной службы, вопрос об их использовании стали решать иным образом. Многие отряды были сняты с конвойной службы в концлагерях и направлены на охрану различных военных объектов, мостов, железных и шоссейных дорог. Они несли гарнизонную службу, боролись с партизанским движением на территории Украины и Белоруссии, а некоторые, наиболее боеспособные и проверенные, части получили возможность доказать свою преданность Германии и лично фюреру на фронте. Казачьи полки, разбитые на дивизионы, сотни, отряды и

[1] На казачьем посту. 1943. № 12. С. 4.

[2] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 862. Л. 46.

небольшие подразделения, буквально наводнили территорию Украины и Белоруссии, о чем свидетельствуют советские разведывательные донесения за вторую половину 1942 и 1943 год: *«дер. Уна — казачья часть до 500 человек. Вооружена винтовками, пулеметами, минометами, часть охраняет шоссе Витебск — Смоленск и ведет борьбу с партизанами. Казачья часть укомплектована военнопленными из украинцев, белорусов и других национальностей»; «На 7.07.1944 в Жихове располагается эскадрон «Вольного казачества»*[1]*»; «В деревне Леоново (30 км южнее Полоцка) на 14.07.1943 дислоцируется казачий батальон численностью до 500 человек»; «Гарнизон Сарны на 13.08.1943 состоит из 1000 казаков, 6 танкеток, 12 орудий, противотанковой батареи»; «По агентурным данным от 8.08.1943 в Писаревке (50 км южнее Трубчевска) дислоцируется штаб 6-го полка «Вольного казачества».*

Именно казачьи формирования охраняли такие важные для немцев железнодорожные и шоссейные магистрали Украины и Белоруссии, как Лунинец — Калинковичи, Мозырь — Житомир, Житомир — Бердичев — Казятин, Николаев — Днепропетровск — Полтава[2]. Причем для охраны железных дорог немцы формировали специальные казачьи отряды. Например, на железнодорожных линиях Мозырь — Коростень и Житковичи — Василевичи действовал «особый Мозырьский казачий отряд», созданный на базе 14-го сводного казачьего полка. Этот полк (первоначально под именем «Особого казачьего отряда») был сформирован в конце июня — начале июля 1942 года в Николаеве,

---

[1] По неизвестной причине в некоторых разведдонесениях различные казачьи формирования на Украине и в Белоруссии называются «Вольным казачеством», хотя каких-то документов, дающих основание утверждать, что это было не что иное, как казачьи части, сформированные ГшФКВ на территории Украины, на сегодняшний день не обнаружено.

[2] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 849. Л. 46.

после чего направлен в Шепетовку для строевой и тактической подготовки. Основу полка (состоявшего из 5 сотен) составили пленные красноармейцы — казаки Донского, Кубанского и Терского войск, основным вооружением были советские винтовки и гранаты. С сентября 1942 года полк, к тому времени находящийся в подчинении командира Словацкой дивизии, был поставлен на охрану железной дороги Мозырь — Коростень и Житковичи — Василевичи, где нес службу совместно со словацкими солдатами, которые, по свидетельству самих казаков, относились к ним даже более пренебрежительно, чем немцы[1]. В зоне ответственности «особого Мозырьского казачьего отряда» находились 11 железнодорожных, 4 шоссейных моста и 7 станций. На охрану мостов казаки выделяли от 8 до 20 казаков в зависимости от важности и места расположения объекта. Железнодорожные станции охраняли небольшие отряды из 15—30 человек, кроме того, в особых случаях создавались небольшие мобильные и хорошо вооруженные группы в составе 10—20 человек, которые проводили разведку и устраивали засады на наиболее «партизаноопасных» направлениях. В ноябре 1943 года полк был собран в одном пункте для охраны шоссейной дороги Звягель — Ровно, а впоследствии принимал участие в борьбе против партизан в районе Пинских болот[2].

Все казачьи формирования, созданные на Украине, находились в непосредственном подчинении у командиров немецких или словацких охранных частей, а также могли нести совместную службу с другими восточными формированиями. Например, на 13 сентября 1943 года гарнизон Пинска состоял из 1000 узбеков «РОА» (так указано в разведдонесении), 300 казаков и

---

[1] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 740. Л. 9.

[2] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 849. Л. 45—46; Казачья лава. 1944. № 10. 15 июня. С. 3.

400 немцев. Казаки на левом рукаве носят знак — «три конских головы, две в сторону, одна вниз»[1].

Из 15 полков, сформированных к весне 1943 года, 1-й Атаманский полк действовал в районе Полтавы и Белой Церкви, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 10-й, 11-й, 12-й и 14-й казачьи полки охраняли коммуникации на территории Западной Украины и Полесья, а 6-й, 7-й, 8-й и 9-й полки были направлены в районы Вязьмы, Дорогобужа и Витебска для борьбы против партизан.

Какова же была численность, вооружение и организационная структура этих полков? Об этом можно узнать из показаний многочисленных перебежчиков, пленных, из агентурных данных и разведывательных донесений о некоторых из этих частей. Например, 8-й казачий полк под командованием есаула Андреева, бывшего капитана Советской армии, насчитывал в своем составе 1100 человек и состоял из 5 рот: 1-я и 2-я роты стрелковые (по 250 человек в каждой), 3-я рота велосипедная (170 человек), 4-я — пулеметная (200 человек) и 5-я — штабная (270 человек), состоявшая из 5 взводов: минометного, саперного, химического, связи (2 отделения — телефонное и радио) и ездового. Все остальные роты были трехвзводного состава, во взводе по 4 отделения, в отделении по 16 человек. Ротами и взводами командовали бывшие советские офицеры, отделениями — урядники, старшины стали называться вахмистрами. Основная масса солдат носила немецкую форму разных образцов, но при этом некоторые бойцы «украшали себя» разнообразными элементами дореволюционной казачьей формы — папахами, шапками-кубанками, черкесками, нашитыми на брюки лампасами и даже бурками. На вооружении находилось до тысячи немецких винтовок, станковые и ручные пулеметы, а также одна бронемашина. При этом оружие на

[1] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 709. Л. 108.

руки выдавалось только во время непосредственных боевых действий, в остальное время оно хранилось на складе под тщательной охраной немецких солдат. Распорядок дня в полку был следующим: подъем в 5 часов утра, с 5 до 6 часов — зарядка, утренние процедуры и завтрак, с 6 до 12.00 — занятия, с 12.00 до 14.00 обед и отдых, с 14.00 до 17.00 — занятия, с 17.00 до 22.00 — ужин и свободное время, в 22.00 — отбой. Казаки в сутки получали 450—500 граммов хлеба, 20 граммов масла, 50 граммов сыра или консервов, две осьмушки табаку на 5 дней, утром и вечером — кофе, а в обед суп. В город ходить было строго запрещено. Никакой воспитательно-агитационной работы в полку не проводилось, зато имелся православный священник (поп)[1].

10-й Донской казачий полк имел в своем составе 800 человек, из них рядовых 704 человека, унтер-офицеров 96 человек и офицеров 37 человек, и состоял из двух дивизионов, каждый из которых делился на 4 сотни по 100 человек в каждой[2]. 6-й и 12-й казачий полки также имели в своем составе по 2 дивизиона (4 сотни в каждом), а 7-й полк делился на 10 сотен (по 100 человек в каждой).

Таким образом, можно сделать вывод, что примерная численность каждого из 15 сформированных на Украине казачьих полков составляла примерно 700—1100 казаков, 80—100 урядников и 40—50 офицеров. Нетрудно предположить, что общая численность всех казачьих частей, сформированных ГшФКВ на территории Украины, составляла примерно 15—20 тысяч человек. Эта цифра подтверждается и данными, которые сообщали на допросах перебежчики. Именно ее назвал бывший подполковник Красной армии Пешков, а впоследствии — командир уже упоминавшегося «осо-

[1] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 944. Л. 80.

[2] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 862. Л. 46.

бого Мозырьского казачьего отряда», в декабре 1942 года бежавший к партизанам[1]. Сами казаки — непосредственные участники тех событий — настаивали на цифре в 40 тысяч человек[2]. Но она представляется несколько завышенной, и ее появление связано, по-видимому, с тем, что с 1943 года на территории Украины начали появляться отступающие вместе с немецкой армией казачьи части, сформированные на Дону, Кубани и Тереке.

Одной из главных проблем при формировании казачьих частей на Украине была резкая нехватка квалифицированного офицерского состава. Ее не удалось решить даже после нескольких дополнительных «вливаний» пленных советских офицеров неказачьего происхождения. Поэтому в целях подготовки собственных кадров, всесторонне отвечающих новым условиям, в сентябре 1942 года Штабом формирования были открыты «1-е Казачье имени атамана графа Платова юнкерское училище» и унтер-офицерская школа для подготовки младшего командного состава (урядники, вахмистры)[3]. В Витебске, где дислоцировались несколько казачьих полков, в бывших красных казармах на улице Фрунзе действовала такая же школа. Срок обучения в ней составлял 20 дней. Численный состав слушателей был 160 человек, из них 100 человек командно-строевого состава, 30 человек санработников и 30 оружейников, поваров и заведующих складами. Начальником школы был лейтенант немецкой армии, преподавателями и командирами взводов немецкие унтер-офицеры[4].

В октябре 1942 года при ГшФКВ был организован госпиталь во главе с военным врачом — майором Ку-

[1] РГАСПИ. Ф. 69. ОП 1. Д. 849. Л. 45.

[2] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 40. Л. 10—11.

[3] На казачьем посту. 1943. № 3. С. 6.

[4] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 849. Л. 129.

диновым. Туда по возможности старались доставлять всех раненых казаков. В госпитале имелось три отделения: терапевтическое, хирургическое и инфекционное, всего 170 коек. Также были открыты курсы санитаров и усовершенствования фельдшеров. При штабе были своя портняжно-сапожная мастерская и читальня-библиотека. Открылось собрание, где ежедневно собирались штабные и строевые офицеры. Для того чтобы вести идеологическую обработку личного состава формируемых полков, был создан Культурно-просветительский взвод. Являясь центром пропагандистской деятельности, взвод организовал целую сеть офицеров-информаторов-пропагандистов (такой офицер должен был быть в каждом полку), через которых доносил до массы казаков всю необходимую информацию. Взвод был разделен на отделы. Редакционный отдел издавал газету «Казачий клич», казачий офицерский бюллетень, «Духовный листок», военную сводку, казачью газету для немецкого персонала и практическое руководство для изучения немецкого языка. Существовал также Отдел Активной Пропаганды для местного населения и военнослужащих РККА. Личный состав получал пропагандистскую прессу, правда, по словам неизвестного казачьего офицера *«читалась преимущественно не казачья, а русская газета «Новое слово»*[1].

Иногда до Украины доходила и пражская газета казаков-националистов «На казачьем посту», под влиянием которой многие офицеры и рядовые казаки вступали в КНОД. Были зафиксированы случаи, когда под флаги борьбы за «Независимую Казакию» становились целые казачьи подразделения. Об одной из таких частей рассказывает ее непосредственный командир есаул Ильин: *«Я командую сводным дивизионом, причем мои сотни есть в Брест-Литовске, Ковеле и Влади-*

[1] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 10. Л. 65.

мир-Волынске. Наши части мы по возможности одеваем в национальную форму. Офицеры все носят свою национальную форму, на фуражке у нас: на околыше кокарда, а над этой кокардой мы носим вышитый серебром значок КНД. Погоны у нас старые казачьи»[1]. А вот письмо от желающего вступить в казаки-националисты командира казачьего дивизиона: *«Прошу помочь организовать по месту службы дивизиона вступление казаков, казачек и офицеров в члены КНД. Дивизион, которым я командую, состоит исключительно из казаков (кубанцев, терцев, донцов, астраханцев, уральцев и горцев). Сформирован в августе 1942 года в Шепетовке. С начала своего формирования и по сие время выполняет задачи по охране военных заводов. По своей работе имеет хорошие служебные отзывы начальников»*[2].

Размер денежного довольствия казаков соответствовал месячному жалованью солдат других восточных формирований и был регламентирован «Положением об использовании местных вспомогательных формирований на Востоке». Так, например, в одной из частей холостые казаки получали по 250 рублей, а женатые по 300 рублей в месяц[3]. Деньги это были очень небольшие: на базаре пуд муки стоил 1000—1500 рублей, литр молока — 30—40 рублей, яйца — 120—150 рублей за десяток, табак — 150 рублей за 50-граммовую пачку[4], и казаков спасало только то, что они находились на полном проддовольствии.

12 марта 1943 года произошло знаменательное для казаков событие. После инспекционного посещения казачьих войск на Украине представителем немецкого командования было принято решение о переходе

[1] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 40. Л. 10—11.

[2] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 12. Л. 160.

[3] Неизвестная Россия. XX век. Кн. 4. М., 1993. С. 267.

[4] *Соколов Б.В.* Оккупация. Правда и мифы. М., 2002. С. 313.

ГшФКВ из ведения командования лагерями военнопленных (такое подчинение казаки считали для себя недостойным) в подчинение командира Восточных войск на Украине. 20 марта 1943 года штаб формирования посетил командующий лагерями военнопленных и попрощался с казачьими офицерами, а 15 апреля состоялся окончательный переход всей системы формирования казачьих частей и управления ими в ведение нового командования, от которого прибыл постоянный представитель.

Об этом очаге казачьего объединения стало известно далеко за пределами Украины. Именно этим можно объяснить то, что многие казаки, покидавшие зимой 1943 года свои станицы на Дону, Кубани и Тереке и отступавшие вместе с немецкой армией, оказываясь в глубоком тылу, стремились попасть в один из районов расположения штабов формирования казачьих войск, которые к этому времени появились уже во многих городах Украины. Вот примерная схема действия одного из таких штабов, располагавшегося в Мелитополе: все молодые казаки, по указанию Германского командования, отправляются в Польшу на формирование 1-й казачьей кавалерийской дивизии; старики и негодные к строевой службе направляются на работы в сельские местности. В особых случаях, по решению штаба формирования, казаки могли направляться на работу сельскими старостами, в полицию и на охрану железнодорожных магистралей[1]. Естественно, деятельность Штаба по формированию не могли обойти своим вниманием казачьи поэты, которые посвящали ему огромное количество песен и даже целые баллады. Вот один из примеров подобного творчества:

---

[1] На казачьем посту. 1943. № 9. С. 10.

Посвящается Главному штабу Формирования Казачьих Войск на Украине

Стань, казаки, под родные знамена!
Довольно вам, братцы, по миру бродить,
Готовьте коней, уздечки, стремена!
Жидовскую свору в России добить.

Припев (2 раза):

Донцы и Кубанцы!
Терцы и Уральцы!
Одной семьей дружней!
Марш на врага смелей!

Слышится голос могильный к нам предков,
Погибших за правду дедов и отцов;
Зовут на разгром жидовских последков,
Зовут завершить дело павших борцов.

Припев (2 раза).

Бывало, лишь только труба затрубит,
И звуки горниста до нас долетят,
Под сбором могучим земля задрожит,
Казаки, как стая орлов, полетят.

Припев (2раза).

Не плакали жены, не ныли отцы,
Матери наши не слали проклятий;
Вперед, все вперед шли сыны молодцы,
С песней идя без прощальных объятий.

Припев (2 раза).

Без страха, без грусти, без прочих забот,
В даль уходили полки за полками;
За веру святую, за свой же народ
Храбро сражались со всеми врагами.

Припев (2 раза).

Так вспомним же, братья, заветы отцов,
Раздолье, просторы, семью и станицу!
И храброй отвагой — наследством отцов,
Впишем в историю — нашу страницу!

Н. Васильев[1]

---

[1] На казачьем посту. 1943. № 2. С. 10.

Генерал-майор Гельмут фон Паннвиц

А.Г. Шкуро

Войсковой старшина
Т.И. Доманов

Генерал-майор И.Н. Кононов. Весна 1945 г.

И.Н. Кононов

П.Н. Краснов

С.В. Павлов

Т.И. Доманов

А.Г. Шкуро и Г. фон Паннвиц (*в центре*)
среди офицеров 1-й казачьей дивизии

Г. фон Паннвиц награждает И.Н. Кононова

Генерал П.Н. Краснов (*слева*)
и генерал Г. фон Паннвиц

Походный атаман терских казаков Н.Л. Кулаков
и группа казаков на приеме у Йозефа Геббельса

Штаб формирования казачьих войск Дона, Кубани и Терека. *На первом плане* Г.П. Тарасенко

И.Н. Кононов (*в центре*) среди казаков

И.Н. Кононов с казаком

Казачий разъезд.
На переднем плане
полковник
С.В. Павлов

П.Н. Краснов выступает перед казаками

Группа казаков на южном участке Восточного фронта. Январь 1943 г.

Группы казаков, 1943 г.

Казаки 1-й казачьей кавалерийской дивизии, 1943 г.

Казаки 360-го полка фон Рентельна. Франция, март 1944 г.

Казаки 623-го батальона
(майора Бреннера)

Казаки 6-го полка 1-й казачьей дивизии
Г. фон Паннвица

Казаки личного конвоя генерала
Г. фон Паннвица. 1944–1945 гг.

Казаки фон Рентельна. Западный вал, 1944 г.

Казаки фон Юнгшульца

Казаки

Кубанские казаки на Восточном фронте, 1943 г.

На площади Новочеркасска в Италии (д. Алессо)

Награждение чинов 2-го Сибирского полка
1-й казачьей дивизии. Зима 1943–1944 гг.

Парадный строй кубанцев. Югославия, 1944 г.

Что же за люди служили в этих казачьих формированиях и, главное, что заставило их пойти на службу в армию страны, идеология которой рассматривала славян как недочеловеков, подлежащих почти полному уничтожению? Что это было — слабоволие, ненависть к советской власти или просто желание сохранить собственную жизнь? Повторюсь: благодаря изучению архивных материалов сегодня практически не приходится сомневаться в том, что почти половина «казаков» не принадлежали ни к бывшему казацкому сословию, ни к казачьим частям Красной армии и называлась казаками лишь для того, чтобы вырваться из лагерей военнопленных, попасть в какой-нибудь «восточный отряд» и тем самым спастись.

Какие были условия, если это можно назвать условиями, содержания в немецких концлагерях, объяснять не надо. «*Многие факты*, — говорится в одной из разведсводок с оккупированной территории Украины, — *убеждали военнопленных, что режим питания в плену рассчитан на безусловную голодную смерть в течение 5—6 месяцев. Как пример, можно привести следующий факт: во Владимир-Волынском лагере нач.состава осенью 1941 насчитывалось около 8000 человек. До марта месяца 1942 года из этого числа умерло 6000 человек, а остальные 2000 умерли в апреле — мае месяцах*»[1]. Что тут можно добавить...

При этом перспектива голодной смерти не только не замалчивалась, а, наоборот, широко использовалась вербовщиками в агитационных выступлениях, в которых они пропагандировали вступление в казачьи отряды и рассказывали о «заманчивых возможностях», которые открывались перед добровольцами. Естественно, в таких условиях отыскивалось немало охотников стать «казаками» и «послужить» Гитлеру.

Но все ли, пойдя на службу к немцам, действитель-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 740. Л. 9.

но служили им верой и правдой? Нет! Часть бывших советских военнопленных действительно по каким-то личным причинам ненавидела советскую власть и готова была воевать против большевиков до последней капли крови (как правило, это были уроженцы казачьих областей), но многие, очень многие шли к немцам лишь с одной целью: получить оружие и потом бежать к партизанам. Была и третья группа людей, которым, в общем-то, было все равно, что делать и за кого воевать, лишь бы был кусок хлеба и ночлег (желательно — где-нибудь в теплом местечке, подальше от фронта и партизан).

Именно такую характеристику солдатам и офицерам казачьих частей, сформированных на Украине, дал бывший начальник штаба 10-го Донского казачьего полка Долгов, который весной 1943 года с группой солдат и офицеров и всей документацией перешел на сторону советских партизан Пинской области: «*Средний и младший комсостав резко делились на три группы. Первая и самая большая — это люди с твердым убеждением разложить эти полки и при первой возможности бежать с оружием и с верными патриотами в партизанские отряды. Они между собой были объединены в группы, и их старались направлять в одно и то же подразделение. Вторая группа — это люди загадочные, часть из них молчаливые, трудно узнаваемые, другая часть — временами бурно и открыто выступающая против немцев, поэтому от них старались держаться подальше, ибо они могли принести вред. Третья часть — наибольшая, зачастую самая глупая и, к сожалению, выходцы с Украины и других национальных республик, была предательски настроена по отношению к нашему народу. Точно так же можно сказать и о составе штаба формирования. Труднее было определить рядовой состав, весь он поступал из лагерей военнопленных, измученный и голодный. Так как здесь кормили лучше, чем в лагерях*

военнопленных, то они набрасывались на питание и как будто этим только и были заняты»[1].

Показания бывшего офицера-предателя могут вызвать возражения, дескать, он хотел загладить вину, поэтому и сочинил целую легенду о якобы существующей подпольной группе. Но есть и другие факты, подтверждающие, что многие шли служить к немцам с одной целью: сохранить свои жизни для последующей борьбы за освобождение Родины. Эти героические люди (как правило, офицеры) старались склонить на свою сторону колеблющийся личный состав, передавали партизанам важные разведывательные данные, совершали диверсии, в общем, делали во время временной службы оккупантам все, чтобы как можно быстрее и как можно «с большей пользой» бежать к партизанам. Именно поэтому немцы постоянно проводили среди личного состава агитационно-пропагандистскую работу, именно поэтому они нередко выдавали своим «союзникам» оружие только во время проведения операций, именно поэтому были вынуждены идти на насильное разоружение и расформирование уже вооруженных и готовых к отправке на боевое дежурство частей.

Но все эти меры были малоэффективными, и массовые переходы казаков на сторону партизан уже не казались чем-то необычным: «*В январе 1943 года к партизанам*, — говорится в одном из разведдонесений, — *перешел взвод казаков, охранявших Славутинский лагерь, вместе с которыми бежало 45 военнопленных, в это же время из Шепетовского лагеря бежали 35 казаков; в октябре 1943 года из гарнизона Гридино на сторону партизан перешло 85 казаков с оружием и лошадьми, перед уходом они перебили всех немцев и уничтожили 8 автомашин*»[2]. *В конечном итоге не-*

[1] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 862. Л. 46.

[2] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 710. Л. 26.

мцам пришлось даже выработать специальные средства против побегов: «1. Казаки были распределены мелкими группками без офицеров по штыцпунктам (пункт питания. — ***П.К.***) *под командованием немецких унтер-офицеров. 2. Казачьим офицерам разрешалось быть только там, где имелись немецкие старшие офицеры. 3. Первые месяцы офицерам штаба ездить без разрешения по штыцпунктам запрещалось, а разрешения умышленно не давались. В это время сами немцы выдвигали из рядовых предателей и офицеров-шпионов, а наших* (подозреваемых в неблагонадежности. — ***П.К.***) *отправляли в Шепетовку»*[1]. Эти профилактические мероприятия, в частности, начали применяться в 10-м Донском казачьем полку сразу же после побега начальника штаба. Правда, в этом случае они не помогли, так как вскоре вслед за ним последовала большая часть личного состава, а оставшихся «немцы разоружили и отправили в концлагеря, а командира полка и его заместителя расстреляли»[2].

Всех вызывавших подозрения офицеров немцы старались как можно быстрее заменить на своих проверенных людей, поэтому неудивительно, что им часто приходилось жертвовать профессионализмом ради лояльности. В результате на ответственные офицерские должности, требующие специальных знаний, назначались бывшие рядовые, которые не обладали ни необходимым боевым и командным опытом, ни умением. Но и это не помогало. Немцы, понимая, что бороться с массовыми переходами к партизанам невозможно, просто постарались затруднить дальнейшую боевую службу казаков-перебежчиков в партизанских отрядах. С этой целью они были вынуждены «для предотвращения возможности попадания оружия и боеприпасов к партизанам издать приказ о замене русско-

[1] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 862. Л. 48.

[2] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 711. Л. 13.

го оружия в полицейских и изменнических формированиях на оружие иностранных систем»[1]. Не секрет, что проблема нехватки стрелкового (не говоря уже о тяжелом) оружия и боеприпасов в партизанских отрядах была одной из самых главных и, естественно, патроны к иностранному оружию достать было практически невозможно.

Главный штаб Формирования Казачьих Войск сыграл довольно значительную роль в формировании и обучении казачьих полков и отрядов, воевавших на стороне гитлеровской Германии на территории Украины и Белоруссии. Именно эти части занимали важное место в борьбе против партизан, именно они несли гарнизонную службу в небольших городках и населенных пунктах, именно им была поручена охрана важных шоссейных и железнодорожных магистралей, военных объектов и заводов. В то же время нельзя переоценивать деятельность штаба, поскольку сформированные на Украине части, в силу их слабого вооружения, плохого снабжения, ветхого обмундирования и практически полного отсутствия идейной сплоченности, обладали крайне низкой боеспособностью и весьма сомнительной надежностью. Немцы не доверяли своим «союзникам», так что неслучайно казаков часто снимали с выполнения боевых или охранных задач, полностью разоружали и направляли на полевые и прочие тяжелые работы. Но даже в тех случаях, когда той или иной части удавалось хорошо зарекомендовать себя в глазах немецкого командования, ее продолжали держать под строжайшим наблюдением. Командиры всех казачьих частей находились в полной зависимости и под полным контролем немецких наблюдателей, а сами подразделения старались использовать лишь в тех местах, где их всегда могли подстраховать немецкие или словацкие охранные части.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 711. Л. 29.

Но все меры предосторожности были тщетными. Проверка на благонадежность осуществлялась плохо, контрразведки в казачьих полках практически не было. Так что неслучайно именно в частях, сформированных Главным штабом Формирования Казачьих Войск на Украине, был наивысший процент перебежчиков среди всех казачьих формирований Восточного фронта.

Большинство из сформированных в 1942—1943 годах на Украине казачьих полков продолжали служить немцам на территории Украины и Белоруссии вплоть до отступления немецких войск. Некоторые из них были переформированы в полицейские батальоны, другие — разбиты наступающими советскими войсками, третьим удалось влиться в состав различных боевых частей, в том числе и в 1-ю казачью кавалерийскую дивизию.

Глава 4

ОБРАЗОВАНИЕ КАЗАЧЬИХ БОЕВЫХ ФОРМИРОВАНИЙ НА ДОНУ, КУБАНИ И ТЕРЕКЕ

Окончательная оккупация летом 1942 года территорий исконного проживания донского, кубанского и терского казачества дала немцам возможность привлечь на свою сторону довольно большое количество настоящих, потомственных казаков, мечтавших по тем или иным причинам поквитаться с советской властью. Самую самобытную группу сражавшихся на стороне вермахта казачьих частей составляли полки, отряды и сотни, сформированные как раз из населения оккупированных немцами областей Дона, Кубани и Терека. Именно эти добровольцы действительно начали сражаться за идею освобождения казачества от коммунис-

тического ига, а не за личные выгоды, именно эти боевые части обладали жесткой иерархической структурой, присущей боевым подразделениям казаков на протяжении всей их истории, именно в этих частях меньше всего ощущалось влияние немецких офицеров, которые выполняли в восточных формированиях функции надзирателей. Здесь возрождались старые традиции еще дореволюционной армии, здесь большинство, как правило, составляли настоящие добровольцы из среды казачества, а не «казаки», набранные в лагерях для военнопленных. Но и в этих районах большинство казаков все-таки не встали на путь предательства и не пошли на сотрудничество с врагом, а, не жалея себя, боролись с захватчиками.

На Северном Кавказе, особенно в областях проживания донских, кубанских и терских казаков, было развернуто довольно активное партизанское движение. Только на Кубани к началу оккупации было создано 123 отряда общей численностью 5491 человек, а в Ростовской области к 24 августа 1942 года действовали 8 партизанских отрядов и 5 диверсионных групп общей численностью в 348 человек[1].

В Центральном штабе партизанского движения, понимая, что именно северокавказские народы и особенно казачество могут стать неисчерпаемым людским резервуаром для пополнения и формирования новых изменнических частей, со всей ответственностью подошли к разработке плана организации партизанского движения на территории Северного Кавказа и постарались учесть все особенности прошлого, настоящего и будущего этого сложного региона. «При развертывании партизанской борьбы в районах области, оккупированной немцами, — говорится в подготовленном 8 июля 1942 года плане развертывания партизанского движения на территории Ростовской области, — надо

[1] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 623. Л. 3; Д. 609. Л. 3.

учитывать: вероятность заигрывания в первое время немцев с казаками, разжигания старой сословной традиции — неприязни к иногородним, предоставления некоторых преимуществ казачеству перед иногородними, что также возможно, и обобщение иногородних с партизанами. Отсюда задача — в каждом партизанском отряде обязательно должны быть казаки»[1]. В результате Обкомам ВКП(б) Ростовской области и Краснодарского края, а также Южному штабу партизанского движения было поручено *«подобрать группу за счет коммунистов, комсомольцев и беспартийных активистов из казаков для заброски в партизанские отряды, работы среди казачьего населения в районах, захваченных немцами, и перебросить их для оседания и легализации»*[2]. Эти пропагандисты, буквально наводнившие территорию Дона, Кубани и Терека, оказывали огромное влияние на простых казаков, объясняя им в популярной форме истинные намерения немцев. В результате даже многие «бывшие» казаки, то есть те, кто воевал во время Гражданской войны на стороне белых, не поддались на уговоры немецких вербовщиков и не пошли добровольцами в «восточные» формирования, а приняли активное участие в организации сопротивления оккупантам. Например, на Кубани, по поручению партизан, атаманом станицы Пашковской стал казак К.Н. Чуприна, служивший в свое время в Белой армии, а впоследствии сидевший за это в тюрьме. Но, несмотря на представившуюся ему великолепную возможность свести счеты с советской властью, он вел активную антинемецкую борьбу и выполнял различные задания местного партизанского отряда, в частности снабжал их необходимыми документами и агентурными сведениями[3].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 611. Л. 18.

[2] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 611. Л. 22.

[3] *Кринко Е.Ф.* Жизнь за линией фронта. Кубань в оккупации (1942—1943). С. 139.

Впоследствии, когда казачьи изменнические формирования на территориях Дона, Кубани и Терека все-таки появились и начали играть довольно существенную роль в оккупационной политике немцев, в разведывательном управлении Центрального штаба партизанского движения были разработаны специальные положения «О борьбе с казачьими сотнями». *«Для борьбы с партизанами,* — говорится в этом документе, — *немцы создают из местных жителей так называемые казачьи сотни. По имеющимся данным немцы создали казачьи сотни в станицах Северская (30 км. ю.-з. Краснодара) и Ильская (40 км. ю.-з. Краснодара). В целях разложения этих формирований через авторитетную агентуру ПРЕДЛАГАЮ:*

1. Составить детальный план обеспечения казачьих сотен нашей агентурой.

2. Собрать исчерпывающие данные об этих формированиях и выявить новые аналогичные формирования.

3. Влить в выявленные казачьи сотни нашу авторитетную агентуру с целью разложения их (учтите возможность и целесообразность использования для этой цели имеющейся в партизанских отрядах агентуры).

4. Проработайте вопрос вербовки внутренников в сотнях.

5. Используйте возможность дискредитации перед немецким командованием командного состава казачьих сотен»[1].

Многие положения этого документа были осуществлены на практике. Так, в большинстве казачьих частей работали советские агенты, которые вносили разброд и смуту среди личного состава, а также старались склонить казаков к переходу на сторону партизан. Более того, в каждом населенном пункте было по нескольку партизанских осведомителей, в обязанность ко-

[1] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 1043. Л. 5.

торых входило выявление и пресечение возможного появления новых изменнических частей. Вот один из примеров того, как проводились подобные мероприятия: *«По данным партизанских отрядов, в Северском районе немцы приступили к организации казачьей сотни для борьбы с партизанами. Северскому отряду было дано задание принять меры. Отряд вместе с воинской частью провел операцию против карательного отряда немцев. Убили 10 карателей и поймали командира казачьей сотни по борьбе с партизанами Кононенко»*[1].

Законспирированные советские агенты наносили немцам такой вред, что для борьбы с ними были созданы специальные казачьи отряды полевой жандармерии, в которых служили наиболее преданные немцам казаки. На их плечи было возложено выявление и уничтожение всех подозрительных личностей, а также проведение карательных рейдов и зачисток: *«В бывшем здании пожарной команды,* — описывается деятельность подобного отряда казаков-карателей в одном из разведдонесений, — *размещен казачий отряд полевой жандармерии... На отряд возложена задача — вести борьбу с партизанами. Отряд зверски расправляется с местным населением. В конце сентября, за убийство немецкого офицера, отрядом было расстреляно 40 человек местных жителей из числа родственников и знакомых партизан»*[2].

Первоначально большинство казачьих изменнических частей появлялись спонтанно и безо всякого на то согласия со стороны германских властей. Как только немецкие части входили в какую-нибудь станицу, в ней тут же самосоздавалась инициативная группа из местных казаков-антисоветчиков, которые и формировали некое подобие «казачьих сотен». Как прави-

[1] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 623. Л. 7.

[2] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 1045. Л. 28—29.

ло, эти формирования, которые немцы называли отрядами «казачьей самообороны», были довольно малочисленны и плохо вооружены. После того как немецкая оккупационная система управления на территории Дона, Кубани и Терека была окончательно выстроена, в крупных городах начали появляться различные казачьи организации, стремящиеся сосредоточить все властные функции в своих руках. Естественно, они старались держать под своим контролем (конечно, с разрешения немцев) и создание всех более или менее значительных казачьих формирований на территории Дона, Кубани и Терека. Но даже после такой «жесткой централизации» каждый уважающий себя местный атаман старался иметь свой собственный, подчиненный только ему казачий отряд.

Все казачьи формирования на этих оккупированных территориях рассматривались германским командованием прежде всего как средство установления полного господства немцев. Уже 5 ноября 1942 года генерал-квартирмейстр Генерального штаба объединенного командования сухопутных войск отдал специальное указание относительно использования появляющихся казачьих частей на их родине для обеспечения немецкого контроля над занятыми районами.

На Дону организацией казачьих частей преимущественно занимался созданный там Штаб Войска Донского во главе с атаманом С.В. Павловым. В начале октября 1942 года специальным приказом Штаба всем казакам в возрасте от 20 до 45 лет было предписано явиться на сборные пункты и зарегистрироваться. Все станичные атаманы обязывались в трехдневный срок произвести регистрацию казачьих офицеров и казаков и подобрать добровольцев (пока еще — настоящих) для новых частей. Каждый доброволец мог указать свой последний чин в Российской императорской армии или же в Белых армиях. Одновременно атаманы

должны были выделить для добровольцев строевых лошадей, оружие, седла и обмундирование, причем все снаряжение приходилось обеспечивать за счет местного населения. Вооружение для формируемых частей выделялось по согласованию с германскими штабами и комендатурами.

Уже в октябре была сформирована пластунская сотня, а в конце ноября приступили к созданию казачьего полка. Инициативу С.В. Павлова по созданию казачьих частей поддержал атаман П.Н. Краснов. 11 ноября 1942 года прославленный генерал направил Павлову письмо, в котором дал ряд рекомендаций по организации повстанческой деятельности и формированию казачьих вооруженных сил, хотя бы и небольших по численности. В перспективе же он предполагал появление крупных соединений, оснащенных всеми видами современного вооружения. Общая численность казачьих формирований, по его мнению, могла быть доведена до 100 тысяч человек, иными словами до 10 дивизий[1].

Штаб Войска Донского занимался руководством и координацией всей работы по формированию казачьих частей. Начальники штаба и специально отобранные пропагандисты выезжали в станицы, проводили среди простых казаков собрания, выступали с агитационными речами, в которых призывали вступать в добровольческие сотни. После идеологической обработки все добровольцы брались на учет местными атаманами, а затем из них формировались сотни, которые позже направлялись на сборный пункт в Новочеркасск. Формирование казачьих частей проходило в населенных пунктах, станицах, на станциях и хуторах (Мишкинский, Латунковская, Персияновская, Грушев-

[1] *Решин Л.* «Казаки» со свастикой. Документы из архивов КГБ. С. 71.

ская, Кривянская, Мелиховская, Раздорская, Семикаракорская, Богаевская, Манычская, Старочеркасская, Каменская, Гундоровская, Калитвенская, Зверевская, Сулинская, Шахтинская и другие). Одними из первых в Новочеркасск в количестве 220 человек прибыли добровольцы из станиц Заплавской, Бессергеневской, Мелиховской и Семикаракорской, положив тем самым начало организации конного казачьего дивизиона под руководством войскового старшины Шведова и казачьей полусотни особого назначения под командованием атамана Евстратова.

Ввиду явного недобора личного состава наряду с казаками в добровольческие сотни принимали и неказаков. Причем эта инициатива исходила от немецких военных оккупационных властей. Так, в Раздорской управе в приказе коменданта местным властям предлагалось *«немедленно провести собрание казаков и коренных иногородних от 18 до 45-летнего возраста... с таким расчетом, чтобы... записалось как можно больше людей»*[1]. Но вербовка добровольцев все равно проходила не очень успешно. В той же Раздорской управе, по расчетам немецкого коменданта, уже к 1 декабря 1942 года должен был быть выполнен «план по казакам», но и три недели спустя, 23 декабря, на сборный пункт в Новочеркасск еще никто не прибыл. Не лучше ситуация складывалась и в других районах. Именно поэтому немцы старались привлекать на службу в казачьи формирования не только добровольцев, но и военнопленных из числа казаков. Например, из лагеря, расположенного недалеко от станицы Александровской, были освобождены 150 уроженцев Ростовской области, которые назвали себя казаками. После небольшой проверки они были отпущены по домам на

[1] Шахтинский филиал (ШФ) ГАРО. Ф. 681. ОП. 1. Д. 1. Л. 23.

две недели, а впоследствии направлены на формирование одной из казачьих частей[1].

В середине декабря 1942 года по станицам были разосланы специальные письма, в которых указывалось точное количество «казаков-добровольцев», которые было необходимо завербовать в немецкую армию. То есть, по сути, речь шла уже не о добровольцах, а о полномасштабной мобилизации. Причем каждый из этих «добровольцев» должен был быть полностью экипирован и снабжен довольно крупной денежной суммой, естественно, за счет населенного пункта, откуда он был родом (*полный текст подобного письма см. в Приложении 3.5*).

В конечном итоге Штабом Войска Донского в Новочеркасске были организованы: конная сотня, две пешие сотни, резервная сотня и учебная команда, а также, при содействии разведывательно-диверсионной абвергруппы-210, уже упоминавшийся казачий отряд (около тысячи человек) под командованием полковника Т. Хоруженко. Это формирование состояло из 4 сотен, каждая из которых имела собственное название. 1-я Андреевская сотня полка (командир — немец лейтенант Гриш) сформирована в августе 1942 года в Крыму и укомплектована донскими и кубанскими казаками из симферопольского лагеря военнопленных. Личный состав подразделения использовался при разведке ближнего тыла советских войск. Отдельные казаки после непродолжительной подготовки забрасывались в советский тыл для выполнения диверсионно-разведывательных заданий. В октябре 1942 года сотня была переброшена на Ленинградский фронт и в ноябре 1942 года действовала близ деревни Замостье Ле-

[1] Очень часто для участия в операциях по вычленению казаков из числа военнопленных немцы привлекали казаков-эмигрантов, находившихся в частях в качестве переводчиков. Отчет одного из таких «вербовщиков» смотри в Приложении 3.4.

нинградской области, затем на территории Витебской области вела борьбу с партизанами. В декабре 1942 года казаки были направлены на юг и до середины января 1943 года размещались в Персияновке и Кривянской — станицах Ростовской области. В середине года были отведены в поселок Петровский Сталинской области, в сентябре 1943 года действовали в районе Запорожья и Никополя, в октябре стояли в селе Ольгино Херсонской области, где сотня была расформирована. Часть личного состава влилась в Галдинскую сотню полка, часть осталась при штабе группы.

2-я Зверевская сотня (есаул Иван Земляков, позднее — есаул Кондратьев Владимир, бывший младший лейтенант Красной армии) была сформирована в феврале 1943 года в поселке Зверево Ростовской области. Личный состав подразделения использовался для заброски в советский тыл, главным образом на Дон или Кубань, для ведения разведки и совершения диверсий. Готовил агентуру унтер-офицер Гесс, являвшийся фактическим командиром сотни. В середине марта 1943 года сотня эвакуировалась в деревню Доля Сталинской области, где пребывала до сентября 1943 года. В том же году через Каховку передислоцировалась в село Ольгино Херсонской области, затем в село Свободное Николаевской области. В декабре 1943 года весь личный состав был влит в Галдинскую сотню.

3-я Галдинская сотня была сформирована в январе 1943 года бывшим советским военнослужащим, уроженцем Ростовской области Галдиным. Укомплектование сотни производилось казаками, жителями Ростовской области. При сотне находился представитель штаба абвергруппы обер-лейтенант Ниссен. До марта 1943 года сотня вела разведку переднего края обороны советских войск и дислоцировалась в станице Бессергеневской, на хуторах Богушевском и Татарском Ростовской области, затем в поселке Первомайский Сталинской области, где находилась до середины мая

1943 года, после чего выбыла в Херсонскую область. Личный состав сотни использовался как диверсионно-разведывательная агентура и каратели в операциях против партизан, действовавших в Днепропетровских плавнях. В ноябре 1943 года сотня действовала в районе города Никополя Херсонской области. В начале 1944 года она объединилась с Андреевской и Зверевской сотнями. Новое формирование вышло из подчинения абвергруппы и направилось в город Шаумонд (Франция). Там на базе его был сформирован эскадрон, позднее влившийся в состав 403-го дивизиона 5-го запасного казачьего полка 1-й казачьей дивизии. С февраля по ноябрь 1944 года эскадрон Галдина дислоцировался в городе Грай и участвовал в боях против англо-американских войск. В январе 1945 года переместился в Хорватию, где вел борьбу с партизанами в составе 3-го Кубанского казачьего полка. В мае 1945 года личный состав был интернирован и выдан в СССР.

4-я Гапоевская сотня (командир некто Антон Гапоев) была сформирована в июле 1943 года из военнопленных разных национальностей в лагере города Сталино. При отступлении немцев из Донбасса из личного состава сотни были сформированы несколько мелких агентурных групп, осевших в советском тылу для ведения подрывной работы. Агенты выдавали себя за военнопленных, сбежавших из немецкого лагеря. В дальнейшем этот казачий отряд послужил основой для развертывания на его базе отряда специального назначения «Атаман» Казачьего Стана.

Кроме этих боевых частей, в гарнизоне Ростова-на-Дону несли службу 300 казаков, предварительно прошедших ускоренную военную подготовку. Также в городе была сформирована специальная казачья полицейская команда в количестве 500 человек. Кроме того, из Новочеркасска в разные уголки Ростовской области были направлены еще несколько казачьих сотен, которые получили названия по месту прохождения

службы: Кривянская сотня (командир Пухляков), Грушевская (командир Балахнин), Мелиховская (командир Черкасов), Бессергеневская (командир Баландин). Для охраны железных дорог и магистралей были созданы три контрольно-пропускных казачьих пункта[1]. Вооружение казачьих сотен очень разнилось и зависело от характера выполняемых ею задач и места дислокации. Казаки, несшие охранную или гарнизонную службу, были, как правило, вооружены лишь винтовками и гранатами. А если принимали участие в антипартизанских рейдах, то были очень хорошо экипированы и не испытывали недостатка ни в оружии, ни в боеприпасах. Согласно показаниям казака, плененного партизанами осенью 1942 года, его сотня, готовившаяся к диверсионному рейду, состояла из 180 человек, которые имели на вооружении винтовки советского производства, 20 полуавтоматических винтовок, 12 ручных и 1 станковый пулемет, восемь 82-мм и шесть 50-мм минометов[2].

После того как был положительно оценен опыт использования казачьих частей на Северном Кавказе, германское командование в октябре—ноябре 1942-го дало санкцию на формирование в областях Дона, Кубани и Терека казачьих полков. Из добровольцев донских казачьих станиц был организован 1-й Синегорский атаманский полк в составе 1260 офицеров и казаков под командованием войскового старшины Журавлева. Еще один донской полк (1-й Донской казачий полк) был сформирован в Новочеркасске под личным командованием Походного атамана полковника С.В. Павлова. Его численность по разным оценкам составляла от 400 до 900 человек (причем офицерский состав практически полностью состоял из старых русских офицеров-неказаков), материально-техническое обеспече-

[1] Архив УФСБ РО. Д.П. —30446. Т. 2. С. 303—304.

[2] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 1045. Л. 45 (об).

ние было чрезвычайно плохим. 2-й Донской полк численностью в 300 человек под командованием есаула Тимофея Доманова был сформирован в январе 1943 года в городе Шахты. На Дону также были организованы еще один Донской полк без номера под командованием некоего А.В.Шумкова и пластунский батальон. Все эти части вошли впоследствии в Казачью группу Походного атамана полковника С.В.Павлова[1], позднее переименованную в Казачий Стан.

Главной проблемой всех этих частей (впрочем, как и всех других, сформированных на Дону, Кубани и Тереке) было почти полное отсутствие квалифицированного казачьего командного состава. Офицерские должности занимали либо плохо подготовленные, но лояльные новому режиму рядовые казаки, либо ветхие старики, либо ненадежные офицеры из лагерей для военнопленных. Очень точно характеризует ситуацию с командным составом донесение, полученное с оккупированных территорий генералом Е.И. Балабиным: «*Формируется три донских полка. Командиром одного из них назначен полковник Елкин, 70 лет. Молодых офицеров вообще нет...*»[2]

Помимо формирования боевых частей из казаков, оккупационными властями было санкционировано создание целой системы карательных и полицейских органов, которые должны были сыграть одну из главных ролей в организации управления на захваченной территории. В сельской местности полицейские управления входили в состав управ. В городах полиция выполняла распоряжения бургомистров, но не входила в состав управ, а подчинялась непосредственно военным комендантам. Полицейское управление обычно состояло из отделов: политического, криминального,

[1] См.: *Дробязко С., Каращук А.* Восточные легионы и казачьи части в вермахте. М., 1999. С. 38.

[2] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 9. Л. 107.

наружной службы и службы порядка, паспортного, пожарной охраны, следственного и тюремного. Полицейским не полагалась какая-либо специальная форма, зачастую единственным знаком отличия была белая повязка. Помимо поддержания порядка и охраны населенных пунктов, на полицию возлагались задачи по контролю цен на рынках и конфискации награбленного имущества. Кроме этого, немцам подчинялось огромное количество отрядов и отрядиков так называемой «вспомогательной» полиции (местные жители называли их полицаями), тоже состоящих из местных жителей, преимущественно казаков. По данным анкетирования, в Глубокинской районной управе из 48 «вспомогательных полицейских» 40 объявили себя казаками, а остальные в графе национальность написали либо «русский», либо «украинец». Надежность и боеспособность этих формирований, в отличие от тех частей, что были сформированы в Новочеркасске, была очень невысокой. В этих отрядах, как правило, состояли не идейные противники советской власти, а те, кто был лишен каких бы то ни было моральных принципов и был готов служить любой власти, которая удовлетворила бы их личные запросы. Судя по имеющимся характеристикам, которые составили на этих людей сами немцы, большинство полицаев пошли на службу только ради возможности *«пожить в свое удовольствие»,* многие из них имели «тенденцию к личной наживе» и нередко занимались грабежами и *«самоснабжением за счет населения»*[1]. Во время отхода немцев с территории Ростовской области личный состав этих частей либо вливался в более крупные казачьи формирования, либо разбегался в надежде отсидеться и скрыть свою службу немцам.

На Кубани формирование казачьих частей не было так централизованно, как на территории Ростовской

[1] (ШФ) ГАРО. Ф. 681. ОП. 1. Д. 1. Л. 67; Д. 3. Л. 48.

области. В результате с осени 1942 года и вплоть до отхода немецких войск с Северного Кавказа там действовали несколько пунктов по мобилизации, сбору, сортировке казаков и созданию из них боеспособных частей. В станице Крымской часть под названием «Свободная Кубань» формировал бывший полковник Красной армии М.М. Шаповалов. В Армавире штаб по формированию кубанских казачьих частей возглавил есаул Н.Н. Вальтер. В селе Ново-Спасском был сформирован 1-й Кубанский полк: «*Первые его сотни*, — рассказывает один из очевидцев, — *были сформированы из организованных войсковым старшиной И. Саломахи отрядов станиц Уманского отдела. Формирование полка проходило необычайно быстро. Отряд в 13 человек через девять дней составил свыше 600 казаков. Сотник Шабанов прибыл в полк во главе отряда в 140 человек, сотник Заика привел с собой 90 казаков, под командой Гордовского пришли 150 казаков. Группу казаков станиц Ново- и Старо-Леушковских привел атаман Матвеенко. Атаман Кислов и хорунжий Сосновый явились в полк с 80 казаками. В полк шли не только казаки, и не только люди мобилизованных возрастов; шли молодые, еще не обстрелянные юноши, шли казаки, возраст которых уже шел за пятьдесят... Даже девушки-казачки шли в полк; освобождая здоровых казаков для строя, девушки приступали к работе в штабе и тыловых учреждениях. Ежедневно на полковые плацы выходят и выезжают на занятия казачьи сотни. Офицеры из казаков под руководством германских офицеров ведут занятия. После наступления весны полк походным порядком двинулся в сторону Херсона. Для окончательного формирования полки расположились в селах. Ежедневно под руководством германских офицеров проводились занятия и доформировывались части*»[1]. Полностью закончить

[1] На казачьем посту. 1943. № 2. С. 6; ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 10. Л. 110.

создание полка помешало стремительное наступление Советской армии, тем не менее отборный его эскадрон был включен в состав упоминавшегося казачьего кавалерийского полка «Платов» и принял активное участие в боевых действиях на фронте, а впоследствии весь полк был включен в 1-ю казачью кавалерийскую дивизию фон Паннвица.

В ноябре 1942 года было создано еще одно боевое формирование из кубанских казаков — 1-я особая добровольческая горная сотня. «*Образована 1 ноября 1942 года в станице Псебайской сотником П.Ф. Беспаловым. В этот же день формирование было закончено. Казаки пришли со своими конями, снаряжением и оружием. Боевое крещение сотни произошло уже зимой в районе Черной речки в бою против партизан. После длительного ожесточенного боя казаки захватили 20 пленных, 8000 патронов, 6 лошадей и много продовольствия. 11 января 1942 года казаки приняли присягу. В конце января началось отходное движение Германской армии, с которой двигались и казаки. По дороге сотня пополнилась новыми добровольцами, и ее состав возрос до 140 человек. Между станицами Воронежской и Старокорсунской произошло первое сражение с регулярными частями Красной Армии. В начале февраля под Краснодаром сотня попала в окружение, но ей удалось выбраться*»[1].

Казачьи лидеры на Кубани были уверены в том, что «*освобожденные станицы и города могут дать до 100 тысяч добровольцев*»[2], но такой прогноз был не более чем очередной завышенной самооценкой и желанием зарекомендовать себя с наилучшей стороны перед немецким командованием. В реальности даже при формировании первых казачьих частей возникли огромные трудности, о чем свидетельствует история еще

[1] На казачьем посту. 1944. № 18. С. 14.

[2] Родимый Край. 1964. № 51. Март—апрель. С. 19.

одного боевого формирования кубанских казаков — пластунского батальона, о котором рассказывает его командир, войсковой старшина, а впоследствии полковник Маловик. Это историческое свидетельство интересно прежде всего тем, что автор не пускается в экзальтированные воспоминания о том, как они «били большевистские орды» (с чем часто сталкиваешься в воспоминаниях казаков), а показывает реальные проблемы, с которыми ему пришлось столкнуться при формировании своего батальона. «*В первых числах декабря* (1942 года. — ***П.К.***), — вспоминает полковник Маловик, — *я явился к военному и сел.-хоз. комендантам и получил от них согласие на формирование Кубанского пластунского батальона... 5 декабря я провел совещание со станичными атаманами, предложил им приступить на местах к записи добровольцев, к регистрации: офицеров, подхорунжих и урядников. 8 декабря провел совещание с председателями колхозов, на котором колхозы обязались внести на мой счет по 25 000 рублей, а также снабдить всеми необходимыми продуктами. На 15 декабря на моем текущем счету было 600 000 рублей, а на складах — всевозможных продуктов, которые обеспечивали существование батальона в течение года. 25 декабря назначена была врачебная комиссия для осмотра казаков, записавшихся добровольцами. 28 декабря первая сотня была полностью укомплектована. Люди продолжали поступать бодрые духом и здоровые телом, но раздетые и разутые. Имеющихся средств для покупки обмундирования было недостаточно, так как по существующим ценам нужно было затратить 30—40 тысяч рублей, чтобы обмундировать одного казака... С командным составом было еще хуже. Явилось всего два офицера, не казаки, которые за годы Советской власти совершенно забыли военную службу... 10 января ко мне в штаб явились атаман Мищенко и директор банка Ткаченко и заявили, что комендант тре-*

бует, чтобы я формирование полка узаконил бы через штаб армии. Кроме того, представил бы о себе справки из своей станицы, кто и что я за человек, в противном случае они примут меры к отстранению меня от командования батальоном... Этот момент вмешательства районного атамана заставил меня более серьезно подумать: а с кем же я имею дело? Не может быть, чтобы истинные казаки так разговаривали (здесь, по всей видимости, мы имеем дело как раз таки с оставленными на оккупированной территории агентами НКВД. — ***П.К.***)»[1].

По мнению некоторых историков, уже в сентябре 1942 года в Краснодаре началось формирование 7-й добровольческой Кубанской казачьей дивизии[2]. Однако каких-либо свидетельств, подтверждающих существование такого крупного боевого казачьего соединения в 1942 году, нет. Вероятно, этих исследователей ввел в заблуждение тот факт, что во многих разведывательных донесениях с оккупированной территории Кубани действительно упоминается о какой-то казачьей дивизии в районе Краснодара. Например, в разведсводке № 4 от 15 ноября 1942 года говорится: «*Формируемая казачья дивизия генералом Красновым предположительно может быть использована при нашем наступлении на Майкоп, Новороссийск, либо в направлении Майкопа, либо в направлении Абинская, Крымская, но не исключена возможность переброски ее в горный район для действия в пешем строю, особенно в связи с тем, что известная часть личного состава этой дивизии может знать хорошо театр военных действий в горах, на этом участке*»[3]. Как мы

---

[1] Казачий вестник. 1943. № 13 (44). 1 июля. С. 2.

[2] *Кринко Е.Ф.* Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942—1943); *Семиряга М.И.* Коллаборационизм; *Ковалев Б.Н.* Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России 1941—1944. Великий Новгород, 2001.

[3] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 1045. Л. 20.

видим, здесь эта дивизия превратилась уже в «дивизию генерала Краснова», который на Кубани во время оккупации не был. Скорее всего, в Краснодаре действительно формировалась какая-то крупная казачья часть: полк или даже несколько полков. Такая большая концентрация вооруженных казаков в одном районе привела к тому, что кто-то пустил слух, будто «в Краснодаре формируется казачья дивизия, да еще и во главе с прославленным генералом». Слухи эти дошли до советских агентов, которые старались использовать все доступные источники информации, и в центр полетели шифрограммы о несуществующей дивизии. Хотя какая-то крупная часть в Краснодаре, без сомнения, была сформирована. Нечто подобное произошло и еще с одной казачьей частью-фантомом. В сентябре до начальника Центрального штаба партизанского движения Закавказского фронта дошли слухи, что в Таганроге дислоцируется батальон «вольного казачества». Всем командирам партизанских отрядов было дано немедленное указание разузнать о нем побольше и по возможности внедрить в отряд свою агентуру. Однако через некоторое время выяснилось, что никакого батальона просто-напросто не существует, а информация о нем была обыкновенной «уткой»[1].

Первоначально руководство вермахта использовало преимущественно методы добровольной вербовки для создания коллаборационистских формирований. На оккупированной территории Краснодарского края с целью привлечения казачества практиковалась выдача семьям добровольцев денежного вознаграждения в 500 рублей (в декабре 1942 года рыночная цена 1 килограмма хлеба составляла 100—200 рублей, а мяса 180—220 рублей)[2]. «Особо преданные» казаки зачисля-

[1] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 1043. Л. 2—3.

[2] Екатеринодар — Краснодар. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к летописи. Краснодар, 1993. С. 603.

лись в разряд так называемого «нового казачества», представители которого получали дополнительный земельный надел в 1 га на человека и по две лошади на хозяйство. Им также на 50 процентов снижали все налоги. Иногда добровольцы получали вознаграждение не только деньгами, но и продуктами. «*Немцы формируют белогвардейские казачьи части из ТУЛЬСКОГО и МАЙКОПСКОГО районов*, — говорится в разведсводке Южного штаба партизанского движения от 4 декабря 1942 года, — *путем вербовки добровольцев и мобилизации возрастов рождения 1923—1926 годов. Добровольцам, вступившим в армию, выдается вознаграждение: 600 руб. и 16 кг. муки. Сформировано 4 сотни*»[1]. В свою очередь казаков, отказавшихся добровольно вступать в ряды немецкой армии или полиции, всячески притесняли.

Незначительный приток добровольцев вскоре вынудил немецкое командование приступить к проведению мобилизационных мероприятий. Мобилизация осуществлялась через старост станиц под строжайшим контролем немецких комендатур. Все уклонившиеся подвергались репрессиям вместе с членами своих семей. Таким образом немцам удалось набрать в казачьи части молодежь 1925—1926 годов рождения. Для их обучения по всей территории Краснодарского края были организованы специальные центры, в которых «рекруты» проходили первоначальную военную подготовку и проверялись на благонадежность. Например, в станице Рязанской обучалось около полутора тысяч молодых людей[2].

Однако, несмотря на все вышеописанные мероприятия, оккупационные власти не сумели полностью решить проблему личного состава «восточных» войск за счет местных жителей. Впоследствии пленный немец-

[1] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 1045. Л. 51.

[2] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 1046. Л. 4.

кий офицер И. Эрле заявил на допросе: «*...мы все рассчитывали на то, что казаки выступят против большевиков. Но теперь я вижу, что мы не поняли душу русского казака и не учли тех двадцати пяти лет, которые сформировали характер новых казаков*»[1]. Именно поэтому довольно большую часть и в этих формированиях составляли военнопленные, которых буквально вынуждали идти на службу к немцам. «*В Краснодаре в концентрационном лагере № 182*, — говорится в разведсводке № 9 от 16 ноября 1942 года, — *содержится до 10 000 человек военнопленных... Все военнопленные завшивлены, не бритые и не стриженные, многие опухли с голода. Военнопленных ежедневно гоняют на работу на аэродром. Последние 7 дней военнопленным не дают хлеба, вынуждая их записываться под видом добровольцев в Кубанские части, формируемые прибывшими старыми офицерами из-за границы. За всякое неповиновение военнопленных избивают палками*»[2]. Такое же тяжелое положение было и в лагере № 162, который располагался прямо на поле краснодарского стадиона «Динамо». Военнопленные жили под открытым небом, их практически не кормили, но при этом ежедневно водили на тяжелые работы и зверски избивали. Естественно, многие были готовы сделать все, что угодно, только бы вырваться из этого ада. Большинство таких «добровольцев» не то что никогда не были казаками, но даже и лошади не видели. Такое комплектование казачьих войск привело к тому, что в некоторых частях процент действительно преданных немцам казаков резко снизился. Все это крайне негативно сказалось на боеспособности частей, что потом особенно ярко проявилось в оборонительных боях в январе—феврале 1943 года. Полки и сотни, состоящие из настоящих казаков-

[1] *Закруткин В.* Кавказские записки. М., 1954. С. 387.

[2] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 1045. Л. 36.

добровольцев, сражались за свою идею до конца, а формирования, в которых преобладали бывшие военнопленные или насильно мобилизованные, бросали оружие и уходили в лес — дожидаться, «когда все успокоится и можно будет вернуться домой».

На территории проживания терских казаков формирование казачьих частей шло гораздо меньшими темпами, чем на Дону и Кубани, но и здесь по инициативе войскового старшины Н.Л. Кулакова и сотника Кравченко были сформированы 1-я и 2-я сотни знаменитого 1-го Волгского полка Терского Казачьего войска, а впоследствии этот полк был полностью укомплектован[1].

Именно на Юге России были зафиксированы и совсем удивительные случаи использования казаков немцами. Так, в одном из номеров журнала «На казачьем посту» рассказывается, что на одном из участков южного фронта воюют *«нескольких эскадрилий, укомплектованных казаками-летчиками, обучавшимися в германских авиационных школах и уже доказавших свою храбрость»*[2]. Вот еще одно свидетельство, подтверждающее тот факт, что в рядах Люфтваффе воевали казаки-летчики: *«Иностранные журналисты* (итальянские. — ***П.К.***), *посетившие один из южных участков восточного фронта, поместили в целом ряде газет свою беседу с командующим воздушными силами указанного участка, молодым генералом фон Кортелем, который заявил, что в его распоряжении имеются уже казачьи воздушные эскадры, которые великолепно зарекомендовали себя как прекрасные истребители. Авиационное искусство и опыт казаки приобрели при немецкой авиации»*[3], — говорится в небольшой заметке из «Казачьего вестника». Однако, не-

[1] На казачьем посту. 1943. № 3. С. 8.

[2] На казачьем посту. 1943. № 4. С. 3.

[3] Казачий вестник. 1943. № 14 (45). 15 июля. С. 4.

смотря на все эти статьи и заметки, на сегодняшний день так до конца и неясно, действительно были в составе Люфтваффе казачьи эскадрильи или нет. Каких-либо архивных документов, подтверждающих или опровергающих их существование, на сегодняшний день не обнаружено.

Точная и объективная оценка боевого духа и морального состояния всех казачьих формирований, созданных на территории Дона, Кубани и Терека, как представляется, была дана в докладной записке Южного штаба партизанского движения от 26 декабря 1942 года: «*Для борьбы с партизанами из бывших белоказаков, дезертиров из Красной Армии, кулацко-уголовного элемента немцы создают карательные отряды... Лица, входящие в состав этих отрядов, вооружены автоматами, винтовками, некоторые отряды обмундированы в немецкую форму, а некоторые — в казачью. На правом рукаве носят белую повязку с фашистской свастикой. Среди местного населения карателей обычно называют полицейскими. На указанные отряды возложена задача: наряду с борьбой против партизан, несение внутренней службы по охране населенного пункта. Обычно такие отряды в одном населенном пункте долго не находятся, а перебрасываются, через 2—3 недели, из одного пункта в другой... Необходимо отметить, что отряды дерутся стойко, с криками «Ура, за Родину»*[1].

Еще одну любопытную характеристику казачьих частей, созданных на территории проживания донских, кубанских и терских казаков, дал атаману Е.И. Балабину в своем письме-отчете от 3 мая 1942 года войсковой старшина Зарецкий: «...*На местах в Казачьих областях и действующих казачьих полках никакой самостоятельности нет и не предвидится: всякая даже маленькая попытка самостийничать так пре-*

[1] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 1048. Л. 3—4.

зирается казаками, что у каждого пропадет охота что-либо подобное проявлять... Существует уже около 20 казачьих полков, каждый численностью от 400, 500, 600 и до 1000 казаков. Ощущается острый недостаток в офицерах и урядниках. Есть стремление просить у Германских властей из эмиграции указанных офицеров и казаков, так как прикомандированные бывшие красные офицеры авторитетом и доверием не пользуются»[1].

Именно этим казачьим частям, «верой и правдой» служившим немцам, предстояло, пожалуй, одно из самых тяжелых военных испытаний, а именно — ожесточенные бои с превосходящими силами наступающей Красной армии. Это было начало конца нацистской Германии, и казакам выпала страшная судьба — отступать вместе с немецкими войсками с Северного Кавказа.

Надо отметить, что многие казачьи части, защищая, как им казалось, свою родину от большевистских орд, сражались до последнего. Казаки 1-го Синегорского полка войскового старшины Журавлева в январе 1943 года вместе с немецкими войсками держали оборону на правом берегу реки Северский Донец. Здесь, у хутора Ясиновский, особенно отличилась отдельная сотня под командованием сотника Рыковского, которой удалось в одной из контратак отбросить прорвавшиеся советские войска обратно за реку[2]. Несмотря на плохое вооружение и отсутствие боеприпасов, храбро сражались казаки под Батайском, обороняли Ростов-на-Дону, Майкоп и Новочеркасск. Именно бои за столицу Донского казачества были наиболее кровопролитными. В бой был брошен 1-й Донской казачий полк под лич-

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 9. Л. 211.

[2] На казачьем посту. 1944. № 32. С. 14.

ным командованием Походного атамана С.В. Павлова (в этих боях он потерял почти половину личного состава), кроме того, в городе находилось несколько тысяч невооруженных казаков, которые незадолго до этого прибыли на формирование, и отряд полковника Хоруженко. Большинство из них погибли во время уличных боев.

Однако все эти усилия и самопожертвование были бессмысленными — судьба Северного Кавказа и казачьих земель была предрешена. Казакам, связавшим свою судьбу с немцами и не желающим возвращения советского режима, оставалось только одно — бегство вместе с отступающими германскими частями.

Глава 5

ЭПОПЕЯ КАЗАЧЬЕГО СТАНА ПОД ВОДИТЕЛЬСТВОМ ПОХОДНЫХ АТАМАНОВ С.В. ПАВЛОВА И Т.И. ДОМАНОВА В 1943—1945 гг.

После Сталинградской битвы, завершившейся для немцев полным уничтожением и пленением остатков 6-й армии фельдмаршала Паулюса, германские войска зимой 1943 года были вынуждены начать отступление с территории всего Северного Кавказа и, в частности, с казачьих земель Дона, Кубани и Терека. Вслед за ними потянулись и многочисленные колонны беженцев, по различным причинам не желавших дожидаться прихода Советской армии. «Десятки тысяч казаков и казачек, — вспоминает один из участников тех трагических событий казак В.С. Дудников, — старых и малых ушли в отступ с Дона, Кубани, Терека и Ставрополья с надеждой на скорое возвращение. Отступали с оружием... Били морды агитаторам. Вели беспощадные

бои с местными партизанами. Несли потери, но шли и шли»[1].

Тысячи и тысячи казаков, сотрудничавших во время оккупации с немцами, справедливо опасаясь прихода Красной армии и будущей расплаты за предательство, были вынуждены бежать с родной земли. Конечно, с немцами ушла меньшая часть казачества, — большинству бояться было нечего, они с нетерпением ждали прихода Красной армии. Перед теми же, кто решил отступать с немцами, вставал трудный выбор: уйти одному или с семьей. Многие, понимая, что уходят они, возможно, навсегда, старались забирать с собой не только семьи, но и домашний скарб, и животных. Но часть казаков, особенно молодежь, бежали «налегке», оставив дома и родных, и пожитки. Они в тот момент не думали о возможных последствиях своего поступка, не думали ни о ком, — все их мысли были о собственном спасении. Знали бы они, что ждет родных и близких, оставшихся дома, какая расплата за все прегрешения и ошибки беглецов приготовлена им, часто — ни в чем не повинным! Вот лишь несколько примеров того, как после войны обходились с родными и близкими тех, кто служил немцам, а потом ушел в «священный отступ»: *«Учитывая, что сын Ничипорова — Николай Васильевич, 1924 года рождения, во время отступления /январь 1943 года/ добровольно ушел с немцами и стал предателем и изменником Родины — в силу чего в назначении государственного пособия его родителям — ОТКАЗАТЬ»*[2], — вынес 18 августа 1943 года решение исполнительный комитет Багаевского района. А вот еще один пример — на этот раз жена казака-предателя лишена пенсии в результате постановления Цимлянского районного Совета депута-

[1] *Дудников В.С.* Воспоминания старого казака о пережитом и размышления о настоящем. С. 330.

[2] ГАРО. Ф. 3737. ОП. 3. Д. 6. Л. 119.

тов трудящихся Ростовской области: «*...муж Ефимовой при немцах был старостой, сейчас «изъят» органами НКВД и осужден... Ввиду того, что гражданка Ефимова находилась на иждивении мужа... в назначении госпособия отказать*»[1]. Не легче было и тем, кто все-таки решился уйти с насиженных мест вместе со своими сыновьями, мужьями и дедами. На долю этих женщин, немощных стариков и детей выпали куда более страшные испытания. Им предстояло пройти многие сотни и тысячи километров под бомбежками и обстрелами, научиться терпеть постоянные голод и холод, и ради чего? Ради того, чтобы в конце концов погибнуть где-нибудь в Белоруссии, на Украине, в Польше и Югославии или самим стать оккупантами в «казачьих станицах» Италии!

Сегодня сложно дать однозначную оценку тем далеким и трагическим событиям. Сами современники, особенно казаки, пытались представить все таким образом, будто с территории проживания донских, кубанских и терских казаков ушло практически все население только с одной целью — продолжить борьбу против коммунистов. «*Это все люди с иного — казачьего теста*, — восторженно рассказывается о казаках-беженцах в одной из статей в газете «Казачий вестник», — *это едет не русская простокваша, не русское «ни рыба и ни мясо» — элемент вечно всеми и всем недовольный и в достаточной мере пропитанный большевизмом. Это едет народ, морально здоровый, твердый, с определенным — остро противобольшевицким настроением и убеждением... Этот великий исход казачьего народа с его родной земли следует считать в его истории седьмым. Первую казачью эмиграцию казачьи и иностранные историки относят к концу XV столетия. Вторая последовала в 1688 году, третья в 1708—1709 гг. при царе Петре I. Четвертая и*

[1] ГАРО. Ф. 3737. ОП. 3. Д. 147. Л. 228.

пятая были при Екатерине II в 1775 и 1778 гг. Шестой эмиграцией являемся мы. Покинувшие пределы казачьей земли в 1920 году»[1]. Конечно, это было не так, и большая часть казаков осталась на родине, но в любом случае исход довольно больших казачьих масс с территории Дона, Кубани и Терека стал еще одной страшной трагедией для всего казачества, окончательно расколовшей его в тяжелые годы войны.

Немцы, предвидя возможную перспективу отступления вместе с германской армией внушительных масс беженцев, во избежание путаницы и возможных организационных недоразумений попытались этот процесс как-то регламентировать и узаконить. Во все казачьи области были направлены специальные германские военные представители, которые должны были организовать отступавших казаков, согласовать порядок взаимодействия с отступающими немецкими частями, выдать казачьим лидерам некоторые денежные суммы на «транспортные расходы» и указать примерный путь эвакуации. В результате этих действий отход казаков-беженцев из разных областей Дона, Кубани и Терека проходил по нескольким маршрутам.

Утром 1 января 1943 года д-р Бройтигам, политический советник-эксперт при штабе германской армейской группировки «А», нанес визит командующему генералу фон Клейсту (с 31 января 1943 года — фельдмаршал). В прошедшем разговоре Бройтигам выразил сожаление о необходимости отступления германских войск с территории Терека, приказ о чем был уже подписан фон Клейстом. Одновременно он подчеркнул, что при всех обстоятельствах немцы должны провести планомерную и организованную эвакуацию всех племен и народов Сев. Кавказа, верящих в силу и мощь германского оружия. Уже 2 января генералом фон Клейстом был подписан приказ об образовании Кавказского

[1] Казачий вестник. 1943. № 9 (40). 1 мая. С. 3.

Штаба эвакуации беженцев, и на следующий день был официально оглашен германский приказ о начале отхода с территории Терека всех Терских казаков и горцев, по каким-либо причинам не желавших дожидаться прихода Советской армии. Одновременно генералом фон Клейстом были даны особые предписания германским полевым комендатурам, которые были обязаны содействовать всем проходившим мимо них беженцам[1].

Организованный отход казачьих и горских беженских групп с территории Южной Кубани и Терека осуществлялся по маршрутам: 1. Моздок — Эльтохово — станица Прохладная. 2. Пятигорск — станица Невинномысская — Армавир. 3. Георгиевск — Моздок — Кизляр — станица Бургустанская — Армавир. 4. Кисловодск — аул Кайдан — Черкесск — Кропоткин (бывший хутор Романовский при ж. д. станции Кавказская)[2]. Казачьи и горские беженские колонны продвигались на север, через города Георгиевск и Минеральные Воды (основной маршрут при отступлении с Терека), увеличивались за счет притока казаков из Кисловодска, Железноводска, Пятигорска, местных казачьих станиц и хуторов. При подходе казачьих и горских беженских колонн к Кропоткину немцы поворачивали их налево, на запад, направляя по шоссейным и гужевым дорогам вдоль р. Кубань — на Краснодар. Тогда же к Кропоткину стали выходить из восточной части Кубани беженские колонны кубанских казаков и калмыков из Астраханья и Ставрополья, также стремившихся в Краснодар.

Несмотря на сложную военную обстановку, стремительное отступление немцев и связанные с этим неразбериху и панику, казаки-беженцы из станиц и хуто-

[1] *Ленивов А.К.* Под казачьим знаменем 1943—1945. Эпопея Казачьего Стана под водительством Походных атаманов Казачьих войск С.В. Павлова и Т.И. Доманова в 1943—1945 гг. // Кубанец. 1993. № 1—4. С. 22—23.

[2] Там же. С. 23.

ров Восточной и Южной Кубани совместно с небольшими группами черкесов и адыгейцев смогли все-таки продвинуться к Краснодару, выйдя к нему из верховьев рек Урупа и Лабы. К тому времени дорога на север в направлении Ростова-на-Дону и Азова была уже перерезана советскими войсками. Спасением для отступающих послужил Таманский полуостров, а точнее — большая (16 километров в длину и 2 километра в ширину) песчаная коса Чушка, через которую в январе—марте 1943 года прошли огромные массы беженцев (по различным оценкам, среди них было от 20 до 80 тысяч казаков). *«В условиях суровой зимней стужи,* — описывает будни казаков-беженцев на Таманском полуострове казак А.К. Ленивов, — *и постоянно душившего ледяного ветра «боры» на косе Чушки располагались бесконечными рядами беженские повозки и арбы, с поднятыми вверх оглоблями. На последних были натянуты самые разнообразные пологи и ковры, служившие предохранением от ветра. Повсюду дымились костры, с помощью которых беженцы приготовляли себе незатейливую горячую пищу — примитивное кушанье саломату, уваривая в котлах, ведрах и жестяных банках воду, муку, смалец и соль. Рядом, прижимаясь к повозкам и арбам дрожащими от холода телами, стояли понуро многие тысячи беженских коров, быков, лошадей и верблюдов, жалобно ревевших от голода»*[1]. По утверждению А.К. Ленивова, именно в воздушных боях над Таманским полуостровом и, в частности, в операции по воздушному прикрытию косы Чушки приняли участие казачьи эскадрильи Люфтваффе.

В очень короткий срок германскому командованию удалось организовать переброску беженцев через Керченский пролив в Крым. Оттуда людские массы двинулись на север, к Перекопскому перешейку. С пере-

[1] *Ленивов А.К.* Под казачьим знаменем. Эпопея Казачьего Стана под водительством Походных атаманов Казачьих войск С.В. Павлова и Т.И. Доманова в 1943—1945 гг. С. 25.

шейка германские военные комендатуры направляли их на крупный сборный пункт донских, кубанских и терских казаков в район Херсона. И лишь небольшая часть строевых казаков осталась в Крыму и влилась в крымско-татарские батальоны, в составе которых участвовала в боях на Крымском полуострове весной 1944 года.

Эвакуация казачьих беженцев из северных областей Кубани была поручена начальнику германской полевой комендатуры № 810 полковнику фон Кольнеру. 20 января 1943 года он прибыл в станицу Уманскую и на общем собрании объявил всем собравшимся казачьим представителям об уходе немцев с территории Кубани. Исполняющим обязанности Кубанского Войскового атамана был назначен вахмистр Т.С. Горб, которому была вручена Атаманская булава, а войсковой старшина И.И. Саломаха стал Походным атаманом Кубанского Казачьего войска. Уже через несколько дней они издали специальный приказ, в котором все кубанские казаки северных областей Кубани объявлялись мобилизованными (!), а значит, в обязательном порядке (!) обязаны были начать отход вместе с немецкими войсками. Однако все эти распоряжения были вскоре аннулированы, так как личным приказом генерала фон Клейста «Атаманом отступающих казаков» был назначен полковник Белый. «*25-го января 1943 года*, — вспоминает один из близких к полковнику казаков — П.П. Иваница, — *полковник Белый немецким командованием был назначен, и ему был выдан один миллион немецких марок, то есть 10 миллионов рублей, и дан приказ на отступление, держась маршрута Ейск — Мелитополь... То, что немецкое командование, и в частности генералы Фрайтаг и Бройтигам, серьезно относились к организации и легализации казачества, подтверждается не только выдачей 10 миллионов рублей, но и присылкой булавы для Кубанского*

Войскового Атамана... 29 января 1943 года Штаб Кубанского Войска оставил Краснодар»[1].

Все эти приказы, дележ атаманской булавы и административные перестановки имели мало общего с действительным положением дел. Те казаки из северных областей Кубани, кто решил уходить вместе с немцами, покинули родные станицы еще 21 января и двинулись со своими обозами в направлении города Азова и села Кагальника (южнее Азова, на побережье Азовского моря). Основную массу казаков составляли уроженцы станиц Екатерининской, Тихорецкой, Камышеватской, Ново-Покровской, Павловской, Крыловской, Ново-Минской, Ново-Щербиновской, Старо-Щербиновской, Уманской, Шкуринской, Кущевской, Роговской, Незамаевской, Бриньковской, Брюховецкой, Ново-Архангельской. Уже 25 января из Азова и Кагальника одновременно началась переправа подошедших кубанских казаков из северных районов через замерзшее Азовское море в направлении на Таганрог.

К этому времени в городе на базе казачьего штаба Таганрогского Округа Всевеликого Войска Донского (атаман — войсковой старшина Стефанов) уже началось создание своеобразного пересыльного пункта для казаков-беженцев. Сам штаб был официально создан только 1 февраля 1943 года, а его главной и единственной задачей как раз и был прием, размещение и распределение отступающих казаков. В приказе № 1 по Таганрогскому Казачьему округу Всевеликого Войска Донского от 1 февраля 1943 года устанавливались и строго регламентировались все вопросы, связанные с проведением эвакуации казачьих беженцев: *«1. Во исполнение распоряжения генерал-фельдмаршала фон Клейста, сего числа, вступил в исполнение обязанностей атамана Таганрогского округа Всевеликого Войска Донского в старых (дореволюционных) границах. 2.*

---

[1] Родимый Край. 1965. № 57. Март—апрель. С. 18.

Для управления делами округа, руководства воинской организацией Казачества (учет военнообязанных, комплектование, учение) организовать Штаб округа по штатам, согласно приложению. Начальником Штаба округа назначить есаула Гончарова Георгия Михайловича, которому поручаю укомплектовать личный состав Штаба. 3. Для упорядочения дела устройства населения Донской, Кубанской, Терской и других областей, прибывающего в город Таганрог в порядке эвакуации, организовать в городе Таганроге пересыльный пункт. 4. Всем лицам и организациям, прибывшим в город Таганрог из Донской, Кубанской, Терской и других областей, со всеми имеющимися при них государственным, общественным (колхозным) имуществом, немедленно по прибытии явиться на пересыльный пункт, по адресу — Николаевская 16, для регистрации и получения назначения на дальнейшее следование в тыловые районы. Подпись: Атаман Таганрогского округа ВВД Войсковой старшина Стефанов»[1]. Из Таганрога казаки были направлены в Бердянск, который и должен был стать новым сборным пунктом для всех казаков-беженцев, отступающих этим маршрутом.

Отступление казаков с территории Всевеликого Войска Донского началось еще в середине декабря 1942 года. Все крупные транспортные артерии: станица Боковская — ж. д. станция Миллерово; ж. д. станция Мальчевская — Ворошиловград (Луганск); станица Морозовская — станица Ермаковская — Сулин — Чистяковка — Макеевка; станица Цимлянская — станица Раздорская — Новочеркасск — Ростов-на-Дону использовались донскими казаками и их семьями для отхода. *«Все дороги на подходах к городам Новочеркасску, Ростову-на-Дону, Азову, Макеевке были полностью забиты войсками* (немецкими и румынскими. — ***П.К.***) *и бе-*

---

[1] Казачий вестник. 1943. № 5 (36). 1 марта. С. 3.

женцами, всюду существовали «пробки»-заторы, казачьи беженские обозы и транспорты, как правило, растягивались на десятки километров»[1]. Отступал даже Провальский конезавод, поголовье которого насчитывало около 4 тысяч кобыл и 50 чистокровных жеребцов-производителей. Под охраной отряда из 260 казаков и калмыков (командир есаул Г.И. Копылов) он был направлен в район Днепропетровска. Большая часть казаков старалась добраться до крупных железнодорожных узлов Миллерово и Мальчевская. Оттуда они направлялись на Украину — в Макеевку и Луганск (Ворошиловград), а уже из этих городов — на сборные пункты в Запорожье и Мелитополь. Прикрывали отход беженских колонн уже сформированные и создаваемые на скорую руку казачьи отряды, которые приняли активное участие не только в локальных столкновениях с частями Красной армии, но также в обороне Ростова-на-Дону и Новочеркасска.

Одной из самых крупных частей из донских казаков — полку атамана Павлова, понесшему существенные потери (около 40% личного состава) во время пригородных и уличных боев за Новочеркасск — все-таки удалось вырваться из города, и оставшиеся казаки (около 500 человек) вместе с маршевыми батальонами немецкой 79-й пехотной дивизии двинулись на запад в направлении Матвеева Кургана. Около Матвеева Кургана полк Павлова снова вступил в сражение с регулярными частями Красной армии и был практически полностью уничтожен. Оставшиеся в живых примерно 60 казаков во главе с непострадавшим атаманом двинулись дальше через Таганрог, по направлению на Мелитополь и Запорожье, соединяясь по дороге с отступающими колоннами донских казаков и их семейств. Еще одна довольно большая группа донских казаков про-

---

[1] *Ленивов А.К.* Под казачьим знаменем. Эпопея Казачьего Стана под водительством Походных атаманов Казачьих войск С.В. Павлова и Т.И. Доманова в 1943—1945 гг. С. 27.

бивалась к Таганрогу по льду Азовского моря, направляясь оттуда к Мариуполю, а впоследствии — в район города Запорожья. Это было страшное зрелище: *«Лед был тонок,* — вспоминают непосредственные участники событий, — *поэтому полагалось двигаться с большой скоростью, что было невозможно соблюдать из-за невероятно большого скопления людей, животных, повозок и автомашин. Порой лед не выдерживал тяжести влекомого груза, трескался, оседал, вдавливался вглубь, образовывая огромную впадину, становившуюся ледяной могилой...»*[1] В конечном итоге большая часть донских казаков была сгруппирована на Украине, в Запорожской области, в районе городов Мелитополь и Запорожье.

По окончании эвакуации весной 1943 года перед казачьими атаманами встала проблема установления общего командования над большими массами казаков-беженцев и организации последних в единую силу. Между тем в среде беженских колонн, наводнивших юг Украины, царила тяжелая атмосфера разобщенности и моральной подавленности, чему способствовали как подрывная деятельность советских спецслужб, так и личные амбиции многих казачьих атаманов, каждый из которых именно себя прочил на место всеказачьего вождя. Повсеместно были созданы казачьи штабы, которые пытались собирать именно под свои знамена отступающих казаков. Немецкий штаб группы армий «Юг», пытаясь навести хоть какой-то порядок среди отступающих казаков, начал даже выдавать казачьим офицерам и атаманам удостоверения на право организации и объединения беженцев. Как правило, этот документ выдавался без особой проверки всем желающим, что на практике приводило к еще большему разброду. Разрозненные казачьи штабы действовали зачастую

[1] Под казачьим знаменем. Эпопея Казачьего Стана под водительством Походных атаманов Казачьих войск С.В. Павлова и Т.И. Доманова в 1943—1945 гг. С. 32.

совершенно без учета обстановки, складывавшейся на фронте, а их действия часто противоречили друг другу.

Особенно острый конфликт возник между обосновавшимся в Запорожье не имевшим поддержки немецких властей, но очень популярным среди простых казаков Штабом Походного атамана С.В. Павлова и созданным 10 марта 1943 года при личном участии генерал-фельдмаршала фон Клейста «Штабом формирования Добровольческих Казачьих Войск Кубани и Терека» в Херсоне, который возглавляли полковники Белый и Духопельников (к последним, несмотря на покровительство немцев, очень многие относились весьма настороженно, считая их агентами НКВД).

Суть и причины конфликта состояли в следующем. В конце января 1943 года полковник Духопельников был послан атаманом Павловым под Азов собирать эвакуированных казаков и их семьи. Попав в окружение, он сумел прорваться к Таганрогу. Павлова в городе в этот момент уже не было, и немецкий генерал фон Клейст подчинил Духопельникову все сборные казачьи пункты Ростова, Таганрога, Мариуполя, Бердянска. Задача пунктов состояла в регистрации всех казачьих групп, снабжении их продовольственными карточками и отправке в Херсон на главный казачий сборный пункт. В Бердянске в это время находились также назначенные Клейстом Кубанский атаман полковник И.И. Белый и Терский атаман есаул Н.Л. Кулаков со своими штабами. Генерал-фельдмаршал фон Клейст 10 марта 1943 года на совещании с тремя атаманами предложил все штабы объединить в единую организацию и перевести в Херсон. Имея на руках такие полномочия, Духопельников, Белый и Кулаков через разветвленную сеть вербовочных и сборных пунктов от Таганрога, Мариуполя, Бердянска и до Херсона вербовали и направляли всех строевых казаков, независимо от их желания, на формирование 1-й казачьей кавалерийской дивизии, приказ о создании которой был получен

21 апреля 1943 года. Причем методы, которыми казаков принуждали идти на службу в дивизию, были довольно жесткими. В марте 1943 года штабом в Херсоне был даже издан специальный приказ, в котором говорилось: «*Наши друзья и братья те, кто хочет свободы своей родине, а наши враги те, кто хочет скрываться под различными предлогами, чтобы не воевать и не помогать войне против общего врага человечества — жидо-большевизма и его приспешников и капиталистов*»[1]. Таким образом, все те казаки, по каким-либо причинам не желающие собираться в Херсоне, объявлялись чуть ли не «врагами народа».

Естественно, подобная деятельность «Штаба формирования Добровольческих Казачьих Войск Кубани и Терека» в Херсоне вызывала негативную реакцию атамана С.В. Павлова, считавшего, что только он, как законно избранный Походный атаман на Дону, имеет право распоряжаться людскими и материальными ресурсами всех казачьих областей. Штаб атамана Павлова обосновался в Таганроге, где уже в начале апреля 1943 года состоялось его первое заседание. В конечном итоге на Украине сложилась парадоксальная ситуация: были созданы и успешно функционировали две крупные казачьи организации. Причем обе структуры претендовали на роль верховного «возглавителя» казачества и проводили бурные кампании по вербовке и сбору казаков, призывая их «*немедленно вступать в казачьи части*» и «*идти в бой за освобождение своей родины, своих станиц и родственников, которые не смогли эвакуироваться*»[2].

Противостояние зашло так далеко, что казаки, поддержавшие атамана Павлова, обвинили Штаб формирования в Херсоне в связях с НКВД. «*Официальная миссия*, — утверждает соратник атамана Павлова П.Н. Дон-

[1] На казачьем посту. 1943. № 1. С. 5.

[2] Цит. по: *Дробязко А.* Казачьи части в составе вермахта. С. 202.

сков, — *полковника Духопельникова и полковника Белого заключается в организации отходящего на запад казачества в воинские части и направлении их в ведение немецкого командования в Млаву. Неофициальная сторона деятельности этих самозваных возглавителей казачества состояла, по указанию НКВД, в разложении, дискриминации и дезорганизации казачества. Казачья семья, попадавшая на территорию Таганрога, Мариуполя, Бердянска, Херсона, раскулачивалась. Лошади и подводы реквизировались (безвозмездно), глава семьи направлялся в ведение штаба, а семья оставалась без средств передвижения на расправу наступающим красным армиям. На этой территории оказался и возглавитель Ростовского представительства В.М. Одноралов, перешедший опять на службу к своим прежним покровителям: Духопельникову и Сюсюкину и получивший назначение представительствовать от их штаба в Кривом Роге. Самозваный атаман таганрогского округа Стефанов, старый алкоголик, потерявший человеческое достоинство, беспрекословно подчинявшийся своей переводчице-комсомолке, ставленнице НКВД, также примкнул к штабу Духопельникова и Белого*»[1].

В конечном итоге 6 апреля 1943 года на заседании штаба атамана Павлова было принято решение ревизовать работу «самозваных атаманов Духопельникова и Белого в Херсоне и отстранить их от дел». Для выполнения поставленной задачи в Херсон была направлена вооруженная группа во главе с упомянутым сотником Донсковым с заданием арестовать полковника Духопельникова. Только вмешательство генерала Клейста смогло разрядить ситуацию. По приказу Клейста Донсков и сопровождающие его люди были задержаны немецкой полевой жандармерией, разоружены и

[1] *Донсков П.Н.* Дон, Кубань и Терек во Второй мировой войне. С. 586.

после допроса отправлены назад в Запорожье[1]. Лишь после того, как в конце апреля штаб генерала фон Клейста вместе с Духопельниковым и Белым убыл в Млаву, к месту формирования казачьей дивизии, Штаб Походного атамана на время стал единственным центром, имевшим влияние и собиравшим под своим началом всех казаков-беженцев.

Местом сбора всех казаков и их семей, отступавших с немецкой армией, были определены окрестности города Кировограда. Всех прибывающих казаков распределяли по поселениям (станицам), исходя из их войсковой принадлежности. Станицы избирали станичных атаманов и станичное правление, которое в свою очередь подчинялось С.В. Павлову. К июлю 1943 года в окрестностях Кировограда собралось до 3 тысяч донцев, из которых удалось сформировать два полка (сборный пункт строевых казаков находился в Кривом Роге). В августе батальоны этих полков были приданы немецким частям, вместе с которыми сражались против партизан и регулярных частей Красной армии[2]. О процедуре воинского набора в эти части можно узнать из воспоминаний казака М. Таратухина: «В мае месяце комендатуры всех районов дали распоряжения — всех казаков, находящихся на Украине, доставить в районные села. В районах были представители Штабов Донского и Кубано-Терского, которые принимали доставленных и жел. дорогой везли в г. Кривой Рог на сборный пункт. На Почтовой улице дом № 22, на дверях дома была надпись — Представительство добровольческих Кубанских и Терских Казачьих Войск. Нас поставили в длинную очередь. В 9 утра представительство начало работу. В помещении за столом сидел

[1] *Hoffman J.* Die Kaukasien 1942/1943: Das deutsche Heer und die Ostvolker der Sowjetunion. P. 369.

[2] Родина. 1993. № 2. С. 74.

старший писарь, каждый проходивший подавал ему свое удостоверение личности, он записывал и передавал людей присутствующим на регистрации казачьим офицерам, старым и инвалидам выдавал справки об освобождении от воинской обязанности. Офицеры уводили казаков в казармы, которые были на окраине города. Из нашей группы шестерых взяли в казачьи части, а пяти старикам и мне, инвалиду, выдали справку освобождения от службы»[1].

С целью подготовки командного состава для новых частей атаман С.В. Павлов намеревался открыть при своем штабе офицерскую школу и школу танкистов. Он даже адресовал специальное послание атаману П.Н. Краснову, в котором просил разобраться со всеми внутренними раздорами. *«У нас у всех один путь — борьба с большевизмом,* — писал С.В. Павлов, — *с нами Великая Германия и — победа. Мы призываем Вас, наших старших соратников, и Вас, господин Генерал, помочь казачьей стихии через Германское Верховное Командование, без внутренних раздоров. Ведь нам, казакам, предстоит еще великий труд по восстановлению всего хозяйства на жертвенных руинах, своей Государственности, культуры и быта»*[2]. Однако реализовать все эти проекты и даже дождаться ответа П.Н. Краснова казакам не удалось. Новое наступление советских войск вынудило их в очередной раз бросить только-только обжитые места и уходить от своих родных мест все дальше на запад.

В конце лета — начале осени 1943 года никем не контролируемые отступающие казачьи беженские колонны вновь наводнили юг и юго-запад Украины. В на-

---

[1] См.: *Окороков А.В.* Казаки и русское освободительное движение. В сб.: Материалы по истории русского освободительного движения 1941—1945 / Под общей редакцией А.В. Окорокова. Вып. 1. М., 1997. С. 236—237.

[2] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 10 Л. 128.

чале сентября в Берлин, в Казачье управление Дона, Кубани и Терека при Министерстве по делам оккупированных Восточных территорий, поступила телеграмма, в которой сообщалось о движении по территории Украины внушительных масс казачьих беженцев с семьями, домашним скарбом и скотом, мешающих отступлению регулярных частей немецкой армии. Для урегулирования ситуации Начальник казачьего управления Дона, Кубани и Терека доктор Гимпель командировал на Украину своего заместителя Э. Радтке. И вскоре распоряжением немецких властей в Херсоне (вместо убывшего в Польшу на формирование 1-й казачьей кавалерийской дивизии «Штаба формирования Добровольческих Казачьих Войск Кубани и Терека» атаманов Белого и Духопельникова) был создан «Казачий комитет Кубани, Терека и Дона». Комитет состоял из шести выборных представителей, и его возглавлял назначенный германским командованием полковник Г.П. Тарасенко. «*В тылу Восточного фронта*, — говорится в немецком приказе о создании этого комитета, — *с разрешения Государственного Министра занятых Восточных областей, организован Казачий комитет по заботе о казаках и их семействах, отошедших вместе с германскими войсками из казачьих областей и из Ставрополья. Комитет образован 30 сентября и состоит из 6-ти членов... Задачи комитета: 1. Учет эвакуированных казаков, находящихся ныне на территории Украины. 2. Забота о казаках материальная и культурная. 3. Предоставление для всех боеспособных казаков службы в армии, в полиции, по охране железных дорог и заводов по мере требования властей. 4. Организованное включение всех трудоспособных казаков в рабочий процесс... 24 октября в городе Херсоне, в здании Большого театра, состоялось расширенное заседание этого комитета с участием представителей казачьих войсковых соединений, органи-*

заций, общественности и эвакуированного населения из казачьих областей»[1].

Распоряжением комитета были заново открыты все сборные казачьи пункты в городах Николаеве, Вознесенске, Херсоне и Гайсине. По данным, опубликованным в различной казачьей периодике времен Второй мировой войны, к 10 октября 1943 года на этих пунктах были зарегистрированы *«71 368 казаков, 4432 казачки и 1674 казачьих ребенка, 21 341 лошадь, 6346 повозок и другого имущества»*[2]. Причем 11 358 молодых казаков от общего числа были направлены для укомплектования 1-й казачьей дивизии, 9656 — в части особого назначения (конвойные сотни, полицейские батальоны и т. д.), 12 703 казака, 3536 казачек и 518 казачьих детей — во Францию на военно-строительные работы[3]. Однако такое число казаков-беженцев представляется сильно завышенным. Например, не внушает доверия количество казаков, якобы направленных на службу в *«казачьи части особого назначения»*. К этому времени практически все казачьи части, действовавшие на оккупированной территории Советского Союза, были переброшены на Запад, во Францию — на строительство Атлантического вала или в Польшу — на формирование 1-й казачьей дивизии фон Паннвица. Что же касается цифры в 11 тысяч казаков, как раз и направленных в дивизию фон Паннвица, то и здесь имеет место явный подлог. На 1 ноября 1943 года официальная численность этой, уже полностью укомплектованной, дивизии составляла 18 555 человек (из них 3827 немецких нижних чинов и 222 немецких офицера)[4]. Причем большая часть из оставшихся «чистых»

---

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 12. Л. 51; Казачий вестник. 1943. № 22 (53). 1 ноября. С. 1.

[2] *Ленивов А.К.* Под казачьим знаменем. Эпопея Казачьего Стана под водительством Походных атаманов Казачьих войск С.В. Павлова и Т.И. Доманова в 1943—1945 гг. С. 36.

[3] Там же. С. 36.

[4] *Хоффманн Й.* История власовской армии. Париж, 1990. С. 69.

14 тысяч казаков прибыла к месту формирования еще летом 1943 года. Таким образом, получается, что все те казаки, которые были направлены в дивизию поздней осенью 1943 года «Казачьим комитетом Кубани, Терека и Дона» (напомню, он был создан только 30 сентября), куда-то испарились. По всей вероятности, число казаков, собранных этим комитетом, было не таким уж большим, и направлялись они не только в 1-ю казачью кавалерийскую дивизию, но и в казачьи части, оборонявшие «Кубанское предмостное укрепление» на Тамани, и в непосредственное подчинение атамана С.В. Павлова, у которого к осени 1943 года, согласно немецким данным, собралось примерно 18 тысяч человек, включая женщин, стариков и детей, а согласно послевоенным показаниям ближайшего помощника атамана Тимофея Доманова — примерно 7 тысяч казаков с семьями[1].

27 ноября 1943 года на совещании с участием самого С.В. Павлова и нового начальника Штаба Походного атамана есаула Т.И. Доманова, а также представителей немецких оккупационных властей, было принято решение, согласно которому все остальные казачьи организации на оккупированной территории должны были быть распущены, а все казаки обязаны перейти в подчинение Казачьего Стана (именно так стало именоваться объединение казаков под руководством полковника С.В. Павлова). Таким образом, была достигнута окончательная централизация всего казачьего движения на оккупированной территории Украины.

Это решение вызвало бурю недовольства среди других казачьих лидеров. Например, полковник Белый, находившийся с небольшой группой казаков в районе Ровно, категорически отказался признать Павлова в качестве Походного атамана всех Казачьих войск. Так же

---

[1] *Ленивов А.К.* Под казачьим знаменем. Эпопея Казачьего Стана под водительством Походных атаманов Казачьих войск С.В. Павлова и Т.И. Доманова в 1943—1945 гг. С. 36; Родина. 1993. № 2. С. 74.

отреагировал на это предложение и Духопельников, который в это время пытался сформировать в районе польского Кракова пластунскую казачью бригаду. Видя, что казачье движение снова находится на грани развала, в декабре 1943 года на совещании в Николаеве представитель немецкого командования Э. Радтке, не вступая в излишние прения, заявил, что «германское командование не может допустить какого-либо разлада в казачьей среде, и поэтому приказывает распустить все штабы формирований, не подчиненных полковнику Павлову, а их личный состав распустить»[1].

В конце 1943 года основная масса казачьих беженцев (от 7 до 18 тысяч человек) под руководством Походного атамана С.В. Павлова сосредоточилась в районе города Проскурово (Хмельницкий). 10 января 1944 года Павлов подписал приказ о переходе Казачьего Стана в полном составе во Львов. Все находившиеся в других районах беженские колонны направлялись немецкими полевыми комендатурами для соединения с Казачьим Станом. В середине января, в соответствии с Декларацией германского правительства от 10 ноября 1943 года и по согласованию с германским военным командованием, казакам были выделены территории для расселения в районе с. Балино и города Каменец-Подольский (Каменец-Подольская область, недалеко от Днестра). 4 февраля 1944 года С.В. Павлову были предоставлены внушительные денежные кредиты на содержание казачьих строевых частей и беженских станиц Казачьего Стана. Помимо этого, на Украину доставили 20 тысяч комплектов германского военного обмундирования и специальную антисоветскую пропагандистскую литературу, которая должна была хоть как-то успокоить казаков и их семьи, измученные тяжелейшими переходами и полной неопределенно-

---

[1] *Ленивов А.К.* Под казачьим знаменем. Эпопея Казачьего Стана под водительством Походных атаманов Казачьих войск С.В. Павлова и Т.И. Доманова в 1943—1945 гг. С. 37.

тью, поднять моральный и боевой дух. «*Для Советов надвигается ужасная катастрофа,* — говорится в одном из таких пропагандистских материалов, — *1944 год будет небывалым голодным годом — вот общее и твердое убеждение всех тех, кто еще недавно был свидетелем тыловой производственной разрухи в СССР. Вторым массовым бедствием, надвинувшимся на страну, является холод. В связи с недостатком рабочих рук и разрухой транспорта, необходимое Советскому Союзу количество топлива не было заготовлено. Отсутствие топлива в свою очередь тяжело отражается на работе транспорта — получается заколдованный круг. От холода страдает и фронт и тыл... Во многих частях на фронте до сих пор не получены рукавицы и зимние шапки. Телогрейки и брюки получены только частично и притом, сплошь и рядом, негодные к употреблению*»[1]. В это же время казаки получили очередной приказ из Берлина, гласивший, что теперь они находятся в непосредственном подчинении у созданного в Берлине Главного Управления Казачьих Войск (ГУКВ) — своеобразного казачьего правительства под руководством генерала П.Н. Краснова.

Однако, несмотря на все заверения, организационные перестановки и обещания скорого краха ненавистного Советского Союза, пожить на «новой родине» казакам удалось лишь до 8 марта 1944 года. Стремительное наступление Красной армии, которая к этому времени уже вышла на рубеж Тарнополь — Проскуров, вынудило казаков начать новое отступление на запад. 8 марта казачий боевой авангард под командованием немца капитана Эккерта походным порядком выступил из Балино в направлении села Городенко. Вслед за ними двинулся и полковник С.В. Павлов с главными силами, прикрывая растянувшиеся по дорогам беженские колонны. Частям Походного атамана приходи-

[1] Казачий клич. 1944. № 4. С. 1; ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 12. Л. 97.

лось с боями пробиваться в западном направлении вместе с частями немецкой 17-й танковой дивизии, чтобы выйти навстречу немецким войскам, шедшим на выручку из района Львова.

Во время этого перехода особенно трудно пришлось группе казаков под командованием войскового старшины Тимофея Доманова, являвшегося, как уже было сказано, начальников Штаба Походного атамана. Поход этой группы продолжался более месяца. «*Советы с юга и севера*, — описывается этот переход в газете «Казак», печатном органе Штаба Походного атамана С.В. Павлова, — *пытаются отрезать нас, не дав выйти к Пруту. Наша пехота пошла вперед, за нею обозы. Путь прикрывала кавалерия. Мы подвергались яростному обстрелу из всех видов оружия. Продвигаясь с боем вперед, мы наткнулись на уходящий конный обоз большевиков с пехотой, в хвосте которого отстала пушка. Казак Емельянцев вместе с другими казаками захватил пушку, повернул ее в сторону уходящих обозов и пехоты и открыл по ним беглый огонь... Прорвав окружение, мы вышли к Пруту*»[1]. За время отступления казаки несколько раз попадали в окружение, в тяжелейших погодных условиях и под обстрелом советских войск переправлялись через Днестр и Прут, были в Бессарабии и Прикарпатье, но в конце концов смогли соединиться с основными силами Казачьего Стана, хотя и с большими потерями.

Местом нового сосредоточения Казачьего Стана был избран район польских городов Перемышль и Сандомир, откуда казаков в дальнейшем планировалось перебросить в Белоруссию, где командование вермахта предоставило для их размещения 180 тысяч гектаров земли в районе городов и населенных пунктов Барановичи — Слоним — Новогрудок — Ельня — Столицы. После непродолжительного отдыха во Львове 1 апреля

---

[1] Казак. 1944. № 2. 30 мая.

1944 года колонны Казачьего Стана прибыли в город Фельштин, где полковник С.В. Павлов решил сделать остановку и отпраздновать Пасху. Вскоре туда же подошла и группа казаков Тимофея Доманова. В Фельштине был проведен первый смотр казачьих строевых частей, после чего 19 апреля поход был продолжен. Движение беженских колонн осуществлялось по пересеченной местности, с многочисленными переправами через реки Сан и Висла. Наконец 28 апреля 1944 года казаки сосредоточились в районе города Сандомира. Отсюда по железной дороге и пешим порядком их начали перебрасывать в Белоруссию. «*Тяжел был путь по Белоруссии*, — описывает казак А.К. Ленивов, — *бесконечные леса, суровые, непроходимые чащи. Дорога через лес жуткая. Почти темно, как в тоннеле, благодаря высоким, нависающим над дорогой деревьям. Нескончаемой колонной идут беженские подводы. Медленно ползет обоз почти по сыпучему песку. Продвинется одна подвода, с трудом прорезав колеи, а следом идущая повозка уже не может попасть в тот же след. По лесам всюду разбросаны мины. Проехав некоторое расстояние, наткнулись на страшное зрелище. У дороги лежат лошади с вырванными внутренностями, убитых людей поразбросало взрывом кругом*»[1].

О том, что за территории были предоставлены казакам для налаживания новой жизни, вспоминает В.С. Дудников, прошедший весь путь Казачьего Стана: «*Новым местом для формирования корпуса был избран район Новогрудок, что в Западной Белоруссии. Район, буквально кишащий партизанами самых разных мастей: от советских до польских, от крупных партизанских соединений до никому не подчиняющихся банд... Партизаны то и дело нападали на эшелоны, взрывали железнодорожную колею. Казаки отбива-*

[1] *Ленивов А.К.* Под казачьим знаменем. Эпопея Казачьего Стана под водительством Походных атаманов Казачьих войск С.В. Павлова и Т.И. Доманова в 1943—1945 гг. С. 47.

лись, нанося противнику тяжелые потери, но и сами несли их»[1].

Нетрудно догадаться, что именно для борьбы с партизанскими «бандами», с которыми они не могли справиться сами, немцы и предоставили «союзникам» эти новые «казачьи края». Сразу же по прибытии последних отрядов Казачьего Стана в район расселения руководителем «СС» в Белоруссии группенфюрером фон Готтбергом был издан специальный приказ, согласно которому казаки должны были *«обеспечить дороги Городище — Новогрудок — Березовка так, чтобы в любое время по ним можно было ездить без сопровождения и не опасаясь мин»*[2]. Для того чтобы задобрить казаков, немцы создали для них очередную иллюзию самостоятельности и разрешили находиться исключительно под собственным казачьим командованием и воевать, соблюдая свои прежние традиции. Вооружение, обмундирование и снаряжение казаков, а также питание и обеспечение осуществлялось по тем же правилам, что и для германской полиции.

Расселенные на новом месте казаки были сгруппированы по принадлежности к разным Казачьим Войскам, а внутри них — по округам и отделам: внешне воспроизводилась структура казачьих поселений на Дону, Кубани и Тереке. В новых поселениях была предпринята широкая реорганизация казачьих строевых частей и создана стройная система военного управления. Всего было сформировано 11 казачьих пеших (пластунских) полков по 1200 штыков в каждом:

1-й Донской полк, командир полковник В.А. Лобысевич;

2-й Донской полк, войсковой старшина Русаков;

3-й Донской полк, войсковой старшина Журавлев;

---

[1] *Дудников В.С.* Воспоминания старого казака о пережитом и размышления о настоящем. С. 331.

[2] На казачьем посту. 1945. № 43. С. 2.

4-й Сводно-казачий полк, войсковой старшина Овсянников;

5-й Кубанский полк, войсковой старшина Бондаренко;

6-й Кубанский полк, полковник П. Новиков;

7-й Терский полк, майор Г.П. Назыков;

8-й Донской полк, полковник М.И. Маловик;

9-й Кубанский полк, полковник Скоморохов;

10-й Терско-Ставропольский полк, полковник Маслов;

11-й Сводно-казачий полк, полковник Маркевич.

Казаки были вооружены оружием, предоставленным немецкой армией со своих трофейных складов. Также казакам было передано 20 тысяч комплектов немецкого армейского обмундирования. Впоследствии было начато формирование 1-го казачьего конного полка, а из пеших полков организованы соединения — казачьи бригады, командирами которых являлись полковники Васильев, Силкин (донцы), Тарасенко (кубанцы) и Вертепов (терцы)[1]. Личный состав каждого полка проходил обязательную военную и полевую подготовку и только после этого направлялся на боевую службу. Благодаря строгой организационной структуре казакам вскоре удалось добиться значительных успехов в борьбе с партизанами. Так, в частности, немецкий комиссар города Новогрудок сообщал, что «с помощью собранных в Новогрудке казачьих частей в короткий срок удалось освободить от партизан и удержать главные пути сообщения»[2].

Едва только казакам удалось наладить хоть какое-то подобие нормальной жизни, их постигло новое несчастье. 17 июня 1944 года во время одной из антипартизанских акций был убит непререкаемый лидер Казачьего Стана, его идейный и духовный вдохнови-

[1] Кубанец. 1993. № 2. С. 48.

[2] На казачьем посту. 1945. № 43. С. 2.

тель — Походный атаман Казачьих войск полковник С.В. Павлов. По поводу его смерти существует несколько версий. Упоминавшийся уже подъесаул казак В.С. Дудников в своих воспоминаниях пишет, что Походный атаман был убит случайно в одной из незначительных операций: «*...прилетела единственная (как бы не своя) шальная пуля, и храброго Походного атамана полковника Павлова не стало*»[1]. Бывший офицер штаба Походного атамана Петр Донсков в одном из писем Н. Бетеллу — английскому писателю, занимавшемуся казачьей тематикой, в «подготовке убийства Павлова с целью завоевать доверие немцев и стать Атаманом» обвиняет самого генерала П.Н. Краснова, правда, никак не подтверждая документально свое обвинение. Германский отдел Безопасности (СД), проверяя все обстоятельства гибели Павлова, пришел к выводу, что он, по неизвестной причине, был убит своим личным адъютантом, сотником Богачевым[2]. В пользу версии о том, что Павлов был застрелен своими же в результате некоего заговора, говорит и тот факт, что, по утверждению доверенного лица П.Н. Краснова в Казачьем Стане М.М. Ротова, на атамана было осуществлено несколько покушений. «*Во Львове*, — описывает Ротов в своих воспоминаниях, — *произошло второе покушение на жизнь Павлова, спасшегося чудом. Павлов, как обычно, отправился в казачий пункт на одной из отдаленных улиц города. Когда Павлов стал вылезать из машины, вдруг, неожиданно из нижнего этажа противоположного дома его обстреляли почти в упор. Телохранитель не растерялся и, рискуя жизнью, бросился туда, стреляя из автомата в окно, откуда раздавались выстрелы.*

---

[1] *Дудников В.С.* Воспоминания старого казака о пережитом и размышления о настоящем. С. 332.

[2] См.: *Окороков А.В.* Казаки и русское освободительное движение. С. 236—237; *Ленивов А.К.* Под казачьим знаменем. Эпопея Казачьего Стана под водительством Походных атаманов Казачьих войск С.В. Павлова и Т.И. Доманова в 1943—1945 гг. С. 49.

Покушавшийся выскочил на улицу и, отстреливаясь, стал убегать. Казак нагнал его и застрелил»[1]. Однако, по мнению самого Ротова, эти покушения были не чем иным, как тщательно подготовленными акциями устрашения, проводимыми советскими партизанами.

Согласно версии Кубанского атамана, одного из лидеров казачьей эмиграции В.Г. Науменко, смерть полковника С.В. Павлова была случайной. По его мнению, во время одной из карательных операций казаки случайно напали на деревню, где находилась застава белорусских полицейских, и *«учитывая все данные, полученные при производстве расследования и при опросе непосредственных свидетелей трагедии, не остается никакого сомнения в том, что Походный атаман С.В. Павлов был убит пулей с белорусской заставы»*[2].

В эмигрантской среде ходили и другие версии, которые представляют все в несколько ином, менее героическом для казаков свете: *«С немцами окружали,* — высказывает свою версию руководитель Общеказачьего объединения в Германской империи атаман Е.И. Балабин, — *деревню, которую грабили партизаны. Казаки были пьяны. Услали куда-то ракетчика. Когда подошли к деревне, не смогли ответить на ракету немцев, которые, думая, что казаков еще нет, открыли огонь по деревне. Их пулями убит Павлов и еще восемь казаков. Ответными выстрелами убито четыре немца и столько же ранено»*[3]. Еще более уничижительную версию гибели С.В. Павлова дает видный деятель казачьей эмиграции С.В. Маракуев: *«Павлов был с двумя сотнями казаков в селе близ Барановичей. Немецкий офицер Мюллер уведомил его, что неподалеку оттуда собирается банда партизан, и предложил ночью окружить их, забрать или уничтожить. Павлов с казаками должен был обойти с юга, Мюллер с севера. О сво-*

[1] *Науменко В.Г.* Великое предательство. С. 27.

[2] Там же. С. 39.

[3] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 14. Л. 260.

ем приходе в исходный пункт для нападения Мюллер должен был дать знать красной ракетой, Павлов — белой. Павлов был пьян, казаки тоже, ракетчик куда-то послан. Мюллер дал ракету, но Павлов не мог ответить. Мюллер дал вторую ракету. Партизаны, видя это, разбежались, а немцы открыли ружейный и пулеметный огонь, но не по исчезнувшим партизанам, а по казакам, а казаки по немцам. С обеих сторон оказалось человек по 20 убитых и раненых. Одною из первых пулеметных очередей убит Павлов и его адъютант. Подвиг, вполне заслуживающий награждения чином генерала (здесь Маракуев иронизирует над тем, что С.В. Павлов посмертно был произведен в генерал-майоры. — ***П.К.***)»[1]. Такое обилие версий только запутывает дело и, по всей видимости, мы так никогда и не узнаем, что же произошло 17 июня 1944 года недалеко от небольшой безымянной белорусской деревушки.

Как бы то ни было, но место Походного атамана недолго оставалось вакантным, и вскоре генерал-майор Науменко, находившийся в это время с инспекционной поездкой в Казачьем Стане, назначил исполняющим обязанности Походного атамана войскового старшину Т.И. Доманова. Вскоре последовали приказ за подписью П.Н. Краснова о производстве Доманова в чин полковника и утверждение его на этом посту.

Тем временем военные события на Восточном фронте вновь заставили казаков сниматься с насиженных мест и отступать все дальше и дальше на запад. 23 июня 1944 года советские войска начали одну из крупнейших наступательных операций Второй мировой войны — операцию под кодовым названием «Багратион», главной целью которой были разгром немецкой группы армий «Центр», освобождение Белоруссии от немецких захватчиков и выход к западным границам Советского Союза. Уже 2 июля казачьи полки со-

[1] ГАРФ. Ф. 6532. ОП. 1. Д. 89 (об). Л. 20.

вместно с немецкими дивизиями вступили в бой с наступающими частями Красной армии, а в начале второй декады июля в расположение Казачьего Стана прибыл С.Н. Краснов (племянник атамана П.Н. Краснова), который привез приказ о немедленной эвакуации и перемещении Казачьего Стана на территорию Польши. Но было уже поздно, казачьи поселения в Белоруссии были со всех сторон окружены партизанами. И тогда было принято решение прорываться в Польшу тремя группами, а местом сбора были определены польские города Здунская Воля, Ширас и Серадзь (Центральная Польша). Первая группа должна была пробиваться в направлении Гродно и населенного пункта Августово на севере Польши, вторая через Беловежскую пущу к границе Польши, а третья — от города Барановичи строго на запад. Судьба всех трех групп сложилась поразному.

Прорвав с боями кольцо партизанского окружения, полки авангарда Казачьего Стана, входившие в первую группу казачьих беженцев, вышли на открытые просторы к Гродно. Дальнейший их путь пролегал к городу Августову на севере Польши, а уже оттуда они направлялись на место сбора всех казаков. «*Страшный, незабываемый путь*! — вспоминает казак, скрывающийся под инициалами Т.С. — *Мы колесили по Польше, проходя губернии Белостокскую, Гродненскую, Ломженскую, Калишскую, Люблинскую. Помню города Лодзь, Кельцы, Остров, Петроков, много сел и местечек, захватили кусок Восточной Германии, вышли снова в Польшу и около 3-х месяцев простояли в лесах около Здунской Воли*»[1].

Однако остальным казачьим группам повезло еще меньше. О том, как казаки 2-й группы прорывались через Беловежскую Пущу, наводненную партизанскими

---

[1] *Т.С.* Оставление Кубани и уход на запад // В кн.: Сборник материалов о выдаче казаков в Лиеце и других местах в 1945 году. Вып. 18. Нью-Йорк, 1959. С. 35.

отрядами, и добирались до сборного пункта Казачьего Стана, вспоминает неоднократно упоминавшийся уже казак В.С. Дудников: «*Двигаться было очень трудно. Подножного корма для лошадей не было. Пуща настолько густа, что под деревьями не растет трава. Падали обессилившие, голодные кони. Колеса повозок глубоко тонули в рыхлом песке. Бронедивизион и грузовой автотранспорт скоро израсходовал горючее, и все машины пришлось уничтожить. А над головой и вокруг тонко пели пули, выпущенные издалека, но, увы, ранившие и убивавшие. Походный Стан с боями вышел из Пущи на нормальные дороги Восточной Польши. Жара сменилась бесконечным проливным дождем. Измученные люди и кони еле брели в сплошных потоках дождя. Шли, падали, подымались и снова шли. Казалось, не будет конца этому мучительному маршруту. Но вот выглянуло солнце. Появился обильный корм для лошадей. Еще пять суточных переходов, и 6-й Сводный казачий полк под командованием полковника Журавлева первым вступил на территорию старого польского артполигона Думска Воля* (Здунская Воля. — ***П.К.***)»[1].

Третья казачья группа должна была прорываться из района города Барановичи. Но из-за того, что атаман В.Г. Науменко, находившийся в это время в инспекционной поездке по Казачьему Стану, долго не санкционировал полученного приказа об отступлении, она практически полностью была уничтожена или пленена наступающими советскими войсками. «*В Барановичах*, — излагает свою версию событий в Белоруссии казак-эмигрант С.В. Маракуев, — *произошло следующее. 18 тысяч казачьих семейств, всего 60 тысяч человек, были выведены в м. Лесное при советском наступлении. За два дня до катастрофы было ясно, что местечко не будет удержано, и казаки попросили ген.*

---

[1] *Дудников В.С.* Воспоминания старого казака о пережитом и размышления о настоящем. С. 333—334.

Науменко начать эвакуацию. Но Атаман запретил, сказав, чтобы никто не трогался с места без приказа начальства. Через два дня, когда цепи красноармейцев были в виду Лесного, толпа обступила автомобиль Науменко, требуя, чтобы их эвакуировали. Последовало новое запрещение. Но когда начали отходить немецкие части, полковник Кравченко, кубанец, сидевший в атаманском автомобиле, крикнул: «Спасайтесь, кто как может». Началась паника, все бросились бежать, смешались с воинскими частями. Большевики с аэропланов высадили впереди отступающих парашютистов и забрали всех. Спаслось очень немного»[1].

При прорыве с территории Белоруссии казаки использовали весьма любопытную тактику построения походной колонны. Впереди шли авангардные пластунские (пешие) полки. Затем двигались походные станицы, растянувшиеся на многие километры. По обе стороны дороги их охраняли разъезды конных полков. В арьергарде, последними, шли два пластунских полка, охраняющие колонну от нападения с тыла. Главной ударной силой при таком построении были пластунские полки. Пешими они были только номинально, а на самом деле представляли собой мобильные и боеспособные отряды отлично подготовленных и вооруженных «передвижных бричек». Любопытно, что своими боевыми походными порядками и построениями они чем-то напоминали знаменитое оборонительно-походное построение средневековых чешских крестьян-таборитов (*более подробно см. Приложение 3.6*).

В конечном итоге большая часть изрядно поредевших колонн казачьих беженцев собралась в Центральной Польше. Точный подсчет всех казаков провести было очень сложно, так как новые колонны подходили ежедневно. По мнению участника тех событий М.М. Ротова, «*донцов было около трех тысяч, кубанцев*

---

[1] ГАРФ. Ф. 6532. ОП. 1. Д. 89 (об). Л. 20.

около полутора тысяч, терцев восемьсот, иногородних более трехсот, это не считая штаба Походного атамана с его конвоем, автоколонны, хозяйственной части и полков»[1]. Таким образом, можно предположить, что в Польше собралось примерно 15—17 тысяч казаков и членов их семей.

По прибытии Казачьего Стана в Здунскую Волю, Ширас, Серадзь местный командующий германскими войсками генерал-лейтенант Герценкомпф передал в штаб Походного атамана сообщение о награждении полковника Тимофея Доманова германским Крестом за Военные Заслуги 1-го класса, командира 7-го Терского казачьего полка майора Назыкова орденом Железного Креста 1-го класса и 286 офицеров, урядников и казаков Знаком отличия для Восточных народов. Эти награды были пожалованы за отличия в боях с наступающими советскими войсками в период со 2 по 13 июля в Белоруссии, где казаки спасли около 3 тысяч раненых немецких солдат и до 7 тысяч офицеров. Этим же приказом войсковые старшины Бондаренко и Скоморохов были произведены в чин полковника.

Однако впереди казаков ждали новые испытания. 2 августа 1944 года в Варшаве вспыхнуло восстание, инспирированное польским правительством в изгнании. Наряду с другими подразделениями восточных войск (русскими, туркестанскими, азербайджанскими) для подавления восстания были привлечены и казачьи части. В боях с повстанцами самое активное участие приняли сформированные еще в 1943 г. в Варшаве казачий полицейский батальон СС (более 1000 чел.) и конвойно-охранная сотня СД (250 чел.), а также казачий батальон 57-го охранного полка и, по некоторым данным, 572-й и 631-й казачьи батальоны[2]. Сюда же был переброшен 5-й Кубанский полк Казачьего Стана

[1] *Науменко В.Г.* Великое предательство. СПб, 2003. С. 30.

[2] Казачья лава. 1944. № 30.

(в некоторых источниках он называется 3-м Кубанским) под командованием полковника Бондаренко[1]. Несмотря на неподготовленность казаков к уличным боям в большом городе, они точно выполнили все поставленные перед ними задачи и заслужили похвалу германского командования. Одному казачьему подразделению во главе с хорунжим И. Аникиным было поручено даже такое ответственное задание, как захват штаба руководителя повстанческого движения генерала Т. Бур-Комаровского. По итогам операции в Варшаве германское командование наградило многих казаков, принявших участие в этих боях, немецкими боевыми наградами, а генерал П.Н. Краснов издал даже специальный благодарственный приказ, посвященный 3-му (или 5-му) казачьему полку: «*3-й казачий пеший полк с неутомимым усердием, мужеством и доблестью сражался в течение семи недель в кровавых и утомительных уличных боях с повстанцами... Пятая часть полка кровью запечатлела служение делу освобождения Европы от большевизма*»[2].

Сложившаяся на Восточном фронте обстановка между тем потребовала очередной немедленной эвакуации Казачьего Стана из Польши. В начале августа начальник Главного управления Дона, Кубани и Терека д-р Гимпель и войсковой старшина Д.А. Стаханов побывали в Северной Италии и пришли к выводу, что наиболее подходящим местом для временного размещения казаков является территория вокруг северо-итальянских альпийских городков Толмеццо и Удино. С 29 августа по 30 сентября 1944 года почти каждый день отправлялись железнодорожные эшелоны с казаками из Польши в Северную Италию по маршрутам: Здунская Воля — Катовице — Моравская Острава —

---

[1] На казачьем посту. 1944. № 36. С. 2; Казачья лава. 1944. № 24. 21 сентября. С. 3.

[2] Казачья лава. 1944. № 25. 7 декабря. С. 2.

Брно — Братислава — Вена — Леобен — Виллах — Джемона; Здунская Воля — Калиш — Бреславль — Градец Кралове — Прага — Вена — Леобен — Виллах — Джемона. «*В обед*, — описывает прибытие в Италию В.С. Дудников, — *мы прибыли в пункт назначения... Казаки выводили коней, разгружали оружие на платформу. Было воскресенье, и на привокзальной площади шумел открытый рынок. Русых и голубоглазых казаков с любопытством разглядывали чернявые, кареглазые и красивые итальянки. Добродушные улыбки с обеих сторон, смех молодежи, яркая зелень и солнце навевали мирное настроение. Казалось, мы попали в страну вечного мира и благополучия. И как мы ошибались!*»[1]

И действительно, казаки вместо мирной жизни на спокойных «казачьих землях» вновь попали в самый настоящий, но на этот раз итальянский «партизанский рай». Еще не успев толком обустроиться, они уже были вынуждены идти в бой, защищать свои только-только образованные станицы. «*Казаки в Северной Италии*, — пишет полковник Дронов атаману Е.И. Балабину в своем отчете, — *у Доманова живут в ужасных условиях, все во вшах, не раздеваются, негде помыться, большинство спит на полу, некоторые до сих пор живут в кибитках на повозках, не одеты и не вооружены... Невооруженному человеку там грозит всегда смерть. Каждый день убивают 4—5 человек. Не щадят ни женщин, ни детей. Все стараются оттуда убежать*»[2].

Из Джемоны казаков пешим порядком направляли в район города Толмеццо, где они должны были разместиться в окрестных деревнях, которые были предварительно очищены от местного населения. По данным походного штаба Походного атамана Доманова, к

---

[1] *Дудников В.С.* Воспоминания старого казака о пережитом и размышления о настоящем. С. 336.

[2] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 14. Л. 401.

концу сентября в Северную Италию прибыли 15 590 казаков, казачек и казачат, а чуть позднее — еще 5492 казака (по другим данным, 19 тысяч казаков, 6 тысяч пожилых казаков и 7 тысяч членов их семей[1]). Но казаки продолжали прибывать, и уже спустя 7 месяцев, согласно «Строевому рапорту по казачьим частям Походного атамана генерал-майора Доманова (незадолго до конца войны ему было присвоено звание генерал-майора. — *П.К.*) по состоянию на 27 апреля 1945 года», численность Казачьего Стана превышала 31 тысячу человек[2]. Однако и эту цифру также нельзя назвать на 100% достоверной, так как, например, Кубанский Войсковой атаман В.Г. Науменко, часто бывавший в Италии, утверждает, что численный состав Казачьего Стана к 6 января 1945 года составлял: боевой состав — 9411 человек, нестроевых — 3733 человека, женщин — 2848 человек, детей — 1712 человек; всего — 17 713 человек[3].

Все казаки в возрасте от 18 до 45 лет, способные носить оружие, были сведены в строевые полки (полки составляли три бригады) и приступили к несению военной службы, а казаки в возрасте от 45 до 70 лет состояли в специальном охранном батальоне. Для подготовки офицеров было открыто Казачье юнкерское училище. «*Наступила лихорадочная жизнь*, — вспоминает эпопею с открытием казак Т. Данилевич, — *организация военного училища. Дело приняло реальные формы, начались вступительные экзамены, а пришедшая из Резерва учебная команда стала ядром вновь открывающегося училища. Постепенно наплывала*

---

[1] *Newland S.* Cossacks in the German army 1941—1945. P. 134.

[2] *Ленивов А.К.* Под казачьим знаменем. Эпопея Казачьего Стана под водительством Походных атаманов Казачьих войск С.В. Павлова и Т.И. Доманова в 1943—1945 гг. С. 49; *Науменко В.Г.* Сборник материалов о выдаче казаков в Лиеце и других местах в 1945 году. Вып. 10. Нью-Йорк, 1959. С. 29.

[3] *Науменко В.Г.* Великое предательство. С. 330.

молодежь из полков и станиц, прибывала из других казачьих подразделений... Шились первые модельные юнкерские погоны, мерились и раздавались бескозырки... Вскоре был сформирован командный и преподавательский состав училища, оборудовано помещение для занятий и общежитие юнкеров. Налажено снабжение и неподалеку от школы устроена кухня со столовой для юнкеров. Рядом с училищем, в особняке богатых итальянцев, сняли комнату для начальника училища, а в нижнем этаже открыли офицерское собрание. Перед открытием привезли новое обмундирование, но юнкера надели его, отпоров все немецкие знаки отличия — надели с юнкерскими русскими погонами. Рукав каждого мундира украсила нашивка «Дон», «Кубань», «Терек» — в зависимости от принадлежности к Войску»[1]. Торжественное открытие училища почтили своим вниманием многие известные казачьи атаманы и даже генерал П.Н. Краснов, в феврале 1945 года также перебравшийся в Толмеццо, подальше от ежедневных берлинских воздушных тревог. «*Ни сквернословия*, — выступил он перед юнкерами с напутственным словом, — *ни панибратства... ни неряшливости в одежде... ни распущенности... ни пьянства в вашей среде быть не может и быть не должно. Сами следите друг за другом и останавливайте ослабевших товарищей. Не терпите в своей среде доносчиков, ябедников, сутяг, клеветников, пролаз, подлиз, подхалимов, но поднимитесь на подлинную высоту офицерской чести! Не чваньтесь своим званием и чином, но несите его со скромным достоинством... Верность офицерскому слову, никакой лжи, никакого лукавства! Офицерское казачье слово крепче всего. Верность Германии и немецкому народу, принявшим нас и давшим нам возможность возрождения*»[2].

---

[1] Родимый край. 1963. № 49. Ноябрь—декабрь. С. 21—22.

[2] Казачья Земля. 1944. № 17, 8 декабря. С. 1.

Как уже было сказано, самую большую опасность для новых альпийских жителей представляли итальянские партизаны, которые, помимо постоянных вооруженных акций, вели еще и усиленную пропаганду, предлагая казакам переходить на их сторону[1]. И хотя прекрасно вооруженным и закаленным в боях и походах казачьим полкам удалось в течение 17 дней очистить от партизанских отрядов район своего проживания, ликвидировать угрозу полностью они были не в состоянии. Это было связано также и с тем, что очень многие местные жители были настроены по отношению к казакам крайне негативно, по понятным причинам считая их не исстрадавшимися беженцами, а самыми обыкновенными захватчиками. Вот лишь одно описание антиказачьей акции итальянских партизан: «*В средних числах октября партизаны предприняли крупное наступление на Алессо — центр донских станиц. Последним приказом Походного атамана в станицах забрали для пополнения полков всех способных двигаться. Не тронули хор трубачей и певчих. Станицы остались почти без охраны, там оставались только полиция и команды стариков от 65 лет и старше для внутренней охраны. Это стало известно партизанам. Ночью они напали на станицы с трех сторон. Случайно, по шуму падающих камней, их нападение было обнаружено сторожевым охранением полиции. Секрет открыл огонь. Окружной атаман по тревоге собрал трубачей, певчих и стариков охраны, указал им линию обороны, и завязалась перестрелка*»[2].

Однако и в Итальянских Альпах казакам не удалось задержаться надолго. 28 апреля 1945 года в штаб Доманова прибыли три итальянских офицера, командиро-

---

[1] По некоторым данным, из казаков-перебежчиков итальянские партизаны сформировали батальон «Сталин», который вошел в состав бригады «Гвидо Пичелли», в затем в 9-й Словенский корпус.

[2] *Науменко В.Г.* Великое предательство. С. 33.

ванные Центральным партизанским штабом Карнико-Фриулия. Они предъявили ультиматум, согласно которому казаки должны были оставить пределы Италии, сдав предварительно все оружие итальянским партизанам. Для обсуждения ультиматума был созван Казачий Военный Совет под председательством П.Н. Краснова, составленный из самых старших и уважаемых казачьих начальников. Было принято постановление: «1) *Отвергнуть ультиматум, как предложение, не соответствующее Казачьей Чести и Славе. 2) Отказать итальянцам в сдаче оружия, даже на условиях гарантированного пропуска в Австрию. 3) Прорвать с боем, если таковой будет необходим, кольцо партизанского окружения, согласуя это решение с действиями германского военного командования в Италии и, перейдя Карнийские Альпы, выйти в Австрийский Восточный Тироль*»[1].

Естественно, что, получив такой ответ, уже на следующий день итальянские партизаны при поддержке местных жителей начали массированные атаки на казаков. 30 апреля казачьим Военным Советом было решено начать эвакуацию Казачьего Стана из Северной Италии. В ночь с 30 апреля на 1 мая все горные высоты около села Каваццо-Карнико, где находился центр Кубанского Отдела казачьих беженских станиц, были заняты партизанскими пулеметными расчетами. 2 мая Т.И. Доманов передал партизанам решение Военного Совета о том, что в ночь со 2 на 3 мая Казачий Стан начинает полный отход из Северной Италии в Австрию.

Отступление началось в ночь со 2 на 3 мая и проходило в очень сложных условиях: непрерывный дождь, сменяющийся сильнейшим снегопадом, гололедица, высокие альпийские перевалы, узкие дороги, обвалы и сход лавин. Во время того перехода казаки узнали от

---

[1] Цит. по: *Цурганов Ю.С.* Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001. С. 203.

местных немецких комендатур о капитуляции Германии. Первоначально казачьи колонны двигались в нейтральную Швейцарию, но эта страна категорически отказалась принять Казачий Стан.

К вечеру 7 мая, преодолев высокогорный альпийский перевал Плоукен-Пасс (1360 метров), последние казачьи отряды пересекли итало-австрийскую границу и расположились в своем, на этот раз — уже последнем, пристанище в долине реки Драва, между городами Лиенц и Обердраубург. 9 мая 1945 года Т.И. Доманов капитулировал перед командиром 36-й английской пехотной бригады генералом Дж. Мессоном. Дальний путь Казачьего Стана подошел к своему логическому концу.

Глава 6

1-я КАЗАЧЬЯ КАВАЛЕРИЙСКАЯ ДИВИЗИЯ ГЕНЕРАЛА ГЕЛЬМУТА ФОН ПАННВИЦА

Во время Великой Отечественной войны практически все восточные формирования в рядах германской армии на Восточном фронте постоянно находились под сильнейшим воздействием советских пропагандистов, оказывавших огромное психологическое влияние на их личный состав. С весны 1943 года эта пропаганда усилилась и, по оценкам некоторых исследователей, имела очень неплохие результаты. Так, по сведениям С.З. Острякова, за 1943 год только по самым скромным подсчетам на сторону партизан с оружием в руках перешли около 14 тысяч солдат всех восточных формирований[1]. И хотя количество перебежчи-

[1] *Остряков С.З.* Военные чекисты. М., 1979. С. 222.

ков не было таким уж большим, подобная тенденция внушала немцам очень серьезные опасения по поводу надежности остальных частей в условиях продолжающихся военных неудач и отступления на Востоке. Особенно опасной она была непосредственно для фронта. Так, 13 сентября 1943 года из-за плохой моральной и боевой подготовки частей РОА и национальных формирований сорвалась попытка немецких войск воспрепятствовать выходу советских войск к Днепру в районе Оболони, а действовавший на этом участке фронта туркестанский батальон перебил всех немецких офицеров и с оружием в руках перешел на сторону Красной армии. Все это повлияло на позицию германского командования относительно дальнейшего использования восточных формирований. *«Лучше вообще не иметь охранных частей в тыловых районах, чем иметь ненадежные элементы, которые в критический момент с оружием в руках уходят к партизанам»*[1], — выразил общую точку зрения относительно будущего боевых частей из коллаборационистов начальник генерального штаба ОКХ генерал-полковник Цейтцлер.

В сентябре 1943 года на совещании в ставке Гитлера — в знаменитом «Волчьем логове»[2] обо всех этих проблемах было доложено фюреру. Услышав из доклада шефа СС Гиммлера, что восточные части переходят на сторону партизан и сдают целые участки фронта, он пришел в ярость. *«Кейтель,* — обратился Гитлер к начальнику Штаба Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ), — *объясните своему генштабу, что надо проучить их раз и навсегда. Все русские части распустить немедленно. В качестве первого шага распустить восемьдесят тысяч. Всех разоружить и отправить этот сброд на шахты во Францию. Пусть*

[1] *Cooper M.* Nazi war against soviet partisans. New York, 1979. P. 120.

[2] «Волчье логово» — Ставка А. Гитлера в Восточной Пруссии.

уголек копают. Мне русские предатели не нужны»[1]. Однако некоторые представители командования, включая генерала Восточных войск Гельмиха, сумели убедить Гитлера отказаться от подобных резких мер. По их мнению, в случае разоружения в восточных формированиях могли произойти бунты, попытки массового ухода к партизанам или переходы на сторону Красной армии. Существовали также вполне реальные опасения, что репрессивные меры против добровольцев могут резко осложнить обстановку в лагерях для военнопленных, а также среди многочисленных восточных рабочих. К тому же ранее проведенные разоружение и переброска в тыл некоторых наиболее неблагонадежных частей выявили и еще несколько очень серьезных проблем: отвод всех восточных формирований мог встретить скрытое сопротивление полевых командиров, которым просто некем было восполнять день ото дня растущие потери, плюс ко всему перед немцами остро встал вопрос размещения всех выведенных в тыл и разоруженных частей. Не хватало казарм и полигонов, местные органы отказывались выдавать «немецким союзникам» продовольствие и одежду.

В конечном итоге вместо скоропалительного и «взрывоопасного», учитывая количество «добровольцев», решения о разоружении восточных частей генерал Гельмих предложил перебросить большую часть подобных формирований на второстепенные театры военных действий (западное побережье Франции, Северная Италия, Югославия, Дания и Норвегия), что дало бы возможность использовать на советско-германском фронте освободившиеся немецкие войска. Что касается разоружения, то здесь он предложил отобрать оружие у личного состава только тех отдельных

---

[1] Цит. по: *Квицинский Ю.А.* Генерал Власов: путь предательства. М., 1999. С. 170; *Newland S.* Cossacks in the German army 1941—1945. P. 60—61.

частей, которые действительно дали серьезный повод сомневаться в их надежности. Окончательное решение о замене немецких батальонов на Западе восточными частями было принято 25 сентября 1943 года, а 10 октября вышел официальный приказ о переброске восточных частей во Францию, Италию и на Балканы. Ситуацию, сложившуюся к 1943 году вокруг всех восточных формирований, отлично характеризуют слова начальника штаба оперативного руководства ОКВ генерал-полковника А. Йодля, сказанные 7 ноября 1943 года на выступлении перед функционерами НСДАП: «*К использованию иностранцев в качестве солдат нужно относиться с величайшей осторожностью... Эксперименты были хороши, пока мы побеждали. Они стали плохи, когда ситуация изменилась и мы вынуждены отступать*»[1].

В течение всего 1943 года немцы вывели большинство (почти 70—80%) восточных формирований в Западную Европу, Италию и на Балканы, направив освободившиеся немецкие войска на советско-германский фронт. В одной только Франции было собрано более 72 батальонов, которые буквально распихивали по всем немецким частям. Не хватало казарм, оружия и продовольствия. Командиры немецких полков, ранее в глаза не видевшие так называемых советских добровольцев, отказывались принимать их в расположении своих частей. «*Предатель, он и есть предатель,* — было единодушное мнение, — *без них обойдемся*».

Но над всем западным побережьем Франции нависла угроза высадки союзников. Немецких войск, чтобы полностью закрыть побережье, было недостаточно и волей-неволей немецкие генералы соглашались брать добровольческие формирования, выдвигая их, как правило, на первую линию — в районах, где угроза была максимальной. Ни о каком отводе на отдых или о пере-

---

[1] *Newland S.* Cossacks in the German army 1941—1945. P. 120.

формировании, обещанных до переброски, не было и речи. Существовавшие полки дробили на батальоны, передавая их в подчинение немецким полковым командирам. В тылу добровольческих войск спешно сооружались отсечные позиции на случай, если «союзники» попытаются открыть фронт. Снабжение продовольствием практически полностью отсутствовало. Только что назначенный командующий добровольческими формированиями при главкоме Западного фронта генерал-майор фон Вартенберг публично заявил на совещании немецкого офицерского состава: «*Русскому солдату пропитание не требуется. Он питается древесной корой и корешками*». Добровольцы платили немцам той же монетой. Отношения с немецким командованием почти повсеместно были крайне напряженными. Не получая необходимого довольствия, коллаборационисты занимались самообеспечением, обворовывая французские дома и огороды. Устраивали драки и скандалы в местах расположения, нападали с «определенными целями» на женщин. Местные власти, пытаясь хоть как-то обезопасить себя от оголодавших русских, пытались открывать бесплатные столовые и расширяли сеть публичных домов (в некоторых местах они, как и столовые, были бесплатными)...

Большинство казачьих формирований избежали этой бессмысленной трагедии. К тому времени многие рядовые солдаты и офицеры вермахта на практике убедились, что казачьи части действительно являются одними из наиболее боеспособных из числа всех восточных формирований, и относились к ним уважительно. Такое отношение к казакам подкреплялось и довольно частыми публикациями в немецкой военной прессе. Вот какая характеристика казакам была помещена под специальной серией фотографий «Казаки на Восточном фронте» в газете «Der Sturmer» (№ 16 от 15.04.1943): «Гордый, самонадеянный, храбрый и верный. Видно, что в его жилах течет много нордической крови. Это та кровь, которая заставляет его ненавидеть

дьявольский большевизм... И это та кровь, которая влечет его воевать на стороне немецких солдат»[1]. К концу 1943 года большинство казачьих формирований также были сняты с занимаемых ими позиций на Восточном фронте и переброшены на Запад. Некоторая часть оказалась во Франции, где участвовала в работах по возведению «Атлантического вала», по организации обороны побережья Западной Европы от высадки англо-американских войск, а впоследствии — и непосредственно в боевых действиях против союзнических соединений. Большая же часть казаков была переброшена в Югославию, на борьбу с активизировавшимися партизанами Иосипа Броз Тито.

Всему этому, однако, предшествовало создание крупнейшего в восточных войсках соединения — казачьей кавалерийской дивизии. Первые мысли о том, что такое крупное соединение из жителей СССР может быть создано, возникали у немецкого командования еще в середине 1942 года, после того как опыт использования казачьих частей на фронте показал практическую ценность подобных формирований. Но долго оставалось неясным — возможно ли вообще формирование такого крупного воинского соединения из добровольцев на Восточном фронте. Многое говорило «за» (ненависть большой группы казачества к существующему строю, отличная боевая подготовка и многовековые военные традиции) и многое — «против» (опасность массового дезертирства и перехода на сторону Красной армии уже целой прекрасно вооруженной дивизии, амбиции командиров небольших казачьих формирований, дрязги и споры в среде казачьих лидеров как в эмиграции, так и на территории СССР). Для разрешения всех этих спорных моментов и для выяснения возможности формирования подобного соединения на Северный Кавказ 30 сентября 1942 года был на-

[1] Казачий вестник. 1943. № 10 (41). 15 мая. С. 4.

правлен полковник германской кавалерии Гельмут фон Паннвиц.

Этот немецкий офицер, отлично владеющий русским языком, прекрасный наездник, к тому же являлся личным знакомым главы СС Гиммлера (очень немаловажное знакомство в то время). По мнению многих современников, Паннвиц был наиболее подходящей кандидатурой на должность командира предполагаемой казачьей дивизии. Он был одним из немногих немцев, кто действительно знал «дикую» для западного мировоззрения казачью историю, смог разобраться в особенностях казачьей души и мировосприятия, понимал менталитет и нужды казаков[1]. Именно поэтому Паннвиц старался делать все возможное и невозможное для того, чтобы его подчиненные почувствовали себя независимыми от немецкого командования, он даже старался избавить казаков от тех офицеров-немцев, которые относились к ним без должной симпатии и уважения. Паннвиц одобрял и даже официально разрешил ношение традиционной казачьей одежды. *«Он поощрял,* — вспоминает командир сотни 1-го Донского полка, упоминавшийся уже бывший советский лейтенант Николай Назаренко, — *общение немецких и казачьих офицеров, считая это необходимым для создания единства духа. Он выбирал для дивизии немецких офицеров, преимущественно из тех, которые до революции жили в России или в Прибалтийских краях и, следовательно, знали русский язык»*[2]. Благодаря тако-

---

[1] Гельмут фон Паннвиц родился в Верхней Силезии, на границе с Россией. С самого детства он, увлеченный верховой ездой, несмотря на запреты родителей, большую часть своего времени проводил среди казачьих разъездов и патрулей, которые охраняли границу. По воспоминаниям современников, красочная униформа казаков, их традиции, фольклор и кавалерийское искусство произвели на молодого Паннвица неизгладимое впечатление и заставили его на всю жизнь если не полюбить казаков, то хотя бы относиться к ним с искренним уважением.

[2] *Науменко В.Г.* Великое предательство. СПб. 2003. С. 11.

му отношению к простым казакам фон Паннвиц заслужил среди них огромное уважение, и за глаза они называли его почтительно «Наш Батька». Даже много лет спустя после войны казаки-эмигранты в своих воспоминаниях посвящали этому немецкому генералу целые журналы и даже сочиняли в его честь стихи, песни и хвалебные оды (*см. Приложение 3.7*). Например, в июне 1972 года в американском эмигрантском журнале «Первопроходник» о нем были написаны такие слова: «*На фоне современной беспринципности, продажности и полного падения морали подвиг этих богатырей духа* (в статье шла речь о Паннвице и Краснове. — ***П.К.***) *и рыцарей чести пусть будет нам и грядущим поколениям нашим путеводной, никогда не меркнущей звездой*»[1]. Тем не менее необходимо отметить тот факт, что, несмотря на все усилия Паннвица, атмосфера в дивизии была далека от идеальной. Особенно это касалось взаимоотношений между немцами и казаками. Довольно часто между ними вспыхивали ссоры, нередко заканчивавшиеся драками и даже убийствами. Например, во время полевых занятий в Млаве в 3-м Кубанском полку немецкий унтер-офицер по неизвестной причине ударил казака по лицу и тут же был убит. В ходе расследования было установлено, что убийство совершила вся сотня, и дело закрыли. В 4-й сотне 2-го Сибирского полка произвол немецких унтер-офицеров привел к массовой драке между ними и подчиненными казаками.

Военная карьера Гельмута фон Паннвица, будущего казачьего атамана, складывалась довольно успешно. В 18-летнем возрасте он в составе различных кавалерийских подразделений принял участие в Первой мировой войне и за храбрость был награжден Железным Крестом 1-го и 2-го класса. После войны Паннвиц про-

---

[1] Цит. по: Казачья голгофа (Предательство в Тирольских Альпах). Сост. К.Н. Хохульников. Ростов н/Д, 2002. С. 125.

вел несколько лет в Венгрии, а затем вернулся на Родину и в 1935 году поступил на службу в германский вермахт. В 1941 году в составе 45-й немецкой пехотной дивизии он участвовал в нападении на Советский Союз в качестве командира передового ударного отряда, в захвате Бреста, Пинска, Чернигова и ряда районов Курской области[1]. «*Признаю*, — заявил уже после войны на суде генерал фон Паннвиц, — *что, продвигаясь от Брест-Литовска до Курска, подчиненный мне ударный отряд и другие части 45-й пехотной дивизии уничтожили ряд сел и деревень, разрушили советские города, убили большое число мирных советских граждан, а также грабили советских людей*»[2].

Осенью 1942 года Гельмут фон Паннвиц был переведен на Северный Кавказ и уже через месяц, а именно, 8 ноября 1942 года, назначен командующим пока еще виртуальной казачьей дивизией, которую только предстояло сформировать. Однако немедленно приступить к формированию помешало наступление Красной армии под Сталинградом, начавшееся 19 ноября. После разгрома северного фланга 4-й румынской армии советские войска вышли к большой излучине Дона в районе Котельниковского. Этот населенный пункт имел огромное стратегическое значение, поэтому германское командование создало для его обороны сильную немецко-румынскую конно-механизированную группу во главе с полковником фон Паннвицем. 26 ноября вновь созданная группа атаковала северный фланг продвигавшихся через п. Красная Балка на Котельниковский советских войск и отбросила их. Однако утром следующего дня советским войскам все же удалось вплотную приблизиться к городу и даже ворваться на

[1] В результате приграничных сражений Гельмут фон Паннвиц был награжден Рыцарским Крестом железного креста.

[2] Цит. по: *Колесник А.* Грехопадение. Генерал Власов и его окружение. Харьков, 1991. С. 160.

его северные окраины, в то время как другая часть их обошла город с северо-запада. Однако и в этой сложной ситуации группа фон Паннвица оказалась на высоте. Приблизившись к Котельниковскому с востока, она зашла в тыл противнику и смогла отбросить две советские кавалерийские дивизии, приготовившиеся к штурму, на десятки километров[1]. В знак благодарности полковник фон Паннвиц румынским командованием был награжден орденом Михаила Храброго, а 13 января 1943 года вызван в Ставку фюрера, который лично вручил ему Дубовые листья к Рыцарскому Кресту. И совсем неудивительно, что именно этот удачливый кавалерийский командир был направлен на формирование дивизии из, без сомнения, самых блестящих кавалеристов — казаков.

Непосредственно приступить к формированию казачьей дивизии удалось лишь после эвакуации немецких войск с Кавказа и относительной стабилизации фронта. В марте 1943 года генерал-фельдмаршал фон Клейст приказал всем казачьим отрядам, отступившим вместе с частями немецкой армии, собраться на Украине в районе Херсона. Первыми туда прибыли пять сотен донских казаков и тысяча терских. Вскоре к ним присоединились полки Журавлева, Соломахи и Кулакова, сводно-казачий полк полковника Маловика[2], а также большое количество более мелких казачьих формирований и эскадроны калмыков, которых немцы направили в Херсон ошибочно, считая, что все, кто держит в руках шашку и ездит на лошади, и есть казаки. Уже 13 февраля штаб генерал-фельдмаршала фон Клейста сообщал о новом казачьем формировании численностью около 4 тысяч человек, которых нужно было оснастить всем необходимым, включая оружие и

[1] *Дерр Г.* Поход на Сталинград. М., 1957. С. 85.

[2] Впоследствии этот полковник оказался в Казачьем Стане и даже стал командиром 8-го Донского казачьего полка.

обмундирование. Всего же ранней весной 1943 года в Херсоне и его окрестностях сосредоточилось не менее 12 тысяч казаков, не считая членов казачьих семей[1].

Наконец, в середине марта полковник фон Паннвиц получил приказ *«сформировать из готовых к борьбе добровольцев — донских, кубанских и терских казаков — отдельное казачье соединение»*. В помощь ему были назначены целый ряд казачьих офицеров: полковники Белый, Духопельников, Горб, Тарасенко и Бедняков, войсковой старшина Пахомов и другие, из которых был образован упоминавшийся уже «Штаб формирования добровольческих сил Кубани и Терека», осуществлявший руководство всеми пунктами (штабами), вербовавшими молодых казаков на службу в немецкую армию. Все собранные иррегулярные части были сведены в отдельное войсковое соединение. Первоначально было сформировано четыре полка: 1-й Донской, 2-й Терский, 3-й Сводно-казачий и 4-й Кубанский, общей численностью до 6000 человек.

21 апреля 1943 года был получен приказ за подписью начальника Генерального штаба сухопутных войск генерала Цейтцлера о формировании 1-й казачьей кавалерийской дивизии, а еще через три дня поступило распоряжение о переброске соединения фон Паннвица в Польшу на учебный полигон Млава (Милау), где еще с довоенных времен находились огромные склады снаряжения польской кавалерии.

Отправка казаков за границу была обставлена торжественно: *«В пятницу наши полки подошли к Херсону*, — вспоминает Николай Некрасов, — *и стали биваком у товарной станции. В субботу мы были построены на парад, принятый генералом Паннвицем. Долго*

---

[1] *Hoffman J.* Die Kaukasien 1942/1943: Das deutsche Heer und die Ostvolker der Sowjetunion. P. 274—275; *Littlejohn D.* The patriotic traitors. A history of collaboration in German occupied Europe. C. 319.

не смолкало громовое «ура» казаков на его приветствие, которое он твердо выговорил по-русски. После обеда началась погрузка в товарные вагоны. Для офицеров были прикреплены классные вагоны. На второй день Святой Пасхи, 26 апреля, тронулся в путь и наш эшелон»[1]. По прибытии в Млаву полки выгружались и следовали пешим порядком до большого военного лагеря, где размещались в отведенных для них бараках.

Сюда же в мае—июне 1943 года были направлены: из района Полтавы — 1-й Атаманский полк барона фон Вольфа, из района Киева — полк фон Юнгшульца, из Белоруссии — 600-й казачий дивизион Кононова, а из Крыма — казачий полк «Платов». *«Лагерь большой, как город*, — описывает корреспондент журнала «На казачьем посту». — *Сколько здесь людей — не перечесть: об этом может сказать лишь строевая записка дивизии. Их много! Здесь: кубанцы, терцы, донцы, уральцы, астраханцы, семиреченцы, амурцы, оренбургцы, уссурийцы, забайкальцы, сибирцы»*[2].

Созданные без учета войскового принципа, все эти части по прибытии в Млаву расформировывались, а их личный состав сводился в полки по принадлежности к Донскому, Кубанскому и Терскому, а позднее и к Сибирскому казачьим войскам (казаки из других войск направлялись в сводно-казачьи полки). Сама процедура распределения проходила в торжественной обстановке и представляла собой весьма любопытное действо (*см. Приложение 3.8*). Исключение было сделано лишь для дивизиона Кононова, который был включен в дивизию в полном составе и под старым командованием. Правда, его переименовали в 5-й Донской казачий полк. Во главе всех остальных полков и на всех значимых должностях были поставлены немецкие офи-

---

[1] *Науменко В.Г.* Великое предательство. С. 12.

[2] На казачьем посту. 1943. № 12. С. 6.

церы (это было обязательное условие, оговоренное еще до начала формирования), а при них, в качестве посредников между немцами и казаками, Походные атаманы: донской — полковник Духопельников, кубанский — полковник Тарасенко и терский — войсковой старшина Кулаков. В должности командира дивизии, как и следовало ожидать, был утвержден Гельмут фон Паннвиц, произведенный к этому времени в генерал-майоры. Такое распределение командных должностей вызвало большое недовольство среди казачества. И вот здесь Паннвиц, который на самом деле ничего не мог поделать с таким положением дел, проявил необычайную тактичность и выдержку. Он собрал всех казаков-офицеров на встречу, в ходе которой уладил разгорающийся было конфликт. «*Паннвиц*, — вспоминает присутствовавший на той встрече Николай Некрасов, — *объяснил нам, что из-за отсутствия среди нас соответствующего старшего состава, во всех полках, за исключением полка Кононова, им назначены на должности полковых и дивизионных командиров лучшие немецкие строевые кавалерийские офицеры, которые останутся до тех пор, пока не будут подготовлены наши казачьи офицеры. Он заверил нас, что к концу подготовки дивизии он выберет из нашей среды самых способных офицеров и отправит их на особые ускоренные курсы в Германию, в город Бамберг, и, когда полученные ими там знания закрепятся боевым опытом, он заменит ими все командные должности в дивизии*»[1]. Паннвиц действительно сдержал свое обещание и направил в августе 1944 года небольшую группу казачьих офицеров на курсы в Бамберг. Но из-за катастрофического положения на фронте они не успели пройти весь курс обучения, так что до конца войны ка-

[1] *Науменко В.Г.* Великое предательство. С. 14.

заки вынуждены были провоевать под руководством немецких офицеров.

Уже к середине лета в лагере 1-й казачьей кавалерийской дивизии царил порядок, все казаки были обеспечены обмундированием, оружием и неплохим по меркам военного времени питанием. «*Обмундированы*, — рассказывает корреспондент газеты «Казачий вестник», — *казаки прекрасно. Каждый получил, кроме двух высшего качества суконных комплектов, еще и две пары сапог, белье и все иные принадлежности... Питание очень хорошее. Каждый день имеется мясное блюдо, а зачастую и два раза в день... В лагере в ближайшее время открывается кинематограф, зал для особых представлений, намечается открытие читальни, зала отдыха и т. д. При лагере имеется своя амбулатория, лазарет, бани*»[1].

Постоянно прибывающие с Восточного фронта и оккупированных территорий казаки направлялись в Моково (населенный пункт недалеко от Млавы), где был образован казачий учебно-запасной полк, насчитывавший от 10 до 15 тысяч казаков, и только после соответствующей тщательной боевой и организационной подготовки распределялись по строевым частям дивизии.

При учебно-строевом полку была организована казачья унтер-офицерская школа, готовившая кадры для дивизии, и «Школа юных казаков», где проходили общее и военное обучение несколько сот подростков, оставшихся без родителей. И хотя в день ее создания (15 июня 1943 года) она насчитывала всего лишь 12 учеников, уже через год в ее стенах проходили обучение 450 казачат. Восемьдесят пять процентов всех детей составляли маленькие кубанцы, вывезенные весной и летом с Таманского полуострова. Казачата изучали в школе русский и немецкий языки, математику, каза-

[1] Казачий вестник. 1943. № 13 (44). 1 июля. С. 3.

чью историю, географию и овладевали начальными военными знаниями. Во время боевых занятий все команды отдавались на немецком языке. По окончании обучения всем ученикам присваивалось звание урядника[1]. В 1944 году «Школа юных казаков» была передислоцирована во Францию.

Окончательно сформированная к осени 1943 года 1-я казачья кавалерийская дивизия предстала в следующем виде[2]. По донесениям советской разведки, основной контингент личного состава дивизии составляли: 1) воинские части, прибывшие с Восточного фронта и составленные из изменников и белогвардейцев, уже участвовавших в войне против Красной армии и советских партизан; 2) беженцы, ушедшие вместе с немцами при их отступлении с оккупированных территорий СССР; 3) пленные красноармейцы, изголодавшиеся в концлагерях и пошедшие на службу к немцам; 4) насильственно мобилизованные жители Украины, Белоруссии, Дона, Кубани, Терека и др. областей СССР; 5) собранные по всей Европе белогвардейские эмигранты; 6) немецкие офицеры. По «национальному» признаку преимущественно были донские, кубанские, терские и сибирские казаки, но присутствовал также большой процент русских, белорусов, украинцев, калмыков и представителей различных кавказских народов.

---

[1] На казачьем посту. 1944. № 30. С. 12.

[2] Данные о 1-й казачьей дивизии составлены по следующим материалам: документы штаба 1-й казачьей дивизии и материалы допросов Г. фон Паннвица // *Решин Л.* «Казаки» со свастикой. Документы из архивов КГБ; *Kern E.* General von Pannwitz und seine Kosaken. Gottingen, 1963; *Алферьев Б., Крук В.* Походный атаман батька фон Паннвиц. М., 1997; *Longworth P.* The Cossacs; *Littlejohn D.* The patriotic traitors. A history of collaboration in German occupied Europe; *Littlejohn D.* Foreign legions of the Third Reich. San Jose, 1987; *Newland S.* Cossacks in the German army 1941—1945; *Науменко В.Г.* Великое предательство; *Васильев Н.* Записки юного казака; Казачья периодика времен войны; архивные документы Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО).

Дивизия состояла из следующих бригад, полков и боевых единиц:

1-я Донская казачья бригада (полковник Ганс фон Вольф):

1) 1-й Донской казачий полк (подполковник Вагнер);
2) 2-й Сибирский казачий полк (подполковник фон Нолькен);
3) 4-й Кубанский казачий полк (подполковник фон Вольф).
4) 1-й Донской казачий конно-артиллерийский дивизион;

2-я Кавказская казачья бригада (полковник фон Боссе):

1) 3-й Сводно-казачий полк (подполковник фон Юнгшульц), впоследствии 3-й Кубанский казачий полк;
2) 5-й Донской казачий полк (подполковник Кононов);
3) 6-й Терский казачий полк (подполковник фон Кальбен);
4) 2-й Кубанский казачий конно-артиллерийский дивизион.

Вспомогательные части и подразделения:

1) Казачий саперный батальон в составе: штаб, 3 саперных эскадрона, 1 саперно-строительный эскадрон, 1 мостовая колонна, 1 легкий саперный парк.

2) Казачий дивизион связи в составе: штаб, 2 эскадрона телефонистов, 1 эскадрон радиосвязи, имелась также артиллерийская группа связи при штабе дивизии.

3) Моторизированный разведывательный батальон (личный состав полностью составляли немцы) в составе: штаб, 3 самокатных эскадрона из числа немецкого кадрового состава, взвод легких танков и аэроплан.

4) Казачий Санитарный батальон: 2 санитарные роты, 2 эвакуационные автороты.

5) Дивизионный штаб частей снабжения с 1 автомобильной ротой, 3 автоколоннами, 1 ротой снабжения.

6) Ремонтная рота.

7) Дивизионная служба продовольственного снабжения с хлебопекарной ротой и скотобойней.

8) Ветеринарная рота.

9) Конно-гужевая колонна.

10) Группа полевой жандармерии.

11) Служба полевой почты.

12) Позднее были организованы альпийский батальон, штрафной батальон и запасной полк во Франции.

13) Школа юных казаков.

Кроме этого, в личном распоряжении генерала Панвица имелась конвойная сотня — составленная из старых казаков, как правило, воевавших еще в Граждан-

скую войну, и носившая название «Конвой его величества». К этой же сотне были приписаны 8 православных священников (они находились на зарплате), служивших молебны и справляющих обряды.

В штаб дивизии, помимо немцев, входили и несколько казачьих офицеров, представителей от каждого полка. Кроме того, в дивизию часто приезжали, с целью проведения пропагандистских выступлений и общей координации работы штаба, генерал П.Н. Краснов, генерал-майор В.Г. Науменко и генерал-майор Шкуро.

При штабе располагался целый ряд специальных отделов: санитарный, интендантский, пропагандистский, полевая жандармерия, автоколонна, отдел связи и т. д.

Пропагандистский отдел располагал собственной типографией, приспособленной к выпуску не только листовок, но и газет с брошюрами. Работали там только казаки (10—12 человек), ответственным редактором был бывший белогвардеец есаул Бескровный. Там же «проходили службу» 2 бывших красноармейца — лейтенанты с высшим образованием, которые были, по всей видимости, штатными корреспондентами. Отдел имел постоянную связь с редакциями газеты «Новое слово» (Берлин) и журнала «На казачьем посту». В отделе также существовал небольшой литературный подотдел, выпускавший «статьи, стихи, загадки и цензурующий материалы, поступающие от казаков». Кроме того, при этом отделе была довольно обширная библиотека в несколько тысяч томов. Основу составляли книги классиков (Пушкин, Толстой, Гоголь, Горький), но имелись произведения и современных писателей, например, романы генерала П.Н. Краснова. Сотрудниками отдела были исключительно русские или казаки, главным образом бывшие красноармейцы с высшим образованием.

Кроме того, пропагандистский отдел осуществлял выпуск газет «Казачий клич» (газета большого форма-

та, выходила раз в три дня и уделяла основное внимание истории Дона, Кубани, Терека, Сибири и прочих казачьих регионов), «Казачий листок» (ежедневная газета-листок, где печатались приказы по дивизии, наставления и поучения) и «Казачий клинок» (в этой газете, по-видимому, печатались истории из боевой жизни казаков настоящего и прошлого). Кроме того, из Берлина регулярно доставлялись газета «Новое время» и журнал этой же редакции «Казачья кавалерия», а также официальный орган казаков журнал «На казачьем посту» и газета казаков-националистов «Казачий вестник». В ходу у казаков были брошюры «Почему я враг большевиков» и «В подвалах НКВД». Из редакции «Нового слова» и «На казачьем посту» присылались календари за 1944 и 1945 годы со статьями, песнями и стихами религиозного и антикоммунистического содержания. Такое развитие печатного дела в дивизии объясняется тем, что фон Паннвиц уделял огромное внимание не только пропаганде, но и собственно казачьей культуре, которой он проникся и которую старался как можно лучше понять: генерал просил переводить ему все статьи, стихи и песни, написанные казаками или о казаках.

Военная организация 1-й казачьей кавалерийской дивизии (смотри также схемы 7 и 8).

Дивизия была поделена на 2 бригады, которые состояли из трех полков и артиллерийского дивизиона. Каждый казачий полк 1-й казачьей дивизии фон Паннвица состоял из двух конных дивизионов, организация которых была идентичной, за исключением 2-го Сибирского полка (один дивизион самокатный — на велосипедах) и 5-го Донского полка (один дивизион пластунский). Дивизионы состояли из 4 эскадронов (3 конных и 1 конно-пулеметного), а эскадрон — из 4 взводов (3 боевых и 1 хозяйственного, в конно-пулеметном эскадроне хозяйственного взвода не было), каждый из которых делился на 3 отделения по 4—16 бойцов в каждом (численность зависела от количества потерь), и минометного отделения. Кроме этого, в каждом полку был 9-й тяжелый эскадрон, делившийся на 5 взводов, и штабная сотня.

Схема 7. Организация 1-й казачьей кавалерийской дивизии*.

* На 1 ноября 1943 года численность 1-й Казачьей дивизии составляла 18.555 человек, в том числе 3.827 немецких нижних чинов и 222 офицера, 14.315 казаков и 191 казачий офицер.

Схема 8. Организации полка* 1-й Казачьей кавалерийской дивизии

* Численный состав полка составлял примерно 2 тысячи человек, однако она постоянно менялась, так что приведённые здесь цифры весьма условны. Организация всех полков за исключением 2-го Сибирского (один дивизион был самокатным – на велосипедах) и 5-го Донского (один дивизион пластунский) была одинаковой.

Артиллерийский дивизион состоял из штаба со штабной батареей и 3 батарей 75-мм горных орудий образца 1936 года или 105-мм орудий (200 человек и 4 орудия в каждой батарее), в конце 1944 года в нем также появилась батарея из 4 противотанковых пушек (76,2-мм PAK-36 (R)).

Штаб полка. Каждый командир полка имел своего заместителя и помощника заместителя. В штабе работали несколько штабных офицеров, штабной врач, обер-ветеринар, атаман (политрук), несколько переводчиков с русского, немецкого и хорватского языков. При штабе полка имелось отделение связи с несколькими радиостанциями, телефонами и курьерами, коноводы, конвой и прочие вспомогательные команды, которые входили в штабную сотню. На ответственных должностях в штабе полка находились немецкие офицеры, менее значительные посты занимали казаки и русские.

Штаб дивизиона был организован аналогично штабу полка. Его отделение связи располагало одной радиостанцией. При штабе дивизиона имелась сапожная, портняжная, кузнечная мастерские. Все они вместе с интендантурой, санитарной частью и разными вспомогательными командами составляли штабную сотню. **Командование эскадрона** состояло из командира и нескольких штабных офицеров и имело, правда, не всегда, своего замполита («атамана»), который отвечал за политические настроения в части. Старшина (старший вахмистр) отвечал за боевое, санитарное и хозяйственное состояние эскадрона и был подчинен непосредственно командиру эскадрона. Также имелась довольно большая группа переводчиков. **Командование взвода** состояло из командира-офицера и нескольких заместителей, в распоряжении которых имелись 3 курьера и вестовые для связи. Командирами хозяйственного взвода и минометного отделения были старшие урядники.

Состав и вооружение конного эскадрона.

Три взвода (I, II, III), в каждом из них: 45—50 человек, 3—4 пулемета (MG-34 или MG-42) с боезапасом на каждый пулемет, 3 полуавтоматические винтовки (либо 7,92-мм самозарядная винтовка системы Вальтера G-41 (W), либо более поздний вариант G-43 (W)), несколько пистолет-пулеметов (MP-40 или трофейные образцы), все остальное винтовки (7,92-мм винтовка системы «маузер», обр. 1898 г.).

IV взвод (хозяйственный) — около 40 человек — составлен как минимум из 1 сапожника, двух портных, 1 слесаря, 1 повара,

2 оружейников, 2 кузнецов, 1 шорника, кучеров и другой обслуги. Имелись 1 ветеринарный фельдшер с двуколкой санитарного материала и конная кухня. Основу вооружения составляли винтовки системы «маузер».

Минометное отделение — 9 казаков, вооруженных винтовками системы «маузер» плюс один или два легких ротных 50-мм миномета обр. 1936.

Всего в эскадроне было 160—180 человек (не считая офицеров) — 8—10 пулеметов, 1—2 легких миномета, остальное вооружение составляли стандартные винтовки системы «маузер», а также пистолет-пулеметы и самозарядные винтовки.

Состав и вооружение конно-пулеметного эскадрона.

Три взвода (I, II, IV), в каждом из них: 40 человек, 4 пулемета MG-34 или MG-42, остальное вооружение — как в стандартном взводе конного эскадрона.

III взвод — 40 человек, 4 батальонных миномета (81-мм обр. 1934 г.), остальное вооружение — как в стандартном взводе конного эскадрона.

Минометное отделение — состав и вооружение, как в минометном отделении обычного конного эскадрона.

Всего около 160 человек (не считая офицеров), 12 станковых пулеметов, 4 батальонных 81-мм миномета, остальное вооружение — как в стандартном конном эскадроне.

Состав и вооружение тяжелого эскадрона.

I взвод — 45—50 человек, 3 станковых пулемета MG-34 или MG-42, остальное вооружение — как в стандартном взводе конного эскадрона.

II взвод — 45—50 человек, 3 батальонных 81-мм миномета, остальное вооружение — как в стандартном взводе конного эскадрона.

III взвод — 45—50 человек, три 37-мм PAK 35/36, или 50-мм PAK-38 противотанковых пушки на конной тяге, остальное вооружение — как в стандартном взводе конного эскадрона.

IV взвод — состав и вооружение, как в I взводе.

V взвод (хозяйственный) — состав и вооружение, как в хозяйственном взводе конного эскадрона.

Состав и воружение штабной сотни.

Примерно 150—200 человек, 4 батальонных 81-мм миномета, 2 пулемета MG-34 или MG-42, 2 противотанковых ружья (по всей видимости, 28/20 противотанковые ружья PZB-41), 2 противотанковые пушки калибра 37-мм (или 50 мм).

Каждый эскадрон располагал 18—25 двуколками, которые при формировании были исключительно военного образца, но впоследствии, благодаря потерям почти на 40—50%, были заменены повозками гражданскими, реквизированными у населения. В эскадроне имелось 180—200 лошадей и приблизительно столько же седел. Все потери конского состава пополнялись из запаса или при помощи обычного грабежа крестьян (реквизиции, как называли это сами казаки).

Всего по штатному расписанию, со всеми вспомогательными службами, в полку насчитывалось около 2 тысяч человек, включая 150 человек немецкого кадрового состава. На вооружении имелось двенадцать 75-мм горных орудий обр. 1936 года, впоследствии замененных на 105-мм орудия, 5—6 противотанковых пушек (калибра 37-мм или 50-мм), 15—16 батальонных (81-мм) и большое количество ротных (50-мм) минометов, около 80 ручных и станковых пулеметов. Ближе к концу войны сверх установленного штата полкам были также приданы по одной батарее из 4 противотанковых пушек (76,2-мм РАК-36 (R)). Приведенные цифры надо признать условными, поскольку количество и качество вооружения постоянно менялось, а личный состав нес довольно ощутимые потери в боях. Но, в общем и целом, картина с вооружением и личным составом выглядела примерно так.

Кроме строевого командования, в дивизии имелся и специальный институт политических руководителей (организационно он входил в пропагандистский отдел) — так называемых «атаманов», которые назначались, как правило, из старых белогвардейских казаков (крайне редко встречались и молодые атаманы из военнопленных). Они находились при штабах полков, дивизионов и некоторых эскадронов и отвечали за политические настроения во вверенной им части. В круг их обязанностей входило проведение политзанятий, ознакомление личного состава частей с новыми пропагандистскими брошюрами и газетными статьями, про-

ведение бесед о религии, казачьей и воинской дисциплине, истории и традициях казаков, издание различного рода прокламаций, а также строжайший контроль за всем, что происходило среди личного состава дивизии. Германское командование уделяло таким пропагандистам-атаманам повышенное внимание и даже организовывало для них специальные курсы. Отчет корреспондентов журнала «На казачьем посту» и газеты «Казачья лава», побывавших в мае и июле 1944 года на таких 16-дневных занятиях в Северной Италии и Потсдаме, дает очень хорошее представление об уровне подготовки казаков-пропагандистов. *«На курсы съехались 54 человека казаков и офицеров... Теоретическая часть курсов включала лекции на следующие темы: «История казачьих войск», «Казачество в свете современной политики», «Казачество и европейская культура», «Советское мировоззрение и его преодоление», «Социальная политика Германии», «Краткий курс истории Германии», «Народность и жидовство в Германии», «Причины нынешней войны», а также были затронуты многие другие темы»*[1]. Не обошли эти курсы своим вниманием и лидеры казачьего движения генералы П.Н. Краснов, В.Г. Науменко и А.Г. Шкуро, а от министра пропаганды Германии доктора Геббельса всем участникам были переданы подарки.

Помимо института «политруков-атаманов», за настроениями казаков следил также контрразведывательный отдел. Во главе этой службы стоял бывший красноармеец лейтенант Червяков. Контрразведчиками была создана разветвленная сеть доносчиков, они были в каждом эскадроне и тщательно отслеживали всех, кто внушал хоть малейшее подозрение. Эта же служба отвечала за выполнение всех дисциплинарных наказаний. Система наказаний была очень простой, но в то

[1] Казачья лава. 1944. № 10. 15 июня. С. 4; На казачьем посту. 1944. № 31. С. 13.

же время весьма действенной. За малейшую попытку подрыва боевого духа казаков, за разговоры, направленные против немцев и командования, за всякую политическую антинемецкую пропаганду и, наконец, за любую попытку дезертировать применялась высшая мера наказания — смертная казнь через расстрел или повешение. За другие проступки казаков ожидали: порка, концлагерь, штрафной батальон, внеочередные наряды или разжалование. Во многом именно благодаря прекрасно подготовленным политрукам-атаманам и карательным органам практически все казаки 1-й казачьей дивизии воевали до конца войны и даже не помышляли о переходе на сторону партизан. По официальным данным, в период с 1944-го до начала 1945 года дезертиров было не более 250 человек.

Система поощрений также была тщательно проработана. После того как дивизию перебросили в Югославию, каждый рядовой казак стал получать регулярное жалованье: по 250 хорватских кун каждые 10 дней. Ефрейторы — 300 кун, унтер-офицеры — 350 кун, вахмистры — 400 кун. За каждую боевую операцию казаки и их командиры получали специальные «боевые» деньги — 200—800 кун за 10 дней боя, в зависимости от его интенсивности и успеха. Кроме этого, командование поощряло досрочное присваивание унтер-офицерских и даже офицерских званий.

Для отдыха и лечения казаков в Северной Италии была организована специальная казачья здравница: *«В Северной Италии,* — описывает корреспондент газеты «Казачья лава», — *в Альпах, в узкой высокогорной долине... расположен на высоте 900 метров известный итальянский курорт. Здесь, где прежде ежегодно отдыхала итальянская молодежь, теперь устроен казачий дом отдыха 1-й казачьей дивизии. Продолжительность отдыха — три недели. Первая партия отдыхающих казаков в 370 человек 10 июня уже окончила срок пребывания в доме отдыха и выехала об-*

ратно в дивизию. Казаки небольшими партиями совершали экскурсии в ближайшие города: Бергамо, Верону, Милан»[1].

Штаб дивизии и штаб 5-го Донского полка имели свои оркестры и хор трубачей. «*В репертуаре хора*, — рассказывается про дивизионный оркестр в журнале «Казачьи ведомости», — *самые разнообразные вещи — из исторических песен: «Зозуля», «Отчего я так дуже сумую»; из современных — «Песнь в честь вождя — Адольфа Гитлера», «Плачет Кубань»... Хор разучил «Божественную литургию», «Верую», «Херувимскую № 9»... Молодой казак Целиков чудесно исполняет на сцене забористые антисоветские частушки*:

На дворе проталина,
Нет штанов у Сталина,
Остались от Рыкова
И те — Петра Великого.

Сталин музыку играет,
Калинин пляшет трепака,
Всю Россию растрепали
Два советских дурака.

Оркестр (балалайки, мандолины, гитары, баяны... и т. д.) состоит из 27 казаков. В репертуаре оркестра такие исторические песни, как «Слава Платову-герою», «Донская походная» и др. Пользуются всеобщим успехом исполняемое оркестром «Попурри из казачьих песен» и выступление талантливого скрипача Р. Павловского»[2] (*тексты некоторых песен из репертуара оркестра см. в Приложении 3.9*). Как и в былые времена, все казачьи полки имели свои полковые гимны: донские — «Всколыхнулся взволнованный тихий Дон»; кубанские — «Кубань, ты наша Родина»; терские — «Терек». Более того, помимо «музыки», в дивизии имелся

[1] Казачья лава. 1944. № 12. 29 июня. С. 4.

[2] Казачьи ведомости. 1943. № 6. 15 декабря. С. 11—12.

даже собственный цирк, который «гастролировал» по полкам.

На 1 ноября 1943 года численность 1-й казачьей дивизии составляла 18 555 человек (в том числе 3827 немецких нижних чинов и 222 офицера, 14 315 казаков и 191 казачий офицер). Немецкими кадрами были укомплектованы все штабы, специальные и тыловые подразделения. Все командиры полков (за исключением И.Н. Кононова) и дивизионов также были немцами, а в составе каждого эскадрона имелось 12—14 немецких солдат и унтер-офицеров на хозяйственных должностях. В то же время дивизия считалась наиболее «русифицированным» из регулярных соединений вермахта: командирами строевых конных подразделений — эскадронов и взводов — были казаки (или русские), а все команды отдавались на русском языке (первым из полков, где все команды отдавались только на русском, стал полк Кононова). Единственным чисто немецким боевым подразделением был разведывательный дивизион.

Характерной особенностью 1-й казачьей дивизии было то, что среди ее личного состава, особенно среди офицерства, было очень много русских или представителей других народов, не имевших никакого отношения к казачеству. Вот как эту довольно неприятную для казаков ситуацию прокомментировал П.Н. Краснов в своем письме атаману «Общеказачьего объединения в Германской империи» Е.И. Балабину: *«Комплектование новых дивизий офицерами-казаками будет зависеть от самих казаков. Если в первую дивизию попали много офицеров немцев и русских, то это потому, что присланные офицеры-казаки по своей подготовке не оказались на высоте ни по своим военным знаниям, ни по дисциплине, ни по работоспособности. Много было прислано старых, не годных для строевой службы. Если поступающие в новые час-*

ти казачьи офицеры окажутся годными для службы — они и останутся, окажутся негодными — их заменят немцами»[1].

Пополнение в дивизию приходило из учебно-запасного полка (командир подполковник Штабеков), который дислоцировался на полигоне в Моково, недалеко от Млавы, а в 1944 году вместе со «Школой юных казаков» был переведен во Францию, в небольшой город Лангр. «*Запасной казачий полк*, — рассказывает о жизни этой казачьей части корреспондент «Казачьей лавы», — *расположен в одном небольшом городке на Восточной границе Франции и базировался на территории старинной крепости... Офицеры запасного полка также проходят военную подготовку и усовершенствование в офицерской сотне. Ею командует еще молодой полковник И. Некрасов... Военный городок-крепость — центр запасного казачьего полка. Тут стоят и проходят обучение несколько батальонов, отсюда осуществляется связь с 1-й казачьей дивизией, тут создана школа юных казаков, есть крытые манежи, центральный казачий дом, где казаки после занятий поют песни, танцуют, веселятся. В доме есть ресторан, в котором казаки могут выпить вина, пива, хорошо закусить... Казаки живут в старых, благоустроенных, светлых и чистых французских казармах»*[2].

Еще более вольготно жилось казакам-подросткам, обучавшимся в «Школе юных казаков». «*Май 1944 года*, — вспоминает бывший учащийся этой школы казак Николай Васильев. — *Мы отдыхаем в маленьком курортном городке. Трижды в день пьем воду, пахнущую сероводородом, а один раз между завтраком и обедом принимаем минеральные ванны... У каждого из нас большая комната со шкафчиком в углу для переодева-*

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 18. Л. 13.

[2] Казачья лава. 1944. № 4. 7 мая. С. 3.

ния, душ, туалетный столик с зеркалом, цветами и парфюмерией, пуфик и кресло, а посредине маленький бассейн для одного взрослого человека... Вечерами устраивались танцы, где наши старшие ребята и взрослые казаки из запасного полка танцевали с местными француженками, а мы толпились в качестве зрителей. Разыгрывались лотереи, где самым желанным призом была бочка пива, которая тут же под смех и веселые шутки вскрывалась и распивалась сообща...»[1]

Вообще надо отметить, что обучению молодых казаков уделялось огромное внимание со стороны немецкого командования дивизии. Так, например, летом 1944 года всю «Школу юных казаков» направили в специально организованный летний военный лагерь, где мальчики каждый день занимались физической, строевой, тактической и стрелковой подготовкой. Однако проявить приобретенные навыки им так и не удалось. После высадки союзников в Нормандии школу расформировали, часть детей направили в расположение 1-й казачьей дивизии, часть в Казачий Стан, а часть — в небольшое казачье поселение, расположенное недалеко от города Юденбурга, в Австрийских Альпах.

Как уже было сказано, с 10 октября 1943 года все коллаборационистские военные части, сформированные из военнопленных и «добровольцев», подлежали переводу с советско-германского фронта на другие театры военных действий. Объяснение этому решению в приказе было дано такое: «*Германское руководство идет навстречу естественному желанию многих добровольцев не быть вынужденными стрелять в своих соотечественников и дает им возможность непосредственно свести счеты с англичанами и американцами*»[2].

Для многих казаков, имевших свои счеты с совет-

---

[1] *Васильев Н.* Записки юного казака. С. 5—6.

[2] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 712. Л. 4.

ской властью, это немецкое распоряжение было настоящим ударом. Почти все они хотели участвовать, как сами говорили, в своей «частной войне со Сталиным»[1], а их вдруг решили перебросить с Восточного фронта в Югославию, где в это время активизировались партизаны И. Броз Тито и на «Атлантический вал», где казаки были вынуждены готовиться к предстоящей высадке союзников. «Вперед, за свободу казачества», — напутствовал их перед дорогой фон Паннвиц. Но как можно обрести свободу, сражаясь неизвестно с кем, неизвестно где, да еще и за тысячи километров от Родины? Этот вопрос казаки задавали себе до конца войны. Германское руководство почти сразу поняло, что приказ о передислокации в Европу был крайне непопулярен в рядах казачества, и старалось всячески загладить свою «вину». Отсюда и разрешение использовать казачью униформу, и показная отправка группы молодых казаков в кавалерийскую школу в Германии, и воззвание от 10 ноября 1943 года, и обещание помощи при построении настоящей казачьей жизни в Восточной Европе, под защитой фюрера.

В середине сентября 1943 года окончательно сформированная 1-я казачья кавалерийская дивизия была отправлена в Югославию. Покинув Млаву (Милау), эшелоны пересекли Польшу, Словакию, Венгрию и достигли небольшого городка Панчево, северо-восточнее Белграда, где дивизия перешла в подчинение командующему 2-й немецкой танковой армией генерал-полковнику Рендуличу и была направлена на подавление активизировавшихся партизанских отрядов Иосипа Броз Тито.

Казачьи части, благодаря своей большой подвижности и маневренности, а также предыдущему опыту борьбы против партизан в России, действовали на Балканах гораздо более эффективно, нежели немецкие

[1] *Longworth P.* The Cossacs. P. 335.

моторизированные дивизии и отряды усташей[1]. Вот лишь некоторые тактические приемы, которые применялись в антипартизанской войне на Балканах и позволяли казакам успешно противостоять активным действиям партизан Тито. *«Казачьи части,* — писал в одном из донесений в «центр» советский агент, внедренный в дивизию, — *как только займут какой-нибудь пункт, предпринимают обеспечение близкими и дальними патрулями. Ближние патрули лесом прокрадываются к селам и прислушиваются и наблюдают, есть ли в них воинские части. Дальние патрули уходят до 12 километров от главных сил. Патрули имеют в своем составе самое меньшее 1 взвод с 3-мя мелкокалиберными пулеметами... В целях разведки мест дислокации партизанских войск и мест нахождения учреждений югославского народно-освободительного движения, в партизанский тыл с определенной регулярностью засылались так называемые «волчьи группы». В большинстве случаев личный состав «волчьей группы» составляли добровольцы во главе с русским, казачьим или немецким унтер-офицером. Каждому члену отряда выдавался сухой паек с расчетом на самостоятельные действия в течение нескольких дней. Все бойцы были вооружены автоматическим оружием или винтовками. Тактика действий подобных отрядов была очень простой: казаки проводили разведывательные рейды или устраивали засады. Главной задачей в подобных операциях было установление местоположения партизанских баз, отрядов и захват «языков». Впервые «волчью группу» заслал 4-й Кубанский полк в районе села Велика Гора. Малопомалу эту практику переняли и другие казачьи полки. «Волчьи группы» оперировали в районах Новой-Градишки, Дугог-села, Беловара и т. д. Во время операций эти отряды сами часто попадали в засады, но самую*

---

[1] Усташи — организация хорватских националистов (1929—1945), основанная А. Павеличем.

большую опасность для них представляли местные жители, которые очень часто работали на партизан. Одна крестьянка обнаружила в лесу «волчью группу» из 20 человек в районе между селами Иванчаны и Вукашинац и немедленно сообщила об этом партизанам. Ударному батальону партизанского отряда удалось окружить казаков, после непродолжительного боя 8 из них были убиты, а 12 взяты в плен. Так было в районе Карловаца и Пожега-Талькессель, у Пакраца и Дарувара»[1].

Вот как оценивала действия казаков из 1-й казачьей дивизии на Балканах немецкая военная печать: *«За короткое время казаки стали грозой бандитов везде, где патрулируют их сторожевые отряды или где они сидят в настойчивом ожидании под прикрытием скал и кустарников. Подвижность, инстинктивно точное оценивание врага, близость к природе, смелость при нападении, ловкость в бою и беспощадность к побежденному врагу, выполняющему задачи большевизма, — вот особенности казака, бросившие его навстречу борьбе с большевизмом на Юго-Востоке»*[2] *(также. см приложение 3.10).* А вот характеристика, данная уже в казачьей печати: *«Легко передвигающиеся, непритязательные в отношении собственных жизненных удобств, приспосабливающиеся к любым условиям боя, казаки являются опаснейшими противниками красных банд»*[3]. Успешные действия казаков в Югославии не обошло своим вниманием и германское верховное командование. В сводке от 30 апреля 1944 года (эта сводка была первой, в которой упоминалось о боевой деятельности крупного воинского соединения, состоящего из восточных добровольцев), в частности, было сказано: *«С начала октября 1943 года в западных*

---

[1] *Алферьев Б. Крук В.* Походный атаман батька фон Паннвиц. С. 86—90.

[2] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 12. Л. 257.

[3] На казачьем посту. 1943. № 14. С. 14.

Балканах введена в бои против коммунистических банд Первая Казачья Дивизия, которая своими доблестными действиями наносит противнику тяжелые потери в людях и технике»[1].

Какими же методами вели казаки борьбу против югославских партизан? На этот вопрос мы получили ответ уже после войны, когда, находясь в советской тюрьме, генерал фон Паннвиц признался: «*Мы выполняли преступные приказы циркуляра, составленного СС, обергруппенфюрером Бах-Зелевски (Целевским), в котором излагались меры по борьбе с партизанами и по расправе с мирными жителями*»[2]. В этом печально известном циркуляре указывалось, что партизанская война противоречит международным правилам, а поэтому предлагалось применять любые средства, признанные целесообразными начальником воинской части: «*Обергруппенфюрер СС Бах-Зелевски*, — говорилось, в частности, в этом документе, — *предоставляет руководителю команды СД право решать исключительно самому — сжигать ли деревни, уничтожать или эвакуировать их жителей*»[3]. *Кроме того, в циркуляре были даны и другие «ценные» указания, развязывающие руки карателям*[4]: *«Поскольку партизаны пользуются поддержкой местного населения, предлагалось каждую женщину, каждого старика и даже ребенка рассматривать как помощника партизан...*

---

[1] На казачьем посту. 1944. № 26. С. 3.

[2] *Алферьев Б., Крук В.* Походный атаман батька фон Паннвиц. С. 141.

[3] Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1944). М., 1985. С. 109.

[4] Не секрет, что среди карателей было много бывших уголовников и просто маниакально жестоких людей, главной целью которых на войне являлась возможность безнаказанно грабить, убивать и насиловать. Как представляется, именно циркуляр Бах-Зелевски развязал руки подобным «борцам с партизанами» и привел в конечном итоге к таким гигантским потерям среди мирного населения Югославии и, в особенности, СССР.

При захвате населенных пунктов предлагалось проводить во всех домах и постройках тщательные обыски. Местное население, если оно не будет признано активным помощником партизан, должно быть выселено (если же существовало хоть малейшее подозрение, всех расстреливали. — ***П.К.***) *и эвакуировано, а деревня — как очаг партизанской борьбы — может быть сожжена. Старшему начальнику карательной экспедиции предоставлялось право — на месте решать вопрос о судьбе захваченных в плен партизан* (такой вопрос, как правило, даже не ставился. — ***П.К.***)»[1].

Важнейшим аспектом подготовки казаков к борьбе против партизан являлась пропагандистская работа уже упоминавшихся политруков-атаманов. Именно они пугали своих подчиненных зверствами «босоногих лесных чудовищ» (именно так они называли югославских красных партизан) над пленными казаками (выкалывание глаз, сдирание кожи и пр.). В подтверждение своих выступлений атаманы привлекали казаков, которым «чудом» удалось бежать из партизанского плена. «*О партизанах рассказывают*, — пишет в своем донесении в «центр» один из советских агентов, внедренных в дивизию, — *что это разбойничья банда, рассеянная по лесу в малых группах и причиняющая народу насилия и зверства... Они обязаны* (побывавшие в плену у партизан казаки. — ***П.К.***) *говорить о том, что партизаны голодают, что партизаны босы и голы и что они ужасно обходятся с пленными*»[2].

Естественно, имеющие на руках «всепозволяющий» циркуляр и накачанные пропагандой атаманов-политруков казаки не стеснялись в выборе средств борьбы против партизан и мирных жителей, которые подозревались в партизанской деятельности: «*Из многочис-*

---

[1] *Решин Л.* «Казаки» со свастикой. Документы из архивов КГБ // Родина. 1993. № 2. С. 75—77.

[2] *Алферьев Б., Крук В.* Походный атаман батька фон Паннвиц. С. 88.

ленных преступлений, совершенных подчиненными мне казаками в Югославии, — вспоминал на послевоенных допросах генерал фон Паннвиц, — *мне припоминаются следующие факты. Зимой 1943—1944 гг. в районе Сунья-Загреб по моему приказу было повешено 15 человек заложников из югославских жителей. В этом же районе в 1944 году по приказу немецкого лейтенанта были расстреляны три местных жителя якобы за шпионаж, хотя их шпионской деятельности не было. В конце 1943 года в районе Фруска-Гора казаки 1-го кав. полка повесили в деревне 5 или 6 крестьян. Казаки 3-го, 5-го и 6-го кавалерийских полков в этом же районе учинили массовое изнасилование югославских женщин. В декабре 1943 года подобные же экзекуции и изнасилования были в районе города Брод (Босния). В мае 1944 года в Хорватии, в районе южнее города Загреб, казаки 1-го полка сожгли одну деревню. Этим же полком в июне 1944 года было совершено массовое изнасилование жительниц города Метлика... Была сожжена частично деревня Чазьма, что западнее гор. Беловар. В этот же период, то есть летом 1944 года, казаки 3-го кав. полка сожгли несколько домов в Пожего-Даруварском районе. Я также вспоминаю, что в декабре 1944 года казаки 5-го кавалерийского полка под командованием полковника Кононова во время операции против партизан в районе реки Драва, недалеко от города Вировитица, учинили массовое убийство*[1] *населения и изнасилование женщин»*[2]. *Такая жестокость не могла остаться безнаказанной, и югославские партизаны, следуя принципу «око за око, зуб за зуб», платили казакам той же мо-*

---

[1] По воспоминаниям очевидцев, у командира 5-го Донского полка И.Н. Кононова был личный палач — «здоровенный парень с золотыми серьгами, наполовину грек». (Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. С. 269.)

[2] *Алферьев Б., Крук В.* Походный атаман батька фон Паннвиц. С. 141—142.

нетой. Все это привело к тому, что любая стычка превращалась в жестокую резню, где каждый попавший в плен был обречен на страшную и мучительную смерть.

Помимо жгучей ненависти партизан, казаки снискали себе дурную славу и у мирного местного населения. Передислокация в Югославию пагубно отразилась на дисциплине дивизии, резко упавшей после «спартанских» условий лагеря формирования в Млаве. Командованием дивизии, естественно, предпринимались меры против распоясавшихся казаков. Вот, например, выписка из приказа командира 5-го Донского казачьего полка И.Н. Кононова: «*Категорически запрещаю на марше или при выполнении боевых задач употребление спиртных напитков. Я отдельных лиц наказал, и впредь буду наказывать... Быть исключительно внимательными и дисциплинированными по отношению к местному населению, а также к усташам, домобранам*[1], *и местным хорватским властям, чтобы не было никаких недоразумений. Буквально избегать ненужных трений и споров*»[2]. *Однако все эти приказы, директивы и прочее были совершенно бесполезными по двум причинам. Во-первых, действие всех дисциплинарных приказов нивелировалось тем, что частям было разрешено заниматься самоснабжением, и казаки постоянно «реквизировали» лошадей, продовольствие и фураж у местного населения: «Согласно приказам командования, мое соединение*, — рассказывал после войны генерал фон Паннвиц, — *должно было добывать себе пропитание у местного населения. Лошадей и фураж мы также должны были доставать себе сами. В соответствии с этим приказом я и да-*

[1] Домобраны — регулярная армия Национального государства Хорватия, образованная в апреле 1943 года.

[2] *Алферьев Б., Крук В.* Походный атаман батька фон Паннвиц. С. 152—153.

вал распоряжения — отбирать у местного населения лошадей, скот, продовольствие, фураж»[1]. Все это, естественно, выливалось в постоянные конфликты с коренными жителями Сербии, Боснии и Хорватии, которые нередко заканчивались тем, что недовольных просто-напросто уничтожали. Во-вторых, озлобленность казаков достигла такой степени, что они начали мстить местному населению не только за помощь или мнимую помощь партизанам, но и за простое проявление недовольства. А как можно «наказать» мирных жителей? Естественно, только расстрелами и насилием. В результате в последний год войны даже самый невинный протест местных жителей против бесчинств, творимых казаками, приводил к тому, что «убийства и насилия над мирными жителями проводились не только за помощь партизанам, но и за сопротивление грабежу и насилию»[2]. Недаром югославские крестьяне ненавидели казаков, боялись их больше, чем немцев и даже усташей, не считали русскими (разве «русские братушки» могут убивать и насиловать?) и презрительно называли «черкесами». Все это привело к тому, что в конце концов казаки оказались в абсолютно враждебной среде, где у них не было ни друзей, ни союзников.

Любопытно, что многие оставшиеся в живых бойцы казачьей дивизии после войны писали, будто все зверства и насилия по отношению к местному населению творились не настоящими казаками, а внедренными в дивизию спецагентами НКВД. «*Еще в момент формирования 1-й казачьей дивизии*, — писал в своих воспоминаниях казак А. Сукало, — *в Млаве дивизионной контрразведкой был раскрыт ряд заговоров, имевших целью взорвать дивизию изнутри, внести в нее деморализацию и разложение. Организация заговоров*

[1] *Решин Л.* «Казаки» со свастикой. Документы из архивов КГБ // Родина. 1993. № 2. С. 77.

[2] Там же.

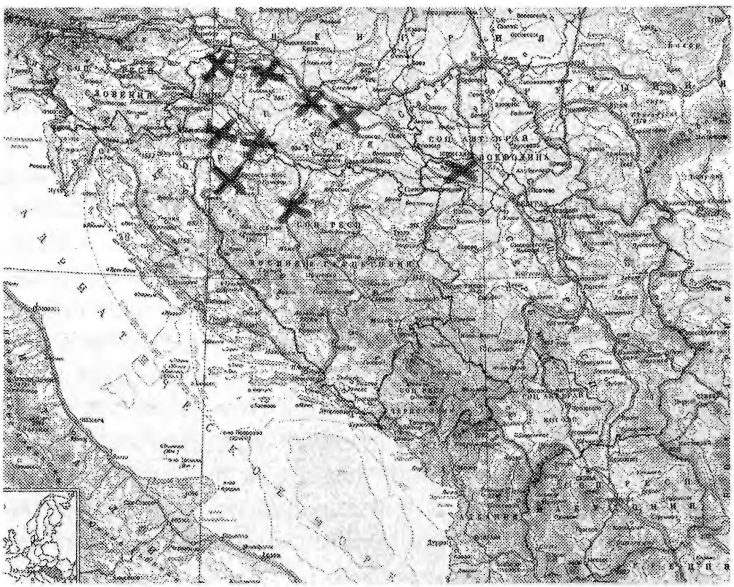
производилась группой агентов НКВД, просочившихся в дивизию под видом рядовых казаков. Самый серьезный заговор имел место в 6-м Терском полку. Двадцатого сентября один из осведомителей сообщил дивизионной контрразведке и дивизионному суду, что в упомянутом полку организована коммунистическая ячейка, имевшая своей целью захват 21 сентября оружия, находившегося в дивизионном складе и еще не розданного казакам, уничтожение офицерского состава и вывод дивизии из лагеря на соединение с оперировавшими в районе Млавы польскими партизанскими коммунистическими бандами, руководимыми советским офицером-энкаведистом. Заговорщики, в числе семи человек, будучи арестованными, после короткого запирательства, под давлением неопровержимых свидетельских показаний, сознались и показали, что они командированы Москвой в дивизию для совершения диверсионных актов и шпионажа. Все семь заговорщиков оказались офицерами, начиная с полковника и кончая младшим лейтенантом. В полку же они прикинулись неграмотными и просили при получении жалованья и обмундирования подписываться за них других грамотных казаков. Второй случай деятельности энкаведистов под видом казаков имел место уже в Хорватии. На одном из участков фронта к женщине, матери трех малолетних детей, жене железнодорожника, зашли два вооруженных «казака». Она угостила их прекрасным сытным завтраком. Но вместо благодарности посетители пристали к ней с гнусными предложениями. Женщина упала перед ними на колени и просила, ради детей, пощадить ее. Но насильники были неумолимы. Борясь с ними, женщина вырвалась и бросилась бежать. Но один из бандитов со словами: «Нет, шалишь! От нас не уйдешь!» — выстрелом из винтовки убил ее. Потом оба надругались над ее телом. Следствие выяснило, что оба они были подосланы большевиками-провокаторами, из которых убивший женщину был уроженцем Вологодской гу-

бернии и членом коммунистической партии, по фамилии Парфенов. Был случай изнасилования трехлетней девочки, другой — восьмидесятилетней старухи. Во всех упомянутых случаях следствием, произведенным дивизионным прокурором лейтенантом К. Седиковым, точно установлена принадлежность преступников к коммунистической партии и факт засылки их в дивизию органами НКВД»[1].

Несмотря на кажущуюся правдоподобность, подобные «версии» не имеют под собой основания по двум причинам. Во-первых, агенты НКВД в казачьей дивизии, конечно же, присутствовали, но главной их задачей были не провокации подобного рода, а сбор и отправка в «центр» важной разведывательной информации. Во-вторых, еще в апреле 1944 года генерал фон Паннвиц на официальной встрече с послом Хорватии признался, что в действиях его подчиненных чувствуется озлобленность не только по отношению к партизанам, но и к местному населению. «*Еще приходится слышать,* — сказал тогда генерал, — *о зверствах казаков, то позвольте мне, господа, высказать относительно этого особое мнение. Вы знаете, господа, что казак в течение 25 лет воспитывался по-большевистски и только около двух лет находится в рядах немецкой армии. Конечно, и в моей дивизии, хотя и немного, но есть такие казаки, у которых тяжело искореняется насильственно привитый им большевизм. Но такие элементы в дивизии выявляются своими же товарищами... Я не имею никакого повода к защите своих же казаков. В охваченной войной стране, где мы сейчас находимся, не всегда возможно перед каждой военной операцией определить заранее, что мож-*

---

[1] *Науменко В.Г.* Великое предательство. С. 21—22; Сборник материалов о выдаче казаков в Лиенце и других местах в 1945 году // Под редакцией В.Г. Науменко. Вып. 1—19. Orangeburg USA 1953—1960. Вып. 18. С. 24—25.

Карта 2. Места основных боев 1-й казачьей дивизии, впоследствии 15-го казачьего корпуса.

но и чего нельзя. Что же, лес рубят — щепки летят... В отношениях казаков к хорватскому населению постоянно чувствуется, что запуганный вражеской агитацией хорватский крестьянин либо избегает казака, либо относится к нему пренебрежительно... Поэтому совсем неудивительно, и так было бы при данных обстоятельствах и с солдатом всякой другой нации, что казаки иногда прибегают к алкоголю и в состоянии опьянения обнаруживают свое озлобление... С глубоким чувством я преклоняюсь перед жертвами, — закончил свою речь командующий 1-й казачьей дивизией, — *принесенными людьми моей дивизии. В боях сложили свои головы 18 офицеров, среди них 6 командиров эскадронов, 41 унтер-офицер и*

328 рядовых. 18 офицеров, 63 унтер-офицера и 398 рядовых получили ранения»[1].

Свой боевой путь[2] (*см. также Карту 1*) на Балканах 1-я казачья дивизия генерала фон Паннвица начала в первых числах октября 1943 года, когда провела первую антипартизанскую акцию в районе местечка Фруска-Гора (южнее Дуная), недалеко от Белграда. Эта операция была спланирована заранее, еще до прибытия казачьей дивизии на Балканы. Ее главной целью было уничтожение партизанских отрядов и баз севернее и западнее Белграда. В операции участвовали обе казачьи бригады, однако она закончилась безрезультатно, так как партизанские отряды всякий раз уклонялись от боя с намного превосходящими их силами противника. Тем не менее благодаря тому, что казакам удалось обнаружить и уничтожить несколько баз титовцев, немецкое командование оценило действия казачьей дивизии положительно.

В середине октября часть дивизии была переброшена в район западнее линии Вуковар—Винковцы—Врполье, на охрану коммуникаций. Штаб дивизии располагался в городе Винковцы, а затем в Джяково. Небольшие группы казаков охраняли участки дорог и, в особенности, транспортные магистрали, отражая постоянные нападения партизан. В течение месяца казакам удалось добиться почти полного усмирения этого района, в то время как хорватские части, находившие-

---

[1] Казачьи ведомости. Июнь—июль 1944. № 13—14. С. 2—7.

[2] Боевой путь 1-й казачьей дивизии составлен по следующим материалам: *Kern E.* General von Pannwitz und seine Kosaken; *Newland S.* Cossacks in the German army 1941—1945; *Littlejohn D.* Foreign legions of the Third Reich. — San Jose (Cf-lif.), 1987; *Littlejohn D.* The patriotic traitors. A history of collaboration in German occupied Europe; *Дробязко С.* Казачьи части в составе вермахта. В сб.: Материалы по истории русского освободительного движения 1941—1945. Вып. 1. М., 1997; материалы из Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО). Некоторые приказы см. в Приложении 3.11.

ся здесь до появления дивизии фон Паннвица, не могли справиться с ситуацией на протяжении полутора лет.

В конце ноября 2-я казачья бригада под командованием полковника Вагнера была временно переподчинена штабу 15-го немецкого горнострелкового корпуса и направлена в район Сараево для очистки территории от партизан и охраны путей сообщения на участке Дервента — Добой — Грачаница. Здесь же было предпринято несколько наступательных операций ограниченного характера. В то же время штаб дивизии вместе с 1-й бригадой и дивизионными частями переместились в район северо-западнее города Сисак и расположились двумя группировками: Сисак — Петринья — Глина и Сисак — Сунья — Костяница, частично поступив в распоряжение штаба 11-й панцер-гренадерской дивизии СС «Нордланд». Здесь 2-й Сибирский полк подполковника фон Нолькена выжег крестьянские хутора и поселки, где укрывались партизаны, обстреливавшие дорогу Гора—Глина. Вскоре области были переданы под контроль усташей, а дивизию перебросили в район Загреба, где она также несла службу на охране коммуникаций и боролась с местными партизанами.

Одновременно с боевыми операциями в конце 1943 года казаки участвовали и в специальных пропагандистских акциях. Например, несколько подразделений 2-й бригады недалеко от местечка Броды устроили показательную охоту на кабанов с использованием национальных охотничьих приемов, а усилиями 6-го Терского полка специально для местных жителей — сербов была организована и проведена традиционная кавказско-казачья джигитовка.

В январе 1944 года в дивизии произошли кадровые перемены: вместо отозванного в распоряжение ОКХ полковника фон Вольфа командиром 1-й казачьей бригады был назначен полковник Александр Павлович фон Боссе (казаки в знак уважения дружески называли его «Сашка не бойся»), а 2-й — подполковник фон Шульц (бывший начальник оперативного отдела штаба диви-

зии); командирами 1-го и 3-го казачьих полков стали соответственно подполковники Вагнер и Леман.

В середине января 2-я казачья бригада возвратилась из Боснии в распоряжение главных сил. После завершения операций в районе Глина—Гора, переданном затем под контроль хорватских усташей, дивизия была переброшена в район Ястребарско—Карловац (юго-западнее Загреба), где выполняла задачи по охране дорог и проводила операции местного значения. Здесь в феврале казаков удостоили своим посещением прибывшие из Белграда атаманы Донского, Кубанского, Терского и Астраханского войск за границей — генералы Татаркин, Науменко, Вдовенко и Ляхов, а также генерал-лейтенант Шкуро.

23 марта 1944 года 2-й Сибирский полк фон Нолькена, усиленный разведывательным дивизионом ротмистра Вайля, окружил под Дубравчаком (северо-западнее города Сисак) и полностью уничтожил партизанскую бригаду. На поле боя было обнаружено свыше 200 убитых партизан, до 200 человек было захвачено в плен. Потери казаков составили: 2 немецких и 1 казачий офицер, 8 немецких и 20 казачьих унтер-офицеров и рядовых. После этого боя дивизию посетили представители казачьей эмиграции. Они весьма неоднозначно охарактеризовали дивизию: «*Германские власти из военнопленных казаков и беженцев, которые ушли из казачьих областей вслед за отступающими немецкими войсками, образовали воинские части: дивизию в 22 тысячи человек, которая под командою немецкого генерала фон Паннвица ведет борьбу с коммунистическими повстанцами в Хорватии, и 5 батальонов пехотных, общей численностью в 6 тысяч человек, которые находятся в настоящее время во Франции... Донской атаман ген. Татаркин по приглашению нач. дивизии ген. фон Паннвица ездил в Хорватию познакомиться с этой дивизией, и молодые казаки-беженцы произвели на него хорошее впечатление. Они дис-*

циплинированны, хорошо настроены, враждебны к советскому и мечтают о возрождении казачества и старого быта... Офицерский состав в дивизии высший состоит из немецких офицеров, низший из красных казачьих командиров — военнопленных. Эти красные командиры далеко не на высоте положения: пьянствуют, играют в карты со своими казаками, в военном отношении плохо подготовлены, и ф. Паннвиц ими очень недоволен. Предполагается заменить красных командиров офицерами из состава старой эмиграции, но вопрос этот далек от разрешения в высших сферах, несмотря на требования ген. ф. Паннвица»[1].

Весной 1944 года штаб дивизии располагался в городе Ново-Градишка, а 1-я казачья бригада дислоцировалась по правому берегу р. Сава юго-восточнее линии Загреб—Сисак—Сунья—Костяница. В ходе очередной операции под кодовым названием «Шах» (начало мая), проводившейся одновременно с операцией «Ход конем» (главной целью которой был захват И. Броз Тито), 1-я казачья бригада действовала в районе юго-западнее Глина—Топуско. Однако после того как партизаны уклонились от боя с казаками, полки повернули назад. Во время отхода 2-й Сибирский полк попал в крайне трудное положение юго-западнее города Глина, оказавшись совершенно отрезанным партизанами от основных сил. Лишь своевременный подход 2-го батальона 373-й немецко-хорватской легионерской дивизии спас полк от полного окружения. После тяжелого боя 2-й Сибирский полк прорвал окружение и соединился с главными силами бригады.

1 мая 1944 года произошло знаменательное событие — в честь годовщины создания 1-й казачьей дивизии по приказу Адольфа Гитлера были полностью уравнены в правах германские солдаты и казаки. Согласно этому распоряжению, казаки стали носить знаки раз-

[1] ГАРФ. Ф. 6532. ОП. 1. Д. 89 (об). Л. 46.

личия Германской армии, но одновременно по-прежнему сохранялись и знаки казачьих войск. Казакам было разрешено носить лампасы и папахи, а вне боевой обстановки и традиционную казачью форму. «*Офицеры национальных соединений, занимающие штатные места и отвечающие всем требованиям в отношении характера, поведения, работоспособности и надежности*, — было сказано в приказе, — *будут в дальнейшем носить германские знаки различия и национальный наружный знак (на правом рукаве), а также кокарду в соответствии с имеющимися указаниями. Ношение германских знаков различия разрешается только после того, как каждый военнослужащий лично получит на то разрешение, которое будет занесено ему в книжку военнослужащего. Офицеры, о которых еще не установлено, достойны ли они носить германские знаки различия, привлекаются к дополнительному прохождению испытательных курсов*»[1]. Продовольственное снабжение казаков, фронтовые денежные и пайковые надбавки, оплата командировок начали производиться на тех же основаниях, что и для германского офицерского, унтер-офицерского и рядового состава. Дополнительное ежемесячное довольствие стало выдаваться национальными соединениями по существующим для германских военнослужащих тарифам. Что касается предоставления отпусков, офицерский и унтер-офицерский состав национальных соединений, в основном, был приравнен к германским военнослужащим. Добровольцы, не имеющие в Германии родственников, получили возможность проводить свой отпуск в специально предназначенных для этого домах отдыха. Вместе с тем вырабатывались новые распоряжения о выплате денежного довольствия военнослужащим национальных соединений, а также о порядке выплаты пособий семьям военнослужащих и пен-

[1] Казачья лава. 1944. № 8. 4 июня. С. 1.

сий инвалидам. Одновременно на всех добровольцев распространялись действующие в Германской армии уложения о воинском уголовном праве и о дисциплинарных взысканиях.

29 июня 1944 года началась операция из района Пожега — Талькессель в направлении Джяково, в которой участвовали 3-й Кубанский и 5-й Донской полки 2-й казачьей бригады. Но и здесь партизаны не приняли боя и отступили на север и восток. Такое странное поведение партизанских отрядов вызвало у командования дивизии сильное подозрение. После проведенного расследования появилось предположение, что в провале тщательно подготовленной операции виноват эмигрант-переводчик — зондерфюрер князь Мирский, выдавший титовцам планы своего командования и вскоре таинственно исчезнувший из расположения бригады.

Одновременно 1-я казачья бригада осуществляла крупную карательную операцию юго-западнее Загреба. Она началась 10 июля 1944 года. Три казачьих полка, продвигавшиеся с разных направлений, соединились в районе города Метлика, занятого партизанами. После недолгого сопротивления утром следующего дня Метлика с минимальными для казаков потерями была взята штурмом. По завершении операции в бригаде произошли кадровые перестановки: вместо выбывшего полковника фон Боссе командиром бригады был назначен полковник фон Баат, а командиром 4-го Кубанского полка — подполковник фон Кляйн.

Под руководством командира 2-й казачьей бригады фон Шульца 25—26 июля началась карательная операция в Боснии, в которой участвовали все те же 3-й Кубанский и 5-й Донской полки, действовавшие в направлении Черновица—Прнявор. В качестве усиления германским командованием был выделен полицейский полк. Результаты операции оказались незначительными: лишь 2-й пластунский дивизион 5-го Донского полка имел столкновение со слабыми силами пар-

тизан (последние были рассеяны). Полки прошли через горные лесные массивы и, перебравшись через Саву западнее местечка Брод с помощью казачьего саперного батальона майора Янса, вышли 2 августа в места прежней дислокации.

В середине августа 1944 года 2-я казачья бригада, действуя под непосредственным руководством генерала фон Паннвица, уничтожила несколько партизанских отрядов и опорных пунктов в районе Дарувар — Пакрац, а также в районе Бьела, восточнее гоорода Дарувар.

Между тем фронт стремительно приближался к Балканам. Ободренные успехами Красной армии и западных союзников, югославские партизаны вновь перешли в наступление, нанося все более чувствительные удары оккупационным властям. В конце сентября критическое положение сложилось в районе города Баня-Лука, где на сторону партизан перешла целая дивизия домобранов (добровольцев) с сильной артиллерией, в результате чего под контролем титовцев оказалась значительная территория. Лишь небольшой плацдарм на реке Сава 3-й Кубанский полк подполковника Лемана удерживал до подхода основных сил, а в крепости Баня-Лука оборонялась группа усташей.

По приказу командующего 69-м армейским корпусом генерала Аулеба в этот район с целью восстановить положение были направлены разведывательный дивизион 1-й казачьей дивизии, 3-й и 4-й Кубанские и 5-й Донской полки под командованием фон Паннвица, в помощь которому были выделены технические части 2-й танковой армии и отряд усташей под командованием полковника Люборича. После жестокого боя, в котором обе стороны понесли большие потери, город был взят, а окруженное подразделение усташей освобождено. Район между городами Босанска-Градишка и Баня-Лука был занят частями усташей при поддержке 2-й казачьей бригады. Когда ситуация здесь оконча-

тельно стабилизировалась, бригада была переброшена в долину р. Сава, оставив за собой плацдарм у Босанска-Градишки. К 20 октября 1944 года штаб 1-й казачьей дивизии был переведен из Ново-Градишки в Кутню, а 4-й Кубанский полк вернулся в район Сунья — Костяница.

Однако к этому времени силы на «Балканском фронте» были уже неравными, поскольку партизаны соединились с советскими войсками и образовали сплошной фронт. Они получили от Красной армии довольно ощутимую поддержку. Действия советских войск с фронта умело сочетались с ударами партизанских отрядов в немецком тылу.

С этого времени огромную опасность для командования дивизии начали представлять не только активизировавшиеся партизаны, но и резко усилившаяся коммунистическая пропаганда. Несмотря на то что, по официальным данным, результаты ее действия были довольно незначительными (как уже было сказано, по сведениям титовских партизан до конца войны на их сторону перешло не более 250 человек, включая нескольких казачьих офицеров и унтер-офицеров. Наиболее громким событием стал переход к партизанам командира взвода 5-го Донского полка — сотника Аксюка вместе со своим подразделением), коммунистическая пропаганда оказывала серьезное психологическое воздействие на моральное состояние личного состава, и немцам приходилось прикладывать немало усилий, чтобы дивизия попросту не вышла из-под контроля. «*Большинство казаков,* — писал в одном из донесений неизвестный советский разведчик, — *ненавидят немцев и знают о зверствах, творимых ими во временно оккупированных областях СССР, но боятся победы Красной Армии, так как считают, что будут осуждены на смерть, как изменники. Говорят, что их все равно ожидает смерть — в казачьей ли дивизии или вне ее. Большинство считает, что Красная Армия*

победит, и не верит вражеской пропаганде. Случается, что немцы шутя спрашивают: «Если Красная Армия победит, мы сдадимся, а что будете делать вы?» Дисциплина поддерживается страхом перед немцами и боязнью слежки в рядах казаков. Нередки были случаи вешания казаков, неприятельски настроенных в отношении командования. В 4-м Кубанском полку перед строем был повешен 1 казак, а в Лойнице, Великой Горице и Сиску были расстрелы только по подозрению в намерении перебежать к партизанам. Перешедшие на сторону партизан казаки говорят, что они уверены в том, что 50% казаков перешло бы на сторону партизан, если бы были доставлены казакам прокламации, в которых им была бы обеспечена жизнь при добровольном переходе. В 4-м Кубанском полку имеется 10—15% казаков-добровольцев. Они и являются наиболее боеспособными и следят за остальными казаками в бою и вне боя. Они стараются верить в победу Германии и в подачки немцев в виде казачьей республики и земельных наделов»[1].

В начале декабря 1944 года 2-я казачья бригада полковника фон Шульца выступила навстречу частям 3-го Украинского фронта генерала Толбухина, перед которым стояла задача как можно быстрее соединиться с отрядами Тито, действовавшими на севере Хорватии. В составе 3-го Кубанского, 5-го Донского и 6-го Терского полков, усиленного артиллерийского дивизиона, саперного батальона, роты связи, санитарной роты, а также колонны снабжения бригада начала свой поход. Маршрут пролегал через Кутню, Поповачу и Клоштар Иванич в район Копривницы, недалеко от реки Драва. Партизаны всеми возможными способами препятствовали продвижению бригады. Они минировали дороги и мосты, нападали на колонны. Однако,

---

[1] *Алферьев Б., Крук В.* Походный атаман батька фон Паннвиц. С. 88—90.

несмотря на это, уже 10 декабря бригада достигла городка Копривницы, который обороняли усташи под командованием полковника Бобана. После однодневного отдыха казачьи полки двинулись на восток к Новиграду, продолжая по пути отбивать атаки партизан. В городе Клоштар юго-восточнее Дворджеваца казаки учинили расправу над мирными жителями, которые в ожидании Советской армии заранее заготовили транспаранты с приветствиями.

К этому времени части 233-й советской стрелковой дивизии под командованием полковника Сидоренко заняли плацдарм на правом берегу реки Драва и, развернувшись фронтом на запад, юг и восток, ожидали подхода югославских частей. Утром 17 декабря 6-й Терский полк подполковника Зальма и отряды усташей провели разведку боем, в ходе которой оценили группировку Советской армии. Получив эти сведения, прибывший в расположение бригады генерал фон Паннвиц принял решение немедленно атаковать оборонительные порядки советских войск, чтобы не допустить их соединения с югославскими партизанами.

26 декабря в 7.30 утра три казачьих полка, усиленные отрядами усташей, перешли в наступление в общем направлении на м. Питомача, где оборонялись советские 703-й стрелковый полк 233-й дивизии, 23-й огнеметный батальон, два дивизиона 684-го артиллерийского полка и взвод зенитно-пулеметной роты. 3-й Кубанский полк действовал в направлении м. Джуретин (севернее Питомачи), 5-й Донской атаковал Питомачу в лоб, а 6-й Терский — в обход Питомачи с юга в направлении Ст. Градац.

К 9 часам утра наступающим казакам удалось овладеть населенными пунктами Клодара, Острованец и Седлерица, однако 703-й стрелковый полк Советской армии, отражая удар превосходящих сил противника северо-западнее и южнее Питомачи, продолжал удерживать занимаемые позиции. По решению командова-

ния 233-й дивизии, на линию железной дороги южнее Питомачи был переброшен резерв командира 703-го стрелкового полка — рота автоматчиков, а в район Ст. Градац и на юго-восточную окраину Питомачи — две батареи 684-го артиллерийского полка — с задачей не допустить обхода Питомачи казаками и немцами с юга. Дополнительные силы были также подтянуты из района Вировитицы. Продолжая наступление, 6-й Терский полк в 12.00 смял батарею 684-го артполка, овладел Ст. Градац и, оседлав шоссейную дорогу частью сил для прикрытия тыла, пошел в наступление на Питомачу с востока. Одновременно возобновили свои атаки 3-й Кубанский и 5-й Донской полки. По приказу фон Паннвица в цепи атакующих выдвинулся конно-артиллерийский дивизион майора Коттулинского, которому удалось подавить советскую артиллерию. В 15.00 казаки ценой огромных потерь все же прорвали оборону 703-го полка на участке Джуретина и на юго-западной окраине Питомачи.

В 17.00 казаки ворвались на окраины Питомачи и завязали уличные бои, продолжавшиеся до глубокого вечера. К 21.00 боевые порядки 703-го полка Советской армии были полностью смяты, и его остатки начали прорываться из окружения в район Штишка — Буковица. Подошедшим свежим частям удалось отбить Ст. Градац, однако дальнейшее наступление на Питомачу было прекращено, и советские войска перешли к обороне.

К утру 27 декабря Питомача была полностью очищена от советских войск. В руки казаков попала вся материальная часть 703-го стрелкового полка, двух артиллерийских дивизионов и огнеметного батальона — 29 орудий, 6 минометов, 42 пулемета, 149 огнеметов, 13 противотанковых ружей, 72 автомата, несколько сотен винтовок, а также много автомашин и боеприпасов. Потери советских войск составили примерно 200 человек убитыми, еще 150 красноармейцев попали в плен. Потери казаков также составили примерно 200

человек убитыми, еще около 50 казаков и усташей попали в плен, где были немедленно расстреляны. Тем не менее успех казачьей бригады был очевиден. На следующее утро генерал фон Паннвиц прямо на поле боя вручил всем отличившимся казакам и офицерам немецкие боевые награды. Через несколько дней об этой победе упомянули в сводках германского Верховного командования, где было сказано буквально следующее: «Все части 1-й казачьей кавалерийской дивизии показали себя в высшей степени боеспособными и доблестными, за что Фюрер выразил свою признательность».

После достигнутого успеха 2-я казачья бригада укрепилась в районе Питомача — Ст. Градац — Списыч — Буковина, где постоянно подвергалась обстрелам советских батарей, расположенных на левом берегу Дравы. С юга части Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) при поддержке советской артиллерии пытались прорвать позиции 5-го Донского полка, который держался из последних сил.

5 января 1945 года 2-я казачья бригада получила приказ командования 69-го армейского корпуса занять Вировитицу, однако атака ее полков на открытой местности была остановлена артиллерийским огнем, причинившим казакам большой урон. По приказу немецкого командования наступление было прекращено, а 6-й Терский полк выведен с фронта и направлен на борьбу против партизан, обосновавшихся в горных лесных массивах южнее Питомачи.

1-я казачья бригада 7—8 января сосредоточилась в долине реки Сава. Вместо раненного осколком мины фон Баата бригаду возглавил полковник Кернер. У Бановой Яруги в Верхней Герцеговине и в районе Липик—Пакрац бригада успешно сражалась с наступавшими с востока крупными силами югославской армии, содействуя таким образом операции 2-й бригады против Вировитицы. Перед 2-й казачьей бригадой вскоре была поставлена новая задача: прикрыть отход с фронта горно-стрелковой дивизии СС «Принц Евгений». Что-

бы обеспечить безопасный проход последней, 3-й Кубанский полк был выдвинут к южному берегу Дравы в район города Барч, в то время как 6-й Терский полк блокировал с юга район Вировитицы, а 5-й Донской — держал фронт в районе Питомача — Ст. Градац. Подчиненная штабу 2-й бригады немецкая штурмовая бригада «Юго-Восток» охраняла участок северо-восточнее Вировитицы — до правого берега Дравы.

Весной 1945 года казакам фон Паннвица довелось принять участие в последней крупной наступательной операции вермахта, развернувшейся на равнинах Венгрии в районе озера Балатон. В результате кровопролитных боев на южном фасе Балатонского выступа 81-му армейскому корпусу и 4-му Кубанскому казачьему полку удалось создать плацдарм на левом берегу Дравы в районе Волпово (северо-западнее города Осиек). Против немцев на этом участке фронта действовали войска 1-й болгарской армии. В ночь на 23 марта 4-й Кубанский полк атаковал болгарские артиллерийские позиции. Под покровом темноты и густого леса четыре сотни казаков под командованием ротмистра Маха выдвинулись на исходный рубеж, а затем на полном скаку неожиданно ворвались на позиции болгар, заставив артиллерийскую прислугу спасаться бегством. На свои позиции казаки, понесшие лишь незначительные потери, привели 450 пленных.

Глава 7

15-й КАЗАЧИЙ КАВАЛЕРИЙСКИЙ КОРПУС СС

К концу лета 1944 года положение нацистской Германии стало угрожающим. Советские войска, которые в основном уже завершили освобождение оккупированных территорий Советского Союза, вплотную при-

близились к границам «Германского рейха». На Западе 6 июня союзники наконец-то открыли Второй фронт, и германская военная машина потеряла последние возможности для маневра резервами и переброски сил с одного направления на другое. Для обороны немецких границ элементарно не хватало людей, Третий рейх трещал по швам. Немецкому руководству необходимо было в срочном порядке изыскивать дополнительные мобилизационные ресурсы и формировать новые дивизии. Исключительные полномочия здесь были предоставлены рейхсфюреру СС Г. Гиммлеру. Стремясь еще более укрепить свои позиции и одновременно ослабить влияние армии[1], он в августе 1944 года добился передачи в распоряжение СС всех инонациональных частей и соединений сухопутных войск.

Естественно, что 1-я казачья дивизия, являвшаяся, пожалуй, самым лакомым кусочком для Гиммлера, не осталась в стороне. На совещании с участием фон Паннвица и других командиров казачьих формирований, а также генерал-лейтенанта А.Г. Шкуро, состоявшемся в начале сентября в ставке Гиммлера, было принято решение о развертывании дивизии в казачий кавалерийский корпус. Для этой цели при Главном штабе СС создавался специальный орган — Резерв казачьих войск, в распоряжение которого предполагалось отправить всех казаков: эмигрантов и бывших «подсоветских», находящихся в лагерях военнопленных и среди восточных рабочих на германских предприятиях, в частях СС, полиции и армии, — всех, кто был способен носить оружие. Начальником Казачьего резерва приказом рейхсфюрера СС Гиммлера от 5 сентября 1944 года был назначен генерал-лейтенант А.Г. Шкуро.

---

[1] На протяжении всей своей политической карьеры Гиммлер открыто конфликтовал с армейскими начальниками, видя в них конкурентов для своей собственной армии — СС. Те в свою очередь отвечали ему взаимностью.

«Поднимайтесь все, — обратился он в день своего назначения с официальным приказом ко всем казакам, — *в чьих жилах течет казачья кровь, все, кто еще чувствует себя способным помочь общему делу. Казак — эмигрант ли ты 1920 года, пришел ли сейчас с Германскими войсками с Востока, находился ли в лагерях военнопленных, в Восточных лагерях, в частях «СС» или в полиции и других германских учреждениях, все уроженцы казачьих областей, родители которых были тамошние коренные жители, уроженцы Ставропольской и Черноморской губерний, потомки казаков, насильно оторванные от казачьей семьи, — всех вас я призываю немедля являться в местные учреждения войск «СС» и местные казачьи организации, заявлять о своем казачьем происхождении или письменно сообщать о том же в мой штаб... Все установления войск «СС» германских вооруженных сил получили приказ Государственного Руководителя «СС» оказывать вам всем полное содействие и направлять всех казаков от 18 до 50 лет, а офицеров до 60 лет, в Леобен около Граца для формирования, а остальных казаков, а также казачьи семьи направлять в Вену для дальнейшего следования в места казачьего поселения»*[1]. 17 сентября за подписью начальника Главного управления Казачьих войск генерала П.Н. Краснова вышел специальный приказ № 15 «О формировании казачьего корпуса и задачах Казачьего Стана». *«...Первая казачья дивизия,* — говорилось в приказе, — *генерал-лейтенанта фон Паннвица избрана Фюрером сборным местом всех казаков. Все казаки должны соединиться вместе и составить один казачий корпус... Все казаки мобилизуются и собираются в особый КАЗАЧИЙ РЕЗЕРВ, начальником которого назначен Кубанского Казачьего Войска ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ ШКУРО. Бить врага нужно не растопыренными пальцами,*

[1] Казачья лава. 1944. № 26. 5 октября. С. 1.

но крепко сжатым могучим кулаком... Приказ этот не касается частей Походного атамана полковника Доманова, которые имеют особое назначение очистить от партизан и бандитов временную казачью землю (в Италии. — ***П.К.***) *для поселения на ней казачьих семей и для охраны их на этой земле»*[1] (полный текст этих уникальных документов см. в Приложении 3.12).

Сам генерал П.Н. Краснов отнесся к решению о формировании целого казачьего корпуса в составе войск СС как к сигналу о всеобщей казачьей мобилизации: «*По существу*, — писал он генерал-лейтенанту Е.И. Балабину, — *речь идет уже не о добровольном поступлении, но о мобилизации. Лучше теперь же поступить добровольно, чем потом быть призванным насильно, что казаку и неприлично, так как при таком призыве он попадает в русскую часть наряду с военнопленными красноармейцами, где ему будет чуждо и жутко»*[2].

Уже к середине сентября в Берлине были образованы комендатуры и вербовочный штаб, в состав которых вошли 11 казачьих офицеров, 2 унтер-офицера и 2 казака. Для организации вербовочной работы выделялось 25 офицеров и столько же казаков. Был создан также этапный лагерь для приема мобилизованных, где в качестве обслуживающего персонала и охраны были задействованы 21 казак, 1 врач и 1 санитар. Вербовочные штабы предполагалось создать также в Праге (в составе 10 человек) и Вене (2 человека). Весь штатный состав Резерва казачьих войск, таким образом, определялся в 100 человек, в том числе 1 генерал, 48 офицеров и 51 казак[3]. В работе по вербовке и регистрации казаков генералу Шкуро было предписано поль-

---

[1] Казачья лава. 1944. № 26. 5 октября. С. 1.

[2] *Решин Л.* «Казаки» со свастикой. Документы из архивов КГБ // Родина. 1993. № 2. С. 77—78; ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 18. Л. 13 (об).

[3] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 13. Л. 183 (об).

зоваться содействием министерства Розенберга и дублировавшего его отделения СС «Остраум» для выяснения вопросов по гражданской части казачьего управления.

Весть о начале формирования «казачьей армии», да еще в составе войск СС, быстро разнеслась по Европе, и все «добровольцы», воюющие на стороне Германии и имеющие казачьи корни, начали писать заявления с просьбами о своем переводе в создаваемый корпус. Вот одно из таких писем, направленное в октябре 1944 года неким казаком Анатолием Шторгиным в штаб-квартиру Казачьего национально-освободительного движения в Праге: «*Я прошу, чтобы меня перевели в Казачьи войска. Я сейчас нахожусь в армии SS Галицкой дивизии ввиду того, что немного говорю по-украински... Прошу, чтобы меня перевели в казачью Армию, поскольку я являюсь казаком Кубанского войска с. Дондуковской*»[1].

Возрастные рамки вербуемых в ряды казачьего корпуса были ограничены 45 годами для рядовых казаков и 50 для офицеров[2]. Одну из двух дивизий корпуса предполагалось комплектовать исключительно казачьими офицерами и под казачьим командованием. Первоначально запись добровольцев тормозилась приказом о том, что офицерами и унтер-офицерами могут быть только лица, знающие немецкий язык и немецкие уставы, хотя мало кто из казаков-эмигрантов, не говоря уж о «подсоветских», соответствовал этим требованиям. Однако вскоре благодаря усилиям генерала П.Н. Краснова[3] этот приказ был отменен, и каза-

[1] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 102. Л. 24.

[2] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 10. Л. 342.

[3] Любопытно, что сам генерал, несмотря на то что содействовал отмене данного приказа, считал, что каждый казак-офицер обязан знать немецкий язык, и даже говорил: «Без некоторого знания немецкого языка положение офицера будет трудным, и мало надежды, чтобы такой офицер мог остаться в части».

ков стали принимать в корпус вне зависимости от знания ими немецкого языка. Таким образом, использование казаков на офицерских и унтер-офицерских должностях должно было определяться лишь их профессиональной пригодностью.

Деятельность Резерва казачьих войск протекала независимо от Главного управления казачьих войск генерала П.Н. Краснова, однако отношения между этими двумя органами складывались благоприятно, и последнее активно помогало А.Г. Шкуро, не вмешиваясь в его действия. Однако на практике идея сбора казаков в единое воинское формирование столкнулась с немалыми трудностями, которые были связаны прежде всего с межведомственными отношениями внутри Рейха. Сложившуюся ситуацию наглядно иллюстрирует сообщение атамана Е.И. Балабина о трудностях, связанных с формированием инженерных частей из казаков в Праге: *«Германская армия состоит из частей Вермахта и частей СС и СД... В Варшаве в батальоне СС более тысячи казаков и в сотне СД 250 казаков — новых эмигрантов. Но СС не имеет саперных, железнодорожных, танковых и других технических частей. Все это принадлежит Вермахту. Вермахт же никому не верит, и все формирования производит сам»*[1].

Пожалуй, главной трудностью в работе нового органа было освобождение казаков с немецких заводов для зачисления их в строй. Несмотря на распоряжение Главного управления СС о том, чтобы таких рабочих увольняли с производства, администрация предприятий игнорировала его, ссылаясь на приказы германского трудового фронта. Освобождать казаков удавалось лишь после долгих препирательств с другими ведомствами. Были и прочие сложности в формировании казачьего корпуса, а именно — личность самого генерала А.Г. Шкуро. Вот как характеризует его деятельность

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 14. Л. 221.

в первые месяцы после назначения на должность начальника Резерва казачьих войск видный деятель казачьей эмиграции С.В. Маракуев: «Шкуро отозван в Берлин ввиду недостойного поведения в Вене... Он прикомандировывается к Главному Управлению, вероятно, по проискам Науменки (атамана В.Г. Науменко) и вопреки желанию Краснова, который этим назначением очень недоволен. Недоволен от также Ген. Науменко, который успел втереть в Гл. Упр. 9 кубанцев. В разговоре с Балабиным П.Н. высказал это недовольство, сказав о кубанцах, что *«они казачьи жиды» по своим ухищрениям и пролазничеству... Шкуро в Вене пьянствовал, брал взятки за выдачу удостоверений о прикомандировании «к его штабу»*[1].

Естественно, в таких условиях результаты деятельности Резерва казачьих войск никак не могли быть значительными. Уже после войны, давая показания на Лубянке, генерал А.Г. Шкуро сообщил, что с сентября 1944 года по апрель 1945 года им было направлено в 5-й запасной полк корпуса фон Паннвица до двух тысяч человек, а в Казачий Стан Доманова — до семи тысяч человек, главным образом стариков, женщин и детей[2].

Таким образом, можно сделать вывод, что главным источником пополнения для нового казачьего корпуса были боевые части казаков, перебрасываемые с других участков фронта. Осенью 1944 года в дивизию генерала фон Паннвица стали прибывать из разных мест большие и малые казачьи группы и целые воинские части. В их числе были два казачьих батальона из Кракова, 69-й полицейский батальон из Варшавы, батальон заводской охраны из Ганновера и, наконец, 360-й казачий полк фон Рентельна, с боями прорвавшийся на соединение с корпусом с Западного фронта. 5-й казачий

[1] ГАРФ. Ф. 6532. ОП. 1. Д. 89 (об). Л. 4.

[2] «Казаки» со свастикой // Родина. 1993. № 2. С. 72.

учебно-запасной полк, дислоцировавшийся во Франции, был переброшен в Австрию (г. Цветле) — поближе к району действия дивизии. Кроме того, дивизию пополнили 1-я, 2-я и 3-я Волчьи сотни.

Об этих не совсем обычных казачьих формированиях стоит рассказать поподробнее. 1-я Волчья казачья сотня была организована 26 декабря 1943 года группой молодых казаков-добровольцев. В приказе по поводу формирования этой сотни было сказано: «*Название Волчьей сотни — особых отрядов генерала А.Г. Шкуро в годы Гражданской войны — было грозою и смертью для большевиков. Пусть оно и в наши дни борьбы с ними страшит их и приносит им разгром и смерть*»[1]. Командиром сформированной сотни стал подъесаул П.Ф. Беспалов, воевавший перед тем 9 месяцев вместе со своей Особой горной казачьей сотней на передовых рубежах «Кубанского предмостного укрепления». Как и в годы Гражданской войны, казаков из Волчьих сотен отличали волчьи хвосты на башлыках вместо шерстяных махров, а на их черных знаменах изображалась оскаленная волчья пасть.

Вслед за 1-й было решено создать 2-ю Волчью казачью сотню. Организовать ее германское командование поручило есаулу П.К. Емцову — старому казаку, активному частнику сражений еще Гражданской войны, бойцу 2-го офицерского конного полка Дроздовской дивизии, заключенному многих советских концлагерей. К началу февраля 1944 года сотня была полностью сформирована и направлена во Францию.

Вскоре появилась и 3-я Волчья сотня, только, в отличие от двух первых, она не была сформирована заново, а получила наименование Волчьей за боевые заслуги. «*3 февраля 1943 года*, — рассказывается о боевом пути этого подразделения в газете «Казачья лава», —

---

[1] Казачья лава. 1944. № 29. 12 октября.

лучшие сыны станицы Динской с оружием в руках на своих боевых конях выступили в поход на Запад... По дороге к динцам присоединились казаки станиц Ново-Титоровской и Старомышастовской. Образовался отряд в 146 вооруженных казаков. Во главе его стал Атаман станицы Динской сотник Павел Борисович Рябовол... Отряд в полном составе прибыл в Керчь. Отсюда он двинулся к пункту своего назначения — в город Винницу... Казачий отряд был немедленно брошен на борьбу с красными партизанами, действовавшими в районе Гайсина... После первого боевого «крещения» сотня Рябовола получила приказ разбиться на 4 группы. Их командирами были назначены сотники Салай и Злой, хорунжие Демченко и Скопец... В декабре 1943 года на юге Украины организовалась 1-я Волчья казачья сотня под командованием подъесаула Беспалого. Ей был дан приказ выступить в поход в город Гайсин, там соединиться с сотней Рябовола... За славные боевые подвиги, совершенные к тому времени сотней Рябовола, ей было присвоено имя 3-й Волчьей казачьей сотни... 29 ноября 1943 года казаки покинули Гайсин и по приказу Германского командования вошли в состав 14-го сводного казачьего полка»[1].

Летом 1944 года слухи об организации Волчьих казачьих сотен дошли до генерал-лейтенанта А.Г. Шкуро. Вскоре ему был передан рапорт есаула М. Земцова, в котором подробно рассказывалось о формировании и боевом пути этих подразделений. Растроганный таким вниманием, атаман выразил желание лично посетить сотни на фронте и написал специальное обращение к «Казакам Волчьих сотен»: «*Мои родные молодые волчата! С чувством неизъяснимой гордости и безграничной радости я прочитал рапорт есаула М. Земцова о сформированных 3 Волчьих казачьих сотнях под ко-*

---

[1] Казачья лава. 1944. № 12. 29 июня. С. 3.

мандованием подъесаула П. Беспалова (1 сотня), есаула П. Емцова (2 сотня), сотника П. Рябовола (3 сотня)... Мои родные сынки, волчата! Мои лихие и дорогие! Благословляю вас на ваше служение родной Кубани. Боритесь до последней капли крови, до последнего вздоха, за наше славное прошлое и за наше светлое будущее! Знайте твердо, что только вместе с Германской армией вы достигнете победы и сможете вернуться в свои станицы, к семьям своим!»[1]

Одновременно с пополнением в дивизию начало прибывать дополнительное вооружение, обмундирование и снаряжение. В течение двух месяцев номинальная численность дивизии увеличилась почти вдвое, но в то же время подготовка развертывания ее в корпус была затруднена непрекращающимися боями против партизан и нехваткой тяжелого вооружения.

В конце 1944 года организационная структура и статус 1-й казачьей дивизии претерпели серьезные изменения. Приказом от 4 ноября дивизия была передана на время войны в состав войск СС. Несмотря на то что эта передача носила, в общем-то, формально-бумажный характер, она позволила серьезно улучшить обеспечение дивизии оружием, техникой и автотранспортом. К уже имеющемуся вооружению казаки получили несколько шестиствольных минометов и 12 единиц бронетехники. В остальном же дивизия продолжала оставаться боевым соединением вермахта, а ее кадровый состав не получил никаких документов, фиксировавших принадлежность офицеров и солдат к эсэсовским формированиям нацистской Германии. Одному лишь генералу фон Паннвицу 1 февраля 1945 года был официально присвоен чин группенфюрера и генерал-лейтенанта войск СС.

Наконец приказом от 25 февраля 1945 года 1-я ка-

---

[1] Казачья лава. 1944. № 20. 24 августа. С. 3.

зачья кавалерийская дивизия была преобразована в 15-й кавалерийский корпус войск СС. 1-я и 2-я бригады переименовывались соответственно в 1-ю и 2-ю казачьи дивизии практически без изменения их состава и организационной структуры. На базе 5-го Донского полка И.Н. Кононова началось формирование Пластунской бригады в составе двух полков с перспективой развертывания в 3-ю казачью дивизию. Формально 5-й Донской полк в составе 2-й казачьей дивизии остался, но только теперь он был сформирован из двух отдельных дивизионов из числа частей, прибывших с других фронтов. На основе конно-артиллерийских дивизионов в казачьих дивизиях началось формирование конно-артиллерийских полков.

По состоянию на 25 февраля 1945 года 15-й кавалерийский корпус генерала фон Паннвица имел следующий боевой состав:

Штаб корпуса (начальник штаба полковник Штайнсдорф).

Корпусный разведывательный дивизион (майор Вайль).

1-я казачья кавалерийская дивизия (полковник фон Баат, и.о. командира полковник Вагнер):

1-й Донской казачий полк (полковник Вагнер);

2-й Сибирский казачий полк (полковник фон Нолькен);

4-й Кубанский казачий полк (подполковник фон Кляйн);

1-й казачий артиллерийский полк (майор фон Эйзенхард-Роте), находился в стадии формирования;

дивизионные части и полк снабжения.

2-я казачья кавалерийская дивизия (полковник фон Шульц):

3-й Кубанский казачий полк (подполковник Леман);

5-й Донской казачий полк (майор Эльц);

6-й Терский казачий полк (подполковник принц цу Зальм-Хорстмар);

2-й казачий артиллерийский полк (майор граф Коттулинский);

дивизионные части и полк снабжения.

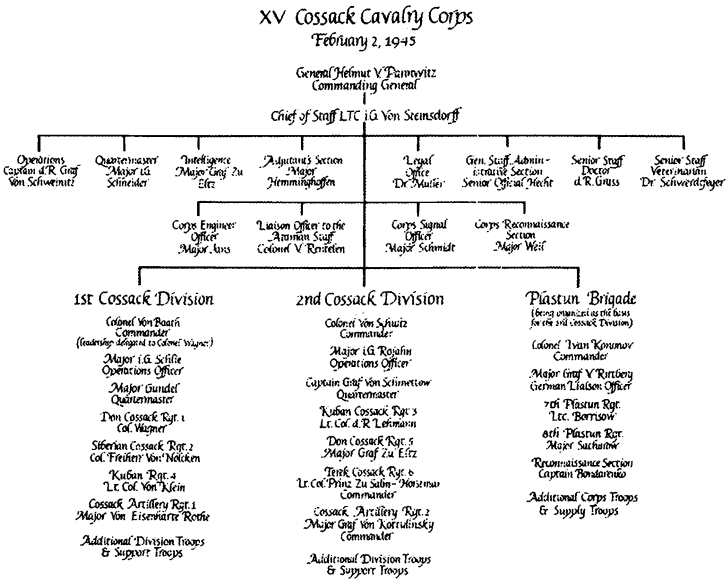

Схема 9. 15-й Казачий Кавалерийский корпус

Пластунская бригада — формирующаяся 3-я казачья дивизия (полковник И. Кононов):

7-й пластунский полк (войсковой старшина Борисов);

8-й пластунский полк (есаул Захаров);

Разведывательный дивизион.

Корпусные части боевого и тылового обеспечения[1] (*см. также табл.*).

Общая численность корпуса достигла примерно 25 тысяч солдат и офицеров. Кроме того, на завершающем этапе войны вместе с 15-м казачьим корпусом СС действовали такие восточные формирования, как калмыцкий полк (до 5 тысяч человек), кавказский конный дивизион, украинский батальон СС и группы танкистов Русской освободительной армии.

---

[1] *Kern E.* General von Pannwitz und seine Kosaken; *Newland S.* Cossacks in the German army 1941—1945; *Дробязко С.* Казачьи части в составе вермахта.

	Personnel			Weapons			Horses and Vehicles			
	O	NCO	EM	Pistols	Sub Machine Guns	Carbines	Riding Horses	Draft Horses	Cars	Trucks
Commanding General	1	–	–	1	–	–	1	–	1	–
Chief of Staff	1	–	–	1	–	–	1	–	1	–
Operations Officer (Ia)	1	–	–	1	–	–	1	–	1	–
Special Staff Officer*	1	–	–	1	–	–	1	–	–	–
Personnel Officer (IIa)	1	–	–	1	–	–	1	–	–	–
Special Staff Officer*	1	–	–	1	–	–	1	–	–	–
Personnel Officer (IIb)	1	–	–	1	–	–	1	–	–	–
Clerks	–	8	4	–	–	12	–	–	–	–
Drivers	–	1	2	–	–	3	–	–	–	1
Orderlies	–	–	8	–	–	8	7	1	–	–
Intelligence Officer (Ic) I	–	–	–	1	–	–	1	–	1	–
Special Staff Officer*	1	–	–	1	–	–	1	–	–	–
Clerks	–	2	1	–	–	3	–	1	–	–
Driver	–	–	1	–	–	1	–	–	–	–
Orderlies	–	–	2	–	–	2	2	–	–	–
Corps Artillery Commander	1	–	–	1	–	–	1	–	1	–
Executive Officer	1	–	–	1	–	–	1	–	–	–
Special Staff Officer*	1	–	–	1	–	–	1	–	–	–
Clerks	–	2	4	–	–	6	2	4	–	–
Driver	–	–	1	–	–	1	–	–	–	–
Orderlies	–	–	3	–	–	3	3	–	–	–
Corps Engineer	1	–	–	1	–	–	–	–	1	–
Executive Officer	1	–	–	1	–	–	–	–	–	–
Special Staff Officer*	1	–	–	1	–	–	–	–	–	–
Clerks	–	2	2	–	2	–	–	–	–	1
Drivers	–	–	2	–	–	2	–	–	–	–
Orderlies	–	–	3	–	–	3	–	–	–	–

* Acted as interpreter and adviser on characteristics of the Cossacks.

	Personnel			Weapons				Vehicles and Horses				
	O	NCO	EM	Pistols	Sub Machine Guns	Carbines	Machine Guns	Riding Horses	Draft Horses	Wagons	Cars	Trucks
Supply and Administration Officer	1	–	–	1	–	–	–	1	–	–	1	–
Corps Civilian Administrative Official	1	–	1	1	–	–	–	–	–	–	1	–
Clerks	–	4	2	–	–	6	–	–	–	–	–	1
Special Staff Officer*	1	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–
Paymasters	–	5	–	5	–	–	–	–	–	–	–	1
Orderlies and Drivers	–	–	16	–	–	16	–	1	–	–	–	–
Staff of Ataman Commander	1	–	–	1	–	–	–	–	2	1	–	–
Officers	6	–	–	6	–	–	–	–	4	2	–	–
NCOs	–	4	–	–	–	4	–	–	1	1	–	–
Officer Interpreters	2	–	–	2	–	–	–	–	1	1	–	–
EM	–	–	10	–	–	10	–	–	3	3	–	–
Corps Surgeon	1	–	–	1	–	–	–	–	–	–	1	–
Executive Officer	1	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–
Clerk	–	1	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–
Orderlies and Drivers	–	–	2	–	–	2	–	–	–	–	–	–
Corps Veterinarian	1	–	–	1	–	–	–	1	–	–	1	–
Executive Officer	1	–	–	1	–	–	–	1	–	–	–	–
Clerk	–	1	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–
Orderlies and Drivers	–	–	3	–	–	3	–	2	–	–	–	–

Таблица личного состава 15-го Казачьего корпуса

15-му казачьему кавалерийскому корпусу вплоть до последних дней войны приходилось вести крайне тяжелую борьбу на два фронта, отражая удары болгарских войск и частей Народно-освободительной армии Югославии. Лишь в первых числах мая 1-я казачья дивизия и Пластунская бригада были сменены на линии Соколовац — Копривница — р. Драва 2-й казачьей дивизией и начали отступление в направлении Лютберг — Вараждин. 2-я дивизия удерживала эту линию

до 6 мая, пока и она не получила приказ отходить. Преодолевая горные перевалы и сбивая вставшие на пути партизанские заслоны, казаки фон Паннвица прорвались в Австрию, где 11—12 мая сложили оружие перед англичанами. Дело доходило до курьезов: так, 6-й Терский полк подполковника Зальма, пути отхода которого были отрезаны болгарской дивизией, сдался в плен английским солдатам из находившегося неподалеку лагеря военнопленных.

Подводя итог, можно сказать, что на заключительном этапе войны 1-я казачья кавалерийская дивизия, преобразованная впоследствии в 15-й кавалерийский корпус СС, оказала огромное влияние на ход войны на Балканах, став, по сути, единственной силой, способной справиться с югославскими партизанами, имеющими поддержку и снабжение советского правительства. Благодаря отличной боевой выучке, тактической подготовке и достаточно высокому уровню идейной сплоченности казаки провоевали на стороне немцев вплоть до капитуляции Германии. По оценке многих исследователей, именно 1-я казачья кавалерийская дивизия и 15-й кавалерийский корпус СС были в германском вермахте одними из самых крупных, надежных и боеспособных воинских формирований из восточных «добровольцев».

Глава 8

КАЗАКИ В РУССКОМ ОХРАННОМ КОРПУСЕ НА БАЛКАНАХ

Уже в июне 1941 года, сразу же после нападения Германии на Советский Союз, довольно большое количество казаков-эмигрантов высказало желание принять личное участие в борьбе против СССР и поступить на службу в те или иные боевые формирования вермахта,

действовавшие на Восточном фронте. Несмотря на довольно строгие распоряжения германских властей, направленные на полное отстранение эмиграции от участия в судьбе России, они тем не менее находили огромное количество лазеек для проникновения на службу в различные немецкие военные и хозяйственные учреждения в качестве переводчиков, врачей, инженеров, юристов, землемеров, техников, шоферов и сестер милосердия.

С 1942 года этот процесс становится все более заметным. Так, в мае—июне этого года из Парижа в оккупированные советские районы тремя партиями выехали несколько сотен офицеров, включая казаков, для формирования охранных частей из военнопленных[1]. Бывшему командиру лейб-гвардии Казачьего полка генерал-майору В.А. Дьякову германская автотранспортная организация «Шпеер» поручила вербовку эмигрантов в качестве инструкторов для работы с советскими военнопленными, а также в качестве шоферов и технического персонала для укомплектования автоколонн[2]. Конечно, такое небольшое количество казаков-эмигрантов, попавших на Восточный фронт, не могло удовлетворить чаяния всей многочисленной и крайне агрессивно настроенной эмиграции. К тому же вскоре стало окончательно ясно, что частей из казаков-эмигрантов немцы создавать не планируют, так как они разочаровались даже в тех немногочисленных «помощниках», кому все-таки удалось попасть на Восток. В связи с этим весьма показательна оценка деятельности казаков-эмигрантов на Восточном фронте, данная атаманом П.Н. Красновым, всегда очень точно чувствующим ситуацию: «*Русские* (в данном случае генерал имеет в виду казаков. — ***П.К.***), *поехавшие переводчиками в отряды из красноармейцев, оказались не на вы-*

[1] ГАРФ. Ф. 5853. ОП. 1. Д. 70. Л. 23.

[2] ГАРФ. Ф. 5853. ОП. 1. Д. 69. Л. 255 об.

соте. Много было, с одной стороны, слюнявого сентиментализма, с другой стороны — грабежей и насилия над местным населением, вообще русские оказались в некоторых местах забывшими дисциплину и распоясавшимися за долгие годы эмигрантской жизни, и немцы стали очень осторожны с ними»[1].

Поэтому единственной возможностью для эмигрантов, в том числе и для многих казаков, принять хоть какое-то участие в «крестовом походе против большевизма» стал так называемый Русский Охранный Корпус, действовавший на Балканах.

Эта боевая часть была создана 12 сентября 1941 года в Белграде, когда генерал-майор М.Ф. Скородумов подписал приказ «О формировании Отдельного Русского Корпуса», который должен был состоять в основном из русских солдат-эмигрантов, в том числе из бывших врангелевских солдат и офицеров. В ходе дальнейших событий это воинское формирование неоднократно меняло название: с 2 октября 1941 года — Русский Охранный Корпус, с 18 ноября 1941-го — Русская Охранная Группа, с 30 ноября 1942-го — снова Русский Охранный Корпус, с 10 октября 1944 года — Русский Корпус в Сербии, с 31 декабря 1944-го — Русский Корпус. Все перемены названия были вызваны изменением военного, юридического и политического статуса данного формирования (далее, во избежание путаницы, эта часть в тексте будет называться Русским Охранным Корпусом, или Русским Корпусом на Балканах. — *П.К.*).

Предыстория создания Корпуса такова. Вскоре после оккупации Югославии для усиления контроля над довольно большими массами беженцев из России немцами было создано «Бюро по защите интересов русских эмигрантов в Сербии». Руководителем Бюро был

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 17. Л. 10—10 (об).

назначен генерал-майор Михаил Федорович Скородумов. Перед ним стояло множество социальных задач — обеспечить людей работой и жильем, которое многие потеряли в результате немецких бомбежек. Но главное — надо было найти способ защитить русскую эмиграцию от преследования со стороны коммунистических партизан Тито. Для решения этого вопроса Скородумов в начале августа 1941 года обратился к представителям сербской гражданской администрации, но они оказались бессильны чем-либо помочь. Тогда он обратился к Д. Льотичу[1], который в то время начинал формировать Сербский Добровольческий Корпус. Представитель русских эмигрантов рассчитывал получить партию оружия для самозащиты. Однако выяснилось, что самому Льотичу немцы выдали оружия меньше, чем необходимо.

Оставалось обратиться в Штаб германского главнокомандующего на юго-востоке генерала Бадера. Начальник Штаба полковник Кевиш от имени главнокомандующего предложил Скородумову отдать приказ о вступлении русских эмигрантов в германские воинские части, но генерал это предложение отклонил. В своих воспоминаниях, написанных после войны, Скородумов сообщает, что свой отказ он мотивировал так: *«Белые, как политические эмигранты, могут воевать только против большевиков, а вступая в немецкие полки, которые могут быть переброшены на другие фронты, русские эмигранты будут вынуждены воевать и против некоммунистических государств, что для Белых абсолютно невозможно. Я добавил, что могу*

---

[1] Д. Л ь о т и ч — лидер общественно-политического движения «Збор», министр довоенного югославского правительства, вошел также в марионеточное правительство генерала Недича. Выступал за монархию и был противником любых сепаратистских течений. Считал главной целью борьбу против коммунистов и в сложившихся условиях выступал за сотрудничество с немцами.

отдать приказ лишь о формировании отдельного русского корпуса для борьбы на Восточном фронте, и вполне естественно, что за время формирования этот корпус примет участие в борьбе с сербскими коммунистами»[1].

После длительных переговоров немецкий главнокомандующий разрешил формирование Отдельного Русского Корпуса и, по словам Скородумова, даже дал обещание после ликвидации коммунистического движения в Сербии перевести Корпус на Восточный фронт. Условия создания Корпуса были переписаны в двух экземплярах и скреплены подписями Скородумова и Кевиша: *«1. Лишь один командир Корпуса подчиняется немецкому командованию, все же чины Корпуса подчиняются только командиру Корпуса и русским начальникам, им назначенным. 2. Корпус не может дробиться на части, а всегда будет действовать как одно целое, то есть ни одна часть Корпуса не может быть придана немецким частям. 3. Русский Корпус может быть только лишь в русской форме, но ни в коем случае не в сербской и не в немецкой. Для распознавания немцами чинов, на воротниках должны быть особые знаки. На шлемах же должны быть ополченские кресты белого цвета. 4. Никто из чинов Корпуса не приносит никакой присяги, кроме командира Корпуса. 5. Когда Корпус закончит формирование и коммунистическое движение в Сербии будет подавлено, немецкое командование обязуется Корпус перебросить на Восточный фронт. 6. Русский Корпус не может быть использован ни против какого-либо государства, ни против сербских националистов Дражи Михайловича и др. Отдельный Русский Корпус*

---

[1] Цит. по: *Цурганов Ю.С.* Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. С. 115.

может быть использован только против коммунистов»[1].

12 сентября 1941 года Скородумов получил от Кевиша письменный приказ: «Начальнику Бюро генералу Скородумову разрешается призвать всю эмиграцию в Сербии для формирования Русского Охранного Корпуса и таковой сформировать». Любопытно, но начальник Штаба германского главнокомандующего на юго-востоке именует Корпус не Отдельным (то есть независимым), как это было оговорено в документе об условиях формирования, а Охранным, то есть призванным выполнять вспомогательные функции. Скородумов же продолжал использовать прежнюю формулировку. В день получения приказа Кевиша он отдал собственный приказ: *«12 сентября мною получено распоряжение германского командования за № 1 с согласия сербских властей о призыве русской эмиграции в Сербии для формирования Отдельного Русского Корпуса. Командиром Русского Корпуса назначен я. На основании вышеизложенного, объявляю набор всех военнообязанных в возрасте от 18 до 55 лет... Все поступившие в Корпус удовлетворяются всеми видами довольствия по нормам германской армии. Ставки для обеспечения семей будут объявлены дополнительно. Призываю г.г. офицеров, унтер-офицеров, урядников, солдат и казаков к выполнению своего долга, ибо ныне открывается новая страница Русской истории. От нас зависит, что будет написано на этой странице. Если возродится Русская Армия, то возродится и Россия. С Божьей помощью, при общем единодушии и выполнив наш долг в отношении приютившей нас страны, я приведу вас в Россию»*[2].

---

[1] Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны 1941—1945 гг. (исторический очерк и сборник воспоминаний соратников) // Под ред. Д.П. Вертепова. Нью-Йорк, 1963. С. 14.

[2] Там же. С. 37.

Разумеется, этот крайне политизированный и патриотический документ не вписывался в контекст нацистской «восточной политики». Уже через два дня Скородумов был арестован гестапо с согласия германского военного командования[1]. Работу по созданию Корпуса продолжил генерал-майор Борис Александрович Штейфон. Формирование находилось в подчинении германскому Хозяйственному управлению в Сербии, во главе которого стоял группенфюрер СС Нейхгаузен. Основными кадрами для формирования служили ветераны Русской Императорской и Белых армий и эмигрантская молодежь. Формирование проводилось по мобилизационному принципу, но было немало и добровольцев.

Корпус состоял из **5 полков** трехбатальоного состава, с наличием отдельных взводов: артиллерийского, противотанкового, саперного, конного, связи, в 1-м и 4-м полках были также музыкальные взводы. **Батальоны** состояли из трех стрелковых рот и взвода тяжелого оружия. Впоследствии в 4-м и 5-м полках были сформированы артиллерийские роты, а в 5-м полку еще и противотанковая рота. В каждом батальоне также имелись роты тяжелого оружия. **Роты** состояли из трех взводов, а каждый **взвод** делился на три отделения.

При штабе Корпуса имелся немецкий штаб связи, в строевых частях полков и батальонов — немецкие офицеры связи и ротные инструкторы. Также при штабе находился отдельный батальон «Белград» в составе караульной, транспортной, запасной рот и роты снабжения, плюс отдельная рота связи и отдельная ветеринарная рота.

Все хозяйственные подразделения Корпуса были в

---

[1] После освобождения из-под ареста генерал-майор Скородумов три года не участвовал ни в какой политической деятельности, занимаясь сапожным ремеслом, а в 1944 году вступил в Русский Корпус рядовым.

руках немецких гражданских чиновников и унтер-офицеров. Функционировал отдел так называемых семейных пособий, выдававший часть жалованья чинов Корпуса их семьям. Имелась разветвленная система медицинского (в подчинении штаба Корпуса находились два лазарета — в Белграде и Шабаце — с русскими врачами и санитарами) и ветеринарного обслуживания. Вся молодежь сводилась в юнкерские батальоны, роты и взводы и несла службу наравне со взрослыми. На постоянной основе действовали курсы усовершенствования командного состава, при Корпусе существовали также курсы ПВО, радиотелеграфистов, оружейных мастеров и других военных специалистов.

Вооружение Корпуса было не на очень высоком уровне. Так, например, первые немецкие пистолеты «МР-40» (знаменитые «шмайсеры») были выданы лишь осенью 1944 года, да и то в ограниченном количестве. Основу вооружения личного состава составляли винтовки системы «маузера», итальянские карабины (после войны участники боевых действий в составе Корпуса рассказывали, что дальность стрельбы этих «чудо-винтовок» составляла всего 500 метров, а разброс пуль 2—3 метра) и чешские ручные пулеметы «Чешска Зброевка». То же самое относится и к тяжелому вооружению, которое было либо трофейным, либо морально устаревшим немецким.

Изначально чины Русского Охранного Корпуса носили униформу защитного цвета, которая изготовлялась путем переделки югославских мундиров — стоячий воротничок перешивался на отложной. В начале 1942 года была введена темно-коричневая униформа аналогичного покроя. Головными уборами служили пилотки и фуражки с кокардой Русской Императорской Армии, а также чехословацкие стальные шлемы с белым («ополченским») крестом. Солдаты и офицеры носили русские погоны, соответствующие последнему званию, полученному в Русской Армии, однако слу-

жебного значения погоны не имели. Звания по занимаемым ныне офицерским должностям обозначались на петлицах, а звания нижних чинов — нарукавными шевронами. Чины Русского Корпуса получали паек и жалованье, соответствующее нормам вермахта. Командные посты занимали исключительно русские офицеры. Внутренний распорядок и обучение первоначально строились по уставам Русской Императорской армии, но впоследствии Корпус перешел к уставам Красной армии.

Всего за время войны через Русский Корпус на Балканах прошло примерно 17 тысяч 100 человек. Общие потери Корпуса к концу войны достигли 11 506 человек, из них 1132 человека убитыми[1].

По характеру боевых действий историю Русского Корпуса можно условно разделить на три периода: 1. С осени 1941 года до весны 1944 года — охрана стратегически важных объектов и коммуникаций в определенных районах Югославии и в Боснии-Герцеговине, а также отдельные операции против партизан. 2. Весна 1944 года — осень 1944 года — активная борьба с партизанами в Сербии. 3. С осени 1944 года и до конца войны — активные фронтовые бои с Народно-освободительной армией Югославии, а также с советскими и болгарскими войсками.

1-й полк Корпуса в составе трех батальонов был сформирован к ноябрю 1941 года[2], 2-й — к январю 1942-го, 3-й — к маю 1942 года. Подразделения Корпуса несли гарнизонную службу по городам, охраняли шахты, промышленные объекты и железные дороги. Отдельные батальоны и роты были рассредоточены немцами по всей территории Сербии без учета их под-

[1] *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. С. 53.

[2] Уже в сентябре 1941 года корпус насчитывал около 2 тысяч человек.

чиненности русским штабам полков и батальонов. Они включались в состав немецких дивизий и «боевых групп» — отрядов внештатного состава и численности. Русские батальоны и роты часто переходили из подчинения одним немецким начальникам к другим. 30 ноября 1942 года особым распоряжением германского командования Корпус был включен в состав вермахта. Это решение явилось следствием доклада Геринга Гитлеру, в котором действия Корпуса получили очень высокую оценку.

После этих организационных изменений Русский Охранный Корпус получил права немецкой действующей армии. Задачи остались те же, но подчинение изменилось — часть перешла всецело в ведение германского главнокомандующего, придававшего полки Корпуса тем или иным немецким соединениям. Штаты полков были увеличены, но их число было ограничено тремя. При этом новые штаты соответствовали немецким. Командный состав сократился примерно на 150 человек.

28 января 1943 года вышел приказ германского командования, в соответствии с которым военнослужащие Русского Охранного Корпуса получали обмундирование вермахта с германскими знаками различия, а русские знаки отличия упразднялись. На следующий день началось приведение чинов Корпуса к присяге: *«Клянусь свято перед Богом, что я в борьбе против большевиков — врагов моего Отечества и сражающихся на стороне большевиков неприятелей Германской Армии, буду оказывать Верховному Вождю Германской Армии, Адольфу Гитлеру, всюду, где бы это ни было, безусловное послушание и буду готов, как храбрый воин, во всякое время пожертвовать мою жизнь за эту присягу»*[1]. Принятие этой присяги явилось фор-

[1] Цит. по: *Цурганов Ю.С.* Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. С. 121.

мальным завершением передачи Корпуса в состав вермахта.

12 марта 1943 года Русский Охранный Корпус получил пополнение из военнопленных Красной армии в количестве 297 человек, а еще через несколько месяцев пополнился пятью тысячами добровольцев из Одессы, Бессарабии и Буковины. К сентябрю 1943 года численность боевого состава корпуса составляла 4769 человек. В течение 1943—1944 годов при активной поддержке немецкого командования и германского Министерства иностранных дел Корпус продолжал активно пополняться за счет русских добровольцев (эмигрантов и военнопленных) из Германии, Франции, Венгрии, Хорватии, Болгарии, Греции и Румынии.

К сентябрю 1944 года Корпус в основном завершил свою функцию по защите объектов от партизан и начал действовать как фронтовое соединение. Внезапная капитуляция союзных Гитлеру Румынии и Болгарии привела к тому, что в течение нескольких дней фронт переместился к границе Югославии. 10 октября из названия Корпуса было удалено слово «охранный», отныне он стал именоваться «Русским Корпусом в Сербии». С этого момента Русский Корпус использовался немецким командованием в основном против проникающих в Югославию советских войск. В ходе кровопролитных боев Корпус понес очень тяжелые потери, и через несколько месяцев его остатки (менее 4 тысяч человек) прорвались из Сербии в Хорватию. 12 мая 1945 года Русский Корпус под командованием полковника А.И. Рогожина, принявшего командование после смерти Б.А. Штейфона, сдался англичанам в районе австрийского городка Клагенфурта и сумел избежать выдачи советским властям.

Одними из наиболее активных и боеспособных воинов в составе Русского Корпуса на Балканах были казаки, из которых уже к концу 1942 года на 100 процентов состоял 1-й полк и примерно на 75 процентов 2-й.

С самого начала в формировании Корпуса активное участие принял Кубанский войсковой атаман В.Г. Науменко, который предложил даже провести мобилизацию казаков-эмигрантов. 29 октября 1941 года в Белград прибыл казачий дивизион Конвоя Е.И.В. (его императорского величества. — *П.К.*) с хором трубачей, который сразу же был включен в состав одного из полков в качестве отдельной боевой единицы. К началу ноября в составе Корпуса было около 300 казаков, к концу года их число выросло до 1200, а к концу следующего, 1942 года, достигло 2 тысяч[1]. Несмотря на то что количество казаков в Корпусе стремительно увеличивалось, многие шли в него с большой неохотой, так как хотели попасть на Восточный фронт, а не воевать против сербов, которых считали своими братьями. «*Неприятно, что наш полк*, — написал в конце 1942 года руководитель казаков-националистов в Германии Бабич лидеру КНОД В. Глазкову, — *будет назначен на усмирение сербов, но может быть, потом перебросят к нам на Родину, а так не очень много будет желающих*»[2].

Первоначально в составе Корпуса предполагалось сформировать отдельную конную казачью бригаду, однако этот проект не был реализован, и казаки были распылены по всем полкам, батальонам и ротам. Так, в составе 1-го и 2-го полков корпуса были сформированы по 3—4 казачьи сотни, в основном из кубанцев, а в 4-м полку — батальон донских казаков, прибывших из Болгарии. Однако казачьи лидеры, и в особенности генерал В.Г. Науменко, уделявший много внимания Русскому Корпусу на Балканах, не теряли надежды на то, что рано или поздно в его составе будет сформирован отдельный казачий полк или хотя бы несколько бата-

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 5. Л. 335; ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 5. Л. 370.

[2] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 12. Л. 66.

льонов. 27 апреля и 12 мая атаман обратился ко всем казакам-кубанцам со специальными приказами, в которых подробно рассказывал о положении казаков в Корпусе и анализировал их дальнейшие перспективы: «*В течение апреля из Болгарии прибывали эшелоны для пополнения рядов Русской Охранной Группы в Сербии. В числе прибывших было свыше 100 кубанцев, из коих сформирована казачья сотня под командой Кавалера ордена Святого Георгия Генерал-майора Тихоцкого... Из докладов офицеров и беседы с казаками я узнал, что многие из них бросили свои доходные предприятия, службу и давно насиженные места* (здесь атаман немного лукавит, так как все казаки в Корпусе получали денежное довольствие в размере 3—4 тысяч динар, в то время как зарплата инженера в Сербии составляла примерно 3 тысячи динар. — ***П.К.***). *Все это они бросили, считая своим долгом в переживаемое нами ответственное время вновь взяться за оружие... Прежде всего мы должны доказать свою способность к предстоящей работе и заслужить честь участия в освобождении нашей Родины. Германское командование, разрешив формирование русских частей, по понятным причинам не указывает предстоящих задач, но, поручив им выполнение настоящей задачи и наблюдая их работу, оно сможет дать им и должную оценку... Надо не забывать, что в настоящих условиях формирования, когда обстановка требует подчас спешного выдвижения мелких частей, сведение их в более крупные представляется затруднительным, но тем не менее в составе Корпуса мы имеем не только свои казачьи сотни, но и батальоны. Дальнейшие формирования зависят во многом от нас самих, то есть от числа вступающих в корпус казаков*»[1].

Когда в ноябре 1942 года Корпус был включен в состав вермахта и в связи с этим подвергся реорганиза-

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 7. Л. 7; ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 7. Л. 9—10.

ции, почти все казаки по ходатайству казачьих войсковых атаманов были сведены в один полк — 1-й Казачий под командованием генерал-майора В.Э. Зборовского. Однако некоторые казачьи лидеры все равно считали выделение казаков в корпус чисто номинальным, а отношение к ним со стороны немцев и русских командиров — исключительно пренебрежительным: «*Немецкие военные круги*, — написал в конце августа 1943 года руководитель Всеказачьего союза КНД в Сербии Поляков, — *нас всерьез не воспринимают. Вообще казачий вопрос на задворках. Выделение казаков в Русском корпусе прошло лишь номинально, масса казаков осталась в русских полках. Но... зато когда нужно показать товар лицом, немцев везут — к казакам... Словом, повторяется все то, что было в течение последних двухсот лет. На казаках выезжали, но казакам ничего не давали. Смотрю я на эту свистопляску, и хочется мне записаться в негры... Трудно казаку под лаптем*»[1].

Как бы то ни было, но казачий полк считался одним из лучших в Корпусе, пользовался доверием немцев и к началу 1944 года имел более 80% наград германского командования, которых были удостоены чины корпуса.

В октябре 1944 года, после гибели В.Э. Зборовского в бою с партизанами, командиром полка стал донской казак генерал В.И. Морозов. 2-й полк Русского охранного корпуса также считался казачьим, поскольку на 75% был ими укомплектован. Его командиром с 1942-го по 1945 год был полковник Б.А. Мержанов. Кроме этого, в составе корпуса была сформирована отдельная сотня казаков-националистов (членов Казачьего национально-освободительного движения), не считавших себя русскими (380 человек).

К концу войны дисциплина в Корпусе сильно рас-

---

[1] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 9. Л. 240.

шаталась. Это привело к тому, что многие казаки написали рапорты о переводе в 15-й казачий кавалерийский корпус СС, а когда получили отказ (немецкое командование не желало отпускать своих лучших воинов), ударились во все тяжкие. Именно к этому времени относятся многочисленные свидетельства о грабежах, незаконных экспроприациях и расправах над мирными жителями. Даже атаман В.Г. Науменко после посещения Корпуса был вынужден отметить *«много темных и неприятных для казаков положений в Русском охранном корпусе Сербии»*[1].

Летопись боевого пути казачьих полков в Русском Корпусе на Балканах 1942—1945[2]

(смотри также карту 3)

1942 год

1-й полк

К 1 февраля 1942 года части 1-го казачьего полка были дислоцированы в населенных пунктах: Лозница — штаб полка, сотня управления, штаб 1-го батальона, 2-я и 4-я роты; Крупань — штаб 2-го батальона, 5-я, 7-я и 8-я роты и 6-й эскадрон; Заяча — штаб 3-го батальона, 10-я, 11-я и 12-я сотни; Лешница — 9-я сотня; Столица — 1-я рота; Мойковичи — 3-я рота (все перечисленные населенные пункты находятся на западе от Белграда, вдоль реки Дрина).

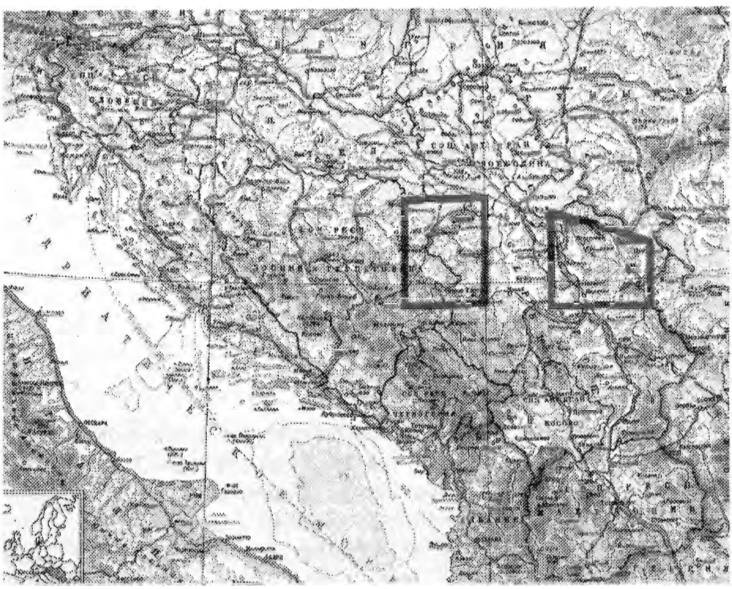
В конце февраля 1942 года части полка в составе 2-й, 3-й и 7-й роты совместно с четниками[3] участвовали в 6-дневной операции против партизан-титовцев в районе Мойкович — Осечина. В боевое соприкосновение с партизанами удалось войти 2-й юнкер-

---

[1] ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 7. Л. 241.

[2] Составлена по кн.: Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны 1941—1945 гг. (исторический очерк и сборник воспоминаний соратников) // Под ред. Д.П. Вертепова. Нью-Йорк, 1963.

[3] Четники — члены монархических групп в Югославии, осуществляющие в годы Второй мировой войны вооруженную борьбу против Народно-освободительной армии Югославии Иосипа Броз Тито.

Карта 3. Районы дислокации и боевой службы 1-го и 2-го казачьих полков Русского Корпуса

ской роте. В этом бою были ранены командир роты полковник Эйхгольц и три юнкера. При преследовании партизан, 1 марта 1942 года, в 7-й роте было ранено три чина.

Начиная с 22 марта, ввиду опасности переправы крупных сил партизан-титовцев через реку Дрину, казаками производилась усиленная разведка сел на участке М. Зворник — Нулине. 26 марта части полка получили распоряжение об охране реки Дрины от М. Зворника до Рогачицы.

9 апреля хорватские усташи по неустановленной причине обстреляли берег реки Дрина, занятый казачьими патрулями, в районе местечка Любовия, но после ответного огня, открытого полевыми караулами, отступили, чиня дикую расправу над местными сербскими жителями. После этого инцидента казачьи патрули организовали прикрытие мостов через реку Дрина, помогая сербам переправиться на безопасную сторону.

28 мая начала боевые занятия специальная учебная команда, составленная из молодых казаков, собранных из всех сотен полка. 9 июня в Белград был направлен на обучение незадолго до этого сформированный артиллерийский взвод.

12 сентября, по случаю годовщины основания Корпуса, в Лознице состоялся парад, во время которого произошло производство 186 юнкеров, окончивших военно-училищные курсы, в подпоручики.

21 октября для борьбы против партизан была сформирована так называемая «охотничья команда» под командованием лейтенанта Флегинского.

Второе полугодие 1942 года прошло в постоянных частных боевых операциях частей полка против партизан и в проведении разведывательных рейдов.

2-й полк

В 10-х числах января 1942 года части 2-го полка были дислоцированы в следующих населенных пунктах к юго-востоку от Белграда и в зоне, приграничной с Румынией: штаб полка в Заечаре, откуда 19 января переведен в Бор. 1-й батальон в Пожареваце, причем 1-я рота была отправлена для охраны рудников в Костолац, Кленовник и Чириковац. Кроме этого, некоторые части располагались в Кучево, Младеноваце, Смередово, Майданпеке.

В августе в полк прибыл незадолго до этого сформированный на Банице взвод противотанковых орудий под командой лейтенанта Сомова.

Боевые операции 2-го полка против партизан-титовцев: с 24 по 27 марта в районе станции Метовница — Парачин; 8 сентября — по очистке района Црни Врх; 7 октября — в районе Рготский Камень; 22 октября поход 2-го эскадрона по маршруту Пожаревац — Младеновац — Белград — Смедерево — Кучево — Петровац и 1 ноября возвращение в Пожаревац.

1943 год

1-й полк

В 1943 году части полка, дислоцированные вдоль реки Дрина (крупные гарнизоны в городах Шабац, Лешница, Крупань), продолжали выполнять задачи по борьбе против партизан-титовцев.

7 апреля в Лозницу прибыла из Белграда сотня так называемых «вольных казаков» (члены Казачьего национально-освободительного движения) под командой войскового старшины Протопопова.

Части полка почти ежедневно производили рейды в районах своей дислокации, а 9 апреля была проведена локальная боевая операция крупными силами в районе Тисовика.

26 июня казакам удалось спасти четырех немецких погра-

ничников, которые в районе Любовии при переправе через Дрину подверглись обстрелу со стороны партизан.

1 июля в Зворнике в результате тщательно спланированного нападения партизанами Тито была прорвана оборона, состоящая из местных частей.

С 1 по 8 июля отряд генерала Морозова вел бои по обороне моста через Дрину у местечка Зворник. За это время через казачьи части прошло 379 раненых хорватских солдат и гражданского населения, а также свыше 1000 здоровых солдат и не менее 3000 таких же беженцев. Потери отряда составили: 2 убитых и 17 раненых. Вот как это сражение описывает непосредственный участник событий казак К. Николаев: *«Красные заняли окраинные дома и правительственные здания городка* (Зворник. — ***П.К.***), *фасады которых смотрели на мост. Из окон, с балконов и крыш они развивали в дни боев невероятный огонь по горсти защитников моста. Многочисленные пулеметы, ружейный, а также огонь их бомбометов и артиллерии сметал все, что приближалось к мосту с нашей стороны. Казармы наших сотен и сербской жандармерии были главным объектом для бомбометного огня красных. Главная тяжесть боя легла на 6-ю сотню, которая все время находилась в первой линии обороны. Сотня выслала к мосту караул силой в 1 офицера (полк. Третьяков) и 8 казаков. Караул успел построить примитивные окопы, караулку в виде слабого бункера и своим огнем никому не давал вступить на мост. Этот караул пробыл с первого дня боя, непрерывно, без смены и почти без пищи 26 часов. Сменен он был тогда, когда все были переранены, но продолжали бой во главе со своим, тоже раненым, командиром. Самое удивительное здесь было то, что казаки 6-й сотни по возрасту были, пожалуй, самыми пожилыми в полку. Средний возраст их можно было считать в 50 лет... Жители Хорватии из окрестностей и городка устремились от красных на наш берег... Разумеется, наши постарались своим огнем прикрыть этих несчастных. Но бешеный огонь красных превратил это бегство спасающихся от них в кровавую бойню. К тому же разобранный нами еще накануне настил моста делал переход через него еще труднее, ибо люди проваливались сквозь верхнее строение моста. Женщины, дети, старики, хорватские солдаты — все смешались в пеструю громадную толпу, в паническом ужасе бегущую по мосту и заливающую кровью этот мост ужаса»*[1].

---

[1] Составлено по кн.: Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны 1941—1945 гг. (исторический очерк и сборник воспоминаний соратников) // Под ред. Д.П. Вертепова. Нью-Йорк, 1963. С. 138—141.

19 июля во время экспедиции в село Неделицу охотничьей команды и отделения 7-й сотни, в перестрелке был ранен генерал Старицкий. Потери партизан составили: 4 убитых и 4 раненых.

20 сентября во всех гарнизонах полка было получено предложение заключить тайное согласие с частями Дражи Михайловича против германских сил, с угрозами полного уничтожения, если предложение не будет принято. В этот же день на взвод 9-й сотни войск старшины Колышкина, проводивший разведку в районе местечка Коренита, было совершено нападение. Взвод оборонялся несколько часов и нанес значительные потери партизанам (7 убитых и 20 раненых). Потери казаков составили: 3 убитых и несколько раненых. Взводу была объявлена благодарность командира Корпуса.

29 сентября партизаны обстреляли казачьи секреты у Лозницы и с боем заняли город Зворник.

1 октября для охраны рудника Лисса была направлена 5-я сотня. В этот же день отбито два нападения на гарнизон Любовии (ранено двое казаков). В конечном итоге казачьи подразделения отошли из Любовии и передислоцировались в Малый Зворник. У села Брезьяк подвергся нападению обоз 1-го батальона из 8 подвод с шинелями и продовольствием. Потери казаков — 1 убитый и 4 угнанные партизанами подводы.

14 и 16 ноября партизаны пытались захватить Зворник, но огнем 6-й сотни были отброшены.

29 ноября приказом Главнокомандующего Юго-Востока объявлено, что «в районе южнее Белграда до Крагуевца и Аранжеловца между германским командованием и четниками Дражи Михайловича заключено перемирие для совместных действий против коммунистов с 30 ноября до 31 декабря 1943-го».

В течение декабря части полка почти ежедневно производили разведывательные рейды и часто меняли места своей дислокации.

2-й полк

На протяжении 1943 года части 2-го полка Русского Охранного Корпуса продолжали нести охранную службу к юго-востоку от Белграда и в приграничных с Румынией районах. Наиболее крупные гарнизоны были дислоцированы в населенных пунктах Пожаревац, Майданпек, Кучево, Бор, Смередово.

В январе, производя осмотр местности к югу от Пожареваца, 2-й эскадрон захватил в плен 18 партизан.

Весной в полк прибыло пополнение — сформированные в Банице отряды из бывших красноармейцев-казаков.

22 мая отряд партизан пытался освободить из тюрьмы в Неготине политических заключенных. Одновременно с убийством

часового у тюрьмы был открыт ружейный огонь в разных местах города, но ответный огонь караула и частей гарнизона из казаков заставил партизан оставить город.

12—13 июня состоялась боевая экспедиция сборного отряда полковника Левандовского из состава гарнизона Майданпека. Войдя в соприкосновение с противником на хуторах Слатина под Трстеником, отряд вступил в перестрелку, в результате чего, как позднее было установлено разведкой, местными крестьянами было похоронено 10 убитых партизан. Добычей казаков стал партизанский обоз с имуществом и оружием. Командир Корпуса, в приказе за № 39, объявил благодарность всему отряду.

В это же время 7-я, 11-я роты и конный взвод приняли участие в боевой операции совместно с двумя германскими ротами. В результате было убито 2 и захвачено в плен 16 партизан.

1944 год

1-й полк

Полк продолжал дислоцироваться в районе реки Дрина и выполнял две основные задачи:

1) охрана объектов внутри района своего расположения;

2) наблюдение за Дриной во избежание переправы партизан. Эта задача сводилась к тщательной разведке района к западу от Зворника. Партизаны, базируясь в районе Шековичи — Папрача — Осмаци, имели аэродромы около Ракино Брдо, на которые регулярно садились английские и советские самолеты, выгружавшие оружие, обмундирование и продукты и забиравшие раненых и больных партизан. Против партизан в этом районе действовали многочисленные отряды четников, хорватских усташей и легионеров, мусульманские отряды, части Боснийской дивизии СС.

5 января около станции Кленка партизаны напали на поезд, в результате перестрелки было убито три казака. 9 января 5-я сотня, находясь на фабрике Лисса, совместно с 7-й ротой 3-го полка отбила нападение партизан.

С начала апреля стала наблюдаться повышенная активность в небе над Дриной. Почти каждую ночь в течение апреля, мая, июня и июля английские самолеты сбрасывали в районе Неделиште патроны и продовольствие партизанам и спускали на парашютах английских офицеров — инструкторов. Так, например, 21 августа в районе Столицы пролетевший аэроплан сбросил 9 парашютистов.

Ввиду наступления партизан с юго-востока (городок Баина Башта), перед 1-м полком была поставлена задача охранять район, ограниченный с юго-востока линией Црнча—Крупань.

12 сентября, согласно приказу немецкого командования, части 1-го полка под огнем передовых частей наступающих советских войск и партизан отошли из Зворника в М. Зворник, потеряв 2 казаков убитыми и 3 ранеными. На следующий день для переброски в Валево, где происходило наступление красных, выступил сводный батальон генерала Морозова (2-я, 3-я и 9-я сотни). На мосту через реку Буковицу (7 километров западнее Вялево) вошел в соприкосновение с красными, с которыми вел бой весь день. Потери казаков составили 2 человека убитыми и 2 ранеными.

17 сентября перед полком была поставлена новая задача: прикрывая направление на север по линии Батар — Костайник — Мойкович, действовать самостоятельно, исходя из складывающейся обстановки.

В конце сентября части полка вели ожесточенные бои с партизанами Тито за населенные пункты Лозница и Лешница, но в конечном итоге были вынуждены отступить.

26 сентября в одной из перестрелок на улицах городка Ново-Село был ранен пулей в живот командир полка генерал Зборовский, которого немедленно доставили в госпиталь. В больнице генерала посетили высшие германские чины и наградили Железным Крестом 2-го класса.

С 30 сентября по 22 октября части полка занимали позиции сначала на внешнем, а затем на внутреннем секторе обороны города Шабац и вокруг Кленака, регулярно отбивая атаки красных и производя разведки.

9 октября в Граце от ран скончался генерал Зборовский. В приказе Русского Охранного корпуса № 280 от 11 октября 1944 года было сказано: *«В Граце скончался от ран, полученных в боях с красными, доблестный командир 1-го Казачьего полка, оберст Зборовский Виктор. С первого дня формирования Р. К. оберст Зборовский был в наших рядах. Командуя 1-м полком, он в течение 3-х лет с неизменной энергией и примерным мужеством руководил вверенной ему частью. Во всех боях своего полка он был всегда в первых рядах, подавая пример храбрости и исполнения долга. Ряд наград, и в том числе Железный Крест, отличали выдающуюся боевую службу покойного. Вся деятельность оберста Зборовского была проникнута любовью к Родине и служению России и казачеству. С глубоким уважением чту память моего верного и благородного помощника, погибшего героя — оберста Зборовского, этого рыцаря без страха и упрека. Да упокоит Господь его светлую душу. Генерал-лейтенант Штейфон».*

23 октября, после получения приказа об оставлении Шабаца и Кленака, полк в составе общей колонны прибыл в Лачарак, а 24-го перешел в Товарник. Здесь полк получил задание по укреп-

лению позиций. 3 ноября был сформирован батальон тяжелого оружия под командой майора Скворцова в составе: штаба батальона, сотни тяжелого оружия, артиллерийского взвода и взвода ПАК. Перейдя 5 ноября на новые работы в районе Адашевцы, 1-й батальон уже 12 ноября был направлен по железной дороге через Винковци в Брчко. В конце концов полку было приказано занять опорные пункты в селах: Омербеговача, Пукиш, Челич и Шокчичи.

8 декабря началась очередная перегруппировка сил с занятием сел к северу от р. Савы. Штаб полка обосновался в городке Брчко. 11 декабря в боевое соприкосновение с партизанами в районе села Врбанья вступила 1-я сотня. Потери партизан составили 43 человека убитыми.

До конца года части 1-го полка постоянно вступали в боестолкновения с партизанскими отрядами и несли при этом довольно существенные потери.

2-й полк

На протяжении всего 1944 года части 2-го полка вели ожесточенные бои с партизанскими отрядами в местах своей дислокации к востоку от Белграда и в приграничных с Румынией районах. В конце концов все подразделения полка были передислоцированы на северо-запад и расположились вместе с частями 1-го полка в районе местечка Брчко и в селах к северу от реки Сава.

1945 год

1-й полк

В период с 1 января по 7 апреля подразделения полка вели активные боевые действия в районе населенных пунктов Брчко — Челич.

7 апреля полк оставил Брчко и начал движение в сторону Загреба. 14 апреля части полка сосредоточились у села Яруге и заняли участок обороны от реки Сава до села Беровци. На следующее утро советские войска атаковали позиции казаков 8 танками «Т-34», но, потеряв три машины, отступили. Потери казаков составили 4 человека убитыми и 12 ранеными.

Вскоре казаки продолжили отступление. 24 апреля полк прибыл в Рожданик, 25-го в Батина, 26-го в Лупоглав, 28-го в Кральевац, а 1 мая, пройдя Загреб, — на станцию Ранн, где части 1-го полка были посажены в железнодорожные эшелоны. Потери полка за апрель составили 47 казаков убитыми и 163 ранеными.

Медленно двигаясь к австрийской границе, казачьи части

несли большие потери. Но в конце концов 11 мая, пройдя через туннель под хребтами Альп, они вошли в Австрию. Двигаясь на городок Клагенфурт, 12 мая полк встретился с англичанами, перед которыми и сложил оружие.

2-й полк

Большая часть подразделений 2-го полка в самом начале 1945 года вошла в подчинение командующему 1-го полка и проделала тот же путь, что и все остальные казачьи части Русского Корпуса. Не вошедшие в состав 1-го полка подразделения пробирались к югославско-австрийской границе самостоятельно, и в итоге большая их часть достигла городка Клагенфурт, где капитулировала перед англичанами.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.1

ПРИКАЗ начальника Генерального штаба генерал-полковника сухопутных войск Ф. Гальдера № 8000/1942 «Положение об использовании местных вспомогательных сил на Востоке»

1. Подбор. Подбор добровольцев из местных жителей и русских солдат (военнопленных) ведет командир батальона. Принимает присягу на верность фюреру — штаб батальона.

2. Использование. Подбор добровольцев преследует цель заменить немецких солдат добровольцами. Из добровольцев создаются строительные батальоны, вспомогательные части по борьбе с партизанами и т. п. Немецких солдат использовать в действующих частях. Запрещается постоянное использование добровольцев денщиками, дровоколами и т. п. (всякое использование на нештатных должностях).

3. Личный учет. Ведется список добровольцев, принявших присягу, и регистрация учетных карточек в батальоне. На каждого добровольца до получения им учетной книжки составляется учетная карточка в 2-х экземплярах (один экземпляр у добровольца, второй в его личном деле). На учетной карточке ставится номер полевой почты батальона. Номер учетной карточки служит номером (личным добровольца). На каждого добровольца составляется анкета, которая по ликвидации надобности ликвидируется. В анкету вписываются личные наклонности, ранее занимаемые должности и специальное образование (слесарь, шофер, повар и т. д.).

4. Руководящие указания по обращению с добровольцами. Добровольцы идут к нам, чтобы создать себе лучшие условия в настоящем и будущем, и поэтому необходимо создать для них приемлемые жизненные условия. Воспитывать их в духе борцов с большевизмом. Прививать им «воинскую гордость» (путем выдачи обмундирования и знаков различия). Немецкий солдат должен стать образцом для добровольцев. Младший командный состав подбирать специально для обслуживания добровольцев. Препятствовать панибратству. Немецкий солдат должен отстаивать свое превосходство, но в то же время проявлять заботу о добровольцах. Добровольцев, говорящих по-немецки, назначать доверенными лицами.

5. Осуществление власти, дисциплина, взыскания. Дисциплинарные взыскания на добровольцев накладывать, как и на немецких солдат (денежные взыскания не налагать). Полученные взыс-

кания добровольцев заносить в анкетный лист. Самым большим наказанием должно быть направление в лагерь военнопленных (бывших гражданских лиц направлять в гражданский лагерь). Знаки отличия изымать.

6. Одежда и знаки различия. Добровольцы носят свою русскую военную форму или гражданскую одежду с повязкой на левый рукав с надписью «На службе немецкого вермахта». В отдельных случаях выдается старая немецкая форма. Единообразие формы соблюдать необязательно.

7. Денежное содержание. Добровольцы получают содержание по трем разрядам: 1 — 30 марок (375 рублей); 2 — 36 марок (450 рублей); 3 — 42 марки (525 рублей). Содержание по первому разряду могут получать все добровольцы, по второму — 20%, по третьему — 10% всего состава добровольцев. Каждый перевод во второй и третий разряд должен быть подтвержден письменным распоряжением командира батальона.

8. Продовольствие. Добровольцы получают продовольствие бесплатно, в таком же количестве, что и солдаты данного подразделения.

9. Расквартирование. Квартиры предоставляются бесплатно. Добровольцы размещаются отдельно от немецких солдат. Желательно обеспечить их охрану, особенно на случай налета русских регулярных частей или партизан.

10. Медицинская помощь. Медицинская помощь оказывается добровольцам бесплатно.

11. Обучение и вооружение. Вооружение добровольцам выдается не всегда. Запрещается выставлять добровольцев на охрану складов с боеприпасами и оружием.

12. Отпуск. Отпуск к родным санкционируется только командиром батальона в населенный пункт, занятый немецкими войсками, и только после проверки.

13. Надзор в целях предотвращения шпионажа. Надзором за добровольцами в целях предотвращения шпионажа ведают, в первую очередь, главные фельдфебели (главные вахмистры) подразделений. К добровольцам необходимо по возможности засылать тайных агентов. Постоянный надзор за добровольцами ввиду засылки русских агентов в ряды добровольцев. Батальонный офицер по контрразведке должен наблюдать за связями добровольцев среди местного населения. Установить обязательную 2-х месячную проверку добровольцев оставшихся и перебежчиков.

Начальник Генерального штаба генерал-полковник сухопутных войск Ф. Гальдер

РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 742. Л. 2—3.

ПАМЯТКА об охране советских военнопленных

Большевизм является смертельным врагом национал-социалистической Германии.

В первый раз в этой войне немецкий солдат встречается с противником, обученным не только в военном, но и в политическом отношении, идеалом которого является коммунизм, который видит в национал-социализме злейшего врага. В борьбе против национал-социализма он считает пригодным все средства: партизанскую войну, бандитизм, саботаж, поджоги, разлагающую пропаганду, убийства. Даже попавший в плен советский солдат, каким бы безобидным он ни выглядел внешне, будет использовать всякую возможность для того, чтобы проявить свою ненависть ко всему немецкому. Надо учитывать то, что военнопленные получили соответствующие указания о поведении в плену. *Поэтому по отношению к ним совершенно необходимы максимальная бдительность, величайшая осторожность и недоверчивость.*

Для охранных команд существуют следующие указания.

1. *Применение строжайших мер* при проявлении малейших признаков сопротивления и непослушания! Для подавления сопротивления беспощадно применять оружие. По военнопленным, пытающимся бежать, немедленно стрелять (без окрика), стараясь в них попасть.

2. Всякие разговоры с военнопленными, в том числе и по пути к месту работы и обратно, *строго воспрещаются,* за исключением совершенно необходимых служебных указаний. На пути к месту работы и обратно, а также во время работы категорически запрещается курить. Следует препятствовать всяким разговорам военнопленных с гражданскими лицами, в случае необходимости надо применять оружие — также и против гражданских лиц.

3. На *месте работы* также необходим *постоянный строгий* надзор со стороны немецких охранных команд. Каждый охранник должен всегда находиться *на таком расстоянии* от военнопленных, чтобы он мог в любой момент *немедленно* пустить в ход свое оружие. Никогда не поворачиваться спиной к военнопленному!

По отношению к *трудолюбивым и послушным военнопленным* также неуместно проявление мягкости. Они рассматривают это как проявление слабости и делают из этого соответствующие выводы.

4. При всей строгости и твердости, которые должны сопровождать безусловное исполнение отданных приказов, не должны иметь место *произвол* или *плохое обращение* с военнопленными со стороны немецких солдат, не должны применяться палки, кнуты и т. д. Подобное поведение противоречило бы достоинству немецкого солдата как оруженосца нации.

5. Мнимая безобидность большевистских военнопленных никогда не должна приводить к отклонению от вышеприведенных указаний.

ЦГАОР СССР. Ф. 7021. ОП. 102. Д. 617. Л. 31. Перевод с немецкого.

Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1944). М., 1985. С. 134—135.

ПРИКАЗ начальника Генерального штаба генерал-полковника сухопутных войск К. Цейтцлера № Р/500/43 «Местные вспомогательные силы на Востоке — добровольцы»

Об отношении к командирам и бойцам Красной Армии, перешедшим на сторону немцев

Берлин, 29 апреля 1943 г.

1. Большое количество добровольно перешедших к нам офицеров и солдат Красной Армии показывает, что офицеры и солдаты Красной Армии не хотят больше бессмысленно жертвовать собой за Советскую власть.

Все офицеры и солдаты, которые честно бросят борьбу и перейдут к нам, будут рассматриваться как противники Советской власти, и к ним будут соответственно относиться. В добавление к ранее изданным приказам Главное командование сухопутных войск указывает, что всякий принадлежащий к Красной Армии офицер, политрук, младший командир и боец могут поодиночке или группами добровольно к нам перейти.

2. Отношение к добровольно сдавшимся офицерам и бойцам Красной Армии:

a) в частях, дивизиях и корпусах все добровольно к нам перешедшие отделяются тотчас же от военнопленных и хорошо обеспечиваются питанием. Личные вещи (деньги, ценности, одежда, знаки различия и т. д.) не отнимаются;

b) добровольно к нам перешедшие получают снабжение из войсковых складов;

c) добровольно к нам перешедшие удаляются из зоны вражеского влияния, если можно, автомашинами, только не пешком; больным и раненым оказывается медицинская помощь.

3. Каждый добровольно к нам перешедший получает удостоверение личности и немецкий паспорт, а также пользуется следующими правами:

a) В местах сбора всех добровольно к нам перешедших размещать в специально приспособленных помещениях (отапливаемых, освещаемых и т. д.). Офицерский состав должен быть отделен, и ему должны быть предоставлены необходимые удобства (возможность стирать белье, принимать душ и т. д.);

b) снабжение должно быть как для всех добровольцев, а если позволяют местные условия, то должны предоставлять и предметы туалета (одеколон, пудра и т. д.), а также табак;

c) негодное обмундирование сейчас же заменяется;

d) в течение семи дней добровольно к нам перешедшие имеют возможность подумать и вступить по своему желанию в один из национально-освободительных легионов, а также в качестве добровольцев остаться нести службу в частях германской армии или рабочими в районах освобожденных областей;

e) офицерам, до капитана включительно, положено на трех человек по одному ординарцу; начиная с майора — по одному ординарцу на двух; начиная с генерал-майора — по одному ординарцу на одного человека;

f) можно также привлекать добровольцев из числа местного населения выдачей журналов, необходимой литературы, музыкальных инструментов, демонстрацией фильмов, а также требуется проявление собственной инициативы в этой области.

4. Всем добровольно к нам перешедшим после окончания войны гарантируется возвращение на родину, в том случае, если они этого пожелают.

Начальник Генерального штаба генерал-полковник сухопутных войск К. Цейтцлер

Цит. по: *Романько О.В.* Мусульманские легионы во Второй мировой войне. М, 2004., С. 294—295.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.3

ПРИСЯГА казаков на верность Адольфу Гитлеру

«Обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, перед Святым Евангелием в том, что буду Вождю Новой Европы и Германского народа Адольфу Гитлеру верно служить и буду бороться с большевиз-

мом, не щадя своей жизни до последней капли крови. Все законы и приказания от поставленных Вождем Германского народа Адольфом Гитлером начальников отданные, по всей силе и воле исполнять буду. В поле и крепостях, в окопах, на воде, на воздухе, на суше, в сражениях, стычках, разъездах, полетах, осадах и штурмах буду оказывать врагу храброе сопротивление и все буду делать, верно служа вместе с Германским воинством защите Новой Европы и родного моего войска от большевистского рабства и достижения полной победы над большевизмом и его союзниками. Если узнаю о чем-нибудь, вредящем общему делу борьбы за свободу Европы и наших родных казачьих краев, не только заблаговременно о том объявлю, но всеми способами постараюсь отвратить и уничтожить зло. Всякую вверенную мне тайну крепко буду хранить. Поставленным надо мною начальникам, как немецким, так и своим казачьим, во всем буду послушен и все буду делать по совести. От команды и полка, к которому принадлежу, ни в поле, ни в обозе, ни в гарнизоне, какая опасность мне ни угрожала бы, пока жив отлучаться не буду и хотя и раненый следовать за ним буду и везде и во всем себя буду так вести и поступать, как то честному, верному, послушному, храброму и расторопному казаку надлежит. В чем да поможет мне Господь Бог Всемогущий. В заключение сей клятвы целую Слова и Крест Спасителя Моего. Аминь».

На казачьем посту. 1943. № 12. С. 4.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.4

Первые встречи (заметки корреспондента А.М.)

Среди массы советских пленных разыскиваю казаков. Сам стараюсь не говорить, что я казак. Передо мною стоит казак-инженер из Новочеркасска. На мой вопрос отвечает, что он казак. Задаю ему вопрос, как он, интеллигентный человек, может считать себя казаком? Инженер обидчиво снова подчеркивает, что он является казаком по плоти своих родителей и предков и что таковым и умрет. Расспрашиваю его о жизни донской столицы. Как много изменилось, как все обнищало! Рассказывает, что его отец говорил ему о прежней жизни казаков, об их борьбе за свою свободу, за действительно счастливую жизнь, да и сам он помнит много из своей юношеской жизни о героической борьбе казаков. Подхожу к молодому, едва 20-летнему. Расспрашиваю его. Рассказывает о тяжелой сталинской жизни, которая дала его отцу 3,5 и 10 лет. Он знает, что его дядя за границей в Болгарии. Задаю во-

прос: много ли казаков выселили «товарищи»? Говорит, что много, но нас, казаков, снять с нашей земли нелегко. Кто же селится у нас? Красные партизаны, но им невесело живется у нас, да и к нашей работе непривычные они.

Из нескольких тысяч пленных нашел около двух десятков казаков. Их рассказы полны ужасов о подсоветской жизни, разорившей богатые Казачьи Земли, где теперь нельзя встретить ни забора, ни плетня!

Вступаю в разговор с молодым казаком, потерявшим родителей, беспризорным, попавшим затем на дрессировку в ростовскую политшколу. Стоит ли говорить, что он «советский казак». На задаваемые вопросы отвечает цитатами из Ленина и Маркса. Спрашиваю его мнение, на что он мне заявляет, что в Советском Союзе нет и не может быть личного мнения. С натасканной уверенностью говорит о «зажиточной, лучшей на всем свете жизни». Высказывает желание лично на практике увидеть, что большевистский обман был обманом. На вопрос, почему он к казачьему имени присоединяет «советский», отвечает по Ленину: «Казаки царского режима представляли касту, которая несла жандармскую службу и была опорой царизма, который за это награждал казаков землей и освобождал от всех податей и налогов, а такой касты, как говорил товарищ С. на такой-то конференции и тогда-то, не должно быть».

Подхожу к другому, расспрашиваю, в какой он «советско-казачьей» части находился, отвечает, что особых казачьих частей нет, но что были попытки «наряжать на страх врагу». Беседую с молодым, бойким казаком, при вопросах о месте его рождения попадаю на своего одностаничника. Проверяю правдивость его показаний, вспоминаю свою родную станицу, ее достопримечательности, знакомых. Его ответы правильны. Мои подробные вопросы порождают у него вопрос, откуда мне известны станичные подробности. «Да вы ведь мой станичник!» — догадывается, наконец, он. Пришлось признаться. Как радостно заблестели его глаза, а на лице счастливая улыбка. Мой первый одностаничник с родных просторов!

Разговариваю с казаком «лишенцем», отец и семья которого до дна испили чашу «советской идиллии». Сколько в его словах злобы и ненависти к большевистским тиранам и твердая уверенность, что час справедливой расплаты не за горами. Крепко жму ему руку и говорю: «Да, станичник, этот час близок!»

Некоторые сразу себя не признают казаками, с ответами очень осторожны, подозрительностью отвечают на поставленные им вопросы и только тогда, когда видят прямой к ним подход, охотно отвечают на вопросы и открывают тайники своей души.

ГАРФ. Ф. 5762. ОП. 1. Д. 108. Л. 357.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.5

ПИСЬМО начальника Пролетарского районного управления Ростовской области Агапова старшине Буденновской волости того же района

Районное управление Пролетарского района
Ростовской области
Старшине Буденновской области
15.12.1942. № 9/364

Для несения внутренней службы по охране Родины и для помощи Германским Вооруженным силам под руководством Главного немецкого командования в борьбе с коммунизмом и сталинской жидовской сворой приказываю:

1. Завербовать не менее 7 человек добровольцев в Донской казачий полк.

2. Добровольцы в Донской казачий полк вербуются не только из казачьего, но и из коренного населения постоянных жителей степей, в том числе и военнопленных, вполне благонадежных политически.

3. Добровольцы должны быть снабжены паспортами и Вашими рекомендациями о политической благонадежности.

4. Добровольцы должны быть Вами обеспечены: 1. Строевой лошадью. 2. Седлом с амуницией. 3. Полушубком. 4. Сапогами. 5. Папахой. 6. Курткой. 7. Гимнастеркой. 8. Шароварами. 9. Двумя парами белья. 10. Шашкой. 11. Карманными деньгами — по 1000 рублей каждому.

5. Все перечисленное переходит в личную собственность добровольца за счет Вашей общины и изъятия у населения Вашего поселка обмундирования бывшего советского образца и казачьего снаряжения...

10. Завербованные и снаряженные добровольцы должны быть доставлены Вами лично в Районное Управление 23 декабря с. г. с недельным запасом продовольствия и фуража.

11. Доставленные Вами добровольцы будут направлены в город Новочеркасск для строевого обучения.

За точное выполнение данного распоряжения отвечаете Вы. Старшине волости также явиться лично 23 декабря с. г. во главе старост и добровольцев волости.

Районный начальник (Агапов)

Начальник Агробюро (Копылов)

Цит. по: *Решин Л.* «Казаки» со свастикой. Документы из архивов КГБ // Родина. 1993. № 2. С. 74.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.6

Организация пластунского казачьего полка

Основой пластунского полка являлось пластунское (стрелковое) отделение. Представьте себе пароконную бричку. На ней размещены сиденья, сколоченные из досок — вот и транспортное средство пластунского отделения. Численность отделения — восемь человек. Командир отделения — младший урядник или урядник, вооруженный автоматом. Две пары стрелков, вооруженных карабинами, расчет ручного пулемета — приказный и его второй номер, ездовой, вооруженный карабином. Всего на вооружении отделения: один автомат, один ручной пулемет, шесть карабинов. Такое ездящее отделение было казачьим изобретением времен Гражданской войны в пластунских батальонах Шкуро.

Нормальный суточный марш пластунского отделения — 50 километров. Проходимость близка к проходимости конницы. На четыре человека приходилась одна лошадь — это было экономично. Важным преимуществом такого «ездящего войска» было то, что пластуны шли в бой в пешем строю, не будучи утомленными изнуряющим маршем. Кроме того, при спешивании только один ездовой оставался коноводом, в то время как в кавалерийском отделении — три. Да и накормить отделению двух лошадей труда не составляло.

Пластунский взвод состоял из трех отделений, взводного урядника (старший урядник или подхорунжий), командира взвода (хорунжий или прапорщик). Во взводе восемь лошадей.

Пластунская сотня состояла из трех взводов и ячейки управления — командира сотни (сотника или подъесаула), вахмистра, писаря (приказного) и ординарца. Всего 82 человека и 28 лошадей.

Батальон состоял из трех пластунских сотен, пулеметной команды, минометного взвода, отделения конной разведки и штаба батальона. Всего в батальоне до 350 человек и 115 лошадей. Батальонами командовали есаулы и войсковые старшины.

Пластунский полк состоял из трех пластунских батальонов, штабной сотни, минометной и противотанковой батарей. Общая численность полка до 1500 человек и до 500 лошадей. Командовали полками полковники или войсковые старшины.

Дудников В.С. Воспоминания старого казака о пережитом и размышления о настоящем // В сб.: Материалы по истории русского освободительного движения 1941—1945. Под общей редакцией А.В. Окорокова. Вып. 1. М., 1997. С. 334—335.

Из истории военной организации таборитов[1]

Для неподвижной обороны и для обороны на марше чехи-табориты широко применяли изобретенное ими сооружение из повозок (вагенбург), специально изготовленных для похода и боя. Повозки отличались особой прочностью и запрягались четверкой лошадей. С двух сторон повозки подвешивались на цепях толстые дубовые доски, закрывавшие проход под ней. Возились толстые деревянные щиты для установки их на повозках и между ними. Повозки скреплялись длинными железными цепями.

Команда каждой повозки состояла обычно из 10 воинов: ездового, четырех молотильщиков (главным оружием таборитов был тяжелый цеп — «молотило»), пикинеров и стрелков (или лучников, или арбалетчиков, или аркебузеров). Это была низшая организационная единица. Личный состав нескольких повозок составлял роту, входившую в состав отряда, действовавшего самостоятельно. Численность такого отряда обычно не превышала 5—6 тысяч человек. Табориты выработали свою тактику борьбы с рыцарским войском на походе, в наступательном и оборонительном боях.

Разин Е.А. История военного искусства VI—XVI вв. СПб, 1999. С. 495.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.7

Немец с русским сердцем (Доброй памяти генерала Гельмута фон ПАННВИЦА)

Гельмут фон Паннвиц, считавший своим величайшим отличием, счастьем и честью — право командовать Казачьим Корпусом на Балканах, в дни, когда всех нас и его судьба уже была предрешена на конференции в Ялте, тогда, когда уже не было надежды, или мягче сказать — испарялась надежда на победу здравого разума над безумством завоевателя, когда Розенберг и ему подобные проиграли свою игру у нас на родине, неся не освобождение, а новое вражеское жестокое закрепощение, когда исчезла надежда и вера в победу белой идеи над красным кошмаром. И тогда генерал фон Паннвиц был с нами, был наш, любил и ценил русского человека, казака, бойца и, дав клятву, остался ей верен и не ушел. Он отказался от права немца покинуть свой пост и своих

---

[1] Табор — город, ставший политическим и военным центром национально-крестьянской войны в Чехии в 1420—1434 годах.

людей, сохранить если не свободу, то, во всяком случае, жизнь. Он предпочел сохранить честь солдата и свое имя светлым в памяти всех тех, кто пережил катастрофу выдачи из Австрии 1945 года, всех тех, кто боролся с коммунистами под его командой, всех тех, кто хоть раз с ним встречался...

Газета «Русская жизнь». Сан-Франциско, США. № 3422 от 6 августа 1955 года

ФОН ПАННВИЦ

Ему сказали: «Вы свободны:
Мы уважаем ваш мундир.
Но казаки нам неугодны,
К несчастью, Вы — их командир...»

Шли поезда... Ему кричали:
«Прощай, наш Батько-Генерал!»
И он, как вылитый из стали,
Один их молча пропускал...

Когда ж на смерть и на страданья
Ушел последний эшелон,
К своим врагам без колебанья
Вернулся сам спокойно он.

Сказал им: «Всюду с казаками
Я был, как с братьями в бою.
Хочу суда над всеми нами,
А не щадить судьбу мою».

И те, кто, видимо, не знали,
В чем смысл и сила слова «Честь»,
Его с презрением предали
На неминуемую смерть.

И.И. Сагацкий Журнал «Родимый край».
Париж. № 94. Май—июнь 1971 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.8

Из истории формирования 1-й казачьей дивизии

При прибытии в Млаву полки выгружались и следовали пешим порядком до большого военного лагеря, находившегося примерно в девяти километрах к востоку. Там каждый полк размещался в отведенном ему квартале благоустроенных бараков. В

последующие дни по приказу генерала Паннвица было образовано несколько различных комиссий, которые сразу же приступили к своей работе. В их числе была комиссия из старых казаков, хорошо знавших свои Войска, отделы и станицы. Эта комиссия разбивала казаков по Войскам, месту рождения или происхождению, проверяла действительность принадлежности к казачеству, минувшую деятельность и прочее. Ее работа проходила весьма успешно, благодаря наличию тысяч собранных вместе и знавших друг друга казаков. По окончании работы комиссий все наши полки были выведены на большую площадь и построены фронтом взводными колоннами в своем полном первоначальном составе.

При приближении генерала Паннвица была подана команда «смирно». Поздоровавшись, он сказал о своем счастье быть с нами, о необходимости переформирования и подготовки к грядущим боям против коммунистов, о положении с нашим старшим офицерским составом, о своем намерении здесь же назначить из нашей же среды новых командиров и с этой целью предложил всем строевым офицерам выйти на правый фланг всего построения и стать там в одну шеренгу.

После его команды «вольно», пока мы выходили на указанное нам место, к полкам стали подходить специально назначенные чины разбивочной комиссии, которые становились отдельными группами против каждого полка примерно на расстоянии сорока шагов. У каждой такой группы имелись списки всего рядового состава будущего полка по дивизионам, сотням и взводам, по которым они тут же приступили к вывозу казаков, называя номер его полка, дивизиона, сотни и взвода. Каждый вызванный казак переходил в тыл разбивочной группы и занимал за нею свое место во взводе строившейся в колонну сотни.

Тем временем к нам подошел генерал Паннвиц в сопровождении нескольких немецких офицеров и других чинов. Он расспрашивал каждого из нас о нашем военном образовании, службе в строевых частях, их названиях, их местах действий и т. п., а затем, в зависимости от полученных данных, назначал на соответствующую должность с указанием полка. В этих назначениях генерал Паннвиц руководствовался исключительно современностью военных знаний офицера и его боевым опытом, независимо от того, воевал ли он до этого на стороне немцев, или наоборот, сражался против них в рядах Красной армии.

По окончании назначений мы заняли свои места в формируемых полках. Те же офицеры, которые остались по разным причинам, были переведены в резерв с правом службы на нестроевых должностях в нашей дивизии.

К вечеру разбивка закончилась, причем все наши полки были перенумерованы следующим образом: 1-й Донской кавалерий-

ский полк, 2-й Сибирский велосипедный полк, 3-й Кубанский кавалерийский полк, 4-й Кубанский кавалерийский полк, 5-й Донской кавалерийский полк, 6-й Терский кавалерийский полк.

Н.Г. Назаренко. 1-я казачья дивизия // В сб.: Великое предательство. Сост. В.Г. *Науменко. СПб, 2003. С. 12—13.*

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.9

КАЗАЧЬИ ПЕСНИ ВРЕМЕН ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

КАЗАЧЬЯ ПЕСНЯ

(автор — юный казак Василий Тарасов)

Отлично, отлично
Казачья сотня
Сражалась весь день напролет.

Мы били жидов
И клинком, и гранатой,
Но все же прорвали кольцо.

Снаряды свистели
И пули визжали,
Рвалась над бойцами шрапнель.

И грозно казаки
В атаку рванулись,
Добили врага до конца.

ПЕСНЯ О 1-й КАЗАЧЬЕЙ ДИВИЗИИ

(автор — казак Г. Нестеров)

Первая Казачья

Во славу вольного народа
Ты в страшной буре родилась,
На страх врагам, назло невзгодам
Казачьей Первой назвалась.

Твои лихие командиры
Сплотили нас стальной стеной.
Как встарь, было, полки водили,
Они теперь ведут нас в бой.

Ряды твои не опустеют.
Коль есть Кубань, есть Терек, Дон.
Нет силы той, что нас развеет;
В твоих рядах — наш отчий дом.

Настанет час, когда с заката
Мы лавой хлынем на восток.
Настанет нашей час расплаты,
Когда в руке сверкнет клинок;

За кровь отцов, за плач народный,
За край родной, что весь в огне,
За все страданья и невзгоды
Тогда отплатим мы вдвойне.

Во славу вольного народа
Ты в страшной буре родилась,
На страх врагам, на зло невзгодам
Казачьей Первой назвалась.

ПЕСНЯ О КАЗАКАХ-ДОБРОВОЛЬЦАХ

Добровольцы казаки

Под свободные знамена
Добровольческих полков
От Кубани и от Дона
Шли отряды казаков.

Над полями Украины
Засверкали их клинки,
Вижу снова как на картине
Бурки, шашки, башлыки.

Не за власть кремлевской клики
Тунеядцев и жидов,
За народ казачьи пики
Будут бить большевиков.

За поруганную церковь,
За расстрелянных отцов,
За погибших в 33-м,
За кубанцев и донцов,

За спаленный край казачий,
За станицы, хутора,
За детей и женщин плачи
Отомстить пришла пора.

Для последней смертной брани
Собирались казаки,
Дона, Терека, Кубани
Православные сыны.

Казачьи ведомости. 1944. № 13—14. Июнь—июль. 1945. № 15—16. январь—февраль.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.10

Казаки против балканских банд

Газета Берлинер Иллюстрирте Нахтаусгабе (так в документе. — *П.К.*) от 14 декабря 1943 года поместила очерк военного корреспондента СС Андреаса Альбрехта, который мы перепечатываем полностью.

Не все казаки сохранили свою родину там, где Терек катит свои усталые волны в диких зеленых берегах или Нижний Дон несет в море свои мутные воды. Но они дома везде, где небо высоко, а Кремль далеко, во всех селениях, которые восторженно встречали немецкие отряды. Они присоединялись к ним, как только их миссия в этих местах оканчивалась, и наши отряды передвигались на запад. Они уходили оттуда во имя свободы.

Для московских властодержцев казаки всегда были беспокойным элементом, так как они никогда не желали признавать большевизма, и никакие карательные экспедиции ничего не могли с ними поделать. Тысячами перебегали они, в одиночку или целыми отрядами, избегая воинской повинности у большевиков, и требовали оружия, чтобы иметь возможность обратить его против угнетателей и врагов своей родины. Мы давно их знаем, этих жилистых молодцов с резкими чертами лица; мы видели их, как они стрелой носились по долинам на своих горячих лошадях, мы видели их танцы в селениях и слышали их песни. Мы знаем их темперамент — они делают или все или ничего, но то, что они делают, они доводят до конца. Их любовь к свободе так же велика, как и их гордость, они обладают природным инстинктом воина, и их врожденное добродушие покидает их, как только в них вскипает ненависть.

Такими видели мы их на юге Восточного фронта, когда они пришли к нам, такими видим мы их снова теперь, далеко от родины, под палящими лучами солнца Южной Европы, на берегах Савы или в Боснии. За это время они на учебных полях выучились многому, что облегчает им выполнение боевой задачи, которой они себя посвятили, и расширяет их горизонт в военно-технической области. Здесь можно сделать большое дело при наличии хорошей выправки и стойких убеждений.

Дело вовсе не так обстоит, как этого бы хотел видеть английский премьер. Балканы вовсе не в пламени, это он видит там фальшивые отблески. Банды бродят в непроходимых горах, производят опустошения в селах, сидят в выжидании в неприступных ущельях и нападают оттуда на транспортные единицы или слабые сторожевые отряды. Здесь разыгрываются эпизодические бессвязные военные действия, хитрый, доверившийся природе противник избегает открытой борьбы, с ним надо быть всегда настороже и бить его его же оружием. Эта задача возложена несколько недель тому назад на казаков, которым она приходится как раз по вкусу. Несколько казачьих полков проводят ее с видимым успехом. Со всей страстностью своего темперамента выполняют казаки свою обязанность, перед коммунистическими террористическими группами вырос в них противник, который в войне такого рода ни в чем им не уступает.

За короткое время казаки стали грозой бандитов везде, где патрулируют их сторожевые отряды или где они сидят в настойчивом ожидании, под прикрытием скал или кустарников. Подвижность, инстинктивно точное оценивание и определение врага, близость к природе и привычка к большим переходам, смелость при нападении, ловкость в бою и беспощадность к побежденному врагу, выполняющему задачи большевизма, — вот особенности казака, бросившие его навстречу борьбе с бандитизмом на юго-востоке.

Лучше всего чувствуют себя казаки под открытым небом, сидя у костра, на котором жарится на вертеле баран, подаренный им пастухом или крестьянином за то, что ему не надо больше дрожать за свой домашний очаг. Ночью же в них не дремлет воинственный дух. С наступлением сумерек гасят они костер и патрулируют неслышно по горам и расщелинам скал. Они в большинстве случаев уже вперед знают, где есть для них работа, застигают неприятеля врасплох. О своих ночных набегах и приключениях они говорят мало, а между тем им нередко выпадают на долю тяжелые переживания, так как они не любят действовать большими отрядами. Никто не знает подробностей об их ночных боях по скалам и кустарникам, о стычках у бурлящих рек, по берегам которых вьется полотно железной дороги и шоссе. Часто это бывают жестокие рукопашные бои.

Кто утром в безопасности и без неприятных задержек едет по железной дороге, между висящими по обеим сторонам горным стремнинами, может только предполагать о ночных происшествиях. В такой час казаки еще преследуют где-либо в горах беглецов с поля битвы или спят после работы в кустах, так как день снова сменится ночью, а она принадлежит им.

Андреас Альбрехт

Казачьи ведомости. 1944. № 7.
ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 12. Л. 257—257 (об).

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.11

ПРИКАЗЫ ИЗ АРХИВА 1-й КАЗАЧЬЕЙ ДИВИЗИИ

ПРИКАЗ № 179 5-му Донскому казачьему полку

11 декабря 1944 года

1. Полк совершил в течение нескольких дней очень большой марш. Из моих личных наблюдений я установил, что многие офицеры, вахмистры и унтер-офицеры уделяли большое внимание порядку, дисциплине и боевой готовности своих подразделений. Особенно я отмечаю 2-й дивизион, который свыше 300 км прошел пешком, и, несмотря на усталость людей, я видел порядок и дисциплину. Вчера особенно отличился 8-й эскадрон, который энергично сбил противника, захватив тяжелый пулемет. Командиру эскадрона, командирам взводов, вахмистрам, унтер-офицерам и казакам эскадрона объявляю благодарность.

2. Все же, несмотря на порядок и дисциплину на марше, я видел отдельных разгильдяев, пьяные, между собой подрались, набили друг другу физиономии, едут с синяками и подбитыми глазами. Иногда даже отдельные казаки в пьяном виде отставали от строя. Категорически запрещаю на марше или при выполнении боевых задач употребление спиртных напитков. Я отдельных лиц наказал и впредь буду наказывать. Запомнить всем, что разгильдяям, пьяницам и дебоширам в нашем славном дорогом полку места и пощады никогда не будет.

3. В пути, я видел, у отдельных повозок ломались колеса, рвалась сбруя. Все это является результатом невнимательной подготовки обоза и сбруи к движению.

4. Во время движения, когда шел дождь или снег, отдельные казаки и даже унтер-офицеры садились на повозки, закрывшись плащ-палатками и не видя, что делается в подразделении. Отдельные ездовые утеряли кнуты, отдельные казаки выглядят подчас очень безобразно; с поднятыми воротниками, руки в карманах, в папахе или пилотке, надетой как попало. Без команды курят, разговаривают. Некоторые спешат вперед себя устроить, а потом уже лошадей. Отдельные лошадей не убирали и не кормили как следует. Другие не следовали со строем или обозом, а выскакивали на тротуар.

Приказываю: вышеуказанное внимательно проработать вплоть до унтер-офицера и необходимые пункты довести до сведения казаков.

5. Полк прибыл в район, где находится очень много различных банд, а также недалек и фронт. Население к нам доброжела-

тельно. Поэтому быть исключительно внимательными и дисциплинированными по отношению к нему, а также и к усташам, домобранам и местным хорватским властям, чтобы не было никаких недоразумений. Буквально избегать ненужных трений и споров. Быть исключительно внимательным, принять бои в любое время дня и ночи, учитывая подчас наличие сильного противника, как наземного, так и с воздуха. Все замаскировать, установить четкую линию обороны и укрепить ее. В бою каждый из нас, в обороне, на марше или в наступлении, должен быть стойким, энергичным, смелым, всегда держаться друг друга, выручать один другого. Вы, мои родные сыны, должны быть действительным факелом возрожденного казачества, помня всегда, что Русское освободительное движение под руководством генерал-лейтенанта Власова сильно потрясло Советскую власть. И скоро настанет такой момент, когда наша освободительная армия непосредственно столкнется с большевизмом и нанесет ему смертельный удар. В этих боях казачество должно принять авангардную роль. Настоящий пункт не позднее 10 часов утра 12.12.44 довести до сведения всего личного состава.

6. 12.12.1944 г. произвести следующее: занять и укрепить линию обороны, осмотреть обоз и отремонтировать его, осмотреть конский состав, ковку, привести в порядок сбрую, оружие, обмундирование. Наладить четкое питание людей и кормление лошадей, организовать бани для казаков, помыть белье.

7. В занимаемом населенном пункте в 17.00 запрещаю движение цивильного населения, об этом предупредить местную власть. Все входы и выходы занять и установить посты и проверить всех лиц, прибывающих в деревню; всех подозрительных направлять в штабы дивизионов и штаб полка.

Подписал. Командир 5 ДККП полковник Кононов

Верно. Начальник штаба полка оберлейтенант Гончаров
12 декабря 1944

Пункты 1, 2, 3, 4, 7 данного приказа довести до сведения всего личного состава дивизиона.

Начальник штаба д-на оберлейтенант Гюнтер

ПРИКАЗ

Вчерашний день путем героических боев 3-го, 5-го и 6-го казачьих полков и артиллерии занято от сильно оборонявшегося противника село Питомача. С этого дня можно считать начало большого успеха 1-й Казачьей Дивизии.

Впервые казаки встретились в бою с большевистской армией,

поддержанной жидовским марксизмом, с его ложными обещаниями и клеветнической пропагандой.

Ни численный перевес, ни перевес вооружения и материалов не смогли помочь неприятелю. Боевой дух и храбрость моих казаков уничтожили в несколько часов неприятеля.

Казаки! Вы этим доказали, что Ваша клятва не была пустыми словами, что ваша борьба за освобождение Родины и за Новую Европу — святое дело! Я вас благодарю за Ваш боевой успех и за Вашу храбрость! Потери неприятеля за вчерашний день: 204 обнаружено убитыми. Есть предположение, что число убитых гораздо больше. 136 пленных. Взято от неприятеля, как военная добыча:

4 пушки 12,2 см.
1 — 10,5 см.
2 — 7,6 см. 1 — 6,7 см.
8 противотанковых пушек 7,5 см.
3 пушки легкие.
1 зенитная пушка 2,0 см.
5 тяжелых минометов.
12 пулеметов.
13 противотанковых ружей, 72 автомата.
Около 250 винтовок.
149 огнеметов.
Около 300 мин тарелочной формы.
8 легких грузовых автомашин.
1 легковая автомашина.
1 трехместный мотоциклет.
95 лошадей, частью с седлами и сбруей.
15 повозок с большим количеством боеприпасов, масками (противогазами), продовольствием и обмундированием.

Подпись: Командир 2-й казач. кав. бригады
полковник фон Шульц

ПРИКАЗ № 194 5-му Донскому Казачьему кавалерийскому полку

30 декабря 1944 года. Деревня Питомача

1. Я установил большой беспорядок в содержании военнопленных. Надо помнить, что мы должны показывать образец современного солдата, борющегося во благо нашему народу, России. Поэтому каждый должен быть дисциплинированным, подтянут, не болтать того, что не следует, показывать из себя культурного воина. Понятно, что к военнопленным нужно относиться очень хорошо, но не так, как я вчера видел во 2-ом дивизионе: захожу в комнату, где сидят военнопленные: казаки конного взвода 2-го дивизиона были назначены для охраны военнопленных, вся эта охра-

на разделась до нижнего белья, оружие положила на соломе в углу возле военнопленных, в комнате ужасно накурено, грязно, валяется хлеб, мясо, все охраняющие казаки сидят вместе с военнопленными, играют в карты. У дверей часового нет. Такое безобразие может привести к бегству военнопленных, могут перебить всю охрану.

Приказываю:

1) Для военнопленных подбирать хорошее помещение, теплое и уютное. Кушать давать в определенное время.

2) Часовой должен стоять у дверей или у окна, должны быть назначены люди как выводные — если военнопленный захочет выйти оправиться.

3) Завести в дивизионах в отдельных подразделениях тетради учета военнопленных с указанием, где захвачены, дата, откуда родом, в какой части служил, каким эскадроном захвачен.

4) Если кто желает поговорить с военнопленными, то обязательно должно быть разрешение от начальника штаба или командира дивизиона.

5) Военнопленным обязательно давать прочитывать манифест и программу Русского освободительного движения и мое обращение.

6) Конвоирование и передача в вышестоящие штабы военнопленных должно происходить в исключительном порядке.

Впредь выделять для охраны военнопленных исключительно добросовестных унтер-офицеров и казаков. Детально их инструктировать о их обязанностях.

2. Ввиду наступления холодов надо срочно организовать, поделать перчатки и наушники для казаков, не допустить ни одного случая обмораживания.

Подписал. Командир 5-го дон. каз. кав. полка полковник Кононов

Верно. Начальник штаба оберлейтенант Гюнтер

Алферьев Б. Крук В. Походный атаман батька фон Паннвиц. М., 1997. С. 151—155.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.12

ПРИКАЗ начальника Казачьего резерва генерал-лейтенанта А.Г. Шкуро от 5 сентября 1944 года (Обращение к казакам)

Обращение генерала А.Г. Шкуро

Родные казаки!

Приказом государственного Руководителя «СС» я назначен Начальником Казачьего Резерва, и на меня возложена задача со-

брать вас всех, способных носить оружие, для формирования Казачьего Корпуса, чтобы казаки имели возможность с оружием в руках защищать свои семьи, отстоять свое право на жизнь и на свободное существование и помочь нашему союзнику — Германской армии в ее тяжелой борьбе против общего врага — жидобольшевизма!

Казаки! Настало время, когда каждый из нас должен честно и громко сказать, с кем он, и за что борется! Времени для колебаний и размышлений нет. Или с нами и Германской армией, или против нас!!!

Поэтому я, облеченный высоким доверием Государственного Руководителя «СС», громко призываю вас всех, казаки, к оружию и объявляю всеобщий казачий сполох!

Поднимайтесь все, в чьих жилах течет казачья кровь, все, кто еще чувствует себя способным помочь общему делу. Казак — эмигрант ли ты 1920 года, пришел ли ты сейчас с Германскими войсками с Востока, находился ли в лагерях военнопленных, в Восточных лагерях, в частях «СС» или в полиции и других германских учреждениях, все уроженцы казачьих областей, родители которых были тамошние коренные жители, уроженцы Ставропольской и Черноморской губерний, потомки казаков, насильно оторванные от казачьей семьи, — всех вас я призываю немедля являться в местные учреждения войск «СС» и местные казачьи организации, заявлять о своем казачьем происхождении или письменно сообщать о том же в мой штаб — Берлин, B15, Курфюрстендамм, 216 (Berlin,W15, Kurfurstendamm, 216) или же в казачье управление — Берлин, CO16, Рунгештрассе, 27 (Berlin, SO16, Rungestrabe, 27, Kosakenleitstellen) и записываться в казачьи войска.

Все установления войск «СС» германских вооруженных сил получили приказ от Государственного Руководителя «СС» оказывать вам полное содействие и направлять всех казаков, способных к строевой службе, от 18 до 45 лет, а офицеров до 50 лет, в казачий запасной полк (Dollernsheim bei Zwettl) для формирования, а остальных казаков, а также казачьи семьи направлять в Вену (Wien III, Radetzkystr, 3, Kosakenauffangstab) для дальнейшего следования в места казачьего поселения.

Я горячо верю и твердо знаю, что вы, казаки, понимая всю сегодняшнюю обстановку, дружно отзоветесь на мой призыв, и мы все докажем Великому Фюреру и Германскому народу, что мы, казаки, верные друзья и в хорошее время и в тяжелое.

Итак, казаки, до зроби, к оружию!

Начальник Казачьего резерва
генерал-лейтенант Андрей Шкуро

ПРИКАЗ начальника Главного управления Казачьих Войск генерала П.Н. Краснова № 15 «О формировании казачьего корпуса и задачах Казачьего Стана»

Приказ казачьим войскам

17 сентября, № 15, г. Берлин

№ 1

Для полного объединения и дружеской общей работы всех казачьих войск предписываю с нынешнего 1944 года Войсковым Праздником во всех Казачьих войсках считать день **ПОКРОВА ПРЕСВЯТАЯ БОГОРОДИЦЫ, 1 (14) октября**.

№ 2

Поздравляю всех казаков и казачек с Войсковым праздником!

Мы встречаем в этом году наш праздник в тяжелых и трудных обстоятельствах шестого года упорной и жестокой войны. Нас ожидает слава победы и доблесть исполненного долга перед родными войсками и принявшей нас, как союзников, Германией. Из «Особого приказа» начальника 1-й казачьей дивизии генерал-лейтенанта фон Паннвица мы узнаем о признательности казакам Фюрера Германского народа, Адольфа Гитлера, за нашу верность, настойчивость и жертвы, принесенные каждым из нас.

Первая казачья дивизия генерал-лейтенанта фон Паннвица избрана Фюрером сборным местом всех казаков.

Все казаки должны соединиться и составить один казачий корпус. По приказу Фюрера, он пойдет освобождать наши родные края. Упорные бои перед нами. МЫ будем в них не одиноки. Плечо к плечу с нами пойдут сотни тысяч бойцов Русской Освободительной Армии. Они так же, как и мы, пойдут освобождать свои родные дома.

Все казаки собираются в особый **КАЗАЧИЙ РЕЗЕРВ**, начальником которого назначен Кубанского Казачьего войска **ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ ШКУРО.**

Бить врага нужно не растопыренными пальцами, но крепко сжатым могучим кулаком. Разбросанным повсюду казачьим частям и одиночным казакам предписываю собраться к резерву генерала Шкуро.

Казаки всех войск и те иногородние, кто жил на наших землях, кто ушел с них с нами, чтобы сражаться за свободу родных краев и их союзников, где бы они ни находились: в лагерях ли военнопленных, в рабочих ли лагерях вместе с другими рабочими, на службе на заводах или в отдельных малых частях и командах охраны, в полицейских командах или при штабах отдельных германских частей — через своих комендантов и начальников обязываются заявлять об их священной обязанности исполнить

призыв Фюрера, переданный через начальника 1-й казачьей дивизии генерал-лейтенанта фон Паннвица, через начальника Казачьего резерва генерал-лейтенанта Шкуро и мой приказ, и требовать через местные учреждения частей «СС» отправления. Казаков собирать по войскам в маршевые сотни и отправлять при офицерах в распоряжение генерала Шкуро.

Приказ этот не касается частей Походного атамана полковника Доманова, которые имеют особое значение очистить от партизан и бандитов временную казачью землю для поселения на ней казачьих семей и для охраны их на этой земле.

Казаки, вы можете спокойно идти в поход, зная, что за мощною охраной старых, испытанных в походе и боях полков Походного атамана семьи ваши защищены, дети воспитываются и обучаются, они будут такими же казаками, как и вы, и станут достойною вас сменою.

Я зову вас словами призыва генерал-лейтенанта Шкуро: — **«ДО ЗРОБИ! К ОРУЖИЮ!»**

Запомните заключительные слова «Особого приказа» генерал-лейтенанта фон Паннвица: «...Дорогие мои казаки! Вы знаете, что вся моя любовь принадлежит вам. Вы всегда были предметом моих мыслей, чувств и действий. Покажите же теперь, что ваши мысли, чувства и действия принадлежат Фюреру. Только таким образом вы станете на путь, который ведет к светлому будущему. Вперед, в бой за освобождение Родины! Да здравствует Фюрер!»

Я уверен, что ни один казак, в груди которого бьется подлинное казачье сердце, не уклонится от призывов, не уклонится от моего приказа.

Я — старый казак, участник трех войн, отдавший всю долгую жизнь казакам и с частями Донского, Кубанского, Терского, Оренбургского, Уральского, Сибирского, Забайкальского, Амурского, Уссурийского и Енисейского войск, ковавший славу казачью в войнах Японской, Великой и Противобольшевистской, зову вас ВСЕХ, родных и близких мне казаков и уроженцев казачьих областей, Ставропольской и Черноморской губернии, в ком течет та же казачья кровь и кто шел с казаками в бои против большевиков — **с великим душевным подъемом, с жаждой подвига и победы, с искренним желанием и готовностью все отдать за свободу родных краев, за новую Европу без жидов и большевиков, стать в ряды нашего казачьего освободительного корпуса.**

Да здравствует фюрер Адольф Гитлер, наш вождь! Да поможет нам в святом нашем деле господь бог, и да покроет нас своим покровом пресвятая богородица, наша защитница и нерушимая стена! В добрый час!

Начальник Главного Управления Казачьих Войск
генерал от кавалерии КРАСНОВ

ЧАСТЬ 4

Дополнительные материалы

Глава 1

УНИФОРМА КАЗАЧЬИХ ЧАСТЕЙ ВЕРМАХТА[1]

Форма одежды казачьих частей, входивших в состав вермахта, представляла собой разнородное сочетание предметов германского и советского обмундирования с элементами традиционного казачьего обмундирования — такими как папахи, шапки-кубанки, фуражки с цветным околышем, башлыки (глубокий капюшон с двумя длинными полотнищами, наматываемыми вроде шарфа), черкески (верхняя одежда, украшенная на груди газырями[2]), бурки (меховая накидка из черной верблюжьей или козьей шерсти) и брюки с цветными лампасами, цвет которых обычно определял принадлежность к тому или иному полку. Донские казаки носили красные лампасы шириной 5 см, кубанские казаки — красные лампасы шириной 2,5 см, сибирские казаки — желтые лампасы шириной 5 см, терские казаки — черные лампасы шириной 5 см с узким синим кантом.

---

[1] Описание казачьей униформы составлено по следующим материалам: *Mollo A.* German uniforms of the World War II. London, 1976; *Bender P.J. Taylor H.P.* Uniforms, organization & history of the Waffen — SS. San Jose, 1986; Щит и меч. 1991. 4 января; *Дробязко С. Каращук А.* Восточные легионы и казачьи части в вермахте. Москва, 1999; Казачья униформа в двух великих войнах // Сост. А.Н. Азаренков. М., 2002; *Фоулер Дж. Чаппел М.* Кавалерийские части Германии и ее союзников во Второй мировой войне. 1939—1945. М., 2003.

[2] Газыри — украшенные орнаментом кожаные гнезда, в которых носились патроны; нашивались по обеим сторонам груди на черкеску.

На начальном этапе — до ноября 1942 года, когда еще не были даны какие-либо приказы относительно формы одежды и знаков различия казачьих частей, их личный состав носил либо советское обмундирование, либо германское (иногда — с погонами и петлицами, имевшими цвета германской кавалерии). Из-за того, что униформа была такой разнородной и не существовало единого стандарта, казачьи подразделения было очень тяжело идентифицировать — зачастую они были больше похожи на противника (то есть на советские части), чем на союзников. Особенно большие трудности возникали при опознавании с воздуха, поэтому во избежание несчастных случаев казакам было предписано «выдавать несколько полотнищ со свастикой».

В частях, созданных в составе немецких танковых соединений, например, в казачьем кавалерийском полку подполковника И. фон Юнгшульца, в качестве нарукавного знака и кокарды использовалась эмблема бронетанковых войск вермахта — «мертвая голова», а в составе горно-стрелковых дивизий — эмблема германских горных егерей «эдельвейс». Одним из вариантов нарукавного знака, который носили казаки в полку фон Юнгшульца, был черный ромб с «мертвой головой», подковой и двумя скрещенными саблями. В качестве эскадронных знаков в этом полку использовались черные полотнища с изображением «мертвой головы» и надписью, указывающей на номер эскадрона, например 2 Kosaken Schwadron (2-й казачий эскадрон).

В казачьих добровольческих полках и сотнях, сформированных осенью—зимой 1942 года на Дону, Кубани и Тереке, офицеры, по возможности, носили форму казачьих частей Российской Императорской армии, включая цветные фуражки с кокардой, шинельные петлицы и старые русские погоны. Это обмундирование с приходом немцев либо извлекалось из тайников: «Открывались дедовские сундуки с форменной казачьей одеждой... Чинились седла и конское снаря-

жение»[1], либо изготовлялось заново. Кроме того, широко использовалось обмундирование казачьих частей Красной армии, введенное в 1935 году. В письме начальника Пролетарского районного управления Ростовской области Агапова старшине Буденновской волости того же района даются очень строгие указания по части обмундирования и снаряжения казаков: «*Добровольцы должны быть Вами обеспечены: 1. Строевой лошадью. 2. Седлом с амуницией. 3. Полушубком. 4. Сапогами. 5. Папахой. 6. Курткой. 7. Гимнастеркой. 8. Шароварами. 9. Двумя парами белья. 10. Шашкой... Все перечисленное переходит в личную собственность добровольца за счет Вашей общины и изъятия у населения Вашего поселка обмундирования бывшего советского образца и казачьего снаряжения...*»[2] Как и в былые времена, в качестве головных уборов казаки использовали папахи и кубанки. Папаха представляла собой высокую меховую шапку серого меха с красным (донские казаки) или белого меха с желтым дном (сибирские казаки). Кубанка (кстати говоря, введенная в 1936 году и в Красной армии) была более низкой и использовалась кубанскими (красное дно) и терскими (светло-синее дно) казаками.

На флагах и штандартах таких частей обычно изображалась традиционная казачья символика (например, подкова, шашка, скрещенная с нагайкой, и шапка-кубанка). В частях, сформированных на Дону, была сделана попытка унифицировать форму. В Декларации Войска Донского от 15 ноября 1942 года были даны некоторые указания относительно формы и знаков различия. В ней, в частности, говорится, что «*воссоздавае-*

---

[1] *Дудников В.С.* Воспоминания старого казака о пережитом и размышления о настоящем. С. 330.

[2] *Решин Л.* На казачьем посту. 1944. № 38. С. 12; *Решин Л.* «Казаки» со свастикой. Документы из архивов КГБ // Родина. 1993. № 2. С. 74.

мая Казачья Армия имеет свою историческую форму, прежние знаки военного различия. Донское войско имеет свой национальный флаг: синяя, желтая и красная продольные полосы. Донской герб — олень, пронзенный стрелой»[1]. Однако нельзя сказать, что эта попытка удалась, так как и после Декларации казачья форма представляла собой смесь царского, советского и немецкого обмундирования.

Первой из частей, унифицировавших форму одежды и знаки различия, стал действовавший на Северном Кавказе кавалерийский полк «Платов». Согласно приказу от 13 июня 1942 года, личный состав этого полка был обязан носить полевую униформу вермахта с красными лампасами и петлицами с серебряными галунами — соответственно занимаемой должности. Погоны были введены красные для казаков и урядников и белые для офицеров — и те и другие с алюминиевыми лычками.

Приказом организационного отдела Генштаба ОКХ (Главное командование сухопутных сил Германии) № 10450/42 от 15 ноября 1942 года была введена система знаков различия для казачьих частей. 1). Нагрудная эмблема восточных войск («свастика и крылья»); 2) красные петлицы со скрещенными пиками на темно-зеленом поле для нижних чинов и на серебряном — для офицеров; 3) нарукавные щитки — для донцов (желто-сине-красный), кубанцев (желто-зеленый), терцев (черно-зелено-красный). Погоны для казаков и урядников вводились темно-зеленые с красной выпушкой и белыми алюминиевыми лычками, а казачьи офицеры, как и офицеры других восточных частей, были обязаны носить узкие наплечные шнуры, введенные в 1940 году для зондерфюреров. Однако этот пункт приказа почти не нашел практического применения, так

---

[1] *Донсков П.Н.* Дон, Кубань и Терек во Второй мировой войне. С. 557.

как большинство казачьих офицеров в нарушение руководящих указаний носили немецкие погоны. Этим же приказом была введена матерчатая кокарда для личного состава казачьих частей, представлявшая собой овал темно-зеленого цвета с красной вертикальной полоской и двумя скрещенными пиками.

Естественно, что полностью унифицировать знаки различия казачьих частей не получилось. Да и вряд ли это было возможно. Помимо погон не установленного образца, использовавшихся, прежде всего офицерами, были кокарды с одной пикой и двумя пересекающимися (как в Андреевском кресте) полосками. Утвержденные нарукавные знаки также были выполнены в различных вариантах. Прежде всего они отличались по форме и по рисунку цветных полос: продольных или треугольных. Позднее появились варианты упрощенных нарукавных нашивок. На них принадлежность к тому или иному казачьему войску обозначалась двумя русскими буквами, а ниже вместо полосок располагался квадрат, поделенный двумя диагоналями на четыре части. Цвет верхней и нижней, а также левой и правой частей совпадал. У донских казаков части были красного и синего цвета и буквами «ВД» (Войско Донское), у терских — синего и черного и буквами «ТВ», а у кубанских — красного и черного и буквами «КВ». Нашивка сибирского казачьего войска появилась позже. У сибирских казаков сегменты были желтого и синего цветов и буквами «ПСВ» (Полк Сибирского Войска). Эти знаки были введены приказом организационного отдела Генерального штаба ОКХ № 14124/43 от 29 мая 1943 года. Некоторые казаки 360-го полка фон Рентельна носили на левом рукаве мундиров особые отличительные знаки в виде серебристого профиля танка с буквой F — желтого металла или прорезной, и красного щитка с белой окантовкой под ним. Вероятно, этот знак был наградным, присвоенным добровольческой роте 5-й германской танковой дивизии (на основе ко-

торой был создан 360-й полк), и выдавался за отличия в боях в районе Ржева. Личный состав четырех батальонов 360-го полка, задействованных осенью 1943 — летом 1944 г. на Атлантическом валу, носил красные щитки с одной, двумя, тремя или четырьмя наклонными (слева направо) белыми полосками, в зависимости от номера батальона.

Весной 1943 года организационный отдел Генштаба ОКХ пытался распространить на все восточные формирования, в том числе и на казачьи, единую систему погон по образцу тех, что носили в старой армии. Однако это нововведение так и не было реализовано.

Своим обмундированием отличалась 1-я казачья кавалерийская дивизия. Форма казаков была весьма живописной и резко выделялась на фоне немецкого полевого обмундирования. Различие было настолько разительным, что даже вызывало раздражение немецкого командования. Однажды полковник Вагнер (командир 1-го Донского полка), гуляя по Загребу в парадном обмундировании, был остановлен немецким генералом, который поинтересовался: «какого черта он разгуливает по городу в наряде, подходящем только для клоуна в цирке»[1]. Но особенное недовольство немцев вызывали казачьи лампасы, которые в Германии считались принадлежностью военной элиты (их имели право носить только генеральские чины).

Чины штаба дивизии (впоследствии корпуса) в особо торжественных случаях надевали темно-синие (или черные) черкески с красными погонами и красные бешметы. Отличительным знаком служил синий овал с красной выпушкой и изображением белого атаманского жезла (булавы) между двумя скрещенными шашками — носили его на правом рукаве. Казаков конвойной службы («Конвой его Величества») отличали золотис-

[1] *Littlejohn D.* The patriotic traitors. A history of collaboration in German occupied Europe. P. 320.

тые шевроны углом вверх на обоих рукавах. Как правило, в ряды конвоя отбирались казаки (как эмигранты, так и бывшие советские граждане), которые участвовали в Гражданской войне на стороне белых. Поэтому нередко многие из них носили награды того периода, например Георгиевские кресты.

Донские казаки, составлявшие в дивизии 1-й и 5-й полки, носили черные папахи с красным верхом и скрещенными полосами серебряной тесьмы, темно-синие шаровары с красными лампасами и нарукавные знаки, введенные приказом организационного отдела Генерального штаба ОКХ от 29 мая 1943 года. В дивизии нарукавные знаки носились на правом рукаве чинами 1-й бригады (1-й, 2-й и 4-й полки) и на левом — 2-й (3-й, 5-й и 6-й полки).

Казаки-сибирцы (2-й полк) отличались от остальных белыми папахами с желтым верхом и скрещенными полосами серебряной тесьмы, серо-голубыми шароварами с желтыми лампасами и желто-голубыми нарукавными знаками. 2-й Сибирский и 5-й Донской полки имели собственные полковые нагрудные знаки, которые являлись не наградами, а лишь деталями парадной формы одежды.

Погоны на парадном обмундировании казаков 1-й казачьей дивизии имели цифру, обозначавшую номер полка. Личный состав дивизионных частей на правом рукаве мундиров носил желто-сине-красные щитки с красной наклонной полоской в артиллерийских частях и с желтой — в дивизионе связи.

Служивших в рядах дивизии (а потом и корпуса) казаков-кубанцев (3-й и 4-й полки) отличали черные кубанки с красным верхом и скрещенными полосами серебряной тесьмы, черные шаровары с узкими красными лампасами и установленный нарукавный знак. Терцы (6-й полк) носили черные папахи и установленный нарукавный знак, а на брюках — голубые лампасы с черной окантовкой.

В качестве повседневного и полевого обмундирования использовалась стандартная униформа вермахта (или других союзников Германии), в том числе тропический ее вариант, вместе с традиционными папахами и кубанками. С начала 1944 года введенные ранее специально для казачьих частей петлицы с пиками (приказ организационного отдела Генерального штаба ОКХ от 15 ноября 1942) постепенно вытеснялись петлицами вермахта. В то же время переход 1-й казачьей кавалерийской дивизии в подчинение войск СС осенью 1944 года никак не отразился на форме одежды и знаках различия.

Германский кадровый состав дивизии (корпуса) носил обмундирование вермахта с желтым войсковым цветом кавалерии. Некоторые из офицеров, служившие до войны в кавалерийских частях, имевших свои собственные знаки отличия, носили на головных уборах «мертвую голову» и орла, которые являлись эмблемами соответственно гусарских и драгунских полков кайзеровской армии, а затем — некоторых подразделений в составе кавалерийских полков рейхсвера. Во время парадов многие из германских офицеров, включая и командира дивизии фон Паннвица, надевали традиционную казачью форму тех войск, при частях которых состояли.

Эскадронные и дивизионные значки подразделений 1-й казачьей кавалерийской дивизии представляли собой двухцветные флюгера с арабскими (эскадроны) и римскими (дивизионы) цифрами. Вся расцветка флюгеров была установлена по схеме, принятой в германской кавалерии. Исключение составляли дивизионные значки 1-го Донского полка — они были треугольной формы, с изображением пронзенного стрелой оленя. Полковыми флагами служили прямоугольные полотнища той же расцветки, как нарукавные знаки соответствующих полков.

В частях Группы Походного атамана представите-

ли разных казачьих войск старались по возможности носить традиционную форму одежды, которая зачастую была смешана со стандартным немецким и трофейным обмундированием. Например, вполне был возможен следующий вариант: казак-эмигрант Астраханского войска (их было очень немного) в фуражке с желтым околышем и синей тульей и в галифе с желтыми лампасами (их традиционные отличия). Униформу дополняла кожаная куртка французских альпийских стрелков с эмблемой СС на левом рукаве и итальянский аксельбант. В качестве нарукавного знака астраханских казаков, по всей вероятности, использовался красно-белый щиток с буквами «АСВ» (Астраханское войско), который, по-видимому, официально утвержден не был. Казаки других войск носили нарукавные знаки, которые использовались полками 1-й казачьей дивизии, или носили знаки более старого образца.

Казаки вошедшей в подчинение Походного атамана группы «Савойя» (она была создана на Восточном фронте в 1942 году, в составе 8-й итальянской армии) первоначально носили традиционную форму Донского войска с кокардой Российской императорской армии и бело-сине-красным шевроном (углом вниз на правом рукаве). Выведенные летом 1943 года в Италию, они некоторое время служили в составе уланского полка «Наварра» и в это время носили итальянское кавалерийское обмундирование, которое сохранили и впоследствии, будучи переданными после капитуляции Италии в состав вермахта. В вермахте они, вероятно, получали и германское обмундирование, но, несмотря на все эти изменения, свой бело-сине-красный шеврон сохранили до конца войны.

Юнкера созданного в Северной Италии 1-го Казачьего юнкерского училища носили стандартное германское обмундирование с нарукавными знаками по принадлежности к Донскому, Кубанскому и Терскому войскам и красными погонами, обшитыми по краям

белой тесьмой. Наряду с этим использовалась специально изготовленная форма одежды, включавшая германское тропическое кепи, гимнастерку с нагрудными и боковыми карманами и брюки, заправлявшиеся в сапоги или ботинки с брезентовыми гетрами.

Униформа Школы юных казаков ничем не отличалась от обмундирования других казачьих частей, за исключением шелковой ленты зеленого цвета на левом рукаве с надписью серебряными буквами «Школа юных казаков». Для выпускников школы существовали специальные нагрудные знаки белого металла в виде венка из дубовых листьев со скрещенными шашками и атаманской булавой, германским орлом со свастикой в основании и надписью «Шк. юн. козаков» (орфография сохранена). Некоторые знаки имели позолоченный венок и булаву, что может свидетельствовать о существовании знаков разных степеней.

Глава 2

НАГРАДЫ ДЛЯ «ВОСТОЧНЫХ НАРОДОВ»

В период Великой Отечественной войны наряду с массовым героизмом и самопожертвованием на фронтах, трудовыми подвигами в тылу, растущей ненавистью к оккупантам, героическим сопротивлением населения немецким властям имело место и сотрудничество с врагом. Причины его были различны. Наиболее активной формой сотрудничества было непосредственное участие в боевых действиях, в карательных акциях против мирного населения, служба во вспомогательных войсках и полиции. На стороне нацистской Германии сражались воинские подразделения, сформированные из людей самых разных национальностей, населявших территорию Советского Союза. Здесь

были и печально знаменитая РОА (Русская освободительная армия) генерала А.А. Власова, и РОНА (Русская освободительная народная армия) под командованием Б.В. Каминского, и 15-й Казачий Кавалерийский Корпус генерала фон Паннвица, и отряды Украинской Повстанческой Армии, и подразделения «Белорусской краевой обороны», и многочисленные «туземные легионы», сформированные из тюркских и кавказских народов, и громадное количество небольших отрядов из татар, калмыков, донских, кубанских и терских казаков.

Естественно, что перед немецким командованием практически сразу остро встала проблема поощрения личного состава и награждения особо отличившихся орденами, медалями или памятными знаками.

Первоначально для награждения лиц, входящих в эти формирования и проявивших себя в ходе боевых действий, использовались те же награды, что и для немецких военнослужащих. Однако уже в феврале 1942 года эта практика была отменена. Необходимо отметить, что подобные награждения в начальный период войны (с июня 1941 года по февраль 1942 года) проводились крайне редко. Это было связано прежде всего с тем, что немцы надеялись справиться с Советским Союзом исключительно своими собственными силами. Это была одна из причин, по которой они не считали нужным как-то поощрять и тем более награждать немецкими крестами и медалями каких-то случайных «унтерменшей». Лишь в январе 1944 года «восточные союзники» были вновь удостоены права быть награжденными немецкими наградами.

14 июля 1942 года, почти через полгода «наградного вакуума», специальной директивой Верховного главнокомандования вермахта были учреждены для награждения так называемых «восточных народов» знаки отличия «За храбрость» и «За заслуги» (существует еще несколько вариантов названия последней награды: «За особые заслуги» и «Знак за военные заслуги»).

Награды эти могли получать как мужчины, так и женщины. Восточные знаки отличия должны были послужить своеобразным эквивалентом немецких наград: Железного креста 1-го и 2-го классов и Креста за военные заслуги 1-го и 2-го классов. Помимо лиц, входящих в восточные боевые формирования, этими наградами могли награждать также лиц коренных национальностей, входящих в полицейские и охранные формирования, в местные органы гражданской власти на оккупированной территории Советского Союза, а также «добровольных помощников» (хиви), которые служили на нестроевых должностях в немецкой армии. Знаки отличия «За храбрость» и «За заслуги» были учреждены в двух классах и имели следующие степени[1]:

2-й класс в бронзе на темно-зеленой ленте; 2-й класс в серебре на зеленой ленте с белыми полосками по краям; 2-й класс в золоте на светло-зеленой ленте с красными полосками по краям	носится на второй петле мундира или на орденской колодке
1-й класс в серебре без ленты, на булавке (винте); 1-й класс в золоте без ленты, на булавке (винте)	носится на левой стороне груди

Проектные рисунки этих знаков, в основе которых лежали идеи руководителя орденской канцелярии фашистской Германии доктора Генриха Доеля, были выполнены Эльмаром Лангом на известной в то время берлинской ювелирной фирме «Братья Годэ и К°», которая была основана еще в 1761 году. Эти награды были одними из немногих в Третьем рейхе, на которых отсутствовала свастика. Знаки отличия «За заслуги» представляют собой восьмиконечную звезду, лицевая сторона которой выполнена в виде 32 расходящихся рельефных лучей. В середине лицевой стороны имеется круглый медальон, украшенный в центре стилизованным шестилепестковым цветком, а по окружности — лавровым венком, перевязанным внизу лен-

[1] РГАСПИ. Ф. 625. ОП. 1. Д. 44. Л. 208—209.

той. В некоторых разновидностях буртик, окаймляющий кольцо с лавровым венком, выполнен в виде крученого шнура. Знаки отличия «За храбрость» дополнительно имеют два выступающих из-под медальона скрещенных римских меча. *«Подобная звездообразная форма знаков,* — вполне обоснованно считает отечественный исследователь немецкой наградной системы К.А. Калинин, — *обусловлена, по всей видимости, тем обстоятельством, что ими предусматривалось награждение также лиц нехристианского вероисповедания (татар, калмыков, народов и народностей Северного Кавказа и др)»*[1]. Эта версия подтверждается и выбором зеленого цвета (цвета знамени Пророка Мухаммеда) в качестве основного в расцветке лент. Ведь основную массу среди лиц нехристианского происхождения в немецкой армии составляли мусульмане, исповедующие ислам.

Знаками отличия «За храбрость» награждались лица, отличившиеся непосредственно в бою, а знаками отличия «За заслуги» — в иных случаях, в том числе за гражданские заслуги. Награжденному, наряду со знаком, выдавалось специальное удостоверение о награждении. При этом получение знака отличия 1-го класса, как правило, сопровождалось дополнительным денежным или имущественным вознаграждением.

Каждая степень 2-го класса могла выдаваться до трех раз. Награждение высшими степенями производилось лишь при наличии у награждаемого 3 наград предыдущего класса. Конечно, это правило вызывало много вопросов. Ведь для того, чтобы получить высшую степень 2-го класса, необходимо было иметь 6 наград — по 3 каждой предыдущей степени. Такое количество одинаковых знаков отличия выглядело бы на одном человеке несколько комично. Знак отличия 1-го класса выдавался только при наличии у награждаемого

---

[1] *Калинин К.А.* Награды для «Восточных народов». СПб.: Геза-Ком, 1999. С. 2.

высшей степени 2-го класса. И лишь в самых редких случаях, при проявлении выдающейся храбрости или при особых заслугах, было разрешено награждать высшими классами знаков, минуя предыдущие[1] (*более подробное описание правил награждения см. в Приложении 4.2*). Немецкий корреспондент Р. Кратш в статье «Казаки сражаются против Сталина» подробно рассказывает о том, какие подвиги необходимо было совершить, чтобы получить боевые знаки отличия «За храбрость»: «Многие казаки носят уже теперь установленные для восточных народов медали за храбрость: бронзовые, серебряные и золотые. Получившие эти медали — храбрые и бесстрашные люди, которые чувствуют себя у врага, буквально, как дома. Назовем для примера 26-летнего терского казака Б., который в Крыму, как младший лейтенант, со своим отрядом перешел на нашу сторону. Он проник на 20 километров вглубь неприятеля и в занятой большевиками деревне захватил в плен всю танковую команду. Другой руководитель взрывной команды взорвал в занятом большевиками городе, перед домом коменданта три грузовика, из них два с солдатами. Третий с 17 казаками захватил в неприятельском районе 96 человек пленных и вернулся обратно без потерь»[2].

Одними из самых известных кавалеров знака «За храбрость» 1-го класса были командир бригады РОНА — Б.В. Каминский и командующий ВВС РОА — генерал-майор В. Мальцев. В мае 1943 года знаками 2-го класса в бронзе были награждены 28 чинов 109-го батальона Украинской службы охраны, а среди них и генерал И. Омелянович-Павленко, который удостоился этой награды за успешное руководство винницкой полицией и командование охранным батальоном, боровшимся с белорусскими партизанами. Одним из самых известных кавалеров знака «За храбрость» 2-го класса

---

[1] РГАСПИ. Ф. 625. ОП. 1. Д. 44. Л. 209.

[2] Казачий вестник. 1943. № 7 (38). 1 апреля. С. 3.

стал пилот «1-й Восточной эскадрильи Люфтваффе» капитан С. Бычков (который, к слову сказать, ранее был удостоен Золотой Звезды Героя Советского Союза).

Награждение знаками «За заслуги» проводилось за поступки менее «героические», но не менее важные «в деле борьбы» против советской власти: «В день рождения Фюрера, 20-го апреля сего года, состоялось торжественное вручение Германским Командованием орденов, установленных Фюрером для Восточных народов, г-ну майору Рубан и ст. лейтенанту Анисимову. Своей энергией и отличной работой майор Рубан достиг того, что его часть является образцовой среди других казачьих частей. Старший лейтенант Анисимов — один из лучших и деятельных офицеров»[1]. 6 июня 1943 года Альфред Розенберг вручил знаки «За заслуги» двадцати руководителям местной администрации Киевского областного комиссариата, в том числе и киевскому городскому главе Форостовскому. В июле того же года серебряную звезду «За заслуги» 2-го класса получил винницкий бургомистр профессор Савостьянов, а бронзовых наград были удостоены трое его ближайших помощников. Весьма часты были и награждения рабочих, особо отличившихся, по мнению оккупационных властей. Так, например, в декабре 1943 года бронзовые звезды получили 17 рабочих из города Житомира (среди них одна женщина) — «за спасение ценного имущества от большевиков».

Согласно директиве немецкого командования от 29 октября 1942 года, немецкие военнослужащие, являющиеся командирами воинских подразделений из «восточных народов» или входящие в постоянный состав этих формирований, могли также быть удостоены знаков отличия «За храбрость» обоих классов в серебре (награждение могло производиться только один раз). Знак отличия «За храбрость» 2-го класса в серебре

---

[1] Казачий вестник. 1943. № 10 (41). 15 мая. С. 2.

могли получить немецкие военнослужащие, награжденные Железным крестом 2-го класса, а знаком отличия «За храбрость» 1-го класса в серебре — награжденные Железным крестом 1-го класса[1]. В мае 1943 года возможность такого награждения была распространена и на немецких служащих из состава полицейских и охранных формирований. С февраля 1944 года немецкие военнослужащие получили возможность быть награжденными знаками отличия «За заслуги» 1-го и 2-го классов в серебре. При этом условия награждения были точно такими же, как и в случае с Железным крестом. Вскоре это правило награждения было распространено и на немецких полицейских и служащих из состава охранных формирований. Однако все эти награды носили больше памятный или даже «сувенирный» характер.

Интересно, что, помимо «восточных» наград, немецкие военнослужащие получали также весьма любопытные и неожиданные «поощрения» от своих преданных союзников. Вот какой интересный документ удалось раскопать автору в Государственном архиве Российской Федерации:

«Оберштурмбаннфюреру Доктору Людвигу Хан от Донских казаков. Г. Варшава, *февраль 1944 года.*

Да хранит Вас Бог!

Приговор

Мы, донские казаки, находящиеся в Казачьей сотне при СД в городе Варшаве, на общем казачьем сборе, в знак глубокого уважения к нашим освободителям — Германскому Рыцарскому народу, для более крепкой

---

[1] В случае награждения «восточными знаками» тех немецких военнослужащих, кто получил Железный крест того или иного класса еще в Первую мировую войну, им было необходимо иметь специальную накладку на орденскую ленту к Железному кресту того или иного класса (она предназначалась для тех, кто вновь отличился в ходе сражений Второй мировой войны).

связи и подтверждения нашей преданности вождю Адольфу Гитлеру, решили своим казачьим приговором, как делали это наши предки, принять в Донские почетные казаки Морозовской станицы Оберштурмбаннфюрера доктора Людвига Хана, являющегося нашим шефом, по приказу которого мы, не щадя своих жизней, будем бить врагов человечества — жидовскую клику, где бы она ни находилась. Оберштурмбаннфюрера доктора Людвига Хана отныне мы по нашим старым казачьим традициям считаем членом нашей семьи Донского казачества. Подписали выборные от сотенного сбора»[1].

До января 1944 года офицеры, солдаты и обслуживающий персонал всех изменнических «восточных формирований» официально могли быть награждены исключительно созданными специально для них знаками «За храбрость» и «За заслуги». Только в самых редких случаях, за особую преданность и отвагу, допускалось награждение офицеров (исключительно офицеров. — *П.К.*) немецкими орденами и медалями. Зачастую эти награждения проводились по инициативе офицеров и генералов вермахта в строжайшей тайне от официального немецкого руководства, которое категорически не приветствовало подобные начинания.

Что касается немецких нагрудных знаков, то здесь не было таких резких ограничений. А знак «За атаку» для пехоты и мотопехоты вообще можно считать чуть ли не третьей официальной наградой «восточных формирований». Эта известная награда была учреждена генерал-полковником фон Браухичем в декабре 1939 года для пехотинцев, а чуть позднее и для мотопехоты. Особенно много таких знаков получали бойцы тех изменнических формирований, которые входили в состав каких-нибудь крупных немецких частей

---

[1] ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 14 Л. 69.

и которым удавалось хорошо зарекомендовать себя в глазах новых командиров.

Были и другие случаи, когда немецкое командование принимало решение о награждении тех или иных частей германскими наградами. Уникальный случай подобного массового награждения произошел в феврале 1943 года на Восточном фронте, когда были награждены все солдаты 1-го эскадрона казачьего полка Кононова. Вот как этот праздничный для казаков день описывает очевидец тех далеких событий: «*Морозный день 6 февраля. Между зданиями казарм казачьего полка построился в одних мундирах, в касках закаленный в боях 1-й казачий эскадрон... Сегодня большой праздник. 146 казаков получают сегодня за боевые заслуги высокое воинское отличие — «Восточную медаль». Многие казаки награждены уже орденами за храбрость в боях против большевиков. Но «Восточная медаль» имеет особое значение. Это военное отличие установлено Фюрером прошлой зимой, во время тяжелых боев германской армии. Право ношения медали может получить только тот, кто исполнил суровое условие! Два месяца непрерывного участия в зимних боях... В сопровождении немецкого офицера связи оберлейтенанта Р., майора П. и еще нескольких офицеров выходит командир полка подполковник Ко* (Кононов. — ***П.К.***). *Обойдя со своей свитой ряды казаков, командир становится на середину. Раздается дружное приветствие нескольких сот крепких голосов. Командир обращается к своим бойцам: «Господа офицеры, вахмистры, унтер-офицеры и казаки славного 1-го эскадрона. Сегодня наступил для Вас никогда не забываемый день. День, когда Вы получите высшую военную благодарность за Вашу верность, за Вашу храбрость, за Вашу борьбу против коммунизма и жидов. Сегодня Вы получите «Восточную медаль», военное отличие, установленное Фюрером Адольфом Гитлером за участие в зимней кампании»... После*

дружно троекратного «ура» к казакам обратился на немецком языке «друг и брат командира» оберлейтенант граф Р. После этого начинается раздача алой ленточки с черными и белыми тонкими линиями посредине — ленточки «Восточной медали». Обойдя ряды, командир своей рукой вдевает ленточку в петлицу каждого казака... После этого началось дефиле. На этом парад окончился, и началась неофициальная часть праздника в помещении казарм»[1].

Уникальность ситуации заключалась в том, что казаки были награждены «Медалью за зимнюю кампанию в России 1941—1942» (она известна также под названием «мороженого мяса»). Эта награда была учреждена 26 мая 1942 года. Для получения медали надо было провести 14 дней боев или 30 боевых вылетов, или находиться в зоне боевых действий в течение 2 месяцев, или получить ранение в боевых условиях (с 15 ноября 1941 года по 26 апреля 1942 года)[2]. Казаки же были награждены этой медалью за зимнюю кампанию 1942—1943 годов, что противоречило статуту награды. Хотя вполне возможно, что награды им были вручены еще за прошлые заслуги, так как 1-й эскадрон казачьего полка Кононова уже с февраля 1942 года (тогда он был 102-м эскадроном) начал боевые операции против партизан в радиусе 40—50 километров от Могилева, или по совокупности совершенных «героических поступков». Известны случаи, когда те же казаки из полка Кононова, но уже в составе 1-й казачьей кавалерийской дивизии, получали хорватские ордена, которые им вручал лидер усташей Анте Павелич.

28 января 1944 года, согласно директиве Верховного Главнокомандования вермахта, служащие «восточных формирований» получили официальное право

[1] Казачий вестник. 1943. № 6 (37). 15 марта. С. 3.

[2] Награды Германии 1933—1945. Каталог-справочник. Часть 1. Боевые награды. М.: Раритет, 2001. С. 74.

быть награжденными немецкими наградами: Железным Крестом и Крестом за военные заслуги. Вот что говорилось в приказе: *«Фюрер постановил — всем, состоящим в казачьих (украинских, кавказских и других) добровольческих частях, которые ему присягнули и сражаются на стороне Германских Вооруженных сил или их союзников, вместе со «Знаком за Храбрость» и «Знаком за Военные Заслуги», учрежденными для народов Востока, может быть пожалован «Железный крест» или «Крест Военных Заслуг» за ОСОБУЮ храбрость и за проявление ВЫДАЮЩИХСЯ заслуг»*[1] (*полный текст см. в Приложении 4.3*).

Награждение упомянутыми немецкими наградами требовало выполнения со стороны претендентов из числа «восточных союзников» целого ряда требований. Согласно директиве, условием для награждения Железным крестом 2-го класса являлся уже полученный серебряный знак «За храбрость» 2-го класса, а для награждения Железным крестом 1-го класса — полученный уже серебряный знак «За храбрость» 1-го класса. В случае награждения Крестом за военные заслуги должны были быть соблюдены те же условия, но только уже в отношении «восточного» знака «За заслуги»[2]. Несмотря на это распоряжение фюрера, «восточные» военнослужащие награждались немецкими крестами крайне редко и только в особых случаях. При этом наградами 2-го класса старались награждать младших офицеров, а 1-го класса — старших офицеров и генералов. Например, первым казаком, получившим Железный крест 2-го класса, а потом и первого, стал командир 5-го Донского казачьего полка 1-й казачьей дивизии И.Н. Кононов (помимо этого, он являлся полным кавалером «наград для восточных народов», а также был награжден хорватским «Крестом трилистни-

[1] На казачьем посту. 1944. № 21. С. 2.

[2] Там же.

ка»), а первыми кавалерами «Креста за военные заслуги с мечами» стали: урядники Максименко, Никонов, Конев, вахмистр Лотоцков, приказный Заяц[1].

Подводя итог, можно сказать, что учреждение в 1942 году специальных наград для «восточных народов» было хорошо продуманным и весьма своевременным шагом со стороны Гитлера и его ближайшего военного окружения. Введение этих знаков должно было лишний раз доказать коллаборационистам из числа народов СССР, что о них помнят и хотя бы на бумаге расценивают как равноправных боевых партнеров. В то время никто в Германском правительстве и в страшном сне предположить не мог, что пройдет совсем немного времени, и действительно придется уравнять бывших «недочеловеков» в правах с германскими солдатами. Однако зимой 1944 года, когда положение немецкой армии стало совсем угрожающим, а изменническим формированиям с каждым днем отводилась все большая роль, специальной директивой для поднятия боевого духа «восточных формирований» было разрешено награждать их личный состав немецкими наградами.

Не приходится сомневаться, что если бы немецкой армии не пришлось в спешном порядке латать разваливающийся под ударами Советской армии Восточный фронт, если бы не надо было восполнять страшные потери среди личного состава, то о подобных решениях не могло бы быть и речи. Ведь даже несмотря на то что многие части, сформированные из народов СССР, зарекомендовали себя непримиримыми борцами с коммунизмом и Советами, отношение к ним со стороны немецкого руководства до конца войны было весьма неоднозначным. Суть отношения к изменническим формированиям отражают знаменитые слова Гиммлера: «Руками одних недочеловеков убивать других недочеловеков».

---

[1] Казачья лава. 1944. № 1. 16 апреля. С. 1.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4.1

ВОИНСКИЕ ЗВАНИЯ В КАЗАЧЬИХ ВОЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЯХ

Перечень воинских званий в казачьих военных формированиях и их соответствие общеармейским воинским званиям

Казачьи воинские звания	Общеармейские воинские звания
казак	рядовой
приказный	ефрейтор
младший урядник	младший сержант
урядник	сержант
старший урядник	старший сержант
младший вахмистр	старшина
вахмистр	прапорщик
старший вахмистр	старший прапорщик
подхорунжий	младший лейтенант
хорунжий	лейтенант
сотник	старший лейтенант
подъесаул	капитан
есаул	майор
войсковой старшина	подполковник
полковник	полковник
генерал-майор	генерал-майор
генерал-лейтенант	генерал-лейтенант

Звания «приказный» (т. е. впервые попавший в приказ), «урядник» (стоящий у строя — ряда), «сотник» (командир сотни), «полковник» (командир полка) — русского происхождения.

«Хорунжий» (т. е. носящий хоругвь — знамя) — польского происхождения, «вахмистр» (начальник) — немецкого, «есаул» (от тюркского «ясаул» — «начальник») — восточного, «прапорщик» (т. е. носящий прапор — знамя) — украинского, «войсковой старшина» (т. е. имеющий в Войске старшинство) — казачьего происхождения.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4.2

ПОЛОЖЕНИЯ по вопросу о награждении знаками отличия за храбрость и за особые заслуги лиц, принадлежащих к восточным народностям

КОПИЯ

Генерал-комиссар в Минске. Минск, 1.02.1944

Отд. П 2Б 3б

Господам главным руководителям и руководителям отделов, а также господам областным комиссарам.

СОДЕРЖАНИЕ:

Награждение знаками отличия за храбрость и за особые заслуги лиц, принадлежащих к восточным народностям.

ОСНОВАНИЕ: Указ от 25.01.1943 — ПБ 2с

9.07.1943 — П ферв./Ш

5.08.1943 — ПБ 2с

Так как при награждении за храбрость и за особые заслуги продолжают возникать недоразумения, я довожу до сведения соответствующих инстанций следующие установленные положения по этому вопросу:

1. Лица, принадлежащие к восточным народностям, награждаются следующими знаками отличия:

а) Знак отличия с мечами при наличии проявления храбрости в бою;

б) Знак отличия без мечей за особые заслуги.

Немцы и немецкие подданные (фольксдойче) вышеуказанными знаками отличия не награждаются.

Знаки отличия подразделяются на несколько классов:

2-й класс в бронзе на темно-зеленой ленте; 2-й класс в серебре на зеленой ленте с белыми полосками по краям; 2-й класс в золоте на светло-зеленой ленте с красными полосками по краям	носится на второй петле мундира или на орденской колодке
1-й класс в серебре без ленты, на булавке (винте); 1-й класс в золоте без ленты, на булавке (винте)	носится на левой стороне груди

Каждой степенью 2-го класса можно награждать до 3-х раз. Награждение высшими степенями производится при наличии у награждаемого 3-х наград предыдущего класса. Знаком отличия 1-го класса можно награждать при наличии у награждаемого

высшей степени 2-го класса. При наличии выдающегося проявления храбрости, или особых заслугах, разрешается награждение высшими классами, минуя предыдущие степени.

2. Награждение

а) Знак отличия «За особые заслуги» 2-го класса в бронзе без мечей вручается областными комиссарами от моего имени, 2-го класса в серебре и золоте непосредственно мною. Награждение 1-м классом в серебре и золоте производится Райхскомиссаром.

б) Знак отличия «За храбрость». Награждение этим знаком отличия всех степеней производится с ведома райхсминистра оккупированных восточных областей соответствующими командующими германской армии.

3. Наградные листы

а) Наградные листы по пункту 2а) составляются в виде списков в 1 экземпляре. В списках должны быть указаны следующие данные: имя, фамилия, дата и место рождения, профессия, чин, место жительства, округ, область, краткое описание подвига, или характера заслуг, с указанием срока пребывания на германской службе. Областные комиссары заготовляют наградные удостоверения, указывают дату награждения и вручают награду от моего имени. Кроме того, они доносят, сколькими знаками отличия располагают и сколько потребуется на будущее время.

б) Наградные листы по пункту 2б) изготовляются отдельно на каждого в 2-х экземплярах по прилагаемому образцу и направляются мне. Дальнейшее прохождение наградных листов по инстанциям происходит через меня.

При пересылке мне наградных листов на знаки отличия «За храбрость» я прошу учесть, что эта награда для лиц, принадлежащих к восточным народностям, тождественна железному кресту. К этой награде представляются лица, проявившие особую храбрость в боях, а также особо отличившиеся в борьбе с бандами. Следует точно указать характер, место и время подвига. Кроме того, необходимо указать, сколько времени находится награждаемый на германской службе и как часто он принимал участие в боевых действиях. Изложение факта подвига должно быть написано от руки на 2-й странице наградного листа.

4. Порядок подачи наградных листов.

Наградные листы по пунктам 3а) и 3б) направляются соответствующему областному комиссару, который санкционирует награждение, если он правомочен на это согласно пункту 2а). В противном случае он пересылает наградные листы мне. Областные комиссары оформляют наградные листы герм. Жел-дор управлений, герм. Почтовых и других коммунальных инстанций. На лиц, работающих в моей инстанции, наградные листы запол-

няются руководителями отделений и представляются II отделу Управления.

Подобная организация процесса награждения должна строго соблюдаться для того, чтобы избежать дублирования награждения сразу несколькими инстанциями.

5. Вручение наград.

Вручение наград награжденным моей служебной инстанции производится руководителями отделений, если я сам не буду в состоянии присутствовать на церемонии.

Лицам, проживающим в областях, награды вручаются областными комиссарами или их представителями.

Лицам, работающим в германских служебных инстанциях и на коммунальных предприятиях, награда может быть вручена руководителем производства или его заместителем. Вручение производить по возможности в праздничной обстановке.

Подпись: Фон Готтберг

РГАСПИ. Ф. 625. ОП. 1. Д. 44. Л. 208—211.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4.3

ОБЪЯВЛЕНИЕ Верховным командованием Германских Вооруженных сил постановления фюрера о порядке награждения добровольцев «Железным крестом» и «Крестом Военных Заслуг»

ЗА ЧЕСТЬ И ПРАВО

Железный крест и крест военных заслуг жалуется в награду казачьим (а также украинским, кавказским и другим) добровольцам

Верховное командование Германских Вооруженных сил объявляет:

Фюрер постановил — всем, состоящим в казачьих (украинских, кавказских и других) добровольческих частях, которые ему присягнули и сражаются на стороне Германских Вооруженных сил или их союзников, вместе со «Знаком за Храбрость» и «Знаком за Военные Заслуги», учрежденных для народов Востока, может быть пожалован «Железный крест» или «Крест Военных Заслуг» за ОСОБУЮ храбрость и за проявление ВЫДАЮЩИХСЯ заслуг.

Условием для награждения «Ж.К. 2 класса» является полученный уже «Серебряный знак за храбрость 2 класса», а для награждения «Ж.К. 1 класса» — полученный уже «Серебряный Знак за храбрость 1 класса».

Условием для награждения «К.В.З. 2 класса» является полученный уже «Серебряный Знак за военные заслуги 2 класса», а для награждения «К.В.З. 1 класса» — полученный уже «Серебряный Знак за военные заслуги 1 класса».

Боевое испытание казачьих (украинских, кавказских и других) добровольческих частей в борьбе против общего врага — большевизма и плутократии — показало, что они безусловно стали на сторону Европейской Семьи Народов, т. е. на сторону чести и права. Постановлением жаловать им германские знаки отличия это наглядно подтверждается.

Из этого следует, что в настоящей борьбе на жизнь и смерть, доброволец имеет равные права со своими германскими товарищами по оружию.

Тем же, кто еще и теперь стоят в стороне и по малодушию или по незнанию ожидают в бездействии исхода борьбы, или связывают свое участие в борьбе какими-либо условиями, еще раз должно быть сказано:

Только безусловная борьба и жертвенное участие вернейших сынов этих народов может добыть им лучшее будущее — жизнь на основах права и чести.

Казачья лава. 1944 № 1. 16 апреля. С. 1; На казачьем посту. 1944. № 21. С. 2.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4.4

Генерал Гельмут фон Паннвиц о награждении казаков немецкими наградами

17 декабря 1943 года

Казаки. Мои славные орлы. Приказом Верховного главнокомандования от 10 ноября 1943 года, за подписью фельдмаршала Кейтеля и министра Восточных областей Альфреда Розенберга, признано казачество со всеми его историческими привилегиями... Вас признали как верных союзников. Вы достигли этого вашей верной службой и кровью лучших. В знак того, что вы приняты в военную семью Великой Германской Армии, в знак признания ваших заслуг в борьбе с общим врагом, будете и вы теперь, наравне с вашими боевыми товарищами — немецкими сол-

датами, награждаться военными знаками отличий Германской армии — Крестом военных заслуг с мечам и храбрейшие из вас — Железным крестом. Эти награды носят храбрейшие и лучшие сыны германского народа. Казаки, берегите эту высокую честь. Будьте достойны этой почетной награды и докажите еще больше, что в вас течет кровь наших славных предков, что вы мои славные, храбрые казаки.

ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 12. Л. 51.

Вместо эпилога

К середине мая 1945 года силы казаков-коллаборационистов (Казачий Стан, 15-й казачий кавалерийский корпус и некоторые другие небольшие отряды казаков) собрались в небольшом (120-километровом) участке на стыке австрийской, итальянской и хорватской границ — в живописнейшем месте Тирольских Альп, в долине реки Дравы (австрийская провинция Кернтен). Именно здесь, в районе городов Лиенц, Обердраубург, Клагенфурт, Фельдкирхен, Альтхофен, и разыгрались последние трагические события казачьей «освободительной» войны.

Поселения Казачьего Стана располагались в долине реки Дравы, между городами Лиенц и Обердраубург на австрийско-итальянской границе. Отсюда в расположение 8-й британской армии были направлены парламентеры, которые объявили о капитуляции Казачьего Стана.

Основная масса казаков была размещена в лагере Пеггец, находящемся восточнее Лиенца. Казачьи станицы и полки стояли биваками по обеим сторонам Дравы. Генерал П.Н. Краснов поселился в отдельной небольшой вилле в 4 километрах от Лиенца. Неподалеку разбили свой лагерь 4,8 тысячи кавказцев (в основном адыгейцев, карачаевцев и осетин), восточнее, в небольшом городке Шпиталь, с 15 мая находилась группа в несколько сотен казаков из Казачьего резерва Шкуро. Тремя днями ранее из Хорватии в Австрийские

Альпы прорвался 15-й казачий кавалерийский корпус генерала фон Паннвица, который сложил оружие перед англичанами в районе городов Фельдкирхен и Альтхофен.

Первое время положение казаков было совсем не похоже на положение военнопленных. Они были поставлены на довольствие и содержались в достаточно свободных условиях (чем, кстати говоря, воспользовались многие казаки: не доверяя англичанам, они спокойно ушли из лагеря и спрятались в горах, благодаря чему избежали депортации), с ограничениями передвижения лишь во время комендантского часа. Отношение со стороны английских солдат было подчеркнуто корректным и даже уважительным, офицерам разрешили сохранить оружие, а для несения караульной службы казакам были оставлены винтовки — по одной на 10 человек. Среди казаков ходили самые разнообразные слухи относительно своей дальнейшей судьбы. Высказывались даже предположения, что из них будет сформировано некоторое подобие Иностранного легиона и они отправятся на Ближний Восток, в Африку или на острова Тихого океана для борьбы с японцами.

15 мая в места размещения казаков прибыли представители Красного Креста, распределявшие продовольствие и вещи. Англичане всячески поддерживали все начинания казаков по устройству школ и церкви. 20 мая казакам даже пообещали предоставить помещение, где они могли бы наладить выпуск собственной еженедельной газеты, а незадолго до этого был создан казачий хор. По воскресеньям казаки собирались на открытом воздухе на службу, и православная литургия звучала в унисон отдаленному звону церковных колоколов в долине Дравы.

Однако судьба казаков была уже решена. Подписанное в Ялте 11 февраля 1945 года соглашение «О репатриации советских граждан» лишило возможности политического убежища всех без исключения подданных

СССР, которые покинули родные края вместе с отступавшими на Запад немецкими частями. К тому же, как вспоминает легенда советской разведки П.А. Судоплатов: «Сразу же после Ялтинской встречи заместителю начальника 1-го (разведывательного) управления НКГБ Короткову было поручено договориться с представителями спецслужб США и Англии о выдаче Советскому Союзу командного состава «власовской» армии (в том числе и казачьих лидеров) в обмен на передачу англичанам и американцам интересовавших их немецких генералов и адмиралов: речь шла о находившемся у нас в Москве в плену гросс-адмирале Редере»[1].

Понимая, что казаки так просто не сдадутся и что могут возникнуть осложнения, англичане тщательно разработали план операции по переброске казаков в зону советской оккупации. 16 мая они потребовали сдать все оставшееся у казаков оружие. Естественно, этот приказ вызвал среди пленников недовольство. Однако казаков успокоило сообщение о том, что взамен их разношерстной амуниции и вооружения им выдадут английское оружие. Получив такие заверения, казаки еще больше уверовали в то, что их никто выдавать не собирается, и без проволочек полностью разоружились.

28 мая под предлогом поездки на конференцию, предметом которой якобы была тема «Общая военно-политическая обстановка и военнопленные казаки», все генералы и высшие казачьи офицеры Казачьего Стана были отделены от основной массы казаков. Тех, кто поначалу этому воспротивился, успокоили, сказав, что на сборе будет присутствовать фельдмаршал Гарольд Александер, к которому казаки относились с большим уважением и считали своим союзником.

В связи с этим вышел приказ Т. Доманова об обязательном выезде на «конференцию» 2756 человек. Все

---

[1] *Судоплатов П.А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930—1950 годы. М., 2003. С. 269.

они под усиленным конвоем были отправлены в город Шпиталь и размещены в огороженном колючей проволокой лагере, где им и объявили о предстоящей выдаче советским властям. Несколько казачьих офицеров, понимая, что их ждет на родине, не дожидаясь утра, повесились, еще трое вскрыли себе вены. Утром к воротам лагеря подошла длинная колонна крытых брезентом грузовиков. Англичане приказали Доманову объявить офицерам о погрузке в машины для следования к месту передачи советским войскам. Этот приказ вызвал в лагере взрыв возмущения, и казачьи офицеры отказались повиноваться. Они сели на землю по 14 человек в ряд и сцепились друг с другом руками, образовав плотную массу. Тогда по приказу коменданта английские солдаты бросились на казачьих офицеров и стали жестоко избивать их прикладами. Окровавленных людей вырывали из общей массы и волокли к грузовикам. Вскоре все было кончено. Через некоторое время колонна грузовиков, напоминавшая издалека траурную процессию, пересекла демаркационную линию, разделявшую советскую и британскую оккупационные зоны, и прибыла в город Юденбург, где свыше 2 тысяч казачьих офицеров были переданы 3-му Украинскому фронту.

С командиром 15-го казачьего кавалерийского корпуса англичане обошлись несколько иначе. 26 мая генералу фон Паннвицу сообщили, что он отстранен от командования корпусом и взят под арест. Вместе с ним арестовали 144 немецких и 690 казачьих офицеров, которые 28 мая вместе со своим командиром были переданы в Юденбурге советским представителям.

Обезглавив таким образом Казачий Стан и 15-й казачий кавалерийский корпус, англичане приступили к депортации остальных казаков. 1 июня 1945 года они (по свидетельствам некоторых очевидцев, в составе английских войск действовала бригада «Палестина», сформированная из евреев) предприняли штурм лаге-

ря Пеггец, где 15 тысяч казаков, включая женщин и детей, устроили богослужение под открытым небом. *«В 10 часов утра,* — описывает события В.Г. Науменко, — *через ворота со стороны железнодорожного полотна в лагерь въехали 10 английских военных автомашин, крытых брезентом желто-зеленого цвета. Из них выгрузился взвод солдат. Половина из них была вооружена винтовками с примкнутыми штыками, некоторые с автоматами и даже с двумя пулеметами. Остальные держали в руках палки длиною примерно метр с четвертью, а толщиной в руку взрослого человека. По команде старшего, взвод выстроился в две шеренги. При этом один пулемет был установлен между автомашинами, своим дулом направленный в сторону молящихся, точно так же как и второй, который пулеметчики поставили сбоку выстроившихся солдат... По команде старшего, солдаты, вооруженные винтовками, быстро направились к толпе и стали стрелять в землю, под ноги молящихся. Пули, попадая в землю, рикошетом отлетали и ранили некоторых в ноги. После нескольких залпов, когда толпа пришла в замешательство, репатрианты, подойдя с двух сторон, под углом, стали расчищать себе дорогу штыками, стараясь отрезать от толпы часть людей, чтобы потом было их легче хватать. В то же самое время солдаты, вооруженные палками, избивали беззащитных людей — главным образом по головам. От этого люди теряли сознание и с окровавленными головами падали на землю. Их хватали и вбрасывали в машины... Озверевшие солдаты, а их становилось все больше и больше, еще ожесточеннее стали избивать людей. Тех, кто сопротивлялся или вырывался из рук, они кололи штыками, или стреляли в них... Поднялся такой крик, что даже винтовочные выстрелы не были слышны. На земле лежали убитые, раненые и потерявшие сознание от ударов палками. Их солдаты сейчас же подбирали и бросали в кузова машин,*

подъехавших к тому времени к толпе вплотную. Оглушенные, придя в себя, выскакивали из автомашин и бежали к окруженным казакам. Их вновь избивали палками, бросали в машины, а при сопротивлении избивали»[1]. *Подобным образом проходила депортация и казаков из 15-го казачьего корпуса СС.*

Всех казаков сначала доставляли в Юденбург, после многочисленных обысков и допросов всех перевозили в Грац, оттуда поездами через Австрию, Венгрию, Румынию в СССР, а там через Киев, Брянск, Москву, Свердловск и Новосибирск — в Кемеровскую область, где размещали в лагерях недалеко от Кузнецкого каменноугольного бассейна южнее Томска. Таким образом, надо полагать, что все вывезенные казаки попали на каторжные работы в рудниках Кузнецкого бассейна. Некоторые наиболее «благонадежные» казаки были отправлены на поселения.

Помимо этого, существовали и другие места дислокации казаков, откуда также происходили выдачи: поселки Вайтенсфельд и Глейсдорф (Австрия), лагеря в городе Монпелье и около железнодорожной станции Верне д'Арьеж (Франция); Торенто, Ричионе и Римини (Италия), Мантенхофен (Германия) и многие другие. Всего же весной—летом 1945 года советским властям было выдано примерно 50—55 тысяч казаков[2].

16 января 1947 года в Москве, в Колонном зале Дома Союзов состоялся закрытый судебный процесс по делу шести генералов: эмигрантов П.Н. Краснова, А.Г. Шкуро, С.Н. Краснова и Султан Келеч-Гирея, бывшего советского гражданина Т.И. Доманова и германского подданного Г. фон Паннвица. Подсудимые обвинялись в том, что «по заданию германской разведки

[1] Сборник материалов о выдаче казаков в Лиенце и других местах в 1945 году // Под редакцией В.Г. Науменко. Вып. № 10. Orangeburg, USA, 1955. С. 22.

[2] Там же.

они в период Отечественной войны вели посредством сформированных ими белогвардейских отрядов вооруженную борьбу против Советского Союза и проводили активную шпионско-диверсионную деятельность против СССР». Все обвиняемые были приговорены к смертной казни через повешение. Приговор был приведен в исполнение сразу по окончании процесса — на сооруженной во дворе Дома Союзов виселице.

Не так трагично сложилась судьба тех казачьих лидеров, кто по разным причинам избежал выдачи. После войны они оказались разбросанными по всему миру. Е.И. Балабин некоторое время жил в Чили, издавал казачьи журналы, а вскоре переехал в Европу и умер в Вене. В.Г. Науменко осел в США, где издавал сборники воспоминаний о выдаче казаков в Лиенце. Бывший лидер казаков-националистов Василий Глазков также оказался в США. Он попал в поле зрения ЦРУ, где, по некоторым сведениям, дослужился до полковника. И.Н. Кононов исколесил полмира, сотрудничал с разведками разных стран, безуспешно пытался создать свою собственную антикоммунистическую эмигрантскую организацию, но осенью 1967 года погиб в автокатастрофе в Австралии.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Фонд 5761 — Общеказачье объединение в Германской империи. 1939—1945.

Фонд 5762 — Канцелярия Казачьего Национально-Освободительного Движения в Праге 1941—1944.

Фонд 6461 — Канцелярия Донского атамана М.Н. Граббе. 1934—1944.

Фонд 6532 — Маракуев Сергей Владимирович.

Фонд 9101 — Донская казачья имени Войскового атамана графа М.Н. Граббе станица в Праге. 1936 — апрель 1945 года.

Фонд 5853 — А.А. фон Лампе. 1919—1945.

Фонд 6473 — Т.М. Стариков.

Фонд 6079 — Союз возрождения казачества;

Российский Государственный Архив Социально-Политических Исследований (РГАСПИ).

Фонд 69 — Центральный штаб партизанского движения. 1942—1944.

Фонд 625 — П.К. Пономаренко.

Государственный архив Ростовской области (ГАРО)

Таганрогский филиал ГАРО (ТФ ГАРО)

Шахтинский филиал ГАРО (ШФ ГАРО)

Центр государственной документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО)

Архив Управления Федеральной службы безопасности РО (УФСБ РО)

Российский Военно-исторический архив (РВИА)

Периодика

«Вестник Казачьего союза» (издание правления Казачьего Союза в Париже) за 1925—1928 годы.

«Вольное казачество».

«Ковыльные волны».

«Казачий голос». (орган независимой казачьей мысли, издание самостийников), Париж, 1937—1939 годы.

«На Казачьем посту» (журнал-официоз Главного управления Казачьих Войск), Берлин, 1943—1945.

«Казачьи ведомости» (журнал, официальный орган Казачьего управления (Козакен-Ляйтештелле) Дона, Кубани и Терека), Берлин, 1943—1945.

«Казачий вестник» (журнал Казачьего национально-освободительного движения), Прага, 1941—1944.

«Казачья лава» (центральная общеказачья еженедельная газета, печатный орган Главного управления Казачьих Войск), Берлин, 1943—1945.

«Слово» (болгарская еженедельная газета).

«Казак» (еженедельная газета при штабе Походного атамана С.В. Павлова), июль 1943 — октябрь 1944.

«Казачья земля» (газета Штаба Походного атамана Казачьих войск Т. Доманова), Толмеццо (Северная Италия), 1944—1945.

«Казачий клич» (еженедельная газета при штабе 1-й Казачьей дивизии), 1943—1945.

«Казачий листок» (печатный орган атамана П.Н. Краснова), Северная Италия, 1944.

«Казачий клинок» (еженедельная газета для казаков Дона, Кубани, Терека и горцев Кавказа) Краснодар, Симферополь, Украина, 1943—1944.

«Казачье дело». 1942. №1—4.

«Голос Ростова» (орган управления бургомистра г. Ростов-на-Дону), Ростов-на-Дону, 1942—1943.

«Пятигорское эхо» (1942—1944).

«Донской коммунар» (орган Базковского райкома ВКП (б) 1943).

«Родимый край».

«Наши вести».

«Часовой».

Публикации документов и сборники документов

Алферьев Б., Крук В. Походный атаман батька фон Паннвиц. М. 1997.

Война Германии против Советского союза 1941—1945. Документальная экспозиция. Под ред. Р. Рюрюпа. Берлин, 1994.

Вторая мировая война: два взгляда (хроника и документы). М.,1995.

Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Ростов н/Д., 1992.

Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941—1945: Рассекреченные документы. Хроника событий: В 3 кн. Краснодар, 2000—2003.

Лики войны. Сборник документов по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Нальчик, 1995—1996.

Материалы по истории Русского освободительного движения (статьи, документы, воспоминания). Вып. 1—4. Москва 1997—1999.

Мировые войны XX века. Вторая мировая война: В 4 т., кн. 4. М., 2002.

Науменко В.Г. Великое предательство СПб.2003.

Нюрнбергский процесс: сборник материалов: В 8 т., М., 1990.

Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. Смоленск, 2000.

Пикер Генри. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1998

Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1944). М., 1985.

Решин Л. «Казаки» со свастикой. Документы из архивов КГБ//Родина. 1993. № 2; Публикация материалов допросов барона фон Риттберга//Щит и Меч. 1991. 4 января; Воинствующая некомпетентность//Военно-исторический журнал. 1992. № 2; Wlassow-aktion// Военно-исторический журнал. 1992. №3.

Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 — январь 1943 гг.). Документы и материалы. Ставрополь, 2000.

Совершенно секретно! Только для командования! Стратегия фашистской Германии в войне против СССР (документы и материалы). М., 1967.

Сборник материалов о выдаче казаков в Лиенце и других местах в 1945 году. Под ред. В.Г. Науменко. Вып. 1—19. Orangeburg, USA, 1953—1960.

Тегеран—Ялта—Потсдам: Сборник документов. М., 1967.

Мемуары

Александров В. На чужих берегах. М., 1987.

Арман де Коленкур. Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991.

Беляевский В.А. Вторая мировая война. Роль казачества в этой войне и трагедия такового. 1939—1945 гг. Сан-Пауло, 1963.

Брусилов А.А. Мои воспоминания М.1983.

Васильев Н. Записки юного казака // В сб.: Война и судьбы. Под ред. Н.С. Тимофеева. Невинномысск, 2002.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. М., 1991.

Донсков П.Н. Дон, Кубань и Терек во Второй мировой войне // В сб. Трагедия казачества. М. 1993.

Дудников В.С. Воспоминания старого казака о пережитом и размышления о настоящем//в сб. Материалы по истории русского освободительного движения 1941—1945 под общ. ред. А.В. Окорокова. Вып. 1. М., 1997.

Ермолов А.П. Записки 1798—1826. М., 1991.

Ильина Н.И. Дороги и судьбы: автобиографическая проза. М., 1985.

Кромиади К. За землю, за волю. Сан-Франциско, 1980.

Казанцев А. Третья сила. М., 1994.

Казачья Голгофа. Предательство в Тирольских Альпах (сборник воспоминаний) / Сост. К.Н. Хохульников. Ростов н/Д.

Краснов Н. Незабываемое. М., 2002.

Краснов П.Н. Всевеликое Войско Донское//Архив русской революции. М., 1991.

Ленивов А.К. Под Казачьим знаменем. Эпопея Казачьего Стана под водительством Походных атаманов Казачьих Войск С.В. Павлова и Т.И. Доманова в 1943—1945 гг. Материалы и документы. Мюнхен, 1970 // Кубанец. 1993. № 1—4.

Мейснер Д.И. Миражи и действительность: Записки эмигранта. М., 1966.

Польская Е.Б. Это мы, Господи, пред Тобой... Невинномысск, 1995.

Поляков И.А. Краснов—Власов. Нью-Йорк, 1959.

Сборник воспоминаний Русский корпус на Балканах во время II Великой войны 1941—1945: Сборник воспоминаний / Под ред. Д.П. Вертепова. Нью-Йорк, 1963.

Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930—1950 годы. М., 2003.

Трагедия казачества: Воспоминания белых генералов. М., 1994.

Шостаковский П.П. Путь к правде. Минск, 1960.

Штрик-Штрикфельдт В.К. Против Сталина и Гитлера. М.1993.

Фрелих С. Генерал Власов. Кельн, 1990.

Федоров Н.В. От берегов Дона до берегов Гудзона. Ростов н/Д, 1994.

Черкассов К. Генерал Кононов: ответ перед историей за одну попытку. Т. 1—2. Мельбурн, 1963.

Литература

1. *Александров К.М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944—1945. Спб., 2001; Казачество России в 1941—1943 гг: Неизвестные страницы истории//Новый часовой. 1995. №3; Трагедия русского казачества 1943—1944// Новый часовой. 1996. № 4; Казачество России во Второй ми-

ровой войне: к истории создания Казачьего Стана (1942—1943)// Новый часовой. 1997. № 5.

Агафонов О.В. Казачьи войска Российской империи. М. 1995.

Благова Г.Ф. Исторические взаимоотношения слов «казак» и «казах». В кн. «Этнонимы». М., 1970.

Бугай Н.Ф. Казачество России: отторжение, признание, возрождение. М.2000.

Бетелл Н. Последняя тайна. М., 1992.

Великая гражданская война 1941—1945. Автор-составитель И.В. Дьяков. М.2002

Гордеев А.А История казаков Ч. 1—3. М.1991.

Дробязко С., Каращук А. Восточные легионы и казачьи части в вермахте. М.,1999;*Дробязко С.* Казачьи части в составе вермахта. В сб.: Материалы по истории русского освободительного движения 1941—1945. Вып. 1. М., 1997; Казаки и атаманы // В сб.: Русские без отечества. Очерки антибольшевистской эмиграции 20—40-х гг. М. 2000.

Ершов В.Ф. Российская военно-политическая эмиграция в 1920—1945 гг. М., 2003.

Заседателева Л.Б. Терские казаки. М., 1974

За други своя или Всё о казачестве. М., 1993.

Казачья сотня. Москва.1996. *Куценко И.Я.* Кубанское казачество. Краснодар, 1993.

Катусев А.Ф., Оппоков В.Г. Движение, которого не было // ВИЖ. 1991. № 7.

Колесник А. Грехопадение. Генерал Власов и его окружение. Харьков, 1991.

Короленко П.П. Предки Кубанских казаков на Днепре и Днестре. Екатеринодар, 1900.

Куценко И.Я. Кубанское казачество. Краснодар, 1993.

Кириенко Ю.К. Казачество в эмиграции: споры о его судьбах (1921—1945) // Вопросы истории. 1996. №10.

Кубанские станицы. М., 1967.

Квицинский Ю. Генерал Власов: Путь предательства. М., 1999.

Казачий словарь-справочник. В 3-х томах. Под ред. А.И. Скрылова, Г.В. Губарева. Сан-Ансельмо, 1968—1970.

Казачья униформа в двух великих войнах // Сост. А.Н. Азаренков. М. 2002.

Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942—1943). Майкоп, 2000.

Ковалев Б.Н. Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России 1941—1944. Великий Новгород, 2001.

Колесник А. Грехопадения. Харьков, 1991.

Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации. Ростов н/Д, 2003.

Максимов Е.Д. Терское казачье войско. Владикавказ, 1890.

Мюллер Н. Вермахт и оккупация. М., 1974.

Мельников Д., Черная Л. Преступник номер 1. Нацистский режим и его фюрер. М., 1991.

Национальная политика России: История и современность. М., 1997.

Неотвратимое возмездие: По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. М., 1984.

Окороков А.В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М., 2000; Казаки и Русское освободительное движение. В сб.: Материалы по истории русского освободительного движения 1941—1945. Вып. 1. М., 1997; Русская эмиграция 1920—1990. М., 2003.

Потто В.А. «Два века Терского казачества». Владикавказ, 1912.

Писарев С. Трёхсотлетие Терского казачьего войска. 1577—1877. Владикавказ, 1881.

Похлебкин В.В. Великая война и несостоявшийся мир. М., 1997.

Прянишников Б. Незримая паутина. ОГПУ-НКВД против белой эмиграции. М., 2004.

Пожарский Б. Пораженчество 1941—1945 гг. Новый журнал New York XVIII, 214.

Решин. Л. Коллаборационисты и жертвы режима//Знамя. 1994. 8 августа.

Русские без отечества. Очерки антибольшевистской эмиграции 20—40-х годов. М., 2000.

Ратушняк О.В. Донское и кубанское казачество в эмиграции. 1920—1939 гг. Краснодар, 1997.

Раев М. Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции. 1919—1935. М., 1994.

Родзаевский К. Завещание русского фашиста. М., 2001.

Савельев Е.П. Казаки. История: В 3 т. Владикавказ, 1991 год.

Сталинград. Событие, воздействие, символ. М., 1994.

Стефан Д. Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции 1925—1945. М., 1992.

Семиряга М.И. Коллаборационизм. М., 2000.

Соцков Л.Ф. Неизвестный сепаратизм. На службе СД и Абвера. Из секретных досье разведок. М., 2003.

Смирнов А.А. Казачьи атаманы СПб, М., 2002.

Толстой Н. Жертвы Ялты. М. 1996.

Табунщикова Л.В. Донские антисоветские казачьи структуры и

Германия в 1918 и 1941—1945 годах. Дисс...канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2003.

Толстой Л.Н. Кавказский пленник. Казаки. Казань, 1984.

Фоулер Дж., Чаппел М. Кавалерийские части Германии и ее союзников во Второй мировой войне. 1939—1945. М., 2003.

Чуев С. Проклятые солдаты. Предатели на стороне III Рейха. М. 2004.

Шамбаров В.Г. Государство и революция. М., 2001.

Худобородов А.Л. Российское казачество в эмиграции (1920—1945 гг.): социальные, военно-политические и культурные проблемы. М., 1997.

Хоффманн Й. История власовской армии. Париж, 1990.

Цурганов Ю. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001.

Щербина Ф.А. История кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910.

Энциклопедия Третьего рейха. М., 1999.

Литература на иностранном языке

Bender P.J. Taylor H.P. Uniforms, organization & history of the Waffen — SS. San Jose, 1986.

Kern E. General von Pannwitz und seine Kosaken. Gottingen. 1963.

Dallin A. German rule in Russia 1941—1945: A study of occupation policies. London — New York, 1957.

Littlejohn D. Foreign legions of the Third Reich. — San Jose (Cf-lif.), 1987.

Littlejohn D. The patriotic traitors. A history of collaboration in German occupied Europe. London, 1972.

Longworth P. The Cossacks. Constable, 1969.

Mollo A. German uniforms of the World War II. London, 1976.

Cooper M. Nazi war against soviet partisans. New York, 1979.

Hoffmann J. Die Ostlegionen 1941—1943. Freiburg, 1976.

Hoffmann. Die Kaukasien 1942/1943: Das deutsche Heer und die Ostvolker der Sowjetunion. Freiburg, 1991.

Pickalkiewicz. The cavalry of World War II. London, 1986.

Newland S. Cossacks in the German army 1941—1945. London, 1991.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Часть 1. КАЗАЧЬЯ ЭМИГРАЦИЯ 1941—1945 гг.

Глава 1. Истоки и развитие идеологии казачьего коллаборационизма в эмиграции 24

Глава 2. «Да поможет Господь немецкому оружию и Хитлеру» 71

Глава 3. ГУКВ: казачье правительство рухнувших надежд . . . 121

Глава 4. Казачья эмиграция и русское освободительное движение 141

Приложение 1.1

Обращение к казакам и всем эмигрантам из России генерал-лейтенанта Е.И. Балабина по случаю нападения Германии на СССР 160

Приказ Донского атамана М.Н. Граббе 162

Приложение 1.2

Воззвание полномочного представителя КНОД в Словакии Д. Еременко по случаю начала войны 163

Обращение к казакам генерал-майора И. Коноводова, представителя КНОД во Франции 164

Воззвание руководителя КНОД В. Глазкова от 15 октября 1941 года, посвященное вступлению «Победоносной Германской и союзных с ней Армий на казачьи земли» 165

Приложение 1.3. Меморандум Германскому правительству и командованию вермахта от имени Общеказачьего объединения в Германской империи 166

Приложение 1.4. Переписка генерала П.Н. Краснова с атаманом Общеказачьего объединения в Германской империи Е.И. Балабиным 168

Приложение 1.5. Статут Казачьего Национального Движения . . 173

Приложение 1.6. Информация об эмиграции во Франции. Письмо Е. Гетьмана руководителю КНОД В. Глазкову (конец 1943 года) 177

Приложение 1.7. Резолюция и специальная «Записка о казачестве о входе в КОНР», принятая на собрании станичных атаманов Объединения казаков в Германии и представителей казачества от 25 ноября 1944 года 179

Приложение 1.8.

Открытое письмо атамана П.Н. Краснова генералу А.А. Власову от 16 марта 1945 года 183

Ответ на открытое письмо П.Н. Краснова от Казачьего Управления при КОНР 28 марта 1945 года 185

Часть 2. ПОЛИТИКА НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К КАЗАЧЕСТВУ 1941—1945 гг.

Глава 1. Казачество в планах нацистского руководства 188
Глава 2. Теория о «казаках-арийцах», или Как казаки стали «особым народом» 201
Глава 3. Оккупационная политика Германии на территории Дона, Кубани и Терека 207
Глава 4. Советская разведка и казачьи антисоветские организации 236
Глава 5. «Независимая Казакия» на Кубани и итоги оккупации 260
Глава 6. Изменение немецкой «восточной политики» и декларация о казачьей независимости 268
Глава 7. Организация казачьей жизни на Украине, в Белоруссии и в Северной Италии 276
Приложение 2.1. ЛЕНИВОВ А.К. Казакия — «перекресток истории народов» 291
Приложение 2.2. Декларация Войска Донского 295
Приложение 2.3. Вопросы, подлежащие обсуждению «Комиссии по казачьим делам при Представительстве Штаба Войска Донского в Ростове» 23 января 1943 года 296
Приложение 2.4. Обращение к населению Кубани инициативной Группы Возрождения Кубанского Казачьего Войска 298
Приложение 2.5
Декларация Германского правительства 299
Обращение П.Н. Краснова к казакам 300
Обращение лидеров КНОД (Казачье национально-освободительное движение) к казакам 302

Часть 3. КАЗАЧЬИ БОЕВЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ В СОСТАВЕ ВЕРМАХТА, ПОЛИЦИИ И СС 1941—1945 гг.

Глава 1. Причины и принципы создания и классификация изменнических формирований на территории Советского Союза 306
Глава 2. Создание и судьба первых боевых казачьих частей на Восточном фронте 327
Глава 3. Организация казачьих частей вермахта на Украине 368
Глава 4. Образование казачьих боевых формирований на Дону, Кубани и Тереке 390
Глава 5. Эпопея Казачьего Стана под водительством Походных атаманов С.В. Павлова и Т.И. Доманова в 1943—1945 гг. 414
Глава 6. 1-я казачья кавалерийская дивизия генерала Гельмута фон Паннвица 452
Глава 7. 15-й казачий кавалерийский корпус СС 504
Глава 8. Казаки в Русском охранном корпусе на Балканах 517

Приложение 3.1. Приказ начальника Генерального штаба генерал-полковника сухопутных войск Ф. Гальдера № 8000/1942 «Положение об использовании местных вспомогательных сил на Востоке» 540
Приложение 3.2
Памятка об охране советских военнопленных 542
Приказ начальника Генерального штаба генерал-полковника сухопутных войск К. Цейтцлера № Р/500/43 «Местные вспомогательные силы на Востоке — добровольцы» 543
Приложение 3.3. Присяга казаков на верность Адольфу Гитлеру . . . 544
Приложение 3.4. Первые встречи (заметки корреспондента А.М.) . . 545
Приложение 3.5. Письмо начальника Пролетарского районного управления Ростовской области Агапова старшине Буденновской волости того же района 547
Приложение 3.6
Организация пластунского казачьего полка 548
Из истории военной организации таборитов 549
Приложение 3.7. Немец с русским сердцем (Доброй памяти генерала Гельмута фон Паннвица) 549
Приложение 3.8. Из истории формирования 1-й казачьей дивизии 550
Приложение 3.9. Казачьи песни времен Второй мировой войны 552
Приложение 3.10. Казаки против балканских банд 554
Приложение 3.11. Приказы из архива 1-й казачьей дивизии . . . 556
Приложение 3.12
Приказ начальника Казачьего резерва генерал-лейтенанта А.Г. Шкуро от 5 сентября 1944 года (Обращение к казакам) 559
Приказ начальника Главного управления Казачьих Войск генерала П.Н. Краснова № 15 «О формировании казачьего корпуса и задачах Казачьего Стана» 561

Часть 4. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Глава 1. Униформа казачьих частей вермахта 564
Глава 2. Награды для «восточных народов» 573
Приложение 4.1. Воинские звания в казачьих военных формированиях 585
Приложение 4.2. Положения по вопросу о награждении знаками отличия за храбрость и за особые заслуги лиц, принадлежащих к восточным народностям 586
Приложение 4.3. Объявление Верховным командованием Германских Вооруженных сил постановления фюрера о порядке награждения добровольцев «Железным крестом» и «Крестом Военных Заслуг» 588
Приложение 4.4. Генерал Гельмут фон Паннвиц о награждении казаков немецкими наградами 589

Вместо эпилога 591
Библиография 598

Петр Крикунов

КАЗАКИ. МЕЖДУ ГИТЛЕРОМ И СТАЛИНЫМ

Редактор *В. Лебедева*
Художественный редактор *П. Волков*
Компьютерная верстка *Е. Кумшаева*
Корректор *А. Васина*

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15
Для корреспонденции:
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, к. 5.
Тел.: (095) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д.1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12 (м. «Сухаревская»,ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: **sale@eksmo.com.ua**

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.04.2004.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 31,92. Тираж 5 000 экз. Зак. № 1324

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО "Тульская типография".
300600, г. Тула, пр. Ленина,109 .

В книге Петра Крикунова впервые в отечественной историографии предпринята попытка на конкретном историческом материале воссоздать полномасштабную картину участия казаков во Второй мировой войне на стороне Германии.

В книге рассказывается о тех казаках, кто по тем или иным причинам оказался по другую сторону от защищавшего свою Родину и весь мир советского народа. Всем им пришлось расплатиться за свое вольное или невольное, но все же предательство. Многие из них умерли в советских лагерях, часть погибла от лишений и унижений в послевоенной эмиграции, некоторые продолжили свой «крестовый поход против большевизма», став членами новых казачьих партий и группировок, которые создавались под покровительством западных разведок. Почти все они понесли одинаковое и самое страшное для любого казака наказание – на многие десятки лет, а некоторые и навсегда потеряли возможность увидеть свой любимый «тихий Дон, светлую Кубань и бурный Терек».

ЯУЗА

ISBN 5-699-09841-0

9 785699 098415